

А. Т. Харчевников

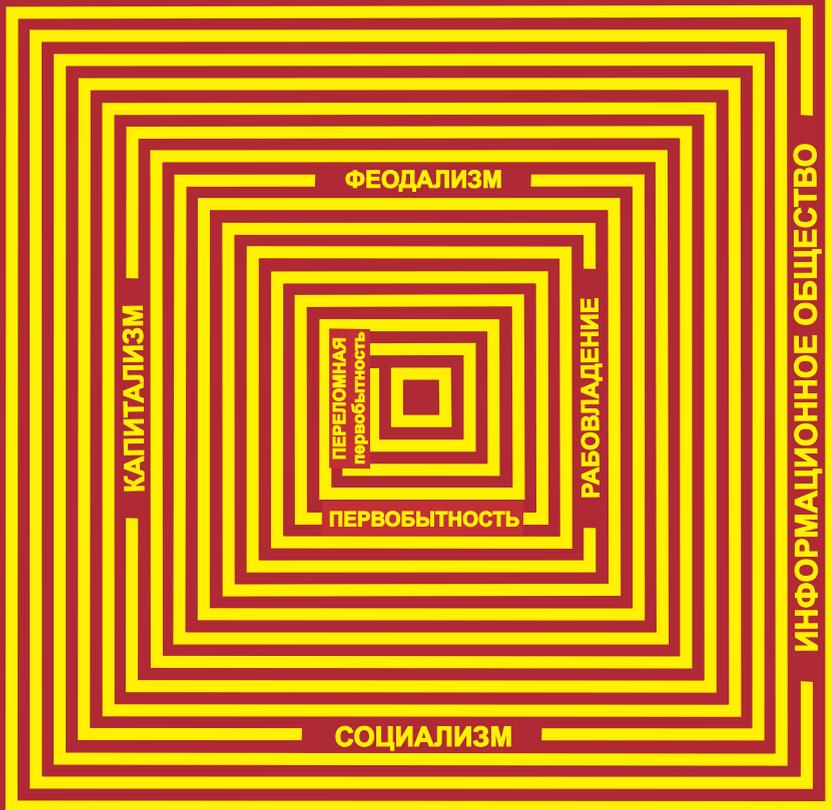

ТЕОРИЯ
ОБЩЕСТВА ЗНАНИЯ

А. Т. Харчевников

Теория Общества знания

Переход от Информационного общества к Обществу знания — обществу будущего

А. Т. Харчевников

ТЕОРИЯ ОБЩЕСТВА ЗНАНИЯ

**Переход
от Информационного общества
к Обществу знания –
обществу будущего**

URSS

МОСКВА

Харчевников Александр Тимофеевич

Теория Общества знания: Переход от Информационного общества к Обществу знания — обществу будущего. — М.: ЛЕНАНД, 2015. — 632 с.

Эта книга посвящена различным проблемам, связанным с пониманием предстоящих исторических перемен в восходящем развитии общества. По широко распространенному мнению речь идет не просто об информационном обществе, а о так называемом «Обществе знания», в котором главной ценностью, смыслом и богатством является участие и принадлежность к общественному познанию. По сути это научный очерк о грядущей эпохе глобальных социальных перемен в действительной жизни современного человечества, об эпохе знания.

Нынешняя информатизация общества, внешне проявляющаяся в тотальном техническом перевооружении на основе современной информационной и компьютерной техники и соответствующих технологий, ведет не просто к коренной смене самого исторического способа производства и воспроизводства действительной жизни, а к новой постиндустриальной эпохе господства знания. Но это есть всего лишь текущая доминанта развития современного социума, тогда как в данной работе затрагиваются горизонты, по историческим меркам, весьма отдаленной перспективы социального развития общества.

Эти перспективы в историческом плане сродни сегодняшнему революционному переходу от капитализма к социализму в рамках уходящей в прошлое индустриальной эпохи. Уже слышен гул поистине тектонических сдвигов в социологии будущих общественных перемен последующей эпохи знания, «ранее никогда не бывшей», эпохи перехода от градации «Информационное общество» к градации «Общество знания».

В основе этого понимания лежит современная фундаментальная социологическая теория развития общества А. С. Шушарина «Полилогия современного мира. (Критика запущенной социологии)».

С другой стороны, в данной работе, так или иначе, изложены и основные положения метатеории «Полилогии...», что представляет для заинтересованного читателя уникальную возможность получить самое общее базовое представление о теории, которая генерализирует знаменитое учение К. Маркса «Капитал», включает его в себя как составную часть.

И хотя будущие общественные перемены еще массово не завладели умами и не стали чаяниями граждан современного общества, знание о них актуально и сегодня, ибо только правильное понимание трендов, происходящих в социуме перемен, способно проложить объективно выверенный путь в будущее.

Наконец, данный труд — это попытка продемонстрировать возможности метатеории полилогии, заглянуть в будущее строго на научной основе, дать представление о «тощем тренде» социального развития и скупое конструктивное социальное видение этого будущего.

Формат 60х90/16. Печ. л. 39,5. Зак. №

Отпечатано в ООО «ЛЕНАНД». 117312, Москва, пр-т Шестидесятилетия Октября, 11А, стр. 11.

ISBN 978-5-9710-1536-9

© ЛЕНАНД, 2014

Посвящается моим родителям и семье.

– Спасибо, без вас не было бы и этого труда.

К читателям...

Данная работа является попыткой дальнейшего развития идей, изложенных в современной социологической метатеории развития общества А. С. Шушарина «Полилогия современного мира. (Критика запущенной социологии)».

Эта мировоззренческая теория не только укрепила моё личное понимание жизни, но и способствовала более широкому и глубокому осознанию основных законов её общественного развития. На это основе стали очевидны и понятны многие явления и коллизии современной общественной жизни, что в значительной мере обеспечило устойчивость, определённую, уверенность и ясность в собственной социальной позиции, почувствовать, несмотря на все невзгоды и трагедии нашего бурного времени, что «действительная жизнь» прекрасна и удивительна.

Многие дни и месяцы, посвящённые изучению и освоению этой теории, до сих пор воспринимаются мною как самые счастливые мгновения мирозерцания, а огромный научный потенциал Полилогии и сегодня дарит неоценимые моменты всё новых и новых открытий, давно уже превысивших и преодолевших собственные рамки этой удивительной метатеории.

Желаю также и читателям настоящего изложения некоторых основных положений Полилогии и попыток заглянуть в будущее испытать это несравненное наслаждения от познания и понимания «действительной жизни» нашего общества и человечества.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.....	15
<i>Глава 1</i>	
Введение в «Полилогию...».....	17
<i>Глава 2</i>	
Алгоритм восходящего эндогенного развития социума. <i>Дальнейшее развитие полилогических основ метатеории «Полилогия».....</i>	59
<i>Глава 3</i>	
После информационного общества... <i>Закон конца градации «Информационное общество» и сброс покровов тайн с «предшественного», информационного, способа производства.....</i>	103
<i>Глава 4</i>	
Исторические корреляции общественного развития. <i>О развитии отношений собственности; некоторые закономерности исторически восходящей последовательности социально-воспроизводственных градаций и их атрибутов.....</i>	201
<i>Глава 5</i>	
Познание. <i>От информации через познание к знанию.....</i>	247
<i>Глава 6</i>	
Общество знания. <i>Политическое общественное познание (Политическая когнитивность).....</i>	385
<i>Глава 7</i>	
Об экзогенной логике и гуманизме.....	613
ПРИЛОЖЕНИЯ	
<i>Приложение 1</i>	
Таблица П1. Чистые эндогенные формы.....	620
<i>Приложение 2</i>	
Таблица П2. Типология объектов производства и воспроизводства действительной жизни.....	623

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	15
Глава 1	
Введение в «Полилогию...»	17
1.1. Что есть «действительная жизнь» и как она отображена в «Полилогии...».....	21
1.2. Метатеория «Полилогия...» и «Капитал».....	31
1.2.1. Категориальное поле «Полилогии...».....	32
1.2.2. Сравнительный анализ категорий	37
1.2.3. Преодолевающий сдвиг исторического революционного развития общества.....	41
1.2.4. О месте гомогенного «Капитала» в гетерогенном развитии современного общества	43
1.3. О грациях и механизме перехода от одной градации к другой.....	45
1.3.1. Доминирование, бифуркация и главная последовательность восходящего развития.....	45
1.3.2. Полилогическая трактовка традиционной «пятичленки» эндогенного развития общества.....	48
1.4. Отношения собственности, обобществление и становление инфраструктуры общества.....	49
1.5. Противоречия общественного развития	51
1.5.1. Основные (базовые) противоречия и прочие противоречия непропорционального и негармоничного развития общества.....	51
1.5.2. О ЧЭФ и «технологических укладах».....	54

Глава 2

Алгоритм восходящего эндогенного развития социума.

<i>Дальнейшее развитие полилогических основ метатеории «Полилогия»</i>	59
2.1. Эпоха как целостный шаг восходящего развития социума по сложности.....	60
2.2. Особенности типовых «процедур» восходящего развития социума по сложности.....	65
2.3. О движущей силе частной собственности	68
2.3.1. От градации к градации.....	68
2.3.2. О «логике истории»	72
2.4. На высоком уровне абстракции	73
2.4.1. Первое приближение к «Обществу знания».....	73
2.4.2. Алгоритм «конструирования» новой градации.....	78
2.5. Историческая спираль восходящего развития общества	80
2.5.1. Видимый горизонт развития общества	80
2.5.2. Восходящее развитие по спирали.....	84

Глава 3

После информационного общества.

<i>Закон конца градации «Информационное общество» и сброс покровов тайн с «предшествующего», информационного, способа производства.....</i>	103
3.1. На пути к «Обществу знания»	104
3.1.1. Информационное общество – первая фаза эпохи знания.....	104
3.1.1.1. Философия «информации»	104
3.1.1.2. Информация в «Политической информатике». Контент	107
3.1.1.3. Информационное взаимодействие (симметрия).....	108
3.1.1.4. Основная знаковая форма	121

3.1.1.5. Закон ценности и интегративный закон обмена общественным богатством.....	131
3.1.1.6. Превращение торрентов в трекерс	134
3.1.1.7. Интеллектуальная сила как контент.....	137
3.1.1.8. Производство приращённой ценности.....	139
3.1.1.9. Общее равновесие в градации «Информационное общество»	145
3.1.1.10. Отношения собственности и информационное принуждение	146
3.1.1.11. Доминирующий процесс ЧЭФ в формуле «Информационного общества»	148
3.1.2. Второе приближение	150
3.2. Вначале было общее равновесие	155
3.2.1. Об общем равновесии.....	155
3.2.2. К характеристике структуры (состав и отношения) информационного производства	158
3.2.3. О других характеристиках структуры производства	163
3.3. Закон конца информационного способа производства	166
3.3.1. И снова тысячи «Лассалей» нового типа	167
3.3.2. О многообразии сложных обстоятельств обобществления информационного пространства.....	170
3.3.3. Об учёте всего многообразия сложных обстоятельств обобществления контента информационно-коммуникационных средств производства	180
3.3.4. Об общественном познании как высокой форме дисциплины интеллектуальной деятельности.....	182
3.3.5. О знании и познании – конец информационному неравенству и информационной недостаточности	184
3.4. Возможен ли переход непосредственно к «Обществу знания»?.....	197

Глава 4

Исторические корреляции общественного развития.

О развитии отношений собственности; некоторые закономерности исторически восходящей последовательности социально-воспроизводственных градаций и их атрибутов201

4.1. Историческая эпоха как целостная мера восходящего развития общества..... 202

4.2. Историческое развитие частных отношений собственности208

4.2.1. Частные отношения собственности в информационной и интеллектуальной жизнедеятельности общества209

4.2.2. Доминирующий базовый объект-предмет как типологический фактор исторического развития частных отношений собственности. *Восходящий тренд развития частных отношений собственности*.....218

4.3. Историческое развитие группо-иерархических отношений собственности. *«Общество знания» как образ вечной мечты человечества XXI века*232

Глава 5

Познание.

От информации через познание к знанию247

5.1. Познание и структура действительной жизни общества250

5.2. Философия понимания «познания».....254

5.2.1. Познание как процесс256

5.2.2. Познание в современном философском анализе258

5.2.2.1. Знание как элемент и результат познавательной деятельности260

5.2.2.2. О чувственном и рациональном в познании263

5.2.2.3. Понятие в языке и в познании	270
5.2.2.4. Абстракции, творчество и интуиция	272
5.2.2.5. Объяснение и истинность в познании	277
5.2.3. Познание как особая форма движения материи	283
5.2.3.1. Физиология познания	286
5.2.3.2. Управление функциями в живых организмах	287
5.2.3.3. Интегративная деятельность головного мозга человека. Физиологические механизмы памяти	289
5.2.3.4. Основы психофизиологии. Нейрофизиологические основы психической деятельности	291
5.2.3.5. Психофизиология процесса принятия решения	296
5.2.3.6. Сознание	299
5.2.3.7. Мышление	301
5.2.3.8. Вторая сигнальная система	303
5.2.3.9. Принцип вероятности и «размытости» в высших интегративных функциях мозга	308
5.2.3.10. Физиологическая характеристика умственного труда	310
5.2.3.11. Познание как особая форма движения материи	313
5.2.4. Познание - идеальный объект-процесс действительной жизни	317
5.2.5. Познание — это идеальная форма отображения мира нашим сознанием	332
5.2.6. Атрибутивные свойства процесса общественного познания в обществе	337
5.2.7. Логика мышления	339
5.2.7.1. Роль мышления в познании	340
5.2.7.2. Понятие о форме и законе мышления	341

5.2.7.3. Понятие как форма мышления.....	345
5.2.7.4. Логические операции с понятиями.....	348
5.2.7.5. Суждение как форма мышления. Суждение и предложение	350
5.2.7.6. Дедуктивные умозаключения. Умозаключение как форма мышления.....	353
5.2.7.7. Индуктивные умозаключения.....	354
5.2.7.8. Умозаключения по аналогии	356
5.2.7.9. Аргументация и доказательство	357
5.2.7.10. Понятие гипотезы	360
5.3. «Политическое познание» как процесс «общественного мышления»	362
5.3.1. Общественный интеллект и логика общественного мышления	363
5.3.2. Метод политического познания и полилектика современного мира	367
5.3.3. Основы простой полилектики.....	373
5.3.4. О категориях и законах политического познания	382

Глава 6

Общество знания.

Политическое общественное познание

<i>(Политическая когнитивность)</i>	385
6.1. Полилогический объект доминирующих отношений собственности нового общества - «Общества знания»	385
6.2. Общественное познание как воспроизводственный процесс исторического развития.....	392
6.3. Общество знания – это, прежде всего, когнитивный способ производства.....	397
6.3.1. Базовый объект и образ собственности на «общественное познание».....	397
6.3.2. Общественное познавательное взаимодействие (симметрия).....	406

6.3.2.1. ЧЭФ «общественное познание».....	408
6.3.2.2. Разделение интеллектуальной деятельности и труда в процессе общественного познания	415
6.3.2.3. Основные понятия процесса логического соответствия исследований.....	418
6.3.2.4. Извечные коллизии вокруг сложного труда	427
6.3.2.5. О полилогической эффективности процессов жизнедеятельности современного общества	439
6.3.2.6. Промежуточная форма «закона положения исследований».....	441
6.3.2.7. Иерархия руководства общественным познанием; знаковая сфера	444
6.3.2.8. Полная форма закона положения исследований.....	465
6.3.2.9. Статусы исследований: неявная, но основная знаковая форма.....	475
6.3.2.10. Равновесное состояние в общественном познании	484
6.3.2.11. Генезис общественного познания.....	491
6.3.2.12. Групповой фетишизм и первые соображения о мифах вокруг «коллективизма».....	494
6.3.3. Отношения собственности на «общественное познание»	497
6.3.3.1. Таинства собственности на «общественное познание»	497
6.3.3.2. Логическая структура собственности	503
6.3.3.3. Основное производственное отношение (явление).....	507
6.3.3.4. Основная материальная архитектура и организационные формы собственности.....	520
6.3.3.5. О «монополизме» и «конкуренции».....	523

6.4. Сущность формы производства «общественное познание»	527
6.4.1. Революционная теория отжившей формы производства	527
6.4.2. Формула исследовательского статусного обращения	532
6.4.3. О «цели» общественного познания как производства.....	535
6.4.4. Основной закон общественного познания.....	548
6.5. О полной форме градации «Общество знания»	559
6.5.1. Контуры снятых деформаций	559
6.5.1.1. Деформация «информационных отношений».....	561
6.5.1.2. Деформация «экономических отношений» и «странность денег».....	562
6.5.1.3. Территориальная деформация	569
6.5.1.4. Демографическая деформация.....	572
6.5.1.5. «Предельная», культурно-родовая деформация	574
6.5.2. Об общем равновесии.....	576
6.6. Закон конца общества знания	580
6.6.1. И снова – «тридцать пять тысяч одних... «Лассалей» совершенно нового типа»	581
6.6.2. Революционный рывок в обобществлении процесса общественного познания.....	585
6.6.3. Об учёте всего многообразия сложных обстоятельств обобществления общественного познания	592
6.6.4. О философии мышления и философском мышлении.....	594
6.7. Формула «Общества знания».....	602

Глава 7

Об экзогенной логике и гуманизме	613
7.1. Об экзогенной логике развития человечества.....	613
7.2. Гуманизм.....	615

ПРИЛОЖЕНИЯ**Приложение 1**

Таблица П1. Чистые эндогенные формы.....	620
--	-----

Приложение 2

Таблица П2. Типология объектов производства и воспроизводства действительной жизни	623
---	-----

Предисловие

В 2005-2006 годах вышла в свет пятитомная фундаментальная критическая социологическая теория развития общества А. С. Шушарина «Полилогия современного мира. (Критика запущенной социологии)». Знакомство с этой теорией позволило наиболее полно и чётко получить ответы на многие вопросы современной общественной жизни, поставить собственное мировоззрение на более высокий научный уровень понимания общественного развития.

В последующем, в ряде публикаций в «Экономической и философской газете», мною, на основе «Полилогии...», был дан развёрнутый анализ различных жизненных коллизий текущего развития не только нашего общества, но и некоторых международных процессов. Одновременно, участие и знакомство с дискуссиями, проходящими на страницах различных форумов в сети Интернет, по вопросам исторического развития современного социума, выявило значительное различие как в понимании сущности общества будущего, так в самом научном представлении о характере посткапиталистического и постсоциалистического развития общества.

Всё это и побудило к подготовке достаточно структурированного изложения основ будущей эпохи, основанной на информационном способе производства с последующим переходом к способу производства, который базируется на знаниях, на доминировании знаний во всех сферах общественной жизни общества, суть которого – познание, во всей его нескончаемой и необъятной широте и глубине.

Новое видение будущего на полилогической основе, позволило ещё в большей степени убедиться в фундаментальности основ метатеории «Полилогия...», а достигнутая степень обобщения логики полилогии неудержимо влекла к реализации прогностической функции этого научного воззрения на природу общества и его историческое развитие в самом общем, абстрактном, виде.

Несмотря на внутренние «запреты» теоретического описания того, что «никогда не было», автором данной работы, в продолжение к ранее изложенному эскизу теории «Информационного общества», опубликованному в 2013 году в книге «Теория Информационного общества: О революционном переходе от капитализма и социализма к новой формации», предлагается набросок основных положений уже «Общества знания». Это позволяет не только заглянуть в далёкое завтра, но и ещё более полно овладеть полилогическими основами самой фундаментальной метатеории А. С. Шушарина «Полилогия современного мира...».

Последнее способствует в определённой степени подготовке широкой аудитории читателей к непосредственному знакомству с полным изложением теории «Полилогия...», что ввиду её огромного объёма (более 3000 страниц), даже для подготовленных читателей представляет определённые трудности.

Одновременно, в целях поддержания высокой академической планки изложения основ теории, пришлось иногда прибегать к развёрнутому цитированию. Это в какой-то степени подготовит и настроит читателя на более углубленное изучение фундаментального труда А. С. Шушарина «Полилогия...», разумеется, если в этом возникнет необходимость.

Так же следует особо отметить, что, следуя ранее заложенной традиции, каждая глава создавалась как во многом самостоятельное и автономное изложение. В то же время некоторое повторение базовых основ теории «Полилогия...» при анализе разнообразных ситуаций действительной жизни в этих материалах позволяет успешно освоить и закрепить основные положения теории.

Для знакомства с многочисленными аспектами применения этой теории, вплоть до дальнейшего развития её теоретических положений, приглашаю уважаемых читателей на созданный с этой целью сайт в сети Интернет по адресу:

[HTTP://WWW.POLILOGIY.NAROD.RU](http://WWW.POLILOGIY.NAROD.RU)

Кроме того, рекомендуется посетить и родственные сайты:

- ✓ <http://www.proza.ru/avtor/polilog>
- ✓ <http://polilogiy.ucoz.com/>
- ✓ <http://polilogia.socionet.ru/>
- ✓ <http://www.shusharin.ru/>

Глава 1

Введение в «Полилогию...»

Более полутора века тому назад, в 1867 году, К. Марксом был опубликован первый том «Капитала». В «Предисловии к первому изданию» К. Маркс пишет: - *«Предметом моего исследования в настоящей работе является капиталистический способ производства и соответствующие ему отношения производства и обмена. <...> ... конечной целью моего сочинения является открытие экономического закона движения современного общества»*. И далее: *«Я смотрю на развитие экономической общественной формации как на естественноисторический процесс»*.

Таким образом, – Маркс, изучая естественные законы развития общества как естественноисторический процесс, концентрирует своё исследование лишь исключительно на *«экономическом движении современного общества»*. Тогда это было общество бурного «экономического движения», а «экономизм» составлял суть этого общества. Он выразительно проявил как свою внутреннюю, «вещественную», природу, так и свой «негатив» в форме, так называемой, «экономической эксплуатации». В то же время он выявил известный всем марксистам тренд своего губительного и критического, а вместе с тем и революционного восходящего развития, - в форме обобществления «средств производства».

Короче, путь познания общества в то время проходил через познание экономического движения - экономических отношений в обществе. И это было обосновано, ибо это было время капитализма с его доминирующим «экономическим» способом производства.

Однако человечество не стояло на месте и в бурном росте восходящего развития, в грохоте канонад и мощного социального протеста Великой Октябрьской социалистической революции 1917 года, разорвало ставшее тормозом «экономическое движение» и на просторах бывшей Российской Империи образовался новый, «ранее никогда не бывший», тип общества. Это было первое общество социализма, которое к 1922 году сформировалось как Союз Советских Социалистических Республик – СССР.

Мощное хозяйственное строительство и грандиозные военные победы, несмотря на разрушительные итоги Гражданский и Великой Отечественной войн, позволили СССР занять достойное место мировой державы. СССР возглавил историческое строительство нового типа общественных отношений в мире и в обществе.

На примере СССР и стран социалистического лагеря весь мир увидел, что общественные отношения в обществе отнюдь не ограничиваются только экономическими отношениями. Таким образом, спустя всего 50 лет после издания первого тома «Капитала» мир начал резко меняться, а уже через столетие он значительно «полевел» в своём развитии и «раскололся» на два лагеря, - социалистический и капиталистический. С той поры уже не только «экономическое движение» определяло тип общества и новый облик ещё разрозненного, расколотого, человечества. В восходящем развитии мир вышел за рамки экономической теории «Капитал» и «Политической экономии». Эстафету восходящего развития принял социализм.

Поэтому совсем не случайно, например, пишет Ф. Энгельс в 1890 году в письме Й. Блоху: *«...Согласно материалистическому пониманию истории в историческом процессе определяющим моментом в конечном счете является **производство и воспроизводство действительной жизни**. Ни я, ни Маркс большего никогда не утверждали. Если же кто-нибудь искажает это положение в том смысле, что экономический момент является будто единственно определяющим моментом, то он превращает это утверждение в ничего не говорящую, абстрактную, бессмысленную фразу»*.

Итак, «экономический момент» даже в марксовом учении о самом капитализме, созданном более 150 лет тому назад как учение об экономическом движении «вульгарного» капитализма середины XIX века, *не является «единственно определяющим моментом»!*

Более того, Энгельс прямо подчёркивает, что «материалистическое понимание истории» есть понимание «в конечном счете» *«**производства и воспроизводства действительной жизни**»*, а отнюдь не только «экономического движения».

В этой связи и по поводу анализа исторических событий классик коммунистической теории Фридрих Энгельс писал:

«...Имеется большое количество перекрещивающихся сил, бесконечная группа параллелограммов сил, и из этого перекрещивания выходит одна равнодействующая – историческое событие. Этот результат можно опять-таки рассматривать как продукт одной силы, действующей как целое бессознательно и безвольно» (Сочинения К. Маркса и Энгельса, изд. 2, т. 37, с. 395-396).

Поэтому далее, характеризуя понимание *«исторического процесса»*, Ф. Энгельс пишет: *«Существует взаимодействие всех этих моментов, в котором экономическое движение как необходимое в конечном счете прокладывает себе дорогу...»*. То есть «Капитал» как учение о капитализме, рассматривает *«экономическое движение»* лишь как **доминирующее**. Другими словами, и в нашем контексте, утверждается лишь о доминировании в градации капитализм «чистого эндогенного процесса» производства и воспроизводства жизни как «экономического». То есть, именно этой экономической чистой эндогенной форме (ЧЭФ) как процессу и посвящён «Капитал» К. Маркса.

Итак, в историческом развитии общества слово сказано, сказано «классиками», и это слово – ***«производство и воспроизводство действительной жизни»***.

Однако, какой момент, какое «движение» доминирует в обществе после капитализма, то есть в обществе социализма, затем в информационном обществе и, наконец, в «Обществе знания»? Какая социальная сила, из множества «перекрещивающихся сил», является главной в каждом типе общества? Какие «движения» являются определяющими в этих типах обществ, какие социальные «силы» и «моменты» знаменуют собой дальнейшее движение общества в восходящем развитии?

На рисунке 1.1. условно и схематично иллюстрируются выше высказанные положения о «параллелограмме сил» в общественном развитии. Однако такая буквальная, практически физическая, трактовка социальных сил и их взаимодействия в обществе не даёт, и не может дать, ответы на поставленные вопросы, ибо весьма удалена от сущностей социально-исторического движения в развитии социума, всей действительной жизни общества.

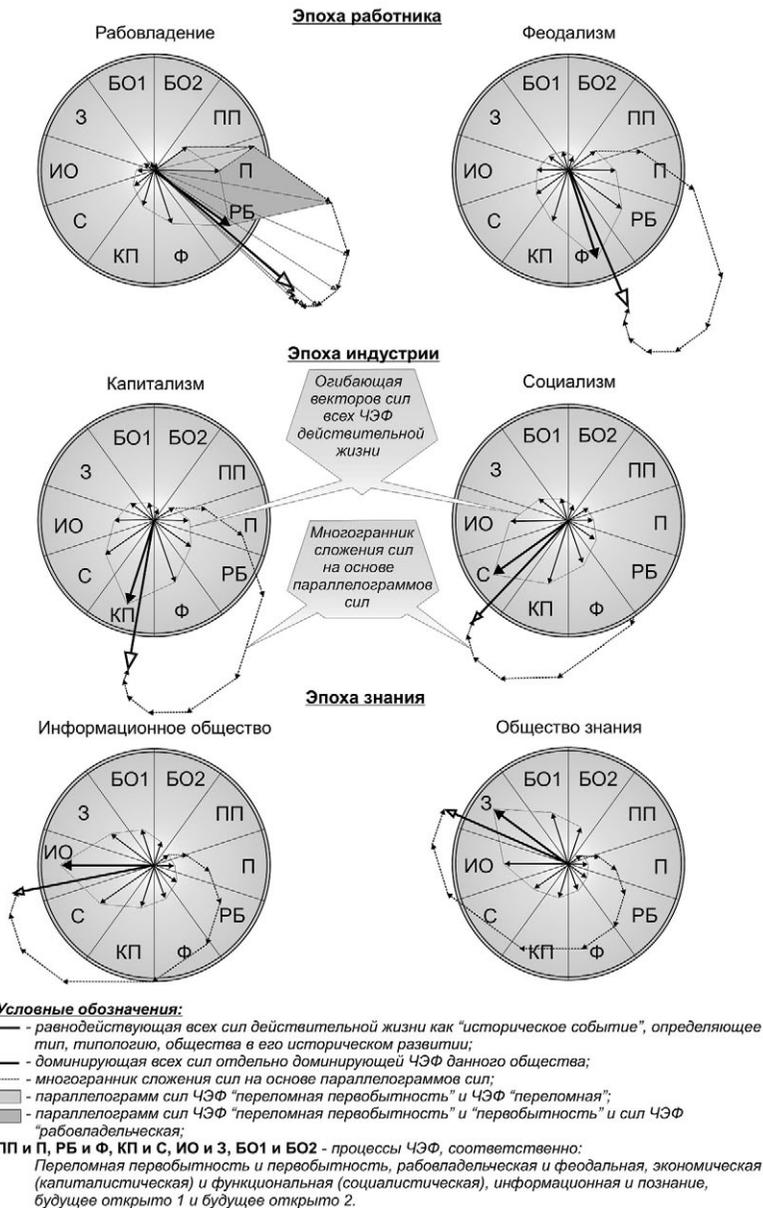

Рис. 1.1. «Бесконечная группа параллелограммов сил» в историческом развитии «производства и воспроизводства действительной жизни»

Ответ на эти вопросы даёт и может дать лишь современная наука, а в частности, - фундаментальная пятитомная социологическая теория развития общества А. С. Шушарина «Полилогия современного мира. (Критика запущенной социологии)». Именно «Полилогия...» рассматривает действительную жизнь, законы её развития во всём их многообразии, в том числе она генерализирует, включает в себя как составную часть, и учение К. Маркса об «экономическом моменте».

1.1. Что есть «действительная жизнь» и как она отображена в «Полилогии...»

Известно, что история развития общества есть история последовательного обобществления всех значимых **объектов действительной жизни**, что собственно и обеспечивает её восходящее развитие по сложности.

В «Полилогии...» действительная жизнь в статике рассматривается как множество следующих типологических объектов жизни (см. рис. 1.2-1):

- «человек» и «общая жизнь»;
 - «работник» и «пространство производства»;
 - «средства производства» и «функции, технологии»;
 - «информация» и «познание»;
- и т.д.

При этом объём понятия "действительная жизнь" раскрывается через логическое деление по признаку (основание деления) "**механизм взаимодействия агентов производства**" при производстве и воспроизводстве конкретных объектов соответствующей типологии как элементов действительной жизни.

Если отобразить развитие общества во времени как восходящее развитие по сложности, то получим следующую монотонно возрастающую кривую (рис. 1.2-2). Эта кривая представляет собой непрерывный единый процесс производства и воспроизводства жизни. Нарастание «толщины» данной кривой как бы символизирует рост мощности воспроизводственного процесса общества.

Базовые объекты ДЖ

Рис. 1.2-1.

Атрибуты объектов

1. Механизм взаимодействия агентов производства ДЖ.
2. Материально-знаковые отношения.
3. Разделение труда.
4. Богатство и ценность.
5. Родовой негатив.
6. Доминирующая собственность (асимметрия).
7. Преодолевающий сдвиг. И др.

Рис. 1.2-3.

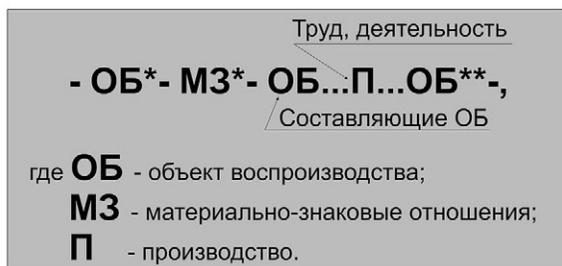
Общая формула-схема воспроизводственного процесса ДЖ

Рис. 1.2-4.

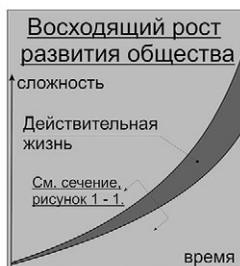

Рис. 1.2-2.

Рис. 1.2. Действительная жизнь общества

В статике состав объектов действительной жизни можно рассматривать как поперечное сечение кривой данного единого процесса жизни, что собственно схематично и представлено на рис. 1.2-1. При этом состав типологических объектов действительной жизни остаётся неизменным для любого момента развития общества.

Каждому из перечисленных типологических объектов соответствует свой способ его воспроизводства, который представляет, так называемую, чистую эндогенную форму (ЧЭФ), по сути, чистый процесс производства и воспроизводства базового объекта данной типологии. В целом, в совокупности, все эти ЧЭФ образуют единый процесс действительной жизни общества (рис. 1.3-2).

Это, можно сказать, есть отображение единого процесса воспроизводства действительной жизни уже в динамике. То есть эту картинку можно рассматривать как продольный срез, как срез-развёртка, графика рис. 1.2-2, отображающего восходящее развитие общества.

Разумеется, что в реальности все слои ЧЭФ, как подпроцессы, тесно переплетены между собой и взаимосвязаны. Однако мы рассматриваем чистые процессы воспроизводства различных типологических объектов (ЧЭФ) как самостоятельные, отдельно происходящие с целью уяснения их внутренней сущности.

Далее, с другой стороны, всем известна знаменитая марксова формула-схема кругооборота товарного капитала:

Т* - Д* - Т (Сп, Рс) ... П ... Т** - и т. д.

Запишем по её подобию аналогичную формулу-схему для всего, в целом, процесса производства и воспроизводства действительной жизни в общем виде на основе следующих атрибутов типологических процессов ЧЭФ, см. рис. 1.2-3. Вот эти атрибуты: базовый объект производственных отношений и отношений собственности, механизм взаимодействия агентов производства, материально-знаковые отношения, разделение труда, богатство и ценности, родовой «негатив», доминирующая собственность (асимметрия), преодолевающий сдвиг и соответствующая теория ЧЭФ «Политическая...».

Тогда получим следующее выражение для формулы-схемы действительной жизни, см. рис. 1.2-4:

ОБ* - МЗ* - ОБ ((ОБ)) ... П(ДТ(труд)) ... ОБ** - и т. д.,

где **ОБ** – объект воспроизводства;
МЗ – материально-знаковые отношения;
П – производство;
ДТ(труд) – деятельность, труд;
(ОБ) – исходные ресурсы для воспроизводства.

Или, с раскладкой по типологическим ЧЭФ, см. рис. 1.3-1.

Формула-схема воспроизводственного процесса по ЧЭФ

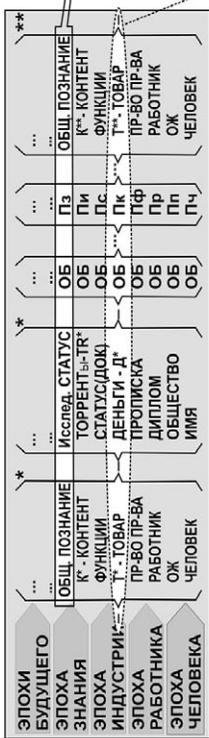

Рис. 1.3 - 1.

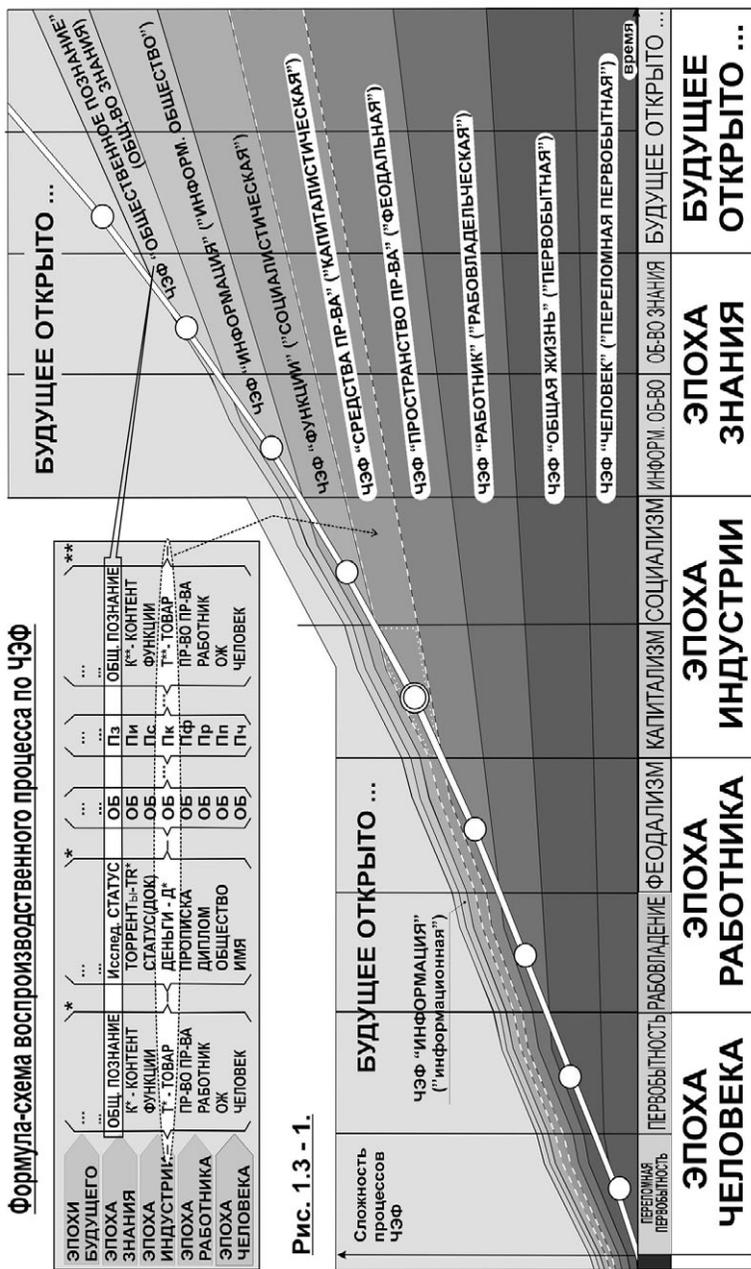

Рис. 1.3 - 2.

Рис. 1.3. Процессы ЧЭФ действительной жизни общества

На этом рисунке овалом выделен капиталистический способ производства, ЧЭФ «экономическая», которая и была изучена К. Марксом и составила основу его учения «Капитал». Короче, эта марксова формула-схема всего лишь часть общей схемы воспроизводства жизни, где все прочие ЧЭФ в традиционном отображении представляются обычно как условия производства. Всё это позволяет говорить о генерализации «Полилогией...» А. С. Шушарина учения К. Маркса «Капитал», то есть утверждать, что метатеория А. С. Шушарина уже только в рамках эндогенной логики полилогии рассматривает «Капитал» как составную часть «Полилогии...». А это и есть основа генерализации, которая, как говорят, - имеет место быть!

Таким образом, мы видим, что каждому типологическому объекту действительной жизни соответствует свой собственный, можно сказать, слой воспроизводственного процесса жизни. Эти слои-процессы, так же, как и кривая восходящего развития, со временем возрастают в своей мощности и сложности. На рис. 1.3-2 рост сложности каждой ЧЭФ отображается как возрастающая со временем толщина соответствующего слоя. Разумеется, что «время» здесь не конкретно историческое, а абстрактное, отражающее лишь последовательное нарастание сложности некоторой идеальной модели общественного развития общества.

При этом наблюдается закономерное чередование в восходящем развитии ЧЭФ с базовым объектом-предметом и ЧЭФ с базовым объектом-процессом.

Итак, производство и воспроизводство действительной жизни есть композиция следующего множества чистых эндогенных форм (ЧЭФ) - подпроцессов, или чистых способов производства (см. Приложение 1, Таблица П1. Чистые эндогенные формы):

- ЧЭФ «переломная первобытность». Это, прежде всего, самый глубокий и витальный, жизненный, слой. Это процесс воспроизводства самого, можно сказать, базового, «человеческого материала». Иначе говоря, изначально это стада «человеков» как мыслящих биологических существ, а данная ЧЭФ есть воспроизводство базового объекта «человек» (рис. 1.3-2). Будучи уже человеком это высокоразвитое животное, с необычайно эффективным мозгом, порождающим сознание и мышление, продолжает жить по суровым законам стада животных.

Конкретные атрибуты ЧЭФ этого типологического объекта следующие. Механизм взаимодействия агентов этого производства жизни есть «стадное телесно-биологическое общение». Материально-знаковые отношения – «свой – чужой» (первонимика или символическая зоонимика). Богатство – физическое, «телесно-биологическое здоровье». Доминирующая собственность (асимметрия) – «эгостадная собственность на человека (на «свой мир»)». Родовой негатив – «животное насилие (беспредел)» или «зверство».

Критическая теория, описывающая эту ЧЭФ, – «Эусоциальный антропогенез» (эусоциальность – истинная социальность у животных) или «Теория переломной первобытности». Эта ЧЭФ доминирует в градации переломная первобытность эпохи человека. Преодолевающий сдвиг – «обобществление человека», то есть «социализация воспроизводства» человека;

- ЧЭФ «первобытная». Это, прежде всего, самый глубокий и витальный, жизненный, слой, но уже общества. Это процесс воспроизводства самого, можно сказать, базового, «человеческого общежития», то есть изначального общества (праобщества). Это совокупность мыслящих человеческих существ со своей культурой жития, общения, со своим языком, традициями и т.п., осуществляющих воспроизводство объекта «**общая жизнь**» (рис. 1.3-2).

Конкретные атрибуты ЧЭФ этого типологического объекта следующие. Механизм взаимодействия агентов этого типа воспроизводства жизни есть «духовное социально-биологическое (телесно-духовное) общение». Материально-знаковые отношения – «фамилия, имя, свойство (антропонимика)». Богатство – «телесно-духовное здоровье». Доминирующая собственность (асимметрия) – «групповая собственность на общую жизнь», а родовой негатив – «табу и насилие».

Критическая теория, описывающая эту ЧЭФ, – «Политический социогенез (простая культурология)». Эта ЧЭФ доминирует в градации первобытность эпохи человека. Преодолевающий сдвиг – «обобществление общей жизни», то есть «социализация (демографизация) производства» жизни;

- следующий слой как чистый процесс – ЧЭФ, это процесс воспроизводства «специалистов и умельцев», умеющих и могущих

работать людей, то есть работников. Это процесс воспроизводства объекта типа **«работник»**.

Атрибуты ЧЭФ этого типологического объекта следующие. Механизм взаимодействия агентов этого типа воспроизводства жизни - «трудообмен». Материально-знаковые отношения – «дипломы (трудонимика)». Богатство – «трудовые ресурсы». Доминирующая собственность (асимметрия) – «собственность на работников (рабов)», а родовой негатив – «диктат».

Критическая теория – «Политическая демография». Эта ЧЭФ доминирует в градации «рабовладение» эпохи работников. Преодолевающий сдвиг - «обобществление работников», то есть «натурализация (территориализация) производства» жизни;

- следующий слой – это процесс воспроизводства, можно сказать, «малой Родины», среды обитания, местности жизнедеятельности относительно самодостаточной совокупности людей, то есть некоторого пространства производства и воспроизводства действительной жизни. Это воспроизводство объекта **«пространство производства»**.

Атрибуты ЧЭФ этого типологического объекта следующие. Механизм взаимодействия агентов этого типа воспроизводства жизни есть «соседствование». Материально-знаковые отношения – «прописка (топонимика)». Богатство – «натуральное богатство». Доминирующая собственность (асимметрия) – «натурально (парцеллярно) иерархическая собственность на пространство производства». Родовой негатив – «крепость, крепостничество, повинность, подати».

Критическая теория – «Политическая география». Эта ЧЭФ доминирует в градации «феодализм» эпохи работника. Преодолевающий сдвиг - «обобществление пространства производства», то есть «индустриализация (товаризация) производства» жизни;

- следующий слой – процесс воспроизводства «вещей, имущества, орудий труда и быта», «товара», то есть воспроизводство всем известного объекта **«средства производства»**.

Атрибуты ЧЭФ этого типологического объекта следующие. Механизм взаимодействия агентов этого типа производства жизни есть «товарообмен». Разделение труда – «продуктовое». Базовое взаимодействие (симметрия) – «вещественно-продуктовое (товар)».

Базовые производственные отношения – «экономические (товарно-денежные)». Материально-знаковые отношения – «деньги (товаронимика)». Богатство – «вещественное богатство». Наконец, доминирующая собственность (асимметрия) – «частная собственность на средства производства».

Критическая теория – «Политическая экономия («Капитал»)». Эта ЧЭФ «экономическая или рыночная» доминирует в градации «капитализм» эпохи индустрии. Преодолевающий сдвиг, как дальнейшее восходящее и революционное развитие общества, – «обобществление средств производства», то есть «технологизация (плановизация) производства» жизни. Родовой негатив – «экономическая эксплуатация»;

- следующий слой доминирует при социализме. Это, – процесс воспроизводства «функций и технологий», всевозможной «работы» как жизнедеятельности людей. То есть – воспроизводство объекта **«технологии, функции»**.

Атрибуты ЧЭФ этого типологического объекта следующие. Механизм взаимодействия агентов этого типа производства есть «соисполнение». Разделение труда – «ячеистое (пооперационное)». Базовое взаимодействие (симметрия) – «функциональное». Базовые производственные отношения – «функциональные (технологические)». Материально-знаковые отношения – «документы, статусы коллективов и лиц (технонимика)». Богатство – «технологии (функции)». Наконец, доминирующая собственность (асимметрия) – «группо-иерархическая собственность на технологии», а родовой негатив – «дефект производства».

Критическая теория – «Политическая технология». Всё это атрибуты ЧЭФ «функциональная или отраслевая, плановая», доминирующей в градации «социализм» эпохи индустрии. Преодолевающий сдвиг, как дальнейшее восходящее и революционное развитие общества, – «обобществление технологий», то есть «информатизация воспроизводства» жизни;

- следующий слой ЧЭФ это процесс воспроизводства «информации», всевозможных «данных, сведений, знаний» о жизнедеятельности людей и мире, «контента», то есть информации по воспроизводству действительной жизни. Это процесс воспроизводства объекта **«информация»** и в первую очередь информационно-коммуникационных средств как «программного» обеспечения воспроизводства.

Атрибуты ЧЭФ этого типологического объекта следующие. Механизм взаимодействия агентов этого производства жизни есть «соинформирование», «полное и свободное информационное обеспечение». Разделение труда – «сетевое». Базовое взаимодействие (симметрия) – «информационное». Базовые производственные отношения – «информационные». Материально-знаковые отношения – «торренты (инфронимика)». Богатство – «информация». Наконец, доминирующая собственность (асимметрия) – «частная собственность на информационный продукт», а родовой негатив – «информационное неравенство».

Критическая теория – «Политическая информатика». Всё это атрибуты ЧЭФ «информационная», доминирующей в постсоциалистической градации «Информационное общество» эпохи знания. Преодолевающий сдвиг, как дальнейшее восходящее и революционное развитие общества, – «обобществление информации (информированность и прозрачность производства)», «онаучивание производства» жизни;

- наконец, последующий слой ЧЭФ – это процесс воспроизводства «знаний» как системных представлений и понимания самой жизнедеятельности людей и мира, «теорий», то есть знаний по воспроизводству действительной жизни. Это процесс воспроизводства объекта «**познание**», «**общественное познание**», и в первую очередь как системного процесса информационного обеспечения воспроизводства всей действительной жизни.

Атрибуты ЧЭФ этого типологического объекта следующие. Механизм взаимодействия агентов этого производства жизни есть «логическое соответствие». Разделение труда – «системно-сетевое». Базовое взаимодействие (симметрия) – «исследовательское, познавательное» (когнитивное). Базовые производственные отношения – «общественные познавательные» (когнитивные). (Справка Википедии. **Когнитивность** (лат. *cognitio*, «познание, изучение, осознание») – способность к умственному восприятию и переработке внешней информации.) Материально-знаковые отношения – «исследовательский статус (когнионимика)». Богатство – «общественное познание» (причастность к познанию, к знанию). Наконец, доминирующая собственность (асимметрия) – «системная группо-иерархическая собственность на процесс общественного познания», а родовой

негатив – «издержки творчества» и «неконцепт» («концептуальное неравенство»).

Критическая теория – «Политическое общественное познание». Всё это атрибуты ЧЭФ «общественное познание», доминирующей в постинформационной градации «Общество знания» эпохи знания. Преодолевающий сдвиг, как дальнейшее восходящее и революционное развитие общества, – «обобществление общественного познания», то есть «теоретизация», «философизация производства» жизни;

И т.д.

Далее следует, вероятно, эпоха креативности и действительного творчества масс в условиях единого концептуального начала.

Таким образом, только в эндогенном как внутреннем, внутристрановом развитии общества метатеория «Полилогия...» включает в себя:

- ❖ «Политическую технологию» социализма (ЧЭФ «функциональная»),
- ❖ «Политическую экономию» капитализма (ЧЭФ «экономическая»),
- ❖ «Политическую географию» феодализма (ЧЭФ «феодальная»),
- ❖ «Политическую демографию» рабовладения (ЧЭФ «рабовладения»),
- ❖ «Политический социогенез (простая культурология)» первобытности (ЧЭФ «первобытная»),
- ❖ ««Эусоциальный антропогенез» переломной первобытности (ЧЭФ «переломная»).

И, разумеется, такие, недавно разработанные и разрабатываемые здесь, теории как:

- ❖ «Политическая информатика» (ЧЭФ «информационная»),
- ❖ «Политическое общественное познание» (ЧЭФ «общественное познание»).

То есть даже из самого перечисления состава частных теорий ЧЭФ, входящих в мегатеорию «Полилогия...», становится очевидным её генерализирующий статут (положение) и статус (правовое положение). Таким образом, научная генерализация учения К. Маркса проявляется в самой структуре метатеории.

1.2. Метатеория «Полилогия...» и «Капитал»

Полилогия и её автор А. С. Шушарин не разрывают с марксовым учением как «Политической экономией» капитализма, а берут его за образец действительно первой в истории научной социологической теории. Начиная главу о капитализме, А. С. Шушарин пишет: *«Единственная известная «акультурная» теория эндогенной формы, т.е. критическая, эзотерическая, парадоксальная, революционная теория исторически нового критического же состояния, – это, напомним, и есть гомогенная теория капитализма Маркса, «Капитал». На фоне апологий буржуазных политэкономий Маркс дал теорию идеального типа «реального капитализма» тогдашнего времени только с одним, входящим трендом».*

Эта глава 10-я «Полилогии...» называется «Капитализм («Политическая экономия», точнее, критика)» и посвящена собственно капиталистическому способу производства, то есть его чистой эндогенной форме – ЧЭФ «экономическая, капиталистическая, рыночная». При этом автор «Полилогии...» поясняет: *«Поскольку же многое в контексте «Капитала» было рассмотрено в «Постановке вопроса», то в настоящей главе о сути теории - кратко». Далее, кратко, всего на 20 страницах излагаются сжато основные положения учения К. Маркса. В частности, он пишет: «Маркс, не фиксируя того, опять напомним, ограничился исключительно и только прорывной («катастрофически-спасительной») ветвью из всего поля траекторий где-то зревшей бифуркации».*

Итак, «Политическая экономия» капитализма, то есть теория ЧЭФ «экономическая, капиталистическая, рыночная или товарно-денежная», разработанная К. Марксом в его труде «Капитал», полностью, можно сказать, включена в состав «Полилогии...» А. С. Шушарина. Марксово учение «Капитал» рассматривается здесь лишь только как основа частной теории «Политической экономии» капитализма, точнее, как основа теории чистой эндогенной формы капиталистического способа производства и воспроизводства действительной жизни, то есть как основа всего лишь ЧЭФ «экономическая» (см. рис. 1.3-2, слой ЧЭФ «экономическая» выделен пунктиром).

Далее, по образу и подобию логики «Капитала» построены в значительной мере частные теории всех прочих эндогенных форм идеального типа, в том числе и «Политической технологии» социализма, и «Политической информатики» информационного общества», и «Политического общественного познания» общества знания.

В этом и проявляется величие этой, теперь уже частной, критической и революционной, однако всего лишь гомогенной теории капитализма Маркса «Капитал».

1.2.1. Категориальное поле «Полилогии...»

Великое видится на расстоянии.

Презентизм анализирует прошлое с позиций современности, что и позволяет оценить великий вклад К. Маркса в построение нынешних теоретических воззрений на социологию исторического развития общества. Наиболее выпукло это видится с позиций метатеории развития общества А. С. Шушарина «Полилогия современного мира...», опубликованной спустя почти полтора века после выхода в свет основного труда К. Маркса «Капитал».

Начиная с постановки задачи, уже в первых стоках первой главы пятитомной «Полилогии...» А. С. Шушарин отталкивается от двух наиважнейших принципов, позволяющих преодолеть «сонм противоречий» в познании происходящего на планете и в обществе. Это принцип презентизма и принцип соответствия. Он пишет:

«Принцип презентизма (в его познавательном рациональном смысле) состоит в том, что более сложное позволяет переосмыслить более простое, предшествующее. Этот принцип, например, у К. Маркса выглядит так: «анатомия человека – ключ к анатомии обезьяны» или немного по-другому, в полемике с Прудоном, – политическая экономия (имелась в виду «буржуазная классика» на ту пору) не может рассматриваться с политэкономической же точки зрения. Для правильного рассмотрения существующего необходимо с некоторого момента выйти за его же пределы, подняться на более высокую, сложную точку зрения.

Принцип соответствия (А. Пуанкаре, Н. Бор, А. Эйнштейн и др.) состоит в том, что рациональное предшествующего знания в

более богатым, поднятом (восходящем, усложненном), новом, **генерализующем** знании сохраняется, хотя и с отстранением («пренебрежением», «отдвижкой») форм, не попавших в восходящий створ развития знания. Но при этом предшествующее рациональное знание сохраняется не в старом виде, а как уже **снятое**, т.е. теперь уже как частное (частичное), отдельное, узкое, уплотненное, сжатое и т.д. Правда, в логике латинское *generalisatio* отождествляется с **обобщением** (Н.И. Кондаков). Но несмотря на терминологические неудобства в радикальном отличии от обобщения, ..., **генерализация** понимается совершенно иначе – как усложняющее и восходящее новообразование, хотя видоизмененно включающее рациональное предшествующих форм. Генерализация может содержать и обобщения, но никогда не сводится к ним; предшествующее знание она не столько «обобщает», сколько восходяще видоизменяет его, снимает».

Такое обширное цитирование понадобилось для того, чтобы показать, как в данном изложении позиционируются учение К. Маркса «Капитал» и метатеория «Полилогия...» А. С. Шушарина.

Таким образом, относительно учения К. Маркса «Полилогия...» выступает как метатеория, генерализирующая основной труд К. Маркса «Капитал», включающая его в себя как составную часть. В целом, как пишет А. С. Шушарин, - «это уже не диалектика, а полидиалектика, или социологически не истмат, а полилогика, или не формационность, а постформационность, или основания уже не гомогенны (экономичны), а гетерогенны, или преемственно-поступательна не постмарксистская, а именно постмарксова логика и т.д., и т. п.». Уместно здесь же добавить: – не диалектика, а полилектика. То есть по всем, если так можно сказать, методологическим характеристикам неизменно главенствует одно, - «поли» и «гетерогенно», множественно и разнообразно, то есть более сложное как в структуре, так и в организации.

Создавая теорию «экономического движения», К. Маркс как объективный исследователь заложил (неволью) те категориальные основы, которые соответствуют более высокой и «сложной точке зрения» на развитие общества. В последствие эти основы были в полную силу развиты и дополнены творческим гением нашего современника А. С. Шушариным в его пятитомной метатеории «Полилогии современного мира...». При выходе за пределы

экономического движения это частное категориальное множество было систематизировано и логически встроено в эндогенную логику «Полилогии...». Сама система новых категорий эндогенной логики представлена в Таблице 1 полилогии.

Об узости экономического учения «Капитал» сказано К. Марксом уже в его первых строках. Разумеется, что по меркам того времени, вопреки современному научному презентизму, это была фундаментальная социологическая теория.

«Капитал» К. Маркса начинается абзацем, содержащим ряд базовых категорий первой очереди:

- *«Богатство обществ, в которых господствует капиталистический способ производства, выступает как «огромное скопление товаров», а отдельный товар – как элементарная форма этого богатства. Наше исследование начинается поэтому анализом товара.*

Товар есть прежде всего внешний предмет, вещь, которая, благодаря ее свойствам, удовлетворяет какие-либо человеческие потребности».

Категории истинны и не произвольны, ибо являются абстракциями (отвлечёнными, общими понятиями) отношений действительности, «выражают...», - как писал К. Маркс, - формы бытия, условия существования, часто только отдельные стороны определённого общества...». Поэтому в центре вышеупомянутой Таблицы 1 «Полилогии...» оказалась строка «Богатство», в которой лишь в четвёртом столбце чистых эндогенных форм (ЧЭФ) различных воспроизводственных процессов, а именно в столбце ЧЭФ «капиталистическая», упомянуто вещественное богатство «Капитала» - «товар».

В качестве наглядной иллюстрации приведём небольшой модернизированный фрагмент этой таблицы. В приведённом фрагменте таблицы, во втором левом столбце боковика, жирным шрифтом отмечены общие для всех ЧЭФ категории, а курсивом, в остальных пяти столбцах, – частные категории (подкатегории), присущие лишь отдельным ЧЭФ. Подкатегории ЧЭФ «капиталистическая» выделены в таблице заливкой светло-серого тона.

Фрагмент Таблицы 1 «Полилогии...».

Некоторые категориальные атрибуты ЧЭФ						
Общие категориальные атрибуты ЧЭФ (базовые категории)		Частные категориальные атрибуты ЧЭФ (подкатегории)				
		Чистые эндогенные формы (ЧЭФ) воспроизводственных процессов действительной жизни				
№ п/п	Наименование	ЧЭФ «первобытная»	ЧЭФ «рабовладельческая»	ЧЭФ «феодалная»	ЧЭФ «капиталистическая»	ЧЭФ «социалистическая»
1.	Базовый объект	<i>Общая жизнь</i>	<i>Работник</i>	<i>Пространство производства</i>	<i>Средства производства</i>	<i>Технологии и функции (процессы)</i>
2.	Механизм	<i>Общине (телесно-духовное)</i>	<i>Трудообмен</i>	<i>Соседство</i>	<i>Товарообмен (рынок)</i>	<i>Соисполнение</i>
3.	Материально-знаковые отношения	<i>Фамилия, имя, свойство (антропонирика)</i>	<i>Дипломы (трудономика)</i>	<i>Прописка (топонирика)</i>	<i>Деньги (товарномика)</i>	<i>Документы, статусы коллективов и лиц (технономика)</i>
4.	Базовое взаимодействие (симметрия)	<i>Социально-биологическое</i>	<i>Демографическое</i>	<i>Местное</i>	<i>Вещественно-продуктовое («товар»)</i>	<i>Функциональное</i>
5.	Богатство	<i>Телесно-духовное здоровье</i>	<i>Трудовые ресурсы</i>	<i>Натуральное богатство</i>	<i>Вещественное богатство</i>	<i>Технологии (функции)</i>
6.	Разделение труда	<i>Органическое</i>	<i>Профессиональное</i>	<i>Натуральное</i>	<i>Продуктовое</i>	<i>Ячейное, технологическое</i>
7.	Базовые производственные отношения	<i>Культурно-родовые</i>	<i>Демографические</i>	<i>Территориальные</i>	<i>Экономические (товарно-денежные)</i>	<i>Функциональные</i>
8.	Тип равновесия	<i>Органическое</i>	<i>Военно-демографическое (гражданское)</i>	<i>Территориальное</i>	<i>Товарное (рыночное)</i>	<i>Функциональное (технологическое)</i>

Окончание таблицы

Некоторые категориальные атрибуты ЧЭФ						
Общие категориальные атрибуты ЧЭФ (базовые категории)		Частные категориальные атрибуты ЧЭФ (подкатегории)				
		Чистые эндогенные формы (ЧЭФ) воспроизводственных процессов действительной жизни				
№ п/п	Наименование	ЧЭФ «первобытная»	ЧЭФ «рабовладельческая»	ЧЭФ «феодалная»	ЧЭФ «капиталистическая»	ЧЭФ «социалистическая»
9.	Доминирующая собственность (асимметрия)	<i>Эгоистичная собственность на общую жизнь</i>	<i>Собственность на работников (рабов)</i>	<i>Натурально иерархическая собственность на пространство производства</i>	<i>Частная собственность на средства производства</i>	<i>Группо-иерархическая собственность на технологии</i>
10.	Преодолевающий сдвиг	<i>Обобществление общей жизни. Социализация (демографизация) производства</i>	<i>Обобществление работников, натурализация (территориализация) производства</i>	<i>Обобществление пространства производства. Индустриализация (товаризация) производства</i>	<i>Обобществление средств производства. Технологизация (плановизация) производства</i>	<i>Обобществление технологий. Онаучивание производства.</i>
11.	Критическая теория	<i>Политический социогенез (простая культурология)</i>	<i>Политическая демография</i>	<i>Политическая география</i>	<i>Политическая экономика («Капитал»)</i>	<i>Политическая технология</i>

Далее, во втором абзаце «Капитала», Маркс уточняет, что «товар есть прежде всего внешний предмет, вещь...», то есть из базовой категории «богатство» в «Капитале» посредством некоторого, вероятно, интуитивного логического деления, выделяется лишь «вещественное богатство», «вещь». Однако, как видно из строки №5 таблицы, объём понятия базовой категории «богатство» действительной жизни делится на следующие подкатегории: телесно-духовное здоровье, трудовые ресурсы, натуральное богатство, собственно вещественное богатство, технологии (функции), а также не вошедшие в таблицу, но уже однозначно себя проявившие, - информация и знания, общественное познание. Среди этих подкатегорий только «вещное богатство» есть «внешний предмет, вещь», прочие же подкатегории не являются вещью, внешним предметом.

Здесь же уместно подчеркнуть ещё раз, что «Полилогия...» А. С. Шушарина является метатеорией по отношению к «Капиталу» К. Маркса и включает его в себя как составную часть.

Полилогия рассматривает эндогенное (внутристрановое) развитие современного общества как исторический факт последовательной смены градаций (формаций): первобытность, от рабовладения к феодализму, от капитализма к социализму и, наконец, от информационного общества к обществу знания. В экзогенном же, межстрановом, развитии человечество находится пока лишь в самом начале пути его исторического развития, при этом человечества как единого общества пока нет.

В эндогенной логике полилогии под градацией понимается композиция чистых эндогенных форм (ЧЭФ) воспроизводственных процессов различной типологии. В каждой исторической градации доминирует лишь одна из ЧЭФ, по названию которой и называется данная градация. Все ЧЭФ существуют одновременно и параллельно, но лишь одна из них доминирует, освещая, подчиняя и деформируя остальные ЧЭФ.

Таким образом, логика «Капитала» в значительной степени послужила основой для каждой из частных теорий всех прочих эндогенных форм идеального типа, в том числе политической информатики «Информационного общества» и политическому общественному познанию «Общества знания».

Достаточно при этом вспомнить приведённую в таблице категориальную атрибутику чистых эндогенных форм типологически различных подпроцессов действительной жизни. Эти категории являются общими для различных теорий «чистых форм» и градаций восходящего общественного развития.

Рассмотрим более подробно некоторые из этих категорий.

1.2.2. Сравнительный анализ категорий

Первое. Базовый объект отношений собственности и производственных отношений в учении К. Маркса определяется как «вещь» - «средства производства», строка №1 вышеприведённой таблицы. Соответственно, следуя семантике подкатегории «средства производства» ЧЭФ «капиталистическая», для прочих ЧЭФ в полилогии имеет место родственная по эпохе

индустрии подкатегория «технологии, функции», а также: «общая жизнь», «работник», «пространство производства». Все эти подкатегории образуют объём базовой категории полилогии - «базовый объект», строка № 1 таблицы. Семантика каждой из подкатегорий заключается в специфическом для ЧЭФ взгляде, ракурсе, на обобщённое понимание «средств производства» не только как вещи (внешнего предмета), но и как средства производства иной типологии, вплоть до абстрактных понятий информации и познания, а также предмета и процесса вообще. В частности, например, базовые объекты «технология (функция)», «общественное познание (исследование)» и «пространство производства» есть процессы.

С другой стороны, каждый из объектов строки № 1 таблицы является типологическим средством воспроизводства объектов той же типологии, что и богатство данной ЧЭФ, как одного из типологических богатств всякого общества.

Другими словами, и грубо:

- с помощью средств производства (людей и их жития, но не «вещей!»), как совокупности средств труда и предметов труда, типа «общая жизнь» воспроизводится сама «общая жизнь»;

- с помощью средств производства (специалистов, но не вещей!) типа «работник» воспроизводится сам «работник»;

- с помощью средств производства (местности проживания и труда, но не вещей!) типа «пространство производства» воспроизводится само «пространство производства»;

- с помощью средств производства типа «средства производства как вещь» воспроизводятся сами «вещи» (в том числе и вещи как средства производства);

- с помощью средств производства типа «технологии и функции» (обычной «работы», но не вещей!) воспроизводятся сами «технологии» (функции, работа);

- с помощью средств производства типа «информация» (различного контента и сведений, то есть абстракций, но не вещей!) воспроизводится сама «информация»;

- с помощью средств производства (различных исследований, но не вещей!) типа «общественное познание» воспроизводится само «общественное познание», дающее новое знание.

Таким образом, с помощью полилогически разнообразных, так называемых, средств производства как совокупности средств труда

и предметов труда (материальных и абстрактных, предметных и процессовых) действительной жизни воспроизводится сама «действительная жизнь общества».

Особо следует заметить, что базовый объект является и базовым объектом «обстоятельств производства и отношений собственности». Очевидно, что, будучи типологически ортогонально различными объектами, они вызывают и ортогонально различные производственные отношения и отношения собственности. А, следовательно, вызывают и различные типы классов и классовых отношений, различные негативы производственных отношений. Правда, негативы последовательно «смягчаются», - от звериного насилия первобытности к рабовладельческому диктату, затем от феодального крепостничества и повинностей к капиталистической экономической эксплуатации, наконец, от социалистического «дефекта производства» к «информационному неравенству» информационного общества и т.д.

Второе. Это базовая категория «механизм» взаимодействия агентов воспроизводственного процесса.

Как только что было отмечено, воспроизводство действительной жизни общества представляет собой совокупность чистых воспроизводственных процессов, форм – ЧЭФ, различной типологии. Каждой из этих ЧЭФ в представленной таблице соответствует свой столбец, столбец ЧЭФ «капиталистическая (экономическая)» выделен светло-серым тоном заливки. Каждой ЧЭФ соответствует свой собственный механизм взаимодействия агентов производства, которое воспроизводит объекты данной типологии.

В «Капитале» К. Маркс рассматривает такой механизм взаимодействия агентов капиталистического производства как «товарообмен» или иначе, традиционно, – «рынок». Однако в действительной жизни в каждой из типологически различных сфер воспроизводства (ЧЭФ) имеет место свой ортогональный прочим сферам механизм взаимодействия агентов. В таблице в строке № 2 объём базовой категории «механизм взаимодействия агентов производства» раскрывается через следующие подкатегории:

- общение (телесно-духовное) для ЧЭФ «первобытная»;
- трудообмен для ЧЭФ «рабовладельческая»;
- соседство для ЧЭФ «феодальная»;

- товарообмен (рынок) для ЧЭФ «капиталистическая, экономическая»;
- соисполнение для ЧЭФ «социалистическая, функциональная»;
- соинформирование для ЧЭФ «информационная» (в таблице не представлена).

При этом сам термин «механизм», правда, только в отношении товарообмена, так же прозвучал в «Капитале» в начале главы III - «Деньги, или обращение товаров». К. Маркс пишет: «Непрерывный кругооборот двух противоположных товарных метаморфозов, или постоянная смена актов продажи и купли, проявляется в неустанном обращении денег, или в их функции *regretuum mobile* [непрерывно действующего механизма] обращения».

То есть можно сказать, что подкатегория «товарообмена», образно говоря, привела А. С. Шушарина к «подобным», только что перечисленным, родственным подкатегориям обмена – «трудообмен», «соинформирование» и пр. И именно эта базовая категория связывает воедино все процессы взаимодействия в действительной жизни.

Третье. Несколько слов о «материально-знаковых отношениях».

Из учения К. Маркса об экономическом типе движения известно, что – «деньги представляют собой законченную форму всеобщего эквивалента, особый товар, с потребительной стоимостью которого прочно срослась эквивалентная форма стоимости». Именно «неустанное обращение денег» обеспечивает в развитом капитализме оборот «вещей» как «обращение товаров». Но кроме экономического момента действительная жизнь наполнена и категориальным множеством других типологически ортогонально различных базовых объектов, которые так же требуют обращения и своего выражения в материально-знаковых отношениях агентов производства действительной жизни.

Здесь, в полилогии, так же возникает некоторая видовая аналогия с деньгами как «третьим товаром», но уже как всеобщим эквивалентом для обеспечения непрерывно действующего механизма обращения неэкономических объектов, таких как «общая жизнь», «работник», «пространство производства», «технологии (процессы)», «информация» и пр. При этом

материально-знаковые отношения должны соответствовать характеру, типу соответствующих базовых взаимодействий: социально-биологическим, демографическим, местным, функциональным, информационным. Такими материально-знаковыми отношениями в «Полилогии...» А. С. Шушарина являются (см. строка №3):

- «фамилия, имя, свойство» для ЧЭФ «первобытная»;
- «дипломы» для ЧЭФ «рабовладельческая»;
- «прописка» для ЧЭФ «феодальная»;
- «деньги» для ЧЭФ «капиталистическая, экономическая»;
- «документы, статусы коллективов и лиц» для ЧЭФ «социалистическая».

На этой, третьей базовой категории, и остановимся. Приведённый краткий сравнительный анализ базовых категорий и частных подкатегорий «Полилогии...» А. С. Шушарина и частных подкатегорий учения К. Маркса показывает, что, так или иначе, категории «Капитала» послужили примером, образцом революционной теории «Полилогия...». Прочие сравнения непосредственно представлены в теле самой таблицы, очевидны и не требуют специального комментария.

1.2.3. Преодолевающий сдвиг исторического революционного развития общества

В таком сравнительном анализе невозможно оставить в стороне и не затронуть сущностные, стратегические, вопросы социологической теории. Это «производственные отношения» и «отношения собственности» (см. строки № 7 и 9 таблицы), а также вектор тренда преодоления известного противоречия между общественным характером производства и частной формой собственности, то есть частной формой присвоения результатов воспроизводственной деятельности, - строка № 10 «преодолевающий сдвиг».

В учении К. Маркса описываются экономические, товарно-денежные производственные отношения капитализма, в которых доминирует, главенствует, порождая асимметрию, частная собственность на средства производства как «вещь». Это противоречие, как противоречие между общественным характером развитого капиталистического производства и частной формы

присвоения его результатов вследствие господства частной собственности на средства производства, преодолевается в ходе технологизации и плановизации производства. Сама же технологизация и плановизация производства является преодолевающим сдвигом и прямым результатом обобществления средств производства.

Подобный тренд на обобществление базового объекта отношений собственности согласно «Полилогии...» А. С. Шушарина не является исключительным для всего исторического развития общества в рамках эндогенной логики. В эндогенной логике полилогии каждый переход от градации к градации сопровождается преодолевающим сдвигом, можно сказать аналогичным, в форме обобществления прежнего доминировавшего базового объекта отжившей градации.

Перечислим последовательно эти исторические «преодолевающие сдвиги», которые собственно и формируют инфраструктуру всякого общества.

1. Переход от первобытности к рабовладению, преодолевающий сдвиг – обобществление общей жизни, то есть социализация (демографизация) производства.
2. Переход от рабовладения к феодализму, преодолевающий сдвиг – обобществление работников, то есть натурализация (территориализация) производства.
3. Переход от феодализма к капитализму, преодолевающий сдвиг – обобществление пространства производства, то есть индустриализация (товаризация) производства.
4. Переход от капитализма к социализму, преодолевающий сдвиг – обобществление средств производства, то есть технологизация (плановизация) производства.
5. Переход от социализма к информационному обществу, преодолевающий сдвиг – обобществление технологий, то есть информатизация и онаучивание производства.

Следовательно, история развития общества есть история последовательного обобществления всех значимых объектов «действительной жизни», что собственно и обеспечивает ее восходящее развитие по сложности. Собственно «тощий тренд» траектории постсоциалистического развития к новому восходящему информационному обществу подробно изложен в книге А. Т. Харчевникова «Теория Информационного общества: О

революционном переходе...». В этой книге системно развиваются идеи полилогии уже в отношении «Информационного общества». А это, в свою очередь, есть первый шаг в познании эпохи знания и её градации «Общество знания», в которой доминирует ЧЭФ «общественное познание».

1.2.4. О месте гомогенного «Капитала» в гетерогенном развитии современного общества

Всё вышеизложенное позволяет утверждать, что фундаментальная социологическая теория развития общества А. С. Шушарина «Полилогия современного мира. (Критика запущенной социологии)» генерализирует учение К. Маркса, то есть включает его в себя как составную часть. Поэтому, образно говоря, бессмертный «Капитал» К. Маркса остаётся жить и не *отменяется*.

А теперь покажем, как окончательно выглядит это утверждение на общем графике слоёв-ЧЭФ и градаций развития общества (рис. 1.3-2). Здесь временные интервалы существования градаций условно изображены равными, ибо отображают лишь последовательность и логику переходов от градации к градации.

Учение К. Маркса, его «Капитал» как основа теории «Политическая экономия», отражающее по сути лишь состояние чистой формы варварского капитализма, можно представить, как небольшую толику всего процесса производства и воспроизводства действительной жизни и даже самой ЧЭФ «экономическая» и общества капитализма в целом. Это вполне соизмеримо с точкой, изображенной двойным кружком и обозначающей доминирующий слой в соответствующей градации (рис. 1.3-2). Вполне резонно распространить «Политическую экономию» капитализма на весь, скажем так, «чистый капитализм» как доминирующую ЧЭФ «капиталистическая», то есть в пределах пятиугольника (точечный пунктир). Однако и в этом случае предмет «Политической экономии» капитализма составит лишь небольшую часть всего слоя ЧЭФ «капиталистическая», не говоря уже обо всём эндогенном поле восходящего развития социума.

Таким образом, в целом доля «Капитала» в метатеории «Полилогия...» составляет малую толику всей теоретической

социологии эндогенного развития общества, а «картинка» рисунка 1.3-2 наглядно иллюстрирует место и факт генерализации «Полилогией...» учения К. Маркса «Капитал».

При этом нельзя не пояснить и следующий важный момент теории.

Известно, что в рамки классической «Политической экономии», скажем так, традиционно включают также и все прочие способы производства, - феодальный, рабовладельческий и первобытный, а также и социалистический (плановый). Почему так происходит, чем это вызвано и как это следует понимать?

Действительно (рис. 1.3-2), слой ЧЭФ «экономическая» проходит, пересекает, то есть входит в состав композиции каждой из известных градаций, в том числе и будущих. Однако, входя в прочие градации, этот слой уже не является доминирующим и не определяет суть прочих градаций. Эти области производственных отношений и отношений собственности рассматриваются в полилогии не как самостоятельные, а как всего лишь некоторые **деформации** слоя ЧЭФ «экономическая, капиталистическая». Эти деформации вызваны теми доминирующими отношениями производства, которые присущи соответствующим градациям.

Однако традиционное толкование прочих докапиталистических способов производства классической «Политической экономией» есть, по сути, «толкование» деформаций ЧЭФ «экономическая», а не самих (истинных) понятий этих способов производства. То есть имеет место «толкования» деформаций, можно сказать, самих понятий этих способов производства под влиянием абсолютизации экономического взгляда (экономизм!) на развитие общества. То есть имеет место перенесение экономических отношений на явно «неэкономические» способы производства. Или иначе, образно говоря, имеет место заблуждение и, как следствие, неверная трактовка фактов исторического развития.

Что же касается градации «социализм», то с учётом того, что это следующая восходящая ступень развития общества, имеет место, мягко говоря, неполное понимание социалистического способа производства как несобственной формы, то есть её понимают исключительно как снятую капиталистическую форму (ЧЭФ). То есть считается, что социалистический способ производства основан лишь на обобществлении «средств

производства», а не на собственных основаниях социалистического, функционального, способа производства с таким доминирующим объектом как «функции, технологии».

С другой стороны, проявление и действенность экономических отношений в прочих градациях, то есть за исключением капитализма, явно преувеличено и абсолютизировано.

И всё же присутствие экономических отношений, как и всех прочих ЧЭФ, во всех градациях, - несомненно. Об этом говорит постоянный состав известных ЧЭФ в композициях градаций.

Изложенного вполне достаточно, чтобы согласиться с тем, что «Полилогия...» А. С. Шушарина генерализирует учение К. Маркса, то есть включает его в себя как составную часть.

Таким образом, созданная К. Марксом учение, «Капитал», как революционная теория исторически одной эндогенной гомогенной формы, т.е. теория капитализма, стала примером и образцом для дальнейшего развития его же учения до метатеории, но уже не скованной рамками одной гомогенной формы, а вышедшей на уровень её генерализации. Это позволяет не только в полной мере оценить гений его автора, но и последовательно и полномасштабно развивать само учение об историческом развитии общества. Именно этому и посвящается настоящая работа.

Но прежде чем перейти к изложению основ градации «Общества знания», остановимся на некоторых моментах, которые завершают введение в метатеорию «Полилогия...».

1.3. О градациях и механизме перехода от одной градации к другой

1.3.1. Доминирование, бифуркация и главная последовательность восходящего развития

Изначально, в своей основе, «Полилогия...» опирается на «пятичленку» как исторический факт. Это – первобытность, рабовладение, феодализм, капитализм и социализм. Эта последовательность есть восходящая последовательность градаций, которые в классическом марксизме именуются социально-экономическими формациями. Термин «градации» взят у Маркса.

И правильнее говорить всё же о «социально-воспроизводственных градациях», ибо «экономическое» в чистом виде связано лишь с капиталистическим способом производства.

Что такое градация (традиционно – формация)? Градация – это композиция всех известных типологий «чистых производственных процессов», то есть ЧЭФ. Они существуют и реализуются в своём развитии одномоментно и параллельно, то есть перечень ЧЭФ для всех градаций один и тот же (см. рис. 1.3-2). Вид градации определяется лишь типом **доминирующей ЧЭФ**, то есть тем типологическим подпроцессом, который главенствует в данной градации. Доминирование это одно из основополагающих положений «Полилогии...».

На рис. 1.3-2 кружком помечены те ЧЭФ, которые доминируют в соответствующих градациях.

Доминирование означает, что данный тип ЧЭФ освещает, подчиняет и деформирует, нивелирует все прочие подпроцессы (ЧЭФ), навязывая им свои механизмы, формы и прочую атрибутику, не свойственную их внутренней сущности.

Так при капитализме доминирует ЧЭФ «экономическая» с доминирующим объектом производственных отношений и отношений собственности «средства производства», - то есть ВЕЩЬ как внешний предмет и товар. Соответствующий механизм взаимодействия агентов производства при этом - «товарообмен», а материально-знаковые отношения – деньги. Богатство и ценность – вещи, средства производства, капитал. Поэтому все прочие объекты другой типологии рассматриваются в силу доминирования экономических отношений через призму товара, товарно-денежных отношений и денег.

Вследствие чего, например, такой объект как информация (контент), который не есть «вещь», ибо его невозможно отдать другому, не оставив себе, и который можно, практически без затрат, неограниченно тиражировать, начинает рассматриваться вопреки её природе так же как товар. Затем контентом (информацией) начинают торговать по законам товара, однако видя, что из этого ничего путного не получается, начинают создавать специальное законодательство. Оно уже принудительно деформирует механизм взаимодействия агентов производства по поводу этого объекта вопреки законам его природы, делает

«нетовар», то есть информацию, как бы «товаром», и тем самым вводит её в рыночный оборот.

Подобное можно наблюдать и в отношении многих других типологических отличных от «вещей» базовых объектов. Такова сила доминирования и таковы результаты соответствующей деформации производственных отношений.

Так вот, - смена градаций есть смена доминирующей ЧЭФ, доминирующего объекта и механизма, доминирующей ценности и богатства. Происходит эта смена, можно сказать, классически, тогда, когда уровень развития доминирующего объекта и его производства не соответствует уровню развития доминирующих производственных отношений в этой доминирующей ЧЭФ. Иными словами, но почти также традиционно, когда общественный (обобществленный, по сути) характер производства данной доминирующей ЧЭФ вступает в противоречие с ограниченными (частными или группо-иерархическими) отношениями собственности.

То есть состояние развития общества в условиях доминирования этой ЧЭФ входит в своё предельное критическое состояние, которое, как принято говорить, возникает на «хорошем основании». Однако так как нет в мире ничего совершенного, то незначительные поначалу родовые недостатки, будучи предоставленные сами себе, заводят развитие данной ЧЭФ и общество в целом в тупик, выходом из которого является революционное преобразование общества. Чтобы «снять» этот недостаток, превратившийся в «родовой негатив», необходима смена доминирующей ЧЭФ, а короче – необходима смена доминирующего объекта производственных отношений и отношений собственности, а также смена соответствующего механизма взаимодействия агентов производства.

Это состояние критического этапа в развитии, прежде всего, данной доминирующей ЧЭФ, а также и соответствующие деформации прочих ЧЭФ, приводит общество в состояние «бифуркации». Бифуркация – это неустойчивое равновесие производственного процесса по производству и воспроизводству действительной жизни, когда среди множества малозначущих факторов-сил, любое их незначительное изменение приводит к лавинообразному процессу с непредсказуемой восходящей или

нисходящей (деградационной) траекторией последующего развития из множества возможных, потенциальных исходов.

Так как нами рассматривается чисто теоретическая, то есть идеальная, модель развития, то мы концентрируем своё внимание только на восходящем развитии общества по сложности.

Таким образом, возвращаясь к схеме рисунка 1.3-2, восходящая последовательность градаций как композиций ЧЭФ может быть представлена следующим рядом вертикальных фрагментов (столбцов) этого общего отображения процессов производства и воспроизводства действительной жизни: переломная первобытность, первобытность, рабовладение, феодализм, капитализм, социализм, информационное общество, общество знания и т. д. Эти фрагменты-композиции напоминают многослойные пирожные со «стандартным» набором слоёв ЧЭФ. Сами слои различаются своей мощностью (толщиной), причем, только один слой-ЧЭФ доминирует, то есть содержит ту изюминку, которая характеризует данную градацию и её отличие от других. На рисунке ЧЭФ, доминирующая в данной градации, помечена пустым кружком, «изюминкой».

Соединив эти, по сути критические, переломные точки в развитии общества, мы получим кривую восходящего развития общества, эндогенно (см. рис. 1.3-2). Или, как говорить в «Полилогии...», - главную последовательность критических точек восходящего развития общества.

1.3.2. Полилогическая трактовка традиционной «пятичленки» эндогенного развития общества

К сожалению, обоснованно рассматривая капиталистический способ производства с экономических позиций, традиционный марксизм и наши классики рассматривают прочие градации (традиционно, - общественно-экономические формации) так же с позиций «экономического движения», а не их (градаций) собственное совсем не экономическое содержание движения. И хотя при этом различаются сами способы производства, правда, в теоретическом плане, больше по названию, а именно: первобытнообщинный способ производства, рабовладельческий и феодальный способы производства, капиталистический,

социалистический и коммунистический способы производства, - все они, как и капиталистический способ производства, рассматриваются как «экономическое движение». Их категориальная база остаётся неизменной, это средства производства, товарообмен, стоимость, эксплуатация, частная собственность, деньги и пр. Исторически наблюдается лишь, скажем так, рост сложности и мощи средств производства,- почти как у С. Ю. Глазьева «технологические уклады», но более укрупнённые.

Отчасти это можно было бы понять как апробирование, например, К. Марсом и первыми «марксистами» «капиталистической (экономической!) точки зрения», теории капитализма, на грациях иной природы, что свойственно всем учёным и изобретателям. Как говорят: «Попробовать свою теорию в деле». Однако эта апробация (как проверка уже пригодности и правильности) теории, если вообще это можно назвать апробацией, была куцей и тенденциозной, ибо **игнорировала собственную основу, природу** этих граций, их доминирующие ЧЭФ. То есть в толковании граций (формаций), как ранее отмечалось, если воспользоваться схемой рис. 1.3-2, они не выходят за пределы слоя ЧЭФ «экономическая, капиталистическая, рыночная, или товарно-денежная». Другими словами, в таком чисто экономическом восприятии граций (формаций), рассматриваются как исторический факт совсем не «градации – формации», а различные уровни развития только «экономического движения», а точнее – их деформации.

Перефразируя можно сказать, что все «градации – формации» рассматриваются с позиций исключительно только «Политической экономии», однако при этом полностью игнорируется собственная материальная природа и теория этих граций.

1.4. Отношения собственности, обобществление и становление инфраструктуры общества

Рассмотрим всё тот же график-схему рисунка 1.3-2 и кривую восходящего развития общества по сложности, с которой мы, по сути, и начали данное введение в «Полилогию...» (рис. 1.2-2). Эта непрерывно возрастающая, условно спрямлённая, кривая эндогенного развития общества изображена на рис. 1.4-1.

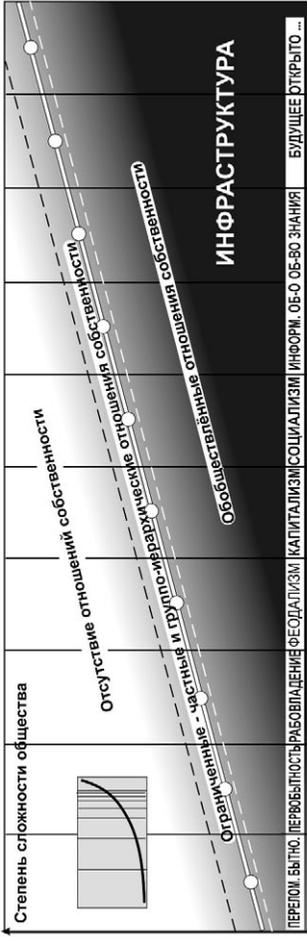

Рис. 1.4-1.

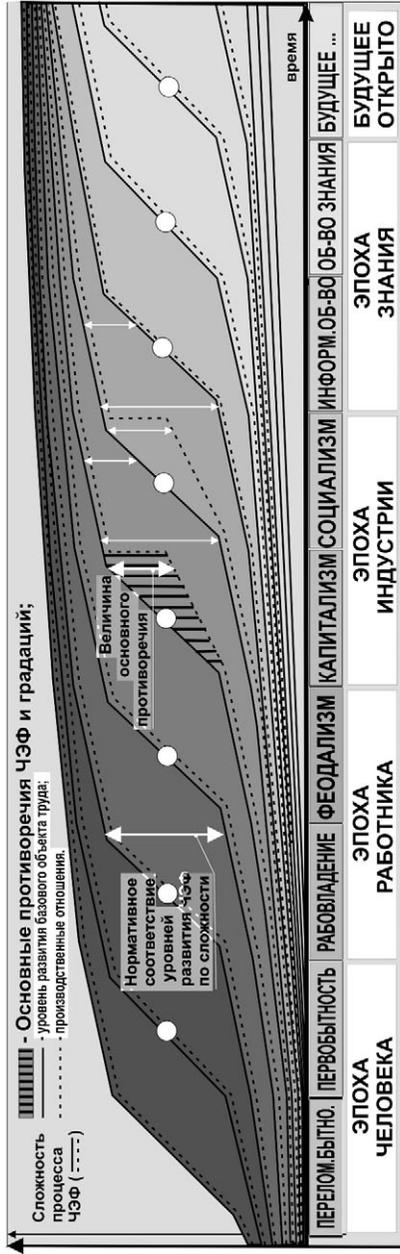

Рис. 1.4-2.

Рис. 1.4. Отношения собственности и основные противоречия

Следует при этом напомнить, что при доминировании какого-либо объекта производственных отношений относительно его всегда имеют место отношения ограниченной, то есть частной или группно-иерархической, собственности. Эта зона ограниченных (частных и группно-иерархических) отношений собственности расположена в непосредственной близости от кривой восходящего развития общества.

Поэтому в зоне этой схемы, расположенной справа от кривой, или просто под кривой, все объекты обобществлены, то есть находятся под контролем общества и, как говорят, принадлежат всему обществу. Это и есть инфраструктура общества, которая, по определению, в целом его и обслуживает.

Та область этой схемы (рис. 1.4-1), которая лежит в отдалении слева от кривой идеальной модели восходящего развития общества, есть область, скажем так, неактивированных отношений собственности. Причём чем дальше влево от кривой, тем менее развит и менее присутствует в действительной жизни соответствующий типологический объект производственных отношений, вплоть до простейших, не осознаваемых в обществе форм.

Таким образом, при движении слева направо в каждом слое растёт конкретное разнообразие и мощь соответствующего базового объекта. При этом меняются и совершенствуются производственные отношения и отношения собственности, - от почти их полного отсутствия до самой высшей (мыслимой) формы обобществления. То есть вся история восходящего развития общества есть история последовательно нарастающего обобществления «всего и вся».

1.5. Противоречия общественного развития

1.5.1. Основные (базовые) противоречия и прочие противоречия непропорционального и негармоничного развития общества

Если взять и совместить на одном уровне восходящие графики развития по сложности каждой из всех ЧЭФ (слои рис. 1.3-2), то получим картинку подобную рисунку 1.4-2. При этом следует иметь ввиду, что монотонно возрастающие кривые графиков

каждой из ЧЭФ рисунка 1.3-2 здесь представлены в виде S-образных кривых, которые наглядно фиксируют три характерных периода их развития.

Начальный период незначительного возрастания сложности соответствует пологой левой части S-образной кривой - область, так называемых, «неактивированных» отношений собственности по поводу соответствующей типологии объектов данной ЧЭФ.

Средний период резкого и интенсивного роста сложности соответствует стадии доминирования данной ЧЭФ и активному развитию производственных отношений и отношений ограниченной (частной или группо-иерархической) собственности по поводу базового объекта этой ЧЭФ. На этой стадии происходит интенсивный рост сложности воспроизводственных процессов соответствующей типологии, то есть интенсивный рост уровня развития производительных сил данной типологии и производственных отношений этого среза производства действительной жизни.

Третий период соответствует пологой левой части S-образной кривой, но уже на высоком уровне развития по сложности. Этот период соответствует области развития процессов ЧЭФ после обобществления, обобществления соответствующего базового объекта, вошедшего в составе инфраструктуры общества.

В целях упрощения графического образа развития ЧЭФ каждый из этих трёх периодов условно представлен линейной функцией, прямой линией.

Наконец, можно сказать, что точки двух фиксируемых «переломов» S-образной кривой ЧЭФ соответствуют началу и окончанию развития той градации, которая определяется доминированием этой ЧЭФ.

Графики роста по сложности каждой ЧЭФ отображены двумя кривыми, - сплошной и пунктирной (рис. 1.4-2). Верхняя кривая отображает развитие по сложности объекта производственных отношений, нижняя (пунктирная) - развитие самих производственных отношений, в том числе, и отношений собственности (от почти полного их отсутствия, через ограниченные, частные и группо-иерархические отношения, к обобществлённым отношениям собственности).

Такой, «двухлинейный», характер графика, образно говоря, фиксирует некоторое нормативное развитие и рост сложности, как

типологических объектов, так и производственных отношений. Кроме того, он так же отображает определённую сопряжённость, «сбалансированность и пропорциональность», в развитии всей совокупности типологических объектов действительной жизни. (При этом каждой ЧЭФ соответствует своя типологическая шкала сложности, учитывающая её подкатегории.)

В результате, - уровень сложности предыдущей доминирующей ЧЭФ на данный момент времени оказывается выше уровня сложности последующей в доминировании ЧЭФ. Однако, если текущее значение сложности по каждой ЧЭФ отнормировать относительно максимального значения сложности, данной ЧЭФ, а сам максимум принять равным единице (или 100%), то кривые окажутся весьма схожими по характеру их развития и будут различаться лишь местом расположения относительно горизонтальной временной оси (ордината).

Любое рассогласование «двухлинейной» сопряжённости, то есть отклонение от этой, можно сказать, нормативной базы развития каждой ЧЭФ, в рамках идеальной модели, влечёт за собою возникновение различного рода противоречий. Противоречия, которые возникают на стадии доминирования данной ЧЭФ (средний период) являются основными.

На схеме, с использованием специальной надписи, показано лишь одно известное всем противоречие экономического способа производства между уровнем развития «средств производства», называемых полно в «Политической экономии» как «производительные силы» и уровнем развития производственных отношений (рис. 1.4-2). Это основное противоречие для ЧЭФ «экономическая, рыночная» отображено на схеме «полосатой» зоной. Степень основного противоречия может быть определена как относительная величина расхождения между сплошной и пунктирной кривыми и максимальным предельным уровнем их сложности, например, в процентах или долях.

Кроме основного противоречия могут иметь место и другие противоречия, так же связанные с некоторыми отклонениями от идеальной модели, представленной на рисунке 1.4-2 совокупностью «двухлинейных» кривых. Это могут быть как «внутренние» отклонения между сплошными и пунктирными линиями каждой ЧЭФ, так и «внешние» отклонения между кривыми ЧЭФ различной типологии. Внешние противоречия являются противоречиями

непропорционального и негармоничного развития общества, обусловленные опережением или отставанием в развитии отдельных ЧЭФ. Численная оценка степени этих противоречий также может быть определена как относительная величина расхождения между парами сравниваемых кривых.

Таким образом, на каждый момент исторического развития общества имеет место быть полилогический эффект сложения множества противоречий разного рода и разных ЧЭФ, ибо в любой момент развития одновременно и параллельно протекают в составе градационной композиции все известные ЧЭФ. Это в конечном итоге и образует непредсказуемое состояние бифуркации с множеством возможных исходов и трендов последующего развития в ходе восходящего становления обществ, опять же, пока только эндогенно, то есть в рамках внутристрановой логики. Некоторые из возможных противоречий условно обозначены на схеме двухсторонними светлыми стрелками (рис. 1.4-2).

1.5.2. О ЧЭФ и «технологических укладах»

Недавно в «Экономической и философской газете» был опубликован текст научного доклада Советника Президента РФ академика РАН С. Ю. Глазьева, сделанного им на заседании РАН 29 января 3013 года, под названием «О целях, проблемах и мерах государственной политики развития и интеграции». В Предисловие «ЭФГ» Главный редактор Проскурин А. П. пишет: «Впрочем, возможно, мы по привычке преувеличиваем степень концептуальных противоречий в путинском окружении, а Дмитрий Анатольевич и Сергей Юрьевич, вполне сложившиеся прагматики, прекрасно будут работать совместно...». Вот об этом «прагматизме» и выше представленных полилогических моделях общественного развития (см. рис. 1.4-2), диктуемых всевластием материального мира в общественном развитии, несколько заключительных слов.

В разделе «Стратегия опережающего развития» С. Ю. Глазьев отмечает: «Важно понимание структурной составляющей глобального кризиса, которая определяется сменой технологических укладов и соответствующих им длинных волн экономического роста (см. рисунок). Выход из этого кризиса связан со «штормом» нововведений, прокладывающих дорогу становлению нового технологического уклада».

Согласно метатеории А. С. Шушарина «Полилогия современного мира...» со «штормом нововведений», а точнее с новым разделением труда, связано начало становления каждой новой социально-воспроизводственной градации общества. Так интенсивное разделение современного труда на традиционный, физический труд и интеллектуальный, информационный труд, объясняется активизацией в обществе информационных процессов, которые свойственны ЧЭФ «информационная». То есть налицо начало бурного, «штормового» становления производительных сил новой градации (формации) «Информационное общество» эпохи знания.

Ниже, на рис. 1.5 приводится упомянутый С. Ю. Глазевым рисунок, на который наложены двойные линии графиков развития известных полилогических воспроизводственных процессов, представленных на рис.1.4 спрямлёнными (кусочно-линейными) S-образными кривыми. Это S-образные графики роста сложности следующих чистых эндогенных форм: «феодальная», «экономическая, капиталистическая», «функциональная, социалистическая» и «информационная».

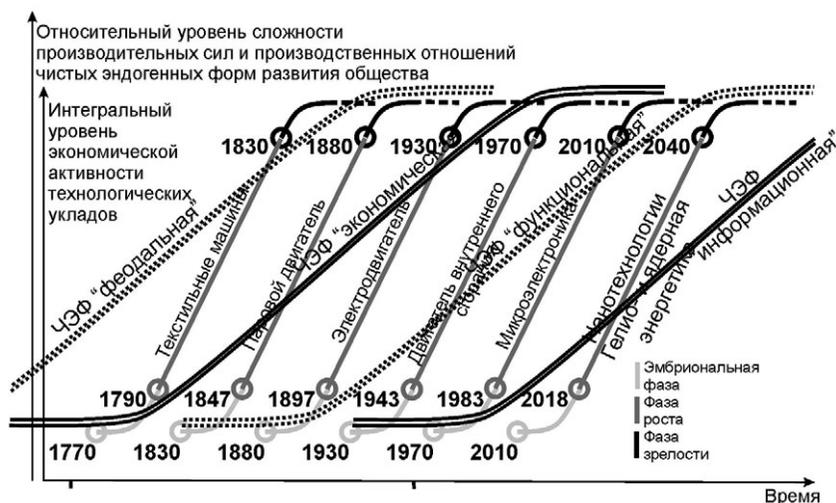

Рис. 1.5. Сравнительный анализ характера графиков развития ЧЭФ по сложности и «уровней экономической активности» технологических укладов

Следует особо заметить, что наблюдаемая взаимосвязанность этих графиков не случайна. Эта взаимосвязь порождается наличием общих компонент у сравниваемых воспроизводственных процессов.

Во-первых. Это наличие и там и здесь важнейшей составляющей производительных сил – «средств производства» соответствующей типологии. Так «текстильные машины» и все рассматриваемые типы двигателей в приведенных технологических укладах суть «вещи», то есть базовый объект ЧЭФ «экономическая, капиталистическая», которая доминирует в градации капитализм. То есть, условно говоря, если суммировать эти графики, то получим некое развивающееся «средство производства» типа «вещь» с S-образно растущим «уровнем экономической активности». Эта «активность» является одной из компонент производственных отношений (пунктирная линия ЧЭФ рис. 1.4-2), что и позволяет производить данный сравнительный анализ характера графиков.

Тогда как за микроэлектроникой, как общепризнано, стоят современные информационные технологии, компьютеры, Интернет и пр., что соответствует ЧЭФ «информационная» и её базовому объекту «информация, информатика». При этом определяющим в развитии становится не сама «техника» (технологический уклад), а именно информация и знания, соответствующие идеальные объекты, будь то некий контент, программы, информационные системы, Интернет и т.п. То есть речь уже идёт о градациях «Информационное общество» и «Общество знания» эпохи знания.

Во-вторых. Если по вертикальной оси графиков укладов предполагается «уровень экономической активности технологических укладов», то для ЧЭФ это уровень сложности воспроизводственных процессов. А это и уровень сложности «средств производства» соответствующей типологии и производственных отношений, что предопределяет высокую корреляцию, взаимосвязь, этих показателей.

В-третьих. Сам абстрактный характер изменения графиков ЧЭФ полилогии и технологических укладов одинаков и включает такие этапы, «фазы», как «эмбриональная фаза», «фаза роста» и «фаза зрелости».

О «шторме» информационно-компьютерных и интернетовских нововведений в своё время активно высказывался будучи

Президентом РФ и нынешний (2013 г.) премьер-министр Д. А. Медведев. Так в выступлении на II Общероссийском гражданском форуме 22 января 2008 года в Москве (Манеж) он заявил:

«Очень важной является та информационная революция, которая проходит во всем мире. Она и дальше будет идти, и мы должны в эту революцию, в эти процессы «встроиться» грамотным образом, не подрывая нравственные устои и в то же время не выталкивая самих себя на обочину информационного развития». (http://www.medvedev2008.ru/performance_2008_01_22.htm)

К сожалению, этот «поход в революцию» у Медведева Д. А. не сопровождался сколь-нибудь целостной и полной программой преобразования российского общества, хотя планы создания электронного правительства, компьютеризации учреждений и подключения школ к Интернету, и прочие им подобные проекты были задействованы.

Но вот теперь этот «намёк» на вхождение в «Эпоху знания» появился у Д. А. Медведева, который свои информационные, авторско-правовые, компьютерные и интернетовские пристрастия скорее превратил в «хобби», чем в социально-структурную и «неэкономическую» (постэкономическую) революцию. Этот «намёк» постоянно и вполне явно проявляется и у С. Ю. Глазьева, в том числе и в его программном докладе.

Таким образом С. Ю. Глазьев и Д. А. Медведев едины в ожидании, скажем так, информационной революции.

Действительно, как видно из полученной схемы развитие ЧЭФ «информационная» в своей эмбриональной фазе совпадает с началом фазы роста технологического уклада «микроэлектроника» и простирается далее на фазу технологического уклада «нанотехнологии». Это период дальнейшего общественного разделения труда в направлении традиционного физического труда и информационного, интеллектуального труда (деятельности). Это начало интенсивного развития интеллектуальных производительных сил и новых производственных отношений. Наконец, это согласно «Полилогии...» и начало становления нового «Информационного общества».

Развитие же ЧЭФ «экономическая, капиталистическая» совпадает с классическим периодом развития общественного разделения труда и появлением машинного производства, что и дало восходящее развитие не только производительных сил, но и

производственных отношений капиталистического способа производства, градации капитализм. Этот период социального развития по сложности, основанный на интенсивном воспроизводстве вещного продукта, товара, совпадает в историческом времени с такими технологическими укладами С. Ю. Глазьева как «текстильные машины», «паровой двигатель», «электродвигатель» и захватывает также технологический уклад «двигатель внутреннего сгорания».

Эти две чистые формы, ЧЭФ «экономическая» и ЧЭФ «информационная» (двойные сплошные линии), имеют в качестве доминирующего базового объекта объекты-предметы «вещь» и «информация». Согласно главной последовательности эндогенной логики полилогии между этими ЧЭФ находится ЧЭФ «функциональная, социалистическая», у которой в качестве доминирующего базового объекта выступает объект-процесс «технология, функция (работа)». Характерной особенностью всех ЧЭФ, основанных на объектах-процессах является, образно говоря, упорядочение «хаоса» предыдущей в доминировании ЧЭФ и, естественно, градации на ней базирующейся. В данном случае это «хаос» градации капитализм и ЧЭФ «экономическая». На рисунке 1.5 график развития по сложности ЧЭФ «функциональная, социалистическая» выполнен двойной пунктирной линией.

Представляя эти графики следует напомнить, что здесь анализируются идеальные модели лишь эндогенного (внутристранового) общественного развития, тогда как реальное развитие конкретных обществ происходит с различными «отклонениями», порою значительными, от идеала. Кроме того, это развитие рассматривается здесь в отрыве от мощных, но резко отстающих по времени процессов мирового экзогенного развития обществ. Поэтому как в реальности выглядит развитие того или иного общества и подобные графики есть дело специального анализа.

Итак, так или иначе, но в своей риторике и С. Ю. Глазьев, и Д.А. Медведев оказываются в определённой степени едины, и оба, правда на чисто технологической основе, хотя бы они того или не хотят, но при этом продвигают развитие производительных сил нашего общества на основе информационной доминанты. А это означает, учитывая примат материальной базы в общественном развитии, что оба, в социальном плане, «пророчат» приход нового «Информационного общества» и «Эпохи знания».

Глава 2

Алгоритм восходящего эндогенного развития социума

*Дальнейшее развитие полилогических основ
метатеории «Полилогия»*

*«...благодаря движению **частной
собственности**, ...возникающее
общество находит перед собой
весь материал для этого
образовательного процесса...».*

К. Маркс,
Экономическо-философские
рукописи 1844 года

Метатеория «Полилогия современного мира. (Критика запущенной социологии)» была опубликована пятитомным изданием в течение 2005 – 2006 годов. Изучение и освоение основ этой теории с неизбежностью привело к дальнейшему развитию как самой теории в целом, так и открытию целого ряда новых положений и закономерностей не только дополняющих основы этой уникальной теории, но обогащающих её новым прогностическим качеством и аналитическим аппаратом. Эти материалы в основном были представлены и обоснованы в недавно вышедшей из печати моей книге «Теория «Информационного общества: О революционном переходе от капитализма и социализма к новой формации». Поэтому, изложение в этой главе некоторых «новинок» метатеории «Полилогия...» будет дано кратко, без развёрнутых обоснований.

2.1. Эпоха как целостный шаг восходящего развития социума по сложности

Главная последовательность критических точек восходящего развития общества отображает переломные моменты перехода от одной градации к другой и разграничивает исторический ряд градаций следующим образом: переломная первобытность, первобытность, рабовладение, феодализм, капитализм, социализм, «Информационное общество», «Общество знания» и т. д. В предыдущих работах была отмечена такая особенность этой последовательности как систематическое чередование двух видов базового типологического объекта (см. таблицу П2 «Приложения 2»), доминирующих в соответствующих градациях. Это чередование объектов-предметов и объектов-процессов происходит в следующей последовательности: человек (язык, мышление) – предмет; общая жизнь – процесс; работник – предмет; пространство производства – процесс; средства производства (вещь) – предмет; функции (технологии, работа) – процесс; информация – предмет; общественное познание (коллективное мышление) – процесс и т.д.

Такое чередование доминирующих базовых объектов в исторически восходящем ряде градаций подразумевает и некоторые сущностные связи между парами градаций этой главной последовательности. Такой связанной парой объектов являются объект-предмет и объект-процесс. Так как основой окружающей нас реальности является материальный мир, материя, то первым в паре стоит объект-предмет. Объект-предмет может быть и идеальным (абстрактным) объектом, так как в основе материальности мира лежит его объективность существования.

Сущностные связи обусловлены структурой доминирующего воспроизводственного процесса (ЧЭФ) и характером отношений собственности по поводу базового объекта. Так в отношении всех доминирующих объектов-предметов имеют место частные отношения собственности как основа соответствующих производственных отношений. Такой тип отношений порождает диссипативный характер производства, атомизированность агентов производства, действующих хаотично без всякой согласованности своей воспроизводственной деятельности. Это порождает хаос в доминирующем типе производства соответствующей градации и жёсткую конкуренцию, особенно в период развитых отношений,

входящих в кризис и достигших предела своего прогрессивного развития.

Естественным продолжением последующего восходящего развития является упорядочение производственных отношений, устранение «хаоса» и атомизированности в производственной деятельности агентов производства, смена конкуренции согласованным развитием производства при сохранении производственной соревновательности и «дружеской состязательности».

Таким образом, центр тяжести в воспроизводственной деятельности по данному, ранее доминировавшему, объекту-предмету переносится с его собственно количественного производства на оптимальную, упорядоченную организацию производства данного объект-предмета. Это совсем не означает, что обществу становится безразличной проблема воспроизводства объект-предметов данной типологии, просто проблема количества выпускаемых конкретных объектов-предметов к этому моменту оказывается решённой обществом и подразумевает выпуск данной продукции в необходимом количестве и качестве, в потребном ассортименте.

Теперь главным, доминирующим, в воспроизводственном процессе становится оптимальная организация воспроизводственного процесса, то есть «процесс» оказывается в центре внимания общества. Само упорядочение воспроизводства объектов данной типологии становится доминирующим объектом-процессом производственных отношений и отношений собственности. Теперь, с этого момента, доминируют соответствующий объект-процесс и его ЧЭФ. Очевидно, что упорядочение воспроизводственного процесса данного объект-предмета требует его обобществления, то есть требует обобществлённых отношений собственности относительно данного объект-предмета. В результате производственные отношения по поводу этого объект-предмета переходят под контроль общества, его «всеобщего интеллекта», а сам процесс его производства включается в инфраструктуру общества.

При этом соответствующий объект-процесс оказывается в центре внимания тех агентов производства, которые принимают эти новые ценности, это новое понимание «богатства» в обществе. Так или иначе, но объект-процесс оказывается в их ограниченных

отношениях собственности. Так как производственный «процесс» и его организация есть дело многочисленных коллективов и отдельных личностей, то и отношения собственности по поводу этой типологии объект-процессов оказываются групповыми, а ввиду сложности «коллективных процессов» группо-иерархическими и даже сетевыми и системно-иерархическими. Это не частные отношения собственности, как по поводу объект-предметов, но и не «обобществлённые», а ограниченные отношения собственности, что и отличает их (частные и группо-иерархические, сетевые и системно-иерархические) от обобществлённых отношений собственности.

Учитывая регулярность и системность этого явления, выделим периоды двух последовательных градаций, характеризующих доминированием объекта-предмета и объекта-процесса, и обозначим каждый из этих периодов термином «эпоха». В восходящем историческом развитии общества соответственно окажутся выделенными следующие эпохи:

- Эпоха человека. Эта эпоха соответствует периоду существования градаций «переломная первобытность» и «первобытность». В градации переломная первобытность доминирует объект-предмет «человек (язык, мышление)», а в градации первобытность доминирует объект-процесс «общая жизнь».
- Эпоха работника. Эта эпоха соответствует периоду существования градаций «рабовладение» и «феодализм». В градации рабовладение доминирует объект-предмет «работник», а в градации феодализм доминирует объект-процесс «пространство производства».
- Эпоха индустрии. Эта эпоха соответствует периоду существования градаций «капитализм» и «социализм». В градации капитализм доминирует объект-предмет «средства производства (вещь)», а в градации социализм доминирует объект-процесс «функции (технологии)».
- Эпоха знания. Эта эпоха соответствует периоду существования градаций «Информационное общество» и «Общество знания». В градации информационного общества доминирует объект-предмет «информация», а в градации общества знания доминирует объект-процесс «общественное познание (коллективное мышление)».
- Эпоха мудрости.

Проиллюстрируем сказанное двумя примерами восходящего развития общества.

Первый пример. Эпоха индустрии. В градации капитализм доминирует объект-предмет «средства производства (вещь)». Производство атомизировано. Каждый агент производства действует в независимости от прочих, подобных ему агентов, что порождает хаос перепроизводства или убыточность производственной деятельности, разорение. Целью производства является получение максимальной прибыли, но никак не интересы потребителей. Вследствие конкуренции и несогласованности производственной деятельности огромные ресурсы растрачиваются впустую, а присущая данному способу экономическая эксплуатация порождает социальную напряжённость в обществе.

Наконец становится очевидной необходимость в коренной перестройке производственной деятельности как процесса и повышению её эффективности, необходимость в устранение негатива экономической эксплуатации, то есть объективно возникает необходимость в упорядочение в целом всего процесса «товарного производства», производства «вещей». Это становится возможным лишь в условиях обобществления «средств производства», постановки их под контроль общества, сбросе этого производства в инфраструктуру общества, что, так или иначе, реализуется соответствующими усилиями общества. Общество от градации капитализм переходит к градации социализм, от товарного производства - к бестоварному производству (в основном).

В центре внимания агентов производства теперь оказывается сам производственный процесс (технологии, функции), работа. В отличие от старого понимания богатство новой ценностью становится сама «работа», место агента в воспроизводственном процессе производства «вещей». Уровень развития производства, достигнутый ещё при капитализме уже в состоянии полностью обеспечить потребности общества, то есть обеспечивает некоторый минимум потребности в «вещах». Теперь главное занять в этом производственном процессе «удачное место» с высоким общественным статусом, что гарантирует высокое благообеспечение.

В результате весь производственный процесс оказывается в руках коллективов и лиц, в их собственности, ибо это текущая ценность, богатство. На каждом рабочем месте (функция) хозяином становится исполнитель, на коллективном рабочем месте хозяином

становится коллектив, на предприятии – коллектив, в отрасли – коллектив и т.д. вплоть до центра. Такой вид отношений собственности называется группо-иерархическим. Метафорами такого вида собственности на объект-процесс являются: «моя работа», «наша бригада», «мой завод», «наше предприятие» и т.п.

Таким образом, в градации социализм эпохи индустрии доминирует объект-процесс «функции (технологии)», который в быту именуется просто – «работа».

Второй пример. Эпоха знания. В градации «Информационное общество» доминирует объект-предмет «информация (контент)». Производство атомизировано. Каждый агент производства действует в независимости от подобных ему агентов, что порождает хаос, массовое дублирование контента, «засорённость» коммуникационных каналов, неэффективность информационно-коммуникационной производственной деятельности. Целью производства является получение максимальной приращённой ценности, но никак не интересы потребителей. Вследствие конкуренции и несогласованности производственной деятельности огромные ресурсы растрачиваются впустую, а присущее данному способу информационное неравенство порождает социальную напряжённость в обществе.

Наконец становится очевидной необходимость в коренной перестройке информационной производственной деятельности как процесса и повышению её эффективности, необходимость в устранение негатива информационного неравенства, то есть объективно возникает необходимость в упорядочение в целом всего процесса «контентного производства», производства и распространения «информации». Это становится возможным лишь в условиях обобществления контента информационно-коммуникационных средств производства, постановки их под контроль общества, сбросе этого производства в инфраструктуру общества, что, так или иначе, реализуется соответствующими усилиями общества. Общество от градации «Информационное общество» переходит к градации «Общество знания».

В центре внимания агентов производства теперь оказывается сам производственный процесс, то есть общественное познание. В отличие от старого понимания богатства новой ценностью становится сам процесс общественного познания, включённость агента во всеобщий воспроизводственный исследовательский

процесс производства информации и нового знания. Уровень развития производства, достигнутый ещё в «Информационном обществе» уже в состоянии полностью обеспечить потребности общества в информации и знаниях, то есть обеспечивает некоторый минимум потребности в информации как знаниях в процессе общественного познания. Теперь главное занять в этом исследовательском производственном процессе ключевое, престижное место с высоким общественным исследовательским статусом в общественном познании, что гарантирует и высокое благообеспечение.

В результате весь информационно-коммуникационный производственный процесс оказывается в руках коллективов и лиц, научных школ и поисковых направлений, теорий, исследовательских и проектных институтов, экспертных систем и организаций, то есть в собственности этих сложно организованных и взаимосвязанных агентов исследовательского познавательного процесса производства, ибо это текущая ценность, богатство. На каждом этапе исследовательского процесса общественного познания хозяином становится исполнитель, на коллективном этапе хозяином становится «научный коллектив», на предприятии – коллектив научной школы или исследовательского института, в отрасли – коллектив, академия и т.д. вплоть до центра. Такой вид отношений собственности на процесс общественного познания называется системно-сетевым, иерархическим. Метафорами такого вида собственности на объект-процесс являются: «исследование показало», «наша точка зрения», «наши исследования», «наша программа исследований» и т.п.

Таким образом, в градации «Общество знания» эпохи знания доминирует объект-процесс «общественное познание (коллективное мышление)».

Приведенные обоснования и примеры показывают, что целостным шагами восходящего развития социума по сложности являются эпохи пар градаций.

2.2. Особенности типовых «процедур» восходящего развития социума по сложности

Главная последовательность эндогенной логики в развитии общества представлена в теории А. С. Шушарина «Полилогия...»

как эмпирический факт истории, а именно как исторический ряд последовательно сменяющихся в своём доминировании ценностей общества («элементарных богатств»), объектов доминирующих отношений собственности. Этот эмпирический ряд исторических фактов выражает некую закономерность материального развития общества. Однако при этом сама логика этого чередования объектов, как доминирующих, процесса производства и воспроизводства действительной жизни остаётся в тени конкретики этих объектов и переходов.

Не пересматривая конкретную логику этой последовательности как «эмпирически устанавливаемому делу», попытаемся с позиций более высокой абстракции на уровне гипотезы выделить из исторических будней общественного развития некоторые воспроизводимые самой историей типовые «процедуры» восходящего развития социума по сложности, ограничившись рамками эндогенной логики развития.

Первое. Имеет место последовательное чередование двух чётко проявляющихся типов (видов) объектов. Это «объект-предмет» и «объект-процесс». Как выше было показано, в исторической эмпирике наблюдается следующий ряд объектов:

- человек (предмет);
- «общая жизнь» (процесс);
- работник (предмет, «живая вещь»);
- «пространство производства» (процесс, «оживотворённое пространство»);
- средства производства (предмет, просто «вещь»);
- «функция, технология» (процесс);
- информация (предмет);
- «общественное познание» (процесс) и т.д.

Второе. Объект-процесс внешне характеризуется сложностью течения, исторической продолжительностью и проявляется в обстановке, образно говоря, как после урагана.

Третье. Объект-процесс возникает там, где ранее было отставание. А точнее там, где используется опыт «гибельного развития» предыдущей градации. При этом территориально, - на границе этого опыта. Античный Рим пал, а во Франции – становление «феода»; в советской России – социализм, а в Европе кризис капитализма.

Четвёртое. Развитие базируется на череде «отрицание – отрицание отрицания», а в конкретике - «отношения частной собственности – обобществлённые отношения собственности».

Пятое. Сама эмпирическая процедура исторического становления, «выбора» доминирующего объекта собственности в восходящем развитии не совсем элементарна и имеет свою внутреннюю логику. Это не просто «взял и выбрал», а значительно сложнее.

Доминирующий объект отношений собственности каждый раз «выбирается» из той части всего множества типологических элементов (объектов) процесса производства и воспроизводства действительной жизни, которые не перешли в инфраструктуру общества, то есть не взятых под контроль всеобщего интеллекта. Эта, вроде бы очевидная процедура, и обеспечивает восходящее развитие.

Шестое. С другой стороны, сама процедура «выбора» есть в основе процедура естественного отбора, которая эмпирически, в своей сути, не имеет целеполагания. Общество (группа) не обладает целью, не имеет цели, и поэтому не «выбирает». Однако реализуемая спонтанно, эта процедура отбирает объект соответствующей типологии из всего множества необобществлённых объектов. Этот отбор происходит как бы на самом первом шаге процедуры и только позднее, в процессе «естественного отбора», по сути, и возникает доминирование, причём доминирование частной формы отношений собственности по поводу отобранного объекта (предмета).

Седьмое, уже упомянутое. Это доминирование происходит лишь в форме ограниченных (частных или группо-иерархических) отношений собственности, ибо по определению все производственные отношения по поводу обобществлённых объектов собственности есть отношения инфраструктуры общества и находятся под общественным контролем. При этом часть объектов, находящихся вне зоны обобществлённых объектов («и их кодифицированного права») продолжает оставаться во множестве объектов ограниченной (частной) собственности «на весь мир» ещё со времён переломной первобытности и только доминирующие из них, как правило, обретают статус регулирования отношений кодифицированным правом.

Восьмое. В практике общественного развития объектами доминирующей ограниченной собственности становятся и те элементы процесса производства и воспроизводства действительной жизни, которые не входят в типологию доминирующей ограниченной собственности, но под воздействием доминирующего механизма взаимодействий агентов производства «вовлекаются» в их число.

Так, например, в капиталистическом обществе, базирующемся на ЧЭФ «экономическая», в качестве товара могут выступать: дети (первобытность), работники (рабовладение), земля (феодализм), информация (информационное общество) и т.д. Эти псевдотовары не обладают всеми свойствами товара (вещи), но могут с помощью института кодифицированного права, наделяться и наделяются необходимыми, присущими товару, свойствами и запускаются в оборот на рынке товарно-денежных отношений.

Поэтому недопустимо, как это часто делают исследователи, классифицировать тип объекта через практику права. То есть, если что-то и продаётся, положим, или «работник», или «информация», или «дети», то это ещё не свидетельствует о том, что эти объекты обладают типологией «товара». Относить такие объекты к типу «товар» (вещь), только исходя из права, - недопустимо. Так же недопустимо, создавать под подобные объекты, например, под «интеллектуальный продукт», исключительное право и т. д.

Основываясь на этих особенностях развития исторического ряда последовательности градаций, далее сосредоточим внимание лишь на типовых процедурах и характерных элементах эмпирического восхождения социума по сложности.

Эскизно о гипотезе «логика истории».

2.3. О движущей силе частной собственности

2.3.1. От градации к градации

Если рассматривать революционный переход от градации к градации, но на более высоком уровне абстракции, то в целом логика этого перехода описывается следующим образом.

Расширенное воспроизводство и рост «качества» некого доминирующего типологического объекта отношений собственности как совокупности конкретных элементов процесса производства и воспроизводства действительной жизни приводит к так называемой асимметрии отношений по поводу этого типологического объекта, к критической ситуации и к кризису в развитии.

Сам «кризис» преодолевается в восходящем развитии через «снятие», то есть через обобществление этого типологического объекта, находящегося в ограниченной, частной или группоиерархической, собственности. Это обобществление происходит в форме постановки соответствующих производственных отношений под контроль общества или, образно, - под контроль «всеобщего интеллекта». Происходит перестройка и переструктуризация воспроизводственного процесса всей действительной жизни. Внешне перестройка выступает в форме создания единого общественного управления с уже включённым в его сферу объектом данной типологии, точнее, - воспроизводства объектов данной типологии. Вместо стихии анархии воспроизводства этого элемента «строится» упорядоченная организация воспроизводства соответствующего объекта в общей совокупности со всеми теми объектами, которые ещё ранее вошли в основания (инфраструктуру) данного общества.

Таким образом «процедура» цикла активизации ЧЭФ в части отношений собственности и восходящего развития от одной градации к другой (последующей), как роста по сложности системы (общества), состоит из двух этапов (полупериодов).

Первый полупериод активизации ЧЭФ – активный отбор доминирующего элемента процесса производства и воспроизводства действительной жизни (ПВДЖ) из множества элементов, ещё не вошедших в инфраструктуру, то есть не включённых в «основания» и расширенное его воспроизводство, и его массовое, если так можно сказать, типологическое тиражирование. Этот выбор основан на актуальности ценностных свойств доминирующего типологического элемента на данном уровне развития воспроизводственного процесса.

Второй полупериод цикла активизации ЧЭФ восходящего развития это организация процесса производства и воспроизводства

«отобранного» и типологически растиражированного, ранее узурпируемого, объекта частной собственности уже на общественных началах, под общественным контролем всеобщего интеллекта (обобществление). Этот полупериод активизации ЧЭФ «призван» нарастить инфраструктуру общества, упрочить его основания.

Если кратко, то весь цикл включает «отбор» и стихийный рост вплоть до хаоса перепроизводства, последующего упорядочения и формирования единой организации системы производства и воспроизводства данного типологического элемента процесса ПВДЖ. При этом имеет место «организация сопряжённости» в целом со всем процессом ПВДЖ и его инфраструктурой.

Подробно, с разбором конкретных революционных градационных переходов, о взаимосвязи циклов и объектов собственности, где нельзя уже обойтись без типологической конкретики, материал изложен в книге «Теория информационного общества: О революционном переходе от капитализма и социализма к новой формации».

На рис. 2.1 представлена общая схема логики истории развития общества, где цикл «средства производства», актуальный для сегодняшней России и ряда развитых стран мира, выделен толстой косой линией с точками на концах.

На этой схеме по вертикальной оси дана шкала сложности уровня развития каждой ЧЭФ в относительных единицах (доли или проценты от максимума сложности по каждой ЧЭФ). Для каждой ЧЭФ применяется своя шкала сложности в натуральном измерении. Для того чтобы использовать единую шкалу относительных значений уровня сложности различных ЧЭФ (как на рисунке 2.1), их натуральные шкалы сложности были нормированы относительно своего максимального значения (в представлениях на данный момент существующего знания). Кроме того, для упрощения схемы, отображённые фрагменты графиков роста сложности во времени даны в прямолинейной интерпретации. В результате схема логики истории развития общества по сложности приобрела вид, представленный на этом рисунке.

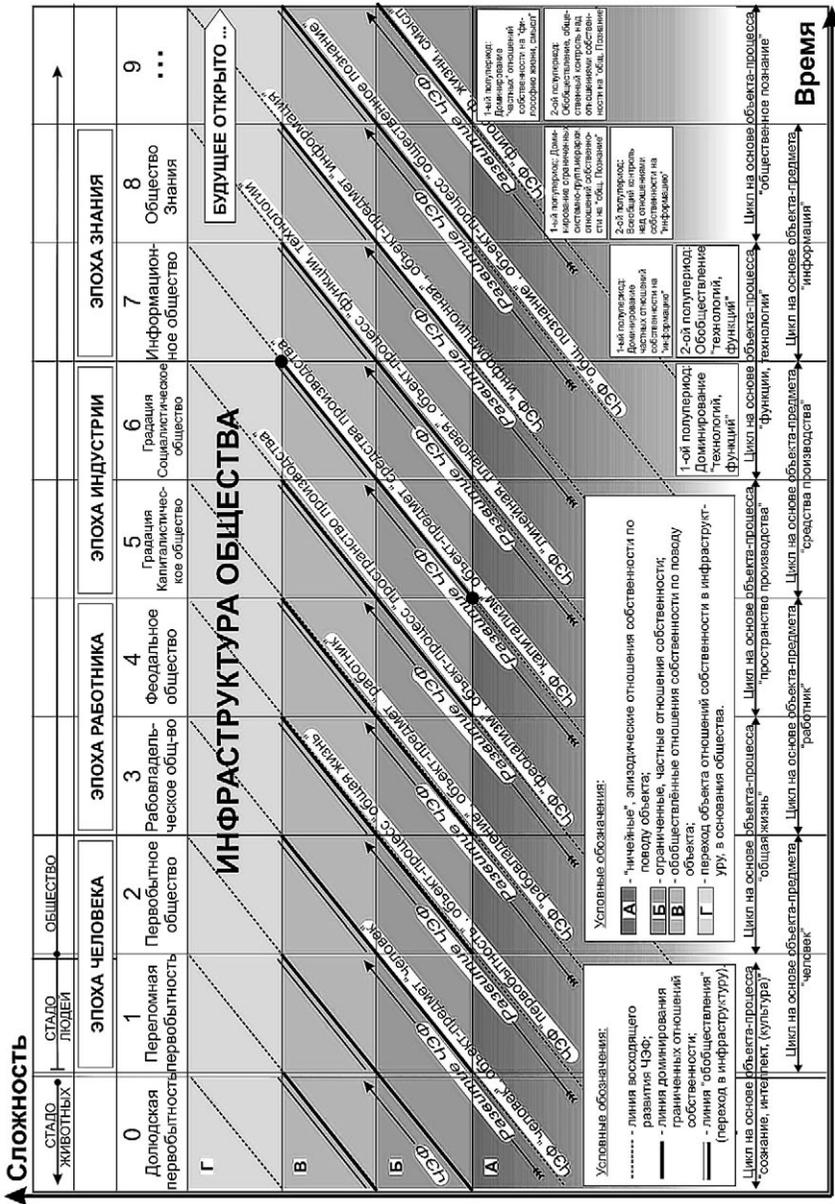

Рис. 2.1. Схема логики истории развития общества

2.3.2. О «логике истории»

2.3.2. О «логике истории»

Но нас интересует именно сам абстрактный механизм-процедура, вступающий в действие по мере развития «производительных сил» общества. В общем виде этот механизм-процедуру перехода от доминирования объекта-предмета к доминированию объекта-процесса, то есть перехода «предмет - процесс», а равно и перехода «процесс – предмет», можно описать так:

- порождение производящим трудом критического, предельного состояния доминирующих производственных отношений по поводу объекта-предмета или объекта-процесса;

- разрыв «замкнутости» этих, существующих, отношений как процесс обобществления;

- разрыв происходит в результате развития одного из «свободных» элементов ПВДЖ (не вошедших в инфраструктуру и прежде не доминировавших), а именно объекта-процесса, если ранее доминировал объект-предмет, или объекта-предмета, если ранее доминировал объект-процесс. То есть это развитие только лишь начинающего доминировать соответствующего типологического объекта, не входящего в состав инфраструктуры общества;

- механизм взаимодействия агентов производства по поводу этого развивающегося элемента (объекта-процесса или объекта-предмета) разрывает существующую замкнутость;

- новый тип богатства, так или иначе, связан, в некой первородной форме, с предшествующей формой богатства. Этот элемент в своём развитии поднимается до уровня новой ценности и богатства, что собственно и заставляет действовать активно соответствующих агентов производства.

В конкретике такого градационного перехода рассмотрим изложенную схему этого механизма-процедуры на примере эпохи знания и перехода от информационного общества к «Обществу знания», разумеется, лишь в рамках предшествующего представления об этой градации.

2.4. На высоком уровне абстракции

2.4.1. Первое приближение к «Обществу знания»

В абстракции, на уровне понятий объект-предмет и объект-процесс, схема перехода от градации «Информационное общество» к градации «Общество знания» аналогична переходу от градации капитализм к градации социализм, который подробно изложен в книге «Теория информационного общества...». Здесь же пойдёт речь о переходе от доминирования ЧЭФ «информационная» к доминированию ЧЭФ «общественное познание». То есть предстоит анализ перехода от доминирования объекта-предмета «информация» к доминированию объекта-процесса «общественное познание».

В общем виде механизм-процедуру этого перехода «предмет - процесс» можно описать так:

- порождение «производящим трудом» критического предельного состояния развития доминирующих отношений по поводу объекта-предмета «информация» и всё возрастающей замкнутости производства ЧЭФ «информационная» самого на себя, - «торренты ради торрентов», то есть, как когда-то, – «деньги ради денег».

- становление доминирования объекта-процесса ЧЭФ «общественное познание». Эта ЧЭФ и её объект-процесс способны разорвать «замкнутость» информационного производства. Соответствующий объект-процесс «общественное познание» непосредственно связан с доминировавшим объектом-предметом «информация, знания» и не входит в состав инфраструктуры.

- разрыв замкнутости существующих отношений происходит как процесс обобществления информации (контента информационно-коммуникационных средств производства) в результате развития и начала доминирования одного из элементов ПВДЖ - объекта-процесса «общественное познание» как новой ценности и «божественного социального».

- собственный механизм взаимодействия агентов производства по поводу «общественного познания» заключается в «логическом соответствии» воспроизводственных процессов общественного познания (исследований), упорядоченного движения и использования информации, знаний и исследований, а

также - в соответствии, в концептуальной и понятийной сопряжённости и согласованности друг другу этапов общественного познания (исследований). Этот механизм противоположен и полностью противостоит атомарности информационного производства, замкнутости каждого агента на самого себя и свою долю в приросте приращённой ценности (торрентов). В результате становится возможным, и происходит, обобществление доминирующего (прежде) объекта-предмета «информация», постановка его под контроль общества, под контроль всеобщего интеллекта.

- утверждение новых ценностей и нового типа богатства «общественное познание», что в обыденной жизни называется просто «интеллектуальной работой», исследованием. Этот элемент, исследовательский статус, в своём развитии как ценности заставляет активно действовать соответствующих агентов производства, обеспечивая восходящее развитие общества.

В развёрнутом виде и в большей конкретике перехода от доминирования ЧЭФ «информационная» к доминированию ЧЭФ «общественное познание» изложенная схема этого механизма-процедуры перехода выглядит следующим образом.

1. Производящий труд порождает «приращённую ценность» и новый системный кризис, обусловленный асимметрией господствующей ограниченной, частной, собственности на контент информационно-коммуникационных средств производства. То есть, контент, *«будучи предоставлен самому себе в господствующей форме (как всякая симметрия) превращается в асимметрию»*, в данном случае имущих контент информационных средств производства и имущих лишь свою интеллектуальную способность как рабочую, интеллектуальную силу. Основной «мотив» информационного производства, его внутренняя объективная цель, представляет собой прирост трекерса как производственной позиции собственника, в известной форме максимального извлечения **приращённой ценности** за счет свободного, но все же связанной договором интеллектуальной деятельности (труда). Интеллектуальный труд соединяется трекерсом с обстоятельствами информационного производства, т.е. с контентом информационно-коммуникационных средств производства, который находится в частной собственности. (Здесь трекерс есть полилогический аналог

известного всем «капитала», а приращённая ценность – аналог прибавочной стоимости.)

«Закон конца» информационного общества, как формы по мере развития производительных сил и сложения обстоятельств рано или поздно достигающей своего предела, обобщённо выражается законом трекерсического накопления, в частности ростом богатства и монополизации на одной стороне и бедности – на другой («информационное неравенство»).

Таким образом, основное противоречие зрелого эндогенного информационного общества – это противоречие между объективным, происходящим в самом производстве **обобществлением контента информационно-коммуникационных средств производства** и ограниченной, необщественной, в данном случае классической частной собственностью на этот контент.

В «позитивном» производительном содержании преодоление информационного общества означало объективный процесс **научно-исследовательской систематизации** (в более видимой общественной форме **онаучивания**) информационного производства. Преодоление градации «Информационное общество» означает следующий шаг приучения общества и людей к научно-исследовательской системной дисциплине **общественного познания** как интеллектуальной деятельности (труда), к коллективной работе в масштабах всего (отдельного) общества, к **понятийно-программной и системно-сетевой познавательной** сущности производства информации и знаний.

Информационное, трекерсистское, общество замкнуто на информационный «рынок» как диспозитивно безадресную сеть взаимодействий агентов информационного производства. Это своего рода хаос, стихия спонтанно возникающих производственных связей механизма обмена контентом (информационное пространство, информационный «рынок») с базовым объектом «контент информационно-коммуникационных средства производства» и контентным («рыночным») равновесием, с сетевым и понятийным (информационно-продуктовым) разделением деятельности (труда). Базовые производственные отношения – информационные (контентно-торрентные) при частной собственности на контент информационно-коммуникационных средств производства.

2. Стихии и хаосу безадресности информационного «рынка» противостоит системность («содержательная плановость») механизма «логического соответствия». Этот механизм есть атрибут, неотъемлемая часть и свойство ЧЭФ «общественное познание» как познавательного, системно-понятийного процесса, то есть процесса воспроизводства объекта-процесса «общественное познание» (коллективное мышление). Этот же механизм внутренне присущ и собственно предприятиям трекерсистского информационного производства и в большей степени информационно-коммуникационным монополиям и ТНК. То есть системная понятийность механизма «логического соответствия» есть так же и составная часть ещё господствующего трекерсистского производства «Информационного общества».

3. Разрыв замкнутости информационно-рыночного производства как хаоса безадресности воспроизводства возникает в ходе противостояния стихии рынка информационного пространства и всё возрастающей системности механизма «логического соответствия».

Согласно полилогической трактовке истории, элементы соответствия и, естественно, процесса общественного познания изначально присутствуют в любой градации как композиции всех известных ЧЭФ. Частный контроль над контентом информационно-коммуникационных средств производства означает и частный контроль над производством в той части, которая не вошла в инфраструктуру общества и не находится под контролем всеобщего интеллекта. При этом «системность», порождаемая механизмом логического соответствия и являющаяся вместе с механизмом соответствия безусловным атрибутом объекта-процесса «общественное познание», разрушает (взрывает) атомарную стихию зашедшего в предел информационного рынка. Таким образом, частная собственность входит в противоречие с развивающейся системностью производства, которое разрешается через обобществление контента информационно-коммуникационных средств производства, то есть посредством «отказа» от отношений частной собственности на них, по их поводу.

Объект-процесс «общественное познание» находятся в органической связи с контентом информационно-коммуникационных средств производства. Имеется ввиду

социологическое содержание «общественного познания» как объект-процесса общественных отношений по его поводу. Образно можно сказать, что вирус ограниченной частной собственности заражает объект-процесс «общественное познание» и в силу его системно-иерархического характера возникает ограниченная системно-сетевая иерархически групповая собственность на общественное познание.

4. Обобществление контента информационно-коммуникационных средств производства, изъятие их из ограниченной (частной) собственности, симметризация и снятие в инфраструктуру, постановка их под уже новый контроль всеобщего интеллекта, но в условиях уже начинающего доминировать контроля логического соответствия (и системы).

Однако следует особо подчеркнуть, что под всеобщий контроль поставлены лишь собственно информационные (контентно-торрентные) отношения из общего множества всех элементов производства, находившихся под доминировавшим влиянием контента информационно-коммуникационных средств производства. Эти контентно-торрентные отношения в условиях обобществления стали вспомогательными, подчинёнными системе и соответствующие ей.

5. В то же время «общественное познание», будучи составной частью ПВДЖ с доминированием контента информационно-коммуникационных средств производства, не только сохраняют свои прежние ценностные свойства, но и приобретают форму богатства. Это выражается в широком распространении таких фразеологизмов как, например, - «моё творчество (работа)», «исследование показало», «наша точка зрения», «наши исследования», «наша программа исследований» и т.п. В результате ещё более активизируются процессы исследований, систематизации знания и онаучивания.

Таким образом, используя абстрактный механизм логики перехода между градациями, возможно по характеристике и формальному описанию доминирующей ЧЭФ сделать выводы о сущности последующей в доминировании ЧЭФ, особенно, если имеет место и эмпирическое представление об этой форме. Это, разумеется, не есть процесс конструирования нового общества, но такой анализ позволяет определить достаточно полно совсем не «тощий тренд» общественного развития.

2.4.2. Алгоритм «конструирования» новой градации

В самом общем виде схема последовательного восходящего общественного развития складывается из двух постоянно реализуемых этапов:

- первый этап, это «освоение» нового доминирующего элемента ПВДЖ;

- второй этап, это упорядочение хаоса спонтанных взаимодействий и связей агентов прежнего способа производства.

Эти два этапа, по сути, образуют эпоху в восходящем развитии общества. Последовательность эпох восходящего идеального развития непосредственно представлена в таблице П2 «Приложения 2».

Внешне, особенно в случае революционной ситуации, это «упорядочение» есть преодоление критического состояния в развитии общества по причине захода в предел устаревших производственных отношений. Преодоление этого состояния происходит в форме «снятия», то есть ликвидации господствующей ограниченной (частной или группо-иерархической) собственности как отрицательного и негативного для социума явления, с одной стороны. С другой стороны, сам ранее доминировавший воспроизводственный процесс ЧЭФ сохраняется, но ставится под контроль общества, то есть обобществляется.

Воспроизводственный процесс общества вновь приходит в равновесное состояние, но это уже другая градация, в которой доминирует новая ЧЭФ с новым доминирующим способом производства, новыми доминирующими производственными отношениями, новым доминирующим объектом отношений ограниченной, частной или группо-иерархической, собственности.

На рисунке 2.2. приведена схема алгоритма прогнозирования перехода от одной градации к другой, то есть в какой-то мере схема «конструирования» новой, последующей, градации. Разумеется, что без содержательного анализа градации, достигшей в развитии своего предельного состояния и кризиса как критического состояния, невозможно продуктивно использовать данный алгоритм. При этом предполагается, что анализ состояния и прогноз развития общества строятся в рамках фундаментальной социологической метатеории развития общества А. С. Шушарина «Полилогия современного мира. (Критика запущенной социологии)», в её терминах и понятиях, на основе её логики исторического развития.

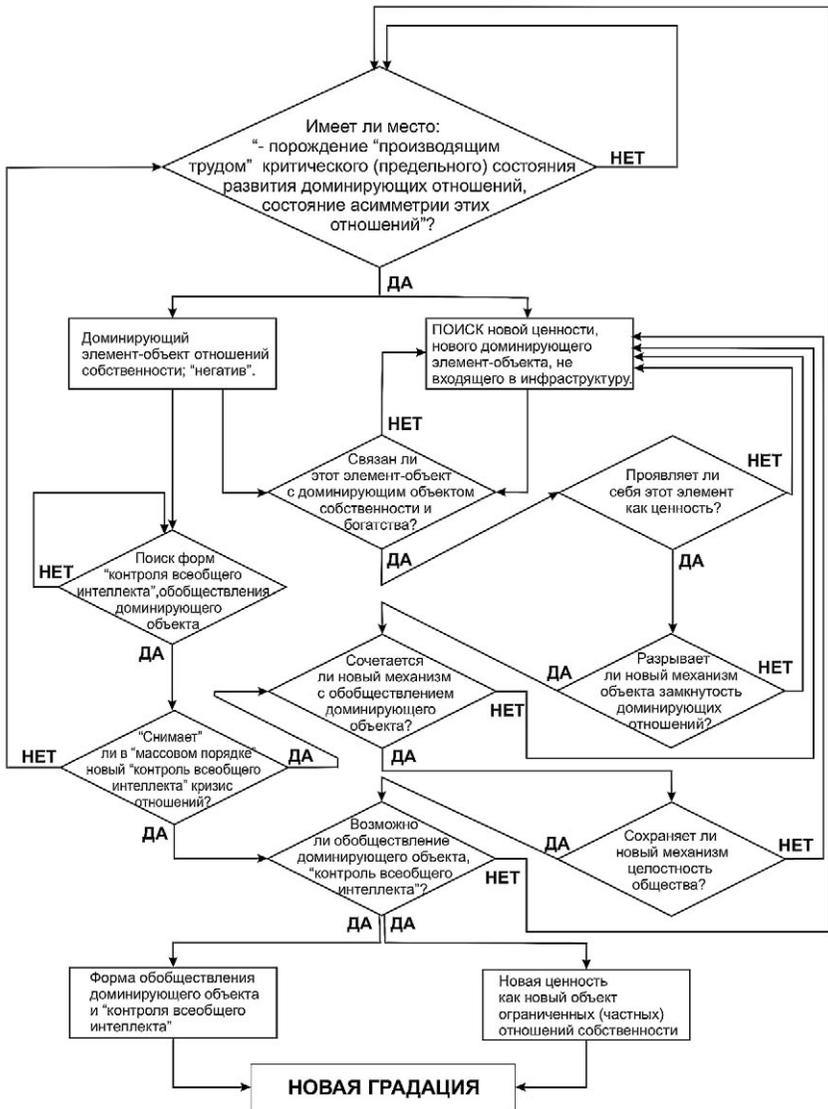

Рис. 2.2. Схема алгоритма «конструирования»
новой последующей градации

2.5. «Историческая спираль» восходящего развития общества

2.5.1. Видимый горизонт развития общества

Ранее отмечалось, что первый полупериод цикла активизации по каждому типологическому объекту ПВДЖ обусловлен массовым освоением нового типологического элемента и связан с его доминированием. При этом второй полупериод активизации, совпадающий с 1-ым полупериодом активизации другой, последующей ЧЭФ, обусловлен упорядочением и организацией общественного (всеобщего) использования этого элемента. То есть, второй полупериод связан с включением данной типологии этого элемента в инфраструктуру общества. Соответственно цикл освоения каждого типологического объекта процесса ПВДЖ реализуется в двух последовательных грациях (формациях - традиционно) общественного развития.

Следует заметить, что в «Полилогии...» в параграфе «Об информатике (сброс покровов с тайн производства)» А. С. Шушарин, по нашему мнению, излагает материал сразу по двум ЧЭФ ближайшего «открытого будущего». ЧЭФ «информационная» соответствует первому полупериоду цикла с объектом-предметом «информация». Второй полупериод этого цикла совпадает по времени с первым полупериодом цикла с объектом-процессом «общественное познание» ЧЭФ «общественное познание» (см. рис. 2.1.) и «научным механизмом производства», являющимся по А. С. Шушарину: «комплексным, междисциплинарным» изучением, «разумности», «понятийности», «онаучивания», что есть нечто «понимающее» и «социорегулятивное».

Иначе, как писал Маркс, этот второй полупериод характеризуется «превращением науки в непосредственную производительную силу». Это уже «научное общество», естественно *«опирающееся на новое научное социальное знание, уже не философия, а именно наука»*. В качестве основ этого нового социального знания и предлагается новая фундаментальная социологическая метатеория развития общества А. С. Шушарина «Полилогия современного мира. (Критика запущенной социологии)», а также разработанные на её базовом воззрении теория «Информационного общества» (Харчевников А.Т. «Теория информационного общества...») и настоящий труд.

Таким образом, описывая, изучая и исследуя то или иное общество, его тип, мы, так или иначе, вынуждены выходить за пределы исследуемой градации, ибо в ней также реализуется первый полупериод цикла активации последующего базового объекта. Поэтому, чтобы достаточно полно очертить видимый горизонт общественного развития, изложим кратко предполагаемые (весьма вероятные) последовательно восходящие после «Информационного общества» и «Общества знания» градации.

Это градации эпохи мудрости (см. Приложение 2), назовём их условно, «Общество философии жизни» и «Общество мудрых решений». Названия этих градаций крайне условны и отражают лишь некоторое отличие от исследуемых в данной работе, а равно и их «преемственность». Полная схема базовых циклов, соответствующих ЧЭФ и основанных на них градациях, представлена на рисунке 2.3. ЧЭФ «общественное познание» выделена градиентной заливкой, градация «Общество знания» выделена сплошной заливкой.

После социализма именно «общественное познание» как объект-процесс позволяет поставить на службу обществу информационность и коммуникативность (информацию и информатику), то есть обобществить, поставить под общественный контроль в форме доминирующего воспроизводственного процесса ЧЭФ «общественное познание». Познание – это не знание, *«застывшее в форме «информации»»*, а именно «общественное познание» как объект-процесс использования и применения собственно информации. Эта информация есть не только сведения о параметрах, законах, свойствах, закономерностях, но и о теориях, гипотезах, правилах и эмпирических фактах.

Именно объект-процесс «общественное познание» разрывает диспозитивно безадресное движение информации, стихию неограниченного моря сведений «от всех – всем и обо всём». Только общественное познание позволяет во втором полупериоде его активизации, но уже с доминирующим объектом-предметом «философия жизни (смысл жизни)» всем агентам ПВДЖ «участвовать во всём». Этому второму полупериоду активизации объекта-процесса «общественное познание» в восходящем развитии соответствует 1-ый полупериод ЧЭФ «философия жизни (понимание)».

После «Общества знания» именно «философия жизни» в форме «понимания» как объекта-предмета позволяет разорвать оковы единого, цельного и нерушимого процесса общественного познания, его замкнутость самого на себя и «ради себя». Именно «философия жизни» позволяет через инициативу каждого индивида как универсальной личности, «универсального человека», атомарно, в хаосе диссипативных связей, помимо его воли и сознания служить обществу в его восходящем развитии. Эта историческая роль объекта-предмета «философия жизни» становится возможной в ходе становящегося и восходящего доминирования воспроизводственного процесса ЧЭФ «философия жизни».

В этой ЧЭФ использование обобществлённого «знания как силы» обусловлено и происходит на основе ограниченной, частной, собственностью на «философию жизни» (личную «мудрость в решениях») как объекта-предмета. Именно в этой ЧЭФ куётся примат общественного перед личным, именно здесь достигается понимание личного блага как блага служению обществу, именно здесь каждый начинает видеть своё личное благо как благо общества, как благо общественное.

Далее и этот объект-предмет «философия жизни» будет обобществлён в рамках последующей градации и доминирования соответствующей ЧЭФ, положим, ЧЭФ «мудрых решений». В этой ЧЭФ будет доминировать уже новый объект-процесс как «мудрое решение», что станет решающим этапом в деле формирования «общественного интеллекта», или «всеобщего интеллекта», но не на биологической основе как некого нового биологического вида. Это будет некий, скажем так, не «распределённый» интеллект как некий интеллект общества, распределённый по его членам, а как «средство» интеллектов. Это средство здесь берётся в том понимании, которое выразил Е. Н. Панов в своей книге «Бегство от одиночества...» в отношении «средства» биологических организмов. Только теперь это «средство» станет проявлением в социальной сфере взаимодействия множества личных, индивидуальных, интеллектов.

Напомним, что биологическая эволюция развития «прошла» гигантский путь от отдельно существующих клеток до целостного организма человека, состоящего из множества разнообразных клеток. И «человек» здесь это всего лишь то, что нам «человекам»

(людям!) известно. Мы здесь и слово «прошла» пишем в кавычках, ибо мир вечен, а эволюция есть сумма конечных процессов. То есть вечность, временная бесконечность, как бы отрицает конечные процессы эволюции, точнее, делает их ничтожными, представляя нам существующий мир как нечто «данное нам в ощущениях».

Что последует далее, в нашем социологическом срезе исследования общественных явлений, будет видно из эмпирического ряда фактов последующей истории.

Высказанные «конструкторские предположения» не более чем гипотетические конструкторы, позволяющие «упаковать» собственно теорию в некоторую оболочку «внешнего дополнения». Возможно, что восходящее развитие пойдёт иначе или, вообще, прервётся нить существования человечества на Земле. Кто знает, ведь это дело эмпирически устанавливаемых фактов истории. И это так. Но установить, исходя из доступного познанию эмпирического ряда истории развития социума, некоторый, пусть так же «тощий», но более солидный, чем прежде, в «Капитале» К. Маркса, тренд восходящего развития весьма значимо. Это ли не означает, что «жизнь продолжается» - будущее открыто...

2.5.2. Восходящее развитие по спирали

После изложенного представления о закономерностях «логики истории» эндогенного развития обществ дадим графический образ цикла этого развития в виде восходящего витка спирали (смотри ниже: рис. 2.4 и 2.5). В соответствие с рисунком 2.1 осью восходящей спирали развития общества является рост сложности (негэнтропии) общества. Вокруг этой, вертикальной, оси и происходит развития общества по спирали, последовательно проходя различные исторические градации от общества «Переломной первобытности» до грядущего «Общества знания» и далее. Проекция витка спирали развития на горизонтальную плоскость есть окружность.

Для полного описания развития общества по спирали (см. рис. 2.6) необходимо задать также и две другие ортогональные (взаимно перпендикулярные) оси, лежащие в упомянутой горизонтальной плоскости. В качестве этих двух параметрических осей выберем так называемые «центростремительные» параметры, характеризующее прогрессивное становление общества. Горизонтальная ось (слева на

право) характеризует развитие общества в части последовательного освоения всего множества возможных конкретных типологических элементов общества и его структуры (элементный состав общества как сложной системы). Ось, уходящая в направлении от наблюдателя, характеризует развитие общества в части соответствующей организации его на основе этого множества конкретных типологических элементов.

Таким образом, центр окружности, ровно, как и вся вертикальная ось «негэнтропия (сложность) общества», являются геометрическим местом точек «абсолютно» идеального равновесного состояния общества. Однако, общество, постоянно и непрерывно развиваясь, находится лишь в состоянии некоторого динамического равновесного состояния, которое весьма далёко от идеального состояния («далёко» от центра, от вертикальной оси сложности общества).

В процессе развития общества постоянно нарастает множество используемых человеком и обществом артефактов (предметов и процессов). Их рост с таким же постоянством вносит диссонанс в «псевдо равновесное» состояние общества. Общество корректирует свои организационные структуры и процессы (производственные отношения и способы производства) в сторону равновесного состояния, пытаясь устранить возникшие отклонения, связанные с поступательным развитием, с ростом его элементного состава и с совершенствованием организации воспроизводственных процессов. Сложность общества ещё более возрастает.

Однако «производительный труд», творческий труд агентов производства, продолжает наращивать множество используемых человеком и обществом артефактов (предметов и процессов), локально и конкретно совершенствует организацию социума. Это вновь вносит диссонанс в уже якобы достигнутое в предшествующий момент развития равновесное состояние общества.

Итак, описанная схема постоянно и непрерывно реализуется в обществе. Это собственно и обуславливает, образно говоря, вращательное движение «общества» по круговой орбите с центром в точке идеального равновесного состояния. Однако, как вытекает из приведённого описания, такое «идеальное равновесное состояние» возможно лишь в статике.

Вместе с тем каждый шаг такого приращения неизбежно увеличивает, качественно или количественно, негэнтропию общества, его сложность. В результате траектория развития общества в предложенных координатах оказывается не только круговой, но и восходящей по сложности, что и порождает образ «спирали» исторического развития общества (эндогенно).

Напомним, что все ЧЭФ существуют параллельно и одновременно (одномоментно) на всём протяжении исторического развития. Однако в рамках главной последовательности эндогенной логики развития общества как критических (предельных) и «революционных» состояний бифуркации выделим лишь два полупериода как один цикл в «жизни» ЧЭФ, связанный с активизацией соответствующего типологического элемента как типологического объекта собственности процесса ПВДЖ. Это соответствует отрезкам линейных графиков развития ЧЭФ по сложности рисунка 2.1, где эти отрезки выделены толстой линией. Под активизацией (активацией) объекта собственности понимается два последовательных состояния (полупериода), а именно доминирования соответствующих отношений собственности «по поводу» его в 1-ом полупериоде и последующее обобществление в течение второго полупериода, параллельно которому имеет место уже доминирование следующего типологического объекта процесса ПВДЖ.

В течение каждого полупериода одного цикла можно выделить два этапа. Эти этапы характеризуют основную тенденцию активизации данного типологического элемента (объекта): первый и второй этапы первого полупериода есть «доминирование» - начало восходящего доминирования и предельного (предкритического) состояния доминирования; третий и четвёртый этапы полупериода есть «обобществление» - начало обобществления и завершения обобществления. При этом каждый полупериод завершается (может завершаться) точкой бифуркации, то есть неустойчивого состояния, когда направленность дальнейшего развития (восходящий прогресс, деградация, обход и пр.) зависит от множества факторов, от массы отдельных, единичных, случайных и слабых возмущений.

Процесс активизации типологических объектов-предметов (человек, работник, средства производства, информация и др.) и объектов-процессов (общая жизнь, пространство производства и жизни, функции (технологии), общественное познание и др.) на

участке одного полупериода происходит параллельно, ибо соответствующие им ЧЭФ существуют вообще параллельно на всём протяжении исторического существования общества. Поэтому целесообразно рассматривать развитие типологических объектов-предметов и развитие типологических объектов-процессов как две фазы единого исторического процесса развития общества, графики которых лежат в двух взаимно ортогональных (перпендикулярных) вертикальных плоскостях (смотри рис. 2.6).

Мерой активизации типологического элемента (объекта) являются: степень его освоения и степень включения объектов данной типологии в основы (инфраструктуру) общества.

Освоение данного типологического объекта в течение первого полупериода условно можно понимать как «добавление» этого нового элемента в процесс ПВДЖ во всём его конкретном многообразии (в количестве и качестве).

Включение объектов данной типологии в основы (инфраструктуру) общества понимается как завершение «строительства общества» и его воспроизводственной структуры с применением этого элемента.

Интегральным результатом активизации является качественный рост негэнтропии по сложности как переход от одной градации к другой. Разумеется, это разделение на полупериоды и этапы, равно как и фазы, условно, ибо процесс развития общества в целом непрерывен и неделим, а поэтому есть скорее континуум, чем строгая дискретность. С другой стороны, бифуркационные, революционные, скачки следует понимать как исторически резкую смену вектора развития (тренда) общества на фоне последовательных исторических изменений всего многомерного разнообразия производственных отношений в реальном масштабе времени.

Обращаем внимание, что на схеме рис. 2.4 проекция траектории (спирали) изменения состояний объекта-предмета есть окружность. А это символически означает наличие центростремительных сил, которые стремятся переместить объект-предмет в точку нейтрального, равновесного, состояния, то есть в «центр». Но одновременное и ортогональное действие постоянных факторов, таких как отклонение от достигнутого (нарастание новизны) и «рассогласований в новой организации» с уже данным объект-предметом, постоянно выводит состояние системы общественных отношений из равновесности.

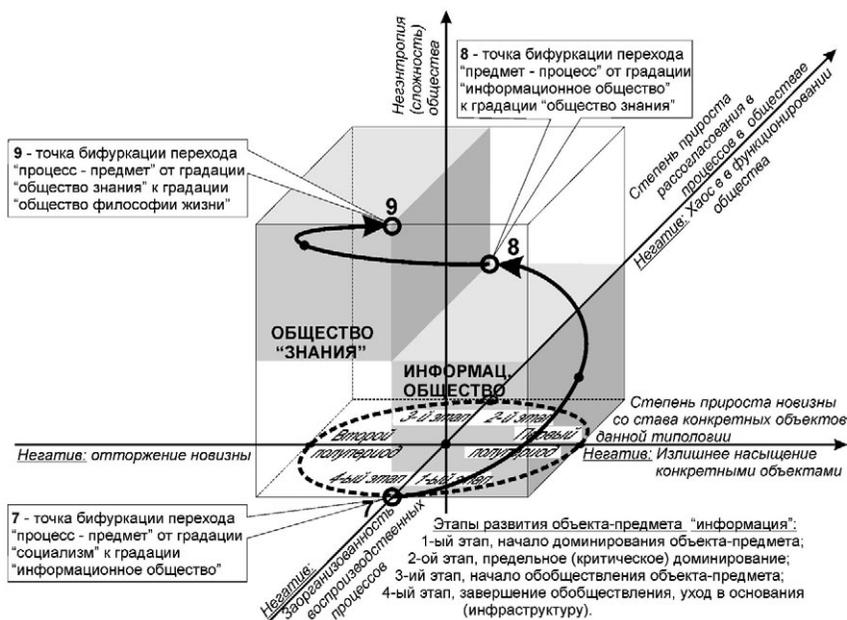

Рис. 2.4. Цикл, виток «спирали», активизации типологического объекта-предмета «информация, информатика»

Далее на рис. 2.5 представлена схема цикла активизации нового объекта-процесса как элемента ПВДЖ. Причём «фаза» этого цикла сдвинута на половину периода относительно цикла активизации объекта-предмета.

Таким образом, в целом восходящее развитие общества по сложности заключается в последовательной активизации, доминировании и ухода в основания, в инфраструктуру, типологических объектов-предметов процесса ПВДЖ. Это одновременно связано с последовательным совершенствованием (перестройкой) всей организации общества, то есть процессов, связей, механизмов, знаковых форм, представлений о богатстве и пр. То есть параллельно и одновременно имеет место последовательная активизация, доминирование и уход в основания, в инфраструктуру, типологических объектов-процессов ПВДЖ.

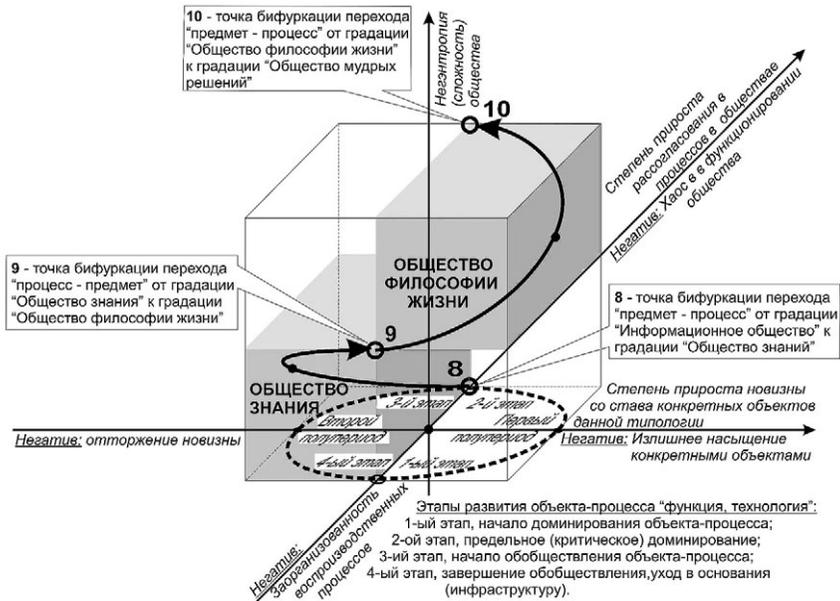

Рис. 2.5. Цикл, виток «спирали», активизации типологического объекта-процесса «общественное познание»

Понятно, что приведенный анализ можно было бы начинать и с объектов-процессов. Однако, оставляя примат за чисто материальным началом, будем рассматривать в качестве ведущего процесса восходящего развития (возрастания) по сложности социума процесс активизации всё новых и новых объектов-предметов. Этот процесс ПВДЖ, в своей сущности, не имеет ни начала, ни конца, ибо материя неисчерпаема, тогда как область нашего внимания, общество, находится где-то «внутри» этого процесса.

Изложенное позволяет отобразить в целом развитие общества в рамках эндогенной логики как восхождение по спирали с ростом сложности (негэнтропии), где один оборот спирали соответствует циклу в активизации того или иного типологического объекта процесса ПВДЖ (см. рис.2.6). На рис. 2.6-1 представлена соответствующая схема, которая, по сути, представляет собой «сумму» графических представлений о циклах активизации всех известных типологических объектов-предметов, подобных

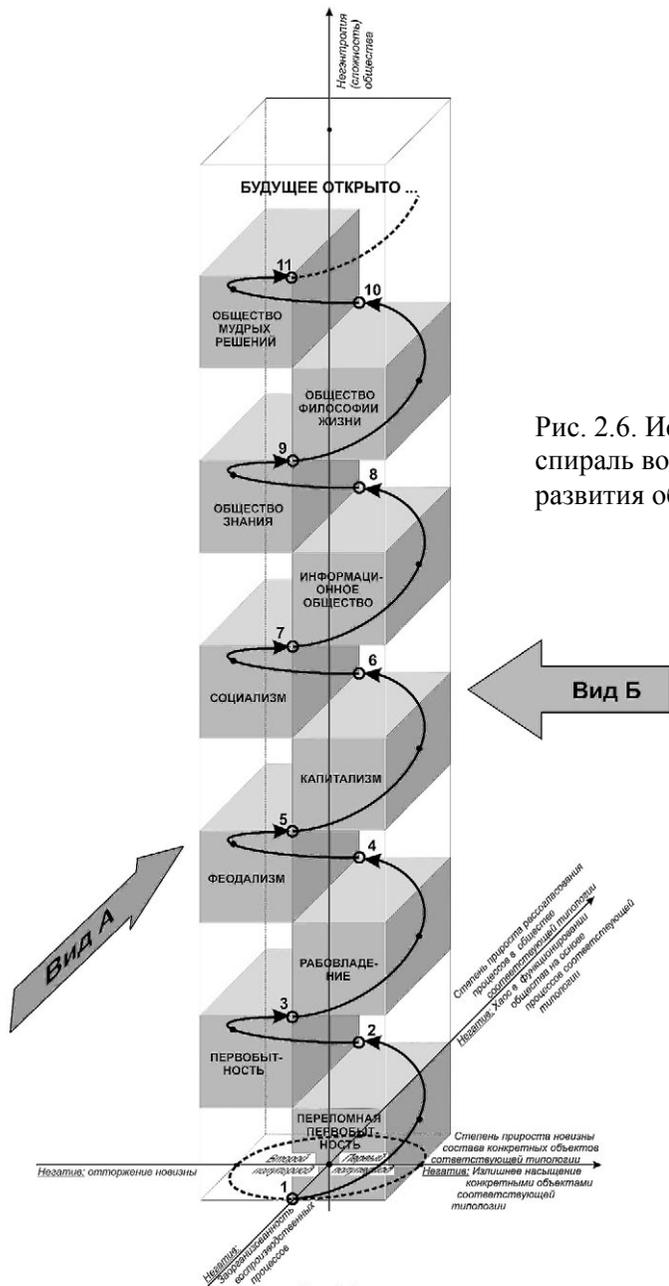

Рис. 2.6. Историческая спираль восходящего развития общества

Рис. 6-1.

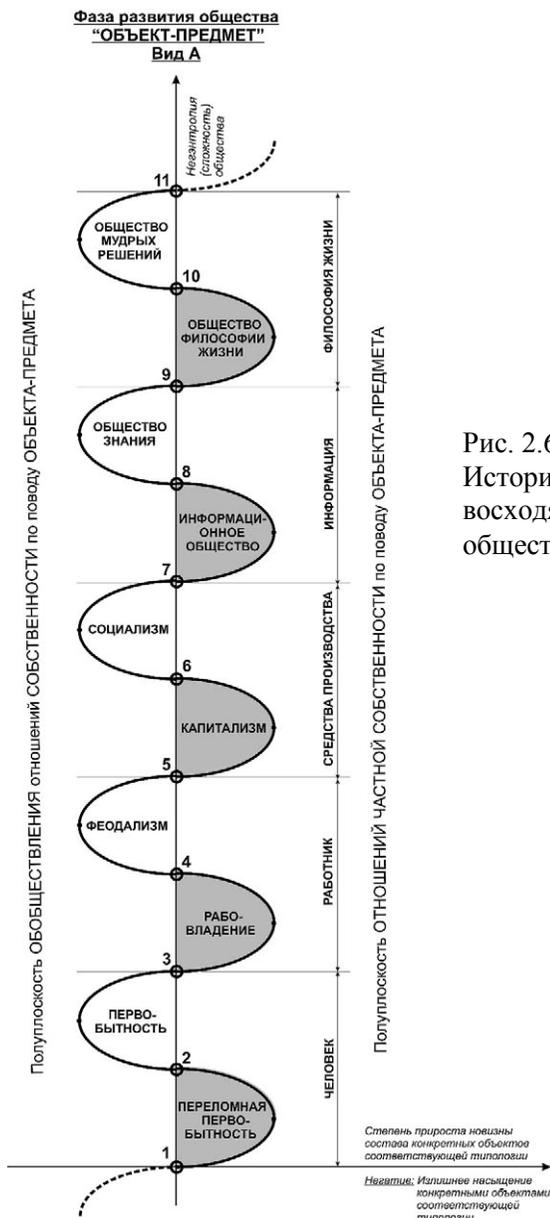

Рис. 2.6 (Продолжение).
Историческая спираль
восходящего развития
общества

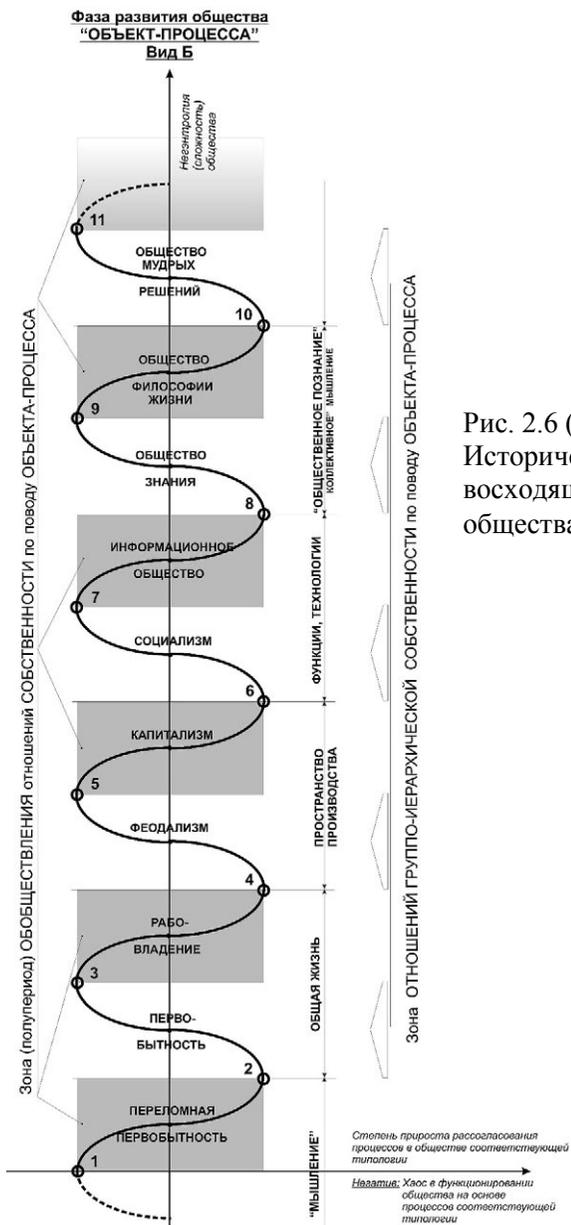

Рис. 2.6 (Окончание).
Историческая спираль
восходящего развития
общества

Рис. 6-3

приведённым на рисунке 2.4. В то же время, как уже отмечалось, этот интегральный график рис.2.6-1 можно рассматривать и как «сумму» графических представлений о циклах активизации всех известных типологических объектов-предметов и объектов-процессов как фаз единого процесса ПВДЖ, подобных приведённым на рисунках 2.4 и 2.5.

Проекция этой спирали на взаимно ортогональные (перпендикулярные) вертикальные плоскости (см. вид **А** и вид **Б**) даёт графики двух фаз негэнтропийного восходящего развития общества по сложности, в основании которых лежат «суммы» циклов развития на основе соответственно объектов-предметов или объектов-процессов. Таким образом, фаза на основе объектов-предметов (вид **А**, рис. 2.6-2) характеризует развитие общества по параметру «степени прироста новизны» (интенсивности прироста) конкретного предметного состава структуры общества соответствующей типологии. Фаза на основе объектов-процессов (вид **Б**, рис.2.6-3) характеризует развитие общества по параметру «степени прироста рассогласования процессов» (количества несогласованных процессов) структурной организации (организованности) общества.

Сдвиг между этими фазами развития равен полупериоду, что соответствует продолжительности развития и существования одной градации. Следует заметить, что на рис. 2.4-2.6 величины всех представленных параметров относительны и их максимум условно принят для всех градаций (типологических объектов) одинаковым и равным единице.

Особый интерес в связи с последовательным восходящим развитием общества по сложности представляет характер изменения врождённых, родовых, негативов известных исторических градаций. Кратко напомним историю родовых негативов общественного развития:

доллюдская первобытность, условно, – «зверство»;
переломная первобытность – животное насилие (стадный кровавый животный беспредел физической расправы);
первобытность – табу и физическое насилие;
рабовладение – диктат;
феодализм – «крепость», повинность, закрепощённость, удел;
капитализм – экономическая эксплуатация;
социализм – «дефект производства», статусное несоответствие;

информационное общество – информационное неравенство, неполнота и искажение информации (дезинформация); общество знания – издержки творчества, «неконцепт»; и т. д.

Как видно из этого перечня «негативов», образно говоря, сила их исторического проявления последовательно и непрерывно падает. Эта тенденция есть один из факторов «стимулирующих» историческое восходящее развитие социума. На рисунке 2.7 схематично отображён график непрерывного снижения родовых негативов при восходящем развитии общественно-воспроизводственных градаций. При этом для всех градаций их отрицательная семантика негативов является символично-смысловой оценкой степени «дисциплины» агентов воспроизводственного процесса. С одной стороны, это высшая для данного общества степень «заорганизованности» доминирующего воспроизводственного процесса, доминирующей ЧЭФ, образно говоря, «жесткость дисциплины воспроизводства». С другой стороны – степень «хаоса» в дисциплине агентов производства, то есть – «свобода страстей в производстве».

В то же время, очевидно, что сохранение равновесного состояния в обществе на каждый момент времени возможно лишь в условиях определённого, «оптимального», сочетания по каждой типологической паре активных объектов как конкретного количественного и качественного (номенклатура и структура) разнообразия объектов-предметов и объектов-процессов. Поэтому, образно говоря, восходящее по сложности спиралевидное развитие общества и происходит вокруг некой исторической оси негэнтропии с оптимальным, для сохранения равновесного состояния, сочетанием структурных параметров.

Следует заметить, что и величина параметров (в относительном измерении) по координатным параметрическим осям горизонтальной плоскости рисунков 2.4 – 2.6 («прирост новизны в составе конкретных объектов» и «прирост рассогласования в структурных процессах организации общества») от градации к градации так же последовательно снижается. Отмеченное историческое снижение «центробежных сил» развития позволяет представить в целом весь ход развития общества в виде плоской спирали (смотри рис. 2.8).

Рис. 2.7. График непрерывного снижения родовых негативов при восходящем развитии общественно-воспроизводственных градаций

**Спиралевидная схема эндогенного развития социума
с выделением циклов активизации
типологических объектов-предметов и объектов-процессов**

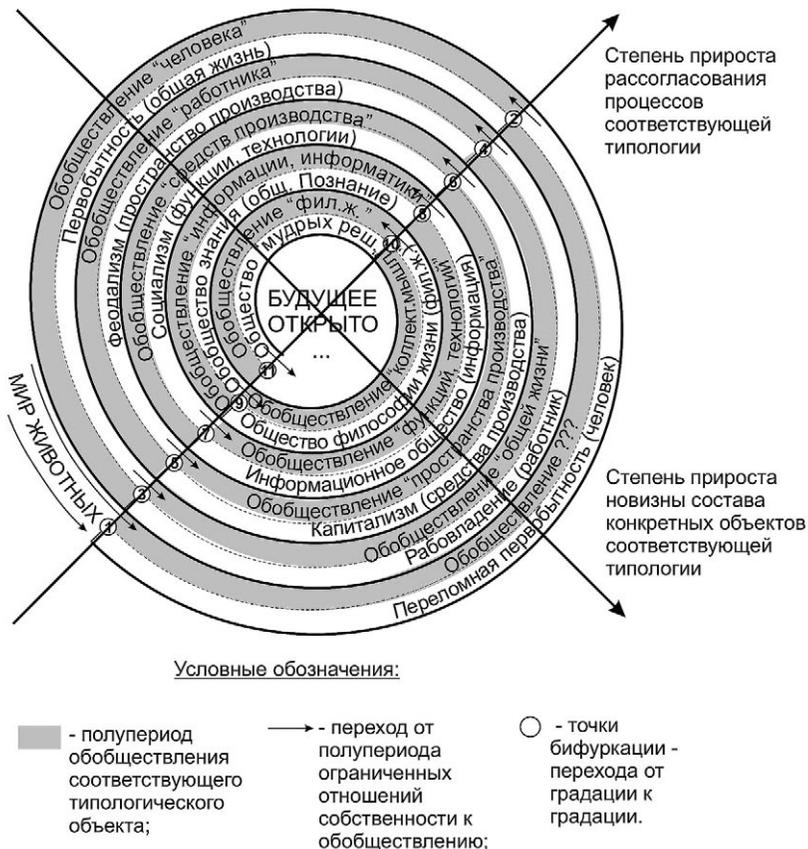

Рис. 2.8. Плоская спираль восходящего развития общества

На этой плоской спирали исторического пути общества отображены параллельно протекающие фазы восходящего развития общества, которые разделены пунктирной линией. Нумерация точек бифуркации остаётся прежней (см. рис. 2.6), а окончание каждого цикла (периода) каждой фазы развития общества обозначается поперечным отрезком прямой линии. Уменьшение радиуса кривой линии этой спирали, по мере исторического развития общества,

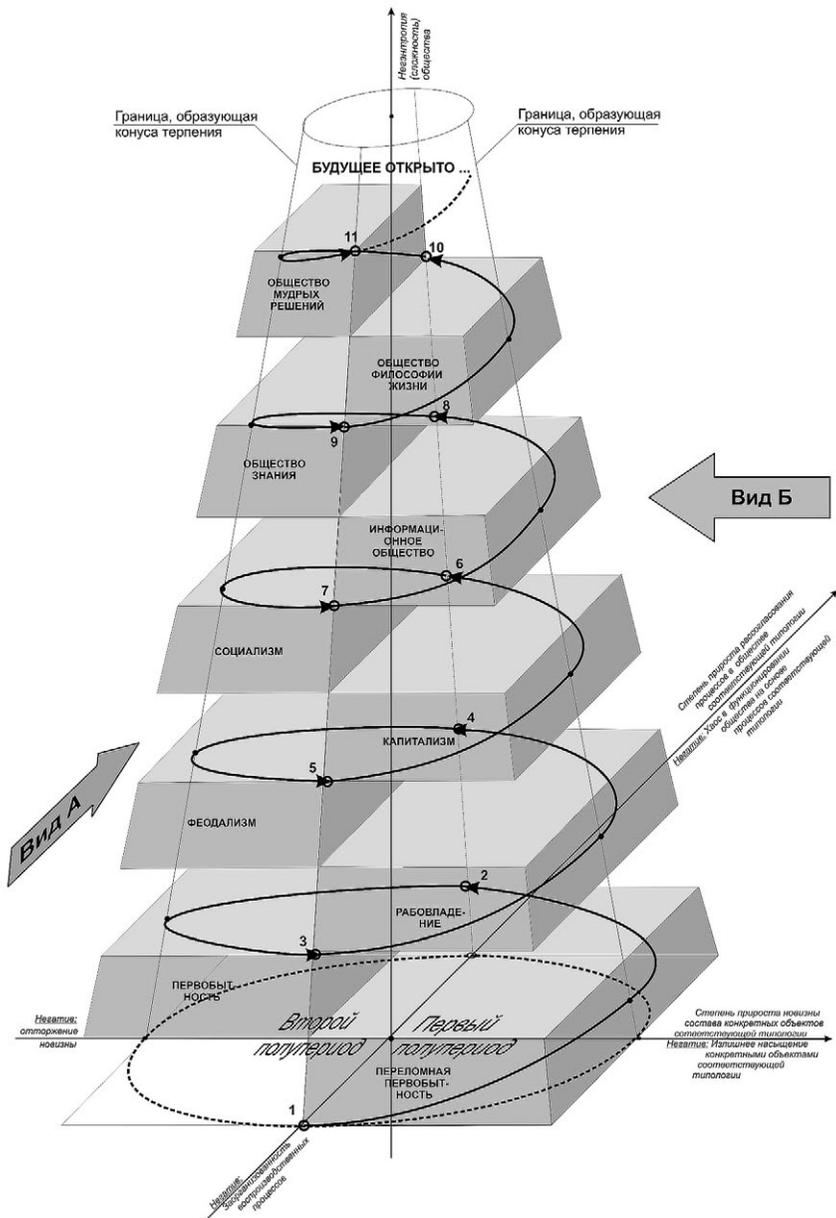

Рис. 2.9. Спиралевидная пирамида (конус) восходящего развития общества

символизирует снижение «силы негатива» и отклонения от оптимального в восходящем развитии общества.

Учитывая снижение «силы негатива» и отклонения от оптимального в восходящем развитии общества в ходе исторического развития общества, объёмную спираль рисунка 2.6-1 и плоскую спираль рисунка 2.7 можно представить в виде, данном на рисунке 2.9.

Это объёмное изображение максимально мыслимого на сегодня уровня высшей формы «развивающейся материальной плоти» общества представляет восходящее развитие общества в форме спиралевидной пирамиды, конуса (см. рис. 2.9). Высшая часть этой спиралевидной пирамиды опирается на весь исторический путь развития общества, состоящий из ранее существовавших градаций и сложенный из типологических объектов, ранее вошедших в основание (инфраструктуру) этого общества. Спиралевидный серпантин символизирует закономерность исторического восходящего развития общества. Пронумерованные точки бифуркации, обозначают переходные процессы и разделяют пройденные в ходе исторического развития траектории соответствующих градаций.

Естественно возникает вопрос, - а где же «Коммунизм»? Ответ прост: «Коммунизм это миф, идеологическая метафора, идея «всеобщего счастья» и не более». Однако это ничуть не противоречит «коммунистическому движению» как восходящему развитию, если, добавим, оно вооружено современной теорией, а не одними пожеланиями, ибо тогда этот миф есть религия, основанная исключительно на вере.

Представленный на рис. 2.9 объёмный (трёхмерный) график развития общества в эндогенной логике позволяет уточнить фазовые графики рис. 2.6-2 и 2.6-3. Если при этом учесть не только относительную величину центробежных сил развития общества, постепенно снижающуюся в ходе его исторического развития, но и стремительно уменьшающийся временной период существования последовательно сменяющих друг друга градаций, то фазовые графики примут вид, представленный на рисунках 2.10 и 2.11.

Подобный характер и форму развития имеют и графики смены исторических форм и «силы» (величины) негативов исторических способов воспроизводства (огибающие фазовых «затухающих» кривых), последовательно изменяющиеся в соответствии со сменой

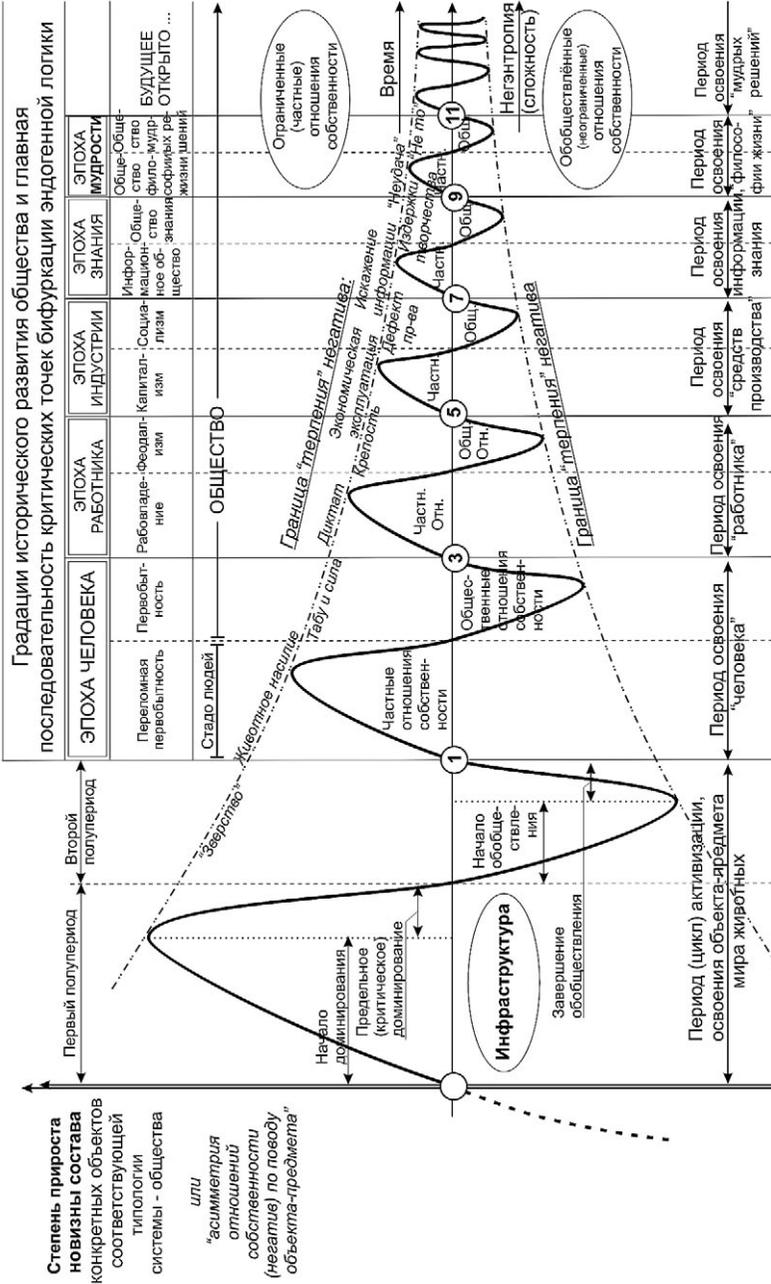

Рис. 2.10. График развития общества в фазе «освоения объектов-предметов» эндогенной логики («графическая метаморфоза» вида А рис. 2.9)

градаций развития общества. Это позволяет использовать предыдущее изображение с «конусом терпения» для описания изменения исторического негатива общественного развития. Это всего лишь характерное, а не численное отображение, использовано для представления характера изменения «негатива» в двух фазовых измерениях (рис. 2.9, 2.10 и 2.11). Для этого на рисунке курсивом даны дополнительные обозначения соответствующих параметрических осей.

В результате на этих рисунках оказались наглядно представлены, так называемые, «границы терпения» и «конус терпения». Там же, вдоль границ терпения, нанесены курсивом соответствующие каждой градации её родовые негативы.

Таким образом, полученный график двух фаз развития общества отображает некоторую абстрактную (в смысле высокого обобщения) закономерность не только эмпирического факта развития общества, но и позволяет выявить некоторый тренд последующего восходящего развития. Более того, описанный алгоритм формирования базовых объектов отношений собственности демонстрирует возможность выявления, прогнозирования, базовых объектов будущих чистых эндогенных форм и механизмов взаимодействия агентов производства.

Однако, и этот, по сути, «тощий тренд» будущего развития всё же не позволяет описать в конкретике последующие градации общественного развития. Конкретное «строительство» общества будущего, как градации, есть дело «творчества масс» этого будущего. Но, даже само лишь осознание базовых объектов и механизмов взаимодействия агентов производства на пути восходящего развития позволяет уже сегодня коренным образом изменить отношение к тем или иным явлениям общественной жизни и принимаемым законодательным актам, всевозможным «значимым» направлениям идеологической работы.

С другой стороны, становится более конструктивным анализ известной истории развития и становления человечества.

В заключение отметим, что данное исследование (книга) ограничивается лишь рамками эндогенной логики «Полилогии...». Однако представленная методология может быть положена в основу и экзогенной логики, более массовой и исторически медленно текущей, ибо даже на сегодня человечество, говоря образами эндогенной логики, всё ещё находится в состоянии «переломной первобытности» и не представляет единого общества.

«Будущее открыто», пишет А. С. Шушарин, и в значительной степени «неизвестно». Но жить в постоянной тревоге, не зная, что будет с нами (человечеством) завтра не только неприятно, но и «вредно для здоровья». Поэтому, формируя образ неизвестного будущего как некоего внешнего дополнения к настоящему, мы как бы помещаем свой сегодняшний мир в «покой и согласие». И пусть это будущее во многом эфемерно, а его проверка возможна лишь жизнью будущих поколений, но и такое знание будущего, согласованное с настоящим, - многого стоит!

Глава 3

После информационного общества...

*Закон конца градации «Информационное общество»
и сброс покровов с тайн «предшествующего»,
информационного, способа производства*

«...вся суть информационных перемен в самой социальной основе, на обыденном уровне, образно говоря, уже не экономическое «что почём» (капитализм – ХАТ), и уже не технонимическое «что, когда, кому...» (социализм – ХАТ), а аналитическое «где и кто хорошо, где и кто плохо (информационное общество – ХАТ), почему плохо, как лучше, к чему может привести...»».

А. С. Шушарин «Полилогия
современного мира...»
М.: Мысль, 2005-2006

В схематике процесса общественного развития как сложной логики истории ведущими являются узлы эндогенных перемен (кризисов). Эти логико-исторические «точки», или узлы, фундаментальных, **«всегда исторически новых кризисов и революционных прорывов или реальных трендов восхождения по ступеням преодоления «чистых» и высших кризисных форм главной последовательности эндогенной (...) логики»**, являются предметом изучения и теоретического анализа «Полилогии...» А. С. Шушарина и представляют **«высшую логику»** всей истории, **простой полилогии**.

В начале второго раздела «Эндогенная логика» автор полилогии пишет: *«Итак, мы имеем пока самое общее представление об эндогенной логике – об ее эмпирическом корреляте как главной последовательности исторически новых критических форм и прорывов (не «формаций»!): первобытность, рабовладение, феодализм, капитализм («вульгарный»), линейная (плановая) форма, где каждая из этих форм – пока только еще*

ничего не значащий ярлык обозначения некоторого идеально чистого критического состояния и восходящего, преодолевающего это состояние тренда (кроме теоретически известного «вульгарного» капитализма середины позапрошлого века)».

Нам же предстоит, в теоретическом познании, преодолеть рубежи не только эндогенной формы, основы «Информационного общества», но и в первом приближении описать последующую эндогенную форму и порождаемую её градацию «Общество знания». Поэтому начнем с анализа кризиса информационной чистой эндогенной формы как последней из рассмотренных в «Полилогии...» и «Теории информационного общества...» критических точек главной последовательности эндогенной логики полилогии.

3.1. На пути к «Обществу знания»

Продemonстрируем, не претендуя на абсолютность и истинность, возможные черты эндогенной формы, следующей в доминировании за ЧЭФ «информационная», на основе вышеизложенного алгоритма. Разумеется, что любая теория есть весьма скупое отображение реальности, поэтому, так или иначе, теоретический анализ и тем более прогноз способны лишь на крайне ограниченное, скупое и примитивное, представление о будущем общества.

Характер критического состояния ЧЭФ «информационная» достаточно полно описан в нашей книге «Теория Информационного общества: О революционном переходе от капитализма и социализма к новой формации».

3.1.1. Информационное общество – первая фаза эпохи знания

3.1.1.1. Философия «информации»

«...информация выступает как аспект отражения, как его важная функциональная характеристика. Отражение же является характеристикой материи и сознания – это то общее, что присуще им».

Синельников М. Б.,
Ставрополь, 2002.

Как и многие исследователи, мы придерживаемся позиции, что *«информация есть абстрактное понятие, её нет в природе»*,

однако добавив, - *как самостоятельного материального объекта*. В нашем понимании, материалистического мировоззрения, сущность информации как философской категории определяется, кратко, следующим образом:

- *Информация есть результат отображения материи самой на себя.*

Прежде всего «информация» есть проявление важнейшего свойства материи, - отображать в результате взаимодействия различных частей материи одну часть материи на другой.

Таким образом, информация есть проявление неотъемлемых свойств материи, её атрибут. Иначе, - информация – это особая форма существования материи реального мира как отображение некоторых свойств этой материи, или, как отображаемая другим телом (частью материи) свойств этой материи, в том числе и собственно самого этого тела (части материи).

Очевидно, что свойства объектов, тел и процессов материального мира, самой материи проявляются лишь в процессе их взаимодействия. То есть, - информация возникает лишь в процессе взаимодействия материальных объектов. Однако, рассматривая результаты этого взаимодействия в отрыве от материальной субстанции, что само по себе есть погружение в «идеальное», мы как бы строим мир идеального, но не «идеальную реальность». Да, это мир абстракций, за которыми на каждом шагу, так или иначе, стоит некий неразрывно связанный с ним материальный объект. Просто в этом мире отношений и новых объектов, объектов «информация», нам не важен сам материальный объект, его конкретная субстанция (вещество материи), а важна некая совокупность свойств как некая форма, называемая «информацией».

В результате подобной мыслительной операции нашего сознания, абстрагирования от конкретной материальной субстанции, эта форма (структура) «материального» приобретает в нашем мышлении (семантическом обороте, языке) самостоятельное, самодовлеющее значение (особую форму мышления) и далее рассматривается как вполне самостоятельный объект реального мира.

Конкретная информация, - это некий идеальный объект, который может быть воплощён, то есть, зафиксирован (отражён, отображён!) в различных физических формах. Иначе, - это некие общие свойства различных материальных объектов (тел и

процессов) различной физической природы и материальной основы.

Атрибутивные свойства информации - это те свойства, которые отображают внутреннюю природу информации, её неотъемлемые свойства. То есть это такие «свойства свойств материи», которые называются «информацией».

Важнейшими атрибутивными свойствами информации являются:

1. Информация есть свойство свойства материи, а поэтому информация нематериальна и как объект – идеальна.

2. Свойство неотрывности информации от физического носителя («неотчуждаемость от источника»), то есть «информация и материя неразделимы». Необходимо отметить, что, хотя информация и неотрывна от физического носителя, она не связана жестко с конкретным носителем.

3. Информация есть результат взаимодействия материальных систем. Здесь «информация выступает как аспект отражения, как его важная функциональная характеристика. Отражение же является характеристикой материи...». В этом заключается важнейший философский вывод в области проблематики информации, заключающийся в установлении взаимной связи отражения и информации.

Таким образом, информация является сущностной стороной отражения (материя – отражение – информация) и имеет объективную природу.

4. Информация есть результат взаимодействия материальных систем, то есть в какой-то мере это «свойство» не менее чем двух взаимодействующих систем (объектов).

Таким образом «информация» не просто свойство какого-либо материального объекта, а образно говоря, свойство некоторого материального объекта «**в сравнении**» с другим объектом, или с другими материальными объектами.

5. Исследования в области информационно-отражательных процессов обнаруживают, что передача информации осуществляется лишь благодаря разнообразию и различию.

6. «Материальная двойственность» информационного носителя.

Обратимся вновь к вышеприведенному утверждению, что «она (информация – ХАТ), строго говоря, не является физическим процессом, так как физическая природа передающих сигналов и

среды принципиально несущественна...». Здесь скорее можно согласиться, что с информативной стороны «физическая природа передающих сигналов и среды принципиально несущественна», ибо, как правило, важно информационное содержание, то есть содержательная сторона самой информации, а не «физическая природа» сигналов и среды.

7. «Дискретность и непрерывность». Эти атрибутивные свойства информации, можно сказать, несут в себе собственные свойства материального мира (материи), его дискретность и непрерывность. Очевидно, что каков мир (материя) и каковы его свойства, то такова и информация об этом мире.

Содержащиеся в информации данные, сведения и знания - дискретны, ибо характеризуют (отражают) отдельные структурные элементы, процессы, закономерности и свойства изучаемых объектов. При этом сложная информация в социальных сетях распространяется в виде совокупности различных сообщений, состоящих, например, из линий, составного цвета, букв, цифр, символов и знаков, то есть всё тех же дискретных объектов. Таким образом, дискретность и делимость информации, как и дискретность (делимость) материи, реальны и взаимосвязаны.

Однако, единая целостность материального мира обеспечивается его непрерывностью, что в простейшем представлении проявляется в том, что информация имеет свойство сливаться с уже зафиксированной и накопленной ранее, тем самым способствуя поступательному развитию и накоплению.

3.1.1.2. Информация в «Политической информатике». Контент

В рамках «Политической информатики» исследуется предмет «информация» в специфическом ракурсе, а именно как предмет социологии и, в частности, общественных производственных отношений. В «Капитале» как политической экономии предмет исследования есть «вещь», анализ которой ограничен понятием «товар», то есть вещь рассматривается лишь как товар.

В «Политической информатике» предмет исследования есть «информация», которая при рассмотрении ограничивается понятием «**контент**».

Опираясь всего лишь на первые сигналы информационного производства, полагается использование этого термина для «узкого» понимания «информации» как главного скопления богатства «Информационного общества». Данный термин в настоящее время широко распространён и часто используется в СМИ, в коммуникационных сетях, в Интернете и прочих областях человеческой деятельности, термин, который содержательно наиболее близок «Политической информатике», - это понятие **«контента»**.

Итак, образно говоря, **контент** – это содержательная информация и основное богатство информационного общества. При этом содержательная информация понимается нами как «потребительская», то есть удовлетворяющая какую-либо человеческую потребность.

Здесь, в политической информатике, имеет место субстрат ещё более высокого порядка чем ранее в политэкономии и в историческом развитии общества. Это, как ранее было показано, - *люди и информация (информатика), процессы производства, т.е. информационно-коммуникационные производственные отношения.*

3.1.1.3. Информационное взаимодействие (симметрия)

Информационное общество эндогенно, как господствующая форма производства в своем чистом виде идеального типа доминирующего «верхнего слоя», не имеет никакого отношения ни к культурно-родовым, ни к демографическим, ни к территориальным, ни к экономическим, ни к функциональным отношениям. Господствует, то есть доминирует, в этой форме ограниченная, или иначе необщественная, частная собственность на информацию (информационное пространство, информатику и коммуникации), которая является абстрактным объектом-предметом и которая известна в классическом марксизме лишь как часть неких «обстоятельств производства».

С другой стороны, в самых первых представлениях информатика (информация и коммуникации) обнаруживает (проявляет) себя юридически в виде целого ряда законов и законодательных инициатив, особенно в части «авторского права»,

«коммерческой тайны», «патентного законодательства», «средств массовой информации» и т.п. И если «технологии» как типологический объект полилогии неотделимы от деятельности людей, то «информация» неотделима от своих материальных носителей и проявляется как результат взаимодействия материальных тел и людей. Проявляясь как потенциально доминирующий объект обстоятельств производства, информация тут же оказывается в ограниченной, частной, собственности, - в узурпации.

Производственные отношения в чистой форме производства в связи с информацией и информационно-коммуникационным пространством называются **информационными**. В чистом виде информационные отношения логически ортогональны, объективно и семантически (в описании), всем прочим производственным отношениям, - культурно-родовым, демографическим, территориальным, экономическим и технологическим.

Таким образом, господствующие, доминирующие отношения людей в связи с информацией (информатикой) или коммуникативными процессами производства и воспроизводства действительной жизни образуют **информационную форму, ЧЭФ «информационная»**. На основе доминирования этой ЧЭФ, этого чистого способа производства формируется «Информационное общество».

ЧЭФ «информационная».

Главным, доминирующим объектом действительной жизни и «божественным социальным», целью и богатством жизни в «Информационном обществе» являются **«информация, информационные коммуникации, информатика»**. Тогда как «функции и технологии» были свойственны социализму как предшествующей градации.

Механизмом взаимодействия агентов производства в связи с производством и воспроизводством этого объекта (информация) действительной жизни является **«соинформирование»**, тогда как при социализме доминировало «соисполнение». Таким образом, обмен конкретными единицами базовых объектов осуществляется в форме «соинформирования», то есть, можно сказать, что агенты производства ЧЭФ «информационная» **делятся** друг с другом информационным **контентом**.

Очевидно, что обмена как такового (как обмен вещами) быть не может. Не может, так как информацию невозможно «отчуждать», то есть отдавать, не оставив себе, и невозможно получать, не оставляя её у дающего. Короче говоря, информацией можно лишь «поделиться, делиться», передавая её как копию, ибо это абстрактный, идеальный объект.

Наконец выражением материально-знаковых отношений в «Информационном обществе» является опосредованное некоторой, распространённой, внешней формой «количество информации». Наиболее близко к этому находится известных всем пользователям компьютерной техники форма «файлов», например, торрент-файлов. Вот это слово «торрент», и менее всего само существо этих торрент-файлов, в дальнейшем используем как термин для обозначения материально-знаковых отношений в информационном обществе. Таким образом выражением материально-знаковых отношений в «Информационном обществе» являются - «**торренты**», в отличие от «статусов, документов» в условиях социализма.

По чисто формальной аналогии с формулами обращения капитала $D-T...P...T^*-D^*$ и формулами обращения воспроизводственного процесса при социализме $C-Ф...P...Ф^*-C^*$, **формулой** соинформирования воспроизводственного процесса «Информационного общества», точнее, формулой информационного способа производства, является неуклонный рост количества информации как ценности, - торрентов (торренты – контент - торренты*):

$$TR - K...P...K^* - TR^* \text{ и т.д.,}$$

где **TR** – торренты;

K – контент (информация);

P – производственный (воспроизводственный) процесс.

Следуя примеру «Капитала» К. Маркса, изложение «Политической информатики» можно было бы начать следующим образом:

Доминирующее богатство «Информационного общества», в котором господствует информационная форма производства, выступает как огромное скопление контента, а «отдельный контент» (данные, сведения и пр.) - как элементарная форма

этого богатства. Наше исследование начинается поэтому с анализа контента.

Следует заметить, что речь идёт о социальном анализе производственных отношений в связи с контентом.

Понятие «товар» в отношении к «вещи» как *«внешнему предмету»* отражает лишь одну из специфических сторон его применения. Аналогично и термин «контент» в отношении к «информации» как *«внутреннему предмету»* (абстракции!) в рамках «Политической информатики» понимается так же специфически узко. Контент как информация полезен для людей, ибо «удовлетворяет те или иные их потребности» либо как предмет личного потребления, либо как исходный продукт или «инструмент» для производства и воспроизводства новой или иной информации. То есть любой «контент», как термин и категория, в «Политической информатике» обладает информационной **«ценностью»**, **потребительной информационной ценностью**.

В тоже время имеющийся опыт информационного взаимодействия показывает, что один контент информации может обмениваться на другой контент информации, однако этот обмен не просто сложнее товарного обмена с его «известными пропорциями», а имеет принципиально иной характер. Этот обмен всегда конкретен в содержательности (в логическом объёме) обмениваемой информации и лишён какой-либо «пропорциональности» в отношении количества одного контента к однородному количеству («штук») другого контента. При этом в приравниваемых друг к другу в соответствии с «ценностью» объёмах контентной информации (пакетах информации), информация не должна повторяться, а если повторяется, то дважды не учитывается. То есть **информационный обмен**, как таковой, возможен лишь при наличии, как принято говорить, **равноценной** информации.

Законы информационного взаимодействия.

Если сравнивать информационный обмен с товарным обменом, то, как отмечалось, имеется существенное различие в товарном и информационном обеспечении действительной жизни, которое связано с таким свойством информации как возможность практически беззатратного неограниченного тиражирования, копирования информационного продукта и соответствующего контента.

В целом пока можно сказать так:

- вместо обмена, товара, потребительной стоимости и стоимости товара (в товарном производстве) в информационном производстве соответственно выступают **соинформирование** (информационный обмен как тиражирование контента), **контент** (информация, информационно-коммуникационное пространство), **потребительная ценность**, наконец, «**ценность**» и «**текущая ценность**» информационного контента (информационность).

Ценность есть общественное свойство информации (контента). Обнаружить её непосредственно в контенте при помощи какого-либо материального анализа нельзя, ибо это абстракция. Ценность проявляется лишь в отношениях владельцев, собственников, контента, при приравнивании ими одной информации (контента) к другой в процессе обмена.

Но если обмен товаров осуществляется на основе равенства (величин) их стоимостей, то соинформирование агентов производства осуществляется логически радикально по-другому, на основе «равенства» (величин) информационности, то есть ценности (текущей ценности) информации. Информационность как ценность здесь и обнаруживает себя именно через **связь в равенстве ценностей** конкретных «объёмов» предоставляемой информации и её распространённости. То есть, вместо стоимости капиталистического способа, в информационном способе производства соответственно имеет место ценность информации или «**информационность**» (текущая ценность) как конкретное выражение и «элементарное явление», относящееся, скажем так, к категории «объём (труда)» базового объекта воспроизводства, но уже с учётом распространённости данной информации.

Распространённость же информации проявляется в «**тираже**» конкретной информации, то есть в количестве «**копий**» этой информации. Чем больше копий, тем выше «**распространённость**» и тем меньше информационная ценность (текущая ценность, информационность) каждой копии.

В первом приближении равенство информационной ценности оказывается связанным с абстрактным трудом, выраженным в виде опосредованного количества предоставляемой (в обмене) информации, приходящимся на одну копию. В отличие от стоимости товара, ценность информации (текущая ценность, информационность) в её первом превращении в количественную

величину выступает как «объём» информации, приходящийся на единицу имеющего место её распространения. В первом приближении это опосредованное «количество информации», определяемое величиной затрат абстрактного труда, приходящегося на единицу тиража (на одну копию) данной информации.

Объём информации в обмене суть величина общественно-необходимого труда по её первичному производству (созданию), приходящаяся на одну копию тиража, распространённого по всей совокупности коммуникаций. Это и «разовые» затраты (труда) общества, персонифицированные его членами и обретшими при этом соответствующее авторство.

Известно, что *«узловой метафорой выражения особенности труда в товарной симметрии является равенство количества труда (в обменах)»*. В информационной симметрии узловой метафорой является *равенство количества совокупного труда (в совокупном обмене) при равенстве количества труда в каждом текущем обмене*.

Соответственно в информационной симметрии (в соинформирование) это есть **равенство первоначального разового количества труда (социального фонда времени)**, затраченного обществом при создании исходной информации и запуском её в коммуникационные сети общества, в том числе и труда, затраченного на коммуникационное тиражирование, и количества совокупного труда потребителей. То есть можно сказать, что это так же есть **«равенство социального времени»**, лежащего в основании изначального создания с последующим тиражированием информации (контента), и количества совокупного социального времени потребителей, участвующих в обмене(ах).

Информационное производство «Информационного общества» представляет собой относительно спонтанно и относительно хаотически существующее множество разрозненных самостоятельных производств со случайными связями.

Соинформирование в коммуникационных связях «Информационного общества» осуществляется на основе равенства ценностей (текущих ценностей) информации в форме контента, участвующего в обмене. Величина ценности информации (контента), скорректированной до так называемого «обменного объёма» (обменная ценность), участвующей в обмене информации со стороны агентов информационного обмена,

определяется общественно необходимым трудом по её созданию, при этом выполняется равенство этого труда количеству совокупного труда потребителей (в совокупном обмене) при равенстве количества труда в каждом текущем обмене. Разумеется, что при этом имеется ввиду ценность, приходящаяся на единицу растиражированного продукта (контента) в форме текущей ценности.

В то же время следует различать первично создаваемую ценность (информационность) некоторого контента и его текущую ценность в совокупном обмене в процессе возрастающего тиражирования контента. Впервые создаваемая ценность (информационность) в полной мере, прямо пропорционально, определяется общественно необходимым трудом. Тогда как тиражируемая информационность, текущая ценность обратно пропорциональна количеству воспроизведённых копий. Назовём это концентрированное выражение информационной симметрии в информационной воспроизводственной сети основной формой «закона информационной ценности».

Таким образом, можно сказать, что текущая информационная ценность (информационность) контента прямо пропорциональна его ценности и обратно пропорциональна тиражу его распространённых копий:

$$I_N = Z/N, \quad (3.1)$$

где I_N – текущая информационная ценность контента (информационность контента) на момент тиража равного N ;
 Z – исходная, первоначальная ценность контента;
 N – тираж данного контента информации.

Этот основной закон, как и закона стоимости в капиталистическом производстве, в абстрактной диспозитивной сети информационных функций «сам по себе никак не выполняется», однако, как часто выражаются, - «выполняется в среднем». Это связано не только с более сложной организацией всего воспроизводственного процесса (производства) в целом в данном обществе, но и с особенностями информационного

продукта (контента), а в частности с тиражируемостью информации, не требующей дополнительных затрат соответствующего информационного труда. Так чем более растиражирована некая информация контента, тем более падает, снижается, его текущая информационная ценность.

В то же время собственно (исходная, первоначальная) ценность Z информации (контента) как и любой продукт деятельности (труда), вне зависимости от его типологии, создаётся в результате сложения «прошлого труда» и «живого труда». Так как речь идёт о воспроизводственном процессе информационной типологии, то используемый продукт прошлого труда есть информация (контент), равно как и сам живой труд есть интеллектуальный труд (деятельность) по созданию нового информационного продукта, - контента. Тогда создаваемая «итоговая» ценность контента информационного общества за некоторый промежуток времени, а точнее, создаваемая информационным производством ЧЭФ «информационная», будет определяться следующим выражением:

$$Z = D + S + G, \quad (3.2)$$

где Z - ценность контента, созданная информационным производством общества;

D – ценность информации, использованной для производства нового контента (нем. *Durchzählen* – *пересчитывать*);

S – воспроизводственная ценность живого труда интеллектуальной деятельности информационного производства (нем. *Schöpfer* – *созидатель*);

G – приращённая ценность, создаваемая сверх воспроизводственной ценности живого труда S (нем. *Groß* – *большой*).

Назовём систему выражений (3.1) и (3.2) и различные их иновыражения **«полной формой закона информационной ценности»**.

Если, к примеру, товаропроизводитель (капиталистический способ производства) в сравнении со своими конкурентами начинает работать неэффективно, то вследствие соответствующего падения продаж или дохода, то есть через посредство знаков в

форме денег и цен («сигналы рынка»), он тут же ощутит последствия своей неэффективной деятельности через главные ценностные атрибуты этого способа производства. В результате, под угрозой разорения будут приняты меры по повышению, капиталистическому повышению (!), эффективности, иначе – крах.

Однако, если производитель информационного продукта начинает работать неэффективно, например, некачественно или несвоевременно (непроизводительно), то он этого никак на себе сразу не ощутит, однако его партнёры (агенты производства) на последующих этапах производственного процесса распространения контента это почувствуют сразу. Эти агенты-потребители не имеют практически никакого непосредственного влияния именно на данного агента как производителя и владельца соответствующего контента. Не имеют влияния и даже не знают об этой неэффективности так же и агенты-партнёры предшествующих взаимосвязанных коммуникативных каналов общего информационного пространства как некоего спонтанно-хаотичного континуума (непрерывное, сплошное) информационных взаимосвязей. Но, в конце концов, все агенты, связанные с созданием, распространением и потреблением, в явочном порядке обнаружат, или почувствуют, эту неэффективность.

Особенностью информационного пространства является не жёсткая и формальная, а достаточно «свободная» взаимосвязь агентов производства. Тогда как в ЧЭФ «рыночная, экономическая, капиталистическая» связи хотя и спонтанны, и случайны, но «оформляются» письменным или устным договором, обычно двухсторонним. В информационном же пространстве часто применяется договор оферта. (Под офертой подразумевается адресованное одному или нескольким конкретным лицам предложение, которое достаточно определено и выражает намерение лица, сделавшего предложение, считать себя заключившим договор с адресатом, которым будет принято предложение).

Более того, образно говоря, информационно пространство «Информационного общества» во многом подобно «шведскому столу», на котором предлагаемый к распространению (интеллектуальный) продукт «выложен на стол» и каждый желающий приобрести этот продукт волен свободно его взять и употребить (использовать) в любом объёме. Иначе, грубо, - «взять»

выложенную в контенте информацию в собственность. То есть имеет место, точнее сказать, не шведский стол, где всё «включено», а всё информационное пространство есть «стол оферты». При этом неизменно одно, - сохранение «авторства» производителя данной конкретной информации и в этом суть всего, так называемого, «авторского права», то есть право в некоторых ситуациях (случаях) требовать указания или подтверждение только собственно «авторства» и не более.

Грубо говоря, информационное пространство как некая сверхплотная, континуальная (непрерывная, сплошная), сеть формируется в основном как бы «односторонне» и со стороны пользователей. То есть производитель «выкладывает» свою информацию в информационном пространстве, например, в Интернете, а пользователь без какого-либо уведомления сам, то есть односторонне, принимает решение пользоваться ему этой информацией или нет, или воспользоваться информацией другого агента (контента).

В капиталистическом производстве, «третьим товаром» и «символическим посредником» являются деньги (доходы, прибыль). Это главная ценность капитализма, его материально-знаковые («сигнальные») отношения.

В информационном производстве материально-знаковыми и сигнальными отношениями, «третьим контентом» и символическим посредником являются ранее упомянутые торренты. Это главная ценность «Информационного общества». То есть «вместо» денег капитализма и статусов социализма в информационном обществе господствуют торренты.

В частности, сложность этого пути состоит и в том, что *в коренном отличии от классического товарного обмена* «вещами» по их стоимости, «соинформирование» это не обмен как таковой, а неограниченное ничем свойство и деятельность агентов информационного производства открыто «делиться» информацией, контентом, с потребителями. Такая организация информационного пространства, в части взаимодействия его агентов производства, во многом схожа с организацией у муравьёв «общественного желудка» в форме трофаллакса, когда любой муравей «вправе» потребовать от другого (обычно фуражира) поделиться с ним пищей, которая хранится в его зобике общественного желудка.

Кроме того, у соинформирования вероятно и не будет уже неоднократно упомянутого униформенного знака как такового, то есть торрентов. Вполне возможен, даже сегодня в крупных городах и мегаполисах, непосредственный учёт «ценности», исходя из её природы и общественного фонда времени современного общества. Не будем забывать и о том, что в информационных процессах важна как исходная ценность предоставляемой информации, так и информационность, текущая ценность, соответствующего контента, которая обратно пропорциональна его тиражу.

Таким образом, оценка равновесного взаимодействия в информационном процессе на основе информационности двухпараметрическая: ценность и тираж (см. «текущая информационная ценность контента», выражение (3.1)). Первая оценка, можно сказать, внутренняя, статичная. Вторая оценка, с одной стороны, - внешняя (потребительская) и неопределённая, ибо предполагает нескончаемый рост тиража во времени, а, с другой стороны, - «динамична», так как меняется во времени в соответствии с ростом тиража. Правда на каждый фиксированный момент времени динамическая оценка однозначна (если, разумеется, отвлечься от точности и возможности её строгого определения). При этом тираж является вполне самостоятельной и важной в социологическом аспекте величиной.

Всё сказанное приводит, по сути, к выводу, что полное описание некоторого конкретного контента, процесса его распространения во времени, возможно лишь с помощью трёх показателей: ценность, тираж и информационная ценность (информационность) – выражения (3.2) и (3.1).

В информационном взаимодействии богатство - предмет, это «информация, знания». И не более того.

В элементарной форме это **информативность** («*потребительная ценность*», полезная информация, «*текущая ценность*») или, как объект обстоятельств и отношений производства, **исходные данные (исходная информация, данные)** – средства и предмет интеллектуального труда жизненного или производительного назначения, интеллектуальный продукт. В «информационном обмене», а точнее, в удовлетворении информационной потребности, последние (данные) выступают в общественной форме элементарного отношения, **контента**, с его **ценностью** и **текущей информационной ценностью**

(информативностью), как субстанцией этого типа гомогенного богатства, как основы жизненного «смысла и ценности», заключающего в себе необходимый труд по производству контента.

В отличие от социально-биологического, демографического, местного и функционального взаимодействий, с их материальными знаками нечисленной «номенклатуры» и неотделимостью от людей и их «рабочих мест» (кратко – имена, дипломы, прописка, документы и статусы), в информационном взаимодействии материально-знаковое отношение достаточно универсально «овеществляется» в *торрентах*, выражающих в *байтаже* ценность контента. (*Байтаж есть торрентное выражение ценности контента.*)

Так же как и в вещественно-продуктовом взаимодействии «номенклатурой» самих знаков здесь фактически является обычная, мономерная *числовая ось*. Эта числовая ось, можно сказать, пронизывает всё информационное пространство, всю сферу *информационимики, информационного расчёта* как основы рационального поведения агентов информационного производства.

Концентрированным выражением симметрии информационного взаимодействия, гомогенно абстрактного контентного равновесия информационного производства, является промежуточная *форма «закона информационной ценности»*, утверждающая, что информационный обмен контентом происходит в соответствии с общественно необходимыми затратами на его производство, выраженными абстрактной количественной стороной труда.

Полная форма закона информационной ценности.

Семантика информации как контента (т.е. описание данного взаимодействия), чрезвычайно велика и конечно, *несоразмерно* больше, чем излагаемая нами. Это, несомненно, двойственный характер интеллектуального труда, рабочее время и социальное время общества, формы ценности, процесс информационного обмена (но не просто обмена контентом), акты распространения информации (контента), обращение информации как контента, метаморфоз контента, функции торрентов и др. Всё это, так или иначе, уже частично было затронуто. При этом предполагается, что в реальной жизни это читателю достаточно известно.

Хотя, стоит заметить, даже в «лучших изложениях» современного понимания информационного общества велика рефлексивная недосказанность. Информация, информационное взаимодействие, последовательно не рассматривается как именно абстрактная и только гомогенная социальная симметрия, «нереальная объективность», нигде и никогда не существующая сама по себе. При этом остро чувствуется «товаризация», перенесение вещественных, товарно-денежных отношений, в сферу информационного взаимодействия и информационного пространства, а также отсутствие самой логики всякой базовой социальной симметрии во всём её полилогическом многообразии.

Однако не лишне будет ещё раз напомнить, что, как и любое другое базовое взаимодействие, информационное взаимодействие «суть только абстрактный объективно-логический тип хаоса, «игры», суеты или симметрии, т.е. объективно, как таковое, само по себе нигде и никогда не существующее». Это взаимодействие существует только в определённой форме, в данном случае информационных производственных отношений, и всегда в условиях некоторой господствующей формы собственности. В условиях эндогенного будущего информационного общества этой, уже асимметричной, формой господствующей собственности является ограниченная (частная) собственность на «данные» как информацию и «программный» контент информационно-коммуникационных средств производства. То есть это собственность на базовый объект обстоятельств производства, имманентный именно самому же информационному базовому взаимодействию.

Возвращаясь к закону *«полной информационной ценности»* на основе выражений (3.1) и (3.2), отметим, что в реальном процессе ценностное информационное равенство «обмениваемых» контентов постоянно нарушается.

Соответственно образуются информационная перенасыщенность или информационная недостаточность, информационные пробелы или информационная замусоренность и т. д. Но, все эти, пока неизбежные, отклонения всякий раз вновь компенсируются перераспределением производителей и потребителей, объёмом контента (содержательность) или изменением всей структуры коммуникационных взаимосвязей.

В целом же полный закон информационной ценности, как и закон стоимости, апостериорен (послеопытен), *«пробивает себе дорогу «за спиной» участников, всегда утверждается как нечто уже сложившееся»*.

В абстрактно чистом информационном взаимодействии это «количественное» соотношение выполняется как для отдельных обменных информационных операций в коммуникационных сетях информационного пространства, так и для всего информационного пространства общества. В простейших формах это количественное соотношение проявляется в равенстве социального фонда времени общества, а в частных случаях производства информации - в равенстве, так называемого, рабочего времени. То есть, в целом это равенство затрат по созданию (разработке), скажем так, «информационного обеспечения» всей действительной жизни общества и «противостоящего» ему уровня совокупного информационного потребления в данном обществе.

То есть, **имеет место динамическое соответствие, равенство, затрат по созданию и потреблению информационного контента общества** как информационного воспроизводственного процесса.

В этом превращении ценности, создаваемого обществом контента (информации), в информационную ценность, скажем так, распределённую (*поделённую!*) по потребителям этого контента и состоит проявление **полной формы закона информационной ценности**, - главной объективной «механики» образования информационных объёмов и их потреблению согласно общественно необходимому труду в обеспечение информационного равновесия.

3.1.1.4. Основная знаковая форма

Частный интеллектуальный труд в процессе информационного обмена выступает как воплощение общественного труда, общественного интеллектуального (информационного) труда. Потенциальный ресурс общественного информационного труда определяется, как ранее было показано, социальным фондом времени общества по ЧЭФ «информационная».

Таким образом, внутренние противоречия, заключенные в контенте и труде, создающим (производящим) контент, в процессе обмена находят свое внешнее выражение. В этом процессе два

различных свойства контента и труда, его производящего, как бы отделяются одно от другого и располагаются на разных полюсах. Контент в относительной форме ценности выступает как потребительная ценность, продукт *конкретного*, частного информационного *труда*, а контент, играющий роль эквивалента, – как выражение ценности, *абстрактного труда*, воплощение общественного труда.

Все эти рассуждения очень близко повторяют рассуждения о товаре и стоимости, даваемые при изложении основ «Политической экономии», тогда как мы излагаем основы «Политической информатики». Возникает, естественно, вопрос - а причём здесь «ценность», почему не стоимость? Почему контент, а не товар?

Можно ответить просто, - мы рассмотрели главным образом пока лишь элементарную форму информационного обмена «уникальными» контентом, то контентом существующими до обмена в единичном, авторском, экземпляре. В этой форме обмена и в этих «уникальных» условиях обмена «ценность» и «стоимость» неразличимы, что связано с единой природой этих категорий, базирующихся на одном основании, - на социальном фонде времени общества. Однако, если имеет место тиражирование указанных контентов, то восприятие ценности и стоимости будет ортогонально различным, как различны и типологии соответствующих базовых объектов.

Тиражирование некоторой конкретной информации сопровождается изменением её потребительной ценности. Это связано, грубо говоря, с «лёгкостью и простотой» получения доступа к копированию и восприятию данной информации, то есть:

- во-первых, не требуется создание (разработка) этой информации, ибо она уже существует, то есть кем-то и когда-то ранее она уже была создана и появилась в обществе;

- во-вторых, копирование информации значительно проще, легче и менее трудоемко, чем её созидание и практически почти беззатратно;

- в-третьих, существование в данном обществе множества копий данной информации резко облегчает и ускоряет процесс её нахождения и получения доступа к ней для выполнения копирования и ознакомления (получения).

Таким образом, выявляется необходимость при оценке ценности различать, разделять, этап создания (или разработки)

информации от этапов тиражирования вновь созданной информации. То есть информация, можно сказать, либо создаётся, либо тиражируется и усваивается. Это, зачастую, две вполне самостоятельные фазы информационного процесса в целом.

В товарообменном процессе, скажем так, всё множество индивидуальных потребительных стоимостей через свою среднюю индивидуальную стоимость оценивает стоимость обмениваемого товара. То есть формально (математически) сумма (сложение) всех индивидуальных потребительных стоимостей, делённая на число этих оценок, даёт в итоге оценку стоимости через «общественный труд» как «величину общественной стоимости».

В информационном обменном процессе, где производитель новой информации один и интеллектуальный продукт один (потому что имеет лишь одно имя и несчётен), а потребителей множество. Поэтому, следуя предыдущему речевому обороту, всё множество индивидуальных потребительных ценностей выступает как одна потребительная ценность интеллектуального продукта (контента) одного коллективного, совокупного потребителя. И вот через эту совокупную потребительскую ценность совокупного потребителя и оценивается ценность соответствующей информации, контента (интеллектуального продукта). То есть формально (математически) сумма (сложение) всех индивидуальных потребительных (меновых) ценностей даёт в итоге оценку ценности через «общественный труд», точнее, как представление об «общественном труде» производителя и создателя данной информации, контента (интеллектуального продукта). Именно эта сумма и есть «величина общественной ценности» и «естественный» эквивалент труда производителя, создателя данной информации.

Для того же, чтобы получить оценку самой средней индивидуальной потребительской ценности через «общественный труд» достаточно оценку ценности интеллектуального (тиражируемого!) продукта (информации) разделить на количество индивидуальных потребительных оценок потребителей, образующих, коллективного, *совокупного потребителя*. Именно эти соображения и легли в основу выражения (3.1), при этом напомним, что формула (3.1) не расчётная, а чисто семантическая, так как включает категориальные символы.

Таким образом, мы получили достаточно полный ответ на вопрос «почему контент, а не товар?», а вместе с тем и на вопрос «при чём здесь «ценность», почему не стоимость?».

Обратим внимание на то, как понимается измерение величины стоимости К. Марксом: «Величина стоимости товара изменяется, таким образом, прямо пропорционально количеству и обратно пропорционально производительной силе труда, находящего себе осуществление в этом товаре» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 49).

В отношении же величины ценности следует писать так:

- Величина ценности контента изменяется, таким образом, прямо пропорционально количеству производительного труда, создающего впервые данный контент (информацию), и обратно пропорциональна количеству потребителей, пользующихся этим растиражированным контентом, то есть обратно пропорциональна тиражу данного контента.

Разумеется, что здесь так же имеет место и обратная зависимость от производительной силы интеллектуального труда, но только в марксовом понимании стоимости «живого труда».

Таким образом, богатство общества в целом обуславливается в первую очередь его располагаемым фондом социального времени, которое и предвосхищает, как в этих двух случаях ценности и стоимости, расход интеллектуального труда и расход традиционного труда.

Итак, в отличие от товара рост информационного богатства как ценности (но не стоимости) в целом прямо пропорционален росту количеству позиций (строк различных наименований) в списке имеющейся информации как контента, то есть информации, востребованной обществом. Богатство растёт пропорционально количеству позиций (строк) в списке распространяемого контента, но повторяющаяся в других контентях информация в зачёт богатства общества как совокупной ценности не идёт. То есть тиражирование не увеличивает информационное богатство общества, но увеличивает богатство его индивидов как пользователей. Именно этот момент и породил, точнее, поддержал и поддерживает, так называемое, «пиратство», которое, скажем так, - делает богатство общества богатством его индивидов.

Однако возмещение живого труда по созданию исходной, авторской, информации (контента) в процессе прямого и

свободного распространении информации от автора (то есть без каких-либо правовых ограничений) происходит тем полнее, чем больше тираж. При этом предельный тираж распространения у каждого контента свой и обусловлен его специфическим содержанием, то есть кругом потенциальных пользователей. Тем, кому данная информация не нужна и не представляет ценности, владение информацией просто не к чему и не является «божественным социальным», однако может быть использовано для обмена на иные ценности, контенты. Кроме того, в этом случае, что очевидно, обществу в целом для восходящего развития расширение круга пользователей и не требуется.

На стадиях доинформационного становления «Информационного общества» в информационном обмене функцию эквивалента мог выполнять любой контент. Роль же всеобщего эквивалента может играть лишь один из контентов. Тогда ценность всех контентов должна выражаться в одном контенте, который выступает как непосредственное воплощение общественного труда. Всеобщий эквивалент должен обладать свойством всеобщей обмениваемости.

Появление *всеобщего эквивалента* это неизбежно результат стихийного процесса развития информационного производства и обмена. Оно не является следствием какого-то сознательного соглашения между людьми, однако на определённом этапе развития исторического развития и даже ещё только в преддверии начала становления «Информационного общества» первоначальный образ этого всеобщего информационного эквивалента может быть предугадан.

Введение в практику торрентов как третьего универсального контента, исходя из его электронно-компьютерной и интернет-сетевой природы, а точнее, - из образа торрент-файлов, и, судя по нынешней тенденции развития даже материально-знаковых отношений капитализма (денег), видится во внедрении в «Информационном обществе» некоего государственного *электронного информационно-казначейского билета*. Поэтому и электронный торрент, едва ли в будущем обретёт какую-либо материальную форму, и, скорее всего, так и останется идеальным объектом как свойством. Регулировать движение этих «торрентов» будет, вероятно, некоторое подобие государственного банка, несомненно, вырастающее в результате исторических метаморфоз из буден сегодняшней финансовой системы.

Эквивалент в информационном обмене и «байтаж».

Информация, контент, не товар и «производить... его для обмена» как «один товар», то есть заново и с прежними затратами труда (как в случае товара) не требуется (нет необходимости), ибо, как вначале было показано, контент как информацию можно успешно и практически без значимых затрат – *тиражировать*. При этом очевидно, что накапливать одну и ту же информацию как тиражируемые копии данного контента просто бессмысленно, тогда как в случае товара, такое накопление увеличивает богатство.

В информационном пространстве накапливается различный по содержанию контент, то есть список контентов, который просто неоднороден, и поэтому информационное богатство возрастает. Этот рост происходит, когда к существующему контенту добавляется новый (по содержанию) контент или растёт список самого контента, то есть уточняется и расширяется какая-либо информация. Однако в таком качестве «растущий» контент не может играть роль всеобщего информационного эквивалента и служить «для обмена» всем агентам информационного производства, ибо можно сказать, что с его потребительной ценностью совсем «не срастается эквивалентная форма ценности».

Сегодня в любой среде самой первой оценкой любой информации, контента, которая часто жаргонно называется «весом информации», является оценка в байтах. Однако «байт» - это, скорее всего техническая единица измерения «массы» информационного продукта, контента, чем его ценности.

Здесь само собой напрашивается прямая аналогия с товарной продукцией, которую весьма просто, причём именно «технически (физически)» измерить массой (весом). Однако такая мера измерения не имеет никакого отношения к стоимости товарной продукции, которая является категорией социальной, социологической.

Однако, есть смысл учесть это явление лишь в «созвучном наименовании» соответствующего термина, поэтому почти в полной текстовой аналогии с политической экономией о «цене», можно сказать: - ***«Байтаж» есть торрентное выражение ценности контента.***

Как контент, так и торренты представляют собой продукты общественного труда. Однако все контенты в условиях частной собственности на информацию как интеллектуальный продукт и как

«контент средств информационного производства и коммуникаций» выступают на рынке непосредственно как продукты частного труда, а торренты - как непосредственное воплощение общественного труда (всеобщий эквивалент). Очевидно, что под контентом средств информационного производства и коммуникаций (или контент информационно-коммуникационных средств производства) понимается совокупность средства труда, включающих программы, операционные системы и т.п., и продуктов труда, представляющих собою информацию, сообщения, сведения, данные, сигналы и пр. То есть всё это не вещи (товар), а интеллектуальный продукт, информация, контент.

Только через обмен по текущей ценности и абсолютной ценности, то есть просто по ценности, посредством торрентов можно установить, что контенты являются, по существу, продуктами общественного труда. Иначе говоря, в процессе информационных обменов происходит учёт общественного труда в качественном и количественном отношении, средством которого служат торренты. При господстве частной собственности этот учет осуществляется стихийно за спиной производителей информационного, интеллектуального, продукта и распространителей контента, путем стихийных колебаний *«байтажа», как торрентного выражения ценности контента.*

Возникновение торрентов приведёт к дальнейшему развитию форм информационного обмена. С началом практического хождения торрентов в информационном пространстве все контенты будут приравниваться к торрентам, ценность любого контента будет выражаться в торрентах. Таким образом контенты приобретают «байтаж».

Торренты как орудие информационного неравенства.

С возникновением и распространением в практике информационного пространства некоего подобия торрентов появится возможность разделения информационного обмена на два «противоположных» и дополняющих друг друга акта: «выдачу» и «получение» информации. Однако это возможно лишь при условии создания некой общественной, государственной, системы раздельного учёта суммарной величины ценности контентов по операциям (актам) «выдал» и «получил».

Как ранее отмечалось, введение в оборот торрентов видится как специфическое развитие материально-знаковых отношений капитализма (денег) в форме государственного *электронного информационно-казначейского билета*. Даже сегодня, в сфере товарного производства, многие пророчат переход к электронным деньгам на основе использования банковских дебетовых карт и электронных счетов, то есть материально-знаковые отношения на основе «третьего товара» как денежных знаков, образно говоря, «уходят» от своей исходной материальной формы. Это ещё в большей степени проявится и в отношении «третьего контента» и его материально-знаковой формы

Поэтому и предполагаемый электронный торрент, едва ли в будущем обретёт не только какую-либо материальную форму или свойства «третьего контента», но, скорее всего, так и останется идеальным объектом как свойством. Однако несомненно, что идея интернетовского торрента со временем обретёт форму, скажем так, виртуального документа строгой отчётности (а, возможно, и «бумажную форму» наподобие нынешних денег), привязанного к индивидуальному лицу или организации, или к предприятию, или к государственной структуре. То есть, иными словами, ценность как свойство свойства в форме контента так им и останется, а электронному учёту будет подлежать сама ценность, которая в первом приближении будет представлять время интеллектуального труда, как часть общественного фонда времени жизнедеятельности общества.

С появлением «символьного посредника» возникают и условия, позволяющие включиться в процесс обмена агенту-посреднику, – это сегодня, грубо говоря, специальные сайты-серверы, их называют – «Трекеры», или «BitTorrent Трекеры». В Интернете их тысячи самых разнообразных.

«Торрент», библиотека, база данных и им подобные агенты информационного пространства, назовём их «распределителями» (распространителями), участвуют в обмене не с целью непосредственного приобретения потребительной ценности, а ради увеличения количества контента, находящихся в их распоряжении, ради информационного обогащения. Иначе говоря, торрентное обращение создает предпосылки для появления распределительного торрентного накопления – коммуникаторного «трекерса». Рост торрентного богатства в руках крупных собственников и разорение

мелких производителей контента создают условия и для появления «ростовщического» трекерса (торрентного накопления для ссуд).

Развитие торрентного хозяйства в условиях частной собственности будет усиливать общественную стихию и ее власть над людьми. Это постепенно подрывает натуральное информационное хозяйство, способствует разорению одних производителей и обогащению других, усиливая тем самым их дифференциацию. Торренты начинают функционировать и за пределами сферы контентного обращения: возникают торрентная рента и торрентные налоги.

Здесь необходимо сделать небольшое отступление по поводу торрентов, их внешнего представления. Пока скажем кратко, - вполне допустим исторический процесс трансформации современных «денег» в торренты, путём постепенного изменения их внутреннего содержания и функций при сохранении привычной всем формы всеобщего эквивалента и терминологии. Такое развитие событий позволит обеспечить постепенность исторического градационного перехода к «Информационному обществу».

Стихийный, но развитый, торрентный оборот создаёт условия для «экспроприации» (притягивания) непосредственных производителей информации (контента), превращения их интеллектуальной силы работников, пользуясь оборотом политэкономии, в контент, в появление системы свободного от регламентации труда. В информационном обществе торренты, в конце концов, становятся всеобщим орудием «информационного неравенства» (дисбаланса), средством притягивания свободной интеллектуальной силы работников и безвозмездного наращивания создаваемой ею приращенной («прибавочной») ценности.

Сами по себе эти торренты совсем не «накопления» в форме «трекерса». Они становятся трекерсом лишь тогда, когда применяются для достижения «информационного неравенства» и информационного превосходства человека над человеком, когда человека лишают доступа к необходимой информации непосредственно через отсутствие возможности доступа к техническим устройствам или способствуя отсутствию навыков обращения с соответствующими информационно-телекоммуникационными технологиями (ИТТ). Вследствие чего, как пишет Мелюхин И. С., - «Пока ИТТ будут оставаться в распоряжении небольшой социальной группы, будет сохраняться

угроза существующему механизму функционирования общества» (Мелюхин И. С. Концепции информационного общества и роль государства // Информационные ресурсы России. – 1997. – №2. – с. 30-34).

Проблема «информационного неравенства» отмечается многими учёными.

Сущность торрентов выражается в функциях, которые они выполняют в процессе информационного производства и обращения. Вероятно, в развитом информационном, контентном хозяйстве торренты будут выполнять следующие функции:

- мера ценности;
- средства обращения;
- средства образования сокровищ;
- средства расчётов;
- мировых торрентов.

Развитие функций торрентов связано с ростом информационного хозяйства и его противоречий. Поэтому степень развития той или иной функции торрентов отражает собой различные этапы эволюции самого информационного производства, а также и развития общества в целом.

Прежде чем контент попадёт в обращение, его ценность должна быть известна, измерена. Поскольку ценность всевозможных контентов измеряется торрентами, то первая функция торрентов» есть функция *меры ценности* контента.

Ценность различных контентов соизмерима, количественно сопоставима. Но не торренты делают контенты соизмеримыми, а то, что все они являются продуктами общественного труда. Ценность контентов измеряется через посредство материально-знаковых отношений именно потому, что и на контенты, и на любую форму «натуральных» (естественных) материально-знаковых отношений затрачен общественный труд.

Ценность контента, выраженная в торрентах, есть байтаж контента, одновременно текущая (обменная) ценность контента, выраженная в торрентах, есть текущий (обменный) байтаж контента (распространяемой копии контента). Байтаж контента означает эквивалентность ценности определенной «массы» идеальных торрентов (нуков) ценности контента. «Текущий байтаж» («обменный байтаж») контента означает эквивалентность текущей (обменной) ценности определенной

соответствующей «массе» нуков текущей (обменной) ценности контента. Разумеется, - на том же шаге (уровне) процесса распространения информации.

3.1.1.5. Закон ценности и интегративный закон обмена общественным богатством

Закон ценности – объективный информационный закон развития контентного производства. В условиях, когда информация, интеллектуальные продукты производятся как контент, затраты общественного труда неизбежно принимают форму ценности. Производство контента делает необходимым обмен ими, в том числе и *совокупный обмен («рынок», информационный рынок)* как распространение (тиражирование) контента, в соответствии с количеством затраченного на их производство общественного труда, то есть в соответствии с рабочим временем интеллектуального труда, общественно необходимым для их производства, создания. Иначе говоря, обмен контентом должен происходить в соответствии с их общественной ценностью и тиражируемостью, а в целом, как единый акт, – по их общественной ценности.

При обмене контентом по общественной ценности, текущей ценности, те производители контента, индивидуальные затраты труда которых на производство данного контента оказываются меньше общественно необходимых, выигрывают. Те производители, у которых эти затраты выше общественно необходимых, проигрывают. **Суть закона ценности заключается в необходимости обмена контентом в соответствии с их общественной текущей ценностью** (а в пределе, в совокупности, – с их общественно необходимой исходной, первоначальной ценностью). Это вынуждает производителей, коммуникаторов и распространителей контента следить за тем чтобы затраты на производство контента и байтаж реализации тиража контента не превышали общественно необходимые.

Закон ценности в условиях частной собственности выступает в качестве стихийного регулятора контентного производства. При любых общественных условиях необходимо пропорциональное распределение труда по различным сферам производства. В

условиях частной собственности на контент средств производства интеллектуального продукта и распространения информации производители контента руководствуются своими частными интересами. В обществе царит «относительная анархия и определённая конкурентная борьба», процесс распределения интеллектуального труда между отраслями производства регулируется законами ценности. Закон ценности в «Информационном обществе» действует стихийно.

Таким образом, процесс распределения полилогически разнообразной деятельности и труда между отраслями производства в «Информационном обществе» регулируется, в первую очередь, законами ценности, а также и в ограниченной сфере прочей, не интеллектуальной деятельности, так же прочими известными законами, законом стоимости и им подобными.

Интегративный закон обмена общественным богатством общества можно сформулировать следующим образом:

- Свободный обмен общественным богатством, состоящим из результатов деятельности различной типологии, заключается в необходимости обмена этим богатством в соответствии с затраченным на их производство социальным фондом времени общества. Поддержание этого баланса вынуждает агентов воспроизводственного процесса следить за тем, чтобы затраты социального фонда времени на воспроизводство действительной жизни общества не превышали общественно необходимых, а общий объём затрат находился в пределах располагаемого социального фонда времени общества, определяемого численностью членов этого общества.

Регулирующий механизм закона ценности заключается в стихийном колебании «рыночного» байтажа как в частных операциях обмена (текущий байтаж), так и в целом совокупного обмена контентом, в его отклонении от общественной ценности в результате конкурентной борьбы. Байтаж совпадает с абсолютной и текущей ценностью контента только при равенстве спроса и предложения, то есть когда производство и распространение данного контента (данного вида контента с учётом различных производителей) соответствует обеспеченному взаиморасчётами спросу на него. Если же такого равенства нет, байтаж контента будет отклоняться от его ценности.

Отклонение байтажа от ценности соответственно влияет на изменение соотношения спроса и предложения и тем самым на перераспределение интеллектуальной деятельности и труда и находящегося в их распоряжении контента информационно-коммуникационных средств производства между различными отраслями, различными процессами ЧЭФ.

Когда контентное производство, основанное на частной собственности на контент средства производства и коммуникации, охватывает всё общественное производство (как это имеет место в «Информационном обществе», ЧЭФ «информационная»), тогда *закон ценности превращается в стихийный регулятор всего общественного производства. То есть сама ЧЭФ «информационная» со «своим» законом ценности начинает доминировать (главенствовать) в обществе, регулируя при этом и все прочие отношения, отношения других ЧЭФ.*

Однако это, можно сказать, видимая, внешняя оценка обменных процессов в реальном обществе, ибо над рассматриваемым законом ценности незримо стоит более общее явление, - интегративный закон обмена общественным богатством общества. Мы же рассматриваем здесь идеальное, абстрактное, «Информационное общество», грубо говоря, состоящее из одной ЧЭФ «информационная».

Действие закона ценности ведет к углублению и обострению противоречий между частными производителями контента. Богатые производители контента обладают большей массой контента информационно-коммуникационных средств производства, и притом более совершенных, а также в состоянии привлечь к производству наиболее квалифицированных работников.

Прямо противоположное положение занимает масса средних и мелких производителей, которая значительно меньше выигрывает даже при благоприятных условиях реализации и постоянно страдает от конкуренции со стороны богатых. Стихийное колебание байтажа вокруг ценности неизбежно вызывает разорение основной массы средних и мелких производителей, распространителей контента.

Закон ценности в условиях стихийного контентного и коммуникационного хозяйства играет большую роль в росте и совершенствовании производства, повышения эффективности и снижении ценности контентов, ибо его действие побуждает

производителей контента к снижению индивидуальных затрат труда по сравнению с общественно необходимыми затратами и повышению интенсивности распространения контента.

Таким образом, стихийное действие закона ценности, регулируя развитие процесса контентного производства, вместе с тем приводит к обострению противоречий контентного хозяйства, основанного на частной собственности на контент информационно-коммуникационных средств производства.

Движение контентов и их тиража как идеальных продуктов в процессе информационного обмена выражает производственные связи, отношения между людьми. Только в движении выявляется и общественная природа частного труда, ибо его общественное признание происходит лишь в стихийном процессе обмена. Таким образом, совершенно объективно общественные отношения между производителями и коммуникаторами контента принимают форму отношений между идеальными информационными продуктами и их коммуникаций и, естественно, проявляются в их движении вообще.

Иными словами, производственные отношения информатизируются и идеализируются. Стихия общественных отношений, господствующая над людьми, внешне выступает в виде господства над ними определенных информационных продуктов, информации и коммуникационных связей. Зависимость производителей и коммуникаторов контента от рынка выражается как господство над ними некой сверхъестественной силы информации (контента и коммуникаций, торрентов). Эта информатизация производственных отношений, то есть проявление отношений между людьми в форме отношений между движущейся по каналам коммуникаций информации, по подобной аналогии с К. Марксом, назовём *контентным, информационным фетишизмом*.

3.1.1.6. Превращение торрентов в трекерс

Объективными предпосылками возникновения трекера является определенный уровень контентного производства и контентно-торрентного обращения. Очевидно, что исторически коммуникаторный трекерс, так или иначе, начинает свою жизнь в форме торрентов. Каждый новый трекерс на контентном «рынке»,

рынке информационного труда или торрентном рынке, также выступает в виде торрентов, которые только путем определенных процессов превращаются в трекерс.

Торренты как торренты и торренты как трекерс сначала отличаются друг от друга лишь неодинаковой формой обращения. Форма контентного обращения имеет следующий вид:

$$\mathbf{K} \text{ (контент)} - \{\mathbf{TR} \text{ (торренты)}\} - \mathbf{K} \text{ (контент)},$$

где фигурными скобками {} обозначен «совокупный потребитель» данного контента **K** и его некая, как правило, ветвящаяся схема распространения и тиражирования копий.

Такое представление контентного обращения с применением фигурных скобок {} принципиально (на уровне абстракции процессов ЧЭФ) и отличает его от известного товарного обращения К. Маркса в политической экономии:

$$\mathbf{T} \text{ (товар)} - \mathbf{D} \text{ (деньги)} - \mathbf{T} \text{ (товар)}.$$

При этой форме распространение контента совершается ради приобретения другого контента. Форма же обращения торрентов как трекерса {TR} имеет иной вид:

$$\{\mathbf{TR}\} - \mathbf{K} - \{\mathbf{TR}\},$$

то есть приобретение (скачивание) контента совершается ради обогащения через его последующее распространение (раздачу).

В форме {TR} – K – {TR} движение начинается с приобретения контента и заканчивается его распространением (раздачей, передачей). Исходный и конечный пункты данного процесса – торренты. Здесь торренты не затрачиваются, а лишь «авансируются». Сам характер расходования торрентов в этой форме обуславливает их обратный приток, ибо без обратного притока торрентов рассматриваемый процесс движения оказался бы незаконченным. Движение торрентов как трекерса бесконечно. Конец одного кругооборота образует начало другого кругооборота и т. д. Движущим мотивом, определяющей целью кругооборота {TR} – K – {TR} является меновая ценность. Оба крайних пункта этого процесса – торренты - представляют собой «качественно»

одинаковые потребительные ценности, и поэтому его содержанием может быть лишь количественная разница, превышение суммы полученных торрентов над первоначально авансированной их суммой.

Следовательно, сущностным содержанием кругооборота $\{TR\} - K - \{TR\}$ является возрастание ценности, извлечение из обращения больше торрентов, чем первоначально было в него вложено. Полная форма движения торрентов как трекерса выражается следующим образом:

$$\{TR\} - K - \{TR\}^*,$$

где $\{TR\}^* = \{TR\} + \Delta\{TR\}$, то есть равно первоначально авансированной сумме торрентов плюс некоторое приращение.

Это приращение, или избыток над первоначально авансированной ценностью назовём приращённой ценностью. Движение $\{TR\} - K - \{TR\}^*$ как раз и превращает первоначально авансированную ценность в трекерс. Эта первоначально авансированная ценность в обращении не только сохраняется, но и возрастает за счет присоединения к ней приращённой ценности. Таким образом, *трекерс - это самовозрастающая ценность, или ценность, приносящая приращённую ценность.*

Торренты, которые должны превратиться в трекерс, сами по себе не могут быть источником приращаемой ценности. Они всего лишь средство информационных расчётов. Ценность контента, приобретаемого в первом акте $\{TR\} - K$, также не может быть источником приращённой ценности, так как обмениваются эквиваленты. Следовательно, изменение ценности, её возрастание может возникнуть, только в процессе «потребления» некоторого специфического элемента производства, которые трекерсист приобрёл (задействовал) для осуществления процесса производства. Причём приобрёл, «попутно», и то, что в состоянии выйти за рамки договорного эквивалента взаиморасчётов.

Таким элементом информационного пространства («рынка»), потребительная ценность которого обладает свойством (способностью) создавать при определённых условиях ценность, притом большую, чем он сам имеет (потребляет), является

работник интеллектуального труда, информационной деятельности, - агент процесса производства и воспроизводства действительной жизни общества. Он обладает таким специфическим «контентом» как способность к интеллектуальной деятельности (к труду). Эту способность обычно именуют *интеллектуальной силой* (способностью) работников, или, традиционно, - рабочей силой.

3.1.1.7. Интеллектуальная сила как контент

Известно, что рабочая сила есть, как пишет К. Маркс, - «совокупность физических и духовных способностей, которыми обладает организм, живая личность человека, и которые пускаются им в ход всякий раз, когда он производит какие-либо потребительные стоимости» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 178). В нашем же случае речь идёт об интеллектуальной силе работников, творцов, - о «силе» их интеллектуальной деятельности.

Интеллектуальная сила как способность человека к интеллектуальному, информационному, труду существует в любом обществе, независимо от его исторической формы. Поэтому, следуя почти Марксу, определим, что *интеллектуальная сила есть совокупность, прежде всего, интеллектуально-информационных, а так же духовных и, разумеется, физических способностей, которыми обладает организм, живая личность человека, и которые пускаются им в ход всякий раз, когда он создаёт или производит какие-либо потребительные ценности и богатства. В целом же интеллектуальный труд и деятельность есть умственная, мыслительная деятельность.*

И если при капитализме рабочая сила становится товаром, то в «Информационном обществе» интеллектуальная сила становится контентом.

Сам же интеллектуальный работник должен обладать опытом, информацией и знаниями в некоторой области и отрасли интеллектуального труда. Соответственно расходы на приобретение им необходимых навыков и знаний, на образование, обучение и информационное обеспечение в самом общем виде входят в ценность интеллектуальной силы. Поэтому, чем выше квалификация работника, тем выше ценность его интеллектуальной силы.

Таким образом, *ценность интеллектуальной силы есть ценность жизненных средств, необходимых для ее воспроизводства, и притом воспроизводства нормального качества.* С развитием производства и средств коммуникации, с прогрессом контента средств информационного производства и ростом их сложности изменяется соответственно и интеллектуальная сила. Повышается искусство, умение и опыт интеллектуального работника. При этом, естественно, возрастают и потребности самих людей, и само общественно нормальное качество интеллектуальной силы.

Избыток ценности, созданный в результате интеллектуальной деятельности работника сверх ценности, потреблённой в процессе производства его интеллектуальной силы, составляет приращённую ценность. В способности, а точнее, **в возможности**, создавать приращённую ценность, и заключается потребительная ценность контента интеллектуальная сила. Именно эта особая потребительная ценность интеллектуальной силы интересует трекерсиста. Трекерсист приобретает именно «способность» как свойство работника, а не продукт его интеллектуального труда, что даёт ему основание считать интеллектуальный продукт, созданный работником, своей собственностью. Такие производственные отношения становятся возможными лишь в условиях информационного принуждения со стороны трекерсиста, который обладает информационно-коммуникационным контентом средства производства и возможностью организации одновременной деятельности разнообразных по специализации работников интеллектуального труда. При этом не менее важно так же располагать развитой системой реализации создаваемого контента.

Отношения, которые складываются в сфере обмена между трекерсистом и свободным работником интеллектуального труда, создают ложное, обманчивое представление о действительных взаимоотношениях между этими двумя классами, стратами, - трекерсистами и «трудящимися нового типа» как работниками интеллектуального труда. В информационном пространстве (рынке) трекерсист и «трудящиеся нового типа» внешне выступают как равные владельцы контентов: один - как приобретатель и реализатор, другой – как собственно создатель (производитель), контрагент. Как сегодня буржуазные экономисты, так и завтра власти «Информационного общества» будут стремиться эту обманчивую видимость выдать за действительность, пытаться

доказать отсутствие противоречий между интеллектуальным трудом и трекерсом (сегодня же – между трудом и капиталом).

Чтобы не было возврата к наёмному и повременному труду, сопровождаемого экономической эксплуатацией, они вынуждены предоставлять в пользование трекерсистам свою способность к интеллектуальному труду и обогащать страту господствующих сил, мириться с возникающим информационным неравенством.

3.1.1.8. Производство приращённой ценности

Ранее уже было показано, что производство контентов есть единство процесса труда и процесса создания ценности. Далее рассмотрим процесс информационного производства как процесс увеличения ценности, то есть создания приращённой ценности. Суть этой стороны процесса состоит в использовании (потреблении) трекерсистом специфического контента интеллектуальная сила.

Производя некий контент, работники интеллектуального труда расходуют определенное количество живого труда. Их деятельность, как уже говорилось, носит двойственный характер: с одной стороны, это конкретная деятельность, а с другой - абстрактный труд. В процессе производственной деятельности работники своим конкретным трудом изменяют потребительные ценности используемого расходного контента, - информации, подпрограмм и прочего вспомогательного контента (предмет труда), и создают новые потребительные ценности. Текущая ценность использованных контентов, таких как контенты средств информационного и коммуникационного производства, сохраняется, но при использовании численно падает как при тиражировании, то есть учитывается (засчитывается) в изготовляемом продукте как текущая ценность при росте тиража на единицу.

Однако, если некий приобретённый расходный контент имеет разовое применение в производстве, то его ценность (как текущая ценность приобретения) полностью засчитывается во вновь создаваемой ценности создаваемого нового контента.

Если же расходный контент используется при создании некоторого числа новых контентов, то в зачёт создаваемой

ценности идёт лишь доля расходной ценности. Её величина обратно пропорциональна сумме данного числа новых контентов плюс ранее имевшее место тиражирование (количество созданных «копий»), разумеется, относительно исходной ценности.

Такой «зачёт» ценности контента средств информационного производства в ценности вновь создаваемого контент осуществляется конкретным трудом, интеллектуальной деятельностью, работника интеллектуального труда. При этом в полной мере выполняется закон стоимости, как при тиражировании, ибо, по сути, имеет место акт тиражирования-копирования расходного контента. Аналогичная ситуация складывается и относительно контента информационно-коммуникационных средств производства как «орудий труда».

В то же время своим абстрактным трудом работники интеллектуального труда создают новую ценность.

Вновь создаваемая ценность Z_c это есть сумма ценности, созданной абстрактным трудом (A), и ценности, засчитанной, но не «перенесённой», - как в случае прибавочной стоимости товарного производства. Эта засчитанная ценность есть ценность, пошедшая в зачёт новой создаваемой ценности как текущая ценность (или её доля) контента средства информационного производства, отнесённая на вновь создаваемый контент с использованием конкретного труда (D – durchzählen, пересчитывать). Реализуя новый контент, созданный работниками интеллектуального труда, по его ценности (это ценность контента - Z_c), трекерсист выручает торрентов больше, чем авансировал. Это можно выразить следующим формальным выражением:

$$Z_c = D + A. \quad (3.3)$$

Разница между ценностью созданного нового контента Z_c и ценностью, авансированной на его создание (производство) Z_a , образует приращённую ценность G (G – Gewinn, прибыль, барыш).

Авансированная ценность Z_a это сумма зачтённой ценности контента средств информационного производства во вновь создаваемом контенте с использованием конкретного труда B плюс затраты (расходы) S (S – schöpfer, создатель) за использование специфического контента интеллектуальной силы работников,

разумеется, при известной (договорной) ценности используемых интеллектуальных способностей самих работников. То есть имеем:

$$Za = D + S, \quad (3.4)$$

$$G = Zc - Za = A - S. \quad (3.5)$$

Авансированная трекерсистом ценность увеличилась потому, что работники интеллектуального труда работали творчески больше времени, чем требовалось для воспроизводства эквивалента ценности их интеллектуальной силы S , либо работали с большей интеллектуальной силой, чем предполагалось, а поэтому и сделали (создали) больше, чем предусматривалось. Очевидно, что ценность интеллектуальной силы S и ценность, созданная в процессе её потребления (A), - две различные величины. Это демонстрирует, ранее уже приводимое, следующее формальное выражение:

$$A > S, A = S + G, \quad (3.6)$$

$$Z = Zc = D + (S + G). \quad (3.7)$$

В отличие от товарного производства, образно говоря, центр тяжести переносится с производства на реализацию, где и возникает дополнительная эксплуатация уже потребителей за счёт вздувания цен. То есть, образно говоря, работники интеллектуального труда как бы временно забирают себе приращённую ценность, но затем теряют её, исполняя роль «совокупного потребителя». В результате в выигрыше оказываются трекерсисты. То есть речь идёт не только о превращённой приращённой ценности, изымаемой трекерсистом в процессе реализации, а, можно сказать, об отложенном изъятии приращённой ценности.

Расходование же интеллектуальной силы сверх этого времени или сверх соответствующего «эквивалентного объема контента» представляет собой уже процесс увеличения ценности. Потребление интеллектуальной силы как контента превращает процесс образования ценности в процесс ее возрастания.

Затрата времени интеллектуальной деятельности или контента сверх предела, необходимого для воспроизводства

эквивалента ценности интеллектуальной силы, является источником приращённой ценности. В «Информационном обществе» информационный процесс производства есть единство процесса интеллектуальной деятельности (труда) и процесса увеличения ценности. Таким образом, как единство процесса интеллектуальной деятельности и процесса образования ценности информационный производственный процесс есть процесс производства контентов; в то же время, как единство процесса интеллектуального труда и процесса увеличения ценности, он есть трекерсистский информационный процесс производства, трекерсистская форма контентного производства.

На основе закона ценности осуществляется производство и присвоение приращённой ценности. Трекерсисты приобретают, так называемые, «факторы» процесса интеллектуального труда - контент средств информационно-коммуникационного производства и интеллектуальную силу по их текущей ценности, а затем реализуют созданные контенты также по их (текущей) ценности. И даже, если трекерсисты рассчитываются за полную ценность интеллектуальной силы, они все равно извлекают из труда интеллектуальных работников приращённую ценность. Получение приращённой ценности - не случайное явление, а объективно закономерный процесс информационного трекерсистского производства, его сущность.

Ценность, затраченная на созидательный трекерс, равная ценности приобретённой трекерсистом интеллектуальной силы, возрастает в процессе производства. Интеллектуальный работник, прилагая свой труд, создает новую ценность, равную величине не только созидательного трекерса (эквивалент интеллектуальной силы), но и приращённой ценности. Приращённая ценность является, следовательно, приращением только созидательного трекерса.

Величина вновь созданной ценности может быть выражена формулой:

$$S + G,$$

где **S** - воспроизведенная ценность интеллектуальной силы;
G - приращённая ценность (**G** - Gewinn, прибыль, барыш; größer - больше).

Таким образом, формула ценности контентов (Z), создаваемых на предприятиях «Информационного общества», имеет следующий вид (см. (3.7)):

$$Z = D + S + G, \quad (3.8)$$

где Z – ценность контента, создаваемого в информационном производстве на предприятиях «Информационного общества»;

D – перераспределённая (отслеживаемая) ценность информации (контента), использованной для производства нового контента;

S – воспроизводственная ценность «живого» интеллектуального труда, информационного производства;

G – приращённая ценность, создаваемая сверх воспроизводственной ценности «живого» интеллектуального труда.

Эта ценность отражает производственные отношения информационного общества, возникновение информационного неравенства и преимущества трекерсистов в отношении свободных работников интеллектуального труда, творческой деятельности.

Норма и масса приращённой ценности.

Итак, приращённая ценность, присваиваемая трекерсистом, есть абсолютная величина приращённой ценности G . Относительная величина приращённой ценности, или степень возрастания созидательного трекерса S , определяется отношением приращённой ценности к созидательному трекерсу - G/S . Это отношение, выраженное в долях или процентах, назовём нормой приращённой ценности и обозначим через G^* .

Ценность созидательного трекерса равна ценности приобретённой трекерсистом интеллектуальной силы. Ценность этой силы, как способности и свойству работника, определяется размерами необходимого, воспроизводственного труда интеллектуального работника. Таким образом, созидательный трекерс воспроизводится в течение необходимого творческого (информационного) рабочего времени необходимым трудом

интеллектуального работника. Следовательно, приращённая ценность создается в приращённое время приращённым трудом (деятельностью) информационного работника.

Из изложенного следует, что приращённая ценность относится к созидательному трекерсу, как приращённый труд – к необходимому труду:

$$G^* = G/S = (\text{приращённый труд/необходимый труд}). \quad (3.9)$$

В первом случае (G/S) норма приращённой ценности выражается в форме отслеживаемых абстрактных результатов труда, во втором случае (**приращённый труд/необходимый труд**) - в форме самого осуществляемого труда.

Движение трекерса, в процессе которого он последовательно превращается из одной формы в другую и возвращается к исходной форме, назовём кругооборотом трекерса.

Кругооборот трекерса в целом выражается формулой-схемой, объединяющей все три стадии:

$$TR - K \dots П \dots K^* - TR^*. \quad (3.10)$$

Эта формула-схема наглядно демонстрирует суть и цель развитого трекерсистского информационного производства – возрастание приращённой ценности.

Информационное неравенство и «эксплуатация».

Если пользоваться аналогией с известным в товарном производстве определением К. Марксом «нормы прибавочной стоимости» и «эксплуатации», то в отношении нормы приращённого труда и «информационного неравенства» можно дать следующее определение.

Отношение приращённого труда к необходимому (приращённый труд/необходимый труд), выражает степень информационного неравенства (информационная «эксплуатация») непосредственного производителя создаваемого контента и собственника контента информационно-коммуникационных средств производства. Напомним, что необходимый труд есть эквивалент ценности интеллектуальной силы информационного работника.

При этом сама величина отношения приращённой ценности к созидательному трекерсу (G/S) есть, как говорят, «специфическая форма выражения» степени «информационного неравенства» свободных творческих работников интеллектуального труда (деятельности) и трекерсистов.

Здесь норма приращённой ценности показывает, как распределяется вновь созданная ценность ($S + G$) между трекерсистом и свободным работником интеллектуального труда, а также какую часть времени интеллектуальный работник работает на себя и какую - на трекерсиста. Если творческий работник, работник интеллектуального труда, половину времени работает на себя, а половину - на трекерсиста, степень информационного неравенства будет равна 100%.

3.1.1.9. Общее равновесие в градации «Информационное общество»

Природа общего равновесия весьма сложна, но при этом более простая субъектная сторона дела очевидна всем. Вся жизнь в любом обществе протекает в так или иначе осознаваемых, хозяйственных, мотивированных формах деятельности и языка, далеких от подлинной природы этого общества. При этом действия людей как агентов производства есть простые действия отношений, облаченные в прагматическую, всем «понятную» семантику. Ценность, трекерс и пр. как отношения никого не интересуют, а интересуют самые обыденные, житейские хлопоты, информация, контент, знания, торренты, «доход», благополучение и пр. Поэтому все анализируемые видоизменения трекерса, изложенные выше, «шаг за шагом приближаются таким образом к той форме, в которой они выступают на поверхности общества... в обыденном сознании самих агентов производства».

Однако для истинного понимания общественных процессов этого недостаточно, ибо в тени остается вся «материальная» (объективная) гетерогенность производства. Иначе говоря, в любом реальном производстве имеют место быть и все неинформационные (культурно-родовые, демографические, натуральные, экономические, технологические и т.д.) структуры и процессы со своим давлением, своими темпоритами и

ценностями. В силу этой материальной многомерности «обстоятельные формализмы» здесь крайне затруднены. Вот в виде всяческих «превращений» и вообще в формах «обыденного восприятия» и происходит, а точнее, проявляется их *«общее взаимобалансирование в самих недрах жизни»*, хотя здесь с неизбежной информационной, контентной, доминантой как неизбежной эндогенной типизацией.

В условиях асимметрии всякой собственности господство соответствующей одной гомогенной симметрии, одного типа доминирующего равновесия (в данном случае информационного), означает, что в полилогизированной материальной структуре «общего равновесия» все остальные симметрии или механизмы, базовые отношения, структуры, равновесия и пр., а, прежде всего ранее снятые производственные отношения, некоторым образом искажены, деформированы. Они выступают в виде, в данном случае, информационных деформаций, интеллектуализированных материальных «инфраструктур», образованных историческим обобществлением ранее доминировавших ЧЭФ. Но *«они же своими типами «вязкости», «упругости», темпоритмом и т.д. оказывают обратное давление на господствующую форму, полилогически интегрируясь уже в общем равновесии, а в итоге - в типологическом характере движения всей системы производства»*.

Иначе сказать, если господствует закон информационного обмена ценностей, то «невинное» информационное равновесие, но во всеподавляющей информационной форме, искажает не только товарное равновесие экономических отношений и функциональное равновесие технологических отношений. Но, также искажаются и территориальные, и гражданские (демографические) отношения, и, неизбежно, отношения самого глубокого органического, социально-биологического, культурно-родового, равновесия.

3.1.1.10. Отношения собственности и информационное принуждение

Как и любое базовое взаимодействие, информационное взаимодействие *«суть только абстрактный объективно-логический тип хаоса, «игры», суеты или симметрии, т.е.*

объективно, как таковое, само по себе нигде и никогда не существующее, а существующее только в определенной форме... и всегда в условиях некоторой господствующей формы собственности). В данном случае это базовое взаимодействие существует в форме информационных производственных отношений и в условиях уже асимметричной и господствующей формы, ограниченной (частной) собственности на контент информационно-коммуникационных средств производства, т.е. на базовый объект обстоятельств производства, имманентный именно самому же информационному базовому взаимодействию.

Общественная форма частной собственности на контент информационно-коммуникационных средств производства, основное производственное отношение, трекерс, порождают производственное принуждение. Но это уже не животный страх и физическая сила или диктат и повинность, уже не экономическое отношение, именуемое отношением эксплуатации (в этом ее самом узком и строгом смысле). Это и не социалистическое коллективистское - «каждый должен трудиться» и «кто не работает, тот не ест», а иное, менее «угрожающее», порождающее выше неоднократно упоминаемое «информационное неравенство». Это иное есть информационное отношение, именуемое «информационным неравенством» в самом широком и общем смысле негативной сути.

Невинный, социально-нейтральный (без присвоения результатов чужого труда) контент, *«будучи предоставлен в господствующей форме самому себе (как всякая симметрия) превращается в асимметрию»*, в данном случае имущих контент информационно-коммуникационных средств производства и имущих лишь свою интеллектуальную силу. Основной мотив производства, его внутренняя объективная цель, представляет собой прирост трекерса как производственной позиции собственника в форме максимального извлечения приращённой ценности.

Это «извлечение» происходит за счет свободного труда и творческой деятельности, соединяемых трекерсом с «обстоятельствами производства». Этими обстоятельствами производства является контент информационно-коммуникационных средств производства, в этой форме и находящийся в частной собственности. Причем мотив этот в основе

своей является скрытым, можно сказать, «дологическим», ибо объективные значимость и ценность всегда «заключены в не являющейся форме самого труда, здесь лишь внешне выступающего».

3.1.1.11. Доминирующий процесс ЧЭФ в формуле «Информационного общества»

Напомним, что «действительная жизнь» (ДЖ) как воспроизводственный процесс представляет собой совокупность ряда одновременно, одномоментно протекающих частных (чистых) воспроизводственных процессов, так называемых «слоёв», отображаемых соответствующими ЧЭФ. Каждый слой является носителем определённого типологического вида базовых объектов собственности, относительно которых возникают постоянно действующие (с начала становления общества) соответствующие, общественные отношения – производственные отношения и отношения собственности.

В процессе общественного развития последовательно в каждом слое возникает особое, а затем и критическое состояние развития соответствующих слою ЧЭФ общественных отношений по поводу доминирующего типа объекта собственности. Это проявляется в том, что в некоторый момент времени исторического восходящего развития общества эти отношения начинают доминировать, то есть главенствовать, влиять и подавлять все прочие слои производственных отношений и отношений собственности. Затем, достигнув предела, критической фазы развития, передают эстафету доминирования последующему, исторически «вышележащему» слою ЧЭФ, то есть более прогрессивному, восходящему слою отношений. При этом сам слой ЧЭФ и его отношения сохраняются, но, как говорят философы, «снимаются» (т.е. включаются, переходят в «инфраструктуру» общества уже как условие дальнейшего развития общества в целом). При этом ранее доминировавший объект отношений собственности «обобществляется», то есть становится достоянием всего общества, а, следовательно, каждого члена общества, гражданина.

Эти критические точки перехода из слоя в слой соответствуют, так называемой в полилогии, главной последовательности эндогенной логики, её «критическим формам и прорывам», - от одной ЧЭФ к другой ЧЭФ. Этой последовательности соответствует известный «эмпирический коррелят»: рабовладение, феодализм, капитализм, линейная (плановая) форма социализма. Наконец, - ЧЭФ информационного общества и ЧЭФ общества знаний.

Кратко напомним основные характеристики базовой ЧЭФ «информационная»:

- воспроизводимый базовый объект - «контент, информация (информатика)» (**К**);
- механизм взаимодействия агентов производства - «соинформирование» (свободный информационный обмен и распространение) (**М:СИФ**);
- эквивалент в промежутках между циклами производства - «торренты» (**TR**);
- богатство, - «контент, трекерс»;
- собственность (как доминирующая собственность - асимметрия) - «частная собственность на контент «информационно-коммуникационные средства производства», на информацию»;
- ожидаемая градация, базирующаяся на данной форме, - «Информационное общество».

Доминирующий процесс:

$$- TR - K \dots П \dots K^* - TR^* - K \dots П \dots K^{**} - TR^{**}, \quad \text{М:СИФ;} \quad (3.11)$$

Когда-то в «Капитале» был выявлен и подсказан основной, правда, как принято говорить, «тощий тренд» посткапиталистического развития общества на обобществление материальных средств производства как необходимое (но недостаточное) условие дальнейшего восходящего развития, условие вхождения в градацию «Социализм». Так и сегодня, в этой работе, мы можем утверждать, что основой «тощего тренда» дальнейшего, постинформационного, восходящего развития общества является обобществление, постановка на службу всему обществу и каждому

его гражданину в отдельности, всего известного контента «информационно-коммуникационных средств производства».

Это обеспечит «снятие» информационного неравенства как основного негатива «Информационного общества», сделает прозрачными и доступными для граждан все, горизонтальные и вертикальные, информационные потоки всеохватывающего информационного пространства общества. Но это путь реализации лишь «тощего тренда» необходимых, но недостаточных, условий постинформационного развития.

На смену, а точнее, в дополнение, к необходимому образному условию «всё знать» в постинформационном восходящем развитии общества следует, такое же образное, - «всё понимать». «Знание и наука», - вот объект будущих страстей и накоплений, богатств и «распрей», а имя этому обществу – «Общество знания».

3.1.2. Второе приближение

На этой вышеизложенной основе, как и в первом приближении ранее, сгруппируем материал анализа в пяти пунктах, характеризующих процесс перехода от градации к градации как от доминирования ЧЭФ «информационная» к доминированию последующей ЧЭФ «общественное познание».

Теперь это переход от доминирования объекта-предмета «информация» к доминированию объекта-процесса «общественное познание».

Кратко, в общем виде, напомним механизм-процедуру этого перехода «предмет - процесс»:

- порождение производящим трудом критического предельного состояния развития доминирующих отношений по поводу объекта-предмета и всё возрастающей замкнутости производства ЧЭФ «информационная» самого на себя, - «торренты ради торрентов».

- становление доминирования объекта-процесса ЧЭФ «общественное познание». Эта ЧЭФ и её объект-процесс способны разорвать замкнутость информационного трекерсистского производства. Соответствующий объект-процесс «общественное познание» непосредственно связан с доминировавшим объектом-предметом «информация», точнее, - с контентом информационно-

коммуникационных средств производства и не входит в состав инфраструктуры.

- разрыв замкнутости существующих отношений происходит как процесс «обобществления» в результате развития и начала доминирования одного из элементов ПВДЖ - объекта-процесса «общественное познание».

- собственный механизм взаимодействия агентов производства по поводу «общественного познания» заключается в «логическом соответствии» воспроизводственных процессов (деятельности), в логически связанном соответствии и в сопряжённости друг другу, обусловленным самим процессом общественного познания. Этот механизм противоположен и полностью противостоит атомарности информационного производства, замкнутости каждого агента на самого себя и свой прирост приращённой ценности (торренты). В результате становится возможным, и происходит, обобществление доминирующего (прежде) объекта-предмета «информация», постановка его под контроль общества, под контроль всеобщего интеллекта.

- утверждение новых ценностей и нового типа богатства «общественное познание», что в обыденной жизни называется просто «познавательная деятельность», «научно-исследовательская работа» или «творческий труд», то есть - интеллектуальная деятельность. Этот элемент в своём развитии как новой ценности заставляет активно действовать соответствующих агентов производства, обеспечивая восходящее развитие общества.

В развёрнутом виде и в большей конкретике перехода от доминирования ЧЭФ «информационная» к доминированию ЧЭФ «общественное познание» изложенная схема этого механизма-процедуры перехода выглядит следующим образом.

1. Производящий труд порождает приращённую ценность и новый системный кризис, вызванный асимметрией господствующей ограниченной, частной, собственностью на контент информационно-коммуникационных средств производства. Контент, будучи предоставлен самому себе в господствующей форме (как всякая симметрия) превращается в асимметрию, в данном случае имущих контент информационно-коммуникационных средств производства и имущих лишь свою интеллектуальную силу. Основной «мотив» производства, его

внутренняя, внешне скрытая от обывателя, объективная цель, представляет собой прирост трекерса как производственной позиции собственника в известной форме максимального извлечения приращённой ценности за счет свободного, но обусловленного договорным соглашением, труда, соединяемого трекерсом с обстоятельствами производства, т.е. с контентом информационно-коммуникационных средств производства, в этой форме и находящимися в частной собственности.

«Закон конца» простого информационного общества как формы, по мере развития производительных сил и сложения обстоятельств рано или поздно достигающей своего предела, обобщённо выражается законом трекерсистского накопления. Этот закон в частности отражает рост богатства, информационного богатства, на одной стороне и информационной недостаточности (незнание, низкая осведомлённость, «безграмотность») - на другой. Это проявляется в ограниченности информационного обеспечения свободных работников интеллектуального труда – информационном неравенстве, а равно и в информационной монополизации.

Соответственно основное противоречие эндогенного информационного общества - это противоречие между объективным, происходящим в самом производстве обобществлением контента информационно-коммуникационных средств производства и ограниченной, необщественной, в данном случае классической частной собственностью на них.

В «позитивном» производительном содержании преодоление зашедшего в предел информационного общества означало объективный процесс **онаучивания** (в более видимой общественной форме **единой системы** информационного обеспечения принятия решений) производства. Тогда как преодоление негативов информационного общества означало следующий шаг приучения общества и людей к единой, научно обоснованной, дисциплине труда, к коллективной работе в масштабах всего (отдельного) общества, к онаучиванию производства.

Информационное общество замкнуто на информационный рынок как диспозитивно безадресную сеть взаимодействий агентов производства. Это своего рода хаос, стихия спонтанно возникающих производственных связей механизма соинформирования (информационного обмена) с базовым объектом

«контент информационно-коммуникационных средств производства» и контентным (информационно-пространственным) равновесием, интеллектуально-информационным и сетевым разделением труда. Базовые производственные отношения – информационные (контентно-торрентные) при частной собственности на контент информационно-коммуникационных средств производства.

2. Стихии и хаосу безадресности пространства информационного рынка противостоит онаучивание, единство и системность информационного обеспечения принятия решений, система общественного познания, сопрягающий механизм «логического соответствия». Этот механизм есть атрибут, неотъемлемая часть и свойство ЧЭФ «общественное познание», то есть процесса воспроизводства объекта-процесса «общественное познание». Этот же механизм внутренне присущ и собственно предприятиям информационного производства, которые есть локально-ограниченные производства, и в большей степени информационным монополиям и информационным ТНК. То есть онаучивание и системность механизма «логического соответствия» есть так же и составная часть господствующего (в будущем!) информационного производства.

3. Разрыв замкнутости информационного рыночного производства как хаоса безадресности воспроизводства возникает в ходе противостояния стихии информационного пространства рынка и всё возрастающей системности единого механизма «логического соответствия».

Согласно полилогической трактовке истории, элементы логического соответствия и, естественно, «общественного познания» изначально присутствуют в любой градации как композиции всех известных ЧЭФ. Частный контроль над контентом информационно-коммуникационных средств производства означает и частный контроль над производством в той части, которая не вошла в инфраструктуру общества и не находится под контролем всеобщего интеллекта. При этом «онаучивание» как единство системности, порождаемое механизмом соответствия и являющаяся вместе с механизмом логического соответствия безусловным атрибутом объект-процесса «общественное познание», разрушает (как бы взрывает) пространство атомарной стихии зашедшего в предел информационного рынка. Таким образом, частная собственность входит в противоречие с

развивающейся системностью и единством (информационного) производства, которое разрешается через обобществление контента информационно-коммуникационных средств производства, то есть посредством «отказа» от отношений частной собственности на них.

Объект-процесс «общественное познание» предприятия, находится в органической связи с «контентом информационно-коммуникационные средства производства». Имеется ввиду социологическое содержание общественного познания как объект-процесса общественных отношений по их поводу. Образно можно сказать, что вирус ограниченной частной собственности заражает объект-процесс «общественное познание» и в силу его системного группо-иерархического характера возникает ограниченная системно-сетевая иерархически групповая собственность на процесс общественного познания.

4. Далее следует обобществление контента информационно-коммуникационных средств производства, изъятие их из ограниченной (частной) собственности, симметризация и снятие в инфраструктуру, постановка их под уже новый контроль всеобщего интеллекта, но в условиях уже начинающего доминировать контроля логического соответствия и онаучивания.

Следует особо подчеркнуть, что под всеобщий контроль поставлены лишь собственно информационные (контентно-торрентные) отношения из общего множества всех элементов производства, находившиеся под доминировавшим влиянием контента информационно-коммуникационных средств производства. Эти контентно-торрентные отношения в условиях обобществления стали вспомогательными, подчинёнными единой системе онаучивания и логического соответствия.

5. В то же время общественное познание, будучи составной частью ПВДЖ с доминированием контента информационно-коммуникационных средств производства, не только сохраняет свои прежние ценностные свойства, но приобретает форму «нового» богатства и тем самым ещё более активизируют процессы «онаучивания», «единства системности».

Таким образом, используя абстрактный механизм логики перехода между градациями, по характеристике и формальному описанию доминирующей ЧЭФ «информационная», был сделан предварительный выводы о сущности последующей в доминировании ЧЭФ «общественное познание».

3.2. Вначале было общее равновесие

3.2.1. Об общем равновесии

Кризис потому и кризис, что ему предшествует некоторое равновесное состояние или, как выразился А. С. Шушарин, - *«полилогическая «свёртка» всех отношений в «общее равновесие»»*.

Полилогическая «свертка» и целостное сведение всех отношений в *общее равновесие* в информационном обществе, казалось бы, проще, чем в линейной форме социализма, однако абстрактный характер объекта-предмета вызывает свои особенности и сложности, чем известные неувязки совсем не только «численной», ценностно-многомерной сути функционального (отраслевого, планового и социалистического) производства. Примером таких неувязок социализма являются внешне не осязаемые *«превращения», скажем, дефекта производства*.

Очевидны и широко известны в функциональном производстве и такие превращения как, например, превращение *положения функций* в безудержный и в бессодержательный рост *вала производства*, превращения *«организованности или защищенности - в статусы, а статусов - в льготы, тарифные системы, повременные, сделные, премиальные и пр. формы оплаты труда»*. В плановой системе каждый чувствует и осознаёт, что вне этих форм остаётся, и масса явлений действительного благосостояния, но и опять-таки с *«нарастающими же явлениями его «бытийного переворачивания» в противоположности»*. Так благодатная защищенность оборачивается (переворачивается) пассивностью, иждивенчество - чуть ли не паразитарностью, организованность - творческим недовольством, заорганизованность - дезорганизацией, тогда как нормальные и заслуженные статусные привилегии превращаются в уравниловку и во всякие нелегитимные дифференциации.

За этой, внешней хозяйственной или чисто субъективной оболочкой, как видимых и осязаемых «превращенных форм» (как, например, за феодальными камзолами или капиталистическими доходами), скрывается *«неизменная и невидимая собственность на технологии (функционального, социалистического способа производства - ХАТ), подлинная производственная власть,*

порождающая все негативы, в том числе в хозяйственных оболочках». Этот парадокс есть неизменный «парадокс всякой революционной теории, равно как и материальный парадокс самих критических форм производства». Короче говоря, как давно многими замечено, - «всё «дурное» построено на «хорошем» основании, а все видимое «дурное» покоится на невидимой «порче» производственной формы самих этих оснований».

Не является исключением и развитие «Информационного общества», здесь также прогнозируется возникновение «видимого дурного» на «невидимой «порче» производственной формы самих этих оснований», то есть на основе предельного, критического развития ЧЭФ «информационная».

В условно стабильном состоянии информационной формы, которая в реальности находится в вечном движении, она стабильна лишь в своём непрерывном развитии. Однако, именно оболочка «общего равновесия», внешне и видимо выступающая в ряде превращенных форм, является житейски самой волнующей, хозяйственно актуальной. С революционной же точки зрения эти внешние формы не существенны, так как собственная суть порождающих их отношений весьма далека от них, а сами наблюдаемые коллизии, можно сказать, - вторичны.

Наконец, особо подчеркнём, что пока наш анализ остается лишь в пределах некой идеальной, чистой, абстрактной эндогенной градации, как принято говорить, - в пределах «идеального типа» градации «Информационного общества». Эта идеальная форма свободна от прочих, порою судьбоносных, влияний весьма многообразных, неизбежно существующих всегда в реальности нашего бытия, структур. Среди этих структур здесь упомянем известные структуры, «условно скажем, социогенофондов, разновысокости (многоукладности, самой по себе многомерной) производства, многонациональности, все пострановые (исторические, пространственные, геолого-климатические, «геополитические» и пр.) особенности, и уж совсем наконец - включенность любой системы во внешние, экзогенные отношения, даже в пока неведомое (в нашем движении) устройство всего современного мира».

И если последнее ранее слабо ощущалось в восходящем развитии общества, то становление информационных воспроизводственных процессов познания взламывает в значительной

степени национальные и государственные границы будущего общественного конгломерата человечества.

При этом очевидно, что действительное общее равновесие, внешне проявляющееся во всей системе политической власти и в общей политической картине мира, мироустройства, предполагает взаимодействие всех составляющих мироздания. Иначе говоря, общее равновесие является *«одним равновесным следствием всемирного равновесия»* и это «всемирное» с неизбежностью будет усиливаться в восходящем развитии человечества.

А это означает, что ранее приведенные эндогенные модели как строгие и детальные, а образно говоря, и как красивые, могут почти полностью потерять свою практическую направленность в условиях *«куда более мощной, «грубой», схематизированной и «словесном» контексте всей совокупности структур»*.

И всё же, пока предельно ясно одно, - как заключает А. С. Шушарин, - *«нельзя уничтожить рабовладельческие войны, не уничтожив самого рабовладения, как нельзя уничтожить феодальную «чересполосицу», замкнутость и т.д., не уничтожив феодализма; как нельзя уничтожить безработицу, погоню за наживой и т.д., не уничтожив капитализма; точно так же нельзя уничтожить линейные деформации, не уничтожив (снятием плановой формы обобществлением технологий) самой линейной формы (социализма – ХАТ)»*. Здесь нам остаётся лишь только добавить, - нельзя «уничтожить» информационное неравенство, погоню за приростом и приращённой ценностью, ограничение свобод работников интеллектуального труда и т. д., не уничтожив градацию «Информационное общество», информационную форму воспроизводственного процесса пока ещё будущего общества. Возможно здесь следовало бы применить более «мирное», философское «снятие», а не «уничтожить». Однако пока общественный, публичный диалог склонен к «сильным выражениям», исключаящим какое-либо отклонение от «генеральной линии» исторического развития. Однако это, строго говоря, *«вполне «нормально», классично в отношении критического, но еще квазистабильного состояния любой отжившей исторической формы производства»*.

Собственно эндогенный анализ квазистабильного состояния информационного общества, как попытки эскизного проектирования градации «Информационное общество», его

построения и развития, был дан в книге «Теория информационного общества: О революционном переходе от капитализма и социализма к новой формации» и в предыдущем разделе 3.1. Поэтому ограничимся лишь здесь лишь тем революционным рефреном автора фундаментальной социологической метатеории А. С. Шушарина «Полилогия современного мира...», но уже в отношении информационного общества. То есть, - нельзя уничтожить информационное неравенство, погоню за приростом и приращённой ценностью, ограничение свобод работников интеллектуального труда и т. д., не уничтожив градацию «Информационное общество» и информационную форму воспроизводственного процесса **снятием информационной ЧЭФ через соответствующее обобществление объекта-предмета контент информационно-коммуникационных средств производства, через онаучивание.**

Разумеется, что речь идёт лишь об уничтожении **деформаций (информационного неравенства и пр.)**, тогда как сам способ производства при этом **обобществляется**, то есть ставится под контроль всеобщего интеллекта, под контроль всего общества. Таким образом, коренные, революционные, изменения связаны с преобразованием в целом воспроизводственного процесса, со сменой доминирующего способа производства и воспроизводства действительной жизни, всей структуры производства.

3.2.2. К характеристике структуры (состав и отношения) информационного производства

Итак, «Информационное общество» суть система с уже общественной собственностью и на общую жизнь, и на работников, и на территорию как пространство производства, и на средства производства как вещь, и на технологии и функции как работу в широком смысле. То есть это система с необратимо снятыми (эндогенно) культурно-родовыми, демографическими, территориальными производственными, экономическими (товарно-денежными), функциональными отношениями, выступающими теперь как снятые деформации (инфраструктуры со своими же ультраструктурами или институтами) под искажающим освещением новой господствующей собственности. Теперь она

выступает в ее полной красе как частная собственность именно на информацию как контент информационно-коммуникационных средств производства и продукт интеллектуального труда, как узурпация логически самого простого абстрактного, идеального, объекта-предмета обстоятельств производства.

Соответственно господствующую, «всё освещающую» (доминирующую) форму производства составляют информационные, контентно-торрентные отношения в их же высшей исторической форме доминирующего, или развитого, информационного рынка в его эндогенном и субъектном понимании как господства частной собственности на контент информационно-коммуникационных средств производства, как объективного торжества трекерса.

Общественная форма частной собственности на контент информационно-коммуникационных средств производства, основное производственное отношение, трекерс, порождает производственное принуждение (уже не животный страх и физическая сила, не диктат и повинность или экономическая эксплуатация и статусное неравноправие) как информационное отношение, именуемое отношением информационного неравенства.

Невинный, социально-нейтральный (без присвоения результатов чужого труда) контент, будучи предоставлен в господствующей форме самому себе (как всякая симметрия) превращается в асимметрию, в данном случае имущих контент информационно-коммуникационных средств производства и имущих лишь свою интеллектуальную силу. Основной мотив производства, его внутренняя объективная цель, представляет собой прирост трекерса как производственной позиции собственника в известной форме максимального извлечения приращённой ценности. Это происходит за счет свободного, но договорного, труда, соединяемого трекерсом с обстоятельствами производства, т.е. с контентом информационно-коммуникационных средств производства, в этой форме и находящимися в частной собственности. Причем мотив этот в основе своей является скрытым, дологическим, ибо объективная важность и обычная ценность всегда заключена в не являющейся форме самого труда, здесь лишь внешне опредмечиваемого в идеальной форме.

Мотив этот не абсолютен, ибо жизнь бесконечномерна, но гомогенно доминантен в этой форме производства. Симметрия информационно-продуктового взаимодействия никуда не исчезает,

приобретение-реализация интеллектуальной силы осуществляется в эквивалентной форме по ее же ценности. Интеллектуальный работник здесь выступает в форме носителя приобретаемого и реализуемого свойства как способности к интеллектуальной деятельности, то есть как некоего «псевдоконтента» способного к интеллектуальной деятельности (труду) – интеллектуальной силы. При этом, в условиях асимметрии собственности, эта интеллектуальная сила оказывается единственной ценностью свободного, но договорного, работника. В совокупном движении всего информационно-трекерского производства закон ценности сохраняет свою силу, но выступает в превращенной форме закона байтажа производства, как уже общее информационно-рыночное равновесие.

Основной закон роста и диффузного расплзания информационного неравенства в производстве выражает доминирующее производственное отношение людей, прямо подчиняющее, так же и виде деформаций, всю совокупность отношений (порядков, институтов, инфраструктур и ультраструктур), всю жизнь общества. Этот динамический, а так и уже «накопленный» во всех формах социального бытия и на определенных страновых почвах результат, принято обозначать метафорой «структура производства», иначе - характеристиками производства, которые выражают самую суть системы.

Множество всепроникающих локальных отношений информационного неравенства в производстве всюду нарастающе накапливается как некие макродиспропорции производства как информационного неравенства, причём на вполне определенных почвах и в определенных внешних условиях и связях. Эта накопленная сторона, как основа, производства, понимаемая, по сути, как структурный облик объединённых и целостных производительных сил и есть, так называемый, ***состав производства***, включающий так же и множество здесь не затрагиваемых неэндогенных факторов всеобщего производства жизни. Таким образом, это и своего рода сжатая характеристика бездонных производительных сил в широком смысле и, с другой стороны, характеристика особенностей самой модели и стиля данной культуры. Наконец, это такая характеристика, которая *«не может быть автономной по отношению к собственным общественным формам (отношениям)»*.

Одно дело – тайная, скрытая, и тем самым абстрактная система, или структура, производственных отношений и другое дело – структура производства с её многообразием в конкретике. Однако сам эндогенный анализ еще очень далек от формирования относительно полных характеристик состава производства, и тем более, – постраново. Ведь этот состав включает как культурное, то есть национальное, этническое, конфессиональное, строение, так и демографические, климатические, географические, расселенческие, геологические, укладные, геополитические и прочие компоненты экзогенного, мирового и межстранового, характера. При этом очевидно, что, как выражается А. С. Шушарин, – *«далеко не только луком и стрелой, бронзой, железом, плугом, паровой машиной, кибертехникой и пр. «технологическими укладами» производительные силы образуются».*

В то же время абстрагирование на идеально-типическом и эндогенном является узловым в понимании этой структуры. Потому в этих характеристиках, относительно доступных и достаточно образных, обычно хозяйственно наблюдаемых, сегодня, – современный *«экономический догматизм дает самый решительный популистский бой во имя своего сохранения ценой уничтожения жизни на Земле».* Следует, вероятно, ожидать, что в будущем уже «информационный догматизм» окажет не менее яростное сопротивление грядущему обществу знания.

Если иметь ввиду нынешние территориальные границы России и, прежде всего федеративное государственное устройство, то проецируя их в будущее, следует отметить, что ожидаемый в «Информационном обществе» России состав производства будет характеризоваться высокой укладной разноразнообразием (многоукладностью) или производственной неоднородностью, вплоть от родоплеменных структур до «космических». Причем сама эта неоднородность также сохранит многомерность и разные основания. С одной стороны, это технологическая неоднородность (высокие – низкие информационные технологии), с другой – укладная неоднородность, тесно переплетённая с нацрегиональной неоднородностью, если она сохранится в будущем. Однако головной, или ведущий, сектор всего производства, с известной условностью всё же будет, несомненно, – информационно-индустриальным.

Однако это взгляд оптимистической эндогенной направленности, для которого в современном российском обществе с учётом деструктивных явлений, непрекращающейся деградации, нет оснований.

Со временем структура информационного общества, в его идеальной форме, становится **неэффективной или непрогрессивной** с точки зрения эпохи постиндустриализации или новой развертывающейся НТР эпохи знания, то есть эпохи «киборгов», экспертных систем и центров принятия решений, высоких технологий, соответствующей инженерной, «электронной», информационной, креативной и пр. инфраструктуры. Структура в смысле динамизма перемен и их направленности всё более **дезорганизует** восходящее развитие общества, налицо деградация универсального человека, погружение его в иллюзорный мир «информационного мусора». Немного в другом оттенке можно сказать, что структура расточительно **инновационна**, но информационно репродуктивна, к креативным обновлениям не восприимчива.

Однако в тени остается материальная гетерогенность производства. Кратко говоря, материальная суть целостности производственных структур состоит в том, что в любом реальном производстве имеют место быть и все неинформационные (культурно-родовые, демографические, натуральные, экономические, технологические и др.) структуры и процессы со своим давлением, своими темпоритмами и ценностями. В силу этой материальной многомерности, кстати, обстоятельные формализмы здесь чрезвычайно затруднены.

При этом в виде ряда превращений, внешне выступающих в формах экзотеризаций, как осознаваемых, хозяйственных и мотивированных формах деятельности, далёких от подлинной природы общества и облачённых в прагматичную оболочку действия людей как агентов производства, и происходит (точнее, - проявляется) их общее взаимосбалансирующее в самих недрах жизни. Однако происходит это с неизбежной трекерсистской, информационно-рыночной доминантой (эндогенной типизацией).

В общем, все гетерогенное производство и воспроизводство действительной жизни, постраново и с местными модификациями (культуризациями), и выступает в форме равновесия рыночного информационного пространства.

Это равновесие рыночного информационного пространства выражается целым рядом, в принципе бесконечно детализируемых балансов и соотношений. Это количество торрентов в обращении, спрос-предложение, оборот трекера, потребление и накопления, условия воспроизводства и др. Диахроника информационного производства динамична, в частности, контент, особенно торренты, являются легкоподвижной субстанцией. В сравнении, - уже в наши времена деньги могут перемещаться со скоростью света по сетям связи. Законы информационного рыночного пространства это стихия, действующая за спиной участников производства, как и всякие господствующие производственные отношения.

При критических сдвигах в недрах производства и потребления это пространственно-рыночное равновесие обнаруживает себя в кризисах весьма разных типов, а именно, - в разбалансах отраслей, в расхождении подвижного потребительского рынка и инертных инфраструктур, групп информационно-интеллектуальных продуктов, интеллектуальной деятельности и трекера, торрентов и контентов, производства, обновления и т.д. То есть проявляется в особых циклических, нарушениях, а затем и в восстановлении нарушенного равновесия.

Основное отношение в итоге порождает и все характерные для этой системы формы нетруда, сверхтруда, паразитизма, резервной армии труда, относительного перенаселения и пр. Как и в любой системе, но по-своему.

3.2.3. О других характеристиках структуры производства

Информационно-продуктовому взаимодействию свойственно сетевое контентно-информационное разделение труда, состоящее в единстве и различии интеллектуальной деятельности уже по созданию информационных продуктов, что находит свое выражение в агентах информационно-контентного производства как обособленных и атомизированных информационных производителей контента, вообще говоря, их безразличной внутренней природы от программиста-одиночки до концерна. Информационное производство – это все то же самое производство и воспроизводство действительной жизни, но объективно существующее (и взятое) в своем гомогенном срезе производства,

распределения, обмена и потребления информации, контента. Базовым механизмом здесь является соинформирование, информационный обмен.

Концентрированным выражением симметрии информационно-контентного, интеллектуально-продуктового взаимодействия, гомогенно абстрактного контентного равновесия информационного производства, является закон ценности, утверждающий, что обмен контентом происходит, в совокупности, в соответствии с общественно необходимыми затратами общественного фонда времени на их производство, выраженными абстрактной (количественной) стороной интеллектуальной деятельности (труда). Тогда как каждый конкретный обмен связан не только с тиражом информационного продукта, но и уровнем его тиражирования. В это же равновесие включается и движение самих торрентов, безразлично, субстанционально-информационных как «третий товар» с внутренней ценностью или как общественно признанных и защищаемых государством просто символических знаков ценности.

Однако опять напомним, что, как и любое другое базовое взаимодействие, информационно-контентное, интеллектуально-продуктовое взаимодействие суть только абстрактный объективно-логический тип хаоса, «игры», суеты или симметрии. То есть объективно, как таковое, это взаимодействие само по себе нигде и никогда не существующее, а существующее только в определенной форме в данном случае информационных же производственных отношений и всегда в условиях некоторой господствующей формы собственности. В условиях эндогенного «Информационного общества» этой, уже асимметричной, формой господствующей собственности и является ограниченная (частная) собственность на контент информационно-коммуникационные средства производства. То есть это собственность на базовый объект обстоятельств производства, имманентный именно самому же информационно-контентному, интеллектуально-продуктовому базовому взаимодействию.

Этому характеру производственного взаимодействия соответствует такой же характер и структуры производства со всеми характерными преимуществами и недостатками, разумеется, в историческом плане общественного развития общества.

Информационное общество в своём восходящем эндогенном развитии преодолело не только этап экономического хаоса рыночных, капиталистических отношений, но утвердило достигнутый в социалистическом обществе уровень социальной организованности бытия и защищённости. При этом структура производства «отношенчески» тем не менее, не просто информационно-рыночная, а давным-давно пострыночна, относительно современного традиционного понимания рынка. И этот факт пронизывает все без исключения структуры производства.

Короче говоря, вся сетевая структура производства давно уже пострыночна, хотя и образует информационно-рыночное пространство обмена контентом. В информационном секторе она хаотически раздроблена, а всюду и в остальных секторах информационно атомизирована, и во всем некоторым образом социализирована, а равно все более информационно изолирована и локально замкнута, информационное неравенство являет себя во всех структурах общества, с еще очень глубоко скрытой тенденцией обобществления информационных продуктов интеллектуальной деятельности. *«Вот эти характеристики выражают уже, так сказать, единство состава и отношений производства (только в эндогенном срезе). И все это относится, так сказать, ко всему».* Это относится к органическому (культурно-родовому), демографическому (образовательно-профессиональному), территориальному (натуральному, географическому, расселенческому), экономическому (вещественно-продуктовому) и технологическому (ячеисто-функциональному) производству действительной жизни. И далее, всё это относится к *«организации, всем формам связей, механизму, типу равновесия, размещению, типу производств, их специализации и размерам, внутренних структур («хозяйственных организаций»), архитектуре потоков, всем «инфраструктурам», трудовым ресурсам, ментальности, психологии, мотивации и пр., наконец, типу внешних связей и ограниченности».*

В изложенном явно сказывается недостаточность конкретики, что обусловлено попыткой «заглянуть» в состав структуры производства конца следующей эпохи. Однако препятствием является не сама отдалённость анализируемого периода будущего развития общества, а сам уровень развития производства и его

структуры, проблемы и заботы, в том числе и пороки развития, которого, с позиций сегодняшнего дня, являются лишь слабыми, несущественными возмущениями, тонкими настройками. Именно современный уровень культуры и производства, мышления и дисциплины, в широком смысле, считает их несущественными, что делает «картинку будущего» до чрезвычайности размытой, чётко не рефлекслируемой нашим уровнем понимания и мышления.

Другими словами, даже в случае успешности попытки прогнозирования и аналитического анализа будущего, нам трудно донести до соответствующего понимания этого материала не только, как говорится, широкой общественности, но достаточно узкого круга учёных и специалистов. Более того возникает проблема соответствующего научного языка и терминологии. Будучи оптимистами, мы не считаем эти проблемы непреодолимыми, но настоящий уровень развития пока не позволяет надеяться на большее.

3.3. Закон конца информационного способа производства

Итак, в восходящем развитии путь назад, в индустриальное директивно-плановое хозяйство, для градации «Информационное общество» как говорится, заказан, то есть деструктивен и не соответствует восходящему развитию общества с доминирующей формой «познавательного», креативно-знаниевого производства всей действительной жизни. Тогда естественно возникает вопрос: «Как преодолеть отжившую контентно-торрентную форму этого информационно-рыночного пространства производства?». Однако сами по себе такого рода вопросы уже порочены в том смысле, как полагает А. С. Шушарин, что предполагают необходимость некоего практического предложения, программы, плана, проекта и т.д.

Кроме того, подобные вопросы, «как преодолеть?» и «что делать?», *«принадлежат не только обыденно-политической плоскости, но и еще интеллектуальному полю самой отжившей системы»*. Они оказываются проявлением все того же напористого информационно рыночного экспериментирования, «броуновского движения» хозяйствующих агентов (субъектов) и их контентно-торрентного фетишизма, *«начисто заслоняя собой сначала нечто*

куда более существенное, сложное, решающее, а именно познание. Причем познание общества, познания в обществе, познания обществом».

Эти высказывания А. С. Шушарина относятся к восходящему, но так и не состоявшемуся эндогенному переходу от социализма к эпохе знания, в целом.

И именно эти контентно-торрентные отношения несут в себе по существу, при достижении, в конце концов, исторического предела собственного развития, некую социальную патологию, сопровождаемую информационным неравенством, и отделение человека от познания.

3.3.1. И снова тысячи «Лассалей» нового типа

В результате восходящего исторического развития, а только его мы и рассматриваем в теории, контентное, информационное производство *«надстраивает над собой»* прочную, а к моменту кризиса уже и консервативную, психологию производства, как некий средний тип общественного мышления и менталитета, с его, так называемым, информационно-рыночным пространством и контентно-торрентным фетишизмом. Общественное мышление в рамках информационной формы – это психология проб и ошибок, вседозволенности и бесконечного локального хозяйственного эксперимента, погруженных в оболочку самоуспокоенности, уверенности в том, что информационно-контентное рыночное пространство всё исправит и уравновесит, «наведёт порядок».

Данный тип мышления, можно сказать, по определению, присущ всякой частной, всякой локальной и стихийной деятельности. Этот тип мышления органически уверен в незыблемой устойчивости всей хозяйствующей системы, отторгает любые попытки каких-либо согласованных, подчинённых единой воле знания, коллективных действий на благо всех и в ущерб индивидуальной свободе, так называемого, выбора. В образном выражении это мышление проявляется через известные, сегодня, формулы, например: «рынок всё исправит, наладит», «рынок выбирает», «побеждает сильнейший», «это ваши проблемы» и др. Однако сама ссылка на «рынок», выражает лишь мало скрываемый индивидуализм в хозяйствовании, автономность и атомарность

производственных агентов действительной жизни. В результате, в реальности, обществом управляют все и никто, представленные во всё своём многообразии: *«от нуля до бесконечности - от кретина до Шекспира»*.

Однако, несмотря на некоторые инсинуации вроде «стадности» и «нахлебников», «любителей порулить» и «на чужом горбу – в рай», «мы пахали» следует непременно отметить, что в этой сочной метафорике с неизбежностью проглядывает и просится в свет на порядок более сложная модель. Это модель «стучащегося в дверь» упорядоченного коллективного информационно-знаниевого хозяйствования и общественного познания на основе обобществления. И она на порядок богаче, чем скудные формулы информационно-рыночного менталитета: дешевле приобрести, дороже реализовать, в том числе и «себя» в качестве контента.

И всё же, в информационно-рыночной форме могут успешно и без особых усилий продвигаться вперёд только локальные, скованные частной собственностью ограниченного круга агентов, а поэтому, как правило, достаточно простые идеи. При этом внутренняя бездуховность агентов производства, ориентированная на максимальное приращение трекера (ежедневная борьба за приращённую ценность), не на суть, а на фетиш торрентных накоплений, без устали навязывает потребителю такой же бездуховный контент, делает из него массового потребителя информационного мусора и пустышек, окончательно круша его биологическую природу. Воспитанные в таком обществе тысячи бездуховных «лассалей» дезориентированные и погруженные в своё ненасытное «я» в поисках «наживки», несущей приращённую ценность и торренты, способны лишь к восприятию красочных гаджетов и их информационной «жвачки», простых, относительно самой действительной жизни, идей общественного развития. Разумеется, происходит это не без «помощи» доминирующих в обществе агентов информационного производства.

Эта, обусловленная самим воспроизводственным характером действительной жизни, погруженность в «серость» в пределе способна на любые бифуркационные кульбиты, в том числе и восходящего общественного развития.

«Между тем, - отмечает А. С. Шушарин, - производящий труд, порождающие процессы (...), творчество, производят сложные идеи... эти идеи сперва надо выстрадать, отбраковать и

выковать в дискуссиях, затем освоить, познать, т.е. изменить себя. Более того, новые производительные силы выдвигают не просто идеи, а людей, несущих идеи, способных на идеи личностей». Эти личности, всегда выпадающие из групповой нивелировки, несмотря на собственную «интенсивную величину», не существуют как таковые в расчётах и учёте информационного общества. И поэтому сама информационная форма стоит незримой стеной на пути этого творческого движения общественных идей и тем более творческих людей. Она как анемия, как тривиальные судороги сковывает, блокирует, этих творческих индивидов, которые являют через себя некие формы новообразующих устремлений и направленности самого зашедшего в предел информационного производства, творческого созидания.

Несколько слов о социальном понимании ныне происходящего как переломном моменте той же силы, что и излагаемый будущий революционный переход от «Информационного общества» к «Обществу знания».

«Воспитанные» управленческим фетишизмом линейной формы, - резюмирует А. С. Шушарин, - десятки тысяч «Лассалей» смят и видят «простые идеи», с которыми можно ангажироваться у начальства или в газете у толпы, что по сути почти одно и то же, рвение во власти. Об этом писал уже Аристотель, называя первых льстецами, а вторых демагогами, одинаково обретающими огромную силу соответственно у тиранов или демократии. Ну разве не видно, что ни у одной партии, движения, кандидата и пр. нет «за душой» абсолютно ничего интеллектуально соразмерного ситуации в стране и на планете. Так что «отпущенные на свободу» упомянутые «Лассали» и выкинули весь безумный примитивный хаос. Колоссальный потенциал активности (в отсутствии которого, кстати, ложно упрекают носителей советского менталитета), без намеков на обновленную идеологию, прорвался или оказался канализированным (...) в бешенство рыночного примитивизма и вообще хаотизирующей деструкции».

В то же время, следует особо отметить, что «действительная теория переломного содержания эпохи», нигде и никогда ещё не бывшей, не может по природе своей содержать практические предложения. Вполне рациональные предложения возникнут только как результат борьбы и отбора новых теорий, как результат

освоения «никогда не бывших» теорий сообществом профессионалов и интеллигенции. И всё это - при непременном освоении прагматических азов (основ) этих теорий активом трудящихся, а в итоге - лишь *«после порождения в самом народе новых, релевантных ценностно-ориентационных вокабул, докс, если угодно, уже новых смыслов и «духа», «манифестов»»*.

Теория же, как таковая, дает лишь тайный, понятный лишь просвещённым специалистам, профессиональный язык, тогда как теоретическое содержание закона конца отжившей формы, как некой нарастающей по сложности самой, можно сказать, невероятной ветви надвигающейся бифуркации, скрывающей за собой полное описание этой формы на языке данной теории, - *«само по себе очень скупо»*. Это теоретическое содержание *«закона преодоления господствующих порядков»* характеризуется крайне тощей рациональностью будущего развития, которое открыто бесконечному множеству возможных траекторий последующего движения, слабо прогнозируемо и резко *«отлично от легко конструируемых иллюзорных храмов»*.

Следует заметить, что «конструирование иллюзорных храмов» и его бесплодность обусловлено тем, что *«окончательно не созрела»* сама материя производства общей жизни на новом уровне, то есть само производство не соответствует новому уровню, уровню будущего.

3.3.2. О многообразии сложных обстоятельств обобществления информационного пространства

Собственно само информационное производство и вечный эксперимент в поисках нового продуктивны, а поэтому, и в этом отношении, обладают особым потенциалом адаптации и производительно революционны, успешны в гонке культур, что неизбежно и «безнадёжно слепит глаза обывателя и иже с ним», тем самым, начисто парализует сознание и познание. Однако эта неуёмная способностью к безграничному наращиванию и реализации ненужного, пустого и просто надуманного в огромных масштабах ради аморальной погони за наживой, в конце концов, вызывает в обществе такое же массовое отрицание этого способа производства.

Этот протест не возникает одномоментно, а непрерывно эволюционирует, постоянно меняя формы и объекты протеста. Информационное государство, уже в силу только своего информационного «характера», обладает сверхмощными средствами массовой информации и контроля над сетью информационно-коммуникационных каналов связи. Это позволяет ему эффективно локализовывать вспышки протеста, проводя параллельно весьма гибкую политику уступок и постепенного сползания в направлении обобществления информационных объектов и коммуникационных процессов.

Очевидные преимущества информационной системы в манипулировании сознанием масс являются имманентная ей способность к быстрому реагированию, причём с помощью самих же информационных методов. Однако эти перестроения суть лишь количественно однородные, но отнюдь не социально новационные (инновационные) и, в этом смысле, *«не революционные»*. Потому источником негатива является не *свободная соинформированность*, а только ее «самоедская», антисоциальная сторона, которая обусловлена доминирующей собственностью на информацию, т.е. самим информационным способом воспроизводства действительной жизни.

Всё это говорит о том, что вопрос стоит не о ликвидации информационных структур и свободного соинформирования, а о сбросе незримого всевластия вседозволенности информационного пространства, превращающего его в информационный хаос, а порою и в информационную свалку в образе информационного рынка. Стилистически точнее, - не в образе информационного рынка, а в образах информационного «базара» и «блошиного рынка», порождённых частной собственностью на доминирующий, типологически базовый, объект «информация».

То есть речь идёт о восходящем снятии свободы соинформирования как о сбросе доминирования самой информационной формы, ЧЭФ «информационная». Это вызвано тем, что информационная форма в своём историческом развитии превратила свои положительные свойства информационного производства в свою противоположность в виде накрывающего всех и всё информационного хаоса перепроизводства ненужного и даже самоубийственного контента.

Однако внутренняя причина кризиса информационного производства заключается в безграничной свободе не информации, а в институте частной собственности на информацию, который с исторической неизбежностью порождает информационное неравенство, неуклонно нарастающую асимметрию информационного равновесия. Эта внутренняя, скрытая от глаз обывателя, асимметрия порождает основные пороки общественной жизни, фундаментальной основой которых являются: информационное неравенство, накопление трекерса, приращённая ценность, торрентный прирост, классовое расслоение и пр.

В этом историческом движении всевластие доминирующего механизма соинформирования, порожденное частной собственностью на информацию, стало стеной на пути качественных перемен производства и развития личности. В результате энергию *«развивающихся личностей»*, так или иначе, прорывает, и, к сожалению, не всегда в сторону восходящего развития.

В «Теории Информационного общества...» доказано, что *«закон бытия»* информационного производства есть *«закон ценности»*, то есть информационный обмен происходит в соответствии с ценностью обмениваемых контентов. Как и всякий основной закон предшествующих форм, он не абсолютен, то есть не обязательно образует неустранимую, но постоянно корректируемую *«неприятность соответствующего негатива»*, в результате чего поддерживается нормальное квазистабильное равновесное состояние в обществе. Таким негативом, в первую очередь, является *«информационное неравенство»*.

Само равновесие информационного пространства (информационного рынка) выражается целым рядом балансов и соотношений, в том числе: количеством торрентов в обращении; спросом и предложением; оборотом трекерса; накоплением и потреблением; условиями производства; приобретениями и доходами, вознаграждениями и пр. Закон информационного пространства (информрынка) есть стихия, действующая за спиной участников информационного производства, как и любые господствующие производственные отношения. Это свойство каждой ЧЭФ в период её доминирования, главенствования в соответствующей градации.

Всякое производство динамично и при определённых сдвигах в балансе производства и потребления равновесие информационного пространства обнаруживает себя в разнообразных кризисах, в разбалансировании отраслей хозяйствования, в отрыве и расхождении динамичного потребительского пространства и инертных инфраструктур, производимых групп продуктов, трудовой деятельности и трекера, торрентов и контентов, производства и обновления, непременно усложняющихся торрентных форм и т.д.

В итоге основное отношение порождает и соответствующие характерные для информационной системы формы нетруда, сверхтруда, паразитизма, резервной армии труда, относительного перенаселения и пр. Это происходит в любой системе, однако, в каждой со своим, особым, характером. Прежде всего, следует иметь в виду вид типологии базового типологического объекта, а именно объект-предмет или объект-процесс. Наиболее резко и трагически это проявляется в градациях, основанных на объектах-предметах и чем исторически отдалённое, тем более «контрастно».

«Закон конца» информационного общества, как формы по мере развития производительных сил и сложения обстоятельств воспроизводства действительной жизни рано или поздно достигающей своего предела, обобщённо выражается законом трекерсистского накопления (как и всякого накопления вообще!), в частности ростом богатства на одной стороне и бедности - на другой (обнищание пролетариата). Как уже отмечалось, это происходит в исторически эволюционирующем содержании самих уровней бедности и богатства и, главное, в теории – в абстрагировании от всех действительно реальных адаптивных тенденций «социализации».

Основное противоречие эндогенного информационного общества – это противоречие между объективным, происходящим в самом производстве обобществлением контента информационно-коммуникационных средств производства и ограниченной, необщественной, частной собственностью на них. Это же и решающая суть всей «Теории информационного общества...».

Наконец, по сравнению со всеми предшествующими эндогенными формами основная стратификация информационного общества (ЧЭФ «информационная») наиболее логически проста, чисто классически *двухклассова* – класс (информационных) работников интеллектуального труда и трекерсисты. Но, несмотря

на многообразные размывы строения сил информационного общества, это никак не отменяет дихотомичную, эндогенно чистую суть его основной стратификации («класс в себе»), обусловленной самой природой частной собственности на контент информационно-коммуникационных средств производства. При этом следует заметить, что в этом анализе эндогенной логики мы весьма далеки от сложных, динамических расстановок сил в реальной общественной агломерации.

Дать описание этой преходящей, критической формы производства, ее господствующей собственности – значит дать описание всех общественных отношений (тем самым синтезировать адекватный и эзотерический язык ее всестороннего описания). Однако сделать это в настоящий исторический период общественного развития весьма проблематично, что практически исключает детальный анализ всех основных разрезов движения информационного общества, производства и воспроизводства трекерса. Основной интеллектуальный объем теории в статике структуры, о котором можно пока лишь догадываться, а не в «лаконичном» тренде. Очевидно, что многое из исторически ранее снятых производственных отношений находится в информационном обществе в форме неких деформаций. Так, например, это деформации культурно-родовых (семья, духовная жизнь, условия быта и труда) и демографических (образование, неграмотность, безработица, перенаселение и пр.) отношений. Это так же деформации снятых территориальных отношений, проявляемые особо в характеристиках частной собственности на строительные и городские участки, места разработки ископаемых и т.д. Всё это принято аморфно относить к «социальному», а потому же, кстати, здравоохранение, детские учреждения, водоснабжение и канализация, дорожное строительство, электроэнергетика и др. будут продолжать так же регулироваться в странах информационного общества все теми же информационно-рыночными методами и с их сохраняющимся преобладанием.

В отличие от сонма эзотерических, порою бытовых, воззрений действительная теория дает только эзотерический, доступный посвященным, критический язык критической же системы с тощей глубинной тенденцией ее же преодоления (обобществление контента информационно-коммуникационных средств производства при ликвидации доминирующего

информационного неравенства и в теории без всяких политических форм этого обобществления). И более ничего. Все остальное в этом русле – борения в социально-политической прагматике, сложение уймы обстоятельств и пр. И хотя, по мнению А. С. Шушарина, - *«если революционная теория есть, то все остальное уже тавтология, «ненужное дело» (Н. Луман)»*, мы всё же склонны создавать некоторое окружающее (в теории) околотеоретическое пространство образа нового общества и тем самым расширяя само пространство сторонников полилогии и идеологов нового общества.

«Наконец, - как замечает А. С. Шушарин, правда по поводу современного капитализма, - вся картина на порядок усложняется в контексте понимания неуклонно нарастающих как асимметрий, так и интеграций в межобщественных процессах, в глобальных структурах социума. Ситуация все более глобализуется. Развитой капитализм уже вообще совершенно неправомерно рассматривать без самого смещения капиталистических отношений (форм) в экзогенные (межстрановые)». И если это справедливо для современного общества, то трижды верно и неизбежно для будущего информационного общества, основанного на познании и знаниях.

Современный период развития, как справедливо отмечает автор «Полилогии...», этот исторически взрывообразный характер развертывания начала НТР, что подтверждается, например, весьма разнородными фактами. Так за последние 25-30 лет человечество использовало сырья столько же, сколько за всю предшествующую историю. С другой стороны, с противоположного от сырья полюса, - 90% научно-технической информации выработано человечеством лишь за последние 70 лет. При этом современное поколение ученых составляет 90% всех людей науки, когда-либо живших на Земле. В том числе, в частности, в США после Второй мировой войны ВВП лишь утроился; в то же время расходы на НИОКР возросли в 15 раз. *«Вот, собственно, этот стремительный и глубинный процесс и образовал новый вызов, прежде всего линейной форме (социализма –ХАТ). Но тут же опять надо заметить - все это произошло в совершенно определенной всемирной исторической обстановке...»*.

При обращении к НТР ее социальную суть надо видеть не в многообразных, вносимых ею, технико-технологических и

социальных перемен, а в историческом сдвиге производительных сил. Эта сущность сосредоточена не в собственном бесконечномерном и богатом содержании этого сдвига сил, а в самой противоположности, противостоящей в восходящем развитии недостаточности действующих производственных отношений, то есть сущности «антитетической», содержащей нечто противоположное (антитезис). Точнее говоря, речь идёт о посттипологической сущности производственных отношений, то есть отношений посттипологических, в восходящем развитии, к господствующему типу производственных отношений. Поэтому проводимые на материале капитализма исследования вокруг НТР, а в значительной степени и на материалах реального социализма, не позволяют понять этой посттипологической, можно сказать, постсоциалистической и постинформационной, сущности. Очевидно, что согласно вышеизложенному, - этот поиск следует вести не там, где НТР «стопориться», а там, где «действительно зрел прорыв (или ясней наметившийся провал)».

Таким образом, заключает А. С. Шушарин, - *«суть НТР устанавливается не в пока адаптирующемся к ее началу капитализме, а, наоборот, в резко споткнувшемся на НТР социализме (линейной форме). Суть недуга и выздоровления выявляется в острых, наконец, «паранекротических» (близких к смерти, предсмертных – ХАТ) формах болезни. Иначе говоря, понять НТР - значит понять развертываемые ею процессы как именно приостановившиеся, в итоге ломающие, преодолевающие ограниченность отживших отношений, собственность, либо толкающие в обвал».*

Производящий труд, в самом общем виде, разрушающий прежнюю устаревающую синхронизацию и равновесное состояние есть и был во все времена. Однако именно с началом НТР *«он делает производство «качественно динамичным, предметно (в том числе номенклатурно) многообразующим, постоянно технологически усложняющимся и изменяющимся».* Таким образом, производящий труд превращается из эпизодически *««возмущающего» фактора в постоянно действующий».* Этот труд становится *«массивной «частью» производства»*, можно сказать, его сущностной и характерной стороной.

В то же время, присущая когда-то изначально линейной форме социалистического производства *«планомерность» как*

господствующая форма движения» в этих новых условиях перехода от информационного общества к «Обществу знания» становится как бы *«абсолютно беспомощной»*, - своей «планомерностью» она просто запрещает (отторгает) какие-либо перемены. Однако необходимость упорядочения информационного хаоса уходящего информационного общества в результате естественноисторического процесса, трансформирует когда-то исторически положительную сторону планомерности линейного производства социализма в более гибкую систему научного общественного познания, основанную на всём историческом опыте знания как осознанной и систематизированной информации. И этот восходящий путь развития преодолевает хаос и асимметрию теряющего равновесие информационного способа производства, уже находящегося в условиях зрелой НТР, в состоянии предельного, критического развития информационной формы производства.

Эксинформационность производящего труда в общественном познании, основанном на научном знании, помимо экзогенных причин экстерриториальности развития ТНК (транснациональных компаний) и начала формирования единого общества как единого человечества, означает объективный **процесс обобществления информации** как **обобществление** базового объекта в форме **контента информационно-коммуникационных средств производства**, их изъятие из ограниченной, частной собственности.

Таким образом основное (чисто эндогенное) противоречие состоит в резко и форсировано обострившейся противоположности между все более общественным характером информационного производства и частной, трудно удерживаемой даже юридически (законодательно), собственностью на этот контент средств информационного производства, с непрекращающимися ещё с 19 века, века капитализма, попытками его узурпации. Вот это уже и есть не «нормальная», а критическая асимметрия. Позитивно же это суть процесс, условно говоря, интенсификации общественного познания, **онаучивания**, то есть постановки его под более высокий, чем господствующий в информационном рыночном пространстве закон эквивалентности ценностей в информационном обмене, новый контроль всеобщего интеллекта. Это снимает контентно-торрентные отношения («уход в основания») новым

постинформационным механизмом движения информации, системно-научным регулированием производства и новой интеллектуально объективной оценкой трудовой деятельности.

Зреющий прорыв, или провал, обобществления контента информационно-коммуникационных средств производства ЧЭФ «информационная» в строгом понимании содержит идеально чистые противоречия, которые были кратко рассмотрены ранее, при анализе эндогенной градации. Это самые высшие противоречия, а поэтому и самые незримые и объективно трудновыразимые противоречия, ибо, как говорится, - будущее открыто и не проектируется. К тому же, эти *«эндогенные противоречия материально вплетены в весь гигантский клубок структур, отношений и процессов всего социума, в бифуркацию всей миросистемности»*. Здесь к эндогенному добавляется масса факторов, различных и совсем не чистых структур, многообразнейших особенностей и экзогенных влияний, отягощённых в динамике развития так же и неизбежным субъективным фактором. Образно говоря, эндогенные противоречия обобществления информационного контента средств производства являются вершиной и основой многомернейшего узла противоречий этой надвигающейся из будущего бифуркации социума.

Итак, высшими, узловыми являются *эндогенные противоречия между частной собственностью на контент информационно-коммуникационных средств производства и трендом их «невероятного» обобществления*. Однако в силу множества неэндогенных внутренних и внешних обстоятельств эти противоречия принимают (превращаются) другие, более видимые формы, как например: информационное неравенство, узурпация контента, информационный мусор, вседозволенность и т.д. В результате сам логический узел противоречий всей ситуации оказывается скрытым, *«логически захороненным»*, и внешне, публично, выступает в некоей несобственной форме, затрудняя понимание сути происходящего в публичной сфере общения.

В информационном производстве вмешательство в частную собственность на контент информационно-коммуникационных средств производства запрещено, и любые попытки отторгаются. **Это вмешательство** в частную собственность на контент информационно-коммуникационных средств производства **возможно и по силам лишь новой форме общественного контроля со стороны «всеобщего интеллекта» общества**. И так

было всегда в восходящей истории развития общества. Невозможно было вмешиваться в собственность рабовладельцев на работников, но что по силам оказалось лишь новой форме общественного контроля территориальной организации производства. Невозможно было у крепостного, у феодала, у цеха вмешиваться в организацию их хозяйства со сплошной местной прикреплённостью, но что по силам оказалось лишь новой форме общественного контроля над трудом экстерриториальной рыночной организацией производства. Невозможно было вмешиваться в капиталистическое предприятие, ибо это коммерческая тайна, охраняемая судом, но что по силам оказалось новой форме планового контроля, сбросившего коммерческую тайну. Невозможно было «вмешательство» в технологии (технофеод) в линейном функциональном производстве социализма, - во всей сети и пирамиде вмешательство запрещено, и любые попытки отторгаются. Это вмешательство в собственность на технологии и функции (группо-иерархической собственности коллективов и лиц) оказалось возможным и по силам лишь новой форме общественного контроля свободных работников «Информационного общества», сбросившего тайну дефекта производства и разорвавшего границы технологического феодала с его группо-иерархической собственностью на технологии.

Наступающий, новый, информационный срез бытия общественного познания, связанный с обобществлением информации и контента информационно-коммуникационных средств производства, хотя и связан с производством абстрактного продукта, в форме знаний, однако совсем не эфемерен, а глубоко материален. Поэтому и одновременно с восходящим общественным познанием в обществе происходит, как сброс покровов с предшествующих и ставших узкими устаревших форм знаний над тайнами материи, так и в восходящем общественном развитии происходит сброс покровов, то есть самих *«наличных отживших форм»*, с тайн производства и воспроизводства всей действительной жизни. Это, можно сказать, есть шаги *откровений*, в виде новых форм контроля и освобождения от незнания, в форме воспроизводственного процесса общественного познания.

Однако, в процессе равновесного и квазистабильного состояния исторического развития общества *«о всяком таком*

знании, контроле, вмешательстве и думать не могли - собственное дело, святая тайна, «самостоятельность», в действительности лишаящая самостоятельности **человека**». Кстати, вместе с неуклонным историческим сбросом и **убыванием** тайн производства росло и освобождение человека, состоящее в «неуклонном **росте** его интимной, семейной, врачебной, дружеской, творческой и пр. личностной «тайны». Ведь само обобществление производства и воспроизводства действительной жизни и есть суть шаги освобождения самого человека.

В целом же консерватизм собственности на информацию и контент информационно-коммуникационных средств производства и их зреющее, даже уже сегодня, обобществление (или мировой провал) ярко проявляются и во многом чётко фокусируются в особенностях общественного **познавательного среза происходящего, в онаучивании самого познания.**

3.3.3. Об учёте всего многообразия сложных обстоятельств обобществления контента информационно-коммуникационных средств производства

Закон конца информационной формы воспроизводства действительной жизни следует рассматривать не только в виде «имманентного «накопления» негативов системы». То есть не только в виде роста информационного неравенства и хаоса информационного рыночного пространства, в виде загрязнения информационного пространства излишним и «пустым» контентом, неупорядоченности и «повторения известного», в виде создания контента ради контента и нагнетания потребительского спроса на пустом месте ради этого же спроса и трекаса. Закон конца информационной формы следует рассматривать также и в общем виде невероятного восходящего тренда по обобществлению контента информационно-коммуникационных средств производства. Кроме того, необходимо рассмотреть и в более конкретном виде многообразия реальных, часто еще «дурных», «эмбрионов» самого этого обобществления контента информационно-коммуникационных средств производства.

Так, например, в учении об экономической форме (капиталистической, рыночной) К. Маркса «Капитал» соответствующее обобществление известных вещных, материальных средств производства нашло своё выражение в конкретном виде во вполне определенных тенденциях монополизации, концентрации, централизации, иерархизации производства, и даже в его акционеризации. Это и были, пусть еще в их самых дурных формах, эмбрионы восходящих тенденций обобществления средств производства, которые доминируют в эндогенной форме экономического производства градации капитализм.

Такое же положение следует ожидать и в информационном производстве будущего «Информационного общества». Более того многое из перечисленного можно наблюдать уже и сегодня в сфере информационного обеспечения современного общества капитализма.

В принципе это множество конкретных реальных эмбрионов обобществления контента информационно-коммуникационных средств производства можно наблюдать во всех практических, трудовых, организационных, научных, нравственных срезах намечающихся когнитивных, знаниевых, то есть общественно-познавательных перемен производства. Кстати, они представлены наиболее полно и явственно в капиталистических формах западных систем. В плановой системе линейной формы реального социализма СССР они были обозначены ещё более значимо. Сопоставляя сказанное с традиционной логикой марксова учения, следует отметить следующее.

Во-первых. В самом производительном содержании развертывающаяся НТР и, как следствие, соответствующее обобществление контента информационно-коммуникационных средств производства, есть процесс высокоуниверсальный. Поэтому в разных системах и даже культурах эти эмбриональные тенденции проявляются (намечаются) совершенно по-разному и совсем не в неких универсальных формах.

Во-вторых, следует воздержаться от жёстких прогнозов, что позволит избежать возникновения легковесных *«поводов для упреков в несостоятельности теории»*, которая якобы не подтверждается текущим развитием событий. Обобществление информационно-коммуникационного контента средств производства это объективный процесс, однако, в целом настоящая теория общественного развития не исключает и возможность всеобщего

краха социума. В условиях гигантской полипричинности развития событий грядущая бифуркация остаётся всё той же неизбежной бифуркацией, которая в силу своей сущности слабо предсказуемого и многовариантного исхода последующей траектории общественного развития может привести к тому, что в общественно релевантных формах такое обобществление информационного контента может и вообще не состояться. Эта исторически вероятная непредсказуемость вполне *«способна и на такой кульбит»*, который существенно перекроит и любую зреющую бифуркацию, при этом, однако, ничуть не отменяя основного содержания грядущих перемен самого социума, вплоть до катастрофического, гибельного исхода.

В то же время, *«в упомянутом виде отклонения от марксоидной логики»* означают лишь одно – собственно конкретные и реальные тенденции обобществления контента информационно-коммуникационных средств производства должны быть изучены и исследованы. Но всякий раз относительно адекватно они *«могут быть рассмотрены только с учетом всего многообразия сложных обстоятельств»*. Пока же представляемый анализ не выходит за рамки *«простой, акультурной»* эндогенной логики и является конечным, а, следовательно, и вполне тоже уже **конкретным** анализом. Так сказать, начинать надо с развития НТР вообще, то есть как с современного тренда эндогенной логики и только потом исследовать и изучать особенности и конкретику, например, *«Развитие когнитивного, общественного познавательного процесса как воспроизводства действительной жизни в России»*.

Потому далее продолжим анализ явлений, связанных с *«несколько более инвариантным (а тем самым и еще весьма абстрактным) познавательным срезом»* производства и воспроизводства действительной жизни.

3.3.4. Об общественном познании как высокой форме дисциплины интеллектуальной деятельности

Тем не менее, в движении пока только по эндогенным ступеням всякие попытки оглядок на нынешний капитализм полностью отменяются. Как его, извиняюсь, и вовсе нет в нашем продвижении.

Прежде всего, как и ранее в нашем движении, теоретическое понимание осуществленного эндогенного прорыва в преодолении информационного общества как градации свободно от всех «форм истории», от всех, так или иначе сложившихся *конкретных* исторических обстоятельств обострения противоречий будущего «Информационного общества», и реализации революционных прорывов когнитивными, общественными познавательными и знаниевыми преобразованиями.

Теория не история. Преодоление и (или) обход информационного общества знаниево-познавательными революциями в негативном содержании означает ликвидацию узурпации или господства частной собственности на контент информационно-коммуникационных средств производства, их изъятие из ограниченного пользования, т.е. очередной эндогенный шаг обобществления теперь уже информационно-коммуникационного контента основных средств производства и, как следствие, снятие информационных, контенто-торрентных производственных отношений.

В позитивном производительном содержании преодоление «Информационного общества» означало бы объективный процесс *онаучивания* (в более видимой общественной форме *теоретизации* и *систематизации*) производства. Иначе сказать, после пройденной эндогенной *социализации* (*демографизации*), *территориализации* (*натурализации*), *товаризации* («*индустриализации*»), *технологизации* и *информатизации* преодоление информационного общества означало следующий шаг приучения общества и людей к новой, научной, исследовательской дисциплине труда, к коллективной работе в масштабах всего (отдельного) общества, к *онаучиванию* производства, к системной организации процесса общественного познания.

Следует однако заметить, что вполне вероятно, что грядущее информационное общество станет «обручальным кольцом» всего человечества как единого целого. Это, несомненно, переводит всё историческое развитие в плоскость экзогенной логики и ставит актуальную проблемы перетекания, перерождения эндогенной логики в экзогенную. Или, иначе, ставит проблемы углублённого развития самой экзогенной логики развития общества.

Конечно, когда-то, и даже ещё раньше, уже капиталистическая фабрика научила пролетариат планомерной работе, но это в корне, радикально еще совсем не то, в сравнении с «научением» всего

общества, т.е. с изменением всех общественных отношений, которые нам демонстрируют ныне общества социалистической ориентации и технологизации производства всей действительной жизни. В нашем же рассмотрении идёт речь, можно сказать, об очередной волне (эпохе!), точнее о второй фазе развития эпохи знания. То есть речь о переходе от «Информационного общества» к «Обществу знания», от доминирования ЧЭФ «информационная» к доминированию ЧЭФ «общественное познание».

Итак, рассматриваемый в книге будущий эндогенный прорыв здесь и обозначен как кризисное состояние информационного общества при том и независимо от того, что в мире еще сохраняются остатки синполитейной первобытности, племенные формы, стертое рабство, феодальность и, естественно, пышно адаптирующийся капитализм и целый ряд стран социалистической ориентации, несмотря на крах социалистического лагеря времён СССР и самого СССР. Но в отличие от рассмотренных ранее эндогенных шагов, как уже реализовавшихся или реализуемых самой историей, сейчас это лишь едва наметившийся путь восходящего развития современного социума.

Сложность дальнейшего продвижения вперед в условиях неослабевающего *экономического догматизма* (и слева, и справа!), а равно разбуженных «демократизацией» примитивных умонастроений, нарастают. Так что в сущности, даже лишь обращаясь к современному социализму, мы ступаем на белое поле современного обществоведения («формы рухнули, а паттерны культур в своих основах как были, примерно такими и остаются»). Мы же в своём эндогенном движении общественного развития идём, можно сказать, по дважды неизведанному пути прогнозов и ожиданий.

И это трижды верно, особенно, если воспринимать это движение общественного познания как путь к становлению «когнитивного социализма».

3.3.5. О знании и познании – конец информационному неравенству и информационной недостаточности.

Преодоление информационного неравенства в воспроизводстве жизни это всего лишь первый шаг к

обобществлению контента основных информационно-коммуникационных средств производства действительной жизни. Второй шаг – «научно-исследовательская подготовка», образно говоря, «общественно-познавательная экипировка» и участие всех во всём!

«Информационный бум нашего времени настолько сокрушителен, что уже всем без исключения слышен его оглушительный звон. Только вот где он? Вообще-то везде - это и «информационные технологии», и компьютеризация, и сети связи, и средства массовой информации, «четвертая власть», и даже вообще, по некоторым взглядам, грядущее «информационное общество»...». Однако мы в этом плане идём дальше авторского изложения полилогии. И нам слышится уже «звон» будущего «Общества знания», а при переходе к периодизации через эпохи, следует говорить, что грядёт «Эпоха знания», которая и начинается информационным бумом.

В этой связи А. С. Шушарин замечает: *«Информатика (связь, коммуникация и пр.) - это метафоричное обозначение сферы обеспечения или самой сферы информационных общественных процессов в семиосфере. Напомним, что в некотором роде даже вопреки новейшему информационному буму нашей «кибернетической эры» это явление самого «архаичного» и глубокого социально-биологического базового взаимодействия с его механизмом телесно-духовного общения (включая коммуникацию, информатику) как основы и формы всякой содеятельности вообще. Но отсюда же понятно, что эта информатика имеет и **базовые различия**. Информационное в органических, демографических, территориальных, экономических, функциональных (технологических) процессах совсем не одно и то же, а равно меняет **исторические формы** содержания, средств, организации, собственных ультраструктур».*

В то же время вторая фаза эпохи знания выдвигает ещё более «архаичный» аспект исторического развития человечества, а именно общественно совокупную понятийную сторону самого человека, его мышление и сознание уже в рамках общественного познания, которое в социальных процессах общественного развития имеет свои *«исторические формы содержания, средств, организации, собственных ультраструктур»*. В целом эти формы

обретают своё единство и социальное звучание в градации «Общество знания».

В бытовой интерпретации следует говорить об интеллектуальной деятельности, о самостоятельной форме интеллектуальной деятельности как о мышлении и о сознании, о процессе общественного познания. И, как верно замечают многие исследователи, практически любая активность «*homo sapiens*» связана (скреплена) процессами мышления, происходит в сфере сознания и неразрывно связана с общественной познавательной деятельностью человека. Наиболее близкий образ «Общества знание», а точнее образ доминирующей в ней ЧЭФ «общественное познание», есть так называемый «коллективный интеллект», «коллективное мышление», «коллективное сознание».

И если, грубо говоря, физический носитель процессов мышления человека-индивида является его мозг, то физическим носителем «коллективного мышления» является само общество, то есть весь процесс этого «коллективного познания», как познания обществом, оказывается рассредоточенным между членами общества, его гражданами. Однако это не элементарная «рассеянность» некоего общественного интеллекта на малые порции индивидуального интеллекта каждого человека. Это, скажем так, - есть некий новый псевдоорганизм, общество! Он, условно говоря, обладает своим структурированным «органом мышления» (мозгом!), своим структурированным «общественным интеллектом», своим структурированным процессом **«общественного познания»** и своим **«общественным сознанием»**. В целом, всё это имеет характер праобразований нового единого организма, но пока ещё в элементарной форме социального образования.

В «Полилогии...», со ссылкой на Н. Винера, Эшби и Н. Лумана, отмечается, что «тесно спаянные» сообщества и всяческие организмы в широком смысле *«скрепляются обладанием средствами приобретения, использования и передачи информации», а эта «спаянность», «скрепленность» уже свидетельствуют об определенном консерватизме структур «организма», хотя и об его же уже постэнергетической сути»*. При этом указывается на наличие жестких характеристики объектов кибернетики как *«систем, открытых для энергии, но замкнутых для информации и управления, - систем непроницаемых для информации»*. Соответствующий этим позициям отклик

находит место и в социологических идеях, как некие жесткие «ограничения от внешней среды» в общественных системах. Здесь же, в анализе общественного развития социума, существенна не только «типология внутренней логики информационного», а именно **типология внутренней логики познания, точнее, общественного познания.**

Социальная суть «информационного» и «социального познания» (общественного познания) для каждого способа производства, для каждой ЧЭФ, - своя, и соответствует типологии этого способа производства. Например, феодальной автаркии присущ как свой тип сигнальности и своя информационная замкнутость; капитализму - своя «информационность», это рыночные сигналы и коммерческая тайна, а равно и тип общественного познания, что в элементарной форме простейшей систематизации есть учёт и контроль всяческого информационного. Так тому же капитализму присущ такой тип «общественного познания» как сплошное экспериментирование и бесконечные опыты, что часто в быту называют «методом проб и ошибок», разумеется, при сохранении всё той же «коммерческой тайны».

При социализме (СССР) незримо существовала, так называемая, тайна дефекта производства всякого производственного коллектива от рабочего мест рядового исполнителя или бригады, коллектива НИИ или работников всевозможных искусств, до коллектива завода или отрасли (министерства). Однако общественное познание при социализме было жёстко регламентировано, порою даже «плановизировано», при этом имманентно присущий обществу и его коллективам сокрытие, «покров» собственных тайн производства, существенно снижали эффективность познавательного процесса. Этому в значительной степени способствовала естественная, внутренне присущая социализму, настройка всего воспроизводственного процесса действительной жизни на репродуктивное воспроизводство.

Так при капитализме практически всё товаризуется, в том числе и сам человек с его «духовными богинями». Поэтому становится возможной (обретает внешние товарные формы) и продажа информации и интеллектуального продукта. Таким образом, если у информации есть *товаризация*, то это означает наличие значимой «*прибылизации*». Сам же процесс общественного познания и создания на этой основе интеллектуального продукта

рассредоточен по частным, атомарным предприятиям, в том числе и по существующим монополиям.

Внутри предприятий процесс общественного познания протекает вне механизма товарно-денежного обмена, так как, как известно, используемая в познании интеллектуальная сила, ранее была задействована как специфический товар «рабочая сила». Разумеется, что в процессе развития рыночных товарно-денежных систем наблюдается появление и множества новых горизонтальных и вертикальных связей, которые возникают как бы «в ущерб рыночной структуре». Однако это, прежде всего именно рыночные адаптации, *«стихийные компенсации уже некоторых новых «провалов рынка».*

В линейном производстве социализма информация и информационные связи, общественное познание и соответствующие технологические производственные цепочки оказываются резко ограниченными (суженными) всей группо-иерархической производственной структурой общества и соответствующей иерархической организацией движения (информационных) сообщений и познания. Само содержание передаваемой информации в линейной форме сложнее, выше (технонимика), чем у рынка (маркетинг, товаронимика), а по каналам - иерархично. Однако, и иерархия - это только ультраструктурная форма диспозитивно-адресных связей в самом сетевом производстве этой формы, где каждый взаимодействует только с определенными, заранее назначенными, смежниками.

Соответственно, иерархически организован и процесс общественного познания. Это радикально отличает движение информации в условиях линейной формы производства социализма от движения в условиях рынка. Как пишет А. С. Шушарин, - *«безадресно-диспозитивной информструктуры атомизированного рынка (хаотическая «ярмарка», ситуативно «каждый с каждым» со сплошной «анонимностью»..., в смысле преобладающей безадресности связей)».* То есть с качественной стороны самого производства действительной жизни в эндогенном срезе разница, можно сказать, принципиальная. Подобная ситуация имеет место и при сравнительном анализе движения информации и организации процесса общественного познания в градациях эпохи знания, в «Информационном обществе» и «Обществе знания».

Таким образом, следует ожидать, что экстерриториальность информационного рыночного пространства будет лишь внешне и формально близка эксфункциональности научного процесса общественного познания как продуктивного производства «Общества знания», правда, лишь на этапе его становления. Это создаст в некоторой степени обстановку адаптивности отношений в процессах общественного познания в «Информационном обществе» в форме «диффузности» процессов познания. Не свободы информационного рыночного пространства сами по себе, не частная собственность на контент информационно-коммуникационных средств производства, а именно свободная, диспозитивно-безадресная структура информационного рынка «Информационного общества» во многом «невольно» облегчит решение задач научно-технического прогресса и становления технологий познавательных процессов для будущего «Общества знания».

Грубо говоря, рыночное информационное пространство совершенно стихийно содействует начальному этапу процесса обобществления процессов познания и их распространению. Тогда как в последующем «Обществе знания» доминирующий тренд логического соответствия ЧЭФ «общественного познания» максимально строго, «без разброда и шатаний», организует основные структуры всего процесса познания в обществе. Однако при этом следует ожидать и определённые ограничения системно-сетевой иерархически групповой собственности общества знания и её типологии, обуславливающей всегда определённую закрытость всегда определённой информации о процессе общественного познания. С одной стороны, - частная собственность что-то самоотверженно хранит от конкурентов, а с другой - что-то и от своего персонала. В целом это формирует вполне определённую *информационную психологию* участников производства.

Так, например, в условиях капитализма часто говорят, что «не этично» заглядывать в чужой карман и любопытствовать по поводу доходов. *«Ерунда все это...»*, - подчёркивает А. С. Шушарин, - *частная собственность имманентно запрещает разглашение информации о внутрифирменном «командно-административном» распределении доходов по толстым карманам»,* то есть по карманам хозяев (частников) и их сателлитам, и лишь заодно, камуфлируя первое, - по тонким карманам наёмных работников, хотя, при этом, налоговая инспекция об этом информирована.

Однако, именно в интересах хозяев этих толстых карманов, все эти тайны строго соблюдаются.

Поэтому всякий раз при капитализации, приватизации, любых предприятий вместо бывшей открытой системы оплаты труда (например, тарифной) мигом появляется *«засекреченная система заработной платы»*, что является *«азбукой любого «фирмача» уже в самой малой лавке»*. В результате, независимо от воли и сознания людей в основе этой священной тайны оказывается *«прозаический толстый карман (прибыль, собственность, личный доход и расход) и, как следствие, коммерческая тайна. Всё остальное сколь угодно компьютеризируй, впрочем, всё в тех же прозаических интересах»*. При этом одной из патологичных тенденций обобществления технологий в экономических системах Запада является всё возрастающий промышленный шпионаж, интересующийся в большей степени уже не товарами, а именно технологиями и результатами исследований в общественном познании. Нечто подобное, но уже преимущественно в отношении контента и общественного познания, следует ожидать в грациях эпохи знания.

Во второй фазе эпохи знания в доминирующей ЧЭФ «общественное познание» следует ожидать совершенно другие «беды». Это не коммерческая тайна капитализма или информационная тайна информационного среза производства, а *«тайна процесса общественного познания»* как некоторый *«недостаток» (ущербность)* знаниевого, креативного производства общественного познания.

Можно сказать, что внутри учреждения информация движется интенсивно, тогда как между учреждениями - только по накатанному и адресно необходимому минимуму. Так некогда классический натуральный феодал сжимал вещественные потоки до минимума, в силу своего натурального самообеспечения, то технологический феодал, можно сказать, наследственно сохраняя репродуктивно воспроизводимые мощные вещественные потоки (функции), адресно, но не содержательно, сжимает информационные потоки. При этом внешне усиленно движутся уже техномимические (посттоварные), всем понятные и доступные экстенсивные величины, однако имеет место *«полное сокрытие от всех и от себя того, что действительно творится на всех уровнях и в каждом коллективе»*. В частности, например, - новаторы,

внутри коллективов зачастую просто *«не наблюдаемые, а то и гонимые «величины»*.

Продолжая эту аналогию, можно предполагать, что в *«феоде общественного познания»* сжимаются потоки исследований и понимания самой сути действительной жизни, «философии жизни», до минимума, в силу самодостаточности практикуемой научной школы.

Итак, *«каждый исторический шаг решает совершенно разные задачи в информационном срезе производства, определяемом материально-деятельностными, но именно властно-производственными (не юридическими) структурами и переменами в отношениях собственности»*. Наблюдаемый в последние годы социалистического СССР информационный всплеск в основном касался лишь *«снятой коммерческой информации товаронимики (экономрасчёта), уже не имеющей прямого касательства к содержательной **информационной замкнутости линейного производства**»*. Однако и самая сплошная компьютеризация этого всплеска «информационного» по сути ничего так и не решала в разрыве этой замкнутости, ибо бесспорно, что производству нужны и компьютеры, и программные средства, и прочие информационные системы.

В те уже далёкие времена СССР и особенно с появлением компьютерной техники говорилось о необходимости создания *«общегосударственной информационной службы, не имеющей никаких «горизонтальных» (ведомственных) и «вертикальных» (иерархических от цеха до Центра) границ»*. Формально, технически, это можно было сделать уже давно, *«однако без властных (собственность) изменений это ничегошеньки не изменит»*. Информационное лишь более заметно проявляет эти невидимые базовые материальные отношения и их наисложнейшие перемены в отношении очередного шага восходящего развития общества по сложности.

Как показывает настоящий анализ создание общегосударственной *информационной службы, не имеющей никаких «горизонтальных» (ведомственных) и «вертикальных» (иерархических от цеха до Центра) границ* станет возможным и реальным делом лишь в обществе, которое сможет обобществить основной контент информационно-коммуникационных средств

производства. Таким обществом станет «Общество знания», градация, завершающая вторую фаз эпохи знания.

Поэтому, например, обвинять в отсутствии подобных информационных сдвигов и изменений, особенно исторических, советское управление и бюрократизм - пустая затея, подобная «детскому лепету». *«Это все равно, - образно пишет А. С. Шушарин, - что обвинять центральную нервную систему позвоночных, что она еще не обладает материальными свойствами второй сигнальной системы. Поэтому и, разумеется, вся суть информационных перемен в самой социальной основе, на обыденном уровне, образно говоря, уже не экономическое «что почем» (капитализм – ХАТ), и уже не техномическое «что, когда, кому...» (социализм – ХАТ), а аналитическое «где и кто хорошо, где и кто плохо (информационное общество – ХАТ), почему плохо, как лучше, к чему может привести...» (общество знания – ХАТ). Революционный прорыв от нормативного и учрежденческого, экстенсивного «технорасчета» к конкретному (т.е. везде и всюду уникальному) и более глубокому и широкому посттехническому, посттехнологическому научному (в том числе и социальному в самом широком смысле, «социорегулятивному») анализу, как информационной основе деятельности и ее перемен».*

В этой цитате автора «Полилогии...» на обыденном уровне и образно описывается тренд постсоциалистического развития общества. Это тренд, естественно, включает не только типологию градации, непосредственно следующей в восходящем развитии после социализма, то есть «Информационного общества», но последующую градацию, вторую фазу эпохи знания, - «Общество знания». Эти моменты отмечены соответствующим комментарием.

Такой *научный анализ* просто невозможен без сброса покровов с тайн производства и всех форм покровительства, что собственно и лежит в его основе. Именно анализ информационных технологий и соответствующего контента, как деятельности и взаимодействия, позволяет перейти от «стихийной диффузии информации и знаний» к уже новой общественной форме их регулируемого и интенсивного движения. **Это будет нечто большее чем некая модификация отношений информационного общества, а само восходящее «преодоление их научными, соcioаналитическими и социорегулятивными (...) отношениями, связанными со знанием и познанием (! – ХАТ), не**

имеющими технических и организационных границ». Это путь и окончательного преодоления информационной «корпоративности».

Особо следует отметить акцент, сделанный автора «Полилогии...» при анализе дальнейшего восходящего развития общества, на *«научные, социоаналитические... отношения, связанными со знанием и познанием».* Эти прогнозы, несколько опережающие постсоциалистическое развитие в рамках «Информационного общества», отражают и само восприятие обществом грядущих перемен, которое предполагает видение всех происходящих перемен как перемен, относящихся непосредственно к последующей градации общественного социоустройства. Однако, фактически, можно сказать, имеет место календарное совпадение перемен по всем составляющим действительную жизнь подпроцессам чистых эндогенных форм, которое доминировали ранее или будут ещё только доминировать после той ЧЭФ, которой предстоит доминировать в последующей градации.

В целом же это и есть информационный «базис» перемен в обобществлении информации и знаний, разумеется, с уже новой надстройкой над собой, новыми, слабо предсказуемыми, внеполитическими «интеллектуальными институтами».

Продолжая аналогию со второй сигнальной системой, автор «Полилогии...» замечает: *«Ведь и вторая сигнальная система базируется на нервных окончаниях в теле всего организма (т.е. не является только «надстройкой»), но уже способна к отрыву от «тела», к саморефлексии. Так что, образно говоря, в итоге известные «четыре власти» дополнятся еще некоей научной, вероятно даже, как и властно более высокой».* Учитывая же сделанное абзацем выше замечание о восприятии обществом грядущих перемен, следует понимать, что «отрыв от тела» и «саморефлексия» как сущности будущих градаций, относятся не столько к «Информационному обществу», сколько к «Обществу знания» и последующей эпохе мудрости.

И далее, А. С. Шушарин продолжает.

««Невероятное» обобществление технологий самими «трудящимися нового типа» (...) и будет означать общественный, революционный процесс создания научного механизма производства, информационно означающего организацию постоянного общественного, вертикального и, главное, диспозитивного, нефункционального и

эксфункционального, межотраслевого, межпредприятийного и межпрофессионального (если угодно - комплексного, междисциплинарного) изучения «интенсивных» величин технологий. <...>

Но в основе своей это совсем не управленческая задача (как нечто лишь институциональное, производное, оформляющее), а диспозитивная задача самих «трудящихся нового типа» по взаимному «вмешательству» в технологии и их цепи. <...>

Такое изменение и будет означать шаг освобождения человека, не коллектива, предприятия, отрасли, учреждения и т.д., а именно человека, трудящихся, от замкнутости «технологического феода» (а это его же снятие) в выборе деятельности, обучения и перемен труда, в участии в управлении посредством своего рода второй сигнальной системы. <...>

*... жесткость организаций, их связей и динамичных перемен возрастет, но индивиды будут более свободно перемещаться из одной структуры в другую. Технологические императивы (в простейшем виде технологической дисциплины) нигде и никогда не исчезнут, но именно для человека они перестанут быть неподвластной, отчуждающей силой. Жесткость связей и жесткость их нее перемен неумолимо диктуются ростом мощи, плотности и многообразий связанности «социальной материи», но со «второй сигнальной системой» всепронизывающего анализа производство и человек освобождаются от учрежденческих и пр. границ собственности на технологии. Ведь вторая сигнальная система, как известно, вовсе **не является надстройкой** нервной системы, а является пронизывающим всю ее качественно другим, причем общественным в индивидуальном, **способом функционирования, снизу доверху.***

Здесь следует особо подчеркнуть, что, задаваясь оценкой постсоциалистического развития общества как информационного общества через акцент на «**обобществление технологий самими «трудящимися нового типа»**», А. С. Шушарин ведет, по сути, речь о ещё более удалённой перспективе исторически восходящего развития общества. Как уже отмечалось, здесь, в сущности, идут рассуждения о становлении «Общества знания» и градаций эпохи мудрости.

В будущую эпоху постиндустриализма грядёт смена управления «не стихией рынка» или жёсткими плановыми

решениями «советов», «а решениями, принимаемыми научной элитой». Но осуществить это сможет не собственно некая научная элита, а относительно массовый субъект в лице трудящиеся нового типа, вначале информационного общества, а затем уже, но уже всё же другими, - трудящимися сверхнового типа.

При этом по нынешнему состоянию российского общества вместе с преодолением, сменой, высокой планки «стихии плана», предстоит сменить и стихию нынешнего недоразвитого и ущербного рынка. Правда, шансы на такое развитие событий катастрофически быстро убывают, грозя уже почти неизбежным распадом российского общества. Но бифуркация, на то и бифуркация, чтобы сохранять саму возможность восходящего развития на собственных почвах исторической России, а время – вечный арбитр этого развития.

Короче и почти традиционно, как отмечает ряд исследователей: - *«на протяжении двух последних столетий, человечество стремилось главным образом изменять природу, теперь же, чтобы не покончить с собой, человечеству необходимо создать (развить) способность понимать (природу)»* и на этой основе преобразовывать её. При этом нужно не только иметь информацию и обладать умением познания, общественного познания, но нужно и понимать смысл происходящих явлений. Только на всей этой основе возможно принятие «мудрых решений» по преобразованию природы, среды обитания человека и самого человека, разумеется, что в первую очередь, следует преобразовать её высшую форму – общество и отношения в этом обществе.

Таким образом, пользуясь полилогическим оборотом, будущее принадлежит *«организационно заведомо непредсказуемым, но определено «понимающим», более высоким «аналитико-синтетическим» структурам».* Предстоящий исторический шаг в своей аналогии отнюдь не первый, так, например, выросшая натуральность преодолела рабство, выросший рынок преодолел автаркию, «план» преодолел капитализм, наконец, созревающее в современных недрах социума «Информационное общество» восходяще и положительно преодолело (преодолеет!) «план» и социалистическое общество трудящихся. Настанет время, когда мечты об «Обществе знания», а затем, несомненно, и великие дерзания, будет заполнять души и сердца, умы и дела людей всего мира.

Однако только одного понимания этого совсем недостаточно. Так **придется изменить** не только производственные отношения, но и прежде всего самого себя, как носителя и преобразователя производственных отношений. При этом изменения в первую очередь начнутся там, *«где сложатся исторические обстоятельства, на кризисной негэнтропийной вершине, а до того - в социальной науке, а до того - в понятиях»*. Таким образом, вся эта «кошмарная нелинейность» гигантского, вселенского масштаба оказывается в зависимости от «микроскопического», а именно - в зависимости от понятийного.

Обобществление информации и контента информационно-коммуникационных средств производства, их изъятие из оков частной собственности, и есть сброс в небытие хаоса и информационного неравенства в рыночном пространстве «Информационного общества». Это есть и ликвидация частной собственности на контент информационно-коммуникационных средств производства и господства трекера и торрентов над людьми при сохранении всего рационального из всех ранее снятых отношений. Информационное неравенство, хаос и рыночный характер информационного пространства как доминанты исчезнут, но ценность информации, соинформирование и пр. никуда не исчезнут, т.е. будут просто сняты.

В положительном содержании это есть ***упорядочение информационного пространства, онаучивание и общественное познание*** в производстве, материальное и революционное его ***превращение в познающее и понимающее***, системное и социоаналитическое. Причем это дело самих трудящихся сверхнового типа, вооружённых знаниями новой социальной науки, то есть это дело нового научно-идеологического профессионализма и интеллигенции, суперновых профессионалов и интеллигенции, разговаривающих на кардинально обновленном профессиональном социальном языке.

Итак, пока главное состоит в том, что *«как вообще возможно осуществление «конструктивной» тенденции в движении к обществу, основанному на «новом знании»»*.

О роли знания и науки сказано и написано немало, достаточно вспомнить Платона, придававшего особое значение науке (роли «философа»), или известное «Знание – сила», провозглашённое Ф. Бэконом, или, например, высказанную К. Марксом мысль

«превращении науки в непосредственную производительную силу». Однако все эти немеркнущие идеи и мысли давно уже суть прекрасные афоризмы и непреходящие вечные истины философии, ставшие банальностями.

Чтобы общество стало действительно «научным обществом», опирающимся на новое знание, *«именно наука же и должна выдвинуть новое социальное знание об обществе»*. Вначале, во всей своей материальной конструкции, это будет лишь некое донаучное *«знание, с гибельным эволюционным трендом и со спасительным революционным»*. Этим донаучным знанием может быть лишь удачная и совсем не вечная, а *«конкретно-историческая научная теория современного переломного мира»*. Именно с этого должно, может, начаться решающее изменение когнитивности, как *«способности к умственному восприятию и переработке внешней информации»* о состоянии и историческом развитии социума, без изменения которой просто немислимо дальнейшее восходящее развитие нашего социума, сперва объёмной профессионально-научной когнитивности, а в конечном итоге и изменения глобальной когнитивности всего человечества. Таков первый практический шаг начала научной реализации конструктивной тенденции в движении к обществу, основанному на новом знании, - к «Обществу знания».

3.4. Возможен ли переход непосредственно к «Обществу знания»?

Выше отмечалось, что в действительной жизни имеется множество конкретных реальных эмбрионов обобществления информации и знаний, которые можно было наблюдать во всех практических, трудовых, организационных, научных, нравственных срезах современного производства. Кстати, они есть даже, и сегодня, в капиталистических формах западных систем.

Итак, точки кристаллизации будущего «Общества знания» в современном обществе есть. Строго говоря, иначе и быть не может. И вот почему, разумеется в полилогическом понимании общественного развития социума.

Напомним, - в каждой градации, от первобытности до исторически уже реализованной в ряде стран градации социализм,

одновременно и параллельно происходит в форме композиции функционирование всех известных чистых эндогенных форм воспроизводственных процессов – ЧЭФ, в том числе и ЧЭФ «информационная» и ЧЭФ «общественное познание». ЧЭФ «общественное познание» является доминирующей в «Обществе знания» и на её субстрате, образно говоря, и развивается само общество знания со всевластвующим процессом общественного познания.

Поэтому, если будут созданы условия для этого развития, то, несомненно, построение такого, познающего, общества знания возможно. Однако этот вывод сам по себе тривиален, ибо, если исторически, в будущем такое общество возможно, то и переход к нему так же возможен. Весь вопрос в сроках и соответствующих усилиях, которые должен приложить к своему развитию социум, решивший построить для себя это «Общество знания». При этом величина усилий и их объём (при фиксированных сроках) зависят напрямую от состава и структуры работ, которые необходимо выполнить, чтобы «построить» это общество, чтобы овладеть и развить соответствующий базовый (доминирующий) исследовательский способ производства (общественного познания) и воспроизводства всей действительной жизни общества.

Однако, так как в конечном итоге речь идёт о всей действительной жизни этого общества, как композиции всех известных и неизвестных ЧЭФ, то требуемому уровню развития общественного познания, исследований, качественно и количественно должна соответствовать вся инфраструктура будущего общества. Также должен соответствовать и уровень развития тех ЧЭФ, которые ранее не доминировали и даже не были «известны», то есть, не эксплицированы и не выделены теоретически, и практически, как отдельные ЧЭФ.

Следовательно, так или иначе, должен быть форсировано пройден весь исторический путь эндогенного развития общества до самой градации «Общество знания». Только такое форсированное развитие, по сути повторяющее весь естественный ход исторического пути, исключая «топтание на месте» и борьбу с родимыми пятнами этого восхождения, сможет обеспечить устойчивое равновесное состояние качественно нового общества, основанного на общественном познании.

Следует отметить, что в случае недоразвитости инфраструктуры нового общества и отсутствие должного развития прочих ЧЭФ достижение равновесного состояния возможно лишь на пути силового сдерживания или, наоборот, поддержки соответствующих процессов в «недоразвитых» (недостроенных) сферах воспроизводственной деятельности общества. То есть неизбежно встаёт вопрос об «искусственности» диктатуры информационного способа производства, диктатуры трудящихся «сверхнового типа» и их сторонников. Эта искусственность, как отмечалось, возникает в связи с недоразвитостью инфраструктуры и прочих, неинформационных, сфер воспроизводства в обществе и необходимостью поддержания равновесного состояния, обеспечивающего доминирующее существование ЧЭФ «общественное познание», а равно и самого общества знания.

Такова «цена» форсированного перехода от капитализма к действительно новому «Обществу знания».

Сможет ли элита общества поднять сознание членов общества до понимания и необходимости реализации этого **исторического рывка в будущее** вопрос уже не теории, а политической практики.

Очевидно, что такой форсированный переход в той или иной степени связан с «построением» и той части инфраструктуры, которая соответствует социалистическим и информационным способам производства, их уровню развития и обеспечения. Разумеется, что дело не ограничится собственно самим способом производства, но и затронет соответствующие отношения, систему распределения, ценности и приоритеты, мораль и мировоззрение, которые для большинства граждан, обывателей представляются основными в действительной жизни общества.

Не углубляясь в конкретику проблемы непосредственного перехода от капитализма к способу производства, основанному на доминировании общественного познания, то есть к переходу к «Обществу знания», отметим, что такой «форсированный» переход дело не одного десятилетия. Это дело не менее чем одного поколения, ибо новое мировоззрение, новые ценности, как правило, не меняют, - их воспитывают индивидуально и вместе со становлением всего общества. При этом необходимо дать положительный ответ на «простой» вопрос, - есть ли в странах современного социума общественные силы, способные на

постановку и решения подобной проблемы. Ответ на этот вопрос пока остаётся открытым...

Что же касательно сугубо фундаментальной теоретической стороны затронутой проблемы, то, следуя совету А. С. Шушарина, следует воздержаться от жёстких прогнозов, что позволит избежать возникновения легковесных поводов для упреков в несостоятельности теории, которая якобы не подтверждается текущим развитием событий. В условиях гигантской полипричинности развития грядущие общественные изменения слабо предсказуемы и имеют много вариантов исхода как последующей траектории общественного развития, в том числе и такой результат «неизбежной» бифуркации как крах соответствующих ожиданий и целеполагания. Эта историческая непредсказуемость способна и на такой кульбит, который существенно перекроит не только зреющую бифуркацию, но и все пирамиды программ и планов. Однако это, как уже отмечалось, ничуть не отменяя основного содержания грядущих перемен самого социума.

В то же время, всяческие планы и программы общественного развития, восходяще следующие в историческом развитии после социализма, означают лишь одно – собственно конкретные и *реальные тенденции обобществления технологий и информации* должны быть изучены и исследованы и *только с учетом всего многообразия сложных обстоятельств.*

Глава 4

Исторические корреляции общественного развития

*О развитии отношений собственности;
некоторые закономерности исторически восходящей
последовательности социально-воспроизводственных
градаций и их атрибутов*

В схематике процесса общественного развития как *сложной логики истории* чётко прослеживается некоторая закономерность изменения атрибутивных свойств исторически восходящей последовательности социально-воспроизводственных градаций и, в том числе, отношений собственности.

До настоящего момента попытки выйти за пределы исторического ряда главной последовательности градаций, как факта, основывались, скажем так, на типологической полноте понятия «действительная жизнь» (глава 1) и выявленном алгоритме восходящего эндогенного развития социума (глава 2). Это, несомненно, позволило нам в некотором приближении описать контуры не только «Информационного общества», но и логически следующего за ним и являющегося предметом данного исследования «Общества знания».

Используемый подход, несомненно, продуктивен, но полученные результаты описания и представлений об этих обществах будущего, что и естественно, оказались весьма скупы и в высшей степени формализованы, абстрактны. Поэтому представляется чрезвычайно важным дополнить их некоторым подобием конкретного предметного описания и представлениями, используя достаточно развитой метод содержательного корреляционно-регрессионного анализа, если угодно – функционального анализа, различных атрибутивных свойств категорийного аппарата полилогии и, в первую очередь, отношений собственности, а также базовых типологических объектов как предмета этих отношений.

На данный момент мы имеем пока самое общее представление об эмпирическом корреляте эндогенной логики в целом как

главной последовательности исторически восходящих градаций общественного развития: переломная первобытность, первобытность, рабовладение, феодализм, капитализм, социализм и, наконец, «Информационное общество».

4.1. Историческая эпоха как целостная мера восходящего развития общества

Метатеория «Полилогия современного мира. (Критика запущенной социологии)» была опубликована пятитомным изданием в течение 2005 – 2006 годов. Изучение и освоение основ этой теории с неизбежностью привело к дальнейшему развитию как самой теории в целом, так и открытию целого ряда новых положений и закономерностей не только дополняющих основы этой уникальной теории, но обогащающих её новым прогностическим качеством и аналитическим аппаратом.

Главная последовательность критических точек восходящего развития общества в полилогии отображает переломные моменты перехода от одной градации к другой. Это разграничивает исторический ряд градаций следующим образом: переломная первобытность, первобытность, рабовладение, феодализм, капитализм, социализм, «Информационное общество», «Общество знания» и т. д. В ранее выполненных работах была отмечена такая особенность этой последовательности как систематическое чередование двух видов базового типологического объекта (см. таблицу П2 Приложения 2), доминирующих в соответствующих градациях. Это чередование объектов-предметов и объектов-процессов происходит в следующей последовательности:

- человек (язык, мышление) – предмет;
 - общая жизнь – процесс;
 - работник – предмет;
 - пространство производства – процесс;
 - средства производства (вещь) – предмет;
 - функции (технологии, работа) – процесс;
 - информация – предмет;
 - общественное познание - процесс
- и т.д.

Такое чередование доминирующих базовых объектов в исторически восходящем ряде градаций подразумевает и некоторые сущностные связи между парами градаций этой главной последовательности. Такой связанной парой объектов являются объект-предмет и объект-процесс. Так как основой окружающей нас реальности является материальный мир, материя, то первым в паре стоит объект-предмет. Объект-предмет может быть и идеальным (абстрактным) объектом, так как в основе материальности мира лежит его объективность существования.

Сущностные связи обусловлены структурой доминирующего воспроизводственного процесса как чистой эндогенной формы (ЧЭФ) и характером отношений собственности по поводу базового объекта. Так в отношении всех доминирующих объектов-предметов имеют место частные отношения собственности как основа соответствующих производственных отношений. Такой тип отношений порождает диссипативный характер производства, атомизированность агентов производства, действующих хаотично без всякой согласованности своей воспроизводственной деятельности. Это порождает хаос в доминирующем типе производства соответствующей градации и жёсткую конкуренцию, особенно в период развитых отношений, входящих в кризис и достигших предела своего прогрессивного развития.

Естественным продолжением последующего восходящего развития является упорядочение производственных отношений, устранение хаоса и атомизированности в производственной деятельности агентов производства, смена конкуренции согласованным развитием производства при сохранении производственной соревновательности и дружеской состязательности.

Таким образом, центр тяжести в воспроизводственной деятельности по данному доминирующему объекту-предмету переносится с его собственно количественного производства на оптимальную, упорядоченную организацию производства данного объекта-предмета. Это совсем не означает, что обществу становится безразличной проблема воспроизводства объектов-предметов данной типологии, просто проблема количества выпускаемых конкретных объектов-предметов к этому моменту оказывается решённой обществом и подразумевает выпуск данной

продукции в необходимом количестве и качестве, в потребном ассортименте.

Теперь главным, доминирующим, в воспроизводственном процессе становится оптимальная организация воспроизводственного процесса, то есть «процесс» оказывается в центре внимания общества. Упорядочение воспроизводства объектов данной типологии становится доминирующим объектом производственных отношений и отношений собственности. Теперь, с этого момента, доминируют соответствующий объект-процесс и его ЧЭФ. Очевидно, что упорядочение воспроизводственного процесса данного объекта-предмета требует его обобществления, то есть требует обобществлённых отношений собственности относительно данного объекта-предмета. В результате производственные отношения по поводу этого объекта-предмета переходят под контроль общества, его «всеобщего интеллекта», то есть включаются в инфраструктуру общества.

При этом соответствующий объект-процесс оказывается в центре внимания тех агентов производства, которые принимают эти новые ценности, это новое понимание «богатства» в обществе. Так или иначе, но объект-процесс оказывается в их ограниченных отношениях собственности. Так как производственный процесс и его организация есть дело многочисленных коллективов и отдельных личностей, то и отношения собственности по поводу этой типологии объект-процессов оказываются групповыми, а ввиду сложности коллективных процессов иерархически групповыми и системно-сетевыми. Это не частные отношения собственности, как по поводу объектов-предметов, но и не обобществлённые, а ограниченные отношения собственности, что и отличает их (частные, и группо-иерархические, системно-сетевые и т.п.) от обобществлённых отношений собственности.

Учитывая регулярность и системность этого явления, выделим периоды двух последовательных градаций, характеризующих доминированием объекта-предмета и объекта-процесса, и обозначим каждый из этих периодов термином «эпоха». В восходящем историческом развитии общества соответственно окажутся выделенными следующие эпохи:

- Эпоха человека. Эта эпоха соответствует периоду существования градаций переломная первобытность и первобытность. В градации переломная первобытность

доминирует объект-предмет «человек (язык, мышление)», а в градации первобытность доминирует объект-процесс «общая жизнь».

- Эпоха работника. Эта эпоха соответствует периоду существования градаций рабовладение и феодализм. В градации рабовладение доминирует объект-предмет «работник», а в градации феодализм доминирует объект-процесс «пространство производства».
- Эпоха индустрии. Эта эпоха соответствует периоду существования градаций капитализм и социализм. В градации капитализм доминирует объект-предмет «средства производства (вещь)», а в градации социализм доминирует объект-процесс «функции (технологии)».
- Эпоха знания. Эта эпоха соответствует периоду существования градаций информационное общество и общество знания. В градации информационного общества доминирует объект-предмет «информация», а в градации общества знания доминирует объект-процесс «общественное познание».
- Эпоха мудрости...

Проиллюстрируем сказанное двумя примерами восходящего развития общества.

Первый пример. Эпоха индустрии. В градации капитализм доминирует объект-предмет «средства производства (вещь)». Производство атомизировано. Каждый агент производства действует в независимости от подобных ему агентов, что порождает хаос перепроизводства или убыточность производственной деятельности, разорение. Целью производства является получение максимальной прибыли, но никак не интересы потребителей. Вследствие конкуренции и несогласованности производственной деятельности огромные ресурсы растрачиваются впустую, а присущая данному способу экономическая эксплуатация порождает социальную напряжённость в обществе.

Наконец становится очевидной необходимость в коренной перестройки производственной деятельности как процесса и повышению её эффективности, необходимость в устранение негатива экономической эксплуатации. То есть объективно возникает необходимость в упорядочение в целом всего процесса товарного производства, производства «вещей». Это становится

возможным лишь в условиях обобществления «средств производства», постановки их под контроль общества, сбросе этого производства в инфраструктуру общества, что, так или иначе, реализуется соответствующими усилиями общества. Общество от градации капитализм переходит к градации социализм.

В центре внимания агентов производства теперь оказывается сам производственный процесс (технологии, функции), работа. В отличие от старого понимания богатство новой ценностью становится сама «работа», место агента в воспроизводственном процессе производства «вещей». Уровень развития производства, достигнутый ещё при капитализме уже в состоянии полностью обеспечить потребности общества, то есть обеспечивает некоторый минимум потребности в вещах. Теперь главное занять в этом производственном процессе «удачное место» с высоким общественным статусом, что гарантирует высокое благообеспечение.

В результате весь производственный процесс оказывается в руках коллективов и лиц, в их собственности, ибо это текущая ценность и богатство. На каждом «рабочем месте» (функция) хозяином становится исполнитель, на каждом коллективном рабочем месте хозяином становится коллектив, на предприятии – коллектив, в отрасли – коллектив и т.д., вплоть до центра. Такой вид отношений собственности называется группо-иерархическим. Метафорами такого вида собственности на объект-процесс являются: «моя работа», «наша бригада», «мой завод», «наше предприятие» и т.п.

Таким образом, в градации социализм эпохи индустрии доминирует объект-процесс «функции (технологии)», который в быту именуется просто – работа.

Второй пример. Эпоха знания. В градации «Информационное общество» доминирует объект-предмет «информация (контент)». Производство атомизировано. Каждый агент производства действует в независимости от подобных ему агентов, что порождает хаос, массовое дублирование контента, засорённость коммуникационных каналов, неэффективность информационно-коммуникационной производственной деятельности. Целью производства является получение максимальной приращённой ценности, но никак не интересы потребителей. Вследствие конкуренции и несогласованности производственной деятельности

огромные ресурсы растрачиваются впустую, а присущее данному способу информационное неравенство порождает социальную напряжённость в обществе.

Наконец становится очевидной необходимость в коренной перестройке информационной производственной деятельности как процесса и повышению её эффективности, необходимость в устранении негатива информационного неравенства. То есть объективно возникает необходимость в упорядочении в целом всего процесса «контентного производства», производства и распространения информации. Это становится возможным лишь в условиях обобществления контента информационно-коммуникационных средств производства, постановки их под контроль общества, сбросе этого производства в инфраструктуру общества, что, так или иначе, реализуется соответствующими усилиями общества. Общество от градации «Информационное общество» переходит к градации «Общество знания».

В центре внимания агентов производства теперь оказывается сам производственный процесс, то есть общественное познание. В отличие от старого понимания богатство новой ценностью становится сам процесс общественного познания, включённость агента во всеобщий воспроизводственный процесс производства информации и знания. Уровень развития производства, достигнутый ещё в «Информационном обществе» уже в состоянии полностью обеспечить потребности общества в информации, то есть обеспечивает некоторый минимум потребности в информации как знаниях в процессе общественного познания. Теперь главное занять в этом производственном процессе ключевое, престижное место с высоким общественным исследовательским статусом в общественном познании, что гарантирует и высокое благообеспечение.

В результате весь информационно-коммуникационный производственный процесс оказывается в руках коллективов и лиц, научных школ и поисковых направлений, теорий, исследовательских и проектных институтов, экспертных систем и организаций, то есть в собственности этих сложно организованных и взаимосвязанных агентов общественного познавательного процесса производства, ибо это текущая ценность, богатство. На каждом этапе общественного познания хозяином становится исполнитель, на каждом коллективном этапе хозяином становится

научный коллектив, на предприятии – коллектив научной школы или исследовательского института, в отрасли – коллектив, академия и т.д., вплоть до центра. Такой вид отношений собственности на процесс общественного познания называется системно-сетевым и иерархически групповым. Метафорами такого вида собственности на объект-процесс являются: «исследование показало», «наша точка зрения», «наши исследования», «наша программа исследований» и т.п.

Таким образом, в градации «Общество знания» эпохи знания доминирует объект-процесс «общественное познание».

Приведённые обоснования и примеры показывают, что целостным шагами восходящего развития социума по сложности являются исторические эпохи пар градаций, а сам процесс смены типологии доминирующих базовых объектов и ценностей в обществе носит регулярный, периодический характер.

4.2. Историческое развитие частных отношений собственности

Выше уже прозвучали такие термины как «коррелят, корреляция, регрессия, фактор, закономерность» и др., поэтому, возможно, что некоторые, склонные ко всяческим «математизациям», ожидают от нас классического корреляционного или факторного анализа на уровне современных методов статистического анализа и теории вероятностей. Однако, пока нет чисто формального, аналитико-математического, представления всех основных «факторов» исторически восходящего социального развития общества об этом не может быть и речи. До этого пока очень далеко, ибо ещё не до конца развиты основные положения самой метатеории полилогия и даже нет ещё по многим используемым понятиям чёткой содержательной экспликации, а многие «параметры» не обрели своих мер и шкал численного представления. Поэтому, как и ранее, ограничимся чисто описательным представлением основных явлений и факторов в анализе общественного развития.

Более того, по нашим представлениям, известные и близкие нам в концептуальном плане примеры такого описания крайне скупы и ограничены. В частности, они имеют место в «Капитале» К. Маркса, да и то лишь для одной единственной градации

общественного развития, - для капитализма, и его базовой, доминирующей чистой эндогенной формы ЧЭФ «экономическая».

4.2.1. Частные отношения собственности в информационной и интеллектуальной жизнедеятельности общества

Основу производственных отношений составляют отношения собственности. Традиционно эти отношения различаются по своему виду: общественные отношения собственности и частные отношения собственности. Наиболее полно производственные отношения в связи с производством и воспроизводством действительной жизни представлены в метатеории развития общества А. С. Шушарина «Полилогия современного мира...».

Современное человечество находится на рубеже переходного периода от эпохи индустрии к эпохе знания, первая фаза которой является социально-воспроизводственной градацией «Информационное общество», которое характеризуется доминированием частных отношений собственности по поводу соответствующего, своего, базового объекта-предмета «информация». Вторая фаза этой эпохи характеризуется доминированием ограниченных системно-сетевых иерархических отношений собственности по поводу уже базового объекта-процесса «общественное познание», который логически связан с предыдущим базовым объектом-предметом «информация» (знания!).

Понятие «доминирования» является основополагающим в полилогии и, можно сказать, формообразующим процессом социально-воспроизводственных градаций. Все прочие производственные отношения «метаморфируются доминирующим отношением», то есть «находятся под его «освещением» (Маркс)». Как известно, определяющим в типе градации является тип доминирующей чистой эндогенной формы (ЧЭФ), то есть тип доминирующего подпроцесса производства и воспроизводства действительной жизни. Сама же типология ЧЭФ материально задаётся одним из множества типологических базовых объектов, составляющих логический объём понятия «действительная жизнь». Это множество, напомним, включает следующие типологические объекты: человек, общая жизнь, работник, пространство производства и жизни, средства производства, технологии (функции, то есть «работа»), информация, общественное познание и др.

В то же время базовые типологические объекты представляют несомненные основополагающие ценности общества, ибо образуют само общество, саму действительную жизнь. Отношения по поводу этих объектов составляют основу производственных отношений, то есть суть отношений собственности между людьми как агентами производства действительной жизни.

Вместе с тем, эндогенно, восходящее развитие общества по ступеням градаций проявляет себя и в «развитии» доминирующего базового объекта, как категории, так и самих отношений собственности.

Предварительный анализ этой последовательности доминирующих объектов-предметов и соответственно развивающихся частных отношений собственности позволяет выделить основные особенности данного ряда:

1. В процессе исторического развития общества имеет место последовательный переход от целостной структуры «человек» к его основной составляющей «работник», а затем всего лишь к одному из свойств этой целостной структуры (например, «информация» и «смысл»).

Каждый последующий доминирующий полилогический объект-предмет и сами исторически восходящие формы частной собственности имеют более низкий структурный уровень сложности относительно предшествующего объекта и более развитые отношения собственности.

2. Отношения собственности по поводу доминирующего объекта данной ЧЭФ обусловлены и строятся по подобию механизма взаимодействия агентов производства в связи с воспроизводством объектов той же типологии.
3. В социальном восприятии, очередной доминирующий базовый объект помимо собственно типологического базового объекта включает в себя и прочие типологии объектов, не вошедших в инфраструктуру общества.
4. Доминирующая ЧЭФ подчиняет себе все прочие процессы действительной жизни, деформируя природу восприятия объектов, механизмов и отношений иной типологии, что объясняет существование различного рода искажений и нелепостей в производственных отношениях иной типологии.

Опираясь на эти закономерности восходящего развития отношений собственности, попытаемся описать стремительно

нарастающие в жизнедеятельности современного общества информационные производственные отношения и соответствующие частные отношения собственности по поводу информационно-интеллектуальных продуктов.

Доминирующий объект современного общества капитализма эпохи индустрии (доминирующая ЧЭФ «экономическая, рыночная») есть классический объект-предмет «средства производства», относительно и по поводу которых доминируют частные отношения собственности. Эти частные отношения собственности уже не по поводу человека, как это было в переломной первобытности, или человека только в его одной ипостаси «работника», как это было в рабовладении, а по поводу и относительно *«вещи»*, то есть просто *«внешнего предмета» относительно человека*. Эти отношения собственности, как и сам объект, уже второй природы, то есть отношения по поводу артефакта, который как бы продолжает материальную плоть человека во внешний мир, дополняет его.

В переломной первобытности объект частных отношений собственности был полностью во власти человека, ибо это был сам человек. Каждый субъект производственных отношений был хозяином своей судьбы, хозяином самому себе и полностью независим от других агентов (людей) этого воспроизводственного процесса.

В последующей градации, в первобытности, человек как объект частных отношений собственности был обобществлён в ходе становления первобытного общества, первого общества в истории человека. Вместе с завершением градации «Первобытное общество» закончилась эпоха человека.

Начало следующей эпохи, эпохи работника, связано с становлением градации «Рабовладельческое общество», в которой доминируют частные отношения собственности по поводу, можно сказать, лишь одного из свойств человека, человека как работника. Это снижение логической глубины владения с объекта «человек» до объекта «работник» сопровождалось расширением числа конкретных объектов, то есть – работников, которые были подвластны агентам производства. Однако сама жизнь работников как людей была уже не во власти их владельцев, она была защищена законами общества, ибо ранее (исторически) была обобществлена.

В последующей градации, в феодализме, работник как объект частных отношений собственности был обобществлён в ходе становления феодального общества как второй фазы эпохи работника. Вместе с завершением градации «Феодальное общество» закончилась эпоха работника.

Начало третьей эпохи в истории человечества связано со становлением градации «Капиталистическое общество» как первой фазы эпохи индустрии. В этой градации, как уже отмечалось, доминируют частные отношения собственности по поводу и относительно «вещи», то есть по поводу традиционных средств производства, которые есть всего лишь «внешней предмет» относительно как человека, так и работника. Это дальнейшее снижение логической глубины владения с объекта «человек» и объекта «работник» до объекта уже не собственной природы человека, а его, так называемой, «второй природы» в форме материальных артефактов. Однако по-прежнему наблюдается дальнейший рост числа конкретных вещных объектов, которые могут находиться в частной собственности агентов капиталистического производства.

В последующей градации, градации социализма, вещные средства производства как объект частных отношений собственности был обобществлён в ходе становления социалистического общества - второй фазы эпохи индустрии. Вместе с завершением градации «социализм» закончилась эпоха индустрии.

Наконец, четвёртая эпоха в истории человечества, согласно полилогии, начинается со становления градации «Информационное общество» как первой фазы будущей эпохи знания. В этой градации, как уже отмечалось, доминируют частные отношения собственности по поводу информации, то есть по поводу абстрактного объекта, которые есть всего лишь свойство материального объекта (вещи, средств производства). Это дальнейшее снижение логической глубины владения с объектов «человек», «работник» и «вещь» до объекта уже совсем не материального, а идеального и абстрактного. Однако по-прежнему наблюдается дальнейший рост числа конкретных объектов в типологии - свойство, которые могут находиться в частной собственности агентов информационного производства.

В последующей градации «Общество знания» информация (знания) как объект частных отношений собственности будет обобществлён в ходе становления общества «общественного познания» - второй фазы эпохи знания. Вместе с завершением градации «Общество знания» закончится эпоха знания.

Наиболее важным моментом в понимании полилогического исторического разнообразия частных отношений собственности является отмеченное выше положение о формировании отношений собственности доминирующего объекта по подобию механизма взаимодействия агентов производства той же ЧЭФ, той же типологии.

Описание частных отношений собственности в сфере информационной и интеллектуальной жизнедеятельности общества целесообразно давать в форме сравнительного анализа с экономическим способом воспроизводства. Поэтому начнём анализ с представления капиталистического общества, которому соответствует социально-воспроизводственная градация капитализм. В этой градации доминирует ЧЭФ «экономическая» с объектом-предметом «средства производства».

Механизмом взаимодействия агентов ЧЭФ «экономическая» является «товарообмен», когда «вещь» (товар) одного агента производства отчуждается в пользу другого агента в обмен на отчуждение этим агентом иной «своей вещи» (товара) в пользу первого агента. Товарообмен производится в условиях господства частных отношений собственности при равенстве общественных стоимостей участвующих в обмене вещей. Величина стоимости обмениваемой вещи, товара, определяется *«количеством труда, общественно необходимым для его производства, и измеряется рабочим временем»*.

Таким образом, отношения частной собственности по поводу средств производства, - вещей, определяются фактом физического отчуждения вещей и наличием агентов, в чью пользу отчуждается данный объект-предмет (вещь, товар), что позволяет обладателю отчуждённой вещи, владея её, производить с ней любые операции, вплоть до уничтожения, в результате чего эта вещь перестаёт существовать для общества.

Совершенно иначе «строятся» производственные отношения и отношения собственности, частные отношения собственности, если объектом-предметом является объект другой типологии (не вещь!);

в данном контексте это объект-предмет «информация», доминирующий в градации «Информационное общество». Информация это не вещь, а свойство, абстракция. Поэтому и отношения по поводу её совершенно иные, ибо основаны на ином механизме взаимодействия агентов производства, а именно - на «соинформировании», в частности:

1) Одна и та же информация (контент) может быть произведена множеством производителей, то есть – **информация одна, а агентов-производителей (собственников) множество**, несколько. В случае же «вещи» - одна вещь и один агент-производитель, при этом допускается лишь существование со-владельцев, но не полноценных владельцев (агентов-производителей) конкретной единицы вещи.

Примером множества владельцев (агентов-производителей) одной и той же информации является множество свидетельств, то есть свидетельства людьми-очевидцами об одном, наблюдаемом ими, конкретном явлении природы (например, - «был дождь»).

2) Информация, в отличие от вещи, практически без затрат и без изначального производственного процесса создания (получения) информации, **может тиражироваться посредством копирования**. При этом держатель тиражируемой информации, а в нашем контексте её собственник, говоря языком традиционных политэкономов, может эту информацию «отчуждать» неограниченное число раз. **Копирование не ведёт к окончательному отчуждению информации**, «автоматически» **сохраняя её в собственности** тиражирующего агента, ибо в этом суть информационного копирования. Другими словами, **в информационном производстве отчуждение невозможно**, если не конструировать специальные «ситуации».

Тогда как для создания копии существующей вещи необходимо вновь запускать в действие весь процесс её производства с теми же затратами труда, материалов и оборудования. При этом каждый предмет этого тиража вещей отчуждается в пользу конкретного агента-потребителя каждый раз полностью и окончательно.

Следовательно, собственник тиражируемой информации, по сути, потенциально, остаётся **навечно её собственником**, готовым в любой момент предоставить потребителю имеющуюся в его собственности информацию.

3) Таким образом, каждый гражданин, или агент информационного обмена, получивший когда-либо некую информацию становится навсегда её собственником. То есть в информационном (рыночном) пространстве ***все агенты, располагающие какой-либо информацией, являются её собственниками.***

Так как каждый гражданин, получивший информацию, становится её собственником, то возникает вопрос, - в чём суть отношений собственности в данном аспекте собственника? Объективно и очевидно, что ***собственник информации «вправе» передавать имеющуюся в его владении информацию другим агентам или не передавать.***

Передача информации в информационном пространстве стимулируется стихийно и согласно известному принципу информационного обмена контентом, - чем больше агент передаёт информацию (контент) другим, тем больше другого контента он получает от общества.

4) Агент, создавший информацию или интеллектуальный информационный продукт, имеет все объективные основания публично указывать на то, что этот продукт создан им. Это проявляется, например, в авторском праве, когда ***автор имеет право указывать*** в связи с данным информационным продуктом ***своё авторство.***

Так как у одного информационного интеллектуального продукта может быть множество авторов-владельцев (агентов-производителей), то в дополнение к сказанному целесообразно для таких созидающих авторов-владельцев информации (интеллектуального продукта) ввести понятие ***статуса корневого владельца информации.***

5) Из изложенного логически следует схема распространения информации, что подтверждается практикой обмена в информационном (рыночном) пространстве. Основу этого распространения составляют две базовых схемы: последовательная и веерная, что не исключает диссипативного, случайно-хаотического характера распространения информации. Всё прочее суть их комбинации.

Последовательная, линейная схема движения представляет собой последовательную передачу контента от агента-собственника, владеющего информацией, к агенту-потребителю

информации, который при этом принимает статус агента-собственника, владеющего информацией. В результате имеет место **линейный рост числа агентов-собственников** данной информации.

Веерная схема основана на распространении информации от одного агента-владельца к множеству различных агентов-потребителей информации. В случае имеет место **лавинообразный рост числа агентов-собственников** данной информации.

Случайно-хаотического характера распространения информации определяет и **хаотический рост числа агентов-собственников** информации.

6) Обмен и распространение информации происходят в соответствии с законом ценности, что подробно описано в книге «Теория информационного общества...». Согласно этому закону, информационный обмен в целом по одному продукту (контенту) происходит на основе **равенства ценности информации, подлежащей распространению, и эквивалентной ей текущей ценности всей совокупности информации, получаемой в обмен на всей сети** распространения этого информационного продукта.

Не вдаваясь в детали, заметим, что в линейной схеме распространения информации на уровне одного, единственного, корневого собственника и первого потребителя условия обмена идентичны, можно сказать – тождественны, товарообмену по стоимости.

7) Как ранее отмечалось каждый **агент, получив, восприняв или став обладателем информации, помимо его воли, становится её собственником**, ибо **такова природа информации**. Действительно, информация это свойство некоего материального носителя этой информации, поэтому каждый агент, если это информация воспринята им на слух, как бы сам, «физически» (посредством памяти), приобретает новое свойство и сам становится носителем этой информации. Вследствие чего не только противоестественно, но и просто невозможно, и не логично, требовать или обуславливать, чтобы человек перестал быть самим собой и не воспроизводил находящуюся в его владении (а в частном случае – и в памяти) информацию.

С другой стороны, если для агента некая информация становится свойством его вещи, то одновременно с собственностью на вещь имеет место и собственность на её свойства, то есть на её

информацию, ибо такова суть самой информации, как свойства вещи.

8) Таким образом, *противоестественны сами попытки запрета свободного распространения информации*, ибо, образно говоря, это свойство не только информации, но и человека, как носителя информации. Услышав, увидев или поняв некую информацию, человек, автоматически, в силу своей природы, закрепляет её в своём мозгу, в памяти и становится обладателем этой информации, её собственником. С другой стороны, и вещи, которые содержат некую информацию, записана она им или содержится в ней изначально, есть артефакты человека, то есть продолжение его природы и тела (вторая природа), с помощью которых он взаимодействует с внешним миром. Поэтому лишить его этих артефактов или их свойств, значит вторгаться в это возросшее «тело» человека, узурпировать его вторую природу, которая собственно и сделало человека человеком. Всё это внешне, в быту, воспринимается как *ограничение свободы распространения информации, что противоестественно и недопустимо*.

Заканчивая этот краткий сравнительный анализ, отметим, что информационный способ производства носит диссипативный характер. Поэтому в стадии предельного, критического развития информационного производства это порождает хаос в обществе, замыкание его самого на себя. В результате замыкания на себя возникает производство информации ради производства информации, ради обретения и накопления на этом пути «информационного капитала» при одновременном нарастании информационного неравенства, относительного «обнищания» работников информационной и интеллектуальной деятельности (труда). Положительным разрешением этого критического состояния в информационном обществе является обобществление информационно-коммуникационного контента средств производства, информации и интеллектуального продукта. Или, говоря почти словами традиционной политэкономии, в конечном итоге речь идёт об «уничтожении частной собственности» на информацию и построение нового общества - «Общества знания».

Таким образом, в «Информационном обществе», в отличие от капитализма, налицо, хотя и частные отношения собственности, но резко отличные, особого вида производственные отношения. Эти

отношения собственности носят совершенно иной, можно сказать, другой типологический характер отношений частной собственности. Это частные отношения собственности содержательно иной типологии, чем всем известные частные отношения собственности, описанные в «Капитале» К. Маркса более полтора века тому назад.

Этот факт заставляет вновь вернуться к содержательному анализу по сути функциональной, стохастической (в статистическом регрессионно-корреляционном и вероятностном восприятии их математического толкования), связи типологии самих отношений собственности и социально-воспроизводственных градаций, а точнее – доминирующих ЧЭФ соответствующих типологий.

4.2.2. Доминирующий базовый объект-предмет как типологический фактор исторического развития частных отношений собственности

*Восходящий тренд развития
частных отношений собственности*

Классический марксизм полагает, что «*в основе всей системы производственных отношений, или, то же самое, отношений собственности в широком смысле, лежат отношения собственности на средства производства*». Однако историческое восходящее общественное развитие не ограничивается только этим экономическим моментом, связанным с типологическим объектом действительной жизни «средства производства» как «вещи». Это признают и сами классики марксизма, так Ф. Энгельс в известном письме Й. Блоху писал: «*...в историческом процессе определяющим моментом, в конечном счёте, является производство и воспроизводство действительной жизни. ... Если же кто-нибудь искажает это положение в том смысле, что экономический момент (в том числе и его «средства производства!» - ХАТ) является будто единственно определяющим моментом, то он превращает это утверждение в ничего не говорящую, абстрактную, бессмысленную фразу*».

Таким образом, производственные отношения и отношения собственности, в частности, имеют гораздо более богатое содержание, чем это полагается в классической политэкономии общественного развития. Традиционно эти отношения,

относительно «вещей», различаются по своему виду: *общественные отношения собственности и частные отношения собственности.*

В этом дихотомическом делении с двумя противоречащими, исключаящими друг друга понятиями, исчерпывающими весь объём отношений собственности как исходного (первого) понятия, имеет место максимальный объёма отношений собственности и минимальное их содержание. Это порождает не только логическую неопределённость и бедность их содержания, но и значительно затрудняет, а в итоге и усложняет, описание процессов действительной жизни общества.

Эти недостатки, в том числе и отмеченные Ф. Энгельсом «искажения» в практике применения учения К. Маркса, позволяет преодолеть (философски - снять!) фундаментальная социологическая метатеория развития общества А. С. Шушарина «Полилогия современного мира...». В полилогии эти не *«единственно определяющие моменты»* раскрыты достаточно полно и в связи с *«производством и воспроизводством действительной жизни»*. При этом атрибутика этих прочих *«определяющих моментов»* жёстко корреспондируется между собой и марксовской экономической градацией капитализма, в которой доминирует воспроизводство «вещей» (средств производства, товаров).

Полилогический взгляд на восходящее развитие общества допускает существование последовательного ряда исторических эпох и социально- воспроизводственных градаций как способов производства, который представлен на таблице 4.1 в двух заключительных строках. При этом тип доминирующей ЧЭФ воспроизводства базового объекта и сам объект указаны слева в строке, пересекающей столбец градации в месте расположения тонированного треугольника или прямоугольника этого столбца.

Таким образом, лишь в одной из десяти градаций доминируют средства производства, а наблюдаемая концентрация внимания вокруг этого объекта связана лишь с тем, что в настоящее историческое время наша действительная жизнь находится для большинства стран мира на этапе градации капитализма эпохи индустрии.

По своей сути пара последовательных градаций каждой эпохи отражает две фазы её исторического развития. Первая фаза каждой эпохи характеризуется доминированием частных отношений

собственности по поводу соответствующего, своего, базового объекта-предмета. Вторая фаза характеризуется доминированием ограниченных группо-иерархических отношений собственности по поводу базовых объектов-процессов.

На графике таблицы развития форм собственности по осям координат даны соответствующие фазы-градации общественного развития, доминирующие ЧЭФ и их базовые объекты воспроизводства.

В целом же, в статике, базовые объекты и есть сама действительная жизнь. Они соответственно подразделяются на объекты-предметы и объекты-процессы, которые исторически взаимообусловлены и взаимосвязаны. Состав базовых объектов представляет основополагающие ценности общества и возможность самого существования человека и общества.

Отношения по поводу базовых объектов составляют основу производственных отношений и отношений собственности между людьми как агентами производства. При этом многогранное историческое развитие общества по ступеням градаций проявляет себя как в «развитии типологии» доминирующего базового объекта отношений собственности, о чём уже ранее было сказано, так и, соответственно, самих отношений собственности как категории. В таблице толстой кривой отображено исторически восходящее развитие типологий **доминирующих базовых объектов-предметов и частных отношений собственности по их поводу – как категорий.**

Характер и механизм отношений собственности находится в прямой зависимости от типа объекта отношений и соответствующего его природе механизма взаимосвязи и взаимодействия агентов производства.

Каждой строке таблицы соответствует свой подпроцесс ЧЭФ, в исторически восходящей последовательности их доминирования. Согласно полилогии состав ЧЭФ для всех градаций одинаков, однако доминирует лишь одна из них, определяя тип градации, тип доминирующего объекта отношений собственности. Доминирующие объекты выделены с помощью следующих обозначений:

- «треугольник, изображённый сплошными линиями» - базовый объект-предмет частных отношений собственности;
- «квадрат» - объект-процесс групповых иерархических отношений собственности.

Соответственно:

- «круг» - это объект обобществлённых отношений собственности. В этой градации предшествующий базовый объект входит в состав инфраструктуры общества, обобществляется;
- инфраструктура выделена в таблице заливкой светло-серого цвета.

Таким образом, по эпохам, историческая последовательность типологий доминирующих базовых объектов-предметов и их частных отношений собственности такова: человек (переломная первобытность) – работник (рабовладение) – средства производства (капитализм) – информация (информационное общество) и т. д. Объекты-предметы частных отношений собственности при смене их доминирующей ЧЭФ переходят в инфраструктуру общества, то есть обобществляются.

В целом используемая классификация отношений собственности, с выделением типа полилогии частных отношений собственности, представлена на схеме рисунка 4.1.

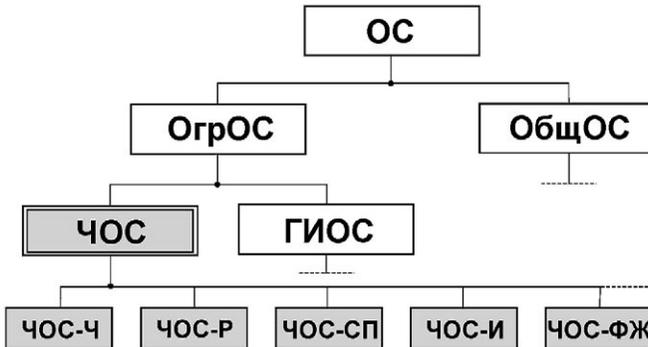
Анализ последовательности доминирующих объектов-предметов и развивающихся частных отношений собственности (толстая кривая) позволяет выделить основные особенности этого ряда:

1. Каждый последующий доминирующий полилогический объект-предмет и сами исторически восходящие формы частной собственности имеют, соответственно, более низкий структурный уровень сложности относительно предшествующего объекта и более «развитые» отношения собственности.

Вот эта историческая эпохальная последовательность по уровням сложности:

- **человек**;
- **работник** («аспект человека»);
- **средства производства** (вещь как внешнее, материально-предметное, продолжение человека);
- **информация** (свойство как абстракция);
- **«философия жизни»** (смысл как «абстракция абстракций»).

Здесь человек есть самый первый объекта отношений частной собственности в истории человечества.

Условные обозначения:

- ОС** - отношения собственности;
- ОгрОС** - ограниченные отношения собственности;
- ОбщОС** - общественные (обобществлённые) отношения собственности;
- ЧОС** - частные отношения собственности;
- ГИОС** - группно-иерархические отношения собственности;
- ЧОС-Ч** - частные отношения собственности по поводу объекта-предмета "человек";
- ЧОС-Р** - частные отношения собственности по поводу объекта-предмета "работник";
- ЧОС-СП** - частные отношения собственности по поводу объекта-предмета "средства производства";
- ЧОС-И** - частные отношения собственности по поводу объекта-предмета "информация";
- ЧОС-ФЖ** - частные отношения собственности по поводу объекта предмета "философия жизни".

Рис.4.1. Фрагмент полилогической классификации отношений собственности (ОС)

Снижение структурного уровня доминирующего базового объекта частных отношений собственности сопровождается ослаблением силы и степени влияния собственника на движение и существование самого объекта собственности.

2. Отношения собственности по поводу доминирующего объекта в значительной степени строятся по подобию механизма

взаимодействия агентов его производства и материально знаковых отношений его чистой эндогенной формы (ЧЭФ) воспроизводственного процесса.

3. На бытовом уровне восприятия базовых объектов отношений собственности, а в этом смысле и на собственно социальном (фактическом) уровне восприятия, очередной доминирующий базовый объект помимо самого типологического базового объекта включает в себя и объекты прочих типологий, не вошедших в состав инфраструктуры общества.
4. Наконец, следует отметить силу и суть доминирования ЧЭФ, которая подчиняет себе прочие ЧЭФ, деформируя природу восприятия объектов, механизмов и отношений иной типологии.

В частности, это во многом объясняет и существование различного рода, так называемых, искажений в реализации производственных отношений иной типологии. Это также способствует широкому распространению отмеченного в пункте 3 бытового уровня восприятия базовых объектов отношений собственности, когда доминирующие отношения и механизмы фактически переносятся на объекты другой (не доминирующей) типологии, которые и воспринимаются уже как объекты доминирующей типологии.

Поясним, используя схему таблицы 4.1, эти особенности эпохальной последовательности объектов-предметов на ряде характерных примеров.

По пункту 1 – относительно исторически снижающегося структурного уровня сложности доминирующего базового объекта отношений собственности.

Первым в истории человечества базовым объектом отношений частной собственности был человек со всем его мирозданием и средой существования. Этому периоду соответствует градация переломная первобытность, в которой доминирует ЧЭФ «переломная первобытность». Дикий человек из переломной первобытности считал «весь мир» принадлежащим ему и не было в его сознании ничего большего, чем этот мир.

Вот несколько интересных суждений из метатеории А. С. Шушарина «Полилогия...».

«В этой первобытности человек уже был, а общества не было – в этом вся суть исходного социологического понимания этого сверхпарадоксального состояния...».

*«А что, даже в тезисах классики, – «главная производительная сила», сложившаяся еще в старой системе? **Человек**. Подчеркнем – уже человек. Не просто «слова», «вещи», «орудия» и пр. артефакты, а уже сам человек во всех его взаимосвязях с другими людьми.*

Переломная первобытность, в принципе, еще не общества, а как некогда труд был еще «животно-образным», «животно-образная» форма жизни, но уже людей».

«Собственность в переломной (критической, преодолеваемой) первобытности могла быть и так или иначе была на что угодно, прежде всего на самих людей (так сказать, на капризное, но самое эффективное «орудие»), <...> самая асимметричная, самая грубая, самая первая и ненасытная, ограниченная (дообщественная, необщественная) собственность во всей истории человечества. <...>

*В свое время этот доминирующий объект собственности я назвал «**весь мир**»...».*

*«Предметным содержанием этого объекта (на **что** именно собственность, в связи с чем отношения; **что** суть здесь главное **богатство, ценность, основа смысла** для человека и одновременно узурпировано) является не что иное, как сама простая **общая жизнь** людей, **материальный процесс** простейшего человеческого сосуществования, без коего абсолютно невозможно самое бытие».*

Таким образом, базовыми объектами эпохи первобытности (человека) являются:

- в первой фазе эпохи, в градации переломная первобытность, это объект-предмет «человек» вместе с внешней природой, то есть, как в своё время у А. С. Шушарина, - «весь мир»;
- во второй фазе эпохи, в градации первобытность, это объект-процесс «общая жизнь».

Очевидно, что «весь мир» (человек вместе с внешней природой) в социальном плане есть максимальный размер объекта-предмета, возможного быть в собственности человека как агента производства и воспроизводства действительной жизни. Так же очевидно, что в состав этого объекта помимо доминирующего объекта «человек» входят, правда, в деформированной форме и в

конкретике быта, прочие известные базовые объекты всех известных ЧЭФ. При этом следует иметь в виду, что часть из них на тот исторический момент была совершенно не осознана, а другие лишь едва намечались в практической жизнедеятельности и не были существенны.

Следующий базовый объект-предмет - «работник», грубо говоря, не человек во всей своей целостности, а лишь в одной единственной ипостаси некоего производящего и работающего объекта (субъекта). Это доминирующий объект градации рабовладение.

Далее, в эпохальном исторически восходящем эндогенном (внутристрановом) развитии общества, следует широко известный политэкономом классический объект-предмет из «Капитала» К. Маркса – «средства производства». Это доминирующий объект, но уже не только человек в какой-либо своей ипостаси работника, а «вещь», «внешний предмет». Это объект «второй природы», артефакт, как бы продолжающий материальную плоть человека во внешний мир или дополняющий его, человека.

Этот объект доминирует в градации капитализм и ЧЭФ «экономическая, рыночная».

На этом, эпохой индустрии, заканчивается, как таковое, доминирующее материальное развитие общества. Далее, в доминировании, следует развитие соответствующих абстракций и свойств, как некоего идеального (объекта), существующего и порождённого на материальной почве продолжающего развиваться социума.

И первым таким абстрактным доминирующим объектом и главным объектом частных отношений собственности, лишь обозначенным автором «Полилогии...», является объект-предмет «информатика», «информация». Это уже даже и не артефакт, а некий абстрактный объект, определяемый нами в самом общем виде как отображение одной части материи на другой части (частях) материи. Подробно этот объект анализируется в книге Харчевникова А. Т. «Теория Информационного общества: О революционном переходе от капитализма и социализма к новой формации». И хотя информация неотделима от своего материального носителя, но, в самом общем виде, её происхождение уже совсем не обязательно связывать с жизнедеятельностью человека и общества.

Это доминирующий объект-предмет градации «Информационное общество» эпохи знания и доминирующей ЧЭФ «информационная».

Так как социология развития общества связана непосредственно только с жизнедеятельностью человека, то следующим в этой исторической последовательности объектов-предметов является так же абстрактный объект, обозначенный нами как «философия жизни». Это естественно связано с вторжением в сферу познания и смысла, интеллекта и коллективного мышления, то есть в сферу когнитивных, креативных процессов жизнедеятельности человека и общества.

Этот объект доминирует в градации «Общество философии жизни» и ЧЭФ «философия жизни (смысл)».

Таковы тенденция и тренд развития частных отношений собственности по поводу и относительно последовательности доминирующих базовых типологических объектов-предметов.

Эти закономерности развития частных отношений собственности жёстко соотносятся с историческим рядом последовательности ограниченных системно-групповых иерархических отношений собственности, которые образно говоря, систематически, регулярно «переплетаются» с ними с периодичностью становления исторических эпох. Логика этой, материальной, исторической связи представлена в упомянутой книге «Теория информационного общества...». Сама же последовательность этих доминирующих объектов-процессов так же дана в прилагаемой таблице 4.1.

По пункту 2 – «строительство» отношений собственности доминирующего объекта с учётом специфики механизма взаимодействия агентов производства и материально-знаковых отношений.

Это наиболее важный момент в понимании полилогического разнообразия частных отношений собственности и отношений собственности вообще.

В настоящее время в основном господствует дихотомическая парадигма отношений собственности - частных и общественных (обобществлённых), в которых часть общества противопоставляется всему обществу в целом. В полилогии частные отношения собственности относятся к классу *ограниченных отношений собственности*, которые подлежат

последующему делению (классификации) по иным признакам, то есть по иным основаниям логического деления.

Чтобы сохранить в своей основе понятие частных отношений собственности, но уже в новой парадигме знаний, в «Полилогии...» вводится дихотомическое деление «отношений собственности» (ОС) на «ограниченные отношения собственности» (ОгрОС) и «общественные отношения собственности» (ОбщОС).

Ограниченные отношения собственности в свою очередь подразделяются на частные отношения собственности для объектов-предметов (ЧОС) и группо-иерархические отношения собственности для объектов-процесов (ГИОС). В данном же разделе речь идёт о последующем логическом делении частных отношений собственности. В основу этого деления предлагается положить механизм взаимодействия агентов производства. Типология этих механизмов и они сами различаются по градациям, точнее, по доминирующим в градациях ЧЭФ. При этом пока ограничиваемся рассмотрением градаций, соответствующих первой фазе каждой исторической эпохи. Фрагмент этой классификационной схемы представлен на рисунке 4.1.

Начнём с примера современного капиталистического общества, которому в таблице 4.1 соответствует столбец социально-воспроизводственной градации «Капитализм» (экономический способ производства). В этой градации доминирует ЧЭФ «экономическая» с объектом-предметом «средства производства»; доминирующий объект-предмет средства производства обозначен треугольником из сплошных чёрных линий с заливкой серого цвета и расположенной рядом надписи «ЧОС-СП».

Согласно метатеории «Полилогия...» механизмом взаимодействия агентов ЧЭФ «экономическая» является «товарообмен», когда вещь (товар) одного агента производства отчуждается в пользу другого агента в обмен на отчуждение этим агентом иной «своей вещи» (товара) в пользу первого агента. Товарообмен производится в среднем при равенстве общественных стоимостей предоставляемых для обмена вещей.

Таким образом, отношения собственности определяются фактом физического отчуждения вещей и наличием агентов, в чью пользу отчуждается данный объект-предмет (вещь, товар), что позволяет обладателю отчуждённой вещи, владея её, производить с ней любые операции, вплоть до уничтожения. Эти частные

отношения собственности по поводу средств производства, а более обобщённо – вещей (!), на классификационной схеме обозначены аббревиатурой «ЧОС-СП».

Иное дело, если объектом-предметом является объект другой типологии (не вещь!), например, объект-предмет «информация», доминирующий в градации «Информационное общество». Информация это не вещь, а свойство, абстракция. Поэтому и отношения по поводу её совершенно иные, ибо иной механизм взаимодействия агентов производства, материально-знаковые отношения и пр. Об этом достаточно подробно писалось в разделе 4.1.2.1, поэтому кратко отметим лишь отличительные и весьма характерные свойства частных отношений собственности по поводу информации.

Во-первых, это нескончаемый процесс отчуждения информации (как некая форма «отсутствия отчуждения») и беззатратное тиражирование посредством копирования при неограниченном количестве.

Во-вторых, это состояние, когда все агенты, располагающие какой-либо информацией, являются её собственниками, «вечными собственниками».

В-третьих, это существование «корневого владельца» как множества полноправных владельцев одной и той же информации.

В-четвёртых, это «закон ценности» как равенство ценности информации, подлежащей распространению, всей текущей ценности всей совокупности информации на всей сети её распространения.

Наконец, пока трудно воспринимаемое и понимаемое частью общества, свободное распространение информации и частная собственность.

Возьмём, например, отношения частной собственности по поводу такого объекта-предмета как «работник». Очевидно, что умение «работать» и «уметь что-то» (делать) невозможно подвергнуть отчуждению, ибо это способность самого человека. Эта специфическая форма частной собственности в ЧЭФ «рабовладение» трансформировалась в античные времена в классическое рабство.

Об отношениях частной собственности по поводу самого человека как объекта-предмета достаточно подробно было сказано ранее, когда, по сути, один объект был на всех. Человек был в

собственности самого человека и через это «весь мир» был в его частной собственности. И только обобществление человека, а через него и «всего мира», привело к возникновению общества, - первобытного общества. Иными словами, это было некое частичное отчуждение человека от самого себя в пользу общества, то есть передачи части своих прав обществу или, как иногда говорят, (частичная) постановка человека под контроль общества.

По пункту 3 – относительно фактического восприятия на бытовом уровне базовых объектов отношений собственности. Это восприятие формируется таким образом, что очередной доминирующий базовый объект помимо собственно самого типологического базового объекта-предмета включает в себя и прочие типологии объектов, не вошедших в состав инфраструктуры общества.

В качестве примера на схеме таблицы 4.1 для градации «капитализм» эти прочие объекты показаны треугольниками и квадратами, выполненными точечным пунктиром и расположенными на белом поле таблицы выше сплошного треугольника «средства производства». Это следующие объекты: функция (работа), информация, общественное познание, философия жизни (смысл), мудрое решение. Однако в быту, на практике (в быту) все перечисленные объекты рассматриваются как товар (вещь), то есть так же относят к средствам производства.

Об этом уже частично было сказано в анализе переломной первобытности и показано, что в состав объекта доминирования помимо собственно доминирующего объекта-предмета входят, правда, в деформированной форме и в конкретике быта, прочие известные базовые объекты всех известных ЧЭФ. При этом следует иметь в виду, что часть из них лишь мыслима и на тот исторический момент совершенно не осознана, другие лишь едва наместились в практической жизнедеятельности и не существенны. Однако при этом важно то, что на них в полной мере распространяется сам особый, специфический механизм взаимодействия агентов производства доминирующего объекта-предмета, особые материально-знаковые отношения доминирующего объекта, а также «навешиваются и навязываются» прочие особые атрибуты его доминирующей ЧЭФ.

В этом собственно и состоит сам механизм деформации производственных отношений прочих ЧЭФ.

Таким образом, вся многогранность, гетерогенность производственных подпроцессов пёстрой полилогии действительной жизни воспринимается как некая однородная, гомогенная субстанция доминирующей ЧЭФ. Ярким историческим примером такого восприятия производственных процессов социума, эндогенно, является абсолютизация экономических отношений, экономическая зашоренность в быту и в науке. Этот всеподавляющий «дух экономизма» проявляется при анализе, как исторического восходящего развития общества, так и всей многогранной полилогии современного общества.

В частности, это служит обоснованием вечности как самого капитализма и его экономических, товарно-денежных отношений, так и обоснованием его непреходящего будущего и имманентности экономических отношений любому историческому периоду существования общества.

По пункту 4 – деформирование доминирующим подпроцессом ЧЭФ природы объектов, механизмов и производственных отношений иной типологии.

В современном обществе капитализма это проявляется в таких рецидивах как продажа людей (детей) и «рабство», брак по расчёту, предательство ради экономического выигрыша и денег («продажа Родины», семьи, друзей), наконец, современная практика «продажи информации (контента)» и сама форма правового представления этого.

Более того, сам факт доминирования в обществе рыночных товарно-денежных отношений служит в ряде случаев обоснованию и «оправданию» этих рецидивов. За исключением информационно-интеллектуальных объектов и процессов все эти рецидивы относятся к объектам и процессам инфраструктуры общества, которые были обобществлены в далёком историческом прошлом общества и поставлены под контроль коллективного интеллекта, вошли в основания общества и стали его фундаментом. Разумеется, этот фундамент развивался, и развивается, в восходящем развитии вместе со всей целостностью общества. Однако выше отмеченные рецидивы напоминают и свидетельствуют о наличии деградационных и деструктивных процессов, ведущих в конечном итоге к краху самого общества и его культуры.

Особо заметим, что подобная ситуация так или иначе складывается в настоящее время относительно объектов

информации и знания. Это выражается в постоянно возникающих актах и намерениях власти ограничить те или иные свободы распространения и использования информации, интеллектуальных продуктов информационно-интеллектуальной и творческой (креативной) жизнедеятельности.

Всё это происходит стихийно, за спинами участников производственных процессов, что вызывает нарастание негативных явлений, диссонанс и хаос в самой жизнедеятельности общества, снижение эффективности общественного производства, ведёт к ещё большему нарастанию социальной напряжённости и усилению критичности положения общества, способствует спонтанному становлению состояния неустойчивости и бифуркации.

Таким образом, изложенное достаточно убедительно доказывает несомненную трансформацию, развитие, доминирующих частных отношений собственности и соответствующих базовых объектов-предметов как категорий в ходе исторического восходящего развития общества. При этом сами переходы частных отношений собственности от одной типологии к другой строго квантируется в соответствие с историческими эпохами.

В целом же все рассмотренные явления ещё раз напоминают о силе и мощи института частных отношений собственности и необходимости тщательного учёта его влияния на различные стороны развития отношений в обществе.

4.3. Историческое развитие группо-иерархических отношений собственности

*«Общество знания» как образ «вечной мечты»
человечества XXI века*

Все исторические времена развития человечества неизменно сопровождалась идеей построения справедливого общества. Идея справедливого общества в процессе воспроизводственного развития наполняется конкретным содержанием, характерным для данной исторической эпохи. Наиболее полно она нашла своё выражение, говоря языком последних столетий, в социальном движении в образах социализма и коммунизма. Однако в теоретическом плане само понимание социализма и

коммунистического будущего, даже в среде их сторонников, весьма расплывчато и противоречиво.

Так в комментарии «Экономической и философской газеты» (ЭФГ) №22/2013 к материалу «Возрождение социализма в России и его обновление. По итогам конференции» говорится: «...*знание сущности социализма как очередного этапа общественного развития потребует кардинального переосмысления всех законов общественного развития*».

С этими положением невозможно не согласиться, но возникает вопрос:

- в чём суть субстанции социализма, и какова всё-таки его сущность?

- почему при обсуждении этого вопроса порою вспоминают различные социализмы, в том числе «феодальный», и даже - «первобытный коммунизм»?

- почему история развития человеческого общества наполнена, с древних времён, мечтами и различными движениями в поисках социальной справедливости, что на современном языке иначе и не назвать как движением к социализму (коммунизму)?

Попробуем ответить на эти вопросы, опираясь на важнейший материалистический аспект производственных отношений, – на отношения собственности.

Первый тезис.

Начнём с весьма характерной статьи М. Заломова (ЭФГ № 28-31(3-Э)/2009) «Социализм: феодальный, буржуазный, рабочий...». Анализируя социальный идеал немецкого проповедника времён Реформации, духовного лидер социального движения, проповедовавшего всеобщее равенство на основе евангельских идеалов и террор против традиционной церкви и дворянства, крупнейшего теоретика того времени Томаса Мюнцера (около 1490 – 27 мая 1525), он пишет: «Этому величайшему сыну немецкого средневековья принадлежит выдвижение лозунга "Всё общее!". Мюнцер стал первым теоретиком и практиком коммунизма как движения, которое себя уже осознано. ... Мюнцер обосновал необходимость развивать сущность каждого человека, расставлять людей в общественной жизни по мере их способностей, предоставлять каждому возможность руководить посильной частью общей собственности. В этом Мюнцер увидел возможность

повысить эффективность общего хозяйства относительно частного».

Начало установления «*общности имущества*» Мюнцер связывал с устранением феодалов и переходом всех материальных благ в руки трудящихся путём уравнительного раздела земли и других богатств между всеми тружениками.

Социально-политическую программу Мюнцера Энгельс характеризовал как близкую к коммунизму, как «гениальное предвосхищение» будущего, как программу «... немедленного установления царства божьего на земле...». Под этим Мюнцер, по словам Энгельса, «... понимал не что иное, как общественный строй, в котором больше не будет существовать ни классовых различий, ни частной собственности, ни обособленной, противостоящей членам общества и чуждой им государственной власти» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., 2 изд., т. 7, с. 371).

Второй тезис.

Википедия, свободная энциклопедия, пишет: «Первобытный коммунизм (нем. Urkommunismus) он же первобытно-общинный строй – марксистский термин, означающий самую первую в истории общественно-экономическую формацию, когда все члены общества находились в одинаковом отношении к средствам производства, и способ получения доли общественного продукта был единым для всех.

Согласно Энгельсу, наиболее древние человеческие сообщества охотников-собирателей, существовавшие до возникновения классов, можно назвать «примитивным коммунизмом». Примитивный, или первобытный, коммунизм характерен для всех народов, находящихся на ранних ступенях развития (т. н. первобытнообщинный строй, по археологической периодизации совпадающий в основном с каменным веком). Для примитивного коммунизма характерно одинаковое отношение всех членов общества к средствам производства, и соответственно единый для всех способ получения доли общественного продукта».

Третий тезис. О феодальном социализме.

БСЭ и «Философская энциклопедия» определяют феодальный социализм как «... разновидность до-научного социализма, представители которого, критикуя капитализм, видели выход из его противоречий в возвращении к феодальным патриархальным отношениям.

<...>

Формирование феодального социализма произошло после Революции 1830 во Франции и парламентской реформы 1832 в Англии, когда возникла почва для иллюзии об общности интересов классов, противостоящих буржуазии справа и слева, своеобразном антикапиталистическом фронте феодалов и трудящихся».

Вот и сегодня, в наше время, некоторые видят в советском реальном социализме «высшую стадию феодализма» (www.democracy.ru, Фирсов А. «Социализм, как высшая стадия феодализма», 17.10.2012).

Однако такие исторические иллюзии «строятся» не только на противостоянии, не только на внешней, порою даже – бытовой, схожести некоторых явлений, но и на ряде положительных сущностно-материальных мотивациях этих движений к справедливости.

А сущностно-материальная мотивация в этих тезисах одна – **обобществление**. Об этом хорошо сказано в статье БСЭ о Томасе Мюнцере: «Религиозно-философское учение Мюнцера... представляло собой разновидность пантеизма и приближалось к атеизму. По существу пантеизм Мюнцера – социальное учение: все "творения" являются, по Мюнцеру, частями мирового целого и только в нём могут существовать, из чего следует, что индивиды не могут иметь особых интересов, отличных от интересов общества в целом. Реформация, по Мюнцеру, – преобразование мира *на началах торжества общих интересов...*».

То есть идея обобществления, и торжества общих интересов, существовала в обществе на всех этапах его исторически восходящего развития. Однако в зависимости от конкретно-исторической обстановки и, даже, личностного фактора, облекалась в разнообразные формы и, если так можно сказать, на различную «глубину и широту» обобществления. Очевидно, что в целом степень и глубина обобществления, сами формы обобществления, тесно связаны с уровнем (сложности) конкретно-исторического этапа развития данного общества.

Идея обобществления, согласно фундаментальной социологической метатеории общества А. С. Шушарина «Полилогия современного мира...», находит своё непосредственное выражение в её теоретических основаниях и в исторической конкретике связана с доминирующей типологией базового объекта-предмета. То есть

конкретное наполнение этой идеи, как в жизни, так и в самой парадигме теории, что в данном контексте особенно важно, жёстко зависит от уровня и степени развития материального производства, от самого воспроизводственного уровня действительной жизни и, разумеется, во много определяется положением доминирующих социальных групп населения общества.

На прилагаемой схеме рисунка 4.2 в графической форме отображены основополагающие элементы трансформации отношений собственности общества в процессе его восходящего исторического развития. Основные закономерности этого развития были ранее нами рассмотрены (см. раздел 4.1.2.2) и касались, главным образом, исторического развития частных отношений собственности. Как видно из схемы эти частные отношения собственности, последовательно трансформируясь, развиваются в сторону всё более абстрактных объектов действительной жизни, составляющих в структуре общества асимптотически снижающийся логический объём. При этом имеет место последовательное ослабление степени влияния агентов-собственников на движение доминирующих объектов отношений собственности и на всю жизнедеятельность общества.

С некоторой осторожностью можно предположить, что развитие ограниченных, частных отношений собственности в обществе исторически дрейфует в сторону, так называемой, ризомы, то есть системы, «не имеющей исходного пункта развития», децентрализованной и антииерархичной. Этот тип общества будущего близок к концепции информационно-сетевого общества, в которых «координация операций и синхронизация общего результата достигаются без центрального органа», а соответствующий информационный континуум образует некое «социальное поле» (сеть информационных каналов). Это позволяет предвидеть и упреждать ходы игроков, позиционироваться относительно друг друга, а социальным классам группироваться и перегруппировываться, социальным институтам – формироваться и переформировываться.

В асимптотическом исходе всё социальное пространство заполняет некая всеобъемлющая инфраструктура общества, а институт ограниченных, частных отношений собственности становится ничтожно значимым, уступая место самодостаточным личностям, гражданам человечества – «универсальному человеку».

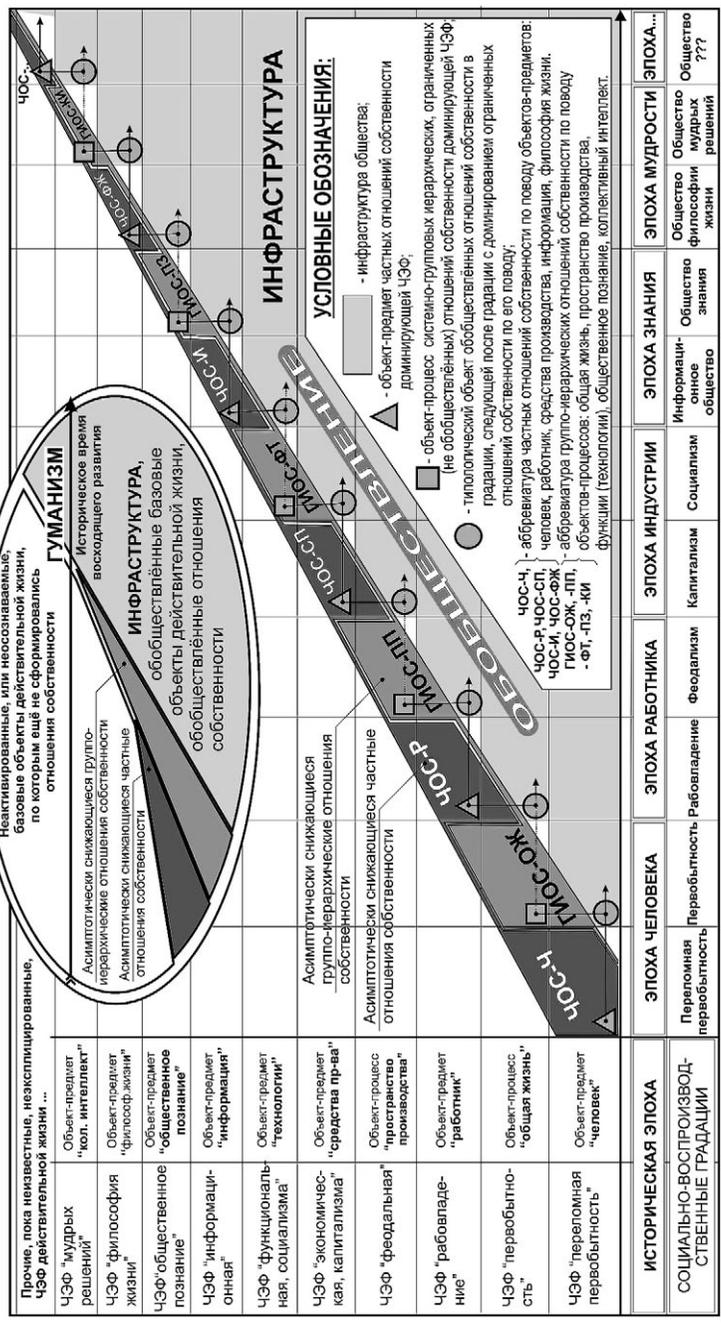

Рис. 4.2. Асимптотический тренд развития отношений собственности в восходящей истории общества

Подобный тренд, но уже по поводу полилогических объектов-процессов, имеет место в отношении группо-иерархических отношений собственности (ГИОС). Напомним, что частные отношения собственности возникают (возможны) лишь по поводу объектов-предметов действительной жизни. Таким образом, в полилогии группо-иерархические отношения собственности последовательно возникают, исторически чередуясь с частными отношениями собственности, на всём пространстве восходящего развития общества. Обозначим эту историческую последовательность доминирующих объектов-процессов, по поводу которых имеют место ГИОС. Это следующие объекты-процессы: общая жизнь (первобытность), пространство производства (феодализм), технологии и функции (социализм), общественное познание (градация «Общество знания»), коллективный интеллект (градация «Общество мудрых решений») и т.д.

В целом полилогическая классификация отношений собственности (ОС) дана на рисунке 4.3, в частности, в структуре ОС группо-иерархические отношения собственности представлены в следующем составе: ГИОС-ОЖ, ГИОС-ПП, ГИОС-ФТ, ГИОС-ПЗ, ГИОС-КИ.

На схеме рис. 4.2 объекты-процессы обозначены тонированными квадратами, а исторический период соответствующих доминирующих группо-иерархических отношений собственности (ГИОС) выделен серым тоном средней интенсивности и последовательностью аббревиатур по всем перечисленным объектам-процессам: ГИОС-ОЖ, ГИОС-ПП, ГИОС-ФТ, ГИОС-ПЗ, ГИОС-КИ. По этому подобию, тёмным тоном и треугольниками, выделены доминирующие объекты-предметы и соответствующие периоды доминирования частных отношений собственности (ЧОС) с указанием аббревиатур последовательности по всем известным объектам-предметам: ЧОС-Ч (человек), ЧОС-Р (работник), ЧОС-СП (средства производства, вещь), ЧОС-И (информация), ЧОС-ФЖ (философия жизни). Инфраструктура, по всем типам чистых эндогенных форм, выделена светло-серым тоном заливки.

Уместно ещё раз напомнить, что градации (формации – устар.) представляют композицию из всех известных чистых эндогенных форм (ЧЭФ) процессов воспроизводства объектов действительной жизни. Каждой градациям на схеме рисунка соответствует свой

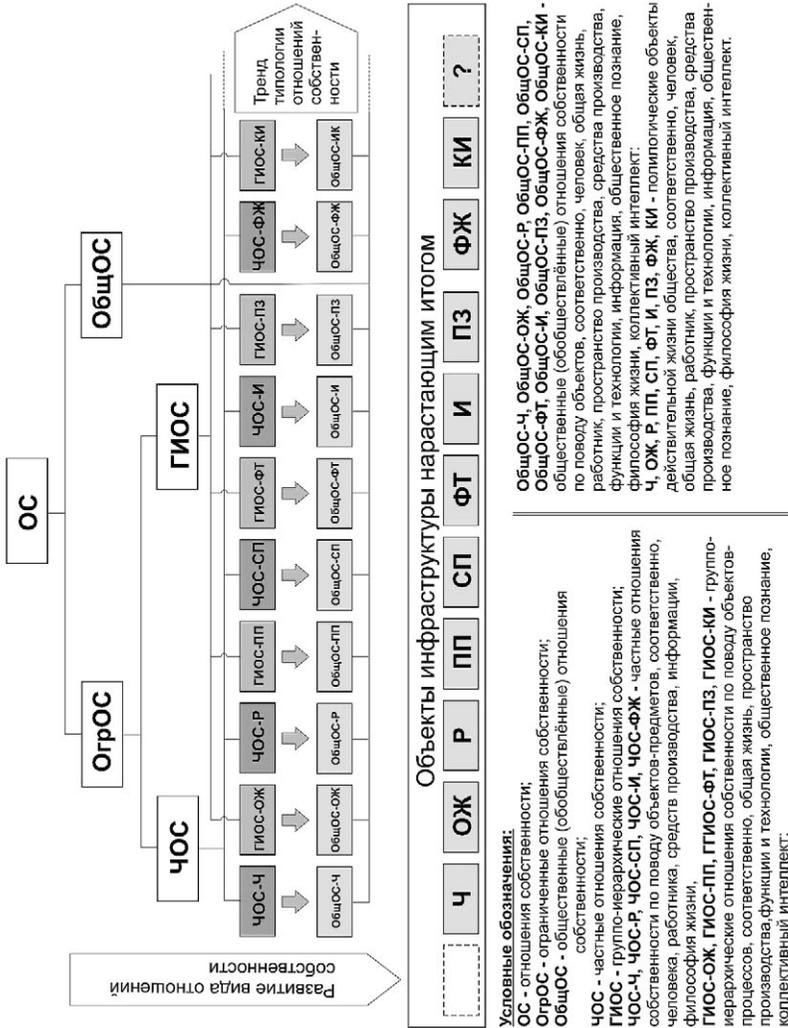

Рис. 4.3. Полилогическая классификация отношений собственности

столбец, а каждой ЧЭФ – своя строка таблицы. В градации одновременно и параллельно протекают все известные ЧЭФ воспроизводственных процессов, но только одна из них доминирует, определяя тип и название соответствующей градации, доминирующий базовый объект воспроизводства, доминирующие производственные отношения, механизмы обмена, материально-знаковые формы производственных отношений, тип разделения труда, тип равновесия, богатства и пр.

ЧОС и ГИОС в совокупности образуют ограниченные (не обобществлённые) отношения собственности (ОгрОС), которые на схеме рисунка 4.2. изображены толстой и постепенно утончающейся «кривой», напоминающей балку шлагбаума. Как видно из этой схемы, кривая ОгрОС образуется сцеплением двух кривых (ЧОС и ГИОС), напоминающих две части огромной застёжки-молнии. «Зубцы» застёжки-молнии представляют собой последовательно чередующиеся периоды (зоны) доминирования ЧОС и ГИОС. Объекты, переходящие в инфраструктуру общества обозначены тонированными кругами.

Отмеченное выше свойство развития тренда ограниченных отношений собственности проиллюстрируем примерами на основе анализа тренда ГИОС, которые непосредственно связаны с поставленными в начале раздела вопросами. В целом можно отметить, что ГИОС, как и в целом ОгрОС, последовательно трансформируясь, развиваются в сторону всё более абстрактных объектов-процессов действительной жизни, составляющих в структуре общества асимптотически снижающийся логический объём. При этом имеет место последовательное ослабление степени влияния соответствующих групповых агентов-собственников этих доминирующих объектов на их движение в обменных процессах и на всю жизнедеятельность общества. - И это связано не только с нарастающей мощностью и содержанием инфраструктуры общества (массивная область светло-серого тонирования под непрерывно утончающейся кривой ОгрОС), что само по себе весьма важно, но связано, прежде всего, с трансформацией внутреннего содержанием самих ГИОС.

Таким образом, воплощение в жизнь справедливости как вечной мечты человечества исторически идёт непрерывно и постоянно, однако при этом имеет место лишь асимптотическое приближение к идеалу справедливого общества. Несмотря на

асимптотический характер «приращений», постепенно уменьшающийся, сама сила стремления к справедливости, сила страстей по этому поводу и значимость каждого очередного исторического шага в этом приращении отнюдь не уменьшаются. Поэтому и не ослабевает в историческом развитии борьба прогрессивных сил общества за справедливость, хотя само конкретное наполнения смысла и содержания справедливости на каждый исторический момент восходящего развития общества существенно меняется. В этом вечном движении уровень справедливости общественных отношений также непрерывно и асимптотически возрастает. Этот исторический идеал справедливого общества обозначен на схеме рис. 4.2 (фрагмент рисунка в двойном овале) надписью «ГУМАНИЗМ», что подразумевает историческую преемственность идеалов справедливости социалистических и коммунистических движений общественного развития.

Возвращаясь к внутреннему содержанию ГИОС схемы рис.4.2, следует подчеркнуть, что фазы господства ГИОС в каждой исторической эпохе сопровождаются обобществлением объектов-предметов, доминировавших в предыдущих градациях. Это наиболее выразительно подчёркивает исторический процесс обобществления, ибо здесь имеет контрастный переход от частных отношений собственности по поводу базового объекта-предмета к обобществлённым отношениям. Здесь уместно напомнить, что в этом движении реализуется известный классический лозунг об «уничтожении частной собственности» и «преобразование мира на началах торжества общих интересов» по Мюнцеру.

Итак, во-первых. Развитие кривой ГИОС исторически начинается в градации первобытность, доминирующим базовым объектом-процессом которой является «общая жизнь», что, по сути, охватывает всю жизнедеятельность человека, всю действительную жизнь периода начального становления общества. Как уже отмечалось, в состав объекта доминирования помимо собственно доминирующего объекта-предмета входят (могут входить), правда, в деформированной форме и в конкретике быта, прочие известные базовые объекты всех известных ЧЭФ, - за исключением, в значительной степени, объектов инфраструктуры. При этом следует иметь в виду, что часть этих «прочих» объектов лишь мыслима и на тот исторический момент совершенно не осознана, другие лишь

едва наметились в практической жизнедеятельности и не существенны.

В первобытности инфраструктуры, как таковой, в привычном понимании, практически не было. Само же общество, в действительности, ограничивалось небольшой группой людей (человек), выросших из стада человекообразных. Поэтому группово-иерархические отношения собственности первобытного общества (ГИОС-Ч) по поводу «общей жизни», со стороны современного человека, живущего в обществе страны и государства, воспринимаются и выглядят как неотличимые от обобществлённых отношений собственности (ОбщОС). Более того, прочие базовые объекты всех ЧЭФ тогда ещё лишь едва намечались в практической жизнедеятельности и не были существенны, а сама действительная жизнь сводилась к ЧЭФ «переломная первобытность», когда «общества ещё не было, а человек уже был». По этой причине, внешне, развивающаяся и доминирующая ЧЭФ «первобытная» (и единственная действительная ЧЭФ общества) по сути, и в целом, представляла для нашего «современника» Ф. Энгельса градацию «первобытность» с ГИОС-ОЖ, неотличимой от обобществлённых отношений собственности (ОбщОС).

Всё это и послужило основанием того, что Энгельс назвал наиболее древние человеческие сообщества охотников-собирателей «примитивным коммунизмом». И это скорее красочная метафора, чем строгое (научное) понимание нашего, человеческого, прошлого.

Во-вторых, о «феодальном социализме». Представители донаучного социализма видели выход из противоречий капитализма в возвращении к феодальным патриархальным отношениям не только потому, что «там ещё нет капитализма» (это антикапиталистическая позиция феодалов), а потому, что это был шаг в направлении отрицания частных отношений собственности капитализма (ЧОС-СП) и в сторону обобществлённых отношений собственности. Позже стала ясна, в научном плане, **ограниченность** этого движения в сторону обобществления, которое реализовывалось не до конца и без явного акцента в отношении «средств производства». То есть речь шла об **ограниченных отношениях собственности** по поводу «пространства производства».

В эти отношения, через механизм доминирования и деформирования отношений по поводу объектов иной типологии, неким образом вписывались (в умах представителей этого движения) «средства производства» (главный, доминирующий объект капитализма и ЧЭФ «экономическая»). Этим отрицались чисто частные отношения собственности и устанавливались чёткие групповые отношения собственности, которые будучи закованы снизу доверху в некие иерархические структуры, выглядели с претензией на обобществлённые отношения собственности, но ограниченными групповым характером управления по горизонтали.

Это были не «иллюзии об общности интересов классов, противостоящих буржуазии справа и слева», а единственно **известный** этим двум сторонам «антикапиталистического фронта» путь разрешения сложившейся исторической ситуации. Не владея современным, полилогическим, или хотя бы традиционным марксистским мировоззрением, именно, научным мировоззрением, восходящие силы слева мыслили и действовали в рамках существующего на тот момент знания (теории), а оно было «донаучным». Вот из этого факта и возник «феодальный социализм», имя, которое дали ему наши современники.

И здесь невольно возникает некая параллель с современной историей советского социализма, реального социализма СССР. Именно в 90-е годы прошлого века представители «запущенной социологии» и догматичного марксизма последних десятилетий СССР, критикуя отдельные стороны «выстроенного в боях социализма», видели выход из его противоречий в возвращении, к так называемым ими, экономическим, товарно-денежным отношениям.

Они, «левые», как и несколько веков назад, оказались теоретически несостоятельными в понимании законов исторического развития. Они, как и когда-то их пращурь, стали заложниками «иллюзии об общности интересов справа и слева». Но если их когда-то манили хоть какие-то производственные отношения, отношения собственности, лишь *ограниченно* напоминавшие обобществление в форме ГИОС-ПП, то наши современники, разумеется, не все, ринулись сломя голову, образно говоря, строить социализм на капиталистических основаниях, - «капиталистический социализм». Эта «иллюзия» может строиться исключительно только на частных отношениях собственности

(ЧОС-СП), что и было «успешно» реализовано; в современной России – капитализм. А бандитский он или цивилизованный (?), - не в этом суть.

Наконец, в-третьих, возвращаясь к кривой тренда развития ограниченных отношений собственности, а непосредственно к её второй составляющей группо-иерархических отношений собственности, напомним, что градация социализма характеризуется доминированием ГИОС-ФТ по поводу объекта-процесса «функции, технологии». Градация феодализма так же характеризуется доминированием группо-иерархических отношений собственности ГИОС-ПП, но по поводу объекта-процесса «пространство производства». Именно группо-иерархическая сущность производственных отношений и отношений собственности этих градаций (делаем акцент на этой общности, оставляя в стороне прочие различия) составляет их общность и подталкивает Фирсова А. в статье «Социализм, как высшая стадия феодализма» к иллюзии, что реальный советский социализм это «высшая стадия феодализма».

Таким образом, во всех приведённых примерах исторических «иллюзий» о справедливости и о социализме неоспоримо присутствуют ограниченные группо-иерархические производственные отношения и ГИОС. В этом, можно сказать, проявляется суть «социализмов» различных исторических эпох, суть справедливого общества на конкретных исторических этапах развития общества. ГИОС соответствуют второй фазе развития исторических эпох, для которой характерно обобществление объектов-предметов, доминировавших в первой фазе эпохи. То есть история обобществления протекает постоянно на всех этапах исторического развития. Тем самым движение к справедливости, вечной мечты человечества, в основе которой лежит обобществление, перманентно присутствует во всей известной истории человечества.

Однако естественный интерес представляет судьба этой «иллюзии о социализме» и о справедливости, обращённая в будущее общественного развития нашего социума. Все предыдущие «социализмы» были связаны с доминирующими объектами-процессами и группо-иерархическими отношениями собственности следующей последовательности: общая жизнь и ГИОС-ОЖ градации первобытность, пространство производства и

ГИОС-ПП градации феодализм, функции (технологии) и ГИОС-ФТ градации социализм. Очевидным и логическим продолжением этого ряда являются объект-процесс «общественное познание» и ГИОС-ПЗ градации «Общество знания» эпохи знания, а также – объект-процесс «коллективный интеллект» и ГИОС-КИ градации «Общество мудрых решений» эпохи мудрости.

Поэтому, обращаясь к недалёкому прошлому, если и следовало в годы перестройки руководствоваться известным лозунгом того времени «Больше социализма!», то не путём «здорового функционирования товарно-денежных отношений на социалистической основе» (что теоретически есть абракадабра и понятийно абсурдно, бессмыслица), а путём, говоря словами «Полилогии...», «революционного процесса создания научного производства» и «онаучивания». Этот дух «нового социализма» и «превращения, - по Марксу, - науки в производительную силу» несли вместе со временем «трудящиеся нового типа».

*«Знание – сила» и подобные «непреходящие «вечные истины» философии» банальны, но вот «чтоб общество могло стать «научным обществом», - пишет автор полилогии А. С. Шушарин, - опирающимся на новое знание, уже не философия, а именно наука же и должна выдвинуть **новое социальное знание** об обществе... А это может быть только удачная не «вечная», а конкретно-историческая научная **теория** современного переломного мира». И данный материал, развивающий идеи полилогии, есть наш скромный вклад в «новое социальное знание об обществе» и «научную теорию современного переломного мира».*

Таким образом, «духом нового социализма» и справедливости, несомненно, веет от тренда общественного развития, ориентированного на «Общество знания» и, для будущих поколений, - «Общество мудрых решений». В основе этих обществ будущего лежит доминирование таких объектов-процессов как «общественное познание» и «коллективный интеллект». Возможно, что когда-нибудь в отношении этих типов общества (способов производства действительной жизни) в словаре идеологических терминов и появятся такие словосочетания как «научный социализм» и «интеллектуальный социализм», или, - «когнитивный социализм» и «философский социализм», но это не изменит сущности стремления к справедливому обществу.

Таким образом, можно сказать, что на данном этапе общественного развития, если и говорить об «обновлённом социализме» или о «социализме XXI века», то следует говорить лишь об «Обществе знания», ибо в сегодняшнем понимании лишь это общество, бесспорно, может претендовать на высокий общественный статут и статус справедливого общества. Ибо только с этим обществом находится в гармонии образ вечной мечты человечества XXI века о справедливости.

Это вечная мечта человечества о справедливом обществе, как движение, последовательно «уничтожает» отношения частной собственности, но, образно говоря ещё не «дотягивает» до полного обобществления всего гетерогенного множества типологических объектов действительной жизни. А иного и быть не может, ибо общественное развитие бесконечно, как и сам мир действительной жизни человеческого социума.

Поэтому, отвечая на основной вопрос: «В чём суть субстанции социализма?», мы склоняемся к тому, что субстанция социализма, в широком понимании, есть объект-процесс как вечное движение обобществления отношений собственности в обществе на пути к Гуманизму.

Такое понимание социализма как исторической категории не противоречит его конкретно-исторической семантике и соответствует научному языку современной фундаментальной социологической метатеории развития общества А. С. Шушарина «Полилогия современного мира. (Критика запущенной социологии)». Поэтому, часто звучащий лозунг о «социализме XXI века» следует заменить, не разрушая самой семантики общества справедливости, на научно-обоснованный и наполненный конкретным социальным содержанием лозунг, – «Вперёд, к Обществу знания!»

Глава 5

Познание

От информации через познание к знанию

*Познание – вечно,
Знание же – скоротечно.
Мир движется всегда,
Без самого начала,
Без мнимого конца.*

Автор

Общественное развитие, согласно ранее представленной «сложной логики истории» общества, с необходимостью содержит и такой этап как градация «Общество знания» эпохи знания. Доминирующим и определяющим подпроцессом, чистой эндогенной формой, этой градации является ЧЭФ «общественное познание» с базовым объектом-процессом «общественное познание».

Википедия, свободная энциклопедия, так определяет подобный тип этого базового объекта-процесса: ***«Познание – совокупность процессов, процедур и методов приобретения знаний о явлениях и закономерностях объективного мира. Познание является основным предметом гносеологии (теории познания)».***

В собственных формах познания выделяют, прежде всего, *научное и ненаучное познание*. К ненаучному познанию относятся обыденное и художественное познание, а также познание мифологическое и религиозное.

Общепризнано, что научное познание, – это процесс получения объективного, истинного знания, направленного на отражение закономерностей действительности. Научное познание связано с описанием, объяснением и предсказанием процессов и явлений действительности.

Особое и близкое по контексту место занимает, так называемое, философское познание, отображающее собой «особый тип целостного познания мира».

«Спецификой философского познания, - отмечается в Википедии, - является стремление выйти за пределы фрагментарной действительности и найти фундаментальные принципы и основы бытия, определить место человека в нём. Философское познание основано на определённых мировоззренческих предпосылках. В его состав входят: гносеология и онтология. В процессе философского познания субъект стремится не только понять бытие и место человека в нём, но и показать, какими они должны быть (аксиология), то есть стремится создать идеал, содержание которого будет обусловлено избранными философом мировоззренческими постулатами».

В основе излагаемой теории «Общества знания» лежат базовые мировоззренческие положения метатеории «Полилогия современного мира...» А. С. Шушарина. Это, однако, не исключает ряда собственных научных подходов и воззренческих предпосылок, которые, по нашему мнению, развивают полилогию, порою даже вопреки её (некоторым) постулатам.

«Познание, - согласно Клименко А. и Румыниной В. («Обществознание»), - можно определить как процесс деятельности человека, основным содержанием которого является отражение объективной реальности в его сознании, а результатом – получение нового знания об окружающем мире». В такой формулировке это определение наиболее созвучно с нашим определением понятия информация, одного из базовых типологических объектов-предметов полилогии: - ***Информация есть результат отображения материи самой на себя.***

Учёные кроме обыденного, научного, философского, художественного и религиозного познания выделяют ещё и, так называемое, социальное познание.

Главной особенностью социального познания является «совпадение субъекта и объекта познания». Это совпадение весьма условно и поэтому записано в кавычках. Изучение общества, как объекта познания ведётся отдельными индивидами или их группами и пока в ходе социального познания общество познает себя именно через них. Поэтому получаемое социальное знание всегда будет связано с интересами этих индивидов и их групп – субъектов познания, что во многом объясняет наличие разнящихся выводов и оценок при изучении одних и тех же общественных явлений.

Кроме того, будучи частью целого, этим индивидам и группам, находящимся «*внутри*» целого, просто затруднительно (можно сказать, невозможно) понять и оценить этот объект *объективно*.

Целью познания является установление истины в ходе социального познания, и установить её нелегко, так как общество имеет сложную структуру, находится в постоянном развитии. Поэтому установление социальных закономерностей крайне затруднено, ибо даже аналогичные исторические события и явления каждый раз уникальны и (полностью) не повторяются.

Кроме того, при изучении исторических фактов исключено, не возможно, применение эмпирических методов исследования, экспериментов, так как воспроизведение изучаемого исторического социального явления по желанию исследователя невозможно. Социальные явления, в контексте данной теории, носят конкретно-исторический характер и могут приводить в разных обществах не только к разным результатам, но будучи обращёнными в будущее, ранее никогда не бывшее, просто не наблюдаемы. Поэтому наиболее распространённым методом социального исследования является научная абстракция.

Как принято говорить, правильно понять и описать происходящие в обществе процессы, выявить законы общественного развития можно только при использовании конкретно-исторического подхода к социальным явлениям. Наряду с этим считаем, что целью социального познания является так же и социальное прогнозирование, т. е. получение знаний о будущем общества, о том, чего ещё нет в действительности, но что потенциально содержится в настоящем в виде объективных и субъективных предпосылок ожидаемого хода развития. Именно разрешению этой проблемы и в срезе только эпохи знания в восходящем развитии общества посвящена настоящая работа.

Социальная наука обладает огромным потенциалом научных методов, специальных методик, логических и технических средств социального познания. В данном исследовании многие из них применяются в той или иной степени, перечислим лишь основные из них: экстраполяция, историческая аналогия, сценарии будущего, экспертные оценки, компьютерное моделирование.

Социальное прогнозирование можно определить как комплексное междисциплинарное исследование перспектив

развития человеческого общества, которое ни в коей мере не претендует на абсолютно точное и полное знание будущего.

5.1. Познание и структура действительной жизни общества

Суть и понимание исторического процесса развития общества согласно материалистическому воззрению заключается в производстве и воспроизводстве действительной жизни этого общества. Тогда как восходящее развитие общества связано с последовательным обобществлением основной массы всех значимых, в типологическом отношении, объектов действительной жизни. В первую очередь обобществляются те объекты, которые в данный исторический период актуальны и в наибольшей степени обеспечивают само существование общества на данном уровне его развития по сложности и при данной инфраструктуре. В эту инфраструктуру входят ранее обобществлённые объекты и процессы действительной жизни.

В данной работе рассматривается тот период исторического развития, когда «божественным социальным», главным богатством и наиболее востребованным, актуальным, является объект-процесс «общественное познание». Этот исторический период в восходящем развитии следует вслед за социализмом и градацией «Информационное общество», им завершается эпоха знания.

Таким образом, на данном уровне развития действительная жизнь рассматривается как множество следующих типологических объектов: человек, общая жизнь, пространство производства, средства производства, функции и технологии, информация, общественное познание и другие, пока ещё мало изученные.

Структура действительной жизни современного общества в самом общем виде была охарактеризована ещё в первой главе книги. Объём понятия «действительная жизнь» в статике представлен на рисунке 5.1. При этом основанием (признаком) логического деления на указанные типологические объекты был принят механизм взаимодействия агентов производства при производстве и воспроизводстве объектов данной типологии как элементов действительной жизни.

Рис. 5.1. Объём понятия «действительная жизнь»

Так как рассматриваются социальные аспекты общества, то очевидно, что все соответствующие конкретные, реальные, воспроизводственные процессы непосредственно связаны с общественным познанием и включают в себя элемент общественного познания. Это подкрепляется объективным существованием следующего понятийного ряда в социальном движении: взаимодействие → отражение → информация → познание.

Однако, вводя такие абстракции как чистые эндогенные формы воспроизводственных подпроцессов действительной жизни общества, мы отвлекаемся от взаимосвязанности и взаимозависимости типологических базовых объектов, «видим» и анализируем только подпроцесс, как бы включающий только объекты одной типологии.

Строго говоря, для каждого исторического момента развития действительной жизни состав типологий объектов (типологических объектов) остаётся неизменным.

При этом, соответственно, и состав способов их воспроизводства (способов и подпроцессов производства) так же неизменен. То есть состав представляющих их чистых эндогенных форм (ЧЭФ) так же неизменен, а их совокупность в целом и образует единый процесс производства и воспроизводства действительной жизни общества.

Ранее была представлена общая формула-схема процесса производства и воспроизводства для любого базового типологического объекта действительной жизни:

$$\text{ОБ}^* - \text{МЗ}^* - \text{ОБ} ((\text{ОБ})) \dots \text{П}(\text{ДТ} (\text{труд})) \dots \text{ОБ}^{**} - \text{и т. д.}, \quad (5.1)$$

где **ОБ** – объект воспроизводства;

МЗ – материально-знаковые отношения;

П – производство;

ДТ(труд) – деятельность, труд;

(ОБ) – исходные ресурсы для воспроизводства.

Действительная жизнь есть композиция всех известных типологических процессов ЧЭФ. В целом описание «действительной жизни» с раскладкой по типологическим ЧЭФ в соответствии с формулой-схемой (5.1) примет следующий вид:

$$\begin{aligned} &\rightarrow \text{ЧЕЛОВЕК}^* \rightarrow \langle \text{СВОЙ} \rangle^* \rightarrow \text{ОБч} \dots \text{Пч} \dots \text{ЧЕЛОВЕК}^{**} \rightarrow, \\ &\rightarrow \text{ОБЩАЯ ЖИЗНЬ}^* - \text{ИМЯ}^* - \text{ОБо} \dots \text{По} \dots \text{ОБЩАЯ ЖИЗНЬ}^{**} \rightarrow, \\ &\rightarrow \text{РАБОТНИК}^* - \text{ДИПЛОМ}^* - \text{ОБр} \dots \text{Пр} \dots \text{РАБОТНИК}^{**} \rightarrow, \\ &\rightarrow \text{ПРОСТР. ПР-ВА}^* - \text{ПРОПИСКА}^* - \text{ОБп} \dots \text{Пп} \dots \text{ПРОСТР. ПР-ВА}^{**} \rightarrow, \\ &\rightarrow \text{СП}^* (\text{Т}^* - \text{товар}) - \text{ДЕНЬГИ}^* (\text{Д}^*) - \text{ОБс} \dots \text{Пс} \dots \text{СП}^{**} (\text{Т}^{**} - \text{товар}) \rightarrow, \\ &\rightarrow \text{ФУНКЦИИ}^* - \text{СТАТУС} (\text{док})^* - \text{ОБф} \dots \text{Пф} \dots \text{ФУНКЦИИ}^{**} \rightarrow, \\ &\rightarrow \text{ИНФОРМАЦИЯ}^* - \text{ТОРРЕНТЫ}^* - \text{ОБи} \dots \text{Пи} \dots \text{ИНФОРМАЦИЯ}^{**} \rightarrow, \\ &\rightarrow \text{ОБЩ. ПОЗНАНИЕ}^* - \text{Уч. РАНГ}^* - \text{ОБз} \dots \text{Пз} \dots \text{ОБЩ. ПОЗНАНИЕ}^{**} \rightarrow, \\ &\rightarrow \text{и др.} \rightarrow, \end{aligned} \quad (5.2)$$

где **ОБч, ОБо, ОБр, ОБп, ОБс, ОБф, ОБи, ОБз** – исходные ресурсы для воспроизводства следующих объектов, соответственно: человек, общая жизнь, работник, пространство производства, средства производства (товар), функции (технологии), информация, общественное познание;

Пч, По, Пр, Пп, Пс, Пф, Пи, Пз – есть само производство объектов, соответственно, человека, общей жизни, работника, пространства производства, средств производства (товара), функций (технологий), информации, общественного познания и др.

В системе формул-схем (5.2) увеличение числа «звёздочек» у обозначений объектов и ресурсов указывает на непрерывное возрастание их объёма (численных значений).

Последний цикл в системе формул-схем (5.2) соответствует подпроцессу действительной жизни ЧЭФ «общественное познание» с объектом-процессом «общественное познание».

Таким образом, каждой строке системы формул-схем (5.2), расположенных выше выделенной строки ЧЭФ «общественное познание», также соответствует определённый подпроцесс ЧЭФ со своим типологическим объектом действительной жизни, при этом сама совокупность этих ЧЭФ (расположенных выше выделенной строки как доминирующего подпроцесса) образует инфраструктуру воспроизводственного процесса общества. Все слои, как процессы ЧЭФ, системы (5.2) в целом, со временем, возрастают в своей мощности и сложности.

Следует заметить, что воспроизводственный процесс действительной жизни включает в себя и те подпроцессы ЧЭФ, которые ещё явно не проявили себя или лишь «робко» заявили о своём существовании, а также те, о которых мы пока ещё не имеем сколь-нибудь предметного представления. В целом вся эта совокупность подпроцессов кратко обозначена в выражении (5.2) сокращением «→ и др. →».

Итак, производство и воспроизводство действительной жизни включает множество известных, и неизвестных, чистых процессов (ЧЭФ) или чистых способов производства. Среди них и основная ЧЭФ в данном изложении - ЧЭФ «общественное познание». ЧЭФ «общественное познание» это подпроцесс воспроизводства объекта-процесса «общественное познание», то есть производства всевозможной информации и знаний о жизнедеятельности людей и о мире материи. Это процесс производства и воспроизводства базового объекта «общественное познание», в котором действует механизм взаимодействия производственных агентов «логическое соответствие», обеспечивающий потребности своих контрагентов

на основе единой парадигмы мировоззрения и единого концептуально-теоретического пространства научных знаний и информационного обеспечения. Суть механизма логического соответствия заключается в единой «логике» протекания процесса общественного познания. Сама же ЧЭФ «общественное познание» доминирует в градации «Общество знания» как первой фазы исторической эпохи знания, то есть в восходящем развитии после градации «Информационное общество».

Наконец, только в эндогенном как внутреннем, внутривидовом, развитии общества теоретические основы ЧЭФ «общественное познание» и основанной на её доминировании градации «Общества знания» составляют предмет «Политического общественного познания».

Главная же задача настоящей главы - изложение основных положений «Политического общественного познания» по состоянию на текущий момент его понимания.

Так что же такое «общественное познание» и «познание» вообще, его соотношение с информацией и классическим пониманием процесса познания в сферах психологии, физиологии мышления и самой логике познания как получения нового знания?

5.2. Философия понимания «познания»

«Познание можно определить как процесс деятельности человека, основным содержанием которого является отражение объективной реальности в его сознании, а результатом – получение нового знания об окружающем мире».

Клименко А.В. и Румынина В.В.
«Общественное познание»

Среди множества определений понятия «информация» есть и такое:

- «...информация выступает как аспект отражения, как его важная функциональная характеристика. Отражение же является

характеристикой материи и сознания – это то общее, что присуще им» (Синельников М. Б. Проблема объективности – основание научно-информационной деятельности, Ставрополь, 2002 г.).

В то же время будет справедливо и такое «созвучное» заключение: *- познание, в нашем контексте общественного развития, выступает как аспект отражения, как его важная функциональная характеристика. Отражение же является характеристикой материи и сознания – это то общее, что присуще им.*

Продолжая линию, принятую ещё в работе «Теория Информационного общества...», на общеполитическое толкование понятия «информация» в той части, что «информация» (форма и структура данной материи, отображающей окружающий её мир материи) есть атрибут материи, а сама материя есть субстрат (структура) в движении, будем в дальнейшем исходить из того же положения, но уже относительно объекта-процесса «общественное познание». То есть будем исходить из того, что *существуют некоторые фундаментальные закономерности проявления (общественного) познания (в нашем широком толковании этого нового термина полилогии), которые являются общими для информационных процессов, реализующихся в объектах, процессах или явлениях любой природы.*

Учитывая, что понятие отражения есть некий процесс, непосредственно связанный с движением и изменением материи на всю глубину её атрибутивного наполнения, примем более пространное определение «познания», которое будет использовано нами в дальнейшем.

Возьмём за основу чисто абстрактное определение: ***- познание как процесс отображения есть процесс отображения одной части материи на другой.*** Общепринято, что это происходит в осмысленной форме, в том числе в форме инсайта (озарения и непосредственного постижения решения мыслительной задачи) и интуиции как способа «постигания истины путём непосредственного её усмотрения без обоснования с помощью доказательства... обобщения в образной форме непознанных связей, закономерностей». Поэтому будем использовать следующее краткое определение.

Познание есть процесс отображения одной части материи как материальной или абстрактной субстанции на другой в мыслительной, осмысленной форме.

Прагматично это же может быть выражено словами эпитафиа этого раздела в следующей, слегка скорректированной, предметной форме: *Познание можно определить как процесс деятельности человека, основным содержанием которого является отражение объективной реальности в его сознании, а результатом или целью – получение нового знания об окружающем мире.*

5.2.1. Познание как процесс

Понятия "знание" и "информация" нами часто отождествляются, но акцент всё же остаётся - знание мы рассматриваем как высшую форму отражения действительности. Если субъект **А** отражает объект **Б**, то имеется в виду, что возникающие изменения в **А** вызваны объектом **Б** и соответствуют определённым изменениям в **Б**, если таковые имеют место. То есть отражение это свойство материи, заключающееся в воспроизведении особенностей отражаемого объекта или процесса, а высшей специфической человеческой формой отражения является *сознание*.

Когда мы говорили об информации, то имели в виду также и некий способ взаимодействия, через который, посредством которого, осуществляется передача (изменения) от **Б** к **А** в процессе отражения, способ, в простейшем случае чисто механический (например, смятие, удар, истирание и т.п.), а в сложных случаях и высших формах матери, - реализующийся через поток сигналов, идущих от объекта к субъекту, или от субъекта **Б** к субъекту **А**, особым образом в нем (в последнем) преобразуемых.

Сам способ взаимодействия как отражения зависит от уровня сложности и форм информации, от качественных характеристик объектов и субъектов, от типа передающих сигналов, которые на самом высоком уровне реализуются в форме языковых знаковых систем. В данной работе рассматриваются лишь социологические, социальные аспекты исторического развития общества, то есть преимущественно взаимодействие субъектов в процессе их познавательной деятельности, а не технико-технологические

проблемы этого взаимодействия и, даже, не физиологии высшей нервной деятельности или абстрактная логика человеческого мышления. То есть наше исследование находится за рамками современной материалистической науки о высшей нервной деятельности и логики как абстрактной формы человеческого мышления.

Эти науки в ряде позиций весьма близки к нашей теме, ибо в основе системы научного, как такового, познания лежит принцип детерминизма, который позволяет выявить закономерную причинно-следственную связь явлений, определяемую взаимодействием, как материальных факторов, так и абстрактных факторов логики мышления. Более того, в сфере материального наука основывается на четырёх известных и так же близких нам принципах: принципе рефлекса, принципе доминанты, принципе отражения и принципе системной деятельности мозга. Однако мы, изучая общественные процессы, в том числе и процессы социологии познания, рассматриваем человека как агента производства и конечный элемент социального континуума, не проникая внутрь физиологических и психических процессов самого человека и тем более физиологии мозга.

Однако, несомненно и то, что в своём исследовании мы опираемся не только на результаты исследований высшей нервной деятельности человека и его логики мышления, но и в значительной степени используем соответствующую терминологическую и методическую базы.

Поэтому, говоря о знании, мы, как правило, имеем в виду высший уровень информации, функционирующей в человеческом обществе и в межчеловеческом общении, а говоря о способах отражения, о познании, имеем ввиду пока исключительно только сознание.

С другой стороны, мы стараемся не вторгаться в более высокие уровни сложности организации социума, которые концентрируются и проблематизируются такими понятиями как «коллективный (общественный) интеллект» и «искусственный интеллект». Эти области знаний являют собой предмет дальнейшего развития основ полилогии и остаются в целом пока вне сферы нашего внимания.

Всё вышеизложенное в основном было, так или иначе, связано с используемым нами термином «*познание*», *общественное*

познание, как базовым объектом-процессом одной из градаций восходящего развития общества. При этом уместно напомнить, что историческое развитие общества полилогия рассматривает как сугубо материальный (объективный) воспроизводственный процесс по производству и воспроизводству действительной жизни. Рассматриваемым же подпроцессом является ЧЭФ «общественное познание», которая доминирует в градации «Общество знания» эпохи знания. Таким образом и само «общественное познание» есть материальный (объективный) воспроизводственный подпроцесс по производству и воспроизводству такого объекта как «общественное познание».

Описываемая ситуация во многом подобна той, что возникла при описании автором «Полилогии...» доминирующего базового объекта-процесса «функции, технологии», именно в социологическом, а не технико-технологическом плане. Бытовой метафорой, иносказанием, термина «функции, технологии», в предпочтении А. С. Шушарина была выбрана «работа». Это понятие, слово, широко использовалось в СССР, основу общественного устройства которого представляла градация социализм.

Подобной бытовой метафорой, иносказанием, термина «общественное познание» в социологии общественного развития является часто упоминаемая в публицистике и науке, так называемая «интеллектуальная деятельность», или «научно-исследовательская деятельность», что тождественно интеллектуальному труду или, в просторечие, - интеллектуальной работе.

5.2.2. Познание в современном философском анализе

Возможно, что название этого раздела слишком претенциозно и его следовало бы опустить до уровня понимания высшей школой, ибо здесь мы намерены лишь повторить «вечные истины азбуки» познания, которые преподают в современных гуманитарных университетах и институтах. Исходным пунктом этого краткого эссе выступит одно из важнейших свойств материального мира – отражение.

Отражение в материальном мире составляет основу всяческой ориентации в окружающей действительности, в самой действительной жизни, которое воспроизводит её, в чём собственно и состоит суть познавательного процесса и отношения к этой действительности человека. Адекватное воспроизведение окружающей реальности есть залог формирования у человека истинной и эффективной мировоззренческой позиции, знания о действительной жизни общества.

Эффективная мировоззренческая позиция и знания позволяют спланировать, организовать и реализовать некий «идеальный план» необходимой практической деятельности. Именно это, как пишут, «позволяет провести мост между сознанием и действительностью, знанием и бытием». Таким образом, знание не только постоянно создаётся и используется, но и непрерывно обновляется, совершенствуется в процессе активной жизнедеятельности человека.

В высших формах познания информация, будучи свойством материи, приобретает самодовлеющее значение как предмет и как результат этого вида жизнедеятельности, то есть познание начинает работать в сфере абстрактного. Это, во многом, сфера научно-теоретической деятельности, связанная с построением особой, научной, картины мира, отличающейся от картины мира, формируемой в обыденном сознании. При этом, в целом, отмечается, что познание, идущее от человека, будучи неотъемлемой частью его реальной жизни, неразрывно связано не только с собственно его сознанием, но и с эмоциями, волей и памятью, что предполагает также убеждённость и веру, ошибки, иллюзии и заблуждения.

В этой ситуации естественно возникает вопрос, поставленный, например, Клименко А.В. и Румыниной В. В. («Обществознание») в следующей редакции: «Способно ли **человечество, человек** как субъект познания выработать знания, являющиеся таким адекватным воспроизведением действительности, каковы основания и критерии познавательной деятельности, в процессе которой возникает и совершенствуется такое знание, - это и составляет мировоззренческую природу философского анализа познания» (выделения сделаны мною – ХАТ).

Здесь важно то, что вопрос адресуется двум субъектам познавательного процесса, - человечеству и человеку. И если

собственно «человек» есть традиционный субъект и объект изучения познавательного процесса, то познавательная деятельность человечества, или иначе общества, есть предмет нашего исследования, правда, лишь в части социологии исторического восходящего развития и функционирования общества и как части общественного воспроизводственного процесса всей действительной жизни того же общества.

При этом объектом исследования является весь, в целом, **общественный познавательный процесс**, а не протекание конкретных познавательных процессов тех или иных сторон действительной жизни.

То есть речь идёт о некой научной абстракции, выражаемой категориями метатеории «Полилогия...» и излагаемой на страницах этой книги теории общественного развития, а, главным образом, его чётко определённого этапа, - градации «Общество знания».

Познание изучается не только философией и в сфере социологии. Современный этап развития исследований в области познания характеризуется широкими и интенсивными исследованиями рядом специальных наук, что, несомненно, дополняет и обогащает понимание процессов познания в современном обществе.

В этой связи упомянем о коренных видах познания, формирующих в целом структуру познания и знания человека, - о чувственном и рациональном познании.

5.2.2.1. Знание как элемент и результат познавательной деятельности

Структура знаний обнаруживает разнообразие их типов: что такое данная вещь (предмет); в чём суть, алгоритм, той или иной деятельности; как, на основе какого алгоритмом можно реализовать тот или иной процесс (технология); в чём предназначенность данного предмета. Наконец, это критический тип знания о неизвестном, который формулирует проблемы и задачи в форме вопросов.

Знания, в основе которых лежит некая информация, осмысленная информация, в настоящее время представляют собой динамическую, интенсивно развивающуюся систему,

порождающую в современном обществе всем известный «информационный бум» и «информационный хаос».

Созидательная и преобразовательная жизнедеятельность людей неизменно связана со знанием, ибо от знания и через него люди получают необходимые «инструкции» к практическому действию в целях достижения требуемого результата сообразно складывающимся условиям. Этим самым знания не только являются частью любой жизнедеятельности, не только «сами выступают в качестве особых форм жизнедеятельности», но являются собою сам результат этой жизнедеятельности, вначале в форме некоего идеального образа, а по результатам деятельности – новым или закреплённым (подтверждённым) знанием.

Информация и знания в условиях градации «Информационное общество» были предметом доминирования и ценностью, которая рождалась в хаосе производственной информационной деятельности как главной ЧЭФ «информационная» воспроизводственного процесса. В резком отличии от этого в новом «Обществе знания» речь уже идёт об упорядочении информационного производственного процесса и процесса производства и воспроизводства знаний, то есть, в нашей терминологии, - речь идёт о процессе общественного познания в целом как общественной жизнедеятельности.

Стремительная компьютеризация всей жизнедеятельности современного общества сделало компьютеры, во многом, основным материальным инструментом и орудием труда, что резко повысило внимание общества не только к природе и сущности информации, но и к самой технологии преобразования и использования, передачи и хранению информации в компьютерах и в интеллектуальных компьютерно-информационных системах. Их основой являются специальные базы данных и базы знаний, которые необходимы для решения разнообразных задач производства, управления, социальной сферы и пр., то есть решения неисчерпаемого множества многогранной, гетерогенной, во многом мало предсказуемой конкретной жизнедеятельности общества.

Отличительной особенностью знания от информации, как уже отмечалось, является факт «осмысленного» характера знания как информации, то есть, грубо, информация, возникающая как результат мышления, есть знание. Таким образом, на вербальном

уровне общения мы, люди и общество, имеем дело со знаниями, что, однако не исключает использования и относительно знания термин «информация», когда требуется подчеркнуть относительно малый содержательный объём некоторого знания относительно прочего знания или подчеркнуть несущественность для данного момента конкретного информационного содержания этого знания. То есть часть знания есть частная информация от некоего целого знания.

Следовательно, так или иначе, информация или «часть знания» будучи осмысленны относительно своей сущности в конкретных условиях их использования, являются предметом процесса познания, на вход которого поступает информация (в самом широком понимании этого термина, в том числе и как «частного знания»), а на выходе – знание. Таким образом, процесс познания есть некий процесс преобразования одной абстрактной сущности в другую абстрактную сущность, но протекает этот процесс познания, так или иначе, на материальной почве, имеет соответствующий материальный носитель.

В данный момент мы оставляем за границами нашего интереса всевозможные процессы и закономерности, связанные с деятельностью мозга, соответствующие психические процессы, саму *психику* отдельного человека как его системного свойства. Это свойство заключается «в активном отражении субъектом объективного мира, в построении субъектом неотчуждаемой от него картины этого мира и саморегуляции на этой основе своего поведения и деятельности». Так же оставляем за границами настоящего исследования и *психологию* человека как «науку о закономерностях развития и функционирования психики как особой формы жизнедеятельности», предмет явлений которой в течении предшествующих столетий обозначался общим термином «душа».

Сущностной характеристикой психики является сознание. Рассматриваемая сама по себе, деятельность человека не является предметом психологии, как и человеческая деятельность в целом. Наше внимание и предмет исследования это социология отношений людей в обществе в процессе его исторического развития.

В данном контексте следует также заметить, что мы оставляем в стороне и проблемы «*искусственного интеллекта*» и *творчества*, которые в современную эпоху становятся важными

направлениями психологии и основаны на широком использовании кибернетических и теоретико-информационных понятий и моделей, на формализации и математизации психологии благодаря развитию компьютерной техники.

Не является предметом нашего исследования, хотя и тесно соприкасается с ним, так называемая социальная психология и психология управления, являющие собой суть человеческого фактора в развитии общества. Однако при этом, несомненно, - всё историческое развитие общества, вся социология развития общества, так или иначе, происходят с участием человека и через человека. А такие дисциплины как психология науки, которая есть «социально организованная система особого вида духовного производства, продукты которого отображают реальность в эмпирически контролируемых логических формах» особо близки, но и так же далеки, как фабрика и страна социализма, которая, по не совсем корректному выражению некоторых, работает и развивается как «единая фабрика». Нечто подобное следует сказать и в отношении такой дисциплины как психология труда и психология творчества.

В процессе общественного познания как превращения информации в знание происходит «включение знания в систему общественных связей, в культурный контекст определённой эпохи. Благодаря этому знание становится достоянием общества, а не только отдельных индивидов».

5.2.2.2. О чувственном и рациональном в познании

Изначально роль и значение этапов чувственного и рационального познания определялись позицией самого философа. С одной стороны одни отдают приоритет рациональному познанию, и предопределяют чувственное познание лишь как «механизм связи разума с материальным миром». С другой стороны - отдают приоритет эмпиризму, считая чувственное восприятие основным, единственным источником знаний. Эти противостоящие многие века друг другу точки зрения на познание как источник знания имеют место и в настоящее время. Разрешение этого противостояния имеет особое значение в исследованиях и

практической деятельности по созданию искусственного интеллекта.

Ещё в начале второй половины прошлого тысячелетия в философии Нового времени под рациональностью в познании понималась некая всеобщая логическая система совокупности правил как врождённая способность, «человеческого ума постигать мир и создавать истинные знания». Однако, признавая наличие в душе кроме рационального, разумного, начала ещё и начало эмоциональное и волевое, они допускали существование так же ложных, нерациональных и противоречащих общепринятой логике суждений и взглядов. При этом эмоции и аффекты как страсти души порождали любовь и ненависть, симпатии и антипатии, гнев и радость, в результате чего человек от использования логики рассуждений, подчиняя тем самым разум «страстям души».

Одновременно Воля человека может, как содействовать разуму и рациональным действиям, так и конфликтовать с ними.

Изначально познавательная деятельность как форма деятельности, чувственной деятельности или чувственного познания, непосредственно включена в процесс конкретного использования или преобразования материальных предметов, или социальных институтов, то есть конкретных явлений действительной жизни. Это начальный этап познания, так как:

- Во-первых. Эта форма деятельности в историческом смысле есть начальный этап, связанный с разделением труда на физический и умственный труд. Позднее умственный труд становится самостоятельным типом деятельности, и становится первоосновой исторической эпохи знания, рассматриваемой в настоящей работе.
- Во-вторых, в глобальном естественно историческом срезе, эта деятельность изначально, ибо обеспечивает контакт человека с материальным миром окружающей объективной реальности, без которого просто невозможны другие формы познавательной деятельности.

Познание окружающей среды, процессов и явлений природы, вещей, «второй природы» и её явлений, как результатов жизнедеятельности человека и общества, начинается с чувственной деятельности, с чувственного познания. Само чувственное познание связано с функционированием органов чувств, нервной

системы и мозга, с последующим возникновением ощущений и восприятий. Ощущение как отражение (осязательные, зрительные, слуховые и пр.) свойств реальности есть простейший и исходный элемент чувственного познания и человеческого сознания.

Ощущение есть первая и элементарная форма образного отражения человеком чего-либо, то есть ощущения дают (передают) человеку образ-след того «чего-либо». Этот образ-след выступает для человека, его сознания, в идеальной, абстрактной, форме отображения вещей, процессов, социальных явлений, как говорят, в их непосредственно наблюдаемой целостной форме. Это происходит потому, что для человеческого познания, и тем более в социуме, единичные как обособленные ощущения (отдельные и конкретные элементы ощущения как таковые), в противоположность сигналам от раздражителей в процессе нервного возбуждения рецепторов, не существуют.

Образно говоря, нервная система человека, его мозг и сознание настроены на «целостное образное отражение». Это отображение вещей, процессов, социальных явлений, на разных уровнях рефлексии, то есть отображение на разных уровнях обобщения и целостного образного отражения.

Следующим, более высоким уровнем обобщения и целостного образного отражения является восприятие, которое как бы синтезирует множество ощущений в восприятие. В результате этого синтезируется, не только новый образ, но и новое качество, если так можно сказать, сверх суммы качеств этих ощущений. Благодаря восприятию в сознании формируется в целостно-предметной форме некая независимая от него объективная целостность образа, - будь то вещь, процесс, предмет или социальное явление.

Восприятие это активный и творческий процесс. Оно формируется в процессе наблюдения и размышлений как активный синтез разнообразных проявлений предмета и связанных с ним явлений. В результате, наблюдая часть некоего явления, мы домысливаем, то есть, синтезируем, объединяем в целое (целостный образ) и те сопутствующие явления, которые непосредственно нам не даны в наблюдении. Поэтому наблюдая даже только сопутствующие явления, мы без затруднений связываем их с проявлением самого общего явления.

Ещё более высоким уровнем отражения, чувственного познания, является представление. Представление позволяет памяти человека удерживать целостный образ чего-либо даже тогда, когда он нами непосредственно не наблюдаем, не воспринимаем, не дан. Эта сложная форма отражения формируется в сознании человека в ходе «многократной работе механизмов восприятия», что, выражаясь образным языком просторечья, оставляет неизгладимый след в памяти человека, то есть - закрепляет в памяти многократно возникающие восприятие одного и того же наблюдаемого предмета, вещи или явления.

Что же касательно эмоций, как формы чувственного познания, то они содержат в себе элементы объективного отражения реальных связей конкретного человека в пространстве действительной жизни, а также выражают объективное отношение человека к этой жизни и данным обстоятельствам, что собственно и формирует субъективный момент, заключённый в эмоциях.

Таким образом, чувственное познание, как чувственная деятельность, есть сложная форма единства ощущений, восприятий, представлений и эмоций, которые являют собою исходные, базовые, формы мыслительной деятельности.

Известно, что индивиды, которые с рождения были изолированы от людей и общества, теряют способность к познанию, практически теряют, несмотря на наличие развитых органов чувств. Это говорит о том, что только включение человека в культуру его общества и в само общество, только общение с другими людьми формирует у отдельного человека, индивидуума, развитую способность к познанию как таковому. А это означает, что эта, вечно приходящая способность, формируется в процессе освоения культурно-исторического опыта и участия в действительной жизни общества (людей). Это приходящий результат развития человеческого сообщества в течение всего лишь в несколько десятков тысячелетий, начиная, условно говоря, с «подлинной (апополитейной) первобытности». По ряду оценок, как пишет А. С. Шушарин в «Полилогии...»:

- «... именно с концом мустьерской культуры всегда связывается появление уже неантропа, современного человека, речи (В.В. Бунак), искусства, которое, по словам Я.Я. Рогинского, «возникает только вместе с людьми современного типа, т.е. примерно на 2–2,5 млн. лет позднее, чем появились первые орудия»,

так сказать, «средства производства». С этим же позднемустье́рским временем П.П. Ефименко соотносит начало оседлости. С этим же временем связываются, наряду с проломленными черепами, обнаруженные останки индивидов, проживших годы в физически беспомощном состоянии (А.П. Назаретян). С этим же временем А.П. Окладников связывает новое отношение к умершим, выраженное в уже сложных по характеру действиях захоронения трупов, начала уже человеческой нравственности, человеческого «отношения к смерти» (одного из признаков культуры, по Л.Н. Гумилеву). И т.д.

Вместе с тем именно в то же мустье́рское время между праобщинами, по всем устойчивым данным, почти исчезли контакты, взаимовлияния, были редки миграции, преобладала замкнутость, изолированность коллективов, застойность (стагнатность), инбридинг. В то же время в конце мустье́рского периода (35 – 40 тыс. лет назад) человек уже со всей определенностью есть. Поэтому и совсем другая картина. «...Если мысленно, – как пишет Я.Я. Рогинский, – перешагнуть мустье́рское время и начало позднего палеолита», – вновь обширные миграции²⁰. Именно в этот «мутный», поневоле «перешагнутый» период «ничтожный культурный прогресс при радикальных морфофизиологических изменениях» еще предлюдей, с появлением человека современного вида сменяется на «диаметрально противоположное отношение этих тенденций», происходит резкое разбегание и организационных форм обществ (З. де Лет), и археологических эпох и т.д.

Вот этот-то неуловимый, бурный период и есть начало образования обществ...».

Эта историческая условность начала становления способности человека к познанию, условно лишь потому, что рассматривая весь исторический путь развития человека и его общества в рамках метатеории, мы начинаем его с переломной первобытности, когда, опять же условно говоря, когда «человек уже был, а общества не было», - не было даже как элементарного праобщества.

Таким образом процессы познания, в своей основе, существуют с начала становления общества и человека, то есть ведут свою историю с самого момента появления человека и возникновения общества (праобщества). При этом сами процессы познания и являющие их формы развиваются вместе с обществом,

различаясь от градации к градации, от эпохи к эпохе, не только и не столько как результат развития способностей человека, сколько как результат самого развития общества, отношений в обществе и культуры общества. Будучи зависимым от исторического опыта, процесс познания олицетворяет итог тысячелетнего развития общества и его воспроизводственной культуры.

Этот важный вывод позволяет говорить не только о познании как процессе, присущем отдельному индивиду и каждому члену общества, но и как **об общественном познании**. Грубо говоря, индивидуальное познание невозможно без существования общественного познания, оно есть его необходимый элемент, что подтверждает неоднократно высказанный тезис – всё в обществе, в конечном итоге, осуществляется через человека и посредством человека. То есть *общественное познание есть особый процесс познавательной жизнедеятельности общества*, в основе которого лежит взаимодействие людей, включённых в этот процесс и осуществляющих свой, индивидуальный, процесс познания.

Сложившиеся в сознании каждого индивидуума оценочные понятия "справедливость", «равенство», «свобода», "прогресс" и др. неизбежно включаются в процесс познания при наблюдении действий другого человека или общественных явлений (событий). Связанные с этими понятиями установки и отношения также неизбежно включаются в процесс чувственного познания и процесс корректировки, как понятий, так и восприятия происходит непрерывно в течение всей жизни человека.

Кроме того, в отличие от животных человек способен выстраивать картину мира и его образы на основе описаний, данных другими людьми, причём этот путь выстраивания картины мира является для взрослеющего человека - основным. Этот процесс познания «данной нам реальности» и окружающей действительной жизни, но уже не только отдельного человека, но и общества в целом, становится в воспроизводственной деятельности действительной жизни основным, доминирующим в градации «Общество знания», и имя этому процессу – «общественное познание». Поэтому и чувственный опыт человека в этой ситуации раздвигает свои границы постижения мира, опираясь на прямое и опосредованное взаимодействие людей, что ещё более подчёркивает универсальное значение языка межчеловеческого общения.

А это означает, что само владение языком на этапе чувственного познания, неизбежно включает в это познание и весь понятийный аппарат языка, понятия которого в сочетании с навыками их употребления, так или иначе содержат, несут с собой, весь исторический опыт «жития», аккумулируют и обобщают знания всех поколений данного общества.

Содержание конкретных понятий в языковой форме человек усваивает в процессе непосредственного участия в общественной жизни общества, погружения в культуру этого общества, несущую знания о мире. А это в свою очередь формирует и организует его чувственное познание. Вторгаясь в сферу понятий, мы, так или иначе, вторгаемся через представления и единство познавательного процесса в область рационального в познании.

Итак, отражение в форме понятия есть продукт исторического процесса познания в обществе и в его социальных группах, а шире – всего человечества. Иначе, можно сказать, что отражение в форме понятия есть продукт *общественного познания*. В процессе общественного познания понятия постоянно уточняются и изменяются, приобретают новый смысл и содержание.

Чувственное и рациональное познание («рациональное мышление»), как уже отмечалось, существуют и реализуются в единстве и во взаимодействии. В этом сложном взаимодействии можно выделить два типа жизнедеятельности.

Первый тип это, условно говоря, материальная жизнедеятельность, которая реализуется преимущественно в подпроцессах от ЧЭФ «переломная первобытность» до ЧЭФ «функциональная». То есть эта жизнедеятельность реализуется в подпроцессах сферы материального, которые характерны для эпох человека, работника и индустрии (рис. 5.1).

Второй тип жизнедеятельности это абстрактная (идеальная) жизнедеятельность, которая преимущественно реализуется в подпроцессах ЧЭФ «информационная» и ЧЭФ «общественное познание». Эти подпроцессы характерны для сферы идеального (абстрактного) эпохи знания и эпохи мудрости (рис. 5.1). Сама жизнедеятельность ориентирована в основном на получение информации и создание новых знаний, то есть, как говорят, на «продуцирование понятий, то есть теоретическая деятельность как особый вид умственного труда».

Упомянутая материальная жизнедеятельность или, как часто говорят, «практическая деятельность» характеризуется наличием регулярного «непосредственного контакта органов чувств с предметами и явлениями природы и общества» и соответственно с мышлением и понятиями. В отличие от неё абстрактная (идеальная) жизнедеятельность или, как часто говорят, «теоретическая деятельность» характеризуется использованием чувственно-образных элементов и сложнейших образов, которые, что естественно (по определению), находятся в тесной и многогранной связи со всеми формами материальной жизнедеятельности.

Итак, что же такое за термин «понятие», которым мы уже неоднократно пользовались?

Как выше было сказано, в процессе познания роль языка чрезвычайно важна, ибо является основой понятийного мышления – мышления в понятиях.

5.2.2.3. Понятие в языке и в познании

В процессах воспроизводства различных вещей, предметов и их использования, а равно трансформации общественных отношений общество накапливает всё новые и новые знания о себе и окружающем мире.

Анализируя эти знания в процессе их практического применения, общество неизбежно обнаруживает, что за всей этой конкретикой тех или иных групп (общностей) предметов или явлений, их отношений, стоит нечто общее свойственное всем, но не нарушающее их конкретность и особость. Эта общность, свойственная всем объектам (вещам, процессам, предметам, явлениям, отношениям) той или иной группы значительно усиливает познавательную мощь человеческого интеллекта, повышает эффективность воспроизводственной жизнедеятельности общества.

Такая, спонтанно или намеренно выявляемая общность находит своё отражение в появлении новых слов. Эти новые слова отражают, то есть несут в себе некие, соответствующие данной общности свойства и отношения и способы их использования, а для явлений, протекающих в социуме, – некий срез общественных отношений в обществе. Очевидно, что это обобщение свойств происходит, по определению, в обобщённой форме. То есть, это

уже не некие конкретные объекты действительной жизни, а некие абстракции, но той же действительной жизни.

Однако, как и лежащие в материальной основе бытия предметы, процессы, явления и отношения, эти абстрактные объекты, именуемые понятиями, так же «требуют» их изучения и формирования на их основе нового знания. Теперь уже новые общности идеальных объектов, становятся главным объектом познания. Так неизбежно возникает уже мышление в понятиях, которое является высшим уровнем мышления.

В общем, процесс познания, начинаясь с изучения конкретных материальных объектов и явлений реального мира, их объективно данных качеств, признаков и свойств, постепенно как бы удаляется от них и переходит в область идеального как объективного представления в исходных понятиях и образах, как отражения этого конкретного. В этом «удалённом» от конкретной реальности мире человек продолжает активную индивидуальную и общественную познавательную деятельность. Он, мысленно и в общении сопоставляя объекты, явления и процессы, представленные уже в понятиях и представлениях, виртуально сталкивает и сопоставляет, сравнивает и уподобляет их, ища общее и подобное, новые свойства и отношения. В этом мысленном срезе объектов и явлений, представленных лишь своей идеальной формой в мышлении человека и общества, постигается то, что крайне сложно и ли невозможно осуществить в непосредственно чувственном восприятии в реальном мире конкретных объектов.

В результате такого мысленного экспериментирования рождаются образы и новые понятия неких новых, но уже полностью абстрактных, идеальных, объектов и отношений, предметов и явлений, которых объективно нет в этом окружающем нас и наблюдаемом нами мире. Однако эти новые понятия (слова!) и стоящие за ними абстрактные объекты, явления и отношения жизненно важны и нужны человеку и обществу, ибо не только служат опорой в познавательной деятельности человека и общества, но являются неким инструментом этого познания.

Формирование базовых понятий есть процесс исторический и постепенный, связанный с многократным повторением одних и тех же логических операции мыслительной деятельности в процессе сравнения, различения и сопоставления, анализа, физического и мысленного взаимодействия с подобными объектами

действительного мира. В результате в сознании человека и общества остаётся некий след, свободный от индивидуальности всех участвовавших в этих процессах людей, свободный от несущественного и второстепенного в этом познании, в общественном познании. Так образуется некая обобщённая форма данной типологии и несущая объективно значимое содержание для людей и общества. Этот след есть отражение некоего абстрактного, в реальной конкретности не существующего, но обладающего основными существенными чертами многих, - или объектов, или явлений, или отношений, или также абстрактных понятий.

Так, например, каждого из множества конкретных людей объединяет вполне абстрактное понятие «человек», но нечто подобного, такого как человек, просто не существует. Это понятие выделяет вполне определённый вид животных из всего мира живых существ – людей. Люди, в частности, обладают таким уникальным свойством нервной системы как мышление. Однако среди людей нет такого животного, объекта, как «человек». Есть мужчины и женщины, есть дети и старики, а «человека» нет, это абстракция.

Таким образом, за каждым понятием скрывается вполне определённая сумма знаний об окружающем мире и о нас, о нашем отношении и понимании этого мира. Эти слова-понятия выступают как аббревиатура некоторой накопленной и аккумулируемой суммы знаний в итоге тысячелетнего опыта человечества и данного общества.

Базовые понятия, так или иначе, являются понятиями, сформированными в результате чувственного познания и образного отражения окружающей действительности. В то же время, образную форму имеют даже такие «абстракции» как, например, «родина», «мой дом». Эти понятия вместе с индивидуальной для каждого человека образностью, несут и такие обобщения, как просто «место рождения» и «проживания», то есть обобщения, лишённые черт конкретности. Это уже некоторые переходные формы от конкретно чувственных понятий к понятиям чисто абстрактным, например, как в математике: функция, интеграл, свёртка, поле и т.д.

5.2.2.4. Абстракции, творчество и интуиция

Мысленное отвлечение от тех или иных сторон рассматриваемых конкретных (данных) явлений, предметов,

объектов и отношений называется абстрагированием. То есть за каждой абстракцией стоит некое множество, скажем так, менее абстрактных явлений, предметов, объектов и отношений (одного типа или класса), имеющих более низкий уровень обобщения, или просто некоторые конкретности реального мира. Эта мыслительная жизнедеятельность, связанная с «отвлечением», анализом и синтезом, объединением и поиском единства демонстрирует удивительный феномен силы и активности человеческого познания, общественного познания, их мощи в поиске типовых отношений этого единства и различия.

Это, можно сказать, так же и удел каждого человека и всех людей, живущих в обществе. Знание этих отношений необходимы человеку в его ежедневной жизнедеятельности, ибо они определяют исходные предпосылки и получаемый результат, которые есть следствие объективных закономерностей реального мира и всей действительной жизни общества. Дальнейшее разделение труда, в конце концов, выделило и продолжает выделять процесс познания в самостоятельную деятельность, как отдельного человека, так и общества в целом в форме общественного воспроизводственного процесса познания.

Одним из важных познавательных процессов есть познание отношений количества. Этот процесс математизации знания постепенно сформировался в виде ряда математических наук и стал во многом двигателем научно-технического прогресса в обществе. В математике человек полностью абстрагируется от материального мира, создавая некие числовые объекты, он начинает оперировать с этими, лишёнными плоти, объектами и создаёт уже новые такие же абстрактные объекты в виде формул, математических зависимостей, функций и т.п., обретая при этом новые знания и понимание материального мира сквозь «призму» математического мышления.

С позиций теории познания важно отметить, что спектр понятий, в которых мыслит человек и результатов познания (в понятиях), которые получает он в процессе этой мыслительной жизнедеятельности, весьма широк. Диапазон этих понятий простирается от элементарной типологии вещей, предметов, явлений, объектов и процессов, используемых в быту и каждодневной жизнедеятельности, до целостных научных концепций, идей, теорий, мировоззренческих позиций.

Наглядным примером элементарной типологии вещей является одно из основных положений изучаемой теории развития общества, полилогии, о типологическом логическом делении элементарного состава действительной жизни общества. Известно, что действительная жизнь общества состоит из таких типологических объектов как человек, общая жизнь, работник, пространство производства, средства производства, функции и технологии, информация и знания, общественное познание и др. В связи с этим можно сказать, что автор метатеории полилогия, начав с элементарной типологии объектов действительной жизни, разработал целостную научную теорию.

Кроме того, теоретическое знание, наряду с практикой и с культурно-бытовым конкретным опытом житейского существования, имеет своей целью непосредственно производство и воспроизводство, как теоретического знания, так и самого воспроизводственного процесса общественного познания и знания вообще, его накопление, хранения, распространения, передачу и обучение знаниям. В данном контексте особый интерес представляет примечание, сделанное в одном из обычных учебных пособий к вышесказанному: *«Это и есть специальная деятельность по созданию общих понятий, идей, принципов, которая в масштабах общества так или иначе организована в особый процесс»*.

Хотели этого авторы пособия или нет, но они отметили весьма важное в организации познания, а именно, - существование в обществе особого типа производств и воспроизводства действительной жизни, который в нашем исследовании именуется как типологический подпроцесс, как чистая эндогенная форма (ЧЭФ) «общественное познание». В качестве объекта воспроизводства здесь выступает «специальная деятельность» - объект-процесс «общественное познание».

Однако помимо процесса рационального познание, общество в своей жизнедеятельности активно опирается и на нерациональные процессы, процедуры, операции, которые осуществляются, как принято выражаться ещё со времён К. Маркса, «независимо от воли и сознания людей». Эта нерациональность, так или иначе, также связана с мозговыми биопроцессами и основывается на ряде биосоциальных закономерностей, которые собственно и образуют,

служат основой уже такой человеческой способности как творчество и интуиция.

Творческий процесс познания, как правило, происходит в ситуациях, далёких от рационального осознания, в быстропротекающих явлениях и нестандартных обстоятельствах. Этот путь познания так же способен на выработку соответствующих эффективных решений и результатов, хотя и получаемых в условиях отсутствия сколь-нибудь состоятельных обоснований и доказательств. Получаемые таким образом решения и результаты относят к категории «нестандартных решений», а сам процесс такого рода познания называют творчеством.

Считают, что рациональное познание, в частности научное познание, есть, как максимум, всего лишь удел таланта, тогда как лишь гений способен на подлинное творчество. При этом часто творчество рассматривают как атрибут, удел, жизнедеятельности «пророков», философов, художников, творцов нового. Отличительной чертой творчества является неповторимость самой процедуры познания, получаемых решений и результатов, что, разумеется, несовместимо с рациональным познанием.

Очевидно, что творчество (творческое познание) основано на неустойчивых, а порою и спонтанных, вплоть до случайности, связях и операциях в биофизических и нейрофизиологических структурах мозга и в его функциональной архитектонике. Несомненна здесь и важная роль чувственных образов и абстракций, а также внутренних процессов различных участков мозга в связи с переработкой знаковой и чувственной информации, хранением и установлением связей вызов хранимой информации из памяти, а также произвольной группировкой и комбинированием всевозможных образов и абстрактных знаний, «следов прошлого».

Большую роль в познании как сложнейшем процессе переработки и обработки информации принадлежит памяти, то есть хранению информации и знаний. Память обеспечивает сохранность типовых приёмов решения возникающих задач, что и являются базой, основой рационального познания. Для решения принципиально новых задач и оценки нестандартных ситуаций высокой сложности одного только рационального познания недостаточно, - здесь необходимо творческое начало, которое в состоянии выйти за пределы имеющегося рационального понимания действительной жизни и окружающей реальности мироздания.

Таким образом, процесс познания един, и его рациональная часть не противостоит творческой части и одно дополняет другое в зависимости от сложности познаваемых объектов, явлений, предметов и процессов, различных уровней абстрактных понятий, а также особенностей мышления и свойств самого субъекта процесса познания. То есть, строго говоря, творчество не иррационально и не противостоит рациональности, не отрицает её.

Творчество, подобно методу «проб и ошибок», прокладывает путь для становления рационального мышления и познания.

С самого рождения, с раннего детства человек начинает свою жизнь как творец, он непрерывно занят творчеством, познавая окружающий его мир, осваивая язык и культуру своей семьи, своего народа и своей страны. И хотя это знание во многом является для общества и его взрослых субъектов известным и даже проверенным, но для нового человека, нового растущего члена общества и его субъекта оно ново во всех отношениях. Поэтому, образно говоря, любой человек помимо его воли и его сознания обречён на творчество, живя в обществе, ибо без этого творчества и самой среды этого общества он не может состояться, как человек. В отсутствие творчества, или хотя бы самой среды общества, даже, несмотря на его мощный мозг, он так и остаётся человекообразным животным.

Конечно, потенции человека к познанию подавляюще велики по сравнению с прочими животными. Однако без общества, особенно на этапе от рождения до взросления, человекообразное существо не способно к восхождению к человеку, именно к человеку как члену общества, к социальному человеку. То есть человек с его индивидуальным мышлением и способностью к познанию есть результат общественного познания, что ещё раз напоминает нам об органическом единстве этих процессов познания.

Одним из важнейших механизмов творчества является интуиция. Интуиция, согласно психологии, есть «знание, возникающее без осознания путей и условий его получения, в силу чего субъект имеет его как результат «непосредственного усмотрения». Интуиция трактуется и как специфическая способность (например, художественная или научная интуиция), и как «целостное охватывание условий *проблемной ситуации* (чувственная интуиция, интеллектуальная интуиция), и как механизм творческой деятельности (творческая интуиция)...».

Следует отметить, что относительно интуиции и творчества наука очень мало преуспела в понимании её природы и механизмов, а также и в полном «описании системы правил». В то же время вполне чётко сегодня выделяются узловые этапы протекания интуитивных и творческих процессов познания:

- накопление и явно неосознаваемое распределение образов и абстракций в «блоках» памяти;
- комбинирование и явно неосознаваемая переработка некоторого объёма накопленных абстракций (информации, знаний), образов и правил;
- осознание задачи;
- спонтанное, для данного человека, нахождение решения;
- почти полная «неуправляемость» процессом познания в целом (случайность получения требуемого решения по месту, времени и форме).

Образно говоря, интуиция и творчество есть дальнейшее погружение человека и общества в сферу суперабстрактного, пока мало осознаваемого обществом в форме «системы правил».

С другой, с физиологической, стороны, известно, что познавательная деятельность человека есть результат жизнедеятельности мозга. В мозге правое полушарие главным образом обрабатывает и хранит информацию, ведущую в основном к формированию чувственных образов, тогда как левое полушарие мозга «осуществляет абстрагирование, вырабатывает понятия, суждения, придаёт информации смысл и значение, вырабатывает и хранит рациональные, в том числе логические, правила». Целостность процесса познания обеспечивается совместным функционированием обеих полушарий мозга как результат их взаимодействия.

5.2.2.5. Объяснение и истинность в познании

Право-левая асимметрия чувственного и абстрактно-рационального познания возникает и формируется в процессе воспитания и обучения, фиксируется в возрасте 4-5-и лет и связана с процессом предметно-практической деятельности, то есть возникает на социально-психологической основе.

Многие исследователи склонны считать, что в естественных науках основным методом познания является *объяснение*, а

понимание это основной метод в науках о культуре и человеке. В естествознании главенствует стремление установить законы явлений и затем уже на основе полученных эмпирических знаний, как едином целостном знании, объяснять те или иные явления. Само же объяснение в целом возможно лишь при адекватном применении знаний, то есть основано на понимании этих знаний.

С другой стороны науки об обществе так же отражают объективные законы общественного развития и используются для объяснения социально-исторических явлений. Понимание взглядов, мнений, убеждений конкретных людей, и даже самих себя, - сложная задача. Поэтому совсем не редко от человека, общество, группа лиц или другой человек, требуют объяснение его неких не укладывающихся в их понимание действий и поступков. Таким образом, объяснение и понимание есть взаимосвязанные и взаимодополняющие друг друга процессы, методы познания.

Структура познания неоднородна, неоднородны и объяснения, которые принято определять через вопросы. Объяснения различаются следующим образом:

- а) объяснения, отвечающие на вопрос, как устроен объект;
- б) объяснения, отвечающие на вопрос, как действует и функционирует объект;
- в) объяснения, отвечающие на вопрос, почему возникло данное явление, каковы его последствия.

Суть объяснения заключается в использовании существующих знаний для выявления «логики» объясняемого, при этом реализуется процедура последовательного перехода от общих знаний к узкоконкретным знаниям. В зависимости от ситуации и субъекта восприятия объяснения даже для одного и того же явления или объекта могут использоваться совершенно различные наборы элементов объяснения, в том числе различные факты, теоретические положения, концепции и законы. Каждый из этого состава элементов как неких «*концептов*» должен быть доступен для понимания адресату.

Философия познания и понимания непосредственно опирается вопрос об истинности знания, ибо наши знания, как всего лишь отражение окружающего мира, относительно, как в части самой реальности, так и относительно их конкретно-исторического проявления. Истинность важна не только сама по себе, но и в объяснениях предвосхищающих будущее, то есть – в

предвидениях. И если объяснение непосредственно связано с прошлым, то предвидение (предсказание) описывает будущее, то, что ещё только должно произойти, опираясь на факты и закономерности, события и процессы, ранее имевшие место.

Предвидение как предсказание, а точнее – прогнозирование, это традиционная основа для планирования в хозяйственной и социальной практики жизнедеятельности общества, залог эффективности последующего развития.

Таким образом, только на понимании возможно существование истинного предсказания, прогноза. Первым же этапом в понимании является объяснение, ибо, как говорят, объяснить можно только то, что понятно. И если что-то нам непонятно, и мы не в состоянии это объяснить, то это говорит о том, что у нас нет знаний, знания отсутствуют, по этому «что-то», будь то явление, объект, процесс, отношения и пр.

Достаточно очевидно, что чтобы понять целое нужно понять его составные части, связи и процессы, однако и их понимание невозможно без знания целого как единого, единичного. Поэтому понимание это сложный спиралеобразный процесс, не ограничивающийся одноразовым актом познания, а длительный и сложный процесс восхождения к знанию. На этом пути идёт непрерывная работа, включающая множество различных логических и чисто интуитивных операций и процедур по преобразованию исходной информации, знания:

- интерпретация – толкование, раскрытие смысла, разъяснение полученной информации, как правило, это первый шаг познания - «приписывание информации смысла и значения»;
- повторная интерпретация - уточнение предшествующего смысла информации и соответствующая корректировка толкования, раскрытия смысла и значения;
- конвергенция разрозненных, но близких понятий и смыслов по сходным признакам, объединение и слияние их;
- дивергенция противоречивых понятий, то есть разделение, разъединение, прежде единого смысла на различные отдельные смыслы и понятия;
- конверсия - коренное изменение понятия и смысла путём некоторого преобразования;
- и др.

Многokратные преобразования информации с выделением характерных и ограниченной группы свойств в процессе познания в движении от конкретного знания (незнания) к общему знанию порождает всё более высокие уровни абстракции, ведёт к новым концептуальным схемам, а также, горизонтально, к накоплению новых понятий в исходном, в конкретном. Постоянное разрешение смысловых противоречий есть путь восходящего развития познания окружающей реальности, самой действительной жизни общества.

В целом понимание есть творческий процесс познания, есть вечное движение мышления человека от интуитивного познания к рациональному познанию и знанию.

В заключение несколько более подробно остановимся на проблеме истинности в познании.

Очевидно, что только истинное знание, как знание, соответствующее (правдоподобное) действительности и как объективное содержание эмпирического опыта и теоретического познания, в состоянии обеспечить эффективное взаимодействие и преобразование среды и действительной жизни общества. То есть проблема истинности знания, соответствия, что такое истина, есть проблема отношения знания к объективной реальности. В мире вещей и физических образов установление этого соответствия в отношении какой-либо совокупности свойств достаточно очевидно и просто. Однако в мире высокого уровня абстракций, например, знаковых форм и языка, выражающих некие знания в сознании других людей, установить соответствие этих знаний самим физическим процессам или историческим событиям, а также социальным объектам и явлениям, весьма затруднительно. Это связано, с одной стороны, с физиобиологической структурой человека и его нервной системы (мозга) и мышлением, с социальной организацией людей, с исторической эпохой и пр. С другой стороны, это связано с самим характером объективной реальности, то есть с характером объектов, процессов, явлений и отношений окружающего мира.

Это взаимосвязанные стороны истинности познания, поэтому главным вопросом истинности становится сама возможность выделения в знаниях содержания, не зависящего от конкретного человека, ни от общества (человечества). То есть, точнее, можем ли

мы определить меру этого соответствия знания самому содержанию объективной реальности?

Процесс, который включает в себя эти стороны познания, есть практика, практическая деятельность и жизнедеятельность человека и общества по воспроизводству и преобразованию окружающего мира и самой действительной жизни. Этот процесс протекает во времени и в самом пространстве, в самом теле, этой объективной реальности. Сознание и реальность существуют и работают здесь совместно, неизбежно притираясь друг к другу, что и порождает искомое соответствие и чем дольше и активнее идёт эта притирка, тем больше мера их соответствия, тем ближе в познании сознание человека (и общества!) к истине, тем более близки их знания к истине.

Однако при этом и сама доступная нам истина не стоит на месте. Она изменяется и развивается вместе с практикой во времени и пространстве, ибо:

- непрерывно изменяется и развивается объективная реальность, отражаемая в знании;
- непрерывно изменяется и развивается практика как источник познания и весь инструментарий познания;
- непрерывно изменяется и развивается сами знания, черпаемые из практики и ею же проверяемые.

Истина это развивающийся процесс познания, когда доля объективного содержания непрерывно возрастает относительно прежних представлений, но, как правило, она не всегда соответствует объективной реальности, а лишь асимптотически к ней приближается. Знания, несомненно, зависят от субъекта познания, но чем выше их объективное содержание, тем всё более они независимы от человека и его сознания, от общества и коллективного интеллекта.

Таким образом, форма выражения истины объективно зависит от конкретных исторических условий и достигнутого уровня познания, что позволяет называть её относительной истиной. Истина всегда относительна, ибо, как говорят, - «нельзя объять необъятное».

В то же время, заявляя об относительности истины, следует отметить необходимость введения и существование категории «абсолютная истина», которую следует понимать как полное, исчерпывающее знание о чём-либо. Здесь будет весьма уместен

образ из математики о пределе некоторой функции, асимптотически, неограниченно, приближающейся к некоторому значению, как предполагаемому результату бесконечного процесса познания. Поэтому само познание представляется и проявляется как процесс движения от прежних относительных форм объективной истины к новым, как путь движения к некому предельному состоянию, выражаемого абсолютной истиной. Истина - это вечный процесс познавания.

Знание имплицитно и строится по некоторой системе правил, поэтому всегда можно извлечь из знания определённый результат, указания и рекомендации или нормы жизнедеятельности (поведения). То есть знание содержит отношения между суждениями (посылкой и выводом) по формуле: «если..., то...» или отношение между однородными понятиями большего и меньшего объёма (включение).

Наконец часто в нашей обширной жизнедеятельности возникает вопрос о так называемой «полезности» знания. Очевидно, что это совершенно иной срез познания, отличный от истинности знания. Поэтому, можно сказать, что не всякое истинное знание полезно, как и не всякое полезное знание истинно. Однако в конкретных жизненных коллизиях приоритет может быть отдан как одной так другой стороне знания, ибо знание конкретно, а ценности истинности и полезности относительны.

Вполне возможны ситуации, когда знание намеренно или бессознательно искажаются, ибо это оказывается полезным определённым социальным группам и лицам. Такие коллизии часто возникают в сфере социальных оценок исторических фактов, связанных с политическими проблемами, проблемами идеологии и мировоззрения. Поэтому историческая истина часто пониматься так, как это выгодно большинству общества, если оно свободно в выражении своих суждений, и, наоборот, понимается так, как это требуется отдельным властным группам, если власть ими узурпирована. Этот критический момент социального познания особенно важен при реализации тех или иных коренных перемен и трансформаций, связанных с социально-воспроизводственным переустройством общества, смены общественного строя или способа производства.

5.2.3. Познание как особая форма движения материи

Итак, несомненно - познание - это процесс, то есть некое движение, преобразование, трансформация и т. д., но чего? Что движется, чем наполнен этот процесс познания? - Попытаемся кратко ответить на эти вопросы.

Начнём с «элементарного», с изложенного в предыдущем разделе понимания этого процесса как жизнедеятельности отдельного человека на базе его первой и второй сигнальных систем (С.с.). Согласно психологическому словарю это - *«способы регуляции поведения живых существ в окружающем мире, свойства которого воспринимаются головным мозгом в виде сигналов, либо непосредственно улавливаемых органами чувств как ощущения цвета, звука, запаха и др. (1-я С.с.), либо представленных в знаковой системе языка (2-я С.с.)»*. При этом ориентация на **речь** *«связана с преобразованием понятия о сигнале в понятие о знаке как наделённой значением единице интеллектуальной активности человека (слово обобщает, абстрагирует и т.д.)»*. Знаки выступают *«в виде носителей культурных смыслов, охватывая наряду с речевыми другие виды знаковых отношений (музыкальные звуки, рисунки, выразительные движения и пр.)»*.

То есть в понимании психологии (наука о закономерностях развития и функционирования **психики** как особой формы жизнедеятельности, которое в течение столетий понималось как изучение объекта, обозначаемого общим термином **«душа»**): *«Взаимодействие живых существ с окружающим миром реализуется посредством качественно отличных от физиологических, но неотделимых от них психических процессов, актов, состояний»*.

В этой словарной цитате мною подчёркнуто слово «неотделимо», что позволяет продолжить, изложенную ещё в книге «Теория информационного общества...», философскую оценку информации как свойства материи, распространив ее на психические процессы, на само мышление и сознание, в целом на процесс познания, которые так же как и свойство «информация» неотделимы от материи. Эта материя, согласно социологии, науке об обществе как целостной системы, есть общество и человек.

Таким образом, процесс познания, или просто – познание, есть всего лишь особое свойство движущейся высокоорганизованной материи биологической природы, имя которой общество, человек. Разумеется, если так можно сказать, речь идёт о некоем внутреннем движении этого материального субстрата – органов чувств и высших нервных центров человека и общества как формы его существования.

Затронув тему «субстрата», следовало бы более подробно поговорить и об искусственном интеллекте, но осветим эту тему позднее, заметив лишь, что мы изучаем не субстрат, а его свойства, то есть в определённой мере безотносительно к субстрату.

И ещё, искусственный интеллект как свойство определённым образом организованного «вещного» субстрата есть известное продолжение человека, его плоти, во «вне», во внешний мир. В этой связи, несомненно, всплывают проблемы, рассматриваемые в модном публичном околонаучном течении трансгуманизма. Будущие горизонты этой тематики весьма захватывающи и в определённой степени вписываются в полилогию развития общества в её расширенной трактовке как одна из ветвей филогенетического дерева живой материи («родословного дерева жизни»), но уже на уровне, как принято говорить, её «второй природы». Последнее есть так же и одно из направлений современного трансгуманизма.

Следует заметить, что «вторая природа» есть, по сути, новая спираль суперглобального развития материи по сложности, как перехода от органической формы живого к неорганической, «рукотворной» форме, которая в логике развития живого и послужила его исходной материальной базой (а, если допустимо так писать, то и «минеральной» базой). В этом смысле трансгуманизм отражает в зреющей суперглобальной бифуркации общественного развития одну из возможных траекторий будущего человечества.

Итак, познание есть особая, внутренняя, форма движения материи (атрибут её внутреннего движения), заключающаяся во взаимодействии смыслов и «чувств» как свойств, то есть неких абстракций, материального мира. Здесь можно было бы добавить и слова «живого и неживого мира», но учитывая, что это затрагивает проблему искусственного интеллекта и его смыслов, оставим эту проблему для отдельного, самостоятельного рассмотрения.

В результате мыслительных операций нашего сознания, происходит абстрагирование от конкретной материальной субстанции внешнего мира, эта форма (структура) «материального» процесса приобретает в нашем мышлении (семантическом обороте, языке) самостоятельное, самодовлеющее значение (особую форму мышления) и далее рассматривается как вполне самостоятельный объект-процесс реального мира.

Однако на определённом этапе построения этого абстрактного мира процессов, объектов-процессов, и отношений это не важно, хотя «самостоятельное и самодовлеющее» создают скользкую почву в деле материалистического восприятия окружающего нас мира и самой действительной жизни. Так возникает и упомянутая абракадабра - «идеальная реальность». «Реальность» материальна, однако при этом не лишена своих свойств, а так называемая «идеальная реальность» есть всего лишь её свойство, лишённое в материальном мире самостоятельного существования. Забвение этого неизбежно приводит к возникновению, так называемой, «*виртуальной реальности*» и «*гиперреальности*». Такого рода «реальности» понимаются, например, французским культурологом и социологом Ж. Бодрийяром как *«особый мир, мир моделей и симулякров, никак не соотносимых с реальностью, но воспринимаемых гораздо реальнее, чем сама реальность, - ЭТОТ мир, который основывается лишь только на самом себе»* (Ильин И., Постмодернизм. Словарь терминов / И. Ильин. – 2001. – с. 257).

Поэтому неизбежно, с другой стороны, при рассмотрении различных аспектов познания, взаимодействия агентов в процессе познания и самих познавательных процессов приходится постоянно обращаться к вопросам, связанным с выяснением и анализом самих «носителей» соответствующих познавательных процессов. При этом имеются ввиду процессы как вне человека, то есть в обществе, так и «внутри» человека. Это «внутри» есть биологические и нейрофизиологические, а также внутриклеточные процессы головного мозга и центральной нервной системы.

Выше нами были в общем виде изложены процессы познания с позиций психики человека, поэтому ниже мы углубимся уже в саму физиологию этого процесса пользуясь одним из множества учебных пособий по физиологии человека («Физиология человека» под ред. В.М.Покровского и Г. Ф. Коротько - <http://medcominfo.narod.ru/447/index.htm>).

5.2.3.1. Физиология познания

*«Физиология (от греч. *physis* – природа и *logos* – учение) – наука о природе, о существе жизненных процессов. Физиология изучает жизнедеятельность организма и отдельных его частей: клеток, тканей, органов, систем. Предметом изучения физиологии являются функции живого организма, их связь между собой, регуляция и приспособление к внешней среде, происхождение и становление в процессе эволюции и индивидуального развития особи.*

*Физиологическая функция (*functio* – деятельность) – проявления жизнедеятельности организма и его частей, имеющие приспособительное значение и направленные на достижение полезного результата. В основе функции лежит обмен веществ, энергии и информации».*

Достижения в области биохимии, молекулярной биологии, биофизики клеточных мембран позволили понять и объяснить ряд ранее недоступных для познания частных механизмов жизнедеятельности, в том числе и тех, которые непосредственно связаны с познавательной, интеллектуальной, жизнедеятельностью человека.

Вторгаясь в эти области знания, мы преследуем всего лишь одну цель, а именно, - показать, что в целом процесс познания, несмотря на высокие категории и абстракции социологии развития общества, есть процесс сугубо материальный. Эта материальность, в рамках данного «углубления», сводится к молекулярному уровню взаимодействия материальной плоти человека на основе обмена веществ, энергии и информации. Позволим себе заметить, что и на этом, почти предельном уровне взаимодействия (далее следует лишь внутриатомная структура материи и разнообразные физические поля), изучаемая нами информация и информационные процессы, их формы представления, в частности процессы познания, сводятся к «элементарным» формам, которые в конечном итоге и порождают высокий уровень абстракции общественного познания.

Проиллюстрируем это краткими выдержками из упомянутого пособия, которые в основном сконцентрированы в главе об интегральной деятельности мозга. Однако начнём почти с самого начала, - с управления функциями в живых организмах.

5.2.3.2. Управление функциями в живых организмах

«Организм как единое целое может существовать только при условии, когда составляющие его органы и ткани функционируют с такой интенсивностью и в таком объёме, которые обеспечивают адекватное уравнивание со средой обитания. ...»

Управление, или регуляция, в живых организмах представляет собой совокупность процессов, обеспечивающих необходимые режимы функционирования, достижение определённых целей или полезных для организма приспособительных результатов. Управление возможно при наличии взаимосвязи органов и систем организма. Процессы регуляции охватывают все уровни организации системы: молекулярный, субклеточный, клеточный, органный, системный, организменный, надорганизменный (популяционный, экосистемный, биосферный). ...»

Принципы управления. С позиций медицинской кибернетики, управление в живых организмах осуществляется управляющей системой. Она включает в себя датчики, воспринимающие информацию на входе (сенсорные рецепторы) и выходе (рецепторы исполнительных структур) системы, входные и выходные каналы связи (жидкие среды организма, нервные проводники), управляющее устройство (центральная нервная система), частью которого является запоминающее устройство (аппараты памяти). Информация, фиксированная в аппаратах памяти, определяет «настройку» системы управления на переработку определённых сведений, поставляемых через каналы связи.

<...>

Механизмы управления. Условно можно разделить на гуморальный и нервный.

Гуморальный механизм управления предусматривает изменение физиологической активности органов и систем под влиянием химических веществ, доставляемых через жидкие среды организма (интерстициальная жидкость, лимфа, кровь, цереброспинальная жидкость и др.). Гуморальный механизм управления является древнейшей формой взаимодействия клеток, органов и систем, поэтому в организме человека и высших животных можно найти различные варианты гуморального механизма регуляции, отражающие в известной мере его эволюцию.

<...>

Нервный механизм управления предусматривает изменение физиологических функций под влиянием управляющих воздействий, передаваемых из центральной нервной системы по нервным волокнам к органам и системам организма. Нервный механизм является более поздним продуктом эволюции по сравнению с гуморальным, он более сложен и более совершенен.

<...>

Средства управления. Управление физиологическими функциями осуществляется посредством передачи информации. Информация может содержать сообщение о наличии возмущающих воздействий, отклонение функций. Она передаётся по афферентным (чувствительным) каналам связи. Информация, передаваемая по эфферентным (исполнительным) каналам связи, содержит сообщение о том, какие функции и в каком направлении следует изменять.

Гуморальный механизм в качестве средств управления и передачи информации использует химические вещества – продукты обмена веществ, простагландины, регуляторные пептиды, гормоны и др. Так, накопление молочной кислоты в мышцах при физической нагрузке является источником информации о недостатке кислорода.

Нервный механизм в качестве средства управления, передачи информации использует потенциалы возбуждения (ПД, импульсы), которые объединяются в определённые паттерны («рисунки» возбуждения) по частоте, набору в «пачках», характеристикам межимпульсных интервалов и кодируют необходимую информацию.

<...>

Формы управления. Гуморальный и нервный механизмы предусматривают использование нескольких форм управления. Аутокринная, паракринная и гуморальная формы характерны для эволюционно более древнего механизма.

<...>

В основе нервного механизма управления лежит рефлекс – ответная реакция организма на изменения внутренней и внешней среды, осуществляемая при участии центральной нервной системы».

5.2.3.3. Интегративная деятельность головного мозга человека. Физиологические механизмы памяти

«Кора большого мозга и ближайшие к ней подкорковые структуры являются высшим отделом ЦНС человека и животных. Основная функция этого отдела – осуществление сложных поведенческих реакций организма (поведения), составляющих основу высшей нервной деятельности.

<...>

В формировании и осуществлении высших функций мозга очень важное значение имеет общебиологическое свойство фиксации, хранения и воспроизведения информации, объединяемое понятием память. Память как основа процессов обучения и мышления включает в себя четыре тесно связанных между собой процесса: запоминание, хранение, узнавание, воспроизведение.

<...>

В результате процесса научения возникают физические, химические и морфологические изменения в нервных структурах, которые сохраняются некоторое время и оказывают существенное влияние на осуществляемые организмом рефлекторные реакции. Совокупность таких структурно-функциональных изменений в нервных образованиях, известная под названием «энграмма» (след) действующих раздражителей становится важным фактором, определяющим все разнообразие приспособительного адаптивного поведения организма.

Виды памяти классифицируют по форме проявления (образная, эмоциональная, логическая, или словесно-логическая), по временной характеристике, или продолжительности (мгновенная, кратковременная, долговременная).

<...>

Мгновенная (иконическая) память заключается в образовании мгновенного отпечатка, следа действующего стимула в рецепторной структуре. Этот отпечаток, или соответствующая физико-химическая энграмма внешнего стимула, отличается высокой информативностью, полнотой признаков, свойств (отсюда и название «иконическая память», т. е. четко проработанное в деталях отражение) действующего сигнала, но и высокой скоростью угасания (хранится не более 100–150 мс, если не подкрепляется, не усиливается повторным или продолжающимся стимулом).

<...>

При достаточной силе действующего стимула иконическая память переходит в категорию краткосрочной (кратковременной) памяти. Кратковременная память – оперативная память, обеспечивающая выполнение текущих поведенческих и мыслительных операций. В основе кратковременной памяти лежит повторная многократная циркуляция импульсных разрядов по круговым замкнутым цепям нервных клеток (Лоренте де Но, И. С. Беритов). Кольцевые структуры могут быть образованы и в пределах одного и того же нейрона путем возвратных сигналов, образуемых концевыми (или боковыми, латеральными) разветвлениями аксонного отростка на дендритах этого же нейрона (И. С. Беритов). В результате многократного прохождения импульсов по этим кольцевым структурам в последних постепенно образуются стойкие изменения, закладывающие основу последующего формирования долгосрочной памяти.

<...>

Превращение краткосрочной памяти в долговременную (консолидация памяти) в общем виде обусловлено наступлением стойких изменений синаптической проводимости как результат повторного возбуждения нервных клеток (обучающиеся популяции, ансамбли нейронов по Хеббу). Переход кратковременной памяти в долгосрочную (консолидация памяти) обусловлен химическими и структурными изменениями в соответствующих нервных образованиях. По данным современной нейрофизиологии и нейрохимии, в основе долговременной (долгосрочной) памяти лежат сложные химические процессы синтеза белковых молекул в клетках головного мозга.

<...>

Определённое значение в механизмах долгосрочной памяти имеют и изменения, наблюдающиеся в медиаторных механизмах, обеспечивающих процесс химической передачи возбуждения с одной нервной клетки на другую.

<...>

Одной из распространённых химических теорий памяти является гипотеза Хидена о белковой природе памяти. По мнению автора, информация, лежащая в основе долговременной памяти, кодируется, записывается в структуре полинуклеотидной цепи молекулы. Разная структура импульсных потенциалов, в которых

закодирована определённая сенсорная информация в афферентных нервных проводниках, приводит к разной перестройке молекулы РНК, к специфическим для каждого сигнала перемещениям нуклеотидов в их цепи. Таким образом происходит фиксация каждого сигнала в виде специфического отпечатка в структуре молекулы РНК.

Весь набор вероятных перестановок и комбинаций нуклеотидных элементов обеспечивает возможность фиксировать в структуре молекулы РНК огромный объем информации: теоретически рассчитанный объем этой информации... значительно перекрывает реальный объем человеческой памяти. Процесс фиксации информации в нервной клетке находит отражение в синтезе белка, в молекулу которого вводится соответствующий следовой отпечаток изменений в молекуле РНК. При этом молекула белка становится чувствительной к специфическому узору импульсного потока, тем самым она как бы узнает тот афферентный сигнал, который закодирован в этом импульсном паттерне. В результате происходит освобождение медиатора в соответствующем синапсе, приводящее к передаче информации с одной нервной клетки на другую в системе нейронов, ответственных за фиксацию, хранение и воспроизведение информации.

<...>

...несмотря на некоторые заметные различия физиологических и биохимических механизмов, ответственных за формирование и проявление кратковременной и долговременной памяти, в их природе намного больше общего, чем различного; их можно рассматривать как последовательные этапы единого механизма фиксации и упрочения следовых процессов, протекающих в нервных структурах под влиянием повторяющихся или постоянно действующих сигналов».

5.2.3.4. Основы психофизиологии.

Нейрофизиологические основы психической деятельности

«Основой психического мира являются сознание, мышление, интеллектуальная деятельность человека, представляющие собой высшую форму адаптивного приспособительного поведения. Психическая деятельность – это качественно новый, более

высокий, чем условно-рефлекторное поведение, уровень высшей нервной деятельности, свойственный человеку. В мире высших животных этот уровень представлен лишь в зачаточном виде.

В развитии психического мира человека как эволюционирующей формы отражения можно выделить следующие 2 стадии: 1) стадия элементарной сенсорной психики – отражение отдельных свойств предметов, явлений окружающего мира в форме ощущений. В отличие от ощущений восприятие – результат отражения предмета в целом и вместе с тем нечто все еще более или менее расчленённое (это начало построения своего «я» как субъекта сознания). Более совершенной формой конкретно-чувственного отражения действительности, формируемой в процессе индивидуального развития организма, является представление. Представление – образное отражение предмета или явления, проявляющееся в пространственно-временной связи составляющих его признаков и свойств. В нейрофизиологической основе представлений лежат цепи ассоциаций, сложные временные связи; 2) стадия формирования интеллекта и сознания, реализующаяся на основе возникновения целостных осмысленных образов, целостного мироощущения с пониманием своего «я» в этом мире, своей как познавательной, так и созидательной творческой деятельности. Психическая деятельность человека, наиболее полно реализующая этот высший уровень психики, определяется не только количеством и качеством впечатлений, осмысленных образов и понятий, но и существенно более высоким уровнем потребностей, выходящим за пределы чисто биологических потребностей. Человек желает уже не только «хлеба», но и «зрелищ» и соответствующим образом строит свое поведение. Его действия, поведение становятся как следствием получаемых впечатлений и порождаемых ими мыслей, так и средством активного их добывания. Соответствующим образом меняется в эволюции и соотношение объёмов корковых зон, обеспечивающих сенсорные, гностические и логические функции в пользу последних.

Психическая деятельность человека состоит не только в построении более сложных нервных моделей окружающего мира (основе процесса познания), но и в производстве новой информации, разных форм творчества. Несмотря на то что многие проявления психического мира человека оказываются оторванными

от непосредственных стимулов, событий внешнего мира и кажутся не имеющими под собой реальных объективных причин, нет сомнения, что начальными, запускающими их факторами являются вполне детерминированные явления и предметы, отражающиеся в структурах мозга на основе универсального нейрофизиологического механизма – рефлекторной деятельности. Эта идея, высказанная И. М. Сеченовым в виде тезиса «Все акты сознательной и бессознательной деятельности человека по способу происхождения – суть рефлексы», остаётся общепризнанной.

Субъективность психических нервных процессов заключается в том, что они являются свойством индивидуального организма, не существуют и не могут существовать вне конкретного индивидуального мозга с его периферическими нервными окончаниями и нервными центрами и не являются абсолютно точной зеркальной копией окружающего нас реального мира.

<...>

По Л. М. Чайлахяну, переход от поддающегося полному физико-химическому анализу нейрофизиологического процесса к ощущению есть основной феномен элементарного психического акта, феномен сознания.

В этом плане понятие «психическое» представляется как осознанное восприятие действительности, уникальный механизм развития процесса естественной эволюции, механизм трансформации нейрофизиологических механизмов в категории психики, сознания субъекта. Психическая деятельность человека во многом обусловлена способностью отвлекаться от реальной действительности и осуществлять переход от непосредственных чувственных восприятий к воображаемой действительности («виртуальная» реальность). Человеческая способность представить себе возможные последствия своих действий – высшая форма абстрагирования, которая недоступна животному...

<...>

Высокий уровень абстракции в явлениях психического мира человека определяет трудности в решении кардинальной проблемы психофизиологии – нахождении нейрофизиологических коррелятов психического, механизмов превращения материального нейрофизиологического процесса в субъективный образ. Основная трудность в объяснении специфических особенностей психических процессов на основе физиологических механизмов деятельности

нервной системы заключается в недоступности психических процессов прямому чувственному наблюдению, изучению. Психические процессы теснейшим образом связаны с физиологическими, но не сводятся к ним.

Вторая сигнальная система. Для обеспечения несравненно более высокого уровня абстрагирования у человека появляется и развивается вторая сигнальная система: устная и письменная речь.

<...>

В основе психической деятельности лежат не элементарные процессы возбуждения и торможения, а системные, объединяющие многие одновременно протекающие в мозге процессы анализа и синтеза в интегрированное целое. Психическая деятельность – функция целостного мозга, когда на основе интеграции многих нейрофизиологических механизмов мозга возникает новое качество – психика. При этом нервная модель стимула есть не что иное, как нейрофизиологическая основа формирования субъективного образа. Субъективный образ возникает на базе нервных моделей при декодировании информации и сравнении ее с реально существующим материальным объектом.

В настоящее время установлены следующие достаточно определённые корреляции между различными проявлениями психической деятельности и нейрофизиологическими показателями работы мозга: 1) «волны ожидания» на ЭЭГ, которые регистрируются в ответ на сигнал, предупреждающий о предстоящей команде к действию (Г. Уолтер); 2) поздние компоненты вызванного потенциала, ассоциируемые с корковыми механизмами оценки смыслового содержания сенсорных сигналов (Л. М. Иваницкий, Э. Л. Костандов); 3) мозговые коды психической деятельности в виде определённых паттернов импульсной активности нейронов. При мульти-клеточном отведении импульсных реакций корковых нейронов установлена специфичность паттернов (узоров) импульсных потенциалов нервных клеток и нейронных ансамблей не только в отношении физических (акустических) сигналов, но и семантического (смыслового) содержания воспринимаемых слов (Н. П. Бехтерева).

<...>

Нервным субстратом, ответственным за образное отражение, очевидно, является система звездчатых нейронов с аксонами, образующими синаптические связи как с другими звездчатыми

нейронами, так и через возвратные контакты с этим же звездчатым нейроном. При восприятии внешнего мира временная связь между воспринимающими сенсорную информацию звездчатыми нейронами коры большого мозга устанавливается сразу при первом одновременном или последовательном возбуждении нервных клеток, образующих проекцию данного внешнего предмета, явления.

Другую форму сложных поведенческих реакций, связанных с психической сферой деятельности организма и прямо не сводимой к обычным условно-рефлекторным реакциям, представляют экстраполяционные рефлексы, основанные на способности животных и человека к прогнозированию событий, оценке, предвидению результатов своей деятельности в будущем (Л. В. Крушинский). Экстраполяционная, или рассудочная, деятельность – это способность организма, наблюдая за течением некоторого важного события, улавливать закономерность его протекания. В результате, когда наблюдение прерывается, организм экстраполирует, т. е. мысленно продолжает ход события, соответствующим образом строя своё поведение без специальной процедуры стандартного обучения.

<...>

Характерное свойство элементарной рассудочной деятельности заключается в способности организма улавливать простейшие эмпирические законы, связывающие предметы и явления окружающей среды, и на этой основе приобретать возможность оперировать ими при построении и реализации программ поведения в новых ситуациях. У человека эта способность развита в наибольшей степени и является одной из физиологических предпосылок, обеспечивающих возможность творческой деятельности. Экстраполяционная деятельность является важным объективным подходом к изучению элементарной рассудочной деятельности.

Важнейшим элементом экстраполяции является опережение, предвосхищение будущих событий как специализированная форма отражения действительности. Возможная природа феномена опережающего отражения в структурах мозга, ответственных за высшие формы психической деятельности, по мнению П. К. Анохина, связана с разной скоростью протекания последовательных процессов в окружающей среде, природе и

структурах мозга, обеспечивающих процесс отражения этой последовательности внешних явлений. Поскольку скорость процессов, протекающих в мозге, на несколько порядков выше, чем скорость процессов эволюции в окружающей среде, при достаточной длине последовательных событий на выходе системы возможно (в отражающих структурах мозга) образование модели, копии явления, предмета окружающей среды раньше, чем этот предмет, явление, событие действительно возникает в окружающем мире».

5.2.3.5. Психофизиология процесса принятия решения

«Вся жизнь человека состоит из принятия решений, непрерывной последовательности операций выбора, при этом человек постоянно сталкивается с проблемой выбора между несколькими способами поведения. Принятие решения становится обязательным моментом в жизни, поведении человека: с момента рождения и до самой смерти...

Процесс принятия решения – производное неопределённости ситуации, в которой оно совершается.

<...>

Чем больше степень этой неопределённости, тем меньше оснований для однозначного решения и тем более вероятностным оно становится. Мозг возмещает дефицит информации использованием более тонкого и сложного аппарата оценки вероятности того или иного события. Такое усложнение работы мозга, связанное с увеличением количества логических операций, требует большего времени для принятия решения.

<...>

Познание психофизиологической основы интегративной деятельности высших отделов центральной нервной системы, обеспечивающих процессы сознания, мышления, невозможно без установления физиологических механизмов принятия решения как узлового момента любой формы целенаправленного поведения.

<...>

Суть процесса принятия решения сводится к нескольким моментам: восприятие, приём и обработка афферентной информации, образование, формирование поля альтернатив (набор

возможных вариантов для последующего выбора), сравнительная оценка альтернативных действий в целях осуществления рационального выбора и собственно выбор альтернативы – кульминация решения проблемы. ... Выбор при принятии решения в значительной мере обусловлен текущей мотивацией. Выяснение нейрофизиологических механизмов, лежащих в основе операции выбора в альтернативной ситуации, направлено на дальнейшее углубление знаний о природе восприятия и переработки информации в коммуникационных системах мозга. Восприятие, отбор, фиксация и извлечение из памяти соответствующей информации, сравнительный анализ биологической значимости сигналов, выбор и реализация конкретного пути распространения возбуждения в нервных сетях, формирование эфферентных командных сигналов, поступающих к эффекторным органам, – все это важнейшие компоненты сложного процесса принятия решения.

<...>

В процессе принятия решения различаются две принципиально различные фазы: 1) генерация разнообразия (в которой из универсального многообразия действий выбирается класс возможных допустимых путей решения, удовлетворяющих условиям решаемой задачи) и 2) ограничение этого разнообразия с целью отбора одного-единственного варианта действия (с точки зрения эффективности этого способа достижения цели).

<...>

Различают два основных способа принятия решения: алгоритмический и эвристический. Алгоритмический способ принятия решения предполагает наличие у лица, принимающего решение, значительной информации о проблемной ситуации. Алгоритмический способ принятия решения сводится к построению совокупности правил, следуя которым, автоматически достигается верное решение, т. е. имеется высокая гарантия верного решения проблемы.

При эвристическом способе получение верного результата при значительном дефиците информации о проблемной ситуации не гарантируется, однако лицо, принимающее решение, используя различные эвристические приёмы, может найти рациональное решение. ...

Динамический характер интегральной оценки на клеточном уровне организации нервной системы проявляется в использовании

в разных условиях функционирования и в различных комбинациях одних и тех же нейронов. Такой динамизм клеточных механизмов интеграции и выбора определяется особенностями сенсорного входа центрального нейрона, вариабельностью его рецептивного поля. Мотивационные влияния избирательно повышают возбудимость только тех нейронов и потенцируют только те рецептивные поля, которые когда-либо использовались в поведенческих актах. Обстановочная афферентация также модифицирует активацию рецептивных полей центральных нейронов. Сами мотивационные и обстановочные влияния, определяющие «предпусковую интеграцию» нейронного механизма принятия решения, не активируют центральные нейроны. Возбуждение последних происходит лишь на основе конвергенции на нервной клетке детонаторных влияний, определяемых функциональной организацией и топографией активируемых синапсов (П. К. Анохин, В. Б. Швырков).

Конвергенция на одном нейроне разных сенсорных потоков свидетельствует о том, что нервная клетка является достаточно сложным интегрирующим образованием, реализующим процесс принятия решения в виде генерации отдельного потенциала действия или определённой временной последовательности таких потенциалов. Обеспечение целенаправленной деятельности системы на основе процесса принятия решения немыслимо без оценки эффективности произведённого действия, что в кибернетических системах осуществляется при помощи обратной связи. Структурную основу такой обратной связи в нейронных структурах образуют коллатерали аксонов, поставляющих корковым и подкорковым нейронам точные копии, модели эфферентных возбуждений.

<...>

Временные характеристики нейронных механизмов, обеспечивающих процесс принятия решения, находят отражение в компонентах вызванного потенциала – комплекса электрических волн, регистрируемых из зоны центрального представительства соответствующих сенсорных систем. Процесс принятия решения по времени (100–300 мс. в разных сенсорных системах) соответствует длительности нейрофизиологического механизма восприятия и переработки сенсорной информации, идентифицируемого по первичному ответу (включая и негативную волну). Более поздние

компоненты вызванного потенциала ассоциируются с функционированием исполнительных механизмов.

С помощью нейрофизиологических и клинических исследований установлено, что лобные доли мозга являются основным нервным субстратом, осуществляющим принятие решения при реализации целесообразных произвольных форм деятельности человека (Л. Р. Лурия).

<...>

Усложнение проблемной ситуации приводит к достоверному увеличению числа функциональных связей различных зон коры большого мозга, к формированию фокуса повышенной активности во фронтальных областях мозга. Активация теменных зон коры мозга наблюдается на заключительных этапах процесса принятия решения, построения адекватной модели ситуации. Высокая неопределённость проблемной ситуации находит отражение в разной интенсивности роста функциональных связей корковых зон (по сравнению с фоновым состоянием). При снижении неопределённости в случае предъявления испытуемому дополнительной информации наблюдается концентрация нейронной активности в лобных и затылочных (для зрительной информации), в лобных и височных (для слуховой информации) областях коры большого мозга. Это свидетельствует о том, что в основе нейрофизиологического процесса принятия решения лежат сложные взаимодействия первичных проекционных зон анализаторов и лобных долей мозга, играющих роль ведущего интегративного центра в коре мозга».

5.2.3.6. Сознание

«Процесс сознания как заключительный этап процесса познания представляет собой сложный многоэтапный психофизиологический феномен восприятия, переработки и создания новой информации, на каждом из этапов которого складываются определённые формы детерминации, причинно-следственной связи информационных процессов.

Сложные формы интегративной деятельности мозга человека сводятся к непрерывному анализу элементов внешнего (окружающего) мира и последующему синтезу их в виде целостного восприятия.

Тем самым осуществляется приспособительное поведение на основе достаточно точного, верного отражения окружающей действительности в сознании человека.

Сознание человека – способность отделения себя («я») от других людей и окружающей среды («не я»), адекватного отражения действительности. Сознание базируется на коммуникации между людьми, развивается по мере приобретения индивидуального жизненного опыта и связано с речью (языком). На базе потребностей, как биологических, так и социальных, и идеальных, формируются подсознание (автоматизированные, неосознаваемые навыки и формы поведения), сознание (знания, передаваемые другим индивидуумам), сверхсознание (творческая активность, интуитивное поведение).

Социальный аспект сознания заключается в том, что сознание выступает в качестве способности к такой переработке знания, которая обеспечивает направленную передачу информации от одного лица к другому в виде абстрактных символов речи (языка) как главного средства межличностной коммуникации.

Речь здесь выступает как материальная форма коммуникационного аспекта сознания (П. В. Симонов). Сознание–знание, которое может быть передано с помощью слов, образов, художественных произведений и т. д.

По А. Р. Леонтьеву, сознание отличается от более низко организованных форм психической деятельности выделением своего собственного «я» из окружающего мира.

Судя по характеру биоэлектрической активности, различия между осознанными и неосознаваемыми реакциями (протекающими на уровне подсознания) заключаются в степени глобальности активации мозга и зависят от количества вовлечённых в реакцию структур мозга.

Реакции, включая и поведенческие, реализуемые на уровне подсознания, носят автоматизированный характер, обеспечиваются активацией минимумом активированных нервных клеток сравнительно небольших участков мозга. Общебиологическая роль подсознательной обработки информации заключается в первичной фильтрации огромного количества входной информации: на уровне подсознания, например, протекает рефлекторная регуляция деятельности внутренних органов человека.

<...>

Подключение сознания обычно достигается активацией большого количества корковых структур, вызываемой возбуждением ретикулярной формации мозгового ствола.

<...>

Таким образом, сознание является результатом нейрофизиологических процессов, происходящих в определённых, но достаточно обширных областях мозга (кора большого мозга, таламо-кортикальные структуры, лимбическая система, ретикулярная формация ствола мозга)».

5.2.3.7. Мышление

«Мышление – высшая ступень человеческого познания, процесс отражения в мозге окружающего реального мира, основанная на двух принципиально различных психофизиологических механизмах: образования и непрерывного пополнения запаса понятий, представлений и вывода новых суждений и умозаключений. Мышление позволяет получить знание о таких объектах, свойствах и отношениях окружающего мира, которые не могут быть непосредственно восприняты при помощи первой сигнальной системы. Формы и законы мышления составляют предмет рассмотрения логики, а психофизиологические механизмы – соответственно – психологии и физиологии.

Мыслительная деятельность человека неразрывно связана со второй сигнальной системой. В основе мышления различают два процесса: превращение мысли в речь (письменную или устную) и извлечение мысли, содержания из определённой его словесной формы сообщения. Мысль – форма сложнейшего обобщённого абстрагированного отражения действительности, обусловленного некоторыми мотивами, специфический процесс интеграции определённых представлений, понятий в конкретных условиях социального развития. Поэтому мысль как элемент высшей нервной деятельности представляет собой результат общественно-исторического развития индивида с выдвиганием на передний план языковой формы переработки информации.

Творческое мышление человека связано с образованием все новых понятий. Слово как сигнал сигналов обозначает динамичный комплекс конкретных раздражителей, обобщённых в понятие, выраженном данным словом и имеющим широкий контекст с

другими словами, с другими понятиями. В течение жизни человек непрерывно пополняет содержание формирующихся у него понятий расширением контекстных связей используемых им слов и словосочетаний. Любой процесс обучения, как правило, связан с расширением значения старых и образованием новых понятий.

Словесная основа мыслительной деятельности во многом определяет характер развития, становления процессов мышления у ребёнка, проявляется в формировании и совершенствовании нервного механизма обеспечения понятийного аппарата человека на базе использования логических законов умозаключений, рассуждений (индуктивное и дедуктивное мышление). Первые речеводвигательные временные связи появляются к концу первого года жизни ребёнка; в возрасте 9–10 мес. слово становится одним из значимых элементов, компонентов сложного стимула, но еще не выступает в качестве самостоятельного стимула. Соединение слов в последовательные комплексы, в отдельные смысловые фразы наблюдается на втором году жизни ребёнка.

Глубина мыслительной деятельности, определяющая умственные особенности и составляющая основу человеческого интеллекта, во многом обусловлена развитием обобщающей функции слова. В становлении обобщающей функции слова у человека различают следующие стадии, или этапы, интегративной функции мозга. На первом этапе интеграции слово замещает чувственное восприятие определённого предмета (явления, события), обозначаемого им. На этой стадии каждое слово выступает в качестве условного знака одного конкретного предмета, в слове не выражена его обобщающая функция, объединяющая все однозначные предметы этого класса. Например, слово «кукла» для ребёнка означает конкретно ту куклу, которая есть у него, но не куклу в витрине магазина, в яслях и т. д. Эта стадия приходится на конец 1-го – начало 2-го года жизни.

На втором этапе слово замещает несколько чувственных образов, объединяющих однородные предметы. Слово «кукла» для ребёнка становится обобщающим обозначением различных кукол, которые он видит. Такое понимание и использование слова происходит к концу 2-го года жизни. На третьем этапе слово заменяет ряд чувственных образов разнородных предметов. У ребёнка появляется понимание обобщающего смысла слов: например, слово «игрушка» для ребёнка обозначает и куклу, и мяч,

и кубик, и т. д. Такой уровень оперирования словами достигается на 3-м году жизни. Наконец, четвёртый этап интегративной функции слова, характеризуемый словесными обобщениями второго-третьего порядка, формируется на 5-м году жизни ребёнка (он понимает, что слово «вещь» обозначает интегрирующие слова предыдущего уровня обобщения, такие как «игрушка», «еда», «книга», «одежда» и т.д.).

Этапы развития интегративной обобщающей функции слова как составного элемента мыслительных операций тесно связаны с этапами, периодами развития познавательных способностей. Первый начальный период приходится на этап развития сенсомоторных координации (ребёнок в возрасте 1,5–2 лет). Следующий – период предоперационального мышления (возраст 2–7 лет) определяется развитием языка: ребёнок начинает активно использовать сенсомоторные схемы мышления. Третий период характеризуется развитием когерентных операций: у ребёнка развивается способность к логическим рассуждениям с использованием конкретных понятий (возраст 7–11 лет). К началу этого периода в поведении ребёнка начинают преобладать словесное мышление, активация внутренней речи ребенка. Наконец, последний, завершающий, этап развития познавательных способностей – это период формирования и реализации логических операций на основе развития элементов абстрактного мышления, логики рассуждений и умозаключений (11–16 лет). В возрасте 15–17 лет в основном завершается формирование нейро- и психофизиологических механизмов мыслительной деятельности. Дальнейшее развитие ума, интеллекта достигается за счет количественных изменений, все основные механизмы, определяющие сущность человеческого интеллекта, уже сформированы.

<...>

Поиски однозначных, достаточно обоснованных корреляций между уровнем умственных способностей человека, глубиной мыслительных процессов и соответствующими структурами мозга все еще остаются малоуспешными».

5.2.3.8. Вторая сигнальная система

«В процессе эволюции животного мира на этапе развития вида *Homo sapiens* произошло качественное видоизменение системы

сигнализации, обеспечивающее адаптивное приспособительное поведение. Оно обусловлено появлением второй сигнальной системы – возникновением и развитием речи, суть которой заключается в том, что во второй сигнальной системе человека сигналы приобретают новое свойство условности – преобразуются в знаки в прямом смысле этого слова.

В первой сигнальной системе все формы поведения, включая способы и средства взаимного общения, базируются исключительно на непосредственном восприятии действительности и реакции на натуральные раздражители. Первая сигнальная система обеспечивает формы конкретно-чувственного отражения. При этом вначале в организме формируется ощущение отдельных свойств, предметов, явлений, воспринимаемых соответствующими рецепторными образованиями. На следующем этапе нервные механизмы ощущений усложняются, на их основе возникают другие, более сложные формы отражения – восприятия. И только с возникновением и развитием второй сигнальной системы появляется возможность осуществления абстрактной формы отражения – образование понятий, представлений.

В отличие от условных рефлексов животных, отражающих окружающую действительность с помощью конкретных слуховых, зрительных и других сенсорных сигналов, раздражители второй сигнальной системы отражают окружающую действительность с помощью обобщающих, абстрагирующих понятий, выражаемых словами. В то время как животные оперируют лишь образами, формируемыми на основе непосредственно воспринимаемых сигнальных раздражителей, человек с его развитой второй сигнальной системой оперирует не только образами, но и связанными с ними мыслями, осмысленными образами, содержащими семантическую (смысловую) информацию. Раздражители второй сигнальной системы в значительной степени опосредованы мыслительной деятельностью человека.

<...>

Словесные сигналы совмещают в себе два свойства: смысловое (содержание) и физическое (звучание в устной речи, очертание букв и слов – в письменной). С помощью слова осуществляется переход от чувственного образа первой сигнальной системы к понятию, представлению второй сигнальной системы.

<...>

Сигнальное значение слова определяется всем коллективным опытом людей, пользующихся данной системой словесных знаков. Таким образом, ***информация, содержащаяся в самих словах, связана не с природой сигнализации явлений и предметов реальной действительности, а с отражённой, преломлённой человеческим сознанием деятельностью.*** (Выделено мною – ХАТ.)

Умение использовать знаковую систему языка позволяет человеку оперировать осознанными понятиями об окружающей среде и представлять любой предмет, любую ситуацию в форме мысленных моделей. Способность оперировать абстрактными понятиями, выражаемыми произнесёнными или написанными словами, служит основой мыслительной деятельности и составляет сущность высшей формы абстрактно-обобщённого отражения окружающей действительности. Оперирование речью (устной или письменной) даёт человеку огромные преимущества в адаптивно-приспособительном поведении, в познании и рациональном использовании окружающей природы или искусственной среды.

Функция речи включает в себя способность не только кодировать, но и декодировать данное сообщение при помощи соответствующих условных знаков, сохраняя при этом его содержательное смысловое значение.

<...>

Система символов, используемая человеком, отражает наиболее важные перцептивные и символические структуры в системе коммуникации.

<...>

Слова как форма передачи мысли образуют единственную реально наблюдаемую основу речевой деятельности. В то время как слова, составляющие структуру конкретного языка, можно видеть и слышать, смысл, содержание их остаются за пределами средств непосредственного чувственного восприятия. Смысл слов определяется структурой и объёмом памяти, информационным тезаурусом индивида. Смысловая (семантическая) структура языка содержится в информационном тезаурусе субъекта в форме определённого семантического кода, преобразующего соответствующие физические параметры словесного сигнала в его семантический кодовый эквивалент. При этом устная речь служит в качестве средства непосредственного прямого общения, письменная позволяет накапливать знания, информацию и

выступает в качестве средства опосредованного во времени и пространстве общения.

В нейрофизиологических исследованиях речевой деятельности показано, что при восприятии слов, слогов и их сочетаний в импульсной активности нейронных популяций мозга человека формируются специфические паттерны с определённой пространственной и временной характеристикой. Использование разных слов и частей слов (слогов) в специальных опытах позволяет дифференцировать в электрических реакциях (импульсных потоках) центральных нейронов как физические (акустические), так и смысловые (семантические) компоненты мозговых кодов психической деятельности (Н. П. Бехтерева).

Наличие информационного тезауруса индивида и его активное влияние на процессы восприятия и переработки сенсорной информации являются существенным фактором, объясняющим неоднозначную интерпретацию входной информации в разные временные моменты и в разном функциональном состоянии человека. Для выражения любой смысловой структуры существует множество разнообразных форм представлений, например предложений.

<...>

Языковая форма коммуникации как ведущая форма обмена информацией между людьми, ежедневное использование языка, где лишь немногие слова имеют точный однозначный смысл, во многом способствует развитию у человека интуитивной способности мыслить и оперировать неточными размытыми понятиями (в качестве которых выступают слова и словосочетания – лингвистические переменные). Человеческий мозг в процессе развития его второй сигнальной системы, элементы которой допускают неоднозначные отношения между явлением, предметом и его обозначением (знаком – словом), приобрёл замечательное свойство, позволяющее человеку действовать разумно и достаточно рационально в условиях вероятностного, «размытого» окружения, значительной информационной неопределённости. Это свойство основано на способности манипулировать, оперировать неточными количественными данными, «размытой» логикой в противоположность формальной логике и классической математике, имеющим дело только с точными, однозначно определёнными причинно-следственными отношениями. Таким

образом, развитие высших отделов мозга приводит не только к возникновению и развитию принципиально новой формы восприятия, передачи и переработки информации в виде второй сигнальной системы, но функционирование последней в свою очередь результируется в возникновении и развитии принципиально новой формы мыслительной деятельности, построении умозаключений на базе использования многозначной (вероятностной, «размытой») логики, Человеческий мозг оперирует «размытыми», неточными терминами, понятиями, качественными оценками легче, чем количественными категориями, числами.

<...>

Именно «размытая» логика мыслительной деятельности человека, основанная на функции второй сигнальной системы, обеспечивает ему возможность эвристического решения многих сложных проблем, которые невозможно решать обычными алгоритмическими методами.

Функция речи осуществляется определёнными структурами коры большого мозга. Двигательный центр речи, обеспечивающий устную речь, известный как центр Брока, расположен у основания нижней фронтальной извилины. <...>

Акустический центр речи (центр Вернике) находится в области задней трети верхней височной извилины и в прилегающей части – надкраевой извилине (*gyrus supramarginalis*). Повреждение этих областей приводит к потере способности понимать смысл услышанных слов. Оптический центр речи расположен в угловой извилине (*gyrus angularis*), поражение этого участка мозга лишает возможности узнавать написанное.

Левое полушарие ответственно за развитие отвлечённого логического мышления, связанного с преимущественной обработкой информации на уровне второй сигнальной системы. Правое полушарие обеспечивает восприятие и переработку информации, преимущественно на уровне первой сигнальной системы.

<...>

Функционирование второй сигнальной системы определяется работой целостного мозга.

<...>

Слово как основной элемент второй сигнальной системы превращается в сигнал сигналов в результате процесса обучения и

общения ребёнка со взрослыми. Слово как сигнал сигналов, с помощью которого осуществляются обобщение и абстракция, характеризующие человеческое мышление, стало той исключительной особенностью высшей нервной деятельности, которая обеспечивает необходимые условия прогрессивного развития человеческого индивидуума.

<...>

Обучение уже не требует обязательного собственного чувственного опыта, оно может происходить опосредованно с помощью языка; чувства и действия уступают место слову.

<...>

Высшие формы абстракции в сигнальных системах мозга обычно ассоциируются с актом художественной, творческой деятельности человека, в мире искусства, где продукт творчества выступает как одна из разновидностей кодирования и декодирования информации.

<...>

Лежащее в основе творчества знаковое или образное мышление осуществляется путём ассоциаций, интуитивных предвосхищений, через «разрыв» в информации (П. В. Симонов)».

5.2.3.9. Принцип вероятности и «размытости» в высших интегративных функциях мозга

«Эффективность адаптивного поведения человека в значительной степени обусловлена уникальной способностью его мозга предвидеть, прогнозировать наступление определённых событий, а значит, соответствующим образом подготовиться к ним. Образование условного рефлекса – один из ведущих приёмов формирования приспособительного поведения животного и человеческого организма – представляет собой физиологический феномен преобразования неопределённой информации в определённую, т. е. реакцию на уменьшение неопределённости в среде.

Прогнозирование на основе прошлого опыта не может быть абсолютным, прогнозирование всегда носит вероятностный характер.

<...>

Способность к вероятностному прогнозу является результатом эволюции живых организмов в условиях вероятностно организованной среды. Прогнозы живого организма направлены на оптимизацию результатов его действий.

<...>

Поведенческие реакции организма в соответствии с вероятностным прогнозом позволяют ему резко уменьшить число ошибочных реакций, следовательно, являются эффективным средством активного приспособления к окружающей среде.

В условиях неопределённого прогноза организм выполняет работу по подготовке к нескольким возможным действиям. Это соответствует ориентировочной реакции организма на неопределённость ситуации. Чем больше неопределённость прогноза, тем больше физиологических систем вынужден подготовить к действию организм, тем более сильную ориентировочную реакцию мы наблюдаем. Напротив, условно-рефлекторную реакцию следует рассматривать как ответ, организуемый на базе индивидуального опыта человека и позволяющий прогнозировать появление в будущем некоторой определённой ситуации. Условно-рефлекторная реакция организма проявляется всегда в ситуации определённого прогноза, ориентировочная реакция – в условиях неопределённого прогноза.

Характерной особенностью многих приобретаемых навыков является то, что они формируются в условиях стохастической внешней среды, когда вероятность одновременного наступления во времени и в пространстве двух разных стимулов почти всегда меньше единицы, и тем не менее через некоторое время в центральных нервных структурах, отвечающих за определённые поведенческие реакции, формируется функциональная связь. Это в полной мере относится к механизму образования условного рефлекса...

<...>

Одним из перспективных методических подходов к анализу и познанию неточно определённых, трудно формализуемых систем является теория «размытых» множеств и «размытых» алгоритмов, представляющая собой логическое развитие концепции вероятностного детерминизма явлений и процессов в сложных и сверхсложных системах. Теория «размытых» множеств и «размытых» алгоритмов в сущности есть попытка создания концептуальной основы для оперирования «размытыми»

понятиями, «размытыми» представлениями в количественном или квазиколичественном плане.

<...>

Умение правильно решать неформализуемые проблемные ситуации – важнейшая черта человеческого интеллекта – в основном обусловлена способностью человеческого мозга оперировать неколичественными терминами, нечёткими понятиями. Оперирование нечёткими понятиями является не слабостью, а силой, одним из самых больших приобретений человека, возникших в процессе эволюции живого мира.

<...>

Принцип «размытости» лежит в основе многих форм сознательной интеллектуальной деятельности, в особенности в процессах распознавания образов, в логических операциях мышления, в устной и письменной речи и т. д. Видимо, вопросы точной оценки, абсолютного измерения имеют скорее теоретическое значение, а в практической деятельности человека необходима лишь приблизительная оценка ситуации, отдельных составляющих ее компонентов. Мозг человека допускает такую неточность, кодируя информацию, достаточную для решения задачи элементами теории «размытых» множеств, при помощи которых он лишь приблизительно оценивает исходные данные.

В повседневной жизни человек постоянно сталкивается с ситуациями, когда стратегия его поведения не может, а возможно, и не нуждается в точной регламентации. Об этом достаточно хорошо сказал Н. Винер, подчеркнувший, что главное из преимуществ человеческого мозга перед вычислительной машиной заключается в его способности оперировать нечётко очерченными понятиями.

<...>

Замечательное свойство человеческого мозга оперировать нечёткими, плохо формализованными понятиями, во многом обусловлено ролью в его жизни такой ведущей формы описания (кодирования) информации, каким являются естественные языки».

5.2.3.10. Физиологическая характеристика умственного труда

«Умственный труд состоит в переработке ЦНС различных видов информации в соответствии с социальной и профессиональной направленностью индивидуума. В процессе переработки

информации происходят сличение с имеющейся в памяти информацией и ее интеграция. Интеграция новой информации, с одной стороны, обогащает память, с другой – лежит в основе принятия решений, направленных на формирование творческих программ двигательных действий, бытовых, трудовых процессов. Умственная деятельность пронизывает все сферы активности человека. Её эффективность определяется высоким функциональным состоянием нейронов ЦНС, широтой связей между ними, энергетическим обеспечением нейронов и глиальных элементов, активностью медиаторной системы, адекватным уровнем активности кровоснабжения структур мозга и гормональными влияниями.

Информационный компонент наиболее выражен при умственном труде. При чтении, генерировании и обдумывании идей, творчестве он составляет 100%. Умственная работа связана с деятельностью целостного мозга, участием новой, старой и древней коры, особенно сенсорного центра речи, префронтальной области, лимбической системы, а также зрительного бугра, гипоталамуса, ретикулярной формации ствола мозга, всех сенсорных систем, преимущественно зрительной. Точные механизмы взаимосвязей всего комплекса структур мозга до настоящего времени полностью не изучены.

<...>

Интеллектуальные процессы, лежащие в основе умственного труда, в целом осуществляются в лобных долях коры большого мозга. Они интегрируют сложные формы целенаправленного поведения, ответственны за решение творческих задач, требующих высокой степени абстрагирования.

В состоянии покоя энерготраты головного мозга не велики и составляют 3 % от общего обмена. Степень увеличения энерготрат зависит от характера нервно-эмоционального напряжения при умственной работе. При чтении вслух сидя прирост составляет 48%, при чтении лекции стоя – 94%. Высокий уровень метаболических процессов в нейронах обуславливает эволюционно развившуюся надёжность их кислородного обеспечения. <...>

Череп, в котором помещается головной мозг, лимитирует прирост мозгового кровотока. Максимально его величина повышается в 1,5; 4–6; 5–7 раз меньше, чем соответственно в миокарде, коже и скелетных мышцах. Перераспределительные реакции мозгового

кровотока чётко дифференцированы, отличаются лабильностью соответственно преимущественному участию тех или иных структур мозга в умственной деятельности. Сложный и продолжительный умственный труд сопровождается максимальным увеличением мозгового кровотока в области лобных долей коры больших полушарий, несущих наибольшую нагрузку по переработке и интегрированию информации. Здесь в разгар активной работы кровотока может увеличиваться на 30–50 % от уровня покоя (К. П. Иванов, Е. Б. Бабский, В. А. Пастухов).

<...>

Особенностью умственного труда является переработка и интеграция огромного объёма информации в условиях ограничения двигательной активности (гиподинамия), что обусловлено спецификой рабочей позы, небольшими объёмами рабочих движений. Преобладание позной активности над фазной, связанной с рабочими движениями преимущественно рук, ног или их сочетания, отрицательно влияет на функциональное состояние организма.

<...>

Соответствующие механизмы снижают все виды обмена веществ.

Интенсификация умственного труда в эпоху научно-технического прогресса сопровождается большим нервно-эмоциональным напряжением, как правило, связанным с необходимостью переработки большого количества информации в условиях дефицита времени. Большая нагрузка на зрительную сенсорную систему вызывает её более быстрое по сравнению с другими системами утомление. Нервно-эмоциональное напряжение в сочетании с гипокинезией прежде всего (через 1/2–2 ч) приводит к снижению функциональной активности нервной, мышечной и сердечно-сосудистой систем. Уменьшается тонус не принимающих участие в работе мышечных групп. Вследствие снижения мышечной активности ослабляются тонус сосудов, понижается АД, резко снижается скорость кровотока, уменьшается венозный возврат крови к сердцу – все это приводит к застою крови в области нижних конечностей и в брюшной полости. Аналогичная картина развивается при переутомлении».

5.2.3.11. Познание как особая форма движения материи

Таким образом, процесс познания, реализуемый человеком как сложной биологической системой (организмом), есть, главным образом, процесс образования устойчивых связей в организме, в его мозге и в центральной нервной системе. Это образование связей, начиная с самого нижнего (исходного) структурного уровня материальной плоти и разнообразных протекающих в ней физических процессов, связано, в конце концов, с образованием устойчивых изменений и реакций в атомно-молекулярной структуре, а затем и в более высших структурных элементах организма человека. И прежде всего, это относится к материальной структуре центральной нервной системы человека.

То есть, грубо говоря, процесс познания есть процесс физического мира, физической реальности, в котором рассматривается лишь информационный срез протекающих процессов. Это положение позволяет, вслед за рассмотрением «информации как атрибута и особой формы существования материи», рассматривать и познание как процесс, как атрибут и как особую форму движения материи. При этом само отображение выступает как элементарная форма познания в материальном мире, мире объективной реальности.

Очевидно, что это «приземлённое» понимание познания весьма вызывающе противостоит обычному толкованию термина познания, но, будучи последовательными в своих суждениях об информации, мы неизбежно должны принять и это.

Напомним из книги «Теория Информационного общества...» краткое определение информации как философской категории: *«Информация есть результат отображения материи самой на себя»*. Следуя этой дефиниции, определение познания как философской категории предстанет в следующей формулировке:

- «Познание есть процесс отображения материи самой на себя».

В то же время, вводя в это определение категорию «информация», как парную категорию к «познанию», можно определить понятие «познание» следующим образом:

- «Познание есть процесс отображения, взаимодействия, информационных объектов (информации), порождающий новую, третью, информацию».

Если же переходить в этих определениях к результату как к некоей смысловой конструкции, как к некому «новому смыслу», как это и имеется в виду в публицистике, то познание представляет собою процесс получения новых смыслов, или более высокого (глубокого) уровня подтверждения прежних, путём сопоставления, взаимодействия, (ранее) известных смыслов. В этом случае можно «познание» определять и так:

- ***«Познание есть процесс взаимодействия информации и знания (информации), имеющий своим результатом новое знание».***

Очевидно, что свойства тел и процессов материального мира, самой материи проявляются лишь в процессе их взаимодействия. То есть, - как информация возникает лишь в процессе взаимодействия материальных объектов, так и познание основывается на самом взаимодействии, на самих процессах взаимодействия материальных объектов. Поэтому «познание» под таким ракурсом можно определить так:

- ***«Познание есть процесс взаимодействия (частей) материальной субстанции, её субстрата, потенциально ведущий к отображению, то есть к появлению, возникновению следов (а) взаимодействия».***

С учётом этого определения, рассмотрение процесса взаимодействия и его результатов в отрыве от материальной субстанции уже само по себе есть погружение в «идеальное», мы как бы строим мир идеального, но не некую «идеальную реальность». Да, это мир абстракций, за которыми на каждом шагу, так или иначе, стоит некий неразрывно связанный с ними материальный процесс или объект. Просто в этом мире отношений процессов и объектов, «познания» и «информации», нам не важен процесс самого материального взаимодействия и не важны сами материальные объекты, их конкретная субстанция. Нам важен некий абстрактный процесс возникновения новых знаний на основе взаимодействия некой совокупности абстракций, свойств, как неких форм, называемых «информацией».

В результате доминирования этой мыслительной операции нашего сознания и абстрагирования от конкретной материальной субстанции эта форма (структура процессов и свойств) «материального» приобретает в нашем мышлении (семантическом обороте, языке) самостоятельное, самодовлеющее значение

(особую форму мышления) и далее рассматривается как вполне самостоятельный процесс (познание) и объект (информация) реального мира.

На этапе построения абстрактного мира процессов, объектов и отношений это не важно, хотя самостоятельная и самодовлеющая их роль затрудняет материалистическое восприятие действительной жизни. Так возникает не только абракадабра «идеальная реальность», но и «божественная душа», а вместе с ними происходит и клерикализация общества.

С другой стороны, забвение материальной основы познания и информации неизбежно приводит к возникновению, так называемой, «*виртуальной реальности*», которую французский социолог Ж. Бодрийяром обозначил как «*особый мир, мир моделей и симулякров, никак не соотносимых с реальностью, но воспринимаемых гораздо реальнее, чем сама реальность*».

Поэтому при рассмотрении различных аспектов познания и информационно-познавательного взаимодействия агентов информационных процессов с неизбежностью приходится обращаться к вопросам, связанным с выяснением и анализом самих материальных процессов взаимодействия и «*носителей*» соответствующей информации.

Ниже мы продолжим рассмотренный ещё в «Теории Информационного общества...» мысленный эксперимент, но проанализируем его с позиций понимания процесса познания на элементарном уровне физического мира.

Это эксперимент с двумя материальными объектами, представляющих собой два шара, один из пластичного материала, пластилина, - объект **А**, а другой, более твёрдый, - шар для игры в бильярд, - объект **В**. В эксперименте эти шары приведены в соприкосновение с некоторым усилием, а затем вновь разъединены. В результате этого на поверхности первого шара «*образовалась вмятина, которая представляет собой след*», оставленный вторым объектом (**В**), шаром, на поверхности первого объекта (**А**).

Анализируя подобный мысленный эксперимент, известный специалист и главный научный сотрудник «Института проблем информатики» д.т.н. Колин К.К. в своей книге «Философские проблемы информатики» (М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2010) отмечает, что «*вмятина представляет собой своего рода отражение (зеркальную копию)*» той части второго объекта **В**,

которая входила в соприкосновение с первым объектом **A**. На этом основании утверждается следующее:

- *«в наблюдаемом нами фрагменте реальности, где ранее находились лишь два материальных объекта, в результате их взаимодействия возник третий объект «С», который представляет собой след (вмятину), являющийся отражением некоторой части поверхности объекта «В» на поверхности объекта «А». Этот новый объект не является материальным, и поэтому он должен рассматриваться как объект идеальной реальности».*

Однако следует возразить, что в такой трактовке, третий объект **C**, как объект, появился по воле интерпретатора этого эксперимента, ибо как было два материальных объекта, так и осталось, только изменилась полная выпуклая шарообразная (сферическая) форма (свойство!) материального объекта **A** на шарообразную с частичной сферической вогнутостью (вмятиной).

То есть в своих рассуждениях автор нарушил логическую однородность материальной области объектов рассуждений, смешав мир материального с абстракциями мира идеального. В дальнейшем это привело его к выводу о том, что *«структура реальности окружающего нас мира обладает свойством дуализма, так как она одновременно включает в себя два основных компонента: физическую и идеальную реальность»* (стр. 74). Хотя сей «дуализм» скорее в мышлении автора этого эксперимента, чем в структуре реальности окружающего мира.

Эта критика касалась понимания информации и её материального носителя. Однако в части анализа этого эксперимента с точки зрения понимания процесса познания (в элементарной форме), действительно *«возник третий объект «С», который представляет собой след (вмятину), являющийся отражением некоторой части поверхности объекта «В» на поверхности объекта «А». Этот новый объект не является материальным...».* Но даже здесь, в этой фразе произвольно произошло «сползание» в область познания, что и послужило ошибочным введению «третьего объекта» и, как выше нами было отмечено, «смещением мира материального с абстракциями мира идеального».

Чтобы избавиться в этом эксперименте и его описании от смешения мира абстрактного с миром идеальным, введём дополнительные обозначения:

- материальный объект **А** до эксперимента имеет свойство «**а**» - «быть пластичным (пластилиновым) шаром»;
- материальный объект **В** имеет свойство «**в**» - «быть твёрдым (бильярдным) шаром»;
- материальный объект **А** после эксперимента имеет свойство «**с**» - «быть пластичным (пластилиновым) деформированным, с вмятиной, шаром».

То есть, «**а, в, с**» есть три определённые совокупности свойств двух шаров «**А** и **В**», при этом свойства шара **А** в процессе эксперимента изменились с **а** на **с**. Иными словами, рассматриваемых материальных объектов - два, а совокупностей их свойств - три. Таким образом лишь в абстрактном мире идеального нами было зарегистрировано три абстрактных объекта совокупности свойств (три «информации»), или три информационных объекта – **а, в, с**. Тогда как в материальном мире как было два объекта «**А** и **В**», так и осталось два «**А** и **В**», правда, один из них (**А**) оказался деформированным, с вмятиной.

Ниже приведём трактовку этого эксперимента как элементарной формы познания (в широком понимании) в физическом мире.

5.2.4. Познание - идеальный объект-процесс действительной жизни

При первом рассмотрении и анализе в разделе 4. 2.1. частных отношения собственности в информационной и интеллектуальной жизнедеятельности общества отмечалась такая отличительная особенность информации, предмета отношений собственности, как невозможность отчуждения информации при информационном обмене и корреспондируемая с этим возможность неограниченного копирования (тиражирования). Именно этими свойствами информации и объясняется возникновение в «мысленном эксперименте» *третьего объекта с*. То есть в разные моменты времени материальный объект **А** имел разные свойства (**а** и **с**), которые благодаря копированию («попытке отчуждения»)

информации с исходного материального образца, сохранялись в памяти экспериментатора как два абстрактных информационных объекта-предмета **а** и **с**. Таким образом лишь в памяти экспериментатора одновременно существовали три абстрактных объекта **а**, **в** и **с**.

Однако, если обратиться к изложенным в предыдущем разделе выдержкам из подраздела по физиологии памяти, то в теле головного мозга экспериментатора так же имеется три материальных совокупности *«структурно-функциональных изменений в нервных образованиях, известных под названием «энграмма» (след)»*. Если при этом руководствоваться одной из распространённых теорий долгосрочной памяти, например, гипотезой Хидена о белковой природе памяти, то информация **а**, **в** и **с**, можно сказать, *«закодирована, записана в соответствующих структурах (е) полинуклеотидных цепей молекул»*. *«Разная структура импульсных потенциалов, в которых закодирована определенная сенсорная информация в афферентных нервных проводниках, приводит к разной перестройке молекулы РНК, к специфическим для каждого сигнала перемещениям нуклеотидов в их цепи»*. Таким образом, информация **а**, **в** и **с** зафиксированы с помощью соответствующих сигналов *«в виде специфических отпечатков в структуре молекул РНК»* в теле головного мозга экспериментатора.

В чём же суть собственно процесса познания в этом «мысленном эксперименте»? – Суть достаточно очевидна и согласно вышеприведённым определениям заключается в том, что **«эти шары приведены в соприкосновение с некоторым усилием, а затем вновь разъединены**. В результате этого на поверхности первого шара *«образовалась вмятина, которая представляет собой след»*, оставленный вторым объектом (**В**), шаром, на поверхности первого объекта (**А**)». Эта вмятина представляет собою *сферическую поверхность идентичную поверхности шара «В»*.

В результате этого процесса познания стало известно **новое знание** о том, что объект **«В» имеет сферическую поверхность**. Разумеется, это знание является новым для шара **А** и для экспериментатора, если до эксперимента он не знал какую поверхность имеет объект **В**. Экспериментатор это знание кодирует, и оно достигает высшей формы абстракции в вербальном виде - «сферическая поверхность».

Итак, конкретная информация, - это некий идеальный объект, который может быть воплощён, то есть, зафиксирован (отражён, отображён!) в различных физических формах. Иначе, - это некие общие свойства различных материальных объектов (тел и процессов) различной физической природы и материальной основы. Так как фиксация в физической форме есть определённый «след» источника, - первоносителя, этой информации, то в зависимости от способа фиксации возможны и различные способы декодирования воплощённой информации, то есть приведения её к исходному или требуемому виду (форме) источника - первоносителя.

Соответственно и конкретный процесс познания, который может протекать в различных физических формах, в высшей форме развития материального мира есть идеальный процесс абстрактного взаимодействия понятий и категорий. Примером такого процесса является языковое, вербальное взаимодействие, основанное на сознании и мышлении, которое в естественных науках связано непосредственно с натурным физическим экспериментом.

Однако, следует всё же напомнить, что и здесь вся эта «вербальность» так или иначе сводится к физическим процессам головного мозга и центральной нервной системы человека, ибо, кроме всего прочего, это и есть субъект познания. Тогда как всё прочее, включая и сами вербальные и иные абстрактные процессы взаимодействия, и их объекты, есть элементы познавательного процесса, познания.

При этом процесс декодирования информации есть часть сложного процесса познания, использующий некоторые стандартные, известные процедуры взаимодействия.

Продолжим рассмотрение приведённых в книге «Теория информационного общества...» простейших примеров информации как следа от физического (механического) взаимодействия материальных тел под углом зрения процесса познания. То есть, - под углом зрения получения (новых) знаний, информации, в соответствующем процессе познания.

На рисунке 5.2. как и прежде рассматривается взаимодействие плоских тел «круг» и «квадрат», при этом тела, форма которых неизвестна, и форму которых нужно познать в ходе этих мысленных экспериментов, обозначены расположенным внутри границ их изображения вопросительным знаком «?». В этих примерах познаётся объект «квадрат» **В** - тело, форма которого

считается неизвестной. Субъект, который познаёт объект **В**, а в данном простейшем случае это и сам инструмент познания, то есть объект **А**, есть тело «круг». Этот субъект-объект, как инструмент познания, обозначается расположенным внутри границ его изображения буквенным знаком «И».

В этом эксперименте в качестве субстрата объектов **А** и **В** используются субстраты в трёх вариантах: твёрдое (индекс объекта – **т**), пластичное (индекс объекта – **п**) и упругое (индекс объекта – **у**). Таким образом, возможны девять различных вариантов сочетания пар взаимодействующих объектов по свойствам их субстрата: **А_т-В_т**, **А_п-В_т**, **А_у-В_т**, **А_т-В_п**, **А_п-В_п**, **А_у-В_п**, **А_т-В_у**, **А_п-В_у**, **А_у-В_у**.

Мыслимый эксперимент имеет целью получить информацию о форме тела объекта **В** с помощью тела объекта **А**. Иначе говоря, в рамках этого мыслимого эксперимента объект **А** получает в результате физического взаимодействия информацию о форме объекта **В**, то есть – *познаёт форму тела*, «неизвестного» ему объекта **В**.

Напомним, что в элементарном случае, который нами и рассматривается, информация это след от одного материального тела объекта на другом как результат их взаимодействия. Сам же след есть некое изменение исходного материального объекта (или процесса, если объектом является процесс), то есть вполне определённое отличие от прежнего (предшествующего) состояния, как «результат» внешнего воздействия (взаимодействия).

Начнём с наиболее очевидного и ожидаемого примера рисунка 5.2.

Пример № 1. Взаимодействие плоского пластичного объекта - **А_п**, и плоского твёрдого объекта - **В_т**. (Плоские тела по определению имеют ничтожную толщину и поэтому их изображение в полной мере, исчерпывающе, может быть представлено двухмерным графическим рисунком на плоскости, если, разумеется, речь, в первую очередь, идёт только о геометрических свойствах этих тел). В нашей интерпретации этого взаимодействия как элементарного акта познания: - объект («субъект») **А_п** познаёт объект **В_т** посредством отражения свойств формы объекта **В_т** на форме объекта **А_п** в виде следа от этой формы тела. То есть инструментом познания выступает (является) тело объекта **А_п**, форма же следа есть конкретное знание с о форме объекта **В**.

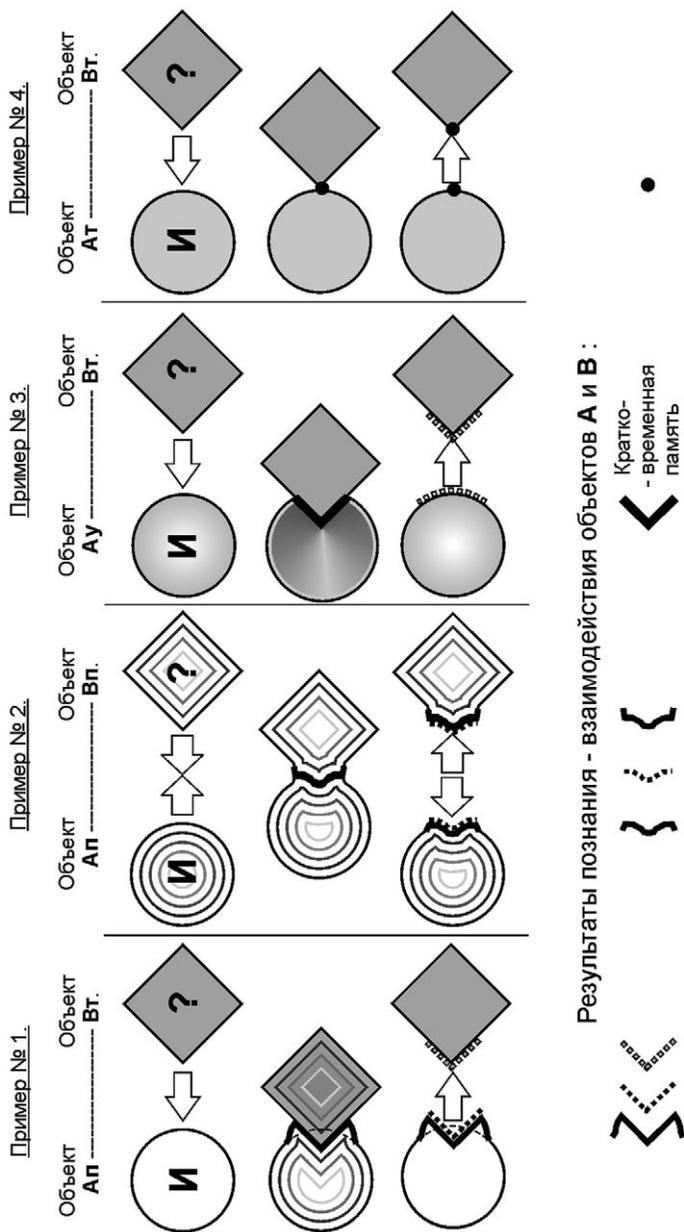

Рис.5.2. Познание как взаимодействие материальных тел

В этом примере само взаимодействие есть процесс познания, выражающийся в соприкосновении твёрдого объекта **B** с неподвижным пластичным объектом **A** и последующей деформацией его (круга) под силовым давлением при поступательном движении объекта **B**. Затем твёрдый объект **B** был отделён и отведён на прежнюю позицию. В результате этого взаимодействия на контуре пластичного тела круга объекта **A**, представляющего собой окружность, образовалась вмятина, на окраинах которой возникли небольшие валы, выходящие за границы окружности прежнего контура пластичного круга. Эта вмятина на теле объекта **A** «представляет собой след», оставленный твёрдым объектом **B**, и несёт (содержит) новую информацию (абстракцию, свойство, изменение!) «с» о ранее неизвестной форме тела объекта **B**.

Заметим, что при этом площадь тела объекта **A** не изменилась, но изменился, деформировался, лишь наблюдаемый нами его контур, контур объекта-инструмента с формой тела «круг» - **A_п**. Этот новый контур тела объекта **A** содержит «остатки» прежнего контура в форме окружности и новую информацию (абстракцию, изменение) в виде контура прямого угла – **с** (здесь мы намеренно опускаем «валы смятия» как сопутствующую информацию, связанную со свойствами пластичности тела объекта **A**, и некоторыми вторичными свойствами формы тела объекта **B**).

Часть круга с прямоугольной вмятиной от объекта **B** представляет, можно сказать, своеобразное «зеркальное отражение» той части тела объекта **B_т**, которая была (входила) в соприкосновение с объектом **A_п**.

Итак, в подобном взаимодействии двух объектов **A** и **B** не наблюдается «возникновение третьего объекта», но наблюдается изменение контура (поверхности) тела объекта **A**, которое представляет собой след (вмятину), которая есть отражение некоторой части поверхности твёрдого неизвестного ранее объекта **B** в форме прямого угла. Появившийся контур прямого угла в новом контуре объекта **A** и есть новое свойство, новый абстрактный объект **с**, который есть результат познания объектом-субъектом **A** объекта **B** и который, можно сказать, является «третьим абстрактным объектом», наряду с абстрактными объектами-свойствами **а** и **в**. При этом часть свойств, а именно

абстрактное свойство «прямой угол» c , идентичное (тождественное) свойству b , принадлежит уже объекту A .

Контур вмятины повторяет контур прямого угла квадрата, то есть линия контура вмятины (на рис. 5.2 в примере № 1 эта линия изображена точечным пунктиром) есть линия части контура квадрата, но никак не «зеркальное отражение» квадрата. Вот эта линия и представляет собою информацию о форме части контура квадрата. Поэтому, будучи ломаной «линией», геометрической кривой, эта линия не является материальным объектом. (Но, - само изображение этой линии есть объект материальный!)

Однако эта геометрическая кривая, в абстракции рассматриваемая как информационный объект (объект информации), может, но не «должна», рассматриваться как объект идеальный.

Следует так же заметить, что и изображаемая на собственно рисунке 5.2 линия фрагмента контура квадрата, то есть «прямой угол», является материальным объектом (графитовый след карандаша) с тем же свойством контура, точнее, - «воображаемой» средней линией, что и сам контур квадрата.

Итак, в примере № 1 элементарное «физическое» познание свелось к взаимодействию посредством встречного движения, к смятию под силовым давлением и последующему отведению объекта-субъекта и неизвестного, познаваемого (изучаемого), объекта от положения их контактного взаимодействия. Полученная при этом информация (след) сохранилась и после окончания взаимодействия, что может трактоваться в данном элементарном процессе познания как сохранение в «долговременной памяти» субъекта познания. Полученные новые знания (след прямого угла) не требуют последующего, «внешнего», декодирования, ибо их визуальные восприятия, с нашей стороны, как стороннего наблюдателя, совершенно идентичны и используют знакомые нам понятия, одни и те же визуальные графические образы.

Пример № 2. Отличие этого элементарного примера познания от предыдущего состоит в том, что изучаемое (познаваемое) плоское тело объекта B_n так же пластично, как и «познающий» объект-субъект A_n .

В этом примере взаимодействие выражается во взаимном соприкосновении и последующей взаимной деформацией при

давления друг на друга. После этого тела вновь разъединяются и отводятся друг от друга на прежние позиции.

Здесь в полной мере наблюдается проявление фундаментального свойства материи как «отображение» (отражение), причём взаимное отображение, одной части материи на другой. При этом имеет место именно взаимное деформирование форм (контуров) обоих тел, то есть следы (вмятины) образовались на двух рассматриваемых плоских телах.

В нашей интерпретации, можно сказать, наблюдается взаимный процесс физического познания, основанный на встречном обмене информацией между объектами A_n и B_n . Однако, контактная информация фрагмента формы как геометрическое место точек поверхности соприкосновения вмятины (следа), ни на одном из этих тел не идентична исходной форме контуров этих тел.

Таким образом это взаимодействие есть, можно сказать, некое «наложение» двух элементарных актов познания:

- объект («субъект») A_n познаёт объект B_n посредством отражения свойств формы объекта B_n на форме объекта A_n , то есть инструментом познания выступает (является) тело объекта A_n , форма же следа есть знание $c_A(B)$ о форме объекта B ;

- объект («субъект») B_n познаёт объект A_n посредством отражения свойств формы объекта A_n на форме объекта B_n , то есть инструментом познания выступает (является) тело объекта B_n , форма же следа есть знание $c_B(A)$ о форме объекта A .

При этом очевидно, что знание (информация, свойство) $c_A(B)$ тождественно знанию (информации, свойству) $c_B(A)$, так как в результате этого взаимодействия на контуре пластичного тела объекта A , представляющего собой окружность, в месте соприкосновения образовалась вмятина, контур которой есть зеркальное отображение той вмятины, которая образовалась в месте этого соприкосновения на контуре пластичного тела объекта B , представляющего собой квадрат.

Полученная при этом информация (след) сохранилась и после окончания взаимодействия, что может трактоваться в данном элементарном процессе познания как сохранение в «долговременной памяти» субъекта познания объекта A_n , так и объекта познания B_n , по воле случая, благодаря пластичности, обладающего так же «долговременной памятью» и являющегося поэтому «невольным субъектом» познания объекта–субъекта A_n . Однако, в отличие от

примера № 1, полученные новые знания, след сложной формы, а не след прямого угла, требует последующего декодирования. Декодирование необходимо потому, что визуальное восприятие контура сложного следа, с нашей стороны, как стороннего наблюдателя, совершенно не идентично следу «прямой угол», требует использования неопределённого понятия «сложная форма» и не совпадает с визуальным графическим образом «прямой угол».

То есть для нас, как сторонних наблюдателей, требуются дополнительные процедуры познания, разумеется уже в «человеческих» понятиях, чтобы идентифицировать такое свойство контура объекта **В** как «прямой угол». Пример такого декодирования следа был рассмотрен в книге «Теория Информационного общества...», поэтому здесь ограничимся лишь ссылкой на него. Однако, рассмотрение примера этого элементарного процесса физического (механического) познания с двумя пластичными объектами приводит к совсем не тривиальным выводам для процессов познания. Поэтому продолжим в рамках примера № 2 анализ элементарных процессов познания для некоторых частных случаев.

Пример № 2а. Этот частный элементарный пример познания отличается от предыдущего примера № 2 тем, что изучаемое свойство контура формы (познаваемого) плоского тела объекта **В_n** и «познающего» объект-субъект **А_n** не только одинаково пластичны, но и имеют одинаковую форму. То есть нами рассматривается пример с двумя неразличимыми объектами - копиями друг друга и, следовательно, объект **А** тождественен объекту **В**.

Как и ранее, процесс познания сводится к взаимодействию объектов **А** и **В**, которое зеркально сориентированы в расположении своих форм и выражается во взаимном соприкосновении и последующей взаимной деформацией при давления друг на друга. После этого тела объектов вновь разъединяются и отводятся друг от друга на прежние позиции.

Наконец их «глубина» их пластической деформации в каждой точке соприкосновения (контакта) одинакова для каждого из взаимодействующих тел объектов.

На рисунке 5.3 в графической форме изображён поэтапно элементарный процесс физического познания (взаимопознания) двух объектов «круг», двух объектов «квадрат» и двух объектов «треугольник».

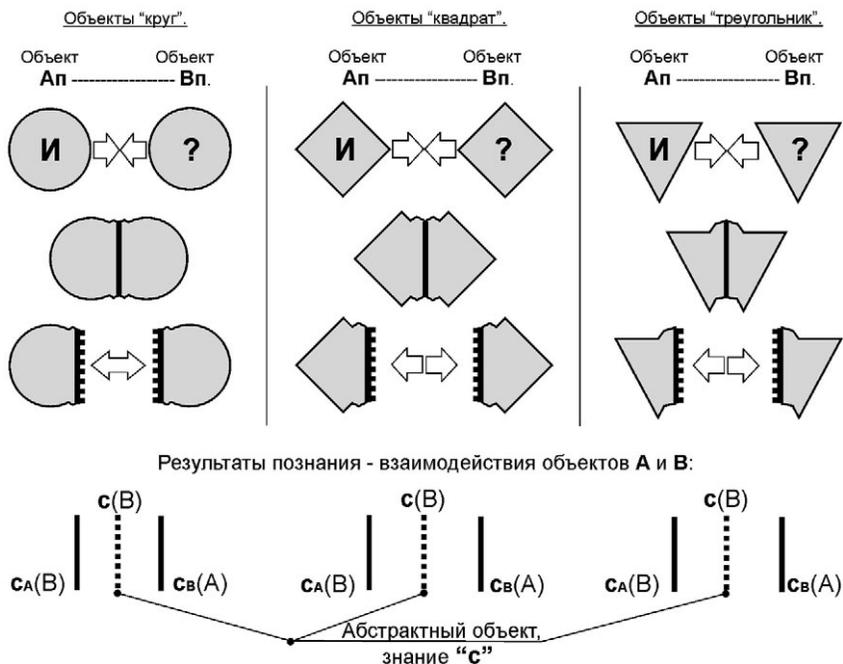

Рис. 5.3. Результаты познания при взаимодействии объектов с одинаковыми контурами тел (пример № 2а)

Результаты познания очевидны и во всех случаях след от взаимодействия этих пар одинаковых объектов, то есть полученное в «механическом» виде знание о форме (как следа от взаимной деформации), есть прямая линия. Следовательно, в случае процесса познания при взаимодействии одинаковых объектов получение истинного знания об одном из них невозможно. И это действительно так.

Попытки декодирования «следа» при условии знания формы одного из них неизбежно приводят к знаниям, то есть к форме контура в зоне соприкосновения полностью идентичному контуру тела начального объекта A_n , взятого в качестве «субъекта-объекта», то есть в качестве инструмента познания, форма контура которого считается известной априори, до эксперимента.

Так как основное в нашем исследовании это – социология развития общества, то ограничимся вышеизложенным в деле познания «познания». Однако, учитывая, что предметом настоящей

работы является «Общество знания» и человек как агент этого воспроизводственного процесса действительной жизни, остановимся лишь на одном важном следствии из только что рассмотренного примера № 2а. При этом в силу тех же причин не будем и очень углубляться в обоснование последующего обобщения, считая, что для данной работы приведённых обоснований более чем достаточно.

Речь идёт о возможности познать человеком самого себя и своё общество как совокупность себе подобных. Конечно, это не элементарное физическое (механическое) познание, а чрезвычайно сложный и до конца так и не познанный акт высшей нервной, психологической жизнедеятельности человека и его общества. Но это одно из основополагающих свойств материи, которое, так или иначе, должно и проявляется в её высшей форме сложности – в человеке и в обществе. Скорее всего, это нашло отражение в такой поговорке как – «Всяк мерит на свой аршин», то есть судит (познаёт!) других по себе, по своим поступкам, и не в состоянии, как говорят, судить с чужой, часто с противоположной, позиции.

Однако это не означает, что такое познание не возможно, и, оно не происходит. Просто это познание чрезвычайно затруднено и весьма сложно. Так когда-то в диспутах на одном из форумов Интернета В. Беллом и др. было введено понятие диалектического объекта, то есть объекта, который содержит как часть и как процесс жизнедеятельность человека и самого человека. То есть в этом случае человек как бы познаёт самого себя и своё общество.

С другой стороны, на том же форуме другим исследователем, М. Белоноговым, было введено понятие мышления (познания) в «бесконечных понятиях». Это весьма созвучно с познанием «диалектического объекта», когда имеет место бесконечное познание человеком «диалектического объекта» и себя в нём, заключающееся в асимптотически бесконечном уточнении знания о «диалектическом объекте» посредством знания, полученным на предшествующем шаге познания.

На рисунке 5.4 этот бесконечный процесс получения человеком нового знания о себе самом и своём обществе представлен упрощённой схемой «субъект (человек) – объект (общество и тот же человек в нём)». То есть это есть мышление и познание в, так называемых, асимптотически «бесконечных понятиях» процесса познания. Видимо поэтому, по причине сложности и нескончаемости

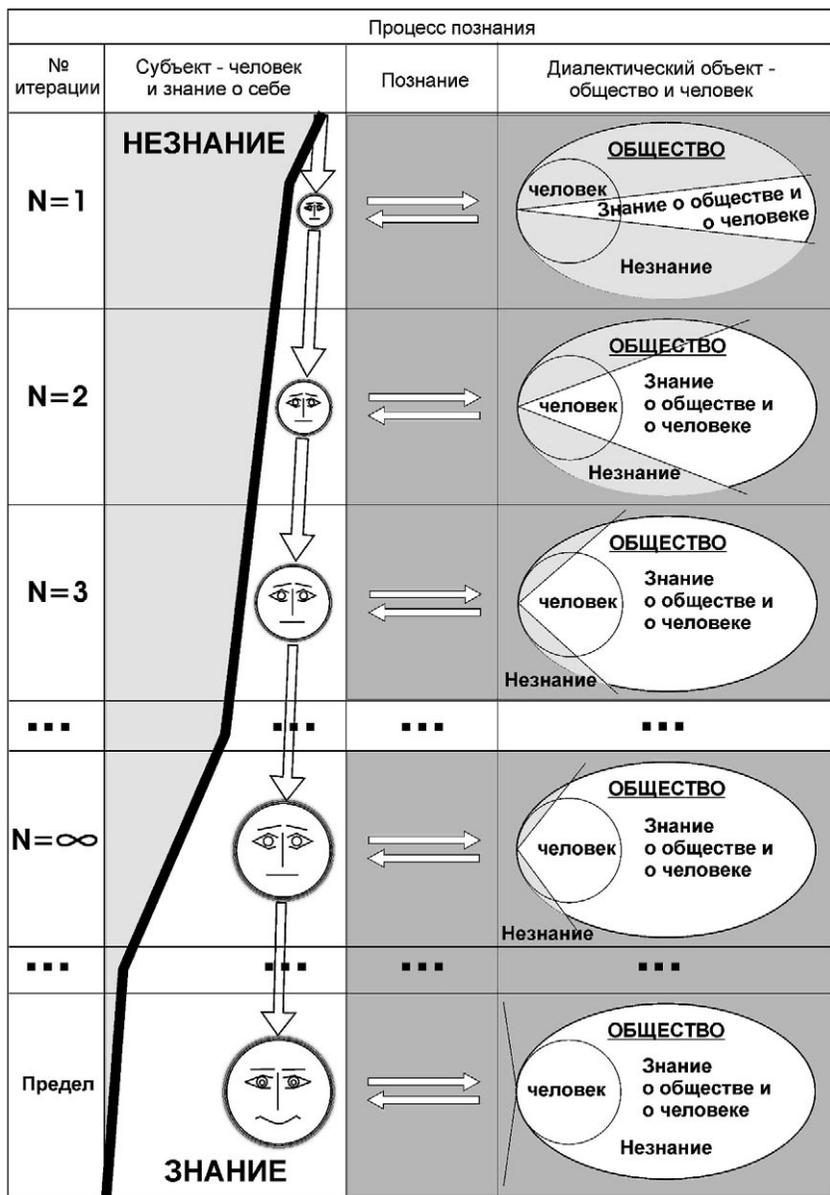

Рис. 5.4. Бесконечный процесс получения человеком нового знания о себе и обществе как мышление и познание в «бесконечных понятиях»

процесса познания, учитывая, что познать можно только то, что есть как факт, многие исследователи крайне настороженно относятся ко всякой прогностической деятельности в социальных явлениях и в развитии общества.

Однако, опираясь на базовые, материальные свойства общественного развития, всё же, считаем мы, такое прогнозирование не совсем безнадежно и в значимой степени возможно, разумеется, без всякой «бытовой конкретики» в организации и управлении обществом.

Наконец, учитывая приведённый пассаж о познании, напомним, что всякую теорию можно оценить, указать на её недостатки, достоинства и границы применения, лишь с позиций более общей теории, которая генерализирует, то есть включает её как составную часть.

Но вернёмся к рассматриваемому элементарному эксперименту познания.

Пытаясь передать информацию, знания, представляющие в конечном итоге всего лишь свойство некоторого материального тела (процесса), мы вынуждены использовать определённые материальные носители. Информация неотделима от материального тела как его некое данное свойство и не может существовать самостоятельно, а только, как принято говорить, на «материальной подложке». То есть, всегда можно получить или создать другое материальное тело, имеющее интересующее нас свойство, то есть несущее некое нужное нам знание. При этом происходит копирование, но не материального тела, созданного каким-либо автором или природой и обладающего интересующими нас свойствами, а копирование интересующего нас знания как некоего свойства этого объекта.

Таким образом, для того, чтобы получить новое знание, новое для нас как субъекта познания, совсем не обязательно ставить некий эксперимент для получения нового знания (познания). Для этого достаточно ознакомиться с результатами познания, выполненным другим субъектом, то есть в этом случае новое знание образуется в процессе ознакомления с описанием и результатами эксперимента, произведённым другим субъектом, например, в форме научного отчёта, статьи или устного доклада на научно-практической конференции. Очевидно, что в этом случае

познание происходит на уровне понятий и представлений, а не отталкивается от чувственного восприятия и ощущений.

Однако, как можно заметить, что для такого пути получения знаний и познания мира не достаточно самого эксперимента и мышления другого субъекта «на уровне понятий и представлений» в процессе ознакомления с описанием и результатами этого эксперимента, произведённым другим субъектом. Необходимо, чтобы субъект, производивший эксперимент и получивший новое знание, перевёл описание и результаты этого эксперимента на язык понятий соответствующей научной дисциплины. При этом, как уже было отмечено, другой субъект должен владеть языком понятий этой научной дисциплины (научной школы, теории, мировоззрения и т.п.).

Очевидно, что полученные в процессе познания новые знания, как правило, представляют интерес для множества других субъектов познания, которых можно идентифицировать как конечных потребителей этого полученного знания или потенциальных субъектов этого процесса познания, нуждающихся в этом знании. Однако получение этого нового знания в форме понятий соответствующей научной дисциплины и в виде некоторой публикации (отчёт, статья, доклад) не обязательно должно исходить непосредственно от субъекта, проводившего познавательный эксперимент. Для этого существуют и выступают в качестве промежуточных, но не конечных, потребителей нового знания, информации, так называемые, ретрансляторы и коммуникаторы.

Особо следует заметить, что знания как и информацию, вообще-то, не «потребляют». То есть, - не поедают как пищу, не «переносят стоимость» как при использовании средств производства и орудий труда в производстве вещей. Короче говоря, - знания «воспринимают», «осмысливают», «обрабатывают» и «используют». Знания, полученные в процессе прямого (непосредственного) познания, анализируют, обобщают и синтезируют. Затем эти знания - тиражируют и транслируют, можно сказать, «загружают» в информационное пространство общества.

В целом, схематично, процесс познания в общем виде с учётом сказанного представлен на рисунке 5.5.

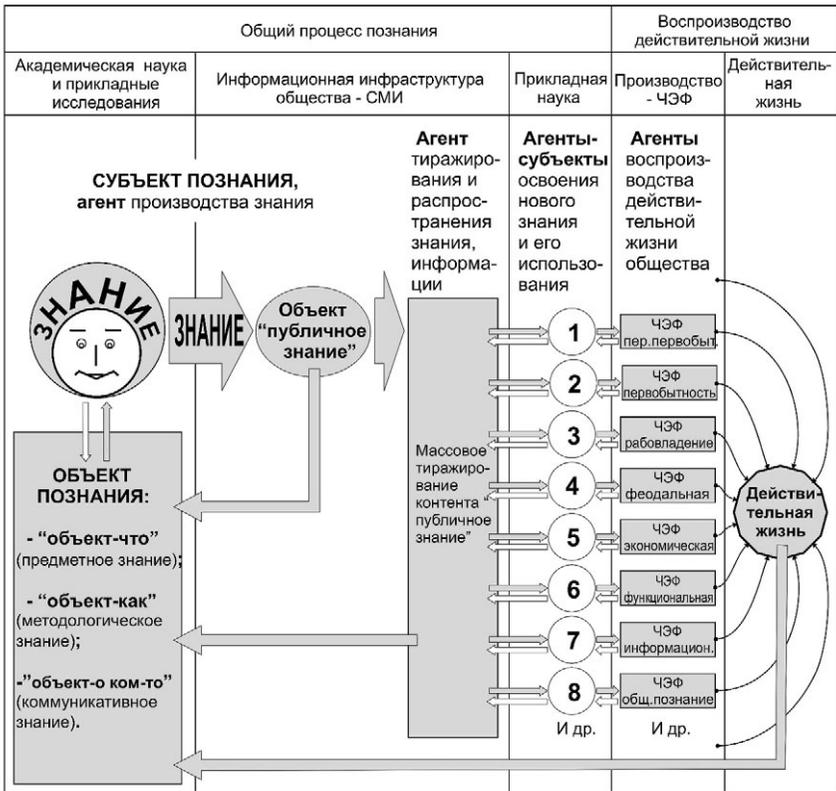

Рис. 5.5. Процесс познания как сложный процесс получения, распространения и применения знаний

В «Информационном обществе», согласно «Теории Информационного общества...», производство одинаковых информационных объектов, объектов «знание», есть распространение уникальных информационных объектов и объектов знания (контента) на основе их копирования и тиражирования с помощью свободного эквивалентного информационно-коммуникационного обмена, то есть «соинформирования». Информационный обмен контентом производится в соответствии с законом ценности ЧЭФ «информационная», при этом имеет место равенство общественных текущих ценностей, обмениваемых контентом.

И если при капитализме и в «Информационном обществе» материально-знаковые отношения принимают форму денег и «торрентов», в чём-то напоминающих деньги, то в «Обществе знания» иначе. Здесь господствует процесс общественного познания, можно сказать, специфическая научно-исследовательская работа по производству нового знания, поэтому в роли материально-знаковых отношений выступают своеобразные виртуальные исследовательские статусы, то есть документы, научные авторитеты работников творческого труда и когнитивной жизнедеятельности.

В отличие от материально-знаковых отношений при социализме в форме «документов» и «статусов», отражающих значимость, важность соответствующего вида деятельности (работы), здесь господствует не «формальный статус», определяемой практически полностью положением во всей иерархии производства и воспроизводства действительной жизни, а иной. Этот «виртуальный» исследовательский статус во многом определяется научным, творческим авторитетом в данной области процессов познания, то есть действительным, фактическим, авторитетом определённой области знания соответствующей общности специалистов.

5.2.5. Познание это идеальная форма отображения мира нашим сознанием

Основываясь на принятом определении познания, а именно, что - *«Познание есть процесс отображения материи самой на себя»*, следует признать, что в самом общем виде механизм познания действительного мира человеком и обществом тот же, что и рассмотренный нами ранее на частном и элементарном в своей «физике» примере. Ведь сам человек и общество есть часть материального мира, часть окружающей нас реальности.

Более того, само мышление в процессе познания есть «физический процесс», пусть и в некой биологической оболочке организма. Это всего лишь некое взаимодействие различных частей-объектов организма, различных частей-объектов органов человека, его клеток, плоти и т. п.

Однако продвигаясь всё ближе к основному объекту нашего исследования, необходимо чётко разделять процесс познания индивидом и процесс познания обществом и в обществе. И если в первом случае основным инструментом мышления и познания является мозг человека и его психика, а субъектом познания является индивид (человек), то в случае познания обществом, и в обществе, речь идёт уже о взаимодействии такого субъекта как общество или определённой совокупности людей.

В предыдущей книге «Теория Информационного общества...» проблема частного, индивида и человека, и общества в целом практически не затрагивалась, хотя и упоминались такие понятия как культура, «всеобщий интеллект», «общественное богатство», «корпоративный капитал», «интеллектуальная рента», «интеллектуальная сила» и пр. И хотя ранее нами в решающей степени излагались фрагментарно лишь некоторые основы психологии и физиологии познания человеком, основанные на психике и физиологии отдельно взятого человека, индивида, со всем его мышлением и сознанием, то в дальнейшем речь пойдёт о глобальном процессе познания обществом и в обществе.

Это разделение вполне созвучно с соотношением таких понятий как бесконечного множества конкретных исполнительных функций различными членами общества, а так же и не меньшего разнообразия технических, промышленных, управленческих технологий, с одной стороны, и понятий социологических технологий и функций в «Полилогии...» А. С. Шушарина, в его политической теории социализма, с другой стороны.

Напомним, что в полилогии доминирующим базовым объектом производственных отношений и группо-иерархических отношений собственности при социализме (ЧЭФ «функциональная») является всем известный в быту объект-процесс «работа», который в полилогии онаучен терминами «технологии» и «функции». Так называемыми собственниками этого объекта группо-иерархических производственных отношений выступают: работник, бригада, цех, завод, отрасль, вся страна.

То есть в полилогии социализма под технологиями понимаются не конкретные технологические процессы, например:

- не технологии сварки, штамповки, резки металлов и пластмасс;

- не технологии химических процессов полимеризации, окраски, возгонки, анодирования и хромирования;
 - не детализированные технологии процессов сборки различных технических устройств, самолётов, кораблей, ЭВМ, смартфонов и планшетов;
 - не технологии процедур лечения различных заболеваний и проведения медицинских операций;
 - не технологии процессов обучения детей, школьников, студентов;
 - не технологии процессов подготовки и обучения лётчиков, капитанов кораблей, водителей и диспетчеров, в том числе и на тренажёрах;
 - не технологии приготовления пищи, напитков и вин;
 - не технологии выращивания различных овощей, зелени и фруктов в открытом грунте и в теплицах;
 - не технологии поиска и добычи полезных ископаемых;
- и т.д., и т. п.

В полилогии социализма под технологиями понимаются технологии социальной организации совместной деятельности общества в целом, обеспечивающие ему историческое восходящее развитие по сложности. Это развитие, как свершившийся факт, есть историческая последовательность социально-воспроизводственных градаций: переломная первобытность, первобытность, рабовладение и феодализм, капитализм и социализм, «Информационное общество» и «Общество знания».

Проводя эти параллели и аналогии между объектом-процессом социализма «работа» (технологии) индустриальной эпохи и объектом-процессом градации «Общество знания» - «общественное познание», второй фазы эпохи знания, следует упомянуть и механизмы взаимодействия агентов производства при социализме - это «соисполнение» (план). Механизм же взаимодействия агентов производства «Общества знания», - это «логическое соответствие», то есть взаимопонимание как единый концепт и единомыслие, единая логика мышления – научного мышления. Эта отсылка к механизму категорий «технология» и «общественное познание» наиболее концентрировано и однозначно проводит границу между конкретными аспектами технологий и познания и их «однофамильцами» в полилогии как политической социологии исторического развития общества. При этом, однако,

явно сохраняется некий «концепт», некое единство и преемственность в понимании этой терминологии при сохранении коренного различия в их использовании.

Разумеется, исторически общественное познание далеко ушло в своей сложности от простых и элементарных физических взаимодействий, подробно рассмотренных ранее на примере с контурами плоских тел, равно как и отображаемая в этих мыслимых экспериментах элементарная, примитивная информация. Это «далеко» измеряется, в современном представлении, более чем 4-мя миллиардами лет, да и то, - только для нашей планеты Земля. Однако можно сказать, что исходная материальная база едина, а поэтому и базовые законы, и свойства материи остаются неизменными. То есть сознание, язык, семиотика человеческого социума имеют те же элементарные корни. Степень же, скажем так, свёртки (суммы сумм и т.д.) исходных процессов познания и «примитивной информации», способы их переработки за эти миллиарды земных лет, а ещё ранее всего мироздания, росли и усложнялись также как сама сложность материи и достигли, наконец, современного земного уровня мышления.

На самом высшем, человеческом, уровне «непротиворечивой терминосистемы «архилексем и признаков семантических полей для них», то есть понятий и их толкований», согласно монографии И. М. Зацман «Концептуальный поиск и качество информации» (М.: Наука, 2003), находятся *знания и информация*. При этом:

«1) Архилексема *знания* – те результаты познавательной деятельности человека, носителем которых может быть только человек;

2) архилексема *информация* – вербальные и/или невербальные формы знаков и знаковых образований, т.е. любые знаковые формы, создаваемые субъектом как эксплицитное представление его знаний, предназначенные для непосредственного сенсорного восприятия и понимания их другими субъектами».

Здесь имеет чёткое выделение того (знания, информация), что относится к человеку и его интеллекту от того, что относится к машинному представлению и машинной обработке – коды, данные и цифровые данные. Таким образом, так понимаемые «знания и информация» имеют непосредственное отношение к взаимодействию людей в обществе и обществу в целом. Отсюда следует, что рассматриваемые в «Обществе знания» познавательные процессы

органически ограничиваются (разумеется, - главным образом) теми, которые своим результатом имеет «содержание, смысл сообщений, передаваемых людьми друг другу», то есть результатом, «представленным в форме, пригодной для прочтения смысла, который был приписан данному контексту для его использования».

То есть в рассматриваемой нами ЧЭФ «общественное познание» как доминирующей формы воспроизводства в «Обществе знания» человек как агент производственного процесса познания имеет дело лишь со «смыслами», выражаемыми в том, или ином виде.

И второе, чем следует закончить этот небольшой раздел.

Новые смыслы и новое знание, порождаемое общественным процессом познания, есть абстракции, как и всякий мыслительный процесс отображения реального мира действительной жизни. Этот окружающий нас мир существует в реальности, а общество и человек в целях своего устойчивого существования познаёт его и на основе полученного знания корректирует свою жизнедеятельность. И то, насколько совершенна познавательная жизнедеятельность общества и человека, то насколько близко к истине они воссоздают в процессе общественного познания в своём сознании, в сознании человека и в «сознании общества», окружающий мир реальности, и себя в этом мире, - настолько велик потенциал их устойчивого развития в мире окружающей их реальности.

Таким образом, основой процесса познания окружающей нас среды являются:

- процесс индивидуального познания окружающей нас среды отдельным индивидуумом (человеком) как субъектом, в котором объектом познания выступает вся окружающая нас среда или её части и прочие образующие её элементы, формирующие её структуру и обеспечивающие её функционирование и развитие;

- процесс «диалектического» познания окружающей нас среды и нас самих отдельным индивидуумом (человеком) как субъект-субъектное взаимодействие;

- процесс общественного познания окружающей нас среды и нас самих на базе коллективного сознания и мышления общества и его культуры как интерсубъектный процесс с полной или с частичной ретинальностью (передачи информации и сигналов сети сообществ и субъектов общества) коммуникативности его субъектов.

Последний процесс и составляет предмет нашего исследования, который, можно сказать, имеет наибольший объём и наименьшее содержание как совокупность существенных признаков и свойств понятия «общественное познание».

5.2.6. Атрибутивные свойства процесса общественного познания в обществе

Излагая в полилогии основы линейной (плановой, отраслевой) формы, а короче ЧЭФ «социалистическая», и, сравнивая её с ЧЭФ «экономическая» (рыночная, капиталистическая), А. С. Шушарин пишет:

*- «Кроме конкретной, несопоставимой, стороны работы функция (базовый объект ЧЭФ «плановая, социалистическая» - ХАТ) имеет и абстрактную сторону общественной формы своего бытия – **положение функции**, проявляющееся в относительном единообразии заключенного в её выполнении уже абстрактного труда исполнителя функции. Положение функции – это своего рода общественное, производственное место, одномерный «вес», в соотношении с другими («меновая стоимость»). В целом пока можно сказать так: вместо обмена, товара, потребительной стоимости и стоимости товара (в товарном производстве) в функциональном производстве соответственно выступают соисполнение, функция, работа и положение функции. Но если обмен товаров осуществляется на основе **равенства** (величин) положения функций. Функциональность здесь и обнаруживает себя именно как **связь соответствия** (А. М. Могомедов)».*

Эта полилогическая логика исторически последовательного восходящего перехода от ЧЭФ «рыночная» к ЧЭФ «плановая» в срезе их доминирующего положения в обществе эпохи индустрии схематично представлена в левой части таблицы рисунка 5.6.

Подобное соответствие имеет место и в эпохе знания.

Полилогическая логика исторически последовательного восходящего перехода от ЧЭФ «информационная» к ЧЭФ «общественное познание» в срезе их доминирующего положения в обществе эпохи знания схематично представлена в правой части таблицы 5.1.

Таблица 5.1

Фрагмент развития доминирующих форм категорий

Генерализующие категории полилогии	Некоторые категории общественно-воспроизводственных градаций			
	Эпоха индустрии		Эпоха знания	
	ЧЭФ «рыночная»	ЧЭФ «плановая»	ЧЭФ «информационная»	ЧЭФ «общественное познание»
Механизм взаимодействия агентов	Товарообмен	Соисполнение	Соинформирование	Логическое соответствие
Базовый объект и его элементарная политическая форма явления	Средства производства	Технология	Информация, информатика	Общественное познание
	Товар (вещь)	Функция	Контент (абстракция)	Исследование
Богатство потребления	Потребительная стоимость	Работа	Потребительная ценность	Общественная познавательная деятельность
Богатство созидания	Стоимость товара	Положение функции	Ценность контента	Положение исследования
Основа механизма взаимодействия	На основе равенства стоимостей (обмен)	На основе соответствия положения функций (соисполнение)	На основе равенства текущих ценностей («обмен»)	На основе концептуального логического соответствия положения исследований (взаимопонимание)

Основные категории доминирующей ЧЭФ общественно-воспроизводственной градации «Общество знания» представлены в последней колонке таблицы.

Таким образом, основной, атрибутивной чертой процесса общественного познания как базового объекта действительной жизни общества является абстрактный характер процесса, реализуемого через психическую жизнедеятельность человека и коммуникативную жизнедеятельности общества, главным образом, на основе конкретного языка общения, «смыслов» и понятий.

В процессе общественного познания, познания обществом, могут использоваться все виды вербальной и невербальной коммуникации.

Сам процесс общественного познания, познания обществом, реализуется на основе коллективного сознания и мышления как

некой надстройки, нового праоргана и нового прапроцесса, над атомизированной совокупностью индивидуальных сознаний и мышления индивидов, граждан, общества.

Конкретизируя прочие существенные свойства процесса общественного познания, то есть познания обществом как субъектом познания, отметим следующие:

- общественное познание есть системный ретиальный (сетевой) коммуникативный процесс;

- общественное познание есть итерактивный диалектический процесс;

- общественное познание есть интерсубъектный процесс (каждый участник коммуникативного процесса активен и локально выступает в роли субъекта);

- в процессе общественного познания (может) меняется сам тип отношений между участниками познания;

- общественное познание возможно и требует от «локальных субъектов» (коммуникаторов и реципиентов) одного языка и одного тезауруса, единого исследовательского концепта;

- процесс общественного познания протекает эффективно в условиях однозначного понимания ситуации общения;

- в зависимости от социальной ориентации процесса общественного познания действует фактор «доверия – недоверия».

5.2.7. Логика мышления

Вплотную приблизившись к исследуемому объекту-процессу «общественное познание (познание обществом)» целесообразно использовать не только знания из области физиологии и психологии мышления и познания, но кратко представить некоторые корреспондируемые с нашим исследованием фрагменты самой логики познания (мышления) – науки, изучающей мышление как средство познания. Предметом этой науки *«являются законы и формы, приёмы и операции мышления, с помощью которых человек познаёт окружающий его мир»*.

Напомним, что в основе предмета нашего исследования лежат производственные отношения в обществе, причём «Общества знания», в котором доминируют процессы общественного познания, а наряду с ценностью самого познания, как главенствующего типа

жизнедеятельности, имеет место общественное богатство в виде информации и знания.

В основу изложения логики мышления положим фрагменты учебного, многократно переиздаваемого, пособия по логике авторов Кириллов В. И., Старченко А. А. «Логика» (М.: ЮРИСТЪ, 2004). Этот материал в некоторой части повторяет ранее изложенные положения, но будучи целостно представленным, сохраняет свою исходную ценность.

5.2.7.1. Роль мышления в познании

«Познание как процесс отражения объективного мира сознанием человека представляет собой единство чувственного и рационального познания». Рациональное означает познание с помощью мышления, разума (лат. ratio – «разум»).

<...>

Чувственное познание протекает в трех основных формах: ощущение, восприятие, представление.

<...>

Однако, познавая окружающий мир, человек стремится установить причины явлений, проникнуть в сущность вещей, раскрыть законы природы и общества. А это невозможно без **мышления**, отражающего действительность в определённых логических формах.

<...>

Рассмотрим основные особенности мышления.

1. Мышление отражает действительность в обобщённых образах. В отличие от чувственного познания мышление абстрагируется от единичного, выделяет в предметах общее, повторяющееся, существенное. Так, выделяя общие всем людям свойства – способность трудиться, мыслить, обмениваться мыслями при помощи языка, – мышление обобщает эти свойства и создаёт абстрактный образ человека. ... Благодаря обобщению абстрактное мышление глубже проникает в действительность, открывает присущие ей законы.

2. Мышление – процесс опосредствованного отражения действительности. При помощи органов чувств можно познать лишь то, что непосредственно воздействует или воздействовало на

органы чувств. ... Благодаря мышлению мы получаем новые знания не непосредственно, а на основе уже имеющихся знаний, т.е. опосредствованно.

<...>

Знание, полученное из уже имеющихся знаний, без обращения в каждом конкретном случае к опыту, к практике, называется **выводным**, а сам процесс его получения – **выведением**. Получение новых знаний путем выведения находит широкое применение в познавательной деятельности человека.

3. **Мышление неразрывно связано с языком.** Какая бы мысль ни возникла в голове человека, она может возникнуть и существовать лишь на базе языкового материала, в словах и предложениях. При помощи языка люди выражают и закрепляют результаты своей мыслительной работы, обмениваясь мыслями, добиваясь взаимного понимания.

4. **Мышление – процесс активного отражения действительности.** Активность характеризует весь процесс познания в целом, но прежде всего – мышление. Применяя обобщение, абстрагирование и другие мыслительные приёмы, человек преобразует знания о предметах действительности, выражая их не только средствами естественного языка, но и в символах языка формализованного, играющего важную роль в современной науке.

Итак, обобщённый и опосредствованный характер отражения действительности, неразрывная связь с языком, активный характер отражения – таковы основные особенности мышления.

Отвлекаясь от конкретного в вещах и явлениях, мышление способно обобщать множество однородных предметов, выделять наиболее важные свойства, раскрывать существенные связи.

Благодаря этим особенностям мышление является высшей по сравнению с чувственным познанием формой отражения действительности».

5.2.7.2. Понятие о форме и законе мышления

Форма мышления

«Основные формы мышления – **понятие, суждение и умозаключение.**

<...>

Выделяя характерные в определённом отношении признаки одного предмета или общие, повторяющиеся признаки группы предметов, мы образуем понятие предмета **А** как некоторую совокупность его существенных признаков **а, в, с** и т.д., определённым образом связанных друг с другом.

Таким образом, различные предметы отражаются в мышлении человека одинаково – как определённая связь их существенных признаков, т.е. в форме понятия.

В форме суждений отражаются связи между предметами и их свойствами. Эти связи утверждаются или отрицаются.

<...>

Таким образом, суждение представляет собой **способ связи понятий, выраженный в форме утверждения или отрицания.**

Рассматривая умозаключение, при помощи которого из одного или нескольких суждений (они называются посылками) выводится новое суждение (заключение), можно установить, что в умозаключениях одного вида вывод получается одним и тем же способом.

<...>

Подобным же образом, т.е. благодаря связи суждений, можно получить вывод из суждений, имеющих любое содержание. Общим, что имеется в различных по содержанию умозаключениях, является **способ связи суждений.**

Таким образом, общим, не зависящим от конкретного содержания мыслей, для всех основных форм мышления является способ связи элементов мысли – признаков в понятии, понятий в суждении и суждений в умозаключении. Обусловленное этими связями содержание мыслей существует в определённых логических формах: понятиях, суждениях, умозаключениях.

Логическая форма, или форма мышления, – это способ связи элементов мысли, её строение, благодаря которому содержание существует и отражает действительность.

В реальном процессе мышления содержание и форма мысли существуют в неразрывном единстве. Нет «чистого», лишённого формы содержания, нет «чистых», бессодержательных логических форм. Однако в целях специального анализа мы вправе отвлечься от конкретного содержания мысли, сделав предметом изучения ее форму.

Исследование логических форм безотносительно к их конкретному содержанию и составляет важнейшую задачу науки логики».

Закон мышления

«Мышление человека подчинено логическим законам, или законам мышления.

Для уяснения этого вопроса необходимо различать **истинность мысли и логическую правильность рассуждения**. Мысль является истинной, если она соответствует действительности. Мысль, не соответствующая действительности, является ложной.

<...>

Истинность мыслей по содержанию – необходимое условие достижения верных результатов в процессе рассуждения. Другим необходимым условием является логическая правильность рассуждения. Если это условие не соблюдается, то ложный результат может быть получен из истинных мыслей.

<...>

Логическая правильность рассуждений обусловлена законами мышления. Нарушение вытекающих из них требований ведёт к логическим ошибкам. ...всякая мысль в процессе рассуждения должна быть тождественной самой себе.

Закон мышления, или логический закон, - это необходимая, существенная связь мыслей в процессе рассуждения.

В отличие от законов как нормативно-правовых актов, устанавливаемых государством, законы мышления не устанавливаются людьми; они формируются независимо от воли и желания человека. Их объективной основой являются относительная устойчивость, качественная определённость, взаимообусловленность предметов действительности. Вместе с тем, отражая определённые стороны действительности, логические законы не являются законами самих вещей. Это своеобразное отражение, опосредствованное многовековой практикой человеческого познания.

Законы, изучаемые формальной логикой (их называют также формально-логическими), следует отличать от диалектических законов мышления. Формально-логические законы, которые в современной логике рассматриваются как тождественно-истинные высказывания, или логические тавтологии, обуславливают правильность рассуждений. Благодаря их действию выведение новых знаний из истинных и проверенных суждений с необходимостью приводит к истине. Законы диалектики – единства и борьбы противоположностей, взаимного перехода количественных и качественных изменений и другие – являются не только законами объективного мира, но и законами мышления, они являются предметом изучения диалектической логики. Сознательное применение этих законов в процессе познания позволяет воспроизвести в мышлении диалектику материального мира: взаимосвязь явлений, их изменение и развитие, присущие им противоречия и т.д.

Познавая сложные диалектические процессы объективного мира, мышление вместе с тем подчиняется формально-логическим законам, без соблюдения которых нельзя отразить логику вещей».

Значение логики

«Мышление человека подчиняется логическим законам и протекает в логических формах независимо от науки логики. Люди мыслят логично, не зная её правил, подобно тому, как они правильно говорят, не зная правил грамматики.

<...>

Разумеется, можно правильно мыслить, не изучив логику, правильно говорить, не зная грамматики, переваривать пищу, не зная физиологии. Однако нельзя и недооценивать практического значения этих наук. Когда академика И.П. Павлова спросили, в чем он видит основные цели физиологической науки, великий русский физиолог ответил: «Задачей физиологии является научить человека, как правильно есть, дышать, как правильно работать и отдыхать, чтобы прожить как можно дольше».

Что касается логики, то её задача состоит в том, чтобы научить человека сознательно применять законы и формы

мышления и на основе этого логичнее мыслить и, следовательно, правильнее познавать окружающий мир.

Знание логики повышает культуру мышления, вырабатывает навык мыслить более «грамотно», развивает критическое отношение к своим и чужим мыслям. Поэтому мнение, будто изучение логики не имеет практического значения, несостоятельно».

5.2.7.3. Понятие как форма мышления

«Понятие – это форма мышления, отражающая предметы в их существенных признаках.

Признаком предмета называется то, в чем предметы сходны друг с другом или чем они друг от друга отличаются.

<...>

Кроме единичных (индивидуальных) и общих признаков логика выделяет признаки существенные и несущественные.

Признаки, необходимо принадлежащие предмету, выражающие его сущность, называют **существенными**. Признаки, которые могут принадлежать, но могут и не принадлежать предмету и которые не выражают его сущности, называются **несущественными**.

Существенные признаки могут быть общими и единичными. Понятия, отражающие множество предметов, включают общие существенные признаки.

<...>

Понятие качественно отличается от форм чувственного познания: ощущений, восприятий и представлений, существующих в сознании человека в виде наглядных образов отдельных предметов или их свойств.

<...>

Понятие как форма мышления отражает предметы и их совокупности в абстрактной, обобщённой форме на основании их существенных признаков.

Понятие – одна из основных форм научного познания. Формируя понятия, наука отражает в них изучаемые ею предметы, явления. Процессы. Например, экономическая теория сформировала такие понятия, как «товар», «капитал», «стоимость»;

<...>

Отражая существенное, понятия не содержат всего богатства индивидуальных признаков предметов и в этом смысле они беднее форм чувственного познания – восприятий и представлений. Вместе с тем, отвлекаясь от несущественного, случайного, они позволяют глубже проникнуть в действительность, отобразить ее с большей полнотой, на что не способно чувственное познание».

Приёмы образования понятий

«Для образования понятия необходимо выделить существенные признаки предмета, применив с этой целью ряд логических приёмов: сравнение, анализ, синтез, абстрагирование, обобщение. Эти приёмы широко используются в познании. ...

Чтобы составить понятие о предмете, нужно сравнить данный предмет с другими предметами, найти признаки сходства и различия. Логический приём, устанавливающий сходство или различие предметов, называется **сравнением**.

Выделение признаков связано с мысленным расчленением предмета на составляющие его части, стороны, элементы. Мысленное расчленение предмета на части называется **анализом**.

Выделение с помощью анализа признаков позволяет отличить существенные признаки от несущественных и отвлечься, абстрагироваться от последних. Мысленное выделение признаков одного предмета и отвлечение от других признаков называется **абстрагированием**.

Элементы, стороны, признаки предмета, выделенные с помощью анализа, должны быть соединены в единое целое. Это достигается с помощью приёма, противоположного анализу, – **синтеза**, представляющего собой мысленное соединение частей предмета, расчленённого анализом.

Признаки изучаемых предметов распространяются на все сходные предметы. Эта операция осуществляется путем **обобщения** – приёма, с помощью которого отдельные предметы на основе присущих им одинаковых свойств объединяются, в группы однородных предметов. Благодаря обобщению существенные признаки, выявленные у отдельных предметов, рассматриваются

как признаки всех предметов, к которым приложимо данное понятие.

Таким образом, устанавливая сходство (или различие) между предметами (сравнение), расчлняя сходные предметы на элементы (анализ), выделяя существенные признаки и отвлекаясь от несущественных (абстрагирование), соединяя существенные признаки (синтез) и распространяя их на все однородные предметы (обобщение), мы образуем одну из основных форм мышления – понятие.

<...>

Понятие неразрывно связано с основной языковой единицей – словом. Понятия выражаются и закрепляются в словах и словосочетаниях, без которых невозможно ни формирование понятий, ни оперирование ими.

Слова и словосочетания, имеющие определённый смысл и обозначающие какой-либо предмет, называются именами.

<...>

Многозначность слов (полисемия) нередко приводит к смешению понятий, а следовательно, к ошибкам в рассуждениях. Поэтому необходимо точно установить значение слов, с тем, чтобы употреблять их в строго определённом смысле.

В различных областях науки и техники вырабатывается специальная терминология – система терминов, употребляемых в данной области знания. Термин – это слово или словосочетание, обозначающее строго определённое понятие и характеризующееся однозначностью, по крайней мере, в пределах данной науки или родственной группы наук».

Содержание и объем понятия

«Множество предметов, которое мыслится в понятии, называется объёмом понятия. ...

Логика оперирует также понятиями «класс» («множество»), «подкласс» («подмножество») и «элемент класса».

Классом, **или множеством**, называется определённая совокупность предметов, имеющих некоторые общие признаки. ...

Классы (множества) состоят из элементов. **Элемент класса** – это предмет, входящий в данный класс. ...

Класс, состоящий из всех элементов исследуемой области, называется универсальным классом. ...

Содержание и объем понятия тесно связаны друг с другом. Эта связь выражается в **законе обратного отношения между объёмом и содержанием понятия**, который устанавливает, что увеличение содержания понятия ведёт к образованию понятия с меньшим объёмом, и наоборот».

5.2.7.4. Логические операции с понятиями

Обобщение понятий

«Обобщить понятие – значит перейти от понятия с меньшим объёмом, но с большим содержанием к понятию с большим объёмом, но с меньшим содержанием.

<...>

Каждое последующее понятие является родом по отношению к предыдущему.

<...>

Обобщение понятия не может быть беспредельным. Наиболее общими являются понятия с предельно широким объёмом – категории, например «материя», «сознание», «движение», «свойство», «отношение» и т.п. Категории не имеют родового понятия, обобщить их нельзя.

Ограничение понятия представляет собой операцию, противоположенную операции обобщения. Ограничить понятие – значит перейти от понятия с большим объёмом, но с меньшим содержанием к понятию с меньшим объёмом, но большим содержанием. ... Пределом ограничения понятия является единичное понятие (например, «следователь прокуратуры Иванов»).

<...>

Логические операции обобщения и ограничения понятий широко применяются в практике мышления: переходя от понятий одного объёма к понятиям другого объёма, мы уточняем предмет нашей мысли, делаем наше мышление более определённым и последовательным».

Определение и сущность понятий

«В научной и практической деятельности часто возникает необходимость раскрыть содержание понятий, которые употребляются в рассуждениях.

<...>

Логическая операция, раскрывающая содержание понятия, называется определением. Суждение, раскрывающее содержание понятия, называют дефиницией.

<...>

Определение понятия играет важную роль в теоретической и практической деятельности. Выражая в сжатом виде знание о предмете, оно является существенным моментом знания действительности. В любой науке всем основным понятиям даются определения...».

Деление понятий

«При изучении какого-либо понятия нередко встаёт задача раскрыть его объем, т.е. распределить предметы, которые мыслятся в понятии, на отдельные группы. ...

Логическая операция, раскрывающая объем понятия, называется делением.

В операции деления следует различать **делимое понятие** - объем которого следует раскрыть, **члены деления** – соподчинённые виды, на которые делится понятие (они представляют собой результат деления), и **основание деления** – признак, по которому производится деление. ...

Сущность деления состоит в том, что предметы, входящие в объем делимого понятия, распределяются по группам. Делимое понятие рассматривается при этом как родовое, и его объем разделяется на соподчинённые виды.

Операция деления позволяет правильно распределить предметы по группам, изучить их, а следовательно, глубже познать весь класс в целом».

<...>

«Различают деление 1) по видоизменению признака и 2) дихотомическое деление.

<...>

«В процессе деления понятия необходимо соблюдать четыре правила, которые обеспечивают чёткость и полноту деления.

1. Деление должно быть соразмерным.

Задача деления заключается в том, чтобы перечислить все виды делимого понятия. Поэтому объем членов деления должен быть равен в своей сумме объёму делимого понятия.

...

2. Деление должно производиться только по одному основанию.

В процессе деления избранный нами признак должен оставаться одним и тем же и не подменяться другим признаком. ...

3. Члены деления должны исключать друг друга. ...

4. Деление должно быть непрерывным.

В процессе деления родового понятия нужно переходить к ближайшим видам, не пропуская их.

Дихотомическое деление.

Дихотомическое деление, или дихотомия (от греческих слов *dicha* и *tome* – «сечение на две части»), представляет собой деление объёма делимого понятия на два противоречащих понятия.

<...>

Классификация.

Особым видом деления является **классификация**, представляющая собой **распределение предметов по группам (классам), при котором каждый класс имеет свое постоянное, определённое место.**

Целью классификации является систематизация знаний, поэтому от деления она отличается относительно устойчивым характером и сохраняется более или менее длительное время. Кроме того, классификация образует развёрнутую систему, где каждый член деления вновь делится на новые члены, разветвляясь на множество классов. Закрепляемых обычно в таблицах, схемах, кодексах и т.п.».

5.2.7.5. Суждение как форма мышления. Суждение и предложение

«Познавая объективный мир, человек раскрывает связи между предметами и их признаками, устанавливает отношения между

предметами, утверждает или отрицает факт существования предмета. Эти связи и отношения отражаются в мышлении в форме суждений, представляющих собой связь понятий.

<...>

Итак, суждение это форма мышления, в которой утверждается или отрицается связь между предметом и его признаком, отношение между предметами или факт существования предмета; суждение может быть либо истинным, либо ложным.

Языковой формой выражения суждения является предложение. Подобно тому как понятия не могут возникнуть и существовать вне слов и словосочетаний, так и суждения не могут возникнуть и существовать вне предложений. Однако единство суждения и предложения не означает их полного совпадения. И если всякое суждение выражается в предложении, то из этого не следует, что всякое предложение выражает суждение. Суждение выражается повествовательным предложением, в нем содержится сообщение о чем-либо.

<...>

Кроме повествовательных существуют вопросительные и побудительные предложения, которые суждений не выражают. Например, «Кто сегодня дежурный?».

<...>

Суждение и предложение различаются по своему составу.

Суждение о связи предмета и его признака состоит из двух понятий (терминов) суждения: субъекта (от латинского *subjektum*), отражающего предмет суждения, и предиката (от латинского *praedikatum*), отражающего признак предмета. Субъект и предикат обозначаются латинскими буквами S и P. Кроме субъекта и предиката суждение включает в свой состав связку – элемент суждения, который соединяет оба термина суждения, утверждая или отрицая принадлежность предмету некоторого признака. Связка выражается словами «есть» («не есть»), «является» («не является») и т.п. В русском языке связка обычно подразумевается или заменяется тире.

<...>

Различие между суждением и предложением состоит также в том, что грамматический строй предложения в разных языках различен. Логическая же структура суждения одинакова независимо от его выражения в том или ином языке.

<...>

Суждения делятся на простые и сложные.

Простым называется суждение, не включающее другие суждения. Суждение, состоящее из нескольких простых суждений, называется сложным.

В логической литературе наряду с термином «суждение» употребляется термин «высказывание».

Модальность суждений

«Суждение как форма мышления содержит двоякого рода информацию – основную и дополнительную. Основная информация находит явное выражение в субъекте и предикате суждения, в логической связке и кванторах. Дополнительная информация относится к характеристике логического или фактического статуса суждения, к оценочным и другим его характеристикам. Такая информация называется модальностью суждения. Она может быть выражена отдельными словами, а может и не иметь явного выражения. В этом случае ее выявляют анализом контекста.

Модальность – это явно или неявно выраженная в суждении дополнительная информация о степени его обоснованности, логическом или фактическом статусе, о регулятивных, оценочных и других его характеристиках.

<...>

Знание. Фактор логического воздействия – это принятие суждения как истинного или ложного в силу его обоснованности другими суждениями, из которых принимаемое суждение логически вытекает как следствие. Характерная особенность рационально ориентированного познания – принятие лишь таких суждений, которые опираются на достоверно установленный эмпирический или теоретический фундамент из проверенных суждений.

<...>

По степени обоснованности среди знаний различают два непересекающихся класса суждений: достоверные и проблематичные.

1) Достоверные суждения – это достаточно обоснованные истинные или ложные суждения. Их истинность или ложность устанавливается либо путём непосредственной проверки, либо опосредованно, когда суждение подтверждается эмпирическими или теоретическими положениями.

<...>

2) Проблематичные суждения – это суждения, которые нельзя считать достоверными в силу их недостаточной обоснованности. Поскольку истинность или сложность таких суждений точно не установлена, то они лишь претендуют быть таковыми. Отсюда и названия их: проблематичные, правдоподобные, или вероятные».

5.2.7.6. Дедуктивные умозаключения. Умозаключение как форма мышления

«В процессе познания действительности мы приобретаем новые знания. Некоторые из них – непосредственно, в результате воздействия предметов внешнего мира на органы чувств. Но большую часть знаний мы получаем путём выведения новых знаний из знаний уже имеющихся. Эти знания называются опосредствованными, или выводными.

Логической формой получения выводных знаний является умозаключение.

Умозаключение – это форма мышления, посредством которой из одного или нескольких суждений выводится новое суждение.

Любое умозаключение состоит из посылок, заключения и вывода. Посылками умозаключения называют исходные суждения, из которых выводится новое суждение. Заключение называется новым суждением, полученное логическим путём из посылок. Логический переход от посылок к заключению называется выводом.

<...>

При наличии содержательной связи между посылками мы можем получить в процессе рассуждения новое истинное знание при соблюдении двух условий: во-первых, исходные суждения – посылки умозаключения должны быть истинными; во-вторых, в процессе рассуждения следует соблюдать правила вывода, которые обуславливают логическую правильность умозаключения.

<...>

Важное значение имеет классификация умозаключений по направленности логического следования, т.е. по характеру связи между знанием различной степени общности, выраженному в посылках и заключении. С этой точки зрения различают три вида умозаключений: дедуктивные (от общего знания к частному), индуктивные (от частного знания к общему), умозаключения по аналогии (от частного знания к частному).

<...>

Дедуктивными (от латинского *deductio* – «выведение») называется умозаключение, в котором переход от общего знания к частному является логически необходимым».

5.2.7.7. Индуктивные умозаключения

«Познание в любой области науки и практики начинается с эмпирического познания. В процессе наблюдения однотипных природных и социальных явлений фиксируется внимание на повторяемости у них определённых признаков. Устойчивая повторяемость наводит на мысль (индуцирует), что каждый из таких признаков является не индивидуальным, а общим, присущим всем явлениям определённо класса. Логический переход от знания об отдельных явлениях к знанию общему совершается в этом случае в форме индуктивного умозаключения, или индукции (от латинского *inductio* – «наведение»).

Индуктивным называется умозаключение, в котором на основании принадлежности признака отдельным предметам или частям некоторого класса делают вывод о его принадлежности классу в целом.

<...>

В основе логического перехода от посылок к заключению в индуктивном выводе лежит подтверждаемое тысячелетней практикой положение о закономерном развитии мира, всеобщем характере причинной связи, проявлении необходимых признаков явлений через их всеобщность и устойчивую повторяемость. Именно эти методологические положения оправдывают логическую состоятельность и эффективность индуктивных выводов.

Основная функция индуктивных выводов в процессе познания – генерализация, т.е. получение общих суждений. По своему содержанию и познавательному значению эти обобщения могут носить различный характер – от простейших обобщений повседневной практики до эмпирических обобщений в науке или универсальных суждений, выражающих всеобщие законы.

<...>

Полная индукция – это умозаключение, в котором на основе принадлежности каждому элементу или каждой части класса определённого признака делают вывод о его принадлежности классу в целом.

<...>

Выраженная в посылках этого умозаключения информация о каждом элементе или каждой части класса служит показателем полноты исследования и достаточным основанием для логического переноса признака на весь класс. Тем самым вывод в умозаключении... означает, что при истинности посылок заключение в выводе будет необходимо истинным.

<...>

Познавательная роль умозаключения полной индукции проявляется в формировании нового знания о классе или роде явлений. Логический перенос признака с отдельных предметов на класс в целом не является простым суммированием. Знание о классе или роде – это обобщение, представляющее собой новую степень в развитии знания».

Научная индукция

«Научной индукцией называют умозаключение, в котором обобщение строится путём отбора необходимых и исключения случайных обстоятельств.

В зависимости от способов исследования различают: (1) индукцию методом отбора (селекции) и (2) индукцию методом исключения (элиминации).

<...>

Познавательная роль элиминативной индукции – анализ причинных связей. Причинной называют такую связь между двумя явлениями, когда одно из них – причина – предшествует и другое – действие.

<...>

Особым видом умозаключений неполной индукции являются статистические обобщения, связанные с анализом массовых событий».

5.2.7.8. Умозаключения по аналогии

«В науке и практических делах объектом исследования нередко выступают единичные, неповторимые по своим индивидуальным характеристикам события, предметы и явления. При их объяснении и оценке затруднено применение как дедуктивных, так и индуктивных рассуждений. В этом случае прибегают к третьему способу рассуждения – умозаключению по аналогии: уподобляют новое единичное явления – умозаключения по аналогии: уподобляют новое единичное явление другому, известному и сходному с ним единичному явлению и распространяют на первое ранее полученную информацию.

<...>

Умозаключение по аналогии – это вывод о принадлежности определённого признака исследуемому единичному объекту (предмету, событию, отношению или классу) на основе его сходства в существенных чертах с другим уже известным единичным объектом.

Умозаключению по аналогии всегда предшествует операция сравнения двух объектов, которая позволяет установить сходства и различия между ними. При этом для аналогии требуются не любые совпадения, а сходства в существенных признаках при несущественности различий. Именно такие сходства служат основой для уподобления двух материальных или идеальных объектов.

Аналогия не является произвольным логическим построением, в ее основе лежат объективные свойства и отношения предметов реальной действительности. Каждый конкретный предмет, обладая множеством признаков, представляет не случайную их комбинацию, а определённое единство. Каким бы малочисленным ни был тот или иной признак, его существование и изменение всегда обусловлено состоянием других сторон предмета или внешних условий.

Поскольку в объективной действительности каждый вновь обнаруженный признак конкретного предмета не возникает

независимо от других его свойств, а определённым образом связан с ними, то обнаружив в другом предмете такую же совокупность признаков, заключают о существовании у него нового признака. Логический переход от известного к новому знанию регулируется в выводах по аналогии следующим правилом: если два единичных предмета сходны в определённых признаках, то они могут быть сходны в других, обнаруженных в одном из сравниваемых предметов, признаках.

<...>

По характеру уподобляемых объектов различают два вида аналогии: (1) аналогию предметов и (2) аналогию отношений.

(1) Аналогия предметов – умозаключение, в котором объектом уподобления выступают два сходных единичных предмета, а переносимым признаком – свойства этих предметов.

<...>

(2) Аналогия отношений – умозаключение, в котором объектом уподобления выступают сходные отношения между двумя парами предметов, а переносимым признаком – свойства этих отношений.

<...>

Аналогия отношений лежит также в основе применяемого в науке и широко используемого в технике метода моделирования, когда экспериментально изученные отношения между параметрами модели – плотины, шлюза, самолёта, технологического процесса и т. п. – переносятся на реальный объект – образец».

5.2.7.9. Аргументация и доказательство

«Аргументация. Цель познания в науке и практике – достижение достоверного, объективно истинного знания для активного воздействия на окружающий мир.

<...>

Результаты научного и практического познания признаются истинными, если они прошли тщательную и всестороннюю проверку. В простейших случаях, на ступени чувственного познания проверка суждений осуществляется непосредственным обращением к фактическому положению дел.

На ступени абстрактного мышления результаты процесса познания проверяют главным образом сопоставлением полученных результатов с другими, ранее установленными суждениями. Процедура проверки знаний в этом случае носит опосредованный характер: истинность суждений устанавливается логическим способом – через посредство других суждений.

Такая опосредованная проверка суждений называется операцией обоснования, или аргументацией. Обосновать какое-либо суждение означает привести другие, логически связанные с ним и подтверждающие его суждения.

<...>

Таким образом, под аргументацией понимают операцию обоснования каких-либо суждений, в которой наряду с логическими применяются также речевые, эмоционально-психологические и другие внелогические методы и приемы убеждающего воздействия.

Методы убеждающего воздействия анализируются в различных науках: логике, риторике, психологии, лингвистике. Совместное же их изучение является предметом особой отрасли знания – теории аргументации (ТА), представляющей собою комплексное учение о наиболее эффективных в коммуникативном процессе логических и внелогических методах и приёмах убеждающего воздействия.

<...>

... аргументативный процесс обеспечивает получение достоверного, объективно истинного знания. Такого рода аргументация приобретает характер строгого рассуждения и именуется доказательством.

Доказательство – это логическая операция обоснования истинности какого-либо суждения с помощью других истинных и связанных с ним суждений.

Таким образом, доказательство – это одна из разновидностей процесса аргументации, а именно аргументация, устанавливающая истинность суждения на основе других истинных суждений.

Новые идеи в науке не принимаются на веру, какой бы авторитетной ни была личность учёного и его уверенность в правильности своих идей. Для этого надо убедить других в правильности новых идей не силой авторитета, психологическим влиянием или красноречием, а прежде всего силой логики –

последовательным и строгим доказательством исходной идеи. Доказательное рассуждение – характерная черта научного стиля мышления.

<...>

Аргументация включает три взаимосвязанных элемента: тезис, аргументы, демонстрацию.

1. Тезис – это выдвинутое проponentом суждение, которое он обосновывает в процессе аргументации. Тезис является главным структурным элементом аргументации и отвечает на вопрос: что обосновывают?

<...>

2. Аргументы, или доводы, – это исходные теоретические или фактические положения, с помощью которых обосновывают тезис. Они выполняют роль основания, или логического фундамента аргументации, и отвечают на вопрос: чем, с помощью чего ведётся обоснование тезиса?

<...>

3. Демонстрация – это логическая связь между аргументами и тезисом. В общем виде она представляет собой одну из форм условной зависимости.

<...>

Логический переход от аргументов к тезису протекает в форме умозаключения. Это может быть отдельное умозаключение, но чаще их цепочка. Посылками в выводе являются суждения, в которых выражена информация об аргументах, а заключением – суждение о тезисе. Продемонстрировать – значит показать, что тезис логически следует из принятых аргументов по правилам соответствующих умозаключений.

<...>

Критика - это логическая операция, направленная на разрушение ранее состоявшегося процесса аргументации».

Поля аргументации

«Специфические для каждого участника позиции будем называть полями аргументации.

Поле аргументации (ПА) – это занимаемая каждым субъектом индивидуальная или коллективная позиция, включающая

множество относящихся к аргументативному процессу компонентов: суждений, способов аргументации, фундаментальных принципов.

<...>

(1) Суждения в ПА – это тезис и антитезис, а также все прямо или косвенно обосновывающие их суждения-аргументы.

<...>

Все другие, не имеющие отношения к аргументированному процессу суждения, не включаются в поля аргументации как нерелевантные.

(2) Способы аргументации – это используемые участниками приёмы и методы обоснования и критики.

<...>

(3) фундаментальные исходные принципы – это философско-, религиозно-, национально-, культурно-, социально-политические и другие положения, которыми неосознанно (стихийно) или сознательно руководствуются участники дискуссии.

<...>

Поля аргументации трёх субъектов допускают три вида отношений: полное несовпадение; полное совпадение и частичная совместимость. При этом проблема согласования полей встает лишь в случае частичной совместимости. При полном несовпадении полей, как и при полном их совпадении, аргументативный процесс и любая дискуссия становятся беспредметными».

5.2.7.10. Понятие гипотезы

«Достоверному познанию в научной или практической области всегда предшествует рациональное осмысление и оценка доставляемого наблюдением фактического материала. Эта мыслительная деятельность сопровождается построением различного рода догадок и предположительных объяснений наблюдаемых явлений. Вначале объяснения носят проблематичный характер. Дальнейшее исследование вносит поправки в эти объяснения. В итоге наука и практика преодолевают многочисленные отклонения, заблуждения и противоречия и достигают объективно истинных результатов.

Решающим звеном в познавательной цепочке, обеспечивающей становление нового знания, является гипотеза.

Гипотеза – это закономерная форма развития знаний, представляющая собою обоснованное предположение, выдвигаемое с целью выяснения свойств и причин исследуемых явлений.

<...>

(1) Гипотеза – это всеобщая и необходимая для любого познавательного процесса форма развития знаний. Там, где есть поиск новых идей или фактов, закономерных связей или причинных зависимостей, там всегда присутствует гипотеза. Она выступает связующим звеном между ранее достигнутым знанием и новыми истинами, и одновременно познавательным средством, регулирующим логический переход от прежнего неполного и неточного знания к новому, более полному и более точному.

Таким образом, внутренне присущее процессу познания развитие предопределяет функционирование в мышлении гипотезы в качестве необходимой и всеобщей формы такого развития.

(2) Построение гипотезы всегда сопровождается выдвижением предположения о природе исследуемых явлений, которое является логической сердцевиной гипотезы и формулируется в виде отдельного суждения или системы взаимосвязанных суждений. Оно всегда имеет ослабленную эпистемическую модальность: является проблематичным суждением, в котором выражено неточное знание.

Чтобы превратиться в достоверное знание, гипотеза подлежит научной и практической проверке. Протекающий с использованием различных логических приёмов, операций и форм вывода процесс проверки гипотезы приводит в итоге к опровержению либо подтверждению и дальнейшему её доказательству.

Итак, гипотеза всегда содержит в себе нуждающееся в проверке вероятное знание. Доказанное же на ее основе положение уже не является собственно гипотезой, ибо содержит проверенное и не вызывающее сомнений истинное знание.

(3) Возникающее при построении гипотезы предположение рождается в результате анализа фактического материала, на базе обобщения многочисленных наблюдений. Важную роль в возникновении плодотворной гипотезы играет интуиция, творческие способности фантазия исследователя. Однако научная гипотеза – это не просто догадка, фантазия или допущение, а

опирающееся на конкретные материалы рационально обоснованное, а не интуитивно и подсознательно принятое предположение.

Отмеченные особенности дают возможность более четко определить существенные черты гипотезы. Любая гипотеза имеет исходные данные, или основания, и конечный результат – предположение. Она включает также логическую обработку исходных данных и переход к предположению. Завершающий этап познания – проверка гипотезы, превращающая предположение в достоверное знание или опровергающая его.

<...>

Рабочая гипотеза – это выдвигаемое на первых этапах исследования предположение, которое служит условным допущением, позволяющим сгруппировать результаты наблюдений и дать им первоначальное объяснение».

<...>

Построение версии в судебном исследовании, как и любой гипотезы, складывается из трёх последовательных этапов. Первый этап – анализ отдельных фактов и отношений между ними, второй этап – синтез фактов, их обобщение; третий этап – выдвижение предположения.

<...>

Гипотеза, или версия, проверяется в два этапа: первый из них дедуктивное выведение вытекающих из гипотезы следствий, второй – сопоставление следствий с фактами.

<...>

В науке и практике в зависимости от области исследования пользуются различными способами доказательства гипотез. Основными среди них являются три способа: дедуктивное обоснование выраженного в гипотезе предположения; логическое доказательство гипотезы; непосредственное обнаружение предположенных в гипотезе предметов».

5.3. «Политическое познание» как процесс «общественного мышления»

Как уже ранее отмечалось, в высших формах познания информация, будучи свойством материи, приобретает

самодовлеющее значение как предмет и как результат этого вида жизнедеятельности, то есть познание начинает работать в сфере абстрактного. Это, во многом, сфера научно-теоретической деятельности, причём не только отдельных людей, но и общества в целом. Эта жизнедеятельность связана с построением особой, научной, картины мира, которая порой резко отличается от представлений в обыденном сознании.

5.3.1. Общественный интеллект и логика общественного мышления

Общественное познание, в конечном итоге идёт от человека, индивидуума, и вплетено в целостную ткань его реальной жизни. Поэтому жизнь общества, неразрывно связана не только с сознанием человека, но и с его эмоциями, волей и памятью, что так или иначе предполагает его убеждённость, веру, ошибки, иллюзии и заблуждения.

Отличительной особенностью общественного сознания и общественного процесса мышления в сравнении с мыслительной деятельностью конкретного человека, его центральной нервной системы (головного и спинного мозга) и второй сигнальной системы (знаковая система языка), являются:

- историческая, безграничная продолжительность существования мыслительного процесса, граничащая с бессмертием существования человеческого общества;

- биологически непрерывная сменяемость самих «материальных носителей» (людей) этих «мыслительных процессов», порождающая относительную неустойчивость и непостоянство их физического существования;

- материальная, биолого-физиологическая, субстанция общественного процесса мышления («коллективный мозг») непрерывно формируется из однородных универсальных элементов, – людей, путём их «внутреннего» размножения и взращивания. (В отличие от этого субстанция и субстрат головного мозга человека состоит из специализированных и невосстанавливаемых элементов, - клеток и органов);

- общественное познание в своей основе опирается не только на биологическую субстанцию множества индивидов, образующих общество, но и на субстанциональные структуры «второй

природы», свойственные в целом человеческому социуму, что коренным образом различает индивидуальное мышление от коллективного, общественного мышления;

- значительная размытость «траекторий» процессов общественного мышления на множестве однородных универсальных элементов, их вероятностный, случайный характер;

- неоднозначность и противоречивость общественных суждений, дуализм общественного мнения;

- слабая логическая обусловленность общественного мышления.

Однако научная сфера познания в обществе в значительной мере упорядочивает организацию и само протекание процесса общественного познания. Этому способствует создание специального института научного знания, который начиная с Академии наук и её головных институтов, опирается в конкретной практике на многочисленные прикладные отраслевые институты и учебные заведения, а также на специализированные научно-исследовательские подразделения и лаборатории ещё более многочисленных и разнообразных предприятий и организаций.

Однако жёсткость этих связей несравнима с физиологически законченною системой связей второй сигнальной системой отдельного человека, которая материально представлена органами центральной нервной системы - головном и спинным мозгом человека.

В этой ситуации вновь возникает вопрос, поставленный ранее:

- Способно ли **человеческое общество** как субъект познания выработать знания, являющиеся адекватным воспроизведением действительности и её отражением? Каковы основания и критерии познавательной деятельности, в процессе которой возникает и совершенствуется такое знание? В целом это составляет и формирует мировоззренческую природу философского анализа общественного познания. И если на второй вопрос ранее так или иначе был дан содержательный и положительный ответ, то к ответу на первый вопрос мы лишь отчасти приступили в рамках анализа конкретной мыслительной деятельности отдельного человека, которую невозможно полностью отделить от познавательной деятельности общества как целого.

Следует заметить, что не вся познавательная деятельность общества и человечества есть предмет нашего исследования, а

лишь её составляющая, можно сказать, абстрактная составляющая (а не конкретные процессы общественного познания). Эта составляющая часть общественно-производственных отношений расположена в области социологии исторического восходящего развития и функционирования общества и представляет собою части единого общественного воспроизводственного процесса всей действительной жизни общества. Это единство воспроизводственного процесса общественного познания, как и прочие типологии воспроизводственных процессов, традиционно в анализе подразделяются на отношения производства, распределения, обмена и потребления.

Единство воспроизводственного процесса общественного познания обеспечивается в первую очередь отношениями собственности на сам базовый объект-процесс «общественное познание», точнее, по поводу базового объекта процесса общественного познания. Это единство и выступает внешне как вполне определённый характер общественного строя. Отношения по поводу этого объекта-процесса определяют всю систему отношений в сферах производства, распределения, обмена и потребления.

Развитие и изменение соответствующих производственных отношений в решающей степени связано с развитием производительных сил общественного познания, с их уровнем развития и их характером. Единство же производительных сил и производственных отношений составляют соответствующий способ воспроизводства действительной жизни, - в данном случае способ производства и воспроизводства общественного познания.

Объектом исследования является весь, в целом, общественный познавательный процесс, а не протекание конкретных познавательных процессов тех или иных сторон действительной жизни. То есть речь идёт о некоей научной абстракции, выражаемой категориями метатеории «Полилогия...» и излагаемой на страницах этой книги теории общественного развития, а, главным образом, его чётко определённого этапа, - градации «Общество знания».

Коллективный интеллект это общественный разум, псевдофункцией которого является осмысление общественной жизни, общественного бытия и формирование общественного сознания. Введение термина «псевдофункции» подчёркивает резкое отличие материальной, физической, базы носителя общественного

сознания от сознания отдельного человека, его мозга. При этом считаем, что для популяции *homo sapiens*, как некоего единого целого, мягко говоря, преждевременно говорить о таких функциях, свойственных отдельному индивиду (человеку), как «выработка стратегии общественного развития, разработка моделей и идеалов, целей общества». Иными словами, образно говоря, пока в отношении социума применяются такие прилагательные как «коллективный и общественный», а так же такие термины как «коллектив и общество», «социализация», говорить о целеполагании в отношении социума *homo sapiens* преждевременно.

Однако несомненно, что общественный интеллект в той или иной степени реализует потребности в обмене информацией и принятии коллективных решений. Всеобщий интеллект, как известно, есть совокупный общественный продукт, который оперирует понятиями и проявляется как познающее мышление. И в этом срезе, несомненно, общественный интеллект есть явление социальное.

Со времени зарождения общества в нём постоянно утверждается идея о необходимости подчинения всей общественной жизни контролю «всеобщего интеллекта», что логически требует развития и утверждения сознательных форм социального саморегулирования.

В статье канд. филос. наук Л.И. Зиннуровой «Политический разум как категория и феномен» прямо отмечается:

«Общественный разум – часть общественного сознания, подобно тому, как разум, интеллект – часть, высшая и совершенная, сознания человека. Общественный разум, общечеловеческий интеллект, может быть сопоставлен с индивидуальным субъективным разумом, тем более что по аналогии с ним он конструировался. Индивидуальный разум имеет биопсихосоциальную базу, представленную мыслящим мозгом, социумом, психикой как фундаментальным свойством, высшей формой отражения.

Общественный разум по аналогии также основывается на коллективном мозге, общественной психологии и социуме. Коллективный мозг – это институты, объединяющие выдающихся в интеллектуальном аспекте людей, которые выполняют функцию сотворения, деятельности, работы, конечно же, весьма условно

напоминающую деятельность мозга человека, но равноценную ему по значимости, основоположению».

Такое понимание общественного интеллекта, сознания и мышления позволяет в значительной степени переносить множество элементы логики мышления и логику мышления человека в целом на поле общественного познания, занимаемое коллективным мышлением и общественным интеллектом.

5.3.2. Метод политического познания и полилектика современного мира

Познание изучается не только философией и в сфере социологии. Современный этап развития исследований в области познания характеризуется широкими и интенсивными исследованиями рядом специальных наук, что, несомненно, дополняет и обогащает понимание процессов познания в современном обществе. Приступая непосредственно к изучению общественного познания, традиционно возникает вопрос об используемом методе исследования в политическом общественном познании. Так как политическое познание является неотъемлемой частью метатеории полилогия, то и используемый метод един для всех составных частей этой теории, в том числе, и для теории общественного познания, обозначаемой в публичных выступлениях как теория Общества знания.

Ещё в «Постановке вопроса» автор полилогии, отвечая на висящие в воздухе вопросы о методологии полилогии писал (книга 1, стр. 252 - 261):

- «Ну, а еще попарадоксальней, метод создания претенциозной теории – это не что иное, как все и вся формы интеллектуального обоснования интеллектуально необоснованно (как теперь все чаще говорят – интуитивно) ново-рожденного (что отнюдь не означает социально исторической «беспочвенности» этого ново-рожденного!).

Потому в претенциозном теоретическом познании был, есть и будет только один единственный «метод» («способ») исследования – удачливое шевеление мозгов. Но все дело в том, что эти мозги шевелятся с учетом результатов многообразнейших предшествующих шевелений и всегда в условиях как наличных

«конкурирующих» шевелений так и, в основном, шевелящихся на старый лад мозгов, каковые и требуют расшевеление или перешевеления. Тогда, соответственно, и то, что частенько именуется «методом» («способом»), не совсем то, как это часто принято понимать.

Методология теории – это многообразнейшие приемы ее обоснования и «внутренняя форма» (Гегель), как позитивно и так негативно (критически) использующие нечто уже известное или достаточно понятное (тем самым коммуникативное), для растолкования, артикуляции и продвижения к еще неизвестному и «сходу» непонятному.

<...>

Кроме того, «методология» в таком широком смысле обязана не только эксплицировать некие познавательные установки, как-то предваряюще и по ходу дела растолковывающие сам подход и движение мысли, но и что-то дискриминировать, уточнять исходную гипотезу, отсекая, с выявлением частичных «зерен», альтернативные (теории) и осуществляя «принцип запрета» в части неправильных движений мысли (которые, между нами говоря, с революционной точки зрения как раз энтропийно преобладают во всем океане социального познания).

Включает в себя метод и соотносительность теории с другими, ранее известными теориями (иногда даже – только именами). Эти предшествующие теории в той или иной форме, но необратимо входят в плоть когнитивного бытия.

<...>

Все то же относится к синергетике, теориям сложности, самоорганизации и пр. Иными словами, каскад понятий, в частности, синергетики в философской полилектической ассимиляции становятся предельно расширенными (напрочь порвавшими с математикой) метафорами как и классические (сущность, явление, форма, содержание и пр.). Только и только в таком качестве они могут быть «методом» синтеза и «артикуляции» в социальном познании.

<...>

Как и диалектика, полилектика в классически партийном смысле нейтральна.

<...>

И еще. Соглашаясь с особым влиянием «синергетических» или, точнее, постдиаматовских или полилектических ростков неофилософии, обращаем внимание, что полилектика, вот ведь номер, еще более материалистична и диалектична, чем «диамат»; святей, выходит, самого Папы римского. На этот счет В.А. Кутырев замечает, что «синергетисты», недолголюбивающие диалектику, не хотят заметить, в частности, диалектического «родимого пятна» понятия «скачок» в понятии «бифуркация».

<...>

Но вот то, что в накатывающихся философских новообразованиях диалектических «родимых пятен» предостаточно, это точно. Так сие и есть признаки снятия, «преемственного обновления» (М.А. Чешков).

<...>

... несмотря на море хаотизированных новообразований и сонм «системных теорий», недиалектики (полилектики) сейчас еще нет (как относительно сложившейся, тем более «конституированно», институционально); она, конечно, уже давно самообразуется, но философски-оформленно возможна лишь с революционной социологией, и никак иначе.

Таким образом, пока полилектики («недиалектики») «как относительно сложившейся, тем более «конституированно», институционально» нет, то её «конструирование» есть предмет специального исследования, хотя сама она не только возможна, но и есть, ибо есть «Полилогия...» А. С. Шушарина, которая основана на ней, её и содержит. На этот счёт А. С. Шушарин прямо пишет, что: «интеллектуальной нагрузки новой философии в ее значении культуры мышления как полилектики служит еще в сущности (или в основном) досоциологическая «социальная синергетика» В.П. Бранского.

<...>

О некоторых наших принципиальных расхождениях с Бранским пониже, но под «синергетическим» тезаурусом («словарем») Бранского я, как говорится, подписываюсь. Почти сполна».

Для того чтобы, как говорится, войти в тему, пока просто перечислим некоторые известные понятия, которые аккумулируются полилектикой, в частности, и под семантикой «синергетического» тезауруса»:

- Система стремится к достижению максимально устойчивого (при данных условиях) состояния, к формам упорядоченности (при определённых условиях).

- Малые усилия могут приводить к коренным изменениям в развитии системы.

- Бифуркация – состояние неустойчивого равновесия в системе.

- *«Только именно социальная (теоретически–социологическая) негэнтропийность синтетично вбирает в себя всю эту гетерогенность и многослойность форм и полилогическую полипричинность развития».*

- Негэнтропия как степень роста сложности системы. *«Негэнтропийное предстаёт как постоянное поддержание состояний и, восходяще, как возрастание многообразий и их связности в анизотропии развития по сложности».*

- *«Противоположный же (негэнтропии – ХАТ), но всегда в своей дополнительности – процесс диссипативный, энтропийный, как скатывания, упрощения, распады, разрушения, рассеяние, разложения, снижения, разъединения, «загрязнения» и т.д.».*

- *«В общем, необратимое возрастание сложности и есть единственная «магистраль» (не без энтропийных сбоев, конечно) развития. В крупнейшем (и простейшем) срезе это и есть цепь: космофизическое – геохимическое – биологическое – социальное».*

- *«Возрастание сложности само имеет и весьма разные рода подъёмов как соединений, субординаций, дивергенций, конвергенций, прорывов...».*

- *«... диалектически классическое – «переход количественных изменений в качественные» – здесь уже оказывается слишком тощим. А прежде еще поперек продвижений стоит вопрос о «целенаправленности»».*

- *«В общем, негэнтропийное возрастание сложности имеет не направленную, а восходяще интенсивную «фигуру» анизотропии развития; это развитие, образно говоря, не строит что-то «заданное», не движется к чему-то, а прорывает, преодолевает что-то уже отжившее, стопорящее, угрожающее самому дальнейшему существованию, отталкивается от него, усложняет, генерализует, превосходит и метаморфируя снимает его, хотя и часто в субъективной форме горячо желанных целей, проектов и стремлений».*

- «Метафора «матери», иначе говоря, обозначает нечто субстанционально как не только неисчерпаемое, но и в самом себе открытое, саморазвивающееся, говоря словами Л. Ларуша (у него про «Вселенную»), негэнтропийное по своей сути. А по старинке говоря (в смысле Б. Спинозы, одним из первых сравнившего природу с Богом, хотя и в духе пантеистического натурализма – В.В. Соколов), бытие это всегда *natura naturata* (природа сотворенная), но и всегда, а временами решающе, и еще более загадочная *natura naturans* (природа творящая). Негэнтропийная, одним словом».

- «Моисеев убедительно и корректно рассматривает саму, восходящую, по его мнению, к Эйлеру и Пуанкаре, логику бифуркаций... бифуркаций как **объективных** состояний и процессов, коих в восходящем развитии **невозможно избежать** как мук родов, но кои (в соотношении с социальным) можно смягчить, в частности, на основе опережающего **познания** самого зреющего, критического бифуркационного **состояния (развития)**, включающего и восходящую (спасительную), т.е. негэнтропийную, революционную траекторию».

- «Восхождения в анизотропии развития по сложности, подъемы, еще и еще раз напомним, могут быть очень разными как тоже многообразнейшие новообразования, «кумулятивные» «вертикальные» прорывы (или провалы), а равно «горизонтальные» соединения (и разделения), субординации, усложняющие дивергенции, конвергенции и др.».

- «Простая полилектика имеет дело, прежде всего, с «кумулятивными» подъемами или прорывами (в дополнении с адаптациями, провалами) в анизотропии развития по сложности. Пока исключительно образно говоря, она имеет дело прежде всего с восходящими «вертикальными» (эндогенными) пертурбациями неких комплексов социального бытия, с их, так сказать, негэнтропийными «перекомплексовками»».

- «А сложная полилектика, или собственно полилектика и уже социологическая полилогия, пока еще более упрощенно говоря, имеет дело также и с «горизонтальными» (экзогенными) пертурбациями уже между самими такими комплексами или даже «комплексами комплексов», в конечном счете – со всеми «комплексами» социума и даже всем социумом как «комплексом». Но вся беда в том, что простая полилектика уже вполне

«априорно» (для социологии), хотя и допредметно, но солидно наработана ранее упомянутым широким фронтом заделов, а вот со сложной полилектикой картина почему-то совершенно другая. Можно показать, что осмысление таких, условно говоря, «крупных межкомплексных» структур, «горизонтальных» взаимодействий и перемен в биологии, геологии, физике, химии, тем более в социологии, в относительно «членораздельных» научных или вообще эксплицитных формах ило почему-то с огромным отставанием по сравнению с явлениями простой (кумулятивной) полилектики.

<...>

Грубо говоря, Стено открывает «формационную» логику, но лишь почти через триста лет Вагенер открывает куда более мощные («горизонтальные», так сказать, геологически «межцивилизационные») процессы.

Примерно так же происходило и в других областях познания, естественно с наибольшим отставанием в социологии».

<...>

- «Вся подготовленная историей научная ситуация такова, что сперва (и в нашем движении еще долго) необходим революционный (причем весьма серьезный, «постформационный») пересмотр именно простой полилогии, связанной с простой, «кумулятивной» полилектикой, каковая уже будет существенно отлична от классической диалектики и даже радикально – от формационной логики».

- «Короче говоря, сложная полилектика должна будет иметь дело не только с простой логикой прорывов (или адаптаций, провалов), но и с межобщественными отношениями, с империями, колониальными системами, блоками, коалициями, союзами, а равно и с разнообразными процессами объединений, разделений, войн, замиренений, захватов, присоединений, отделений, соединений и пр.».

После представления семантической стороны фрагментов из тезауруса, аккумулярованного полилектикой, вводящих в пространство понятий полилектики, представляется возможным изложить основы самой простой полилектики в «метафорических представлениях» и цитатах автора.

5.3.3. Основы простой полилектики

(по тексту первого раздела «Постановка вопроса» метатеории А.С. Шушарина «Полилогия современного мира...»)

1. «Квазистабильное (равновесное) социальное состояние всегда критично в том простом смысле, что оно всегда внутренне противоречиво и рано или поздно преходяще, «несовершенно». Кроме того, в интересном образе М. Эпштейна такое состояние, в частности, предстает как постоянное **очищение** от внешних и внутренних «загрязнений». Это, собственно, и есть иновыражение негэнтропийного процесса самосохранения. Но это еще вполне устойчивое состояние, «нормальное». По мере развития «социальной материи», производительных сил, сама жизнь вполне классически перерастает отжившую форму. Или в ином выражении – всякая система рано или поздно уничтожает («проедает», «сужает», «засоряет», «обедняет» и пр.) условия собственного же существования в форме перерастания этими условиями возможностей дальнейшего бытия системы».

2. «...нигде и никогда нет одномерной производительной детерминации зреющих перемен, а всегда есть еще исторические сгущения **всех полипричинных обстоятельств** этих перемен. Вот, кстати, именно эти обстоятельства часто и мистифицируются в виде исторического рока, судьбы, мессианства, чуда, чьих-то козней и пр. Хотя на самом деле это, в частности, всегда вполне **конкретные**, так сказать, «стимулирующие» сполохи социальных напряжений, кризисов, войн, всплеск народных возмущений, спонтанных бунтов, чреватых забастовок, дури властей и пр. «**клевков жареного петуха**»».

3. «Между тем конструкт «жареного петуха», стрессовой «перетряски» (С.Д. Хайтун) и пр. выражает принципиально необходимое условие практически любого крупного разворота в общественном развитии как в восходящем, так и в регрессивном варианте.

При этих клевках «жареного петуха» критические, квазистабильные (равновесные) состояния нарушаются вступлением в уже неустойчивое, неравновесное, опускающееся, саморазрушающееся и хаотизированное состояние зреющей бифуркации. Такие бифуркации, содержащие ограниченное или

квантованное (Е.Н. Князева, С.П. Курдюмов) поле траекторий (как рождающиеся в настоящем тренды) возможного дальнейшего развития. Бифуркации могут обернуться энтропийным срывом (катастрофой, разрушением, поглощением средой) или неэнтропийным прорывом, шагом восхождения, революционным скачком **новообразований в перекомпозициях** субординированных гетерогенных (многомерных, многопараметрических, многослойных) композиций преодоленных состояний, сколько бы протяженным, шатающимся и пр. в индифферентной хронологии он ни был. В этом, и только в этом, случае фактор разрушения хаотизации оказывается «конструктивным» (Й. Шумпетер), разрушено не все, а прежде всего отжившее, «перенакопившийся сор», так сказать, уже не простым очищением, а генеральной «чисткой» и в уже новой, усложненной системе».

4. «Весь дух этих постклассических философских абстракций и заключен в метафоре **сложность**. Да, скачок, превращение, переход одного в другое – вся эта классика верна. Но! Это «одно» – некая сложная **многомерная композиция** (социально многопараметрическая и «многослойная» полиструктура, полисистема, полимеханизм, иерархия и пр., с некоторой доминантой), переход – вероятностный, вариантный, нелинейный и т.п. процесс, в прорывном итоге бифуркации, восходящего «переслоения», соответственно образующего уже нечто «другое», – еще **более сложная композиция** с уже новым «слоем во главе», с новой доминантой».

5. «В этой связи просто удивительно, что в нашей экономической литературе (да и то под влиянием из-за «бугра») только сейчас членораздельно осваиваются мысли следующего порядка: «Преобразования... представляют собой перемены в системе взаимосвязей многочисленных социальных порядков. В этом аспекте организационные нововведения являются **не заменой существующих структур, а их рекомбинацией**» (Д. Старк). Смены систем, однако, тоже иногда происходят, но всегда, действительно, как рекомбинации (которые, впрочем, могут быть адаптивными, деструктивными и, наконец, новообразующими, восходящими подъемами; чего, кстати, как и доминант, гомологий, Старк принципиально не различает). А вот все эти «многочисленности», комплексы, комбинации, многослойности, композиции и пр. – это одно и то же, т.е. уже не

просто гомогенное или аморфное «качество». Соответственно эти «комплексные» преобразования (которые могут быть и революционными, и деструктивными), чтобы отвлечься при этом от политических пертурбаций, т.е. в самих недрах производства, теперь часто именуют **трансформациями**.

6. «Шаги восхождения суть усложнения, т.е. в итоге перекомпозиции, переслоения многомерных, гетерогенных состояний и образование новых доминирующих «слоев», структур, уровней, механизмов квазистабильных композиций. Вот все это и есть Творения, сотворения, преобразования, рождения, преображения, преодоления, прорывы и пр. Соответственно и самым общим, предельно слабым критерием различения этих квазистабильных состояний являются **дискретные** (Жог В.И., Умаров Х.) характеристики этих состояний в необратимом «переслаивающем» восхождении, т.е. некоторые негэнтропийные типы равновесий, механизмов, уровней организации (В.С. Степин) или сложности в «компаративистской» соотнесенности таких комплексных состояний.

<...>

Вот все это и суть исключительно важный момент всей постклассической полилектики, утверждающий, что, например простейшие биологические процессы как новый доминантный «слой» или механизм выше (сложней) всех «добиологических» состояний во вселенной. Причем «слой» ранее не бывший или бывший, но только и только как потенции, возможности, аттракторы, ростки, предрасположенности, «призраки», каковые, только самореализуясь, обретают уже действительно собственные формы. Резко, но в высшей степени принципиально говоря, при любых количествах «призраков» и признаков феодализма или капитализма до складывания их уже собственных относительно установившихся форм не было. Нечто похожее на эти формы действительно было, но все же еще не сами эти формы. Понять иначе – значит впасть в своего рода «социологическую панспермию», значит отрицать самое главное: рост сложности, негэнтропийные постструктуры, новообразования, восходящие прорывы».

7. ««Будущее открыто» (И. Пригожин), но в восходящем развитии не в абсолютной непредсказуемости, а в понимании необратимой смены типов доминирующих механизмов движения.

Новый тип складывается, действительно, самопроизвольно, в обществе, например, как «эмпирически устанавливаемое дело» (Маркс), и в этом смысле будущее действительно никогда непредсказуемо. Какое бы, здесь упрощенно говоря, люди общество не строили, в действительности оно самоорганизуется, в основном содержании строится всегда само, не по «проектам», моделям и стремлениям, а уже по некоторым **новым** же закономерностям (имеются в виду, разумеется, восходяще сменяющиеся общественно-исторические типы). Но вот в смысле преодоления предшествующего типа, господствовавшего или доминировавшего механизма и, конечно, в восходящем тренде развития, оно предсказуемо как переход к некоторому новому доминирующему посттипу, **постмеханизму, постструктуре и т.д.** самоорганизующейся композиции, еще неизвестной в собственном, содержании («будущее открыто», в этом смысле действительно никогда непредсказуемо), но вполне определенному движению как **снимающему**, по Гегелю, или по Т. Парсонсу, **включающему**, конечно, уже в некотором измененном (метаморфированном) виде, старый господствующий механизм, тип равновесия («будущее не произвольно», бифуркация познаваема). Бифуркационные состояния действительно лишают природу свойства классической «корректности» (когда, в частности, малым причинам отвечают малые следствия – Н.Н. Моисеев; хотя это только один момент бифуркационности), но это вовсе не отменяет предсказуемость именно восходящего перехода как «невероятного» (в смысле Шредингера) перехода к **посттипу** движения, к новой и более сложной «слоеной» композиции, с новой постдоминантой или «верхним слоем». Это, собственно, и есть **отрицательная предсказуемость** генерализации и снятие с метаморфизацией предшествующего состояния (постижимого рационально теорией данной бифуркации). В восходящем развитии это предшествующее состояние не ликвидируется (ликвидируется только доминирование «верхнего слоя», но не сам «слой»!) в новой доминирующей форме композиции, а всегда посттипологически снимается (и соответственно метаморфируется новой доминантой, хотя подчас и весьма резко)».

8. «Вновь напомним, что в иерархиях форм средневековой схоластики (наверху – Бог), или у Гегеля, или у капитализаторов

вплоть до Фукуямы с Поппером и иже с ними, или у ортодоксальных коммунистов просто неустранимо понимание развития к **некоей вершине** (некий рай; воплощение абсолютной идеи в конституционной монархии; либеральный конец истории; светлый коммунизм; конец «отчуждения», «свобода»; «открытое общество», окончательное по определению; и пр.). В этой же связи, например Д.Е. Фурман, редкостно ясно и справедливо замечая о неизбежности «марксистскообразных» конструкций мысли, формально точно утверждает, что мы «логически не можем знать, к чему ведет исторический процесс». Но вот само вопрос относится не к науке, а в лучшем случае к фантазии. Ведь в самом вопросе-то, что уже заведомо звучит? Что исторический процесс таки к чему-то ведет. Только, выходит, мы, несчастные, не знаем. На самом деле мы действительно «не можем знать», к чему ведет исторический процесс, но потому как он к чему-то и сам не ведет. Впрочем, Фурман это и имел в виду, лишь не разъяснив непреходящий раскол научной и телеологических и прочих вер или даже способов мышления.

В общем, сама суть действительных восхождений, можно сказать, телеологизму противоположна – от оснований к последующему, от вершины к некоей более высокой, т.е. опять же повторю, к новой доминирующей постформе, постмеханизму, постструктуре, посттипу, постсамоорганизации, а не к любой провозглашаемой или проектируемой форме».

9. «Если энтропия – это мера необратимости (М. Планк) в рассеянии энергии, упрощении, разложении и т.д., то сложность, постмеханизм, неэнтропийный тип есть мера необратимости в восходящем развитии, «приращении ценности» материальных структур. Это, если угодно, посттипологическая кумулятивность, материалистический эмерджентизм (от латинского – появление, возникновение), противоположный гладкости эволюционизма, а равно телеологизму, финализму: это сама соль шагов развития вообще и творчества в частности с его генерализующими и умножающими сложность новообразованиями в их дискретности. Разумеется, **далеко не все** и даже очень немногие реалии могут быть достаточно однозначно поставлены в такой восходящий гомологический ряд или ряды «роста ценностей», типов и посттипов систем и пр. Но вся суть в том, что таковой критерий является и **объективно основным, и познавательным решающим, и**

даже единственно мыслимым именно в революционных шагах восходящих прорывов».

10. «Такие перемены, напомню, зреют тысячами «суммирующихся», в том числе хаотизирующих, опускающих, разлагающих, но и растормаживающих сдержки спасительного «поиска», обстоятельств как «исторического происшествия» (И. Пригожин) или клевков жареного петуха, усилиями всей материи или космоса как действиями какой-то «активной внешней и внутренней среды», «высокой энергии», «истоков», способных привести квазистабильное уже критическое, но еще равновесное состояние в возбужденное, неустойчивое состояние, т.е. в хаотизацию зреющей бифуркации. Этой высокой энергией могут быть в том числе и еще неизвестной природы космические излучения и частицы (даже среди тепловых фотонов, как отмечает И. Пригожин, на каждый миллиард приходится одна элементарная частица, способная стимулировать... переход к упорядоченной структуре, вроде «самовольного» электрона П. Дирака), может быть механическая энергия (скажем, приводящая к смешиванию разнородных химических веществ), лучистая энергия для фотосинтетиков (зерно хлорофилла), электрические разряды, радиация, химическая энергия для химосинтетиков – автотрофов и т.д., наконец, **человеческий труд, творчество** (начиная с его вечной неудовлетворенности и активности) во всех неисчислимых формах, неумолимо приводящие общество, рано или поздно, в возбужденное, хаотизированное, и даже сначала более «опускаемое», состояние зреющих перемен».

11. «В этой же связи затронем еще уже приводившиеся интересные идеи Н.С. Розова. В «лестнице уровней развития общества» Розов указывает «только на два критерия» (хотя сама поликритериальность уже несомненна). «Внешний **операциональный** критерий эффективности», в справедливом отсечении от морализмов, характеризуется так: общество «принадлежит более высокому уровню развития», когда «побеждает... в столкновениях с другими». Согласно другому, «концептуальному» критерию, общество «находится на более высоком уровне развития», когда «лучше обеспечено социальными способами (институтами) для выполнения необходимых с точки зрения выживания и конкуренции социальных функций на данном историческом этапе». Нет ни малейших сомнений, что в

поликритериальной картине «развитости» «победность», «выживаемость и конкуренция» факторы существенные изначально и до сей поры (казалось бы, во «внутреннем» «концептуальном», «институциональном» критерии Розова «внешнее» как «конкуренция» опять–таки доминантно, ибо «выживаемость» может быть свойственна и весьма невысоким формам, так сказать, совсем не «конкурентным»). Но все же возникает вопрос о subordinации этих критериальных факторов (хотя критерии Розова апостериорны, но, видимо, все же и не «эффективности», отдающей ароматом политицизма, а в данном случае состояний «развитости»). В действительно сложнейшей головоломе этой оставим весь вопрос пока открытым, задавшись следующим. Для всего социума, в том числе и критериев его развитости, если, конечно, отвлечься от «космической фантастики», ничего «внешнего» («побеждаемого», «конкурентного») просто нет в принципе, а «выживаемость» можно соотнести, к примеру, с оставшимися после вполне вероятной глобальной катастрофы как раз самыми отстающими формами, так сказать, «горно-таежно-пустынно-джунглевыми». Наконец, «конкурентность», «победность в столкновениях», бесспорно существенные до сей исторической поры, все же напоминают некий «большой социал-дарвинизм», да и в пределе могут иметь только весьма мрачную перспективу, так сказать, последнего «столкновения» неких цивилизаций-монстров. Такой ход событий, конечно, не исключен. Но все же история знает и случаи, отклоняющиеся от «социал-дарвинистских» объяснений».

12. «...временами «побеждать» могут, так сказать, «варварские», т.е. менее высокие, но более бойкие формы, что вообще превращает два критерия Розова («операциональный» и «концептуальный») в противоположные. Но раз так, то доминантным (или все более доминантным) критерием исторически является само типологическое «положение на лестнице» или движение по ней (независимо от внешних «успехов»), а логически – квазистабильность, устойчивость этого состояния (независимо от «положения на лестнице») или характер процесса изменения состояния (эволюция, инволюция, революция и др., даже в разных содержаниях их сложные сочетания). Критериальность в развитии «социальной материи», иначе говоря, свободна не только от морализмов, но и вообще от

любых оценочных характеристик («эффективность»). Это, конечно, не отменяет и дополнителности многих других критериев, в том числе ценностных, субъективных, но доминантными являются предельно объективные, причем, далеко не только «конкурентные», а, прежде всего, негэнтропийные, типологические и посттипологические. Но это же значит, что не очень явно подметил и Розов, что сами критерии «развитости» **историчны, многомерны, а в итоге только конкретны**. А что суть конкретность, во всяком случае в сравнении с философской абстрактностью? Да ничто иное как уже понятийные, «многочисленные определения» (Маркс). Ведь помимо названных, разве авторитет и сила общества, благосостояние, житейская безопасность, уровень тех же производительных сил, стабильность, союзность с другими, наконец, сами **отношения** между людьми и их совокупностями и пр. – разве это не критерий, даже «резюмирующий»? Но в разных обстоятельствах любые из них и могут обретать решающую роль.

13. «... «прогрессивность», действительно, может пониматься только субъективно, только в соответствии с теми или иными идеалами, ибо любая всегда многомерная структура (или тренды, процесс перемен) всегда в одних отношениях («идеалах») «лучше», в других – «хуже». А последовательное доведение такого толкования развития уничтожает всякие объективные основы. Кстати, в итоге примерно так оно и получается у Бранского, сводящего деяния людские к «эксперименту» («выбору»). В субъектном пространстве так оно действительно и есть. Но если только задуматься, а почему, к примеру, в античности или на Древнем Востоке никто еще не проводил либерального или коммунистического «эксперимента», то придется рассуждать совсем иначе. «Эксперименты», в том числе и противоборствующие, всегда осуществляются (как и формируются «идеалы») в условиях независимых от людей обстоятельств и тенденций их перемен, т.е. как проявления объективного развития, с такой же, пусть и тощей (далеко не всегда однозначно фиксируемой) объективной критериальностью восходящих изменений той же «высоты рангов».

В общем, бывает уместна и «выживаемость», и отнюдь не тождественная ей «победность», и «внутренняя стабильность» или устойчивость, и др., в том числе и субъективные критерии. Но

при всей действительной поликритериальности социальных структур и процессов, в конечном счете основными являются типологически структурные, неэнтропийные (энтропийные) характеристики исторических состояний («положений на лестнице», «рангов», отношений) и самих процессов перемен (революционные, эволюционные, инволюционные и пр.). Кстати, именно процессы переходов (смен «обществ» или «фаз»), т.е. сама соль развития...».

14. «Потому опять замечу, что эти неэнтропийные критерии (состояний и процессов перемен) отнюдь не эквивалентны утилитарно толкуемому «прогрессу», как некоему всенепременному «улучшению». В этом смысле, действительно, прогрессизм – «рудимент просветительского сознания» (Ю.Н. Давыдов), ибо и объективно более высокое и сложное может быть субъективно «невеселым», и неотвратимость восхождения не абсолют, а лишь или прежде всего «магистраль», способная к тому же сорваться. Хотя, похоже, в «субъективных пространствах» «прогрессизм» весьма живуч. Иначе еще говоря, если прогресс (кумулятивный эффект) техники ни у кого не вызывает сомнений (А.А. Воронин), то такой же прогресс есть и в развитии социальных форм, но далеко не всегда, не везде, со сбоями, часто в сочетании с регрессом в иных отношениях, и, главное, в абстрактно очень «тощей» неэнтропийной типологии усложняемости с ее уже сложными конкретными социальными параметрами.

И еще такой штрих. Тот же самый вопрос прогрессивности или критериальности (состояний, процессов) переводится в вопрос о предельности социальных форм, поскольку вечных не бывает».

15. «Но при этом, как убедительно показал А. Хириман, и здесь любые непосредственно универсальные подходы терпят провалы. Так сказать, сложность «социальной материи» не мутьём, так кáтаньем и тут также дает о себе знать, переводя проблематику только в **конкретику**, сохраняя на абстрактном уровне только «тощую» неэнтропийную типологию. Интересно получается: можно думать о проблемах **прогресса**, о проблемах **критериев** (состояний и процессов), о проблемах **предельности** (социальных форм), но все равно общие анизотропные моменты весьма тощи, а решения упомянутых проблем оказываются **конкретными**. А уж непосредственные обстоятельства перемен,

*как уже отмечалось, могут быть самыми разными – и сполохи кризисов, и угрозы безопасности большинству, и расшевеленное недовольство масс, и внешняя угроза и т.д., что отнюдь не непознаваемые случайности (хотя и без них не бывает), но научно познаваемо только в движении к конкретному, с учетом уймы **конкретных** же обстоятельств. Всякая определенная «форма существования», как известно, конечна, но наивно же полагать, что на этом же уровне абстрактности определимы условия ее конца».*

5.3.4. О категориях и законах политического познания

При помощи абстрактного мышления шаг за шагом происходит раскрытие сущности общественного познавательного процесса и связанных с ним явлений. В процессе их научного изучения формируются логические понятия, более или менее полно отражающие окружающую нас реальность и её познавательную составляющую, в её развитии и изменении. Логические понятия, отражающие в обобщённом виде условия действительной жизни общества, называются категориями полилогии, а отражающие её лишь в условиях доминирования процессов общественного познания и самих этих процессов, - категориями политического познания.

В целом «категория» есть наиболее общее и существенное, фундаментальное, понятие, отражающее и выражающее одну из основных форм или одно из основных отношений бытия как всеобщие свойство и отношение явлений действительности в познании. Примером этого являются следующие всем известные категории: материя и сознание, пространство и время, движение, причинность, сущность, необходимость и случайность, возможность и действительность и т.д.

В таблице П1 «Чистые эндогенные формы», данной в приложении, приведены некоторые из ранее рассмотренных категорий «Полилогии...». В столбце слева (боковик) приведены общие для всех градаций категории, которые структурированы в строке тела таблицы по типам чистых эндогенных форм (ЧЭФ) производственных процессов действительной жизни как подкатегории. Так, например, категория базовый объект

конкретизируется в теле таблицы по типам ЧЭФ следующим образом:

- «человек» для ЧЭФ «переломная первобытность»,
- «общая жизнь» для ЧЭФ «первобытная»,
- «работник» для ЧЭФ «рабовладельческая»,
- «пространство производства» для ЧЭФ «феодальная»,
- «материальные средства производства» для ЧЭФ «экономическая, капиталистическая»,
- «функции, технологии» для ЧЭФ «плановая, социалистическая»,
- «информация» для ЧЭФ «информационная»,
- «общественное познание» для ЧЭФ «общественное познание».

Категории полилогии и политического общественного познания не произвольны. Они действительны, истинны, так как отражают и выражают те объективно существующие в действительности отношения, абстракциями (отвлечёнными, общими понятиями) которых они являются.

Политическое, общественное, познание исследует основные причинно-следственные связи и взаимозависимости, которые раскрывают характер развития производственных отношений в «Обществе знания» и её базовой ЧЭФ «общественное познание». Существенные, необходимые, неизменно устойчивые, повторяющиеся в историческом развитии объективные отношения (взаимозависимости и причинно-следственные связи) между явлениями в воспроизводственных процессах общества, без которых невозможно говорить о производственных отношениях в обществе в их целостности и развитии, называются законами общественного развития. Те же законы, которые отображают объективные отношения (взаимозависимости и причинно-следственные связи) между явлениями в воспроизводственных процессах познания общества называются законами развития общественного познания.

Изучение законов информационно-коммуникационного развития процессов общественного познания или, как часто говорят, коллективного интеллекта общества, его коллективного мышления – важнейшая научная задача политического познания. Таким образом, политическое познание есть наука о законах, управляющих производством и обменом, распределением и

потреблением общественных познавательных процессов и нового знания как благ в человеческом обществе.

Законы развития общественного познания проявляются в процессе информационно-интеллектуальной деятельности людей по производству нового знания и потому действовать вне отношений людей не могут, в отличие от естественных и физических законов природы, действующих без участия человека. Законы общественного познания и ЧЭФ, так же объективны, как объективны и соответствующие производственные отношения, то есть не зависят от сознания и воли людей. Но, действуют эти законы в обществе, в конечном итоге, через посредство воли и сознания тех же самых людей. Этим и обусловлен объективный характер законов общественного познания в ходе общественного развития.

Все сказанное выше позволяет достаточно полно определить предмет политического познания, которое изучает производственные отношения (как форму развития производительных сил и, следовательно, в тесной взаимосвязи с ними) воспроизводственных процессов познания в обществе, общественного мышления. Политпознание изучает свойственные воспроизводственным процессам общественного познания законы развития и функционирования коллективного мышления, общественного познания. Это законы функционирования процессов познания и производства нового знания, распределения познавательных процессов, информационного обмена в процессе познания и потребления на различных ступенях развития человеческого общества, градации «Общество знания» эпохи знания и ЧЭФ «общественное познание».

Глава 6

Общество знания

Политическое общественное познание (Политическая когнитивность)

«...от живого созерцания к абстрактному мышлению и от него к практике...».

В. И. Ленин,
Полн. собр. соч.,
т. 29, стр. 152-153

6.1. Полилогический объект доминирующих отношений собственности нового общества – «Общества знания»

Уяснение таинства собственности на процесс общественного познания начинается с простого осознания того, что эта собственность в существующем прагматизированном мышлении воспринимается как нечто само собой разумеющееся.

Общественное познание как базовый объект полилогии в сравнении с ранее доминировавшими базовыми объектами «средствами производства» и «технологиями» объект крайне необычный. Однако его «взаимоотношения» с объектом-предметом «информация» в чём-то подобны отношениям средств производства и технологий эпохи индустрии. И не только им.

Так, анализируя такой полилогический объект как технологии, А. С. Шушарин пишет в «Полилогии...»:

- «... Мы такие (в чем-то подобные) объекты уже проходили, а потому, вспомним, что и «принадлежность к племени (коллективу)» суть невинное условие производства (общая жизнь), которое может состоять в жесточайшей узурпации, в ограниченной, необщественной животной собственности (эгостадность аполитейная первобытность). Технологии есть ведь не что иное, как сами выполняемые коллективами невинные взаимосвязанные работы, диспозитивно и иерархически сгруппированные ячеистые

процессы производства, но просто выступающие в качестве доминирующего базового объекта ограниченной господствующей собственности. Подобным образом также совершенно невинное пространство производства («живущая пашина», «производящая территория») при феодализме выступало доминирующим объектом собственности, на преодоление которой, обобществление (с так и до сей поры не познанной сущностью!), понадобились мучительные столетия шатающейся, мутной и беспардонной, хотя и в итоге прогрессивной, борьбы за тогда более высокие капиталистические порядки. Хотя сначала тоже был заметен возврат к славной античности.

«Тяготеющее проклятье» в сложившемся мышлении состоит все в том же утилитарном, одномерном, имущественном (вещественном) понимании объектов собственности. Между тем собственность – это общественный способ связи труда и его условий, производственные отношения людей по поводу некоторого доминирующего объекта обстоятельств производства. Но именно различие этих объектов и обуславливает в исторических формах отношения собственности, логически радикально отличающиеся друг от друга. В первобытности собственность на общую жизнь образовала чисто групповые отношения; собственность на рабов надстроила над собой многоклассовую структуру; собственность (классическая) на пространство производства оказалась натурально (парцеллярно) иерархической; собственность на средства производства логически наиболее проста, дихотомична (классическая). Хотя и ее постижение шло по сути не одно столетие. В линейной же форме отношения со средствами производства уже не имеют ни малейшего отношения к сущности действительной собственности на технологии, хотя последняя способна сильнейшим образом деформировать движение средств производства, отношения с ними (экономические отношения). Ни один коллектив (если отвлечься от ранее упоминавшихся «юридических фикций») уже не является собственником средств производства, которые в линейной форме обобществлены, хотя подчас сильнейшим образом может влиять на их движение, использование, качество и т.д. Грубо говоря, иной раз и совершенно безбожное отношение на производстве к общественному имуществу (к примеру, известные «несуны») как

раз и означает священность, неприкосновенность групповой собственности на табуированные технологии, с, естественно, уже «ослабленными» (снятыми) имущественными отношениями! Более того, как убедительно показал Н.Л. Захаров, ученые пришли к выводу, что даже воровство могло означать утверждение морального права восстановления справедливости при неадекватных вознаграждениях вложенного труда. Поэтому именно моя (не моя), наша (не наша) бригада, смена, лаборатория, фабрика, колхоз, совхоз, кафедра, институт, отрасль, наука и т.д. и являются простейшими субъективными и социально-семантическими проявлениями собственности на технологии в форме статусов как доминирующих **смыслов** бытия. Понятно также, что это же наипростейшее «изоморфное» свойство любого базового объекта как раз и расшифровывает его, как всегда, определенную **ценность для человека (иначе – «пустой звук»)** и **одновременно общественную форму богатства** (как благополучия), в связи с которым и складываются отношения людей, собственности. А в функциональном производстве **богатством (благополучием) и являются процессы** производства, а именно **технологии**, общественные формы ячеистой и взаимосвязанной работы.

Но вот то, что технология является собственностью коллектива, – а этой собственностью как совместным и взаимосвязанным процессом труда распоряжается (конечно, не во внешнем, юридическом смысле) по своему собственному разумению каждый обособленный (большой или малый) **коллектив (с его же администрацией)**, а не общество, – это и есть сама собой разумеющаяся данность, представляющая настолько естественной, абсолютно нормальной, морально-положительной, что все то, что мешает этой собственности, выглядит просто предосудительным. В самом деле, меняются заявки от обеспечиваемых функций, меняются возможности и потоки от обеспечивающих функций, сваливаются горы планов, указаний, инструкций, директив, нормативов, а то и комиссий из сферы управления, но при этом реальное распоряжение технологией, расстановка людей, организация процесса, использование всех элементов технологии, в том числе и разлюбленных средств производства, незыблемо как гранит остаются святым, кровным делом коллектива, так что и в голову, даже отдаленно, не может

прийти, что вообще может быть как-то по-другому. Дико и подумать».

Однако в нашем исследовании мы углубляемся в эпоху знания, - того, что ещё никогда не было, в те процессы, которые лишь незримо присутствуют в современном обществе как некие зародыши и начала далёкого будущего. Да, мы полностью согласны с утверждением, что *«собственность – это общественный способ связи труда и его условий, производственные отношения людей по поводу некоторого доминирующего объекта обстоятельств производства. Но именно различие этих объектов и обуславливает в исторических формах отношения собственности, логически радикально отличающиеся друг от друга».* Доминирующим смыслом бытия и ценностью в этом обществе будущего, в «Обществе знания», является участие, принадлежность, к структурам и процессам общественного познания.

Именно с этим типом базового объекта, с процессом общественного познания, будут связаны, а для многих и сегодня связаны, простейшие субъективные и социально-семантические проявления отношений собственности на процесс общественного познания. В частности, это можно наблюдать в производственных отношениях агентов производства следующих известных форм общественного статуса: учёный, научный работник, исследователь, конструктор, проектировщик и т. д. Эти отношения собственности выражаются и проявляются в таких социально-семантических оборотах бытия как «в моей (нашей) теории, в наших исследованиях, в нашем проекте, в нашей конструкции, в научных кругах, в науке» и пр. Нередко это проявляется в более специфических оборотах речи, например: согласно нашей теории, это противоречит современному мировоззрению, данное утверждение не соответствует теоретическим положениям... и др.

В отличие от технологий, с их общественной формой ячеистой и взаимосвязанной работы, в общественном познании коллектив научных работников, исследователей и учёных, как собственник чрезвычайно размыт, организационно, штатным расписанием, не фиксируется, хотя формально существуют институты и лаборатории. Его структурная обособленность связана с парадигмальной принадлежностью, с понятием *научной школы*, с приверженностью определённой теории и системе научных взглядов. При этом в отличие от технологий, где коллектив

практически и по сути фиксируется штатным расписанием совместно с администрацией, здесь коллектив формируется концептуальной и парадигмальной приверженностью исследователей и научной школой, более построенных на научных авторитетах и системе научного мировоззрения, чем на организационно-административной общности.

Такая форма общности как коллектива «научной школы» или коллектива проекта есть, даже сегодня, *«сама собой разумеющаяся данность, предстающая настолько естественной, абсолютно нормальной, морально-положительной, что все то, что мешает этой собственности, выглядит просто предосудительным»*. И действительно, меняются задания и заказы заявки от заинтересованных организации, меняются возможности и обеспечение, сваливаются горы планов, указаний, директив, нормативов, из сферы государственного и общественного управления, но при этом реальное распоряжение процессом общественного познания, ходом принципами исследования, привлечение нужных исследователей и учёных, их результатов работы, расстановка людей, организация процесса, использование тех же технологий, и контента «разлюбезных средств производства», незыблемо остаются непосредственным, неотъемлемым делом этого, размытого словно туманное облако, коллектива, «так что и в голову, даже отдаленно, не может прийти, что вообще может быть как-то по-другому».

И действительно эта ***собственность на общественное познание*** как бы скрывается за понятиями научная школа, парадигма, мировоззрение, а поэтому она табуирована от самого процесса конкретного познания этой сущности. И здесь мы снова сталкиваемся со свойственной экономизму ограниченностью мышления, воспринимающему окружающий мир лишь через вещи – средства производства, для которого нет места процессу и уж тем более абстрактному процессу общественного мышления, направленному на познание, как самого себя, так и окружающего мира действительной жизни, жизни общества. – Познать (общественное) познание – как это вообще возможно? Что это за тавтология некоего замкнутого круга вербальности, абстрактной виртуальной реальности?

«Между тем в свое время, пишет А. С. Шушарин, - была собственность на рабов, которыми рабовладельцы и

*располагались по своему усмотрению, а в течение тысячелетий даже выдающимся мыслителям и в голову не могло прийти, что может быть как-то иначе; была собственность крестьян на двор (парцеллу), лестницы феодалов на владение, в которых они, несмотря на все повинности (службы), располагались по своему разумению, а мысль о том, что это и есть тиски формы собственности на «пространство производства», классического (натурального) феода, и в голову не могла прийти (а в теориях и до сей поры не приходит); была (а при капитализме сохраняется) собственность на средства производства, которыми капиталист, может быть и не сам, несмотря на все внешние коллизии, налоги и пр., распоряжается по своему разумению, как и нереволюционный рабочий, торгующий своей рабочей силой. А вот до поры до времени все это кажется настолько естественным, извечным, необходимым, от самой природы данным (вспомним у Аристотеля – «рабы по природе»), освещенным всеми богами, моралью и правом, что с рассудком просто несовместимо, что собственность общинников на общую жизнь, рабовладельцев – на рабов, феодалов – на их владения (пространство производства, «живущая пашня»), капиталистов – на средства производства, включая и владельцев рабочей силы, и, наконец, иерархических коллективов – на технологии (при социализме – ХАТ) и образует **самое ядро преходящих систем, глубинный источник всех несправедливостей** и т.д., нарастающих все более по мере развития производительных сил человека».*

Однако, как было показано в «Теории Информационного общества...», в последующем за собственностью на технологии будущем возможна опять-таки преходящая собственность и на такой абстрактный полилогический объект как информация. Но и она обречена быть также преходящей, уступающей историческое время другой более «восходяще продвинутой» собственности, – собственности на процесс общественного познания. Эта новая системно-сетевая иерархически групповая собственность (отношение собственности!) научных школ, как свободных коллективов собственников, образует новое ядро преходящей системы, новый, можно сказать, взамен старого, **«глубинный источник всех (будущих – ХАТ) несправедливостей и т.д., нарастающих все более по мере развития производительных сил человека».**

Однако обращённая в будущее мысль о том, что данная преходящая собственность, как доминирующая собственность, породит все некие пороки будущего общества, кажется несущимостью и нелепицей, – ибо диссонирует со всем социальным миропониманием исторического нарастания благосостояния и справедливости, со всей укоренившейся практикой социального строительства. Это *«просто когнитивно не сопрягается с господствующим во всех головах языком и мышлением, менталитетом»* современного общества.

Но, пользуясь оборотом А. С. Шушарина, *«ведь именно эта собственность и обеспечивает форму благосостояния (благополучия), является исторической доминантой всех ценностей для человека, основой смысла бытия в данной системе, способом организации труда и всего производства. Между тем именно самостоятельность людей как собственников в отживших с некоторых пор формах производства напрочь и лишает самостоятельности людей как людей»*. Поэтому общество, будучи органически погружено в процесс общественного познания, должно действовать на основе этого познания, предупреждая и ограничивая негативные явления, своевременно следовать законам объективного исторического восходящего развития.

Иными словами говоря, используя «теоретические» штампы времён социализма, наука должна стать не только производительной силой общества, но и локомотивом исторического восходящего общественного развития, субъектом развития общества.

Понятно, что собственность на общественное познание (отношения собственности по поводу процесса общественного познания), имеет свой неповторимый логический рисунок, при этом, так называемая, субстанциональная плоть не только есть процесс, но и процесс абстрактный, исследуемая плоть которого, в нашем представлении, есть абстракция свойств и их взаимодействия.

О силе этой типологии отношений собственности на процесс общественного познания, вероятно, не понаслышке знает каждый из читателей, который хотя бы раз в жизни попытался усовершенствовать некую теоретическую систему взглядов, теорию или закон. Вы можете приводить массу аргументов, писать статьи и книги, выступать на конференциях и форумах, создавать сайты и т.п., но доминирующая научная школа, авторитеты и прочие

представители этой мировоззренческой системы просто будут вас «не замечать». Точнее, будут как бы не замечать ваши соображения, молча и не сговариваясь отторгать всем своим существом всё то, что не укладывается в их мировоззренческую позицию, концепцию, парадигму. При этом они не будут публично опровергать вашу точку зрения, - систему взглядов, теорию или закон, ибо публичное столкновение выявит несостоятельность их устаревшей позиции, системы взглядов. Это ещё раз подчёркивает, кто есть «хозяин» производственного процесса общественного познания, кто есть собственник процесса общественного познания, кто доминирует, возглавляет и определяет отношения собственности по поводу общественного познания.

Процесс познания, который вы пытаетесь развернуть, сделать его достоянием общества, как был, так и остаётся вашим личным делом, и остаётся в стороне от доминирующего воспроизводственного процесса общественного познания общества.

В частности, заполнившие всё официальное пространство «экономиксы» либерализма, равно и экономического догматизма вообще, *«не отваживаются познать новую, прежде всего именно собственность»* на общественное познание, даже для будущего. И, как пишет А. С. Шушарин, - *«поразмышляйте и сами убедитесь, что это тоже довольно крепкая собственность на процесс (в данном случае познавательный)»*.

6.2. Общественное познание как воспроизводственный процесс исторического развития

Ранее, на основе анализа исторически восходящего развития общества, отмечалось, что в будущем, в ходе коренной перестройки информационной производственной деятельности как процесса и повышения его эффективности, объективно возникает необходимость в упорядочении в целом всего процесса информационно-контентного производства, производства знаний и распространения информации.

Это возможно лишь в условиях обобществления контента информационно-коммуникационных средств производства, постановки их под контроль общества, сбросе этого производства в инфраструктуру общества. В общественном производстве,

последовательно, в исторически восходящем развитии становится доминирующим следующий типологически чистый воспроизводственный процесс. Это ЧЭФ «общественное познание».

Новой ценностью общественного богатства и основой смысла бытия становится сам процесс общественного познания, включённость агента во всеобщий воспроизводственный процесс производства информации и знания. Теперь, для агентов производства, главное занять в этом процессе ключевое, престижное место с высоким общественным исследовательским статусом познания, ибо это гарантирует высокое благообеспечение.

Напомним приведённую в «Теории Информационного общества...» формулу схему информационного способа производства, который доминирует в «Информационном обществе», как, например, кругооборот информации, как схему информационного обращения:

$$- \text{TR} - \text{K}(\text{кСп, Ирс}) \dots \text{П} \dots \text{K}^* - \text{TR}^* - \text{K}(\text{кСп, Ирс}) \dots \text{П} \dots \text{K}^{**} - \text{TR}^{**} - \text{и т. д.}, \quad (6.1)$$

где **К** – контент, воспроизводимый базовый объект «информации»;

TR – торренты - эквивалент в «промежутках» между циклами производства;

Ирс – интеллектуальная (рабочая) сила;

кСп – контент информационно-коммуникационные средства производства, алгоритмы преобразования информации;

П – производство.

Результатом труда, производства, в этом интеллектуальном процессе является некая информация, контент, знание (**К***, **К**** и т.д.), которые составляют главную ценность общественного богатства и основной смысл бытия Информационного общества эпохи знания и ЧЭФ «информационная».

Как уже только что отмечалось, коренная, революционная перестройка этой информационной производственной деятельности связана с упорядочением в целом всего процесса информационно-контентного производства общества и производства знаний в этом обществе, которая перманентно связана с обобществлением

контента информационно-коммуникационных средств производства, постановки их под контроль общества, сбросе этого производства в инфраструктуру общества. В результате формируется мощный, единый, по сути *репродукционный*, общественный (обобществлённый) воспроизводственный процесс информационно-знаниевого интеллектуального продукта.

Эти «одноразовые» перемены в общественном производстве сопровождаются ослаблением внимания к наращиванию выпуска готового продукта в воспроизводственных циклах – (K^* - K), (K^{**} - K^*), (K^{***} - K^{**}) и т.д., ибо всё производство действует в интересах всего общества и наращивания продукта сверх необходимого не требуется. При этом стремление агентов к сверприросту (сверхприбыли) снято сведением на нет существования и влияния контентно-торрентных (товарно-денежных) отношений. Ограничение влияния и распространённости контентно-торрентных отношений связано с «уничтожением» информационного неравенств – негатива «Информационного общества» в его критическом состоянии восходящего развития.

Теперь агенты информационного производства объединены в единую систему общественного познания и поэтому в своей массе лишены возможности получения сверприроста (сверхприбыли). При этом, в целом, это производство опирается на обобществлённый контент информационных средств производства. В этих условиях агенты производства связывают своё благосостояние и его текущий прирост не с ростом эффективности производства, которое весьма устойчиво и неизменно к инициативе отдельных личностей. Они связывают своё благосостояние с занятием в этом едином производственном процессе ключевого и престижного места с высоким общественным исследовательским статусом общественного познания, ибо только это гарантирует высокое благообеспечение.

Таким образом, в центре внимания агентов производства информационного продукта и знания оказывается не выпуск этой интеллектуальной продукции, а само производство как процесс общественного познания, ибо им, его конкретным рабочим местом в познавательном процессе, определяется исследовательский статус данного агента производства. То есть, иными словами, доминирующим воспроизводственным процессом действительной жизни становится сам процесс познания «...П...» – ЧЭФ

«общественное познание» (точнее, - «...**П (общественное познание)**...»).

Естественное стремление человека, homo sapiens, жить, жить в условиях устойчивого воспроизводства и развития этой действительной жизни, с этого момента фокусируется в воспроизводстве самого процесса общественного познания, то есть доминирующим базовым объектом ЧЭФ «общественное познание» является производственный процесс «...**П (общественное познание)**...», объект-процесс «общественное познание».

Это является основанием для введения в научный оборот следующей формулы-схемы познавательного способа производства как кругооборота процесса общественного познания, как схему общественного познавательного обращения, если придерживаться ранее введённой системы базовых категорий первого уровня понятий для полилогических чистых эндогенных форм (см. левый боковик-столбец таблицы П1 приложения):

$$-Ис - ПЗн...П(нСп, Нис)...ПЗн* - Ис* - ПЗн...П...ПЗн** - Ис**, \\ M:COO, \quad (6.2)$$

- где **ПЗн** – воспроизводимый базовый объект-процесс – «общественное познание» (коллективное мышление);
Ис – материально-знаковые отношения и эквивалент в промежутках между циклами производства, - отчётная документация и исследовательские статусы;
Нис – научно-исследовательская интеллектуальная (рабочая) сила;
нСп – научно-исследовательский контент средств познавательного производства;
П – производство общественного познания;
M:COO - механизм взаимодействия агентов исследовательского производства как научная логика общественного познания – «логическое соответствие».

В какой-то мере ЧЭФ «общественное познание» напоминает ЧЭФ «плановая, отраслевая» и об этом достаточно подробно говорилось в разделе 4.3 «Историческое развитие группоиерархических отношений собственности», но, в то же время, это

уже и другая эпоха – эпоха знания (см. раздел 2.1.). Здесь объект-процесс отношений собственности совершенно иной, абстрактный (общественное познание), так же, как и обобществлённый абстрактный объект-предмет «информация, знания», рисунок движения которого резко отличается от привычного движения вещей и средств производства. Наиболее значимой отличительной чертой этого объекта-предмета является возможность практически беззатратного неограниченного тиражирования.

Таким образом, процесс общественного познания оказывается как бы погруженным в ничем не ограниченную избыточную информационную среду. В этой связи разделение труда оказывается не просто ячеистым, как в планово-отраслевой линейной форме ЧЭФ, а в значительной мере свободно распределённым во всём информационном пространстве знаний и общественного познания. Здесь агентом производства выступает не некоторая конкретная личность, а некоторая совокупность знаний (личностей, коллективов) некоего контента общественного познавательного процесса (интеллектуальных средств производства). Этот контент является единым в своём концептуальном постоянстве с одной объединяющей парадигмой, то есть неким концептом научно-исследовательского и теоретического мировоззрения, за которым, естественно, стоят конкретные агенты, - исследователи, научные работники, проектировщики, конструкторы и т.д.

Несмотря на это целенаправленность процесса общественного производства знания, можно сказать, целеполагание, имеет место, но в специфической форме, которая диктуется объективным стремлением всякой системы к устойчивому равновесию и находится в тесной связи с текущим состоянием общества и трендом его развития. Поэтому значительная часть частных процессов общественного познания оказывается включённой в это подобие целеполагаемой жизнедеятельности, что ведёт к возникновению относительно устойчивых связей между агентами производства. Это накладывает на соответствующие связи определённые дополнительные ограничения в форме сроков, полноты исследования и т.п. Однако основной механизм их взаимодействия остаётся неизменным, диктуемой единой парадигмой научной логики и мировоззрения.

Механизм взаимодействия агентов ЧЭФ «общественное познание» здесь заключается в единой концептуальной позиции

(парадигме) исследователей, агентов общественного познания, что позволяет обеспечивать логическое соответствие и сопряжённость результатов исследований и получаемых новых знаний в рамках единой мировоззренческой концепции по всем сторонам действительной жизни общества. Это сохраняет преемственность мировоззренческого понимания действительной жизни общества и адекватное воспроизводство самого подпроцесса общественного познания, как определённой неотъемлемой части самой действительной жизни.

Доминирование этой ЧЭФ в обществе, как ранее было показано (см. рис. 1.2), не означает, что прочие ЧЭФ подпроцессов действительной жизни не функционируют. Они, как и доминировавшая перед данной ЧЭФ «общественное познание» ЧЭФ «информационная», продолжают обеспечивать воспроизводство соответствующих базовых типологических элементов, объектов, образующих в своей совокупности единую и неделимую действительную жизнь общества.

6.3. Общество знания – это, прежде всего, когнитивный способ производства

Таким образом, в градации «Общество знания» эпохи знания доминирует объект-процесс «общественное познание» (коллективное мышление).

6.3.1. Базовый объект и образ собственности на «общественное познание»

*«А вот теперь, - говоря словами А. С. Шушарина, - в основах «божественного социального» («субстрата», если угодно) мы добрались до ещё одного такого «субстрата»: люди и» общественное познание, процессы получения новых знаний обществом, то есть **общественные познавательные** (научные) **производственные отношения**. Причём, если изучение товара стало возможным только с его появлением на исторической арене, ровно, как и изучение «функциональных (технологических) производственных отношений стало возможным только с*

появлением уже критических черт линейного производства» (социализма), то изучать общественные познавательные производственные отношения мы пытаемся начать уже сегодня, до начала доминирования как информационных, так и последующих за ними самих производственных отношений общественного познания.

Сама историческая ситуация развивающегося социума такова, что общество возможно и не доживёт до второй фазы эпохи знания и разрушит мир так ещё и не ставшего единым человечества. Вполне ожидаемо, что это будет момент очередной бифуркации, но уже с глобальным летальным исходом. Однако человек на то и человек, что пытается понять не только тренд своего развития как общества и социума, но и заглянуть в своё будущее, как бы ни призрачно оно было в его представлениях, а затем и в понятиях.

Автор фундаментальной метатеории «Полилогия современного мира...» стоит на принципиальной позиции, что грядущие, будущие производственные отношения *«не могут быть изучены до появления уже критических черт»* соответствующего типа производства в виде доминирующей ЧЭФ этого типа и вступления её в стадию критического, предбифуркационного развития. Только критическое, предельное состояние в развитии общества способно предоставить науке и исследователю реальный, объективно существующий предмет исследования и познания.

Да, это так, но лишь в той части, что гарантирует истинность предмета и объекта исследования и изучения. Однако само познание не гарантирует истинности получаемых результатов, знаний, даже в этой ситуации.

Поэтому вполне допустимо, образно говоря, начать изучение будущего общества, - «Общества знания», до начала его возникновения как такового. Разумеется, при этом надо отдавать себе отчёт в том, что получаемые знания, результаты такого исследования будут истинны лишь с определённой долей вероятности. То есть их достоверность не будет высокой, но и не будет абсолютно случайной, это будет не гадание, а изучение того, пусть и не многого, что нам известно об обществе вообще и об «Обществе знания», в частности, его базовой ЧЭФ «общественное познание».

Нам есть что изучать, на что опираться, да это будет всего лишь прогноз, опирающийся на известные факты восходящего

исторического развития, на тренды различных свойств и процессов общественного развития, наконец, на достоверно доказанную неизменность композиционного состава градаций общественного развития в рамках эндогенной логики. То есть изучение тренда отдельных элементов общества и общества в целом позволяют сформировать достаточно полную, для текущего понимания, модель общества будущего.

Это позволит уже сегодня, принимая решения по ряду частных вопросов общественного развития, руководствоваться законами общественного развития, а не текущим практицизмом и волонтаризмом, облакаемых зачастую в обманчивые формы рациональности и здравого смысла, тогда как именно смысла, как объективного знания, там и нет.

Однако начнём мы всё же с образа «Общества знания», в первом приближении, как продолжения того примера, который даёт автор полилогии при изучении исторического тренда общественного развития и первого образа собственности на технологии, и, который был нами частично продолжен в первичном анализе отношений собственности по поводу информации и знаний.

А. С. Шушарин при описании теоретических основ функционального (планового, отраслевого, социалистического) способа производства, приводит следующий пример в форме «притчи о кирпичном заводе».

Повторим пример притчи как первого приближения в понимании собственности (на технологии), следуя тексту «Полилогии...», и его перенесению на «информацию», а затем продолжим его до образа собственности на процесс общественного познания. То есть, как пишет автор полилогии, *«следуя постмарксовому подходу, сначала необходимо хотя бы приближённо «нащупать» господствующую собственность ещё только как объект отношений»*, разумеется «Общества знания», а точнее, ЧЭФ «общественное познание».

«Представим себе, как это ни покажется странным, кирпичный завод, технически примерно одного и того же уровня в условиях рабовладения, феодализма, капитализма и плановой системы. Но вот общественные формы этих естественно-технически одинаковых процессов, а также отношения людей, собственность, ее объекты оказываются совершенно различными.

При рабстве на этом заводе вообще никто не трудится, ибо рабы суть такие же орудия, как и печь для обжига, только в отличие от нее говорящие. И здесь еще несущественно, кому принадлежит завод как средство производства, ибо доминирующим объектом собственности являются сами рабы (работники), а следовательно, и актуальны демографические производственные отношения в связи с рабами, их приобретением, профессиональностью, использованием.

При феодализме тот же самый завод реализует натуральную «кирпичную повинность» с жесткой зоной связей в данной местности. И здесь еще не столь существенно, кому принадлежит этот завод как средство производства, а важно, кому принадлежит местность, на которой живут уже не рабы, а крепостные, вынужденные работать на этом заводе, ибо более им деваться некуда - вся местность поделена, все к ней прикреплено. Объектом собственности здесь оказывается «живущая» зона кирпичной повинности этого завода, и актуальны территориальные производственные отношения людей в связи с «пространством производства».

При капитализме все тот же кирпичный завод работает на рынок, конкурирует с другими заводами. Вот здесь самое важное - собственность на сам завод как средство производства, ибо ни рабов, ни прикрепленных к местности крепостных уже не существует и соответственно актуальны экономические производственные отношения.

Наконец, в наших условиях (социализма – ХАТ) тот же самый кирпичный завод вкупе с другими выполняет функцию выпуска кирпичей. Кому принадлежит этот «ничейный» завод как средство производства - в сущности теперь уже совершенно неважно просто в том смысле, что он уже не принадлежит частному собственнику. А вот что теперь важно, совсем иное - теперь вся суть в том, кому принадлежит само «кирпичное дело», т.е. данная («кирпичная») **технология**, соответственно и господствуют отношения людей в связи с этими технологиями. (Кстати говоря, именно Дело, и с прописной буквы, является исходным понятием в «теоретическом» наброске управленца Ю.И. Мухина. Небезынтересно еще заметить, что, так сказать, на 12-й год «перестройки» «трудолик» К. Сабирьянова обратила внимание на то, что в былой системе для работников «работа

была поистине правом собственности». Работа, особо выделяю, т.е. не вещь, а процесс. Вот в свое время с производственными основаниями одного такого «права собственности» Маркс и разбирался в четырех томах.)».

В «Теории Информационного общества...» этот пример имеет следующее продолжение.

В «Информационном обществе» кирпичный завод продолжает работать, информируя общество о количестве и качестве выпускаемой продукции, о выполняемых поставках и сроках. Обществу совершенно неважно «кому принадлежит само «кирпичное дело»», в том смысле, что оно не принадлежит группо-иерархическому собственнику, трудовому коллективу. Ибо теперь не трудовой коллектив, а общество в полной мере владеет «кирпичным делом», которое обобществлено.

В «Информационном обществе» важно иное, а именно, - теперь вся суть в том, кому принадлежит «информация», связанная с кирпичным производством (контент кирпичного производства), с тем, кто в действительности контролирует информацию, информационные потоки, кому принадлежит соответствующее информационное пространство и соответствующая информатика. Соответственно и господствуют в кирпичном производстве, которое, скорее всего, будет со временем полностью автоматизировано и роботизировано, отношения людей в связи с этим информационным пространством – информацией, коммуникациями, информатикой. Недаром, говоря с пафосом, всё более и более звучит на весь мир, - «Кто владеет информацией, тот владеет всем миром». Владеет **информацией**, информационным пространством кирпичного производства, но не «кирпичным делом», а неким абстрактным **объектом-предметом**.

В «Обществе знания», несмотря на огромный общественный и научно-технический прогресс, завод по производству кирпича продолжает работать, ибо по-прежнему сохраняется потребность в кирпиче, как строительном и отделочном материале. Кому принадлежит этот завод как средство производства, и кто владеет и распоряжается «информацией кирпичного производства» обществу и коллективу завода совершенно не важно. Не важно, - когда, куда и сколько, какого качества кирпича будет поставлено, какое сырьё, откуда, какого качества и в каком количестве поступит на завод, параметры режимов обжига и применяемое оборудование,

профессиональный и кадровый состав работников и много другое. Не важно, в том смысле, что этот завод и вся перечисленная информация «кирпичного дела» уже не принадлежат частному собственнику. Теперь вся информация принадлежит обществу, ибо эта информация, информационно-коммуникационные потоки и информационные каналы связи кирпичного производства обобществлены.

Можно сказать, что кирпичное производство полностью обеспечивает потребности общества в этом строительном материале, и по объёму, и по качеству, и по срокам. В этом плане кирпичное производство не ставит перед обществом каких-либо проблем, а получение кирпича и информация о кирпичном производстве, в случае потребности, оказывается рядовым, само собой разумеющимся фактом обыденной жизни. Как-никак, а это уже вопросы жизнеобеспечения на уровне инфраструктуры общества, находящиеся под общественным контролем и управлением.

В «Обществе знания» важно иное, теперь вся суть в том, кому принадлежат процессы познания, изучения и анализа «кирпичного дела». Ведь производство и вся его инфраструктура постоянно совершенствуются, что возможно лишь на основе познания действующего кирпичного производства, изучения всего многообразия процессов и объектов, его образующих, а также спроса по качеству и номенклатуре. Именно эти процессы **общественного познания**, изучения и анализа, теперь становятся доминирующими в кирпичном производстве. Таким образом, на первый план и основным мотивом жизнедеятельности в этом кирпичном деле выдвигается объект-процесс **«общественное познание»** кирпичного дела, соответственно главным объектом узурпации и «божественно социальным» становится процесс общественного познания кирпичного дела, само участие в этом процессе, принадлежность к этому процессу общественного познания в кирпичном производстве.

Из этого условного примера видно, что один и тот же естественно-технический процесс производства в разных общественно-воспроизводственных формах, градациях и эпохах, производства «действительной жизни» *обнаруживается*, проявляется, *«в отношениях людей с совершенно разными объектами обстоятельств производства»*. Исторически в

качестве этих объектов последовательно выступают: **работники** (рабовладение), **«местность»** (феодализм), **средства производства** (капитализм), **технологии** (социализм), **информация и коммуникационный контент (информационное пространство «Информационного общества»)**, **общественное познание** как «коллективное мышление» («Общество знания»).

Поэтому один и тот же труд в физическом (кирпичном) содержании осуществляется с совершенно разными мотивациями, интересами, ограничениями и свободами, формами связей и, соответственно, правом.

Всё это определяется господствующим типом взаимодействия, то есть в нашем случае, случае «Общества знания», – общественно познавательным типом взаимодействия, единой логикой мышления в общественном познании, обеспечивающей соответствие понимания в научно-познавательном, парадигмальном, исследовательском обмене (процессе). При этом само господство этого типа взаимодействия определяется доминирующей собственностью, то есть в данном случае отношениями собственности по поводу объекта-процесса общественное познание, изучения и анализа.

Общая схема исторического развития отношений собственности по поводу вышеупомянутого ряда типологических объектов действительной жизни представлена на схеме рисунка 6.1.

Общество знания эндогенно, т.е. как господствующая общественно-познавательная форма в своём чистом виде идеального типа доминирующего «верхнего слоя» (см. рис. 1.3-2), не имеет никакого отношения ни к культурно-родовым, ни к демографическим, ни к территориальным, ни к экономическим, ни к технологическим, ни информационным отношениям, а также не имеет отношения и ко всему множеству понятий, описывающих их. Господствует, то есть доминирует, ограниченная, или иначе необщественная (но вовсе не частная), собственность на общественное познание (коллективное мышление), которое является процессуальным объектом (процессом) и которое известно в классическом марксизме как «обстоятельства производства».

Объект-процесс «общественное познание» определяется так: Общественное познание - это и не люди, и не средства производства, и не бесчисленные технологии в квазивещественном (тем более физическом) смысле, и не информационно-коммуникационные

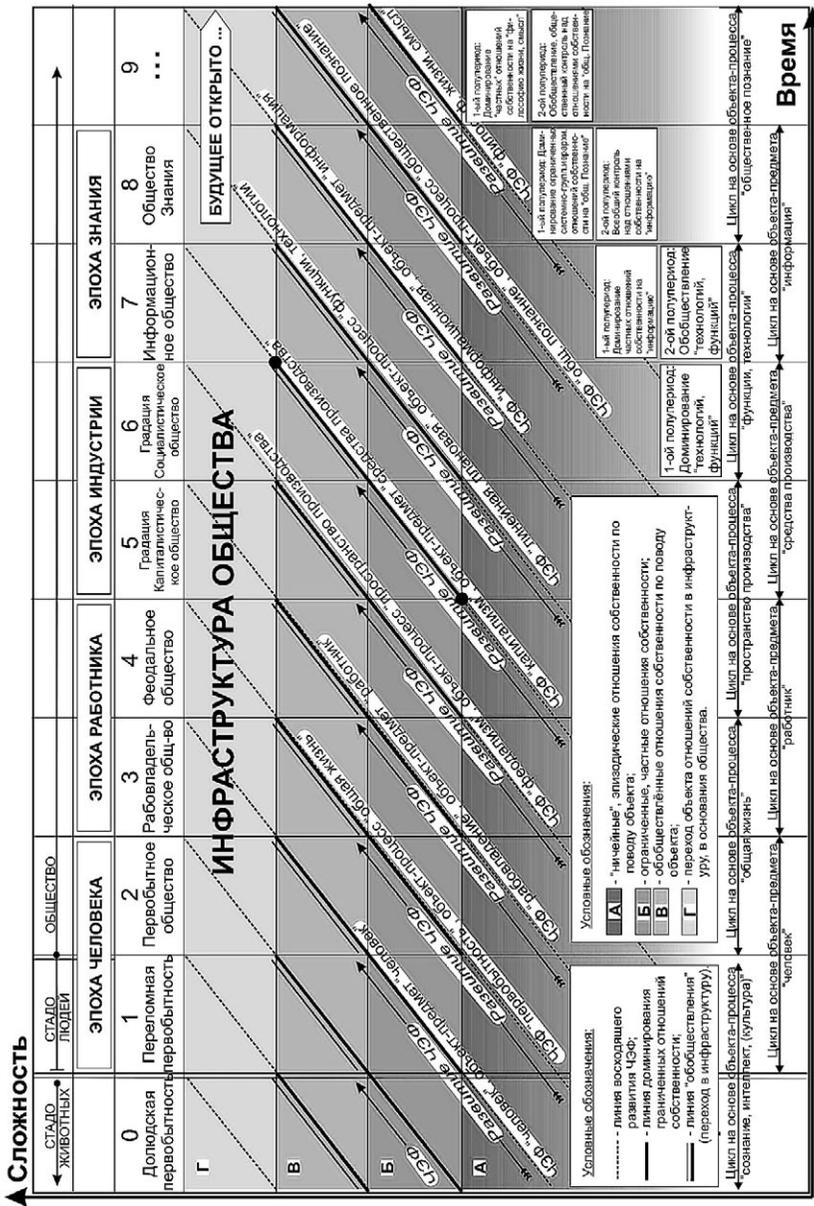

Рис. 6.1. Схема логики истории развития общества

абстрактные объекты (контент информационно-коммуникационных средств производства). Общественное познание это взаимосвязано осуществляемые, реализующие коллективный навык приёмы интеллектуального труда, знания, **процессы общественного познавательного производства** как связанной исследовательской взаимодействия людей. Господствующие же, доминирующие, отношения людей в связи с этим общественным познанием и процессами интеллектуального исследовательского производства и образуют **общественную форму общественного познания**.

С другой стороны, - в самых первых представлениях процессы общественного познания обнаруживают (проявляют) себя юридически в виде бесконечно разнообразных академий, институтов, научных школ, семинаров, лабораторий, прикладных НИИ и научных отделов, секторов и научно-исследовательских групп и прочих более крупных и специфических научно-исследовательских образований, проектно-конструкторских организаций. В основе всех этих внешних, юридико-организационных форм лежат системно-сетевые, часто слабо персонализируемые взаимосвязанные процессы интеллектуального, научно-исследовательского производства нового знания как общественное познание.

Все эти общественные познавательные процессы по своему существу никогда не могут находиться в частной собственности (хотя отношения с ними, конечно, могут быть, как сегодня говорят экономиксы, капитализированы); они всегда неотделимы от коллективной, совместной (сорганизованной) деятельности людей связанной единой логикой общественного познания окружающего мира. При этом, будучи неотделимым от деятельности людей, индивидуумов, общественное познание, тем не менее, есть внеиндивидуальные, объективные процессы некоего коллективного интеллекта (общественного сознания), которые в качестве доминирующего объекта обстоятельств производства могут оказаться и в будущем оказываются в ограниченной (необщественной) собственности, в узурпации.

Процессы общественного познания и отношения с ними, как с прочими, ранее упомянутыми, базовыми объектами действительной жизни были и есть всегда, во всех градациях общественного развития. Так, например, в изначальной градации человеческого общества, в первобытности, понимание сезонных

процессов в окружающей природе, умение определять места и территории наиболее богатые пищей, растительными плодами и животным миром с объектами охоты, умение понимать свойства предметов природы и её законы, умение создавать орудия труда, жилище, понимать и использовать свойства огня и т.д. – это уже процессы общественного познания, навыки, передаваемые из поколения в поколение.

Но вот сами отношения с этими процессами общественного познания, как типом господствующих отношений, были только потенциальными, которые согласно метатеории полилогия достигают своего высшего, предельного и критического состояния узурпации именно в «Обществе знания», в обществе, основанном на производственной форме общественного познания.

Производственные отношения в этой форме производства в связи с общественным познанием называются **общественно-познавательными**. В чистом виде общественно-познавательные отношения логически ортогональны, объективно и семантически (в описании), всем прочим производственным отношениям, культурно-родовым, демографическим, территориальным, экономическим, технологическим и информационным.

6.3.2. Общественное познавательное взаимодействие (симметрия)

Переходя в описании градации социализм и ЧЭФ «плановая, отраслевая» до такого субстрата как люди и «технологии», процессы линейного производства, т.е. функциональные (технологические) производственные отношения, А. С. Шушарин в пятитомном труде «Полилогия...» отмечает, что они *«в принципе не могли быть изучены до появления уже критических черт линейного производства»*.

В нашем же случае имеет место субстрат ещё более высокого будущего исторического развития - это **общественно-познавательные производственные отношения** (производственные отношения общественного познания).

Так как это отношения будущего, то пока ещё явно не наблюдаются упомянутые критические черты общественно-познавательного производства, ибо доминирование соответствующих производственных отношений в сфере

общественного познания ещё не было проявлено ни в одном из обществ. Поэтому естественно и постоянно возникает вопрос, тесно корреспондируемый с упомянутым принципом *невозможности изучения до появления критических черт* исследуемого способа производства, а именно – насколько обоснована и целесообразна предпринимаемая попытка исследования и познания общества будущего тогда, когда его ещё и нет в действительной жизни социума?

Наша точка зрения такова – это изучение не только возможно, но и необходимо, ибо позволяет более обоснованно определять основные вехи восходящего развития современного общества и формировать социальную среду для постепенного, можно сказать, эволюционного, преобразования общества в его прогрессивном движении по возрастанию сложности. Это во многом будет способствовать избеганию заходящих в предел критических ситуаций общественного развития и срыву на траектории регресса и разрушения социума.

Основанием для такого утверждения служит полилогический подход в понимании исторического развития и формирования общества, изложенный в самой метатеории А. С. Шушарина. Полилогия рассматривает всякую историческую градацию как композицию ЧЭФ, подпроцессов, действительной жизни, при этом состав этих ЧЭФ для всего исторического периода развития остаётся неизменным. Это означает, что процессы общественного познания всегда имеют место, то есть соответствующий предмет изучения объективно существует во все моменты общественного развития. Иначе, объективная реальность предоставляет нам возможность непосредственно изучать во всей полноте материальной и абстрактной сущности субстрат и субстанцию этого процесса общественного познания.

Разумеется, что истинность получаемых результатов в вероятностном смысле достоверности, будет не совсем высокой, поэтому использовать эти результаты следует с определённой степенью осторожности. Однако, даже отсутствие ожидаемых знаний прогностического характера, не остановит общества и социум перед необходимостью принятия решений, устремлённых в будущее. Поэтому более разумно и рационально использовать научно проработанные модели будущего развития, чем принимать спонтанно интуитивные решения, по тем или иным вопросам

исторического и текущего развития современного общества, без должной глубины проработки и научного системного познания.

6.3.2.1. ЧЭФ «общественное познание»

Главным, доминирующим объектом действительной жизни и «божественным социальным», целью и богатством жизни в «Обществе знания» являются процессы **«общественного познания»** (коллективного мышления). До этого, как известно, информация, информационные коммуникации, информатика как ценности были свойственны предшествующей градации «Информационное общество».

Механизмом взаимодействия агентов производства, обеспечивающим в общем случае определённое логическое соответствие, в связи с производством и воспроизводством объекта-процесса общественное познание действительной жизни является **«логика познания»** как некий **научно-теоретический концепт взаимопонимания**, парадигма, тогда как в «Информационном обществе» доминировало «соинформирование», а при социализме – «соисполнение».

Таким образом, если в «Информационном обществе» обмен конкретными единицами базовых объектов осуществлялся в форме «соинформирования», то есть, можно сказать, что агенты производства ЧЭФ «информационная» делятся друг с другом информационным контентом. В «Обществе знания», и именно в ЧЭФ «общественное познание», агенты производства в процессе общественного познания уже не «делятся» друг с другом информационным контентом, ибо его производство обобществлено и **контент распределяется** между агентами согласно их исследовательскому статусному положению в процессе общественного познания. Однако, будучи вовлечёнными в единую производственную систему общественного познания, агенты ЧЭФ «общественное познание» общества знания вынуждены соответствовать друг другу, опираясь на определённый научно-теоретический концепт взаимопонимания и единый язык общественного познавательного процесса и коллективного мышления.

Очевидно, что здесь обмена как такового (как обмен вещами или информацией) быть не может, ибо речь идёт о процессах некой единой системы, общества, которые объединены системно-сетевыми иерархически групповыми производственными отношениями и отношениями собственности. Процессы должны соответствовать системе и её сети, то есть должны быть сопряжены с другими процессами общественного познания - входящими (предшествующими) и исходящими (последующими).

Процессы не могут отчуждаться (как вещи), ибо это влечёт разрушение системы, общества, однако они могут узурпироваться, ибо являются ценностью, объектом богатства и могущества.

Наконец выражением материально-знаковых отношений в «Обществе знания» являются своего рода, писанные и не писанные, можно сказать, стандарты взаимоотношений агентов производства в процессе общественного познания. Несмотря на то, что общественное познание и особенно сугубо научное познание, по общему мнению, есть в основном процесс творческий, но и здесь можно обнаружить массу документов и правил, наконец, традиций и авторитетов, учёных рангов, исследовательских статусов и компетентности, регламентирующих, регулирующих, предписывающих протекание процесса общественного познания, его внешнее представление и оформление.

В основе всех этих относительно устойчивых инструкций, говоря почти словами «Полилогии...», - *«самыми инвариантными документами», обслуживающими»* производственный процесс общественного познания, *«являются невидимые, но образующие самую глубокую и твёрдую знаковую (если угодно, образно-смысловую) реальность статусы»* **исследовательских познавательных функций «коллективов и лиц, собственно и проявляющихся (как в следах) в предьявительских и императивных инструкциях».**

Таким образом, по чисто формальной аналогии с эпохой индустрии, а также с формулами обращения капитала $D-T...P...T^*-D^*$ и формулами обращения воспроизводственного процесса при социализме $C-Ф...P...Ф^*-C^*$, формулой-схемой главных воспроизводственных процессов, лежащих в основе эпохи знания, и, с учётом выражений (6.1) и (6.2), является:

$$\begin{aligned} & \mathbf{TR} - \mathbf{K} \dots \mathbf{П} \dots \mathbf{K}^* - \mathbf{TR}^* \text{ и т.д.,} \\ & \mathbf{Ис} - \mathbf{ПЗн} \dots \mathbf{П} \dots \mathbf{ПЗн}^* - \mathbf{Ис}^* \text{ и т.д.} \end{aligned} \quad (6.3)$$

где **TR** – торренты;
K – контент (информация);
П – производственный (воспроизводственный) процесс;
ПЗн – воспроизводимый базовый объект-процесс –
 «общественное познание» (коллективное мышление);
Ис – материально-знаковые отношения, - эквивалент, в
 промежутках между циклами общественного познания
 (исследовательский статус).

Из формулы-схемы производственного процесса общественного познания, ЧЭФ «общественное познание», следует, что для «Общества знания» характерным является неуклонный рост познавательного, научного, исследовательского статуса (ранга) агентов производства как ценности. То есть формула роста специфического эквивалента в этом производственном взаимодействии агентов процесса общественного познания имеет вид: (исследовательский) познавательный статус – общественный процесс общественного познания – больший (исследовательский) познавательный статус *. Таким образом, исходя из (6.3) и вводя более конкретные дефиниции используемым обозначениям, имеем следующую форму «статусного обращения»:

$$\mathbf{Ис} - \mathbf{ПЗн} - \mathbf{Ис}^*, \quad (6.4)$$

где **ПЗн** – воспроизводимый базовый объект-процесс –
 «общественное познание», то есть общественное
 познание как коллективное мышление;
Ис – познавательный, научный, исследовательский статус
 (ранг) агентов производства, то есть некая форма
 материально-знаковых отношения как эквивалент в
 промежутках между циклами общественного познания.

Из этого следует выявленный ещё в линейной форме социализма мистический эффект «статусной избыточности». Но это уже эффект на уровне производственных отношений исторически более высокой формы сложности. Мотивацией его

проявления служит известное положение о том, что наши потребности всегда выше возможностей и потенциально бесконечны, а это ведёт к тому, что исследовательский статус оказывается, используя оборот полилогии, - *«предъявительски («права»), производственно (трудосостояние) и потребительски (благосостояние), так и императивно («обязанности») рассогласован с самим исполнением»* взаимодейственных функций общественного познания.

Казалось бы, задачи поставлены, все исследования логически сопряжены и проводятся на единой концептуальной основе, но реально нарушаются сроки, объём и содержание выполняемых научно-исследовательских работ, а порою проводятся и совершенно ненужные исследования. Внешне, в целом, на этапе целеполагания достигается полная гармония планируемого процесса общественного познания, но неумолимо возникает некая рассогласованность и неполнота в процессе работы, а также и в конечных результатах всего общественного процесса познания.

В этом нет никакого обмана, никто никого не обманывает, всё производство диктуется и предопределено логически связанной единой системой и сетью «плана» общественного познания на основе мировоззренческого единства. *«Но, - как пишет А. С. Шушарин по поводу функционального производства, - всё-таки очень навязчива мысль, что кто-то идёт на обманы, ошибается, плохо работает и пр. ... Кратко говоря, статусы относительно подрастают, а благосостояние и трудосостояние всё более отстают».*

Далее, анализируя основы механики статусной избыточности, автор полилогии отмечает следующее:

- *«Соединение возможностей и потребностей в любом производстве никогда не осуществляется как в машине, всегда предполагает некоторое динамическое рассогласование, хотя и в разных базовых и исторических формах. Так, в капиталистической форме, по ее «вещной» природе, всегда неизбежно товар ищет сбыта, ждет покупателя, лежит на прилавке и пр., что суть одновременно очередь за работой, за знаками, «дефицит знаков» (платьёжеспособного спроса). Такое производство экономистами в общем-то метафорически верно и именуется «спросоограниченным», что неминуемо для вещественно-продуктового взаимодействия вообще. Кстати, «общее равновесие», т.е. в данном случае*

рыночное, по Вальрасу, выражается меткой метафорой: предложение удовлетворяет спрос, или, что по сути то же, предложение превышает спрос (разумеется, означенный, платежеспособный). В вещественном производстве продукт всегда вынужден хоть малость, но ждать, всегда в той или иной степени «дефицитен» спрос («перепроизводство», в том числе и рабочей силы). Теперь мы все это хорошо видим, в частности, по «созерцательному труду» в переполненных товаром неисчислимых лавчонках и уже по реальной безработице.

Но в функциональном производстве в общественных формах всё **процессы**, которые в отличие от вещей **ждать не могут** по своей природе. Они могут рассогласовываться, или не успевать (образуя очередь), или приостанавливаться (в частности, простои, «внутризаводская безработица» – резервы «рабочей силы», хотя понятия не имманентны, верно замечает Е.И. Рузавина, находятся среди занятого населения⁴), или переключаться (особенно в капитальном строительстве), или ритмизировать («отгулы–штурмовщина–отгулы–...»), или заставлять брать «впрок» (образуя аномальную запасность) и т.д., т.е. проявляться в значительно большем многообразии неизбежных рассогласований, нежели ожидание вещью (в том числе рабочей силы) покупателя.

<...>

В противоположность «дефициту знаков» (спроса) здесь в основном «избыток знаков», статусов («дефицит ресурсов»); с той огромной разницей, что, в отличие от одномерных денег, статусы и «ресурсы» многомерны и тоже процессуальны (обеспечивающие функции). Грубо говоря, в одном случае – очередь на бирже труда и товаров (лежащих на прилавке), «перепроизводство» продуктов, в том числе рабочей силы, в другом случае – очередь за обеспечением (в том числе и в магазине), «недообеспечение» функций (фактический синоним статусной избыточности).

Тем не менее... именуя все это «нормальным» состоянием, еще не критической асимметрией, что можно сравнить с таким же неизбывным «дефицитом спроса» в капиталистическом производстве. Так что вся суть не в самой по себе статусной избыточности (недообеспечении функций), а в уяснении причин ее неуклонного **нарастания**.

В то же время понятно, что эту суть нарастания статусной избыточности следует искать уже не в знаковой сфере, а в самой объективной, материальной направленности («цели», «законе») «реального производства», в его материальном «теле». Так сказать, не знаками живы люди».

Это анализ знакомой нам, как говорят, «по жизни» эпохи индустрии. Нечто подобное, согласно метатеории полилогия следует ожидать в будущем и в следующей эпохе знания и её последней фазе «Общества знания», ЧЭФ «общественное познание».

Отмеченная выше некая неумолимо возникающая рассогласованность и некая недостаточность в процессе работы и в конечных результатах всего общественного процесса познания вызваны не тем, что кто-то идёт на обманы, ошибается, плохо работает. Это вызвано самой внутренней социальной природой всего процесса общественного познания в его наивысшей стадии развития как доминирующего способа производства в обществе. Кратко говоря, научные, исследовательские статусы, ранги агентов общественного познания (коллективного мышления) относительно подрастают, а благосостояние и трудосостояние всё более отстают.

В социальном взаимодействии соединение возможностей и потребностей всегда предполагает некоторое динамическое рассогласование, облакаемое в характерные явления для разных базовых и исторических форм. Так, в информационной форме, в силу её абстрактной природы, контент навязывается потребителям, ищет и ждёт его в сети Интернет и библиотеках, ожидает оцифровки, лежит на виртуальных «прилавках» сайтов и интернет-магазинов в форме прайс-листов или рекламы. Но при этом одновременно наблюдается неиссякающий спрос (очередь) за работой, за торрентами, дефицит знаков для взаиморасчётов по информационному спросу.

В общественном познании как производстве знания в общественных формах всё **процессы общественного познания** по своей природе, в отличие от информации (контента) **ждать не могут**. Они могут рассогласовываться, не успевать, образовывать очередь (ожидание окончания), приостанавливаться, аритмизировать, противоречить господствующей парадигме и т.д., т.е. проявляться в значительно большем многообразии неизбежных

рассогласований, нежели ожидание информацией, контентом, своего потребителя.

В противоположность «дефициту знаков» (спроса) здесь в основном избыток знаков и исследовательских статусов, порождающих «дефицит (по)знания» как производственного ресурса. Грубо говоря, в одном случае – очередь за интеллектуальным (информационным) трудом и очередь из контента, ожидающего очередного копирования и реализации, то есть перепроизводство продуктов, в том числе интеллектуальной рабочей силы, в другом случае – очередь за обеспечением, недообеспечение процесса общественного познания, что есть фактический синоним научной исследовательской статусной избыточности.

Так что вся суть не в самой по себе статусной избыточности, и соответственно - в неполноте общественного познания, а в уяснении причин её систематического **нарастания**.

Очевидно, что суть нарастания исследовательской статусной избыточности в общественном познании следует искать в самой объективной, материальной направленности (законе) реального общественного познания как производства, в материальном теле этого производства.

Таким образом, хотя информационный и общественно-познавательный (знаниевый) способы производства связаны между собой одной эпохой знания, но это различные способы производства, различные доминирующие ЧЭФ. Однако есть более общие категории для описания этих различных процессов производства и воспроизводства действительной жизни и не только этих, но капиталистического и социалистического способов, а также первобытного, рабовладельческого, феодального и др. Это, в частности, *базовый объект производственных отношений и отношений собственности*, то есть объект производства и воспроизводства как неотъемлемая составная часть (элемент) действительной жизни, а также *механизм взаимодействия агентов производства и материально-знаковые отношения*. Эти и другие, уже ранее упоминаемые категории являются наиболее общими и существенными понятиями бытия, отражающие его на метауровне, который «располагается» выше понимания конкретных способов производства.

Начиная изложение собственно эскиза «Политического общественного познания» (или «Политической когнитивности» - когнитивизма), следуя примеру изложения «Капитала» К. Марксом, можно было бы начать изложение следующим образом.

Доминирующее богатство «Общества знания», в котором господствует социальная форма общественного познания как производства, выступает как огромное скопление выполняемых в производстве исследований, а отдельное исследование - как элементарная форма этого богатства. Наше исследование начинается поэтому с анализа (научного) «исследования».

В целом же речь идёт о социальном анализе производственных отношений агентов, членов общества, в сфере общественного познания как, образно говоря, коллективного мышления общества.

Далее, подобно изложению «Капитала», следует уточнить как в теории «Политическое общественное познание» понимается термин «исследование». Исследование полезно для людей, ибо удовлетворяет те или иные их потребности в получении нового знания и понимания окружающей действительности, либо как составная часть того или иного процесса общественного познания и познания вообще. То есть любое «исследование», как термин и категория, в «Политическом общественном познании» обладает некой познавательной **«важностью»**, **потребительной познавательной важностью.**

6.3.2.2. Разделение интеллектуальной деятельности и труда в процессе общественного познания

Имеющийся опыт познавательного взаимодействия показывает, что одно «исследование» находится в тесной связи с другим исследованием или опирается на предшествующие исследования, или служит основанием для последующих исследований. В настоящем анализе общества знания, в отличие от информационного общества и в рамках эпохи знания, имеет место качественный перелом в мышлении – переход от понимания производства как движения *информации* к его пониманию как *информационного движения*, то есть к пониманию уже как

процесса общественного познания. Элементами изучаемого производства *вместо* связующих людей *производимой информации*, становятся сами *процессы познания* (субъектно – деятельности), а равно и отношения людей с ними.

Процессы, как отмечает А. С. Шушарин в анализе функционального производства, в принципе *«неотделимы от самой деятельности людей, постольку и отношения людей в связи с процессами сложнее, предполагают и отношения людей в связи с самими же людьми. Иначе сказать, люди выступают здесь не только субъектами, но и объектами взаимоотношений (как в органическом, отчасти – демографическом, особо – местном, базовых взаимодействиях)»*. И, несомненно, в этот перечень в скобках следует добавить и не только функциональные взаимодействия, доминирующие в отраслевом обществе социализма, но уже и взаимодействия в процессах общественного познания, доминирующих в градации «Общество знания».

При изучении информационного общества отмечалось, что один контент информации может обмениваться на другой контент информации, однако этот обмен не просто сложнее товарного обмена с его известными стоимостными пропорциями, а имеет принципиально иной характер. Этот обмен всегда конкретен в содержательности (в логическом объёме) обмениваемой информации и лишён какой-либо «пропорциональности» в отношении количества одного контента к однородному количеству (штук!) другого контента. При этом в приравниваемых друг к другу в соответствии с текущей ценностью объёмах контентной информации (пакетах информации), информация не должна повторяться, а если повторяется, то дважды не учитывается. То есть **информационный обмен**, как таковой, возможен лишь при наличии, как принято говорить, **равноценной** информации.

Объективными признаками системно-сетевых (познавательных) разделений труда являются «однажды разово выполняемые» взаимосвязанные исследовательские производительные процессы, выражаемые через некоторую типологию или конкретику исследуемых объектов (предметов и процессов) действительной жизни или через соответствующую (научно-теоретическую и конкретно-практическую) специализацию субъекта общественного познавательного производства. Здесь вполне уместны бытовые, «нарицательные» по объекту, и сложносочинённые слова,

указывающие на предмет науки и занятие ею, для выражения этих познавательных явлений. Приведём примеры подобных выражений и слов, - химик, ядерщик, физик, зоолог, мирмеколог (исследователь муравьёв), биолог, социобиолог, социолог, политолог и т.д. Для справки: «...лог (logos – слово; понятие; мысль; определение; отношение)» – вторая часть сложных слов, обозначающих лицо, занимающееся наукой, исследованием объектов, указанных в первой части сложносочинённого слова.

Следует особо заметить, что никакого продукта или результата в этих и подобных обозначениях нет, не существует. Однако за этим, в субъектной форме, стоит всё то же производство и воспроизводство действительной жизни, но объективно существующее в своём специфическом, типологическом, срезе как взаимосвязано осуществляемые *исследования, процессы общественного познания*.

Соответственно объективными (обезличенными) агентами системного ячеисто-сетевого разделения труда являются относительно обособленные коллективы людей, выполняющих все эти взаимосвязанные процессы в общественной форме *исследований*. Базовым механизмом связи является не просто соисполнение исследовательских функций, а *логическое соответствие* (концептуальное соответствие), единая логика мировоззренческого мышления (концепт), рассматриваемое пока как «горизонтальная» *сеть исследований* этого общественного познавательного производства.

В любом базовом взаимодействии человека как индивидуальности и личности не существует; человек здесь представлен лишь в одном, «одномерном», качестве агента – участника рассматриваемого базового взаимодействия. Так в биологическом взаимодействии (общении) это человеческий организм, а в телесно-духовном взаимодействии – это человек, член общины. В демографическом базовом взаимодействии - это работник (гражданин, специалист), а в местном взаимодействии - это сосед (земляк, житель). В вещественно-продуктовом взаимодействии – это товаропроизводитель и покупатель, продавец и носитель рабочей силы, то есть известный «экономический человек». В функциональном взаимодействии - это «функциональный, плановый человек» (член коллектива, исполнитель). В информационном взаимодействии - это

«информационный человек» (потребитель и распространитель, носитель информационной интеллектуальной силы жизнедеятельности). Наконец, в познавательном взаимодействии - это «научный, креативный человек», исследователь. Иначе – «познающий человек». То есть это исполнитель, исследователь или член исследовательского коллектива и, - просто сам коллектив.

В любом типе взаимоотношений и поведенческой активности, в любом типе взаимодействия лишь целое порождает соответствующего обществу «человека», а не механическое «суммирование» поведения субъектов (индивидов, групп, коллективов).

6.3.2.3. Основные понятия процесса логического соответствия исследований

Содержанием и носителем исследования как элементарным общественным познанием, элементарным богатством общественного познавательного производства, является полезная интеллектуальная деятельность (работа) в огромном разнообразии её конкретного содержания как целостного составного элемента общественного процесса познания.

Это деятельность отдельного учёного или научного коллектива, объединённого темой, задачей или проблемой, деятельность научных сотрудников и коллектива в целом одной исследовательской лаборатории, это и деятельность целого института, прикладного или академического. Это деятельность отдельных секторов и работников различных проектных организаций и коллективов, создающих новую технику и технологии, новые лекарства и сорта зерновых, новые методы лечения и открывающих новые месторождения полезных ископаемых, ищущих новые источники энергии и открывающих страницы древней истории и культуры нашего общества и т.д. Здесь совокупное богатство представляется как совокупность, «сумма», всей исследовательской деятельности, выполняемой во всех сферах действительной жизни общества в процессе познания реального мира и себя.

Несомненно, что информационная деятельность состоит в получении и распространении всё той же информации и знаний.

Но, предметной формой богатства общественного познания как производства являются исследования, анализ, познание, интеллектуальная работа, которые воплощают в себе сам процесс создания и извлечения информации и знаний, то есть интеллектуальной и творческой деятельностью коллективов и отдельных учёных, осуществляющих процесс общественного познания.

Предметная важность и ценность здесь в самой исследовательской и познавательной деятельности и причастности к ней, в том числе деятельности, продвигающей информацию и новые знания. И никакой *информации или знания* как продукта в общественном познании нет, *не существует*. Здесь *есть только процессы* исследования и познания, которые сегодня, в капиталистическом обществе, выступают и могут выступать в деформированной форме «услуг».

Поэтому прикладной НИИ обеспечивает исследованиями и разработками отраслевые предприятия, то есть, занят общественным познанием, равно как лаборатории и конструкторско-технологические подразделения предприятий обеспечивает исследованиями и разработками рабочие места и участки.

Особенность этого процесса является то, конечный потребитель этой деятельности в настоящее время как отдельный индивидуум, гражданин слабо просматривается, в сравнении, например, с потреблением богатств вещного и информационного производства, а также и функционального производства, которое обеспечивает всех некими функциями и работой. Но это лишь подчёркивает, что познавательная деятельность не стала доминирующей в воспроизводственных процессах действительной жизни, хотя собственно познавательные процессы, такие как исследование, анализ, синтез и пр., есть и непрерывно осуществляются в жизнедеятельности каждого индивида, с самого появления новорождённого и до последнего дня его глубокой старости.

Общественная интеллектуально-познавательная деятельность есть суть и элементарное богатство, несоразмерная с другими качественно определённая деятельность творческого коллектива и конкретное содержание исследования, реализуемое многообразным конкретным интеллектуальным трудом.

Иногда встречаются возражения, что суть дела не может быть в процессах вообще, а лишь в самом результате (продукте) какого-либо процесса. Однако такая позиция свойственна чисто «вещевому мышлению», ибо само представление любой системы, а тем более такой сложной, как общество, в принципе невозможно без описания процессов внешнего и внутреннего функционирования и развития, как невозможно и при ограничении этого описания только элементарным составом. Тогда как структура системы описывает взаимосвязь элементов системы, осуществляемую через процессы и посредством процессов.

В то же время, будучи конкретно-определённым содержанием исследования, интеллектуальная исследовательская деятельность характеризуется как *качеством, так и количеством* этой деятельности. Качество характеризуется уровнем выполнения ряда общественно признанных требований («обязательный» список) со стороны научного сообщества к свойствам (научно-) исследовательской деятельности, тогда как *количество* есть большая или меньшая глубина и всесторонность («мощность») *объёма исследования, так же выражаемого неким списочным составом.*

При этом конкретная определённость остаётся, а общественная познавательная деятельность как объёмы разных исследований также остаются как таковые несопоставимыми, например, объём исследований ДНК некоего живого организма и объём исследований по формированию годового климатического режима некоторой уникальной территориальной обособленности. Более того, общий объём двух одинаковых по объёму исследований одного и того же, остаётся неизменным и равным одному из них, ибо списочный состав выполняемых работ один и тот же. Здесь можно было бы поговорить о продолжительности исследований и численности исполнителей, но это вопрос их производственной и функциональной организации, а не собственно процессов познания, дающих новое знание, скажем так, один раз и в одном экземпляре.

По типу связей людей как агентов общественно-познавательного производства научно-исследовательское взаимодействие выше и сложнее информационного. Один из принципиальных моментов состоит в том, что элементарные акты исследовательского соисполнения (логика соответствия и взаимопонимания) в познании не парны как в товарообмене, не

«множественны по участникам» как в функциональном производстве и не распределены на множестве агентов по стохастической веерной схеме («Теория Информационного общества...», раздел 5.2.3.4). Базовое взаимодействие агентов процесса общественного познания диктуется лишь «логикой соответствия» и взаимопонимания, лежащих в рамках единой концептуальной основы миропонимания и исследовательской парадигмы, поэтому связи хотя и множественны, но «одноразовые», диктуемые предметом исследования.

С другой стороны многие связи опосредованы, скажем так, ранее обобществлёнными разнообразными базами информации и знаний. То есть ряд необходимых процессов общественного познания оказывается как бы выполненным заранее, безотносительно к решаемой, конкретной, задаче (или проблеме) исследования. В результате соисполнение и логическое соответствие исследований обретает некую «одномоментную» системную, сетевую форму, которая по окончании конкретного исследования прекращает своё существование. Однако сама научная специализация агентов познавательного производства остаётся незабываемой и закреплённой разнообразными документами, фиксирующими исследовательский статус, как коллектива, так и отдельных исследователей (исполнителей).

Логика исследования всегда предполагает множество частных исследований, при этом в каждом исследовании осуществляется одновременно соединение *и концептуальное единство* интеллектуальной деятельности многих используемых и обеспечивающих исследований, а также их агрегирование, то есть *разведение и разделение* интеллектуальной деятельности по специализации пользователей, обеспечиваемым исследованиям. В конечном итоге, интеллектуальной деятельности по каждому исследованию соединяет и разводит на основе некоторого концептуального единства все локальные исследования, то есть происходит естественная увязка смежных исследований.

Такое концептуально-специализированное логическое разделение деятельности, основа общественного познавательного взаимодействия. Образно говоря, она подобна большому конвейеру по переработке информации, объединённого единой логикой и концептом информационного анализа, и представляет комбинацию различных видов исследований, например, - «как, кто, что, почему,

когда». Понятно, что дело не в самой конкретно-практической увязке исследований в недрах общественного познавательного производственного процесса, а в общественных формах кластерно-специализированного разделения деятельности с сохранением единого мировоззренческого концепта, то есть с сохранением некоей системности в *логике взаимопонимания и соответствия* (соисполнения). При этом очевидно, что «люди, так или иначе, работают друг на друга, их труд получает тем самым общественную форму».

Но все ранее упомянутые базовые формы качественно, а скорее принципиально, различны. И если информационный обмен контентом, в сущности, есть соглашение двух агентов, то общественное познание, научно-исследовательская деятельность есть сложное соглашение одновременно многих агентов, стоящих на единой концептуальной основе и говорящих на едином научном языке исследования и объединённых едиными (близкими) мировоззренческими взглядами.

Следует заметить, что в информационном производстве логика взаимопонимания исследований есть внутреннее или частное дело производителя контента, тогда как в общественном познании (как производстве) логика взаимопонимания исследований выступает уже в виде общественных форм согласования и самого взаимодействия участников (общественного) познания.

Таким образом, в этом срезе общественного познания как производства действительной жизни обнаруживается *системная кластерно-специализированная сеть исследований*, объединённых единой логикой взаимопонимания (взаимодействия) и единым концептом мировоззрения, выполняемых по следующей образной формуле: «они обеспечивают нас, а мы обеспечиваем других агентов, так что все обеспечивают всех».

Кроме конкретной, несопоставимой, стороны интеллектуальной деятельности исследование имеет и абстрактную сторону общественной формы своего бытия – ***положение исследования*** в процессе общественного познания, проявляющееся в относительном единообразии (специализации) заключённой в его выполнении уже абстрактной деятельности исполнителей исследования. Положение исследования, - почти словами полилогии А. С. Шушарина о функциональном способе

производства, - «это своего рода общественное, производственное место, одномерный «вес», в соотношении с другими («меновая стоимость»). В целом пока можно сказать так: вместо обмена, товара, потребительной стоимости и стоимости товара (в товарном производстве) в функциональном производстве соответственно выступают соисполнение, функция, работа и положение функции. Но если обмен товаров осуществляется на основе **равенства** (величин) их стоимостей, то соисполнение функций осуществляется логически радикально по-другому, на основе **соответствия** (величин) положения функций» (некоторой «пропорции» их отношений – ХАТ)».

В случае же производства общественного познания будем иметь следующее.

Положение исследования - это своего рода общественное, производственное место, одномерный «вес», в соотношении с другими («меновая ценность»). В целом пока можно сказать так: вместо информационного обмена, контента, потребительной ценности и ценности контента (в контентом производстве) в общественном познании как производстве соответственно выступают логика соответствия (взаимопонимания), исследование, деятельность и положение исследования. Но если информационный обмен контентом осуществляется на основе равенства (величин) их текущей ценности, то логика понимания соответствия исследований осуществляется радикально по-другому, на основе соответствия (величин) положения исследований и с учётом текущей ценности, используемой информации (знания), то есть некоторой суммарной «пропорции» их отношений, выражаемых в конкретике «списочным составом» смежных исследований.

Численная логика этого соответствия отлична от логики равенства в ЧЭФ «информационная» (по текущей ценности), но проста по сути. Возьмём, например, хорошо известное в быту первичное медицинское обследование в случае поступления в больницу в связи с обострением болевых ощущений в области живота, то есть первичное исследование. В приёмном отделении хирург усиленно прощупает ваш живот, терапевт оценит общее физиологическое состояние и при необходимости подключит невропатолога. Лечащий врач непременно отправит пациента на анализ крови, мочи, рентген, УЗИ и др. После изучения динамики

ряда объективных показателей и самочувствия пациента и проведения, при необходимости, ряда дополнительных обследований уникальными специалистами узкого профиля, лечащий врач поставит диагноз заболевания. То есть процесс познания заболевания каждого конкретного пациента, в форме диагноза заболевания, жёстко предполагает вполне определённый список частных обследований, что становится возможным лишь при наличии соответствующих специалистов. Очевидно, что этот списочный состав специалистов, врачей, как некие характеристики положения исследований, не только не подразумевают некоего равенства, но и не имеют количественной оценки (как численности специалистов определённого профиля). Однако само соответствие положения исследований при данном уровне эффективности интеллектуальной деятельности в различных процессах общественного познания есть не менее точное логическое соответствие (списка смежных исследований), чем равенство текущих ценностей.

В первом приближении логическое соответствие исследований оказалось связанным с абстрактной интеллектуальной деятельностью (трудом), выраженным в виде некоторых обобщённых списков частных (отдельных) исследований и специалистов, специальностей (специализации), исследователей (научных коллективов). Одна из тонкостей этого соответствия заключается в том, что в ряде случаев, образно говоря, важно не само присутствие специалиста (его деятельности), а наличие соответствующего знания как копии или как знания, ранее полученного в рамках другого познавательного процесса.

Наибольшую сложность в понимании представляют вступающие в соответствия объективные количества (величины абстрактной деятельности и труда), если эти «величины» в виде неких «списков» не определяются известными затратами текущих долей времени (социального фонда времени) информационной интеллектуальной деятельности (например, как при капитализме – привычными затратами рабочего времени).

В реальности, имея дело лишь с апостериорными величинами, в связи с абстрактной деятельностью (трудом) можно говорить лишь о факте единичного элементарного исследования (строки из списка) и некой «объёмностью» исследования. Исследование как технологический процесс связано с «протяжённостью» (грубо –

длительностью, продолжительностью) и «наполненностью» (грубо – численность работающих и сложность труда) данного исследования.

Так как исследование это процесс, то, как и всякое элементарное исследование, величина его положения характеризуется:

- совокупностью непосредственно связанных с ним исследований (входящих и исходящих) на всей сети общественного познания;

- мощностью затрат абстрактной интеллектуальной жизнедеятельности;

- продолжительностью протекания процесса исследования.

При этом необходимо помнить, что общественное познание как процесс в конкретной жизнедеятельности есть, в принципе, единожды выполняемый процесс производства знания. Сама же каркас, внутренний стержень, этого процесса есть некая логика (навыки) исследования и некий общий концепт для данного вида исследований или, говоря индустриальным сленгом, «отрасль научных исследований», «отрасль знаний».

Этому конвейеру общественного познания, в отличие от производственного конвейера функционального производства, имманентна не «синхронность», как характеристика общественных форм соисполнения труда (единый ритм, время труда), а внутреннее соответствие содержательной стороны списков операций исследований и единая мировоззренческая парадигма.

Объём исследования как величина положения исследования имеет объективный смысл общественно необходимого расхода интеллектуальной деятельности (труда) в его содержательной аналогии не с мощностью как в функциональном производстве («т. е. с затратами энергии в единицу времени при выполнении данной функции»), а как «импульс силы» - «силы интеллекта» на время его действия. (Уместно напомнить, учитывая ранее использованные понятия «мощности», что в физике импульс силы есть произведение силы на время её действия, которое есть также и количество движения, то есть произведение массы тела на скорость.)

Сила интеллекта заключает в себе не только и не столько текущий интеллектуальный труд как деятельность, а несёт в себе прошлую интеллектуальную деятельность, выступающую в форме

известного из прошлого знания (общественное знание). *Объём исследования* (величина положения) как некая абстрактная величина суть величина общественно-необходимой деятельности (труда) при его социальной *равнонапряжённости* и *равнокомпетентности*, *единого уровня используемого общественного знания*. При этом *интенсивность* характеризует нескончаемое разнообразие и различие возникающих индивидуальных, групповых и прочих различий в этом проявлении расхода.

Согласно полилогии А. С. Шушарина, в анализе функционального производства, утверждается следующее: - *«Так что если узловой метафорой выражения особенности труда в товарной симметрии является равенство количества труда (в обменах), то в функциональной симметрии это – равенство напряжённости труда (в соисполнении). ... Что же касается классических затрат абстрактного труда как величины «протяжённной», то они не исчезают, остаются объективной характеристикой всего того, в чём хотя бы в какой-либо форме труд «накапливается» или осуществляется за некоторое время. В частности, логическое произведение объёма функции на время её выполнения оказывается «стоимостным» выражением выполнения этой функции, но в функциональном производстве действуют именно объёмные, а не стоимостные отношения в соисполнении функций, так как «в чистом виде» обмена (выявляющего стоимость) здесь не существует».*

Соответственно, в анализе процессов общественного познания как производства, можно утверждать, что если узловой метафорой выражения особенности труда как интеллектуальной деятельности в исследовательской (познавательной) симметрии является равенство *компетентности* и напряжённости её проявления, *равенство уровней используемого общественного познания, знания* (в соответствие). Тогда как в информационной симметрии это - равенство количества деятельности (в информационных обменах) в доле текущего измерения ценности.

Что же касается классических затрат абстрактного труда (интеллектуальной деятельности) как величины «протяжённной», то они не исчезают, остаются объективной характеристикой всего того, в чём хотя бы в какой-либо форме труд «накапливается» или осуществляется за некоторое время, в том числе и в

«овеществлённой форме» прошлого знания (используемого знания).

В частности, согласно полилогии, *«логическое произведение объема функции на время ее выполнения оказывается «стоимостным выражением выполнения этой функции, но в функциональном производстве действуют именно объемные, а не стоимостные отношения в соисполнении функций, так как «в чистом виде» обмена (выявляющего стоимость) здесь не существует»*. Соответственно и в общественном познании имеет место нечто подобное. В общественном познании - логическое произведение объема элементарных исследований на список выполняемых исследований оказывается текущим ценностным выражением выполнения этого исследования, но в общественном познании как производстве действуют именно списочные, а не ценностные отношения в соисполнении исследований, так как «в чистом виде» информационного обмена (выявляющего ценность) здесь не существует.

6.3.2.4. Извечные коллизии вокруг сложного труда

По нашему мнению сложность деятельности (труда), в том числе и интеллектуальной деятельности, не суть её естественная трудность в выполнении данной функции исследования, как считают многие, а в объективной характеристике абстрактной стороны трудовой деятельности. Не касаясь общепринятого, хотя и «призрачного», различия между традиционным трудом интеллектуальным трудом (в этом случае по нашему мнению предпочтительнее говорить об интеллектуальной деятельности), считаем, что под сложностью трудовой деятельности следует понимать наличие предварительной специальной подготовки и обучения, которые и делают возможным данный (конкретный) квалифицированный труд, интеллектуальную деятельность. В этом случае соотношение трудоёмкости элементарного конкретного трудового акта-деятельности и соответствующей ему трудоёмкости ранее осуществлённого обучающего процесса (обучаемого и обучающего) образуют ту объективную основу, на которой формируется само понятие сложности трудовой (интеллектуальной) деятельности.

Общепринято, что интеллектуальным трудом, интеллектуальной деятельностью называют любой труд, результатом которого является интеллектуальный продукт, то есть исходят в его определении из результатов труда.

Поэтому полагается, что традиционный труд это есть «качественное однообразие выполняемых действий». При этом имеет место «количественная равномерность и ритмичность» труда, и «выполнение законченных комплексов действий» при «постоянстве рамок технологии». Соответственно, интеллектуальный труд как деятельность, например, в «Теории труда» (К. А. Кирсанов и др.), определяется так, – «это труд, порождающий знания, труд, требующий перекомбинирования старых элементов в новые конфигурации... такие действия можно назвать инновационными, творческими».

В этой связи А. С. Шушарин пишет, - *«Соответственно простой труд... есть специфическое признание труда вообще, а следовательно, существование более или менее сложного труда вообще, а вовсе не некоего совсем несложного. Сам же сложный труд есть объемная форма признания как затрат труда на демографическую подготовку работников («накопленное» в форме «дипломов»), так одновременно и текущего расхода их труда».*

В общественном познании, которое как процесс близко к функциональному производству, исполнитель – тоже процесс, характеризуемый мощностью, *трудовым потенциалом познания*, в целом происходит не ценностная, а объёмная редукция сложной интеллектуальной деятельности как труда.

«Рабочая сила» в товарном производстве имеет смысл штучно обмениваемой субстанции, а в информационном производстве интеллектуальная сила достаточно свободна и вполне допускает доленое участие как результат тиражирования при текущем обмене, но всё же штучно-доленое участие, В то же время «потенциал», не только трудовой, но и вообще *потенциал общественного познания*, может лишь соответствовать общей парадигме познания, корректироваться и согласовываться, учитываться и включаться, или – не соответствовать, рассогласовываться и исключаться, но никак не обмениваться, даже в долях.

Поэтому, образно говоря, если информацию о минералогическом составе лунной поверхности можно обменять на результаты исследования физических свойств поверхностного слоя

Луны, то сам процесс познания минералогического состава на процесс исследование поверхности Луны обменять нельзя, ни при каких ухищрениях. Процессы исследований, можно только корректировать и согласовать, а также - переориентировать, начать, прервать, ускорить, замедлить, закончить и т.д., но только не обменять.

В капитализме занятость не определяется естественными границами расселения населения. В «Информационном обществе», которое в пределе, то есть в чистом виде одной ЧЭФ, занятость вообще не имеет границ. В социализме как пишет А. С. Шушарин, - *«в имманентно замкнутом функциональном производстве исполнители выступают в неблагозвучной, но базово совершенно естественной форме не рабочей силы, а кадров, штатов, номенклатур, должностей, степеней, разрядов и пр. выражений определенной работы и **трудовых потенциалов работников и коллективов**»*. Нечто подобное наблюдается, правда, в рамках отдельных научно-исследовательских подразделений и предприятий в естественной форме «кадров, штатов, номенклатур, должностей, степеней» и пр. выражений определённой работы и **трудовых потенциалов научно-исследовательских работников и коллективов**, что, несомненно, и ляжет в основу процесса общественного познания нового общества знания.

Таким образом сложность труда на уровне повседневного восприятия оказывается связанной «со степенью профессиональной специализации, квалификации, компетенции, с факторами, выражающими различия знаний, опыта... умственных, физических, нервных и пр. особенностей труда». Это относится и к интеллектуальному труду, в частности. Поэтому во всех многообразиях отношения к сложному труду происходит не объективная редукция, то есть «сведение» во всех формах сложного труда к простому, а проявление единственной меры оценки *«полезного человеческого труда вообще»*. Это и есть проявление *«просто труда или простого труда, как единственной же негэнтропийной, созидающей субстанции вообще всего на свете»*. Такое проявление оценки труда связано с учетом затрат труда на обретение вышеупомянутых особенностей труда. В данном случае речь идёт в разрезе лишь его «мощностной», познавательной формы.

В итоге получается, что редукция в отношении сложного труда – это и есть просто объективно складывающееся общественное уважение, определённая элементарная справедливость в отношении не собственно к текущей «трудности деятельности», а к тому труду, который был ранее затрачен на приобретение, скажем так, способности к «сложному труду», к «сложной интеллектуальной деятельности». Так как эти затраты, как правило прямо, непосредственно, не учитываются, эта материальная справедливость постоянно, подчас сильно, в разных исторических формах и текущих обстоятельствах совершенно поразному материально же нарушается.

В свете изложенного выше рассмотрим предметно, «в числах», проблему соотношения, так называемого, «сложного и простого труда», лишь несколько уточняя соответствующий подход, изложенный в книге «Теория информационного общества...».

Согласно метатеории полилогия воспроизводственная деятельность человека есть комбинация чистых воспроизводственных форм подпроцессов действительной жизни, что позволяет по-новому взглянуть на существующую проблему редукции «сложного труда» как проблему сведения сложного труда к «простому труду». Так как эта проблема рассматривается в теории, как правило, в терминологии, свойственной экономическим, товарно-денежным отношениям, то возьмём в качестве исходного известное выражение Маркса для стоимости W товаров, создаваемых на капиталистических предприятиях:

$$W = C + V + M = C + (V + \Delta V), \quad (6.5)$$

где C – стоимость потреблённых в производстве средств производства (перенесённая стоимость);
 V – воспроизводственная стоимость рабочей силы;
 M – прибавочная стоимость, $M = \Delta V$;
 $(V + \Delta V)$ – вновь созданная стоимость.

Известно, что *величина стоимости товара определяется количеством труда, общественно необходимого для его производства, и измеряется рабочим временем.*

При этом труд, производящий товар, является **простым**, если не требует особого обучения, и **сложным**, если он требует специальной подготовки, обучения.

В этой связи К. Маркс пишет в первом томе «Капитала»: *«Сравнительно сложный труд означает только **возведенный в степень** или, скорее, **помноженный** простой труд, так что меньшее количество сложного труда равняется большему количеству простого. Опыт показывает, что такое сведение сложного труда к простому совершается постоянно. Товар может быть продуктом самого сложного труда, но его **стоимость** делает его равным продукту простого труда и, следовательно, сама представляет лишь определенное количество простого труда. Различные пропорции, в которых различные виды труда сводятся к простому труду как к единице их измерения, устанавливаются общественным процессом за спиной производителей и потому кажутся последним установленными обычаем».*

В отличие от К. Маркса в данном моменте нами делается попытка «заглянуть за спины производителей» и найти пути перехода от сложного труда к **«простому среднему труду»**. Этот простой средний труд Маркс понимал как *«затраты человеческого труда»*, как *«расходование простой рабочей силы, которой в среднем обладает телесный организм каждого обыкновенного человека»*, как *«производительное расходование человеческого мозга, мускулов, нервов, рук и т.д.»*.

Таким образом, так или иначе, но в понятие «труд» оказывается включённой и такая специфическая деятельность, как «обучение», «специальная подготовка», «интеллектуальная деятельность». Обучение является общепризнанным трудом обучающего (учителя), квалифицируемым в обществе капитализма как оказание услуг. Однако «труд» обучаемого, то есть деятельность по восприятию информации (знания!) и навыков в процессе обучения, не квалифицируется как общественно полезный труд, подлежащий оплате. В то же время труд этот (учителя и ученика) в своей массе совсем не «простой», а «сложный», можно сказать, творческий, интеллектуальный.

Итак, только одно упоминание сложности труда объективно подключает к «простому труду» исполнителя «сложного труда» трудовых процессов по его обучению, как самого ученика, так и его

учителя. В этой фразе сознательно использован внешне противоречивый оборот – «к простому труду исполнителя сложного труда». Да, для исполнителя сложного труда это уже простой труд, то есть для исполнителя он не представляет никаких сложностей и не является сложным.

В соответствии с выражением (6.5) будем иметь следующее выражение для стоимости единицы производимого продукта (товара):

$$w1 = c1 + v + m = c1 + (v + \Delta v) = c1 + v1, \quad (6.6)$$

где $w1$ – стоимость единицы производимого продукта из их общей массы n и общей стоимости произведённых продуктов W , то есть $w1 = W/n$;

$c1$ – стоимость потреблённых в производстве средств производства (перенесённая стоимость) на единицу продукта;

v – воспроизводственная стоимость рабочей силы на единицу продукта;

Δv – «прирост v », образующий прибавочную стоимость;

m – прибавочная стоимость на единицу продукта, $m = \Delta v$;

$v1 = (v + \Delta v)$ – вновь созданная стоимость на единицу продукта.

В отношении Δv Маркс пишет: *«Насколько важно для познания стоимости вообще рассматривать ее просто как застывшее рабочее время, просто как овеществленный труд, настолько же важно для познания прибавочной стоимости рассматривать ее просто как застывшее прибавочное время, просто как овеществленный прибавочный труд».*

Итак, будем считать, что все слагаемые в приводимых выражениях имеют размерность «рабочего времени» простого труда.

Выделим в оценке $v1$ упомянутое выше «обучение сложному труду» следующим образом:

$$v1 = vp + (vu/n + vg/g/n + vq/u/g/n), \quad (6.7)$$

где $v1$ – стоимость, создаваемая «сложным трудом» в рабочее время;

- vp** – стоимость, создаваемая рабочей силой «простого труда исполнителя сложного труда» (рабочее время), то есть стоимость, создаваемая **рабочей силой «простого труда»**, равной по продолжительности данному «сложному труду»;
- vu** – стоимость самой «сложности» рабочей силы, которая была когда-то создана и «переносится» рабочей силой данного «сложного труда» исполнителя «сложного труда (за) всю его трудовую жизнь. Эта стоимость есть результат процесса его обучения данному сложному труду, то есть стоимость **рабочей силы «обучения»** обучающегося сложному труду будущего исполнителя;
- vu/n** – стоимость, «переносимая» исполнителем в процессе производства на единицу изготавливаемого товарного изделия, общее число которых (изготовленных с его участием) за всю его трудовую жизнь составило **n** единиц. При этом предполагается, что полученные знания и навыки этого сложного труда при производстве других изделий им не использовались, а «простая» составляющая живого труда **vp** в этом сложном труде учитывается отдельно, самостоятельно;
- vg** – стоимость **рабочей силы «простого труда учителя сложного труда»** в процессе обучения им данного исполнителя сложного труда (стоимость научения), то есть стоимость рабочей силы «переноса знаний» учителем от учителя ко всем одновременно обучаемым ученикам с данным исполнителем, бывшим ранее учеником этого учителя;
- vg/g/n** – стоимость, переносимая в процессе производства на единицу изготавливаемого товарного изделия «от трудов учителя по обучению», подготовившего с исполнителем данного сложного труда ещё (**g – 1**) учеников. При этом общее число товарных изделий, изготовленных с его участием за всю его трудовую жизнь, составило **n** единиц;
- vq** – стоимость рабочей силы самообучения «простого труда учителя сложного труда» в процессе обретения им навыков и познаний относительно этого вида

сложного труда, которые он передавал затем своим ученикам в процессе их обучения. При этом предполагается, что знания, которыми обладает учитель, получены этим учителем самостоятельно в результате самообучения;

$vq/u/g/n$ – стоимость, переносимая в процессе производства на единицу изготавливаемого товарного изделия «от труда учителя по самообучению», подготовившего u групп учеников. В одной из этих групп обучался и данный исполнитель данного сложного труда. В каждой из групп в среднем было g учеников. При этом общее число товарных изделий, изготовленных с участием данного исполнителя за всю его трудовую жизнь, составило n единиц;

/ – знак дроби, деления.

Приведённое выражение (6.7) явно повторяет парадоксы исследованной ранее проблемы стоимости интеллектуального продукта (см. статью в «ЭФГ» № 42 и 43 за ноябрь 2011 года). При этом во многом труд учителя, ученика и самого специалиста как работника сложного труда (в отношении собственно «сложности труда») есть труд интеллектуальный, связанный с восприятием информации, знаний и навыков сложного труда.

Но что особенно важно в данном контексте, так это то, что данная стоимостная «сложность труда», а именно $(vu/n + vg/g/n + vq/u/g/n)$, является, по сути, «прошлым трудом», как и стоимость «овеществлённого труда» $c1$, поэтому более правильно выражение (6.6) представить в виде:

$$w1 = (c1 + (vu/n + vg/g/n + vq/u/g/n)) + vp. \quad (6.8)$$

Здесь vp есть простой «живой труд», а выражение в скобках $(c1 + (vu/n + vg/g + vq/u))$ есть «прошлый труд» в единицах простого живого труда, в том числе и «овеществлённый труд», то есть жизнедеятельность группируется по двум моментам своего осуществления: в настоящем (простой «живой труд») и прошлом. Поэтому всякая стоимость есть сумма простого текущего живого

труда и простого прошлого живого труда. Это позволяет записать выражение для стоимости единицы товара в следующем виде:

$$w1 = v(t-x) + v(t), \quad (6.9)$$

где $w1$ – стоимость единицы товарного продукта, создаваемая простым живым трудом и измеряемая в единицах рабочего времени соответствующего календарного периода;

$v(t-x)$ – стоимость, создаваемая простым прошлым живым трудом, $v(t-x) = c1 + (vu/n + vg/g/n + vq/u/g/n)$;

$v(t)$ – стоимость, создаваемая простым настоящим, текущим, живым трудом, $v(t) = vp$;

t – текущий календарный момент времени;

$(t-x)$ – прошлый(ые) календарный(ые) момент(ы) времени, отстоящий(е) от текущего момента на переменную величину календарного времени x .

О результатах обучения можно говорить и как об овеществлённом труде, о прошлой интеллектуальной и творческой жизнедеятельности, если при этом иметь в виду, не только материализацию (объективизацию) как объективный процесс обучения, но и буквально физиологическое овеществление – как некое «переустройство мозга», мышления.

С другой стороны, находясь в рамках изложения теории общественного познания, необходимо заметить, что «обучение» есть исследовательский элемент целостного процесса общественного познания. Поэтому, можно полагать, что то, с какой степенью участия общество заинтересовано и участвует в обучении своих сограждан, означает, что в такой же степени оно соответствует критериям становления в данном социуме градации «Общество знания».

Итак, всякий живой труд есть труд простой, хотя и происходящий порою в «муках творчества». Что же касательно оценки стоимости рабочей силы простого труда и создаваемой им стоимости, то она, по определению, ниже оценки стоимости рабочей силы сложного труда и создаваемой им стоимости, ибо включает в себя, помимо простого труда, ещё и «специальную подготовку, обучение».

В целом же и «живой труд», и «прошлый труд» есть составные части социального фонда времени жизнедеятельности общества, отнесённые к различным календарным моментам конкретного исторического развития общества. В частности, слагаемые стоимости выражения (6.7) относятся к следующим трем моментам:

- текущее календарное время производства товарного изделия соответствует созданию стоимости vp ;

- календарный момент времени обучения исполнителя «сложного труда» как ученика соответствует vu , а обучения учителем будущего исполнителя сложного труда соответствует vg ;

- календарный момент времени самостоятельного самообучения учителя тем знаниям и навыкам, которые он впоследствии передаст своим ученикам, соответствует vq .

При этом, в частности, при углублённом в прошлое анализе наблюдается лавинообразно нарастающая неопределённость в собственной оценке сложного труда через простой труд - $(vu/n + vg/g/n + vq/u/g/n)$.

В результате попытка оценки сложного труда путём сведения его к простому труду наталкивается на всё нарастающую неопределённость в использовании формулы стоимости для продуктов со значимой и нарастающей долей сложного труда, включающей интеллектуальный труд и его информационный продукт, обучение, передачу навыков и знаний.

С учетом вышеизложенного становится очевидной и мера сложности труда в форме марксовой «*степени*» (или «*множителя*») его сложности, определяющей в стоимостном выражении его отношение к простому труду при данном рабочем времени сложного труда. Обозначим через S коэффициент сложности труда (*множитель*):

$$S = v1/vp = (v + \Delta v)/vp = (vp + (vu/n + vg/g/n + vq/u/g/n))/vp,$$

$$S = 1 + (vu/n + vg/g/n + vq/u/g/n)/vp. \quad (6.10)$$

Исходя из выражения (6.10) *степень сложности труда* s^* будет определяться как:

$$s^* = (vu/n + vg/g/n + vq/u/g/n)/vp. \quad (6.11)$$

Соответственно:

$$S = 1 + s^*. \quad (6.12)$$

Наконец, марксову фразу «*сравнительно сложный труд означает... **помноженный простой труд***» можно почти буквально представить следующим выражением:

$$v1 = S \times vp = (1 + s^*) \times vp = vp + (s^* \times vp), \quad (6.13)$$

где $v1$ – стоимость результатов сложного труда;
 vp – стоимость результатов простого труда той же продолжительности, что и сложного труда со стоимостью $v1$;
 S – коэффициент сложности труда (множитель);
 s^* – степень сложности труда;
 \times – знак умножения.

Таким образом, вся так называемая «сложность» оказывается на поверку трудом прошлым. При этом на момент текущего проявления сложного труда этот сложный труд для обученного ранее исполнителя является, по сути, простым трудом или просто трудом, деятельностью, не вызывающей никаких сложностей и трудностей в исполнении его.

Таким образом, отвлекаясь от экономического содержания стоимости производимого продукта (товара), согласно выражению (6.9) затраты (расход) рабочего времени на производство единицы данного продукта в момент t есть затраты (расход) рабочего времени текущего живого труда в момент t плюс затраты (расход) рабочего времени живого, но прошлого, «овеществлённого труда». Этот прошлый труд имел место в предшествующие периоды, то есть со сдвигом относительно текущего момента t в среднем на глубину времени x в прошлое, то есть в момент $(t-x)$.

В этой связи небольшое отступление в отношении одного из аспектов социальной справедливости.

Учащиеся специальных и высших учебных заведений (училищ, техникумов, вузов, университетов, академий, аспирантур и магистратур) непосредственно заняты в сфере подготовки специализированных кадров, «работников». Эта сфера среза воспроизводственных процессов представлена в выражении (6.8)

через затраты (расход) социального фонда времени общества по учащимся, будущим работникам сложного труда (деятельности), - $\mathbf{vu(t-x)}$.

Социальная значимость процессов подготовки кадров общепризнана, но их благообеспечение в процессе подготовки не соответствует их месту в стоимостной оценке результатов труда и жизнедеятельности современного общества. И хотя «кадры решают всё», отношение к подготовке кадров, студентов и учащихся и оплате их труда как процессу обучения не отвечает современным требованиям жизни и соответствующему благополучению. В этом, в частности, наблюдается проявление нарастающих противоречий в опоре на товарно-денежные отношения в такой сфере общественных отношений как начальное, высшее и специальное образование, обучение и подготовка кадров.

Вывод прост и объективен - в целях обеспечения социальной справедливости стипендия учащихся специальных и высших учебных заведений должна быть установлена на уровне заработной платы, ибо время их учёбы есть «рабочее время». В этом случае компенсация сложного труда в будущем будет минимальна, что в значительной степени подготовит почву для резкого снижения разрывов в оплате труда и получаемых доходах.

Возвращаясь к проблеме интеллектуальной деятельности в общественном познании как действительно сложному труду и представленному выше выражению (6.8), следует заметить следующее. В предельном случае рассмотрения чисто интеллектуального продукта, положим некоторого знания, вместо затрат прошлого овеществлённого труда $\mathbf{c1}$, воплощённого в материальной вещи(!), следует иметь в виду:

- затраты общества (долю затрат) на получение в процессе общественного познания некоего нового знания $\mathbf{cn1}$;

- затраты данного исполнителя сложного труда (долю затрат) на получение в познавательном процессе саморазвития и самообразования в прошлом некоего нового знания $\mathbf{cz1}$.

В итоге получим:

$$\mathbf{w1 = (cn1 + ((vu/n + vg/g/n + vq/u/g/n) + cz1)) + vp.} \quad (6.14)$$

Как и ранее в скобках затраты прошлого интеллектуального труда, из которых затраты величиной $\mathbf{((vu/n + vg/g/n + vq/u/g/n) + cz1)}$

есть затраты самого исполнителя сложного, интеллектуального труда, в научно-исследовательском процессе общественного познания (и обучения!).

6.3.2.5. О полилогической эффективности процессов жизнедеятельности современного общества

В полилогии, в главе, посвящённой ЧЭФ «функциональная», известная эффективность труда рассматривается именно как эффективность процессов труда, тем самым как бы осуществляется материальная и логическая генерализация производительности труда. Традиционная «производительность труда», согласно полилогии, *«есть только частный (снятый, предельный – как и во всякой генерализации) случай эффективности, когда выполняемая функция вещественна, т.е. работа состоит в непосредственном изготовлении вещей»*. Здесь *«эффективность труда определяется мощностью функции, приходящейся на одного работника, т.е. всегда связана не с абстрактной (объемной), а с конкретной стороной труда любого рода, от шахтерского до конторского. Понятно, что в совокупном процессе с ростом эффективности труда положение данной функции уменьшается»*, однако, если с ростом эффективности совпадает и рост потребности в данной функции, то тогда и её положение может расти, несмотря на увеличение эффективности. *«Говоря абстрактно, приближаясь к бесконечности, эффективность означает выполнение необходимой работы бесконечно малым объемом функции»*.

Подводя итог по этой теме, автор «Полилогии...» заключает, - *«Когда мы только упоминаем слова «производительность» или «эффективность», то это как бы «автоматически» тут же толкает мысль к количественной форме «больше–меньше». Оно и верно. Но с учетом двух моментов. Во-первых, оба явления имеют дело только с конкретным трудом, результат или ход которого вычисляется тоже только в весьма узких пределах и, как отмечалось, относительных формах. Во-вторых, производительность и эффективность – это количественные моменты совершенно разных качеств, разных типов общественных форм конкретного труда. ... Это атрибуты разных общественных механизмов, «обменного» и «соисполнительного»*.

Хитрая беда здесь в том, что само слово «эффективность», как в таких случаях говорят социологи, заметно оккупировано в экономической литературе. «Сравнение издержек и выручки», пишет А.П. Паршев, в целом пытаясь «облагородить» капитализм, и называется «эффективность». Но в действительности это явление доминантно совсем не имманентно капитализму. Вещественное производство и характеризуется вещественной же характеристикой (в самой глубокой основе – производительность), а функциональное производство характеризуется эффективностью. Даже если она низка! Это не количественно, а прежде всего типологически разные характеристики.

<...>

... эффективность – это мера субъект-субъектных отношений, всегда присущая конкретной ситуации. Но вот типы этих субъект-субъектных отношений (а это, напомним, философский «намек» на производственные отношения) определяются объектом этих отношений. Потому экономическая эффективность (в основе – производительность) связана с «метафизикой» производства вещей, а эффективность – с «метафизикой» технологий, соисполнения работ. Всегда одновременно многих. Производительность связана с производством вещей, а эффективность – с выполнением функций (процессов), сводимых к производительности лишь в частных случаях. Потому, как я понял по материалу В. Глухой, даже сам термин «эффективность» в хозяйственную практику начал вводиться именно в СССР еще в 1920 г. С.Г. Струмилиным. (Хотя, вполне вероятно, само понятие «эффективность» тоже узковато; множественность функциональных связей позволяет предположить, что более адекватной или дополнительной характеристикой труда здесь должна бы быть организованность; что опять же совсем не эквивалентно ее какой-то, тем более всегда конкретной, величине.)

Потому в удачливом капитализме может быть бешеная производительность, но, строго говоря, там еще нет эффективности как общественного атрибута производства. Абсолютно имманентная капитализму, так сказать, легитимная безработица, например, – свидетельство отсутствия эффективности или организованности как общественного атрибута.

*На этот счет, расширяя понимание производства как хотя бы двух «технологических стилей», Л. Гребнев естественно приходит к достаточно широкой трактовке эффективности хозяйствования, которая «включает: устойчивость получения конечных результатов, уровень использования ресурсов (прежде всего человеческого фактора), наконец, целесообразность функционирования, понимаемую как подчиненность экономики как части интересам жизни **целого** – общества». А последнее уже явно близко к организованности, включающей еще и некоторую защищенность человека, так сказать, от стихий производственных невзгод.*

Потому же, например, нельзя не согласиться с А. Хиришманом, что «экономичность предприятий, технологические новации и предприимчивость» действительно имманентны «развитому» капитализму. Но это совсем не тождественно организованности всего производства, тем более если в сравнениях систем отвлечься от кризисных состояний».

Соглашаясь с этой позицией, мы переносим в значительной степени указанный подход и на соотношение двух базовых типов производств из эпохи индустрии на эпоху знания, разумеется, с учётом смены базового объекта-предмета «вещи» на базовый объект-предмет «информация, знания». И если «вещи» имеют штучное измерение количества и связанную с их производством производительность труда, то информация и знания, имеют списочную и «объёмную» меру количества, которые связаны уже со специфической и слабо определённой мерой «производительности» интеллектуального труда и информационно-познавательной деятельности. Таким образом, теперь имеется ввиду не базовая объектная пара «вещь – технология» эпохи индустрии, а базовая объектная пара «информация – общественное познание» эпохи знания.

6.3.2.6. Промежуточная форма «закона положения исследований»

Становление системной сети соответствия на основе логики взаимопонимания и единого концепта имеет диспозитивный характер и допускает выбор (в противоположность императиву),

инициативу, самостоятельность в поведении того или иного участника регулируемых отношений, то есть имеет место урегулирование собственных действий сторонами отношений по своему усмотрению.

В этой диспозитивной сети логическое соответствие в общественном познании между исследованиями осуществляется на основе соответствия положения смежных исследований, а величина положения исследования, объем исследования, определяется общественно необходимой трудовой деятельностью его выполнения, разумеется, в её текущем измерении. Назовём это концентрированное выражение исследовательской симметрии в сети познания промежуточной формой «закона положения исследований».

По своей неатомистической логике общественного познания исследовательское взаимодействие сложнее информационного обмена, в частности, в отличие от закона ценности в абстрактной диспозитивной сети исследований закон положения исследований сам по себе *никак не выполняется*.

Так, если производитель информационного продукта начинает работать в сравнении с другими – непроизводительно, «неэффективно», то при реализации своих продуктов в пространстве информационного рынка посредством знаков (торрентов) он немедленно это заметит и либо свернёт своё информационное производство, либо подтянется, что и означает проявление закона ценности. Иная ситуация в общественном познании, - если исполнитель исследования творчески работает неэффективно и непроизводительно, то его потребители не имеют на него никакого влияния, так же как, например, не влияет работник промышленного конвейера на исполнителя предшествующей операции. При этом поставщики всё так же, по-прежнему, обеспечивают этого «неэффективного» исполнителя необходимой ему информацией и исследованиями, ибо они тоже не «в курсе», что у него происходит, - в той же мере, как «не в курсе» работник промышленного конвейера, как обстоят дела на последующей операции. Однако, несмотря на то, что исследовательское взаимодействие в целом является диспозитивным, но в то же время *никак не сводится к чисто диспозитивной сети*.

В эпоху индустрии, согласно полилогии, - «обмен товаров нуждается в «третьем» товаре (деньгах), а соисполнение функций

(процессов) нуждается в «третьих» функциях (процессах), в управлении, каковое и имеет дело с материально-знаковыми (выражаясь экономически, «сигнальными») отношениями функционального производства». В этом срезе эпоха знания так же не составляет исключение и подобно тому как информационный обмен контентом нуждается в «третьем» контенте (торрентах), то логическое соответствие исследований как процессов так же нуждается в «третьих» исследованиях (процессах), в управлении общественным познанием, каковое и имеет дело с материально-знаковыми отношениями общественного познания как производства. Все эти «третьи» являются, как принято говорить, все теми же «символическими посредниками».

Далее предпримем попытку пройти логический путь генезиса форм ценности от объективного положения исследования к его общественным знаковым выражениям.

Исходная позиция полилогии при подобном же анализе с «положением функций» (то есть доминирующей при социализме ЧЭФ «функциональная, отраслевая») состояла в следующем:

- «Местное взаимодействие, вспомним, априори территориально замыкается, т.е. в совокупном производстве стремится к иерархической дискретизации с максимально возможной самообеспеченностью («использование ареалов») каждой зоны (от двора до страны). Функциональное взаимодействие столь же априори синхронизируется (нет неработающих исполнителей) и функционально замыкается (нет функций, не смежных с другими) с адресной диспозитивностью функций (осуществляемых на «заранее известного потребителя»). Образно говоря, то, что надлежит изучать, можно первоначально охарактеризовать цитатой из работ Юра, приведенной Марксом: «Огромный автомат, составленный из многочисленных механических и сознательных органов, действующих согласованно и без перерыва». Как говорится, просто ничего общего с рынком. Но вот здесь и нужны весьма развернутые пояснения по поводу такой прекрасно известной аналогии с автоматом, конторой, конвейером, синдикатом, фабрикой, даже оркестром».

То есть анализу подвергается исторический динамический ряд последовательности ЧЭФ с доминированием объектов-процессов как вторых фаз главной последовательности эпох эндогенного развития общества, то есть признаётся нечто общее в их структуре

и характере этих процессов. Вот на это общее и будем опираться в прогнозировании будущего развитого процесса общественного познания.

В данном контексте в первую очередь следует обратить внимание на наличии ультраструктуры иерархии управления и самого «тела» общественного познания как производства, которое в *собственном содержании* есть новый тип производственных отношений.

6.3.2.7. Иерархия руководства общественным познанием; знаковая сфера

Начиная подобный раздел при изложении функционального способа производства, А. С. Шушарин пишет:

- *«Подобно тому как обмен товарами нуждается в особом товаре, деньгах, т.е. в особых деперсонализированных знаках-вещах, соисполнение функций для своего осуществления и «замыкания» тоже нуждается в особой функции, в особых знаковых процессах, но, в коренном отличии от обмена, соисполнение униформного знака не имеет. Короче говоря, соисполнение функций кроме «горизонтальной», диспозитивной сети нуждается в «вертикальной» структуре, в иерархии административного отраслевого управления, органы которого и имеют дело со всей не универсальной, а конкретно-существенной (адресной, локально-значимой) документной, материально-знаковой стороной функционального производства. А вот «административное управление, – писал Маркс еще в критике гегелевской философии права, – в собственном смысле, является труднейшим пунктом для анализа», к которому Маркс более не возвращался, обратившись к товару. Хотя, конечно, не мог и избежать этого вековечного явления: «Всякий... совместный труд, осуществляемый в сравнительно крупном масштабе, нуждается в большей или меньшей степени в управлении, которое устанавливает согласованность между индивидуальными работами и выполняет общие функции, возникающие из движения всего производственного организма в отличие от движения его самостоятельных органов. Отдельный скрипач сам управляет собой, оркестр нуждается в дирижере» (здесь лишь обратим еще*

внимание на то, что Маркс не избежал понятия «функции», т.е. деятельного **процесса**). Но из всего многообразия явлений управления (организации, начальства, служб, бюрократий, чиновников, аппаратов, руководства и т.д.) нас здесь интересует только «онтология» управления в гомогенном функциональном взаимодействии, как абстракции или идеализации этого инвариантного базового среза реальности.

<...>

... все или почти все упомянутые «управления» предметно весьма различны, а потому всякий управленческий универсализм безмерно, так сказать до неприличия, тощ по отношению к многообразиям бездонной специфики. Поэтому мы стремимся уяснить управление только и только как **объективную общественную форму или собственную ультраструктуру (если угодно, институт) функционального (технологического) взаимодействия**, соисполнения, как примерно в «товаре вообще» уясняется только движение денег как объективной же формы в целом денежно-финансово-банковской ультраструктуры осуществления обмена. Но и не более того, ибо только так мы потом сможем понять, что в этих формах далее происходит.

Итак, соисполнение функций в сети никак не сводится к «атомарным», дуальным актам (ты – мне, я – тебе), ибо агент осуществляет свою работу, полезную для других агентов (они мне, я другим), ничего полезного от этих «других» взамен не получая (кроме, скажем, накладной), точно так же и сам агент использует трудообеспечивающие функции совсем других агентов, которым в свою очередь ничего, кроме накладных, не дает (напомним, что никаких денег в нашем анализе пока не существует). Но в «маленьком» отличии от денег, которые вновь пускаются в ход, от этих накладных, полученных за выполненную работу, для самих агентов **нет никакого толку**. Однако без них и невозможно управление как неотъемлемая часть функционального производства (точнее, конечно, сказать, что само соисполнение невозможно без управления и накладных)).

Как видим здесь очень многое напоминает организацию и управление общественным познанием. И это так, ибо познание, или его элементарная форма – исследование, есть процесс, «совместный труд». Есть у этого процесса и «дирижёр», который в современных реалиях, а точнее, в недавний период советского

прошлого, ушедшего в общественном развитии вперёд, на порядок, представлен Академией наук (АН СССР, а сегодня РАН) и Государственным комитетом по науке и технике СССР. Кроме того, в руководстве и проведении самих исследований участвовали различные прикладные научно-исследовательские институты и организациями, институты Госплана СССР.

«Будущее Академии наук при нынешней власти печально и туманно, – пишет в статье «Возможно ли иное будущее для РАН?» («ЭФГ» № 5/2014) главный редактор «Экономической и философской газеты» А.П. Проскурин. Там же, подводя итоги 290-летнего юбилея Академии наук» он справедливо утверждает, что «Академия наук... была готовой общественной формой для перехода к более высокой стадии обобществления производства», что «...к концу XX века АН СССР и отчасти РАН сложились как готовые формы управления развитием общества».

«Академия наук, как уже было сказано, - пишет А. П. Проскурин, - была готовой общественной формой для перехода к более высокой стадии обобществления производства. Этому способствовали следующие обстоятельства.

В течение почти трех веков в Академии вырабатывались собственные правила внутреннего поведения, в значительной степени отличавшиеся от тех, которые циркулировали в обществе. Их вполне можно назвать и передовыми, и опережающими. В академических учреждениях всегда было меньше бюрократизма и больше демократии. Меньше конъюнктурности и больше стремления к истине. Многие из этих социальных и поведенческих моделей были в дальнейшем де-факто заимствованы и творчески развиты многими левыми партиями.

В советский период ученые получили бесценный организационный опыт управления крупными проектами, о которых говорилось выше, и собственными организациями.

При этом даже в самые жесткие времена в Академии регулярно проходили выборы и острые научные дискуссии.

Иными словами, к концу XX века АН СССР и отчасти РАН сложились как готовые формы управления развитием общества.

Во-первых, о любом направлении развития члены Академии знали больше, чем кто-то еще в обществе, и это было главной предпосылкой для гипотетического успешного управления.

Во-вторых, РАН к данному моменту сложилась в качестве самореформирующейся и самореорганизующейся автономной системы. И ее эффективность, мотивация ее работников напрямую связаны именно с таким понятием, как самоорганизация, и напрямую зависят от качества этой самоорганизации.

В-третьих, именно в рамках этой системы в основном складывались и проходили первичную апробацию многие передовые модели социального поведения.

IV. Итак, на определенном этапе развития социалистического общества базовое для формационного подхода противоречие между производительными силами и производственными отношениями вновь дало себя знать и на этот раз выразилось как противоречие между правящей партийной системой и научной интеллигенцией, представляющей собой восходящие силы общества, связанные с возрастающей ролью науки в качестве основной производительной силы. И именно Академия наук со всеми своими достоинствами и недостатками волею судеб оказалась штабом восходящих сил общества.

<...>

Первые столкновения между бюрократией и Академией наук начались еще в середине советского периода (гонения против генетики и кибернетики стали свидетельством наличия довольно острых противоречий между бурно развивающейся интеллигенцией и правящей партийной бюрократией). Думаю, что определенную роль сыграли и исторически сложившиеся в СССР общественные условия, в которых научный поиск в ряде общественных дисциплин был, мягко говоря, затруднен. Модель управления, в значительной степени заимствованная из религиозных культов, модель, в которой личность, находящаяся на организационной вершине партийной пирамиды, должна обязательно являться одновременно и источником высшей научной истины (по крайней мере, в области общественных наук), оказалась пригодной только однократно, а в дальнейшем продемонстрировала свою нежизнеспособность или, по меньшей мере, высокую уязвимость и низкую эффективность.

Она (модель) ограничивала и демотивировала ученых-обществоведов, которые в результате не смогли или не захотели вовремя предлагать свои ответы на стратегические вопросы.

Однако, как уже было сказано, в 60–70-е годы правящая в то время КПСС и АН СССР сумели достичь некоторого консенсуса и вполне могли, двигаясь навстречу друг другу, совместно найти какую-то тропинку в будущее».

Позже это будущее, это новое в развитии социалистического общества СССР, неожиданно и массировано вдруг повсеместно ворвалось в обыденную жизнь вместе с не терпящим промедления научно-техническим прогрессом, именуемым в те времена НТР (научно-техническая революция). И если на уровне технического мышления всё было достаточно ясно, то в социальном плане это породило массу явлений, не поддающихся или плохо поддающихся пониманию с позиций доминирующей в обществе теории общественного развития. Социологическая наука не смогла должным образом понять и осознать происходящее, ибо адекватного историческому моменту теоретического знания общественного развития, знания, стоящего на вооружении общества, в главных управленческих структурах страны не оказалось. В результате чего в состоянии бифуркации (неустойчивого равновесия с непрогнозируемым исходом) были приняты ошибочные решения: страна встала на путь реакционных перемен и «построения» капитализма.

Оценивая кризис социализма в СССР в статье «Возможно ли иное...», А.П. Проскурин верно отмечает его истоки как *«противоречие между стремительно нараставшими производительными силами и стремительной устаревавшей системой управления»*. Однако, вероятнее всего, дело не в том, что в тот исторический период партии (КПСС) *«следовало бы шире привлекать АН СССР к управлению всеми сферами общественной жизни (проще говоря, поделиться значительной частью власти) и найти те формы, в которых это можно было сделать»*. Это, возможно, и ускорило бы прогресс в сфере познавательного процесса общества, но едва ли предотвратило *«кризис, закончившийся контрреволюционным переворотом»*.

С позиций полилогии основной причиной сложившегося в СССР состояния бифуркации, неустойчивого равновесия и сваливания в разрушительный и деградационный процесс общества в целом являлось отсутствие соответствующего историческому моменту знания об истинных причинах возникновения кризисной ситуации, а, следовательно, и об адекватном выходе из состояния

кризиса. История развития общества постоянно в своем развитии сталкивается с кризисами и, как известно, так или иначе, их преодолевает, хотя и не всегда в восходящем направлении.

Да, это был кризис, можно сказать, классический. Это был кризис, порождённый *«противоречием между стремительно нараставшими производительными силами»* нового способа производства и старыми функциональными (плановыми, отраслевыми, социалистическими) общественными производственными отношениями (ЧЭФ «функциональная»), а не только *«стремительной устаревавшей системой управления»*. Эти новые способы производства новой эпохи знания, «информационный» и «научно-исследовательский», основаны на доминирующем в воспроизводстве действительной жизни информационно-интеллектуальном производстве (ЧЭФ «информационная») и общественном процессе познания (ЧЭФ «общественное познание»).

Однако уровень развития общественных наук на тот «обычный» для истории критический момент оказался несоответствующим уровню фактического общественного развития. Общественная наука оказалась не готовой, не способной дать адекватный ответ на этот, в общем-то, рядовой вызов истории. И стала погрузилась в хаос варварской капиталистической «перестройки». Судьба...

Оценивая сегодняшнюю ситуацию в высшей школе и академической науке как кризисную, к. ф. н. Перунова Н. В. видит главным фактором преодоления этого кризиса – РАН. В своей статье «РАН – главный фактор преодоления кризиса науки», напечатанной в ЭФГ № 9/2014, ею предпринимается попытка описания происходящего в высшей школе процессы в виде нескольких воспитательных моделей. Образование рассматривается *«как деятельность, в которой происходит воспроизводство и передача культурного знания. Если образовательная деятельность не следует этой цели или искажает передачу знания, то она наносит глубочайший вред стране, подтачивая ее жизнеспособность. Но такой результат не является плодом деятельности отдельных людей»*.

Далее отмечается:

- *«...с конца 80-х гг. вплоть до наших дней произошло коренное изменение прежней воспитательной модели. Причинами*

этого стали глубокий культурный и экономический кризис в 90-е годы; отток талантливой молодежи и научных кадров из высшей школы. Но главным фактором изменения высшей школы стала приватизация науки отдельными группами людей. Приватизация стала самоцелью, заслонив собой собственно служение науке и своей стране. Эпоха безвременья сильно пошатнула научные ценности и открыла широкую дорогу людям, далеким от науки, но желающим получить от вузов всевозможные дивиденды. Коррупция в вузах, возрастающее число лжеученых и «липовых» защит (назовем совокупность этих явлений антисистемой) превращение высшей школы в «теплое местечко», где можно ничего не делать, не нести никакой ответственности и при этом получать всевозможные «гешефты» от занимаемой должности. В данной ситуации и были сформированы три воспитательные модели, существующие и поныне. Это патерналистская модель, модель-симулякр и модель-альтернатива (осколок и одновременно перспектива возрождения классической модели).

<...>

Модель-альтернатива в лице уникальных личностей. К сожалению, в российских вузах классическая модель воспроизводства научно-педагогических кадров находится в слабом положении. Если она где и сохраняется, то только благодаря старшему поколению, когда оно составляет костяк кафедры, либо в лице отдельных уникальных личностей. Она воспитывает молодого специалиста в отеческой заботе о нем, в сочетании с требованием результативности, критичности к продуктам его труда. Данная модель предполагает изначально равное общение между воспитателем и воспитанником, диалог которых строится на заранее договоренных условиях взаимопонимания и соответствия воспитанника высоким требованиям, которые предъявляет к нему руководитель. Это диалог взрослых людей, имеющих общее ценностное основание. Это диалог уже состоявшихся научных работников, имеющих свою научную позицию, свою точку зрения, принадлежащих к разным научным школам. Основой единства данного сообщества выступают научные ценности, которые признаны и обязательны для всех, а именно: честность, справедливость, критичность, аргументированность, разумность, требовательность, ответственность.

<...>

Что является выходом из этой ситуации?

Во-первых, изменение ценностных ориентиров: от служения своим интересам к служению своей стране. Нам необходимо по свободной воле отказаться как от патерналистской модели, так и от модели-симулякра, вернуться к реальному конкурсному отбору будущих студентов, ученых, преподавателей.

Во-вторых, возвращение к классической модели воспитания через развитие еще существующей модели-альтернативы и коренное изменение патерналистской модели путем акцентуализации требовательности, критичности и ответственности научного и педагогического труда.

В-третьих, восстановление открытости органов трансляции научного знания (конференций, журналов), системы вертикальных и горизонтальных связей вузов и направление своих усилий на создание реальной вершины иерархии высшей школы, дающей образец следования научным гуманистическим ценностям. И никто более не может возглавить и организовать этот процесс возрождения российской науки и высшей школы, как РАН, представляющая собой союз авторитетных, уважаемых, высокообразованных, блестяще мыслящих умов.

В-четвертых, создание единой концепции развития высшей школы в России, которой у нас нет. Все, кто служит науке и своей стране, нуждаются в единой системе высшего образования, которая смогла бы преодолеть приватизацию науки и начать работать на благо страны. РАН могла бы стать площадкой генезиса и внедрения этой концепции первоначально в саму РАН, а затем и высшую школу. Отдельные ученые и преподаватели не в силах противостоять антисистеме. За свое инакомыслие и приверженность классической модели они унижаются в высшей школе или изгоняются из нее. Необходима альтернативная система противодействия, куда они все могли бы включиться. Им необходим глава, вершина, без которой это дело невозможно. И никто другой не может этой вершиной быть, кроме обновленной, сознающей свою историю, свое предназначение и свои ресурсы РАН».

Приведённый материал подтверждает не только системную иерархичность в процессах общественного познания, но и прямо указывает на руководящий потенциал РАН как «вершины, без которой это дело невозможно».

И если в отношении управления и ультраструктуры общественного познания уже сегодня наличествуют некие представления и некое взаимопонимание, а взаимодействие и взаимосвязь процессов познания и самого знания налицо, то в отношениях между агентами дело обстоит сложнее. Во-первых, никаких торрентов («информационных денег») в нашем анализе нет, так как нет информационного обмена, ибо рассматриваются некие системные сетевые процессы (потоки) общественного познания.

Если анализировать процесс общественного познания внутри некоего большого предприятия, НИИ, которое в масштабе и разнообразии сопоставимо с масштабом страны (и только в этом!), то логическое соответствие исследований отдельных агентов (учёных, исследователей, работников интеллектуальной деятельности) никак не сводится к атомарным, дуально-веерным, актам (ты – мне, я – тебе). Каждый агент осуществляет своё исследование (интеллектуальную работу), необходимую и полезную для других агентов-потребителей (они мне, я другим), ничего полезного, ценного как некое богатство, от этих «других» взамен не получает. Однако, при этом получает кроме известных технических заданий и заявок, приёмо-сдаточных актов по результатам исследований, также и сами результаты исследований, изложенные в научно-исследовательских отчётах, в записках или в справках, в заключениях и в т.п. документах. В то же время и сам агент, исследователь, использует (трудо)обеспечивающие его изыскания исследования совсем других агентов, которым в свою очередь ничего, кроме приёмо-сдаточных актов или расписок в получении материалов исследования, не даёт, тогда как торренты («информационные деньги») пока в данном анализе не существуют и не требуются.

В отличие от торрентов (или денег капитализма), которые вновь пускаются в ход, в оборот, от этих актов, справок и расписок, полученных за выполненные исследования (интеллектуальную трудовую деятельность, работа), для самих агентов *нет никакого толку в дальнейшей исследовательской деятельности, равно как и превращения их в некое благополучение (благообеспечение)*. Однако без них и невозможно управление как неотъемлемая часть исследовательского процесса как общественного производства, общественного познания. То есть, точнее – без них невозможно

обеспечение самого логического, концептуального соответствия в соисполнении выполняемых исследований, а значит это соответствие невозможно без управления, точнее, невозможно без руководства, без обсуждения научной и исследовательской общественностью и их органами, и, не возможно без самих этих документов («накладных»).

Налицо тенденция к использованию принципиально иной формы знаковых отношений в общественном познании – содержательных, неколичественных и уж тем более не денежных и не торрентных. *«Это, иначе говоря, не неисчерпаемая деятельность и взаимодействия, а их определённая, гомогенная общественная форма, знаковое отношение людей».*

Собственно материально-знаковое отношение в исследованиях как в общественном познавательном производственном процессе проявляется в *дискурсе* и потоке всевозможных дискуссий, споров и обсуждений в виде многочисленных публикаций, решений, рекомендаций и заключений, приглашений и программ, устных и письменных, обличённых в форму *документов* самых разных типов, классов, разновидностей. Эти документы, как правило, совсем не количественные, однако содержащие, в частности, например, кому, для кого и что делать, но не как делать и не как исследовать. То есть материально-знаковые отношения проявляются в форме дискурса и документов как именно *направляющих, руководящих*, а не просто *управленческих*, то есть зачастую и специально-научных, чисто или конкретно технических, конструкторских, инженерно-технологических, но чаще концептуальных, логических, обеспечивающих соответствие друг другу выполняемых исследований и единство мировоззренческой позиции.

Вот все это и есть, уже в наших терминах, *знаниемимика* общественного познания как производства. Среди беспредельного моря информации, нового знания и доминирующих процессов общественного познания эти дискурсы и документы в данном их понимании и оказываются искомой общей знаковой формой и сферой несущих некую меру логического соответствия и концепта. Эта мера мало похожую на привычную количественную меру и совершенно не числена. В этом проявляется некая особенность общественного познания как исследовательского производства, особенность руководства им и его направленностью, как управление. Автора полилогии пишет, - *«если рынок, так сказать, монетарен,*

то функциональность не «полумонетарна» (как у Я. Корнаи), а постмонетарна, документно-технонимична (но, повторю, конечно, не непосредственно технична или технологична с бездонностью этих пластов семиосферы)». То, в сравнении, общественное познание запредельно посттехнонимично, концептуально логично и дискурсионно-знаниенимично.

Подобными примерами *текущего дискурса и документов* являются *концепции и договора (заявки), технические задания на НИР (научно исследовательские работы), задания на проведение исследований, решения учёных советов по обсуждаемым исследованиям и акты приёмки-сдачи выполненных НИР*, фиксирующие это выполнение в должном объёме и соответствии заданию. *Согласованная* совокупность заказов образует непрерывно формируемые *планы*, а совокупность *решений учёных советов* и соответствующих *актов приёмки-сдачи, выполненных НИР*, в результате такого же непрерывного и логически связанного выполнения исследований образует для руководящего управления *отчёты*. В целом все движение выполняемых исследований в процессе общественного познания как производства предстаёт в определённой степени как *планомерное*, но в значительной степени вызванное внутренней саморганризацией как потребностью и творческой инициативой исследовательского сообщества. Логической сущностью движения выполняемых исследований и одновременно общественной формой логического соответствия выполняемых исследований является научный дискурс, принимающий вид некого «планового торга» в форме *согласования* посредством руководства и управления в сфере знаниенимики. Правда необходимо подчеркнуть, что имманентная всякой исследовательской деятельности в области (научного) познания неопределённость временных и трудовых затрат, делает упомянутый «плановый торг» в значительной степени фактом декларации о намерениях и собственно логического соответствия исследований, чем планом в его строгом понимании.

Здесь имеет смысл остановиться на общеисторической тенденции, можно сказать, генезисе так называемой «плановости» в последовательном ряду обществ с группо-иерархическими отношениями собственности по поводу доминирующего базового объекта-процесса. Выделим этот ряд социально-воспроизводственных градаций, типов обществ: первобытность,

феодализм, социализм и, наконец, описываемое нами, «Общество знания». Не вдаваясь в подробный анализ, очевидно историческое ослабление, скажем так, «*плановой детерминации*» принимаемых соглашений агентов производства в их «количественном срезе» (сроки, объёмы) и усиление, а точнее, проявление качественных детерминаций, логики соответствия и концептуального единства.

Так в первобытности плановая детерминация сопровождается «животным сверхпринуждением», внутренним табу и «божественной волей» вождя. В феодальном обществе это уже «служение» королю, суверену, сеньору и своему феодалу, повинность и крепость; при социализме этого всего лишь «план», задание, работа, которая, кстати, гарантирована обществом. В «Обществе знания» это уже само задание (работа), которое неопределённо в своей конкретике выполнения, но очевидно в своём логическом соответствии и концептуальном единстве.

Следует заметить, что институт соглашений в той или иной форме развития и распространённости всегда сопровождал историческое развитие общества, в том числе использовался и при капитализме, хоть и был нетипичным на множестве случайных и парных связей, но имевшие и имеющие место длительные контракты, тоже являются *соглашениями*. Однако, если говорить о внутрифирменных процессах капитализма, то они сполна не рыночны, знаково не денежные, а документны. Что же касательно известной формы линейного социализма, с доминирующим функциональным производством, то там, как известно, «план правил бал», а согласование перманентно сопровождало деятельность почти каждого агента этого способа производства. В дальнейшем, в «Информационном обществе», как и при капитализме «соглашения» так же заняли свою скромную нишу, но уже на множестве свободных информационных связей производства контента.

Таким образом, согласование интересов есть главная функция управления, руководства, и происходит в объективной, материально-знаковой форме самого общественного познания как производства. Всё это осуществляется соответствующими институтами, ультраструктурами.

Руководство и административное управление исследованиями реально и представляет собою конкретный труд исполнителей, агентов и органов. Его суть есть особая деятельность по

координации и оценке качества исследований на всех этапах их выполнения в форме различных учёных советов, обсуждений и апробаций, подготовке статей и монографий, конференций и семинаров, подготовке диссертаций и открытий, участие в интернет-форумах и онлайн-конференциях. Также это и работа с дискурсом и документами (безразлично, с бумажными, телефонными, «голосовыми» или различными формами интернет-общения и интернет-документами), которая состоит в согласовании, соединении и разведении, обеспечении соответствия выполняемых исследований.

Руководство исследованиями, с некоторой условностью говоря, это не только непосредственный труд, имеющий дело с «косной материей», безразличной к материальному предмету самого исследования, будь то деятельность микробиолога, физика, химика, археолога, историка или социолога. Это «безразличие» к деятельности как процессу некоего производства, которая всегда опосредствуется администрированием, каковое в чистом виде связано не с «материей», а только со знаками и с документами. В этом документообороте, так или иначе, участвует каждый исследователь, например, принимая задание или выдвигая заявку, отчитываясь о сделанном или докладывая о трудностях.

Значительная и отличительная особенность руководства и управления исследованиями (в первую очередь - научными исследованиями) как процессом общественного познания заключается, можно сказать, в публичности самих исследований, публичности их окончательных и промежуточных результатов, а также публичности в постановке самих исследований и целей познания. Это во многом связано с принципами *самоорганизации и саморазвития* самого научного сообщества, относительной автономностью и независимостью исследовательской деятельности в процессах общественного познания.

Так в раннее упомянутой статье Проскурина А. П. отмечается, что *«к концу XX века АН СССР и отчасти РАН сложились как готовые формы управления развитием общества»*.

Во-первых, о любом направлении развития члены Академии знали больше, чем кто-то еще в обществе, и это было главной предпосылкой для гипотетического успешного управления.

Во-вторых, РАН к данному моменту сложилась в качестве самореформирующейся и самореорганизующейся автономной

системы. И ее эффективность, мотивация ее работников напрямую связаны именно с таким понятием, как самоорганизация, и напрямую зависят от качества этой самоорганизации».

Начиная с некоторого масштаба общественного познания этой взаимосвязанной исследовательской деятельности (труда), это «ведение общих дел» объективно оформляется в особые функции административного и государственного руководства и управления. В частности, в период доминирования функционального производства (социализма СССР) имело место образование наряду с АН СССР Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук В. и. Ленина (ВАСХНИЛ) в 1929 году и в 1944 году – Академии медицинских наук СССР (здесь и далее по материалам Википедии). К 1985 году в АН СССР насчитывалось около 330 научных учреждений, в которых трудились 57 тысяч учёных-исследователей, при общей численности работников во всех учреждениях 217 тысяч человек. Действительных членов и членов-корреспондентов АН СССР было тогда 274 и 542 человека.

АН СССР - высшее научное учреждение СССР, объединявшее ведущих учёных страны, подчинённое непосредственно Совету Министров СССР (Совету народных комиссаров СССР). Академия наук СССР была образована постановлением ЦИК и СНК СССР от 27 июля 1925 года на основе Российской академии наук (до Февральской революции – Императорская Санкт-Петербургская Академия Наук). Формально задачами деятельности АН СССР считались содействие полноценному внедрению научных достижений в практику коммунистического строительства в СССР. Выявление и развитие наиболее важных и фундаментальных направлений науки. Координация действий велась также через региональные отделения и республиканские академии наук. АН СССР имела собственное издательство, научно исследовательский флот, сеть библиотек. АН СССР присваивала награды учёным, внёсшим значительный вклад в развитие науки. Высшая награда академии – Золотая медаль имени М. В. Ломоносова.

Органы АН СССР были образованы исключительно на выборной основе. Высший орган – Общее собрание академиков и членов-корреспондентов. Для руководства академии в периоды между сессиями Общего собрания оно избирает каждые 4 года Президиум АН СССР.

АН СССР имела три региональных отделения: Сибирское, Дальневосточное и Уральское. Секции:

- Секция физико-технических и математических наук. Отделения: математики, общей физики и астрономии, ядерной физики, физико-технических проблем энергетики, механики и процессов управления.

- Секция химико-технологических и биологических наук. Отделения: общей и технической химии; физикохимии и технологии неорганических материалов; биохимии, биофизики и химии физиологически активных соединений; физиологии; общей биологии.

- Секция наук о Земле. Отделения: геологии, геофизики и геохимии; океанологии, физики атмосферы, географии.

- Секция общественных наук. Отделения: истории; философии и права; экономики; литературы и языка.

- Академии наук союзных республик.

То есть налицо историческое нарастание и структурирование академического научного потенциала в восходящем развитии общества. К сожалению, современные деструктивные процессы общественного развития российского общества сопровождаются неизбежным разрушением мощи и структуры общественного познания, что является естественным следствием происходящих исторически деградиционных процессов трансформации общественного производства России. В частности, это выразилось в объединении государственных академий и лишения их хозяйственной самостоятельности, то есть в отбрасывании организационных форм существования академической науки к началам её 290 – летней истории, к временам её создания как Петербургской академии наук 1774 года.

В советский период АН имело развитую региональную и «отраслевую», точнее, научную дисциплинарно-предметную структуру. Решение же собственно отраслевых научно-исследовательских проблем было сосредоточено в отраслевых научно-исследовательских и проектных институтах и организациях, которые курировались отраслевыми министерствами и в целом Государственным комитетом Совета Министров СССР по науке и технике (ГКНТ СССР) – органом государственного управления СССР, проводившего государственную политику в сфере научно-технической деятельности (создан в 1948 году). При комитете

действовали научные советы по важнейшим комплексным и межотраслевым научно-техническим проблемам, координирующие все НИОКР (научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы): Государственный комитет по изобретениям и открытиям при ГКНТ СССР (1955–1991); Государственный комитет по электронной технике СССР (до 1965 г., далее МЭП); Комиссия по вычислительной технике при ГКНТ СССР.

На ГКНТ СССР было возложено определение основных направлений развития науки и техники, планирование и организация разработок важнейших, имеющих общегосударственное значение научно-технических проблем, организация внедрения в производство открытий, изобретений и результатов поисковых исследований. ГКНТ СССР курировал Государственный реестр научных открытий СССР, участвовал в составлении планов финансирования НИОКР и развития материальной базы науки.

Сегодня правопреемницей АН СССР является Российская академия наук (РАН). РАН – государственная академия наук Российской Федерации, крупнейший в стране центр фундаментальных исследований. Основной целью деятельности Российской академии наук является организация и проведение фундаментальных и прикладных научных исследований по проблемам естественных, технических, гуманитарных и общественных наук, направленных на получение новых знаний о законах развития природы, общества, человека и способствующих технологическому, экономическому, социальному и культурному развитию России. РАН призвана выполнять важную миссию обеспечения свободы научного творчества на благо и процветание страны. Будучи высшей научной организацией Российской Федерации, Российская академия наук принимает участие в координации фундаментальных научных исследований, выполняемых за счет средств федерального бюджета научными организациями и образовательными учреждениями высшего профессионального образования.

Таким образом «ведение общих дел» объективно оформляется как некое исследование, скажем так, административного руководства исследованиями, но уже не отраслевого, технологического управления как при социализме и, тем более, не территориального, местного (натурального). После отраслевой

(технологической) иерархической ультраструктуры и её номенклатуры это уже третья «номенклатура», номенклатура общественного познания как производства. Она внешне напоминает отраслевую номенклатуру, но именно лишь в части собственно управления в хозяйственной сфере, а не научной, которая как уже отмечалась вполне самоуправляема и самоорганизована, весьма демократична и преимущественно погружена в публичный дискурс и различные формы коллективного обсуждения результатов, решений и планов. Исторически более ранние ультраструктуры (со своими императивами и «номенклатурами») тоже везде и всюду есть, но они или слабо иерархичны, или в основном не иерархичны.

То есть в восходящем развитии градаций общественного развития растущая иерархичность как бы растворяется в самом воспроизводственном процессе общественного познания и поддерживается более, скажем так, *научным авторитетом* в среде самих исследователей, чем формальным статусом иерархии управления и «табелем о рангах» - штатным расписанием и должностными инструкциями.

Разумеется, что в своих суждениях и представлениях мы более опираемся на опыт периода расцвета науки в СССР и международный опыт, который отражает лишь начальные ростки нового «Общества знания», причём в весьма деформированной форме «под гнетущим» воздействием господствующей формы производственных отношений, под гнётом капиталистической формы производства.

Эффективность руководящей деятельности (управленческого труда), мощность её агентов реальна, но не самостоятельна. Она проявляется в виде научной новизны и эффективности собственно самих исследований групп, лабораторий, отделов, отделений, НИИ и пр., т.е. только в объёме (мощности) исследования, приходящегося на одного сотрудника коллектива. Очевидно, что управленческий труд более высокого звена всегда сложнее управленческого труда более низкого звена, т.е. в сравнении руководства с руководством по уровням управления. Таким образом, это сложность руководства обуславливается объёмом и масштабом исследований, ответственностью, что субъективно расценивается как «размер» риска. В этой связи А. С. Шушарин справедливо указывает, что ответственность при принятии стратегических решений высокого уровня управления – *«это и*

есть проявление чуть ли не безумной, не формальной, а социальной сложности, скрывающей за «простым» решением», включающим в себя бесконечное поле учитываемых факторов, а также состоящее в нетривиальном умении выполнения комплексной оценки, интегрированию в единое концептуальное целое, в знание, множество частных исследований и их результатов.

И всё же это не означает, что руководящая и управленческая деятельность (труд) сложнее непосредственной исследовательской деятельности. Однако, когда исследования в целом «масштабны, подвижны, рисковы, ответственные», то общественным признанием такая управленческая и руководящая деятельность может оцениваться и выше основной деятельности. В противном случае имеет место обратное соотношение.

Руководящий, управленческий труд есть та же *«объемная форма общественного признания расхода этого труда, опосредствованно (через основной) создающего большие объемы»* исследований. Следует специально оговорить, что *«управленческий труд в своем чистом виде остается только административным, его предмет – знаки, документы, организация «планового торга», а не само бездонное содержание»* общественного познания как производства. Однако **руководство исследованиями есть проявление творчества, таланта; это тоже исследовательская деятельность, связанная с концептуальной координацией исследований и требующая того же исследовательского творчества.**

Поэтому, как пишет А. С. Шушарин, - *«образно говоря, пираты, которые могли уничтожать людей ни за понюшку табаку, вполне добровольно выбирали из своих рядов капитана, определяя ему львиную долю предполагаемой добычи. На иных основаниях функциональный консенсус среди этой братии не мог бы никогда установиться. Даже головорезы, так сказать, прекрасно понимали, что для командования головорезами надо быть супермастерским головорезом. С таким же «окладом»».*

Принципиальным отличием руководства от административного управления является то, что руководство, во-первых, как общепризнано, ориентировано на развитие управляемой системы, а не на её функционирование. Во-вторых, и это уже принципиально для настоящего полилогического контекста, руководство, отражает

саму иерархичность производственного процесса, его «вертикальную» составляющую общественного познания. То есть процесс руководства исследованиями в общественном познании как производстве знания по результатам множества элементарных исследований является высшим уровнем в иерархии собственно самих процессов исследования. Таким образом, следует говорить не просто о системно-сетевой организации производства в общественном познании, а, образно выражаясь, об *объёмном* характере структуры производства в общественном познании. Кроме того, если функциональное производство имеет линейную форму, то общественное познание, обладающее производственной «вертикалью», продолжая эту терминологическую направленность в аналогии, имеет «плоскостную», двухмерную форму.

«Развитие» в данном случае выражается в некоем революционном скачке общественного познания, связанным с получением нового знания, которое собственно и представляет очередную ступеньку в развитии системы знания общества в некоей предметной области науки или научного знания.

В этой связи следует напомнить, что отличительной особенностью процессов функционального производства является репродукционный, буквально одно и то же воспроизводящий (одну и ту же вещь!), характер производственного процесса. Тогда как общественное познание, как и его элементарные исследования, характеризуются разовым, однократным исполнением, ибо однажды выполненное исследование не требует своего повторного исполнения, тем более многократного как в случае с производством вещей в индустриальном секторе. В целях массового распространения результатов исследований, знаний и информации, в силу их особых полилогических характеристик и объективных материальных свойств, достаточно чисто технической, по сути беззатратной, процедуры их тиражирования и копирования.

Поэтому в конкретике исследовательской руководящей научной деятельности каждый раз имеет место новый, ранее не проводимый, процесс познания, формирования нового знания. Каждый раз эта деятельность уникальна и его элементарное исследование есть исследование верхнего структурного уровня процесса общественного познания, то есть руководство процессом познания. Поэтому руководство – это не административное управление, а одно из составляющих целостного процесса

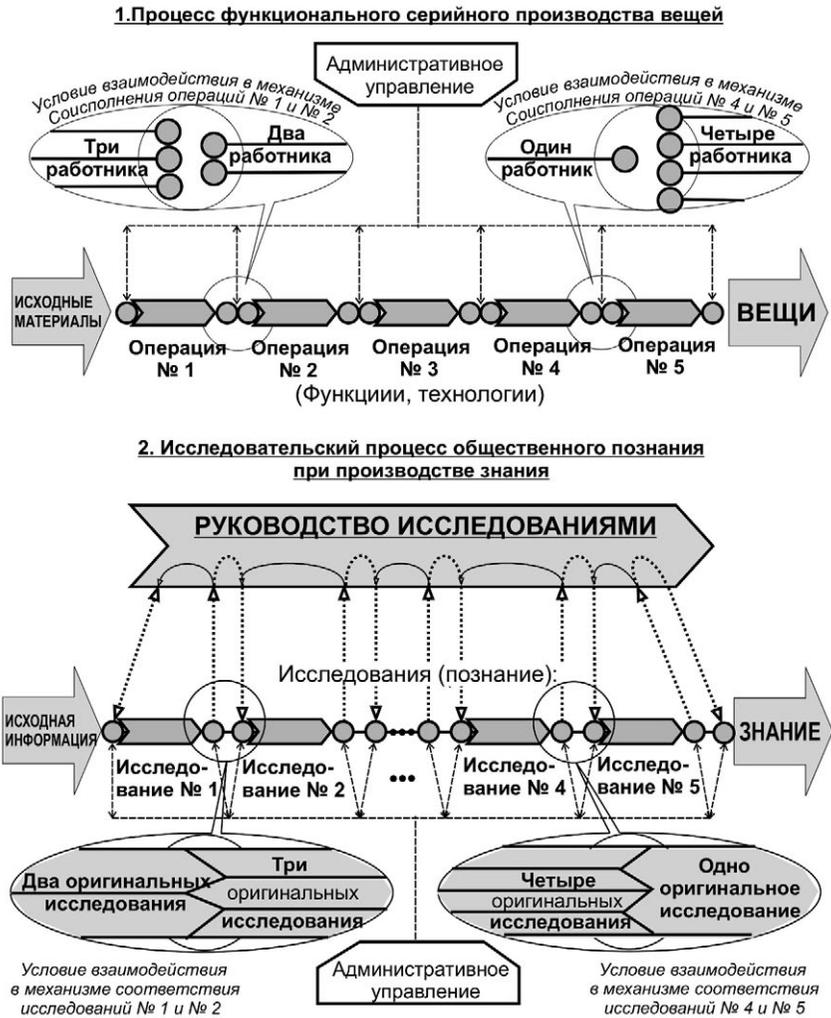

Рис. 6.2. Графическая схема уникального исследовательского процесса общественного познания по производству знания и процесса функционального производства по серийному производству вещей

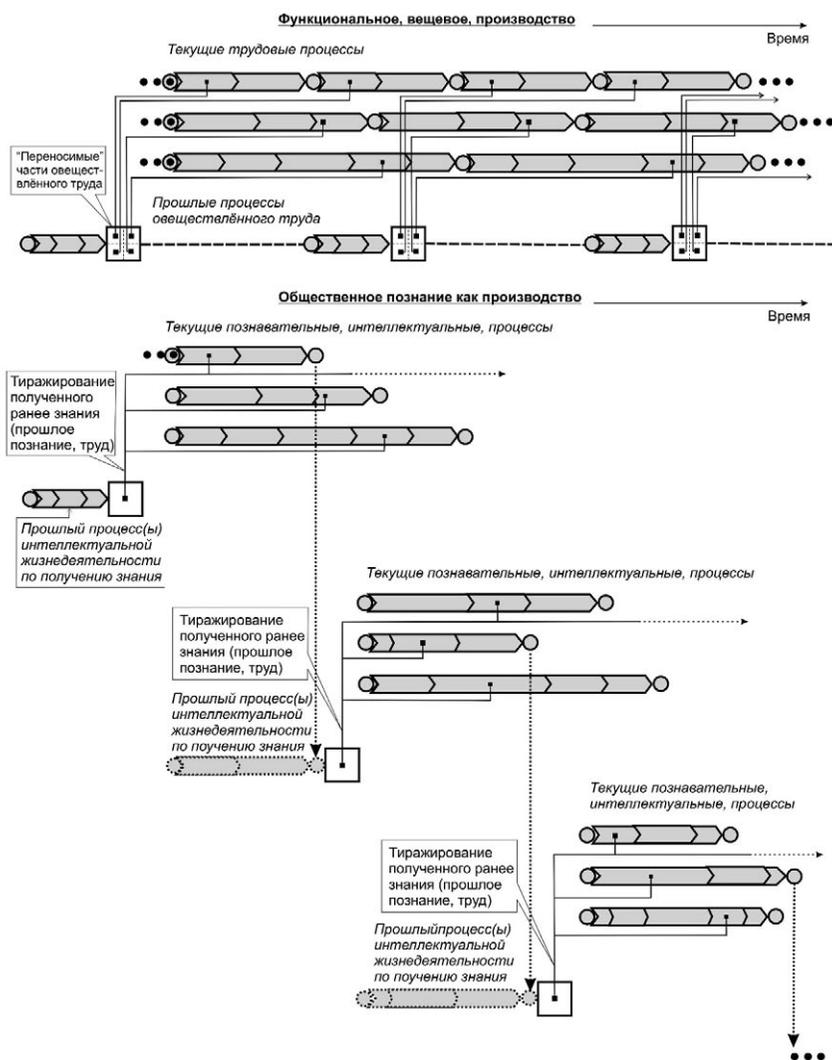

Рис. 6.3. Сравнительная схема включения процессов общественного познания прошлой интеллектуальной жизнедеятельности в соответствующие текущие процессы производства вещей и знания

производства, характерное для такого специфического процесса как общественное познание (в отличие от серийного производства вещей в индустриальном обществе). То есть, иными словами, грубо и обобщённо говоря, процесс функционального производства имеет линейную последовательную структуры выполняемых операций (функций), тогда как процесс исследовательского производства в (научном) общественном познании имеет иерархическую структуру выполняемых операций-исследований. При этом сама структура крайне динамична, порою вероятностна по полученным ранее результатам, допускает образование петель в течение общего процесса исследования общественного познания. Это различие процессов функционального производства (градация социализм) и исследовательского процесса общественного познания (градация «Общество знания») представлены в графической форме на рисунках 6.2 и 6.3.

6.3.2.8. Полная форма закона положения исследований

Многое из вышеизложенного рассматривалось как некое абстрактное общественное познание в условиях симметрии. В реальности эта симметрия как соответствие объёмов и логического содержания исследований, как их концептуальное единство постоянно нарушается. Объёмы (списки) исследований, то сокращаются, то безмерно расширяются, уводятся в сторону или ограничиваются частью необходимого, то концептуально не согласовываются с последующими этапами познания или, наоборот, отходят от истины в угоду некоторым догматам или, иногда, - в угоду тому же концептуальному единству. Перечисленные отклонения вполне свойственны естественному течению процессов общественного познания текущей жизни. Они каждый раз неизменно устраняются путём пересмотра объёмов исследований и их направленности, корректировки в целом процесса общественного познания на всех этапах исследований *посредством руководящего уровня* управления процессом познания как иерархически более высоким и наделённым властью, правами и обладающего авторитетом на их проведение.

Однако вместе с тем имеет место и технические нарушения в симметрии функционального протекания исследований - недооснащенности и недообеспеченности, простой и перегрузки и

пр., которые компенсируются перераспределением работ и исполнителей, исследовательских мощностей, то есть *посредством административного управления*, что более относится к срезу функционального производства, но не собственно к процессу общественного познания.

Таким образом в целом обеспечивается логическая стройность процесса общественного познания и концептуальное единство исследований, новизна получаемых знаний, а параллельно, но уже в рамках функционального производства (пусть и каждый раз нового), - эффективность или должная организованность производства.

Перед тем как перейти к оценке положения и объёма исследования эпохи знания напомним основные законы эпохи индустрии, чтобы в последующей оценке опереться в умозаключении по аналогии на логику предшествующего исторического развития общества.

В данном контексте целесообразно начать со всем известного марковского выражения для стоимости товаров W в условиях капиталистического (экономического) способа производства как «*стоимости товаров W , создаваемых на капиталистических предприятиях*»:

$$W = C + V + M = C + (V + \Delta V), \quad (6.15)$$

где C – стоимость потреблённых в производстве средств производства (перенесённая стоимость);

V – воспроизводственная стоимость рабочей силы;

M – прибавочная стоимость, $M = \Delta V$;

$(V + \Delta V)$ – вновь созданная стоимость.

Соответствующее выражение для стоимости единицы производимого продукта (товара) будем иметь следующий вид:

$$w1 = c1 + v + m = c1 + (v + \Delta v) = c1 + v1, \quad (6.16)$$

где $w1$ – стоимость единицы производимого продукта из их общей массы n и общей стоимости произведённых продуктов - W ;

- c1** - стоимость потреблённых в производстве средств производства (перенесённая стоимость) на единицу продукта;
- v** – воспроизводственная стоимость рабочей силы на единицу продукта;
- Δv** – «прирост **v**», образующий прибавочную стоимость;
- m** – прибавочная стоимость на единицу продукта, **$m = \Delta v$** ;
- $v1 = (v + \Delta v)$** – вновь созданная стоимость на единицу продукта.

Оценивая объём функции функционального производства в условиях линейной формы советского социализма на основе полной формы закона положения функций А. С. Шушарин прибегает к следующей «символьной (ещё далёкой от любых математизаций) форме», учитывающей присущей ему (социализму), так называемый, диффузный рост дефекта производства:

$$P = Q + Y + D, \quad (6.17)$$

- где **P** - объём функции;
- Q** - объём основного функционального труда;
- Y** - объём управленческого труда;
- D** - дефект производства (линии).

Напомним словами автора полилогии, что такое «дефект производства»:

- «Этот дефект и оказывается общественной («асоциальной»), объёмной формой иррационализации всего линейного производства. Приведённая символическая эвристика (6.17 - ХАТ) показывает, что во всей структуре технологической занятости (проявляемой в численностях ли, в «бюджетах времени» в технологическом пространстве) к нормальной динамике равновесия добавляется не столько скрытная незанятость, сколько и прежде всего растущая бесполезная «занятость» во всех ее многообразнейших формах, собственно и составляющих основную «тайну» линейного производства. Соответственно любой основной дефект «автоматически» порождает дополнительный дефект в объеме управления

(неэффективность в работе абсурдно отражается и в бумаге), наконец, само управление тоже может иметь собственный дефект, порождаемый производящим (новаторским) управленческим трудом. В результате в целом и возникает, нарастая, «размытость прав и ответственности», всех раздражающая «перенаселённость» управления, в действительности лишь отражающая «перенаселённость» в самом теле производства, хотя и действительно склонная к «саморазмножению». Но ведь и это тоже «тайна» дефекта!

<...>

Итак, дефект есть производственное отношение соисполнения линий, отношение увеличения иррациональности производства, или, говоря словами Маркаряна, предельности «ведомственной оптимизации», утрачивающей возможность оптимизации по отношению к обществу, с его усложняющимися жизненными процессами. Короче говоря, основной закон линейного производства состоит в неуклонном росте дефекта линий производства, или технологической анархии (Р. Косолапов, И. Хлебников), но только (и в этом суть!) именно в этой ее совершенно определенной исторической форме репродуктивного молоха логики плановой формы «индустриализма угля и стали»».

К сожалению, сравнивая «логику» выражений стоимости и положения функций, характеризующих фазы эпохи индустрии, нетрудно заметить, что во втором выражении, если так можно сказать, отсутствуют следы прошлого труда. В то же время простейший анализ исторического развития по тому или иному виду функций (технологий) неизменно покажет изменение, качественное и количественное, приведённого выражения. И речь здесь не о какой-либо, как справедливо пишет А. С. Шушарин, математизации, а о внутреннем содержании рассматриваемых явлений.

Действительно, если исторически, а практически на протяжении менее одного поколения, взаимодействующие функции «в «мощностном» соотношении (в простейших формах проявляемое в численностях)» развивались по-разному, различными и непропорциональными темпами, то «логика этого соответствия» должна измениться. Достаточно привести простейший пример обеспечения каменщиков кирпичом в строительстве для двух случаев: - для ручной подноски кирпича,

например, на пятый этаж или подъёмным краном на заводских поддонах.

Но как ранее отмечалось процессы, в том числе и функции, технологии не могут накапливаться, поэтому исторические изменения проявляются лишь в их структуре технологической занятости, проявляемой в численностях и в «бюджетах времени» всего технологического пространстве, разумеется, с добавлением к нормальной динамике равновесия растущей бесполезной «занятости» во всех её многообразнейших формах. И как пишет А. С. Шушарин:

- «Что же касается классических затрат абстрактного труда как величины «протяженной», то они не исчезают, остаются объективной характеристикой всего того, в чем хотя бы в какой-либо форме труд «накапливается» или осуществляется за некоторое время. В частности, логическое произведение объема функции на время ее выполнения оказывается «стоимостным» выражением выполнения этой функции, но в функциональном производстве действуют именно объемные, а не стоимостные отношения в соисполнении функций, так как «в чистом виде» обмена (выявляющего стоимость) здесь не существует».

Теперь перейдём к эпохе знания.

В книге «Теория Информационного общества...» отмечается, что исходная, первоначальная ценность **Z** информации (контента) как и любой продукт деятельности (труда), вне зависимости от его типологии, создаётся в результате сложения прошлого труда и живого труда. Разумеется, что здесь речь идёт о воспроизводственном процессе информационной типологии, то есть используемый продукт прошлого труда есть информация (контент), равно как и сам живой труд есть интеллектуальный труд (деятельность) по созданию нового информационного продукта (контента). Тогда «итоговая» ценность контента, созданного в «Информационном обществе» за некоторый промежуток времени, а точнее, создаваемая информационным производством ЧЭФ «информационная», будет определяться следующим выражением:

$$\mathbf{Z} = \mathbf{D} + \mathbf{S} + \mathbf{G}, \quad (6.18)$$

где **Z** - ценность контента, создаваемого в «информационном производстве» общества;

- D** – ценность информации, использованной для производства нового контента (нем. *Durchzählen – пересчитывать*);
- S** – воспроизводственная ценность, создаваемая живым трудом, интеллектуальной деятельностью, информационного производства (нем. *Schöpfer – создатель*);
- G** – приращённая ценность, создаваемая живым трудом сверх воспроизводственной ценности S (нем. *Groß – большой*).

Соинформирование в коммуникационных связях «Информационного общества» осуществляется на основе равенства ценностей информации, участвующей в обмене. Величина ценности информации (контента), скорректированной до так называемого «обменного объёма» (обменная ценность) и участвующей в обмене информации со стороны агентов информационного обмена, определяется общественно необходимым трудом по её созданию, при этом выполняется равенство этого труда количеству совокупного труда потребителей (в совокупном обмене) при равенстве количества труда в каждом текущем обмене.

В то же время следует различать первично создаваемую ценность (информационность) некоторого контента и его текущую ценность в совокупном обмене в процессе возрастающего тиражирования контента. Впервые создаваемая ценность (информационность) в полной мере, прямо пропорционально, определяется общественно необходимым трудом. Тогда как тиражируемая информационность, текущая ценность обратно пропорциональна количеству воспроизведённых копий. Это концентрированное выражение информационной симметрии в информационной воспроизводственной сети называется основной формой «закона информационной ценности».

Таким образом, можно сказать, что текущая информационная ценность (информационность) контента прямо пропорциональна его ценности и обратно пропорциональна тиражу его распространённых копий:

$$I_N = Z/N, \quad (6.19)$$

где I_N – текущая информационная ценность контента (информационность контента) на момент тиража равного N ;

- Z** – исходная, первоначальная ценность контента;
N – тираж данного контента информации.

Этот основной закон, как и закона стоимости в капиталистическом производстве, в абстрактной диспозитивной сети функций *«сам по себе никак не выполняется»*, однако, как часто выражаются, - выполняется в среднем. Это связано не только с более сложной организацией всего воспроизводственного процесса (производства) в целом в данном обществе, но и с особенностями информационного продукта, а в частности с тиражируемостью информации, не требующей дополнительных затрат «информационного труда». Так чем более растиражирована некая информация, тем более падает её текущая информационная ценность.

Система выражений (6.19) и (6.18) и различные их иновыражения представляют собой, как утверждается в теории информационного общества, - ***«полную форму закона информационной ценности»***.

Опираясь на отмеченную выше аналогию и тренд в развитии форм выражения основных законов эпохи индустрии и первой фазы эпохи знания, попытаемся выйти на основной закон общественного познания и его выражения во второй фазе эпохи знания. То есть выйти на основной закон доминирующей ЧЭФ «общественное познание» градации «Общество знания», разумеется, в простейшей символьной форме далёкой от сколь-нибудь значимой математизации. В абстрактно чистом взаимодействии общественного познания это будет «мощностное соотношение», проявляемое в простейших формах списочных составов исследований и стоящих за этими списками численностями и списками соответствующих специалистов (специальных исследований) с их календарно-технологическим временем. Это соотношение выполняется как для отдельных исследований, так и на всем графе познания (см., например, рис. 6.2), включая руководство на всех уровнях иерархии, и, как правило, совмещённое с ним административное управление. Таким образом, имеем:

$$\mathbf{Pz} = \mathbf{R} + \mathbf{U} + \mathbf{Dz}, \quad (6.20)$$

где **Pz** - объём исследований процесса общественного познания;

U - объём руководства исследованиями;

R - объём элементарных (горизонтальных) исследований;

Dz - объём занятости «нетематическими» исследованиями.

Как и прежде, но уже в рамках ЧЭФ общественного познания, назовём представленное выражение - *полной формой закона положения исследований*.

В целом же закон положения исследований как закон стоимости и закон положения функций, как закон ценностей апостериорен *«пробивает себе дорогу «за спиной» участников, всегда утверждает как нечто уже сложившееся»*, включая в свою сферу и *сами функции руководства исследованиями*. Это руководство исследованиями и сами исследования при своей реализации используют в полной мере опыт и результаты прежних исследований, выступающих на текущий момент в форме известного знания.

Теперь задержимся на, пожалуй, самом трудном моменте объективности образования этого самого руководства и особенно административного управления как неотъемлемой от общественного познания как производства его же ультраструктуры. Здесь, как и в анализе информационной ценности, а ещё ранее и в анализе стоимости, речь идёт о понимании того, как апостериорно осуществляется логическое соответствие, концептуальное «соисполнение» в абстрактно нормальном, симметричном и системно-сетевом иерархическом исследовательском процессе общественного познания, «этом гомогенно определённом типе «борьбы и согласия», включая и управление» и руководство.

В подобной ситуации и Маркс, и Шушарин использовали классический пример с робинзоной, но который автор полилогии, как он сам пишет, видит *«в весьма необычном свете»*. Мы также рассмотрим этот пример, но уже в «третьем свете».

- *«В силу необходимости, пишет Маркс, Робинзон «должен точно распределять своё рабочее время между различными функциями (понятно, что ни о каком обмене, товаре, здесь и речи быть не может, потому Маркс и говорит именно о «функциях».* – А.Ш.). *Опыт учит его этому, и наш Робинзон, спасший от кораблекрушения часы, гроссбух, чернила и перо, тотчас же, как*

истый англичанин, начинает вести учет самому себе», взвешивая полезность и трудности самых разных функций, от ремесленнических, земледельческих, охотничьих и т.д. до отдохновений в молитве». К этим «функциям» несомненно следует добавить и исследования, связанные с познанием того мира «робинзонады», той «действительной жизни», в которую он оказался быть «погруженным» на многие годы своего существования.

Далее А. С. Шушарин продолжает.

- «Допустим даже, что Робинзон может относительно точно рассчитать все это и тем самым установить соответствующие объёмы функций в ограниченном фонде своего времени (Это, «фонд своего времени», весьма важное примечание, которое развёрнуто было реализовано в книге «Теория Информационного общества...» в форме социального фонда времени общества)... Но тут-то и возникает незамечаемая и неожиданная закавыка – а какова полезность и трудность самого распределения функций, сколько времени из жестко фиксированного фонда Робинзон должен выделить на самую работу с часами и грассбухом? Вопрос отнюдь не праздный. Так вот из этого примера прекрасно и видно, что Робинзон, при всей ложно кажущейся «прозрачности и ясности» его бытия (...), абсолютно не в состоянии, будь он семи пядей во лбу и с семьёю «персональными ЭВМ», столь же «точно распределить свое время» на саму функцию этого «точного» распределения. Иначе говоря, в фонде его времени управление неумолимо занимает необходимый объём как «общественная» необходимость, независимо от воли и сознания нашего педантичного Робинзона. (...) Это объективное (конечно, в меру этого классического примера) соисполнение функций Робинзона, вместе с управлением, и устанавливалось как соответствие их объёмов, разумеется, в субъектной форме их равнонапряженности, с «учетом» сложности, эффективности и т.д.».

В общем контексте теории общественного познания для нас в этом примере важно то, что прежде чем «начинать вести учёт самому себе» наш Робинзон исследовал остров, мир своей робинзонады. Он был вынужден постоянно «планировать исследования», связанные с обустройством своего быта, непрерывно их корректировать, то есть, говоря языком настоящей

теории, ставить и руководить этими исследованиями, параллельно осуществляя и административное управление ими, о котором пишет А. С. Шушарин.

Как и закон стоимости в товарном производстве, когда стоимость товара образуется до её знакового (денежного) выражения в ценах, в исследовательском производстве логическое соответствие выполняемых исследований в процессе общественного познания осуществляется на основе соответствия положения исследований также апостериорно, до своего знакового (документного) выражения. Положение исследования, его объем никогда не являются непосредственной данностью, ибо по самой природе это апостериорное общественное отношение и некая содержательная величина, и потому они лишь «превращенно» являются, обнаруживают себя, но никогда как таковые. В этой связи интересно и актуально (для ценности и объёма исследований) следующее замечание А. С. Шушарина: - *«в значительной массе даже ученых стоимость понимается утилитарно, экзотерически (до сих пор продолжают вычисляться общественно необходимые затраты, измеряться стоимость, хотя это не измеримые, а лишь так или иначе проявляющиеся, но апостериорные величины)».*

Объем исследования (как и величины стоимости или ценности), говоря словами полилогии, - *«вообще не измеряется в принципе, так как это объективная величина чего-то произошедшего (а отнюдь не происходящего и тем более могущего или должного произойти) в результате «борьбы и согласия», столкновения действий, вообще говоря, всех участников, в том числе в иерархии управления, в дискурсной форме нескончаемого «планового торга», скрывающего за собой само производственное»* логическое соответствие, единый концепт общественного познания. Поэтому деятельность всей иерархии управления нельзя смешивать с субъективными, хозяйственными и т.п. формами и сторонами. Производственная иерархия, как и действия ее участников, столь же независимы от воли и сознания людей, как правила хаоса товарного или информационного производства, диктующие поведение его участников, т.е. объективна.

«Однако и объективное, даже хаотическое, нельзя смешивать со стихийным. Стихийное в его разумном понимании всегда есть действительно нечто объективное, независимое от людей, но именно как господствующее над человеком своей

неподвластной ему силой, как нечто тяготеющее над ним, неблагоприятное, негативное. Поэтому солнечная радиация, вулканические извержения, тектонические сдвиги, ураганы и т.д. сами по себе являются природными, естественными, объективными процессами, обретающими силу стихии только как порождающие бедствия людей. Потому в анализе функциональности (а для нас и в анализе исследований процесса общественного познания - ХАТ) вообще, как и вещественно-продуктового взаимодействия (как и любых других), речь идет только об объективном типе хаоса, но вовсе не о стихийной силе, еще совсем не о «бедствиях»».

Таким образом имеет место динамическое соответствие концептуальной логики «соисполняемых» исследований, включая исследования, выполняемые в процессе руководства и связанные с иерархией административного управления, в целом во всей ультраструктуре общественного познания как производства. В вышеприведённом выражении (6.20) остался не раскрытым и без каких-либо комментариев последний член суммы Dz - объём занятости «нетематическими» исследованиями. Вернёмся к этому несколько позднее.

6.3.2.9. Статусы исследований:

неявная, но основная знаковая форма

Одновременно с множеством постоянно движущихся распорядительных и отчётных (заказ, задание, акт приёмки-сдачи, отчёт, справка, заключение и пр.) *текущих документов*, неизбежно сопровождающих любые исследования, существуют и совершенно другого рода документы. Это, например, положения о группе, о секторе, о лаборатории, об отделе, о б отделении, о НИИ, об академии, о комитете, о министерстве и т.д. Это также положения об учёных степенях и званиях и, наконец, многообразные должностные инструкции. В сравнении с текущими документами эти документы *долговременны, относительно постоянны («неподвижные»)* и никак не связаны с динамикой процесса исследования.

Такого рода документы, представляющие по сути свод неких правил, положений и наставлений, принято называть

инструкциями. Они определяют стандарты взаимоотношений в производстве между агентами исследований всего процесса общественного познания. Соответствующие материальные структуры общественного познания как исследовательского производства порождают и делают необходимыми все эти инструкции как собственные же неотъемлемые материально-знаковые формы.

Из всех исторически известных материально-знаковых форм только деньги вещественно-продуктового взаимодействия, образно говоря, имеют *«чувственно осязаемое, что можно положить в карман, понюхать, пощупать, рассмотреть, а то и даже попробовать на зуб. Так вот, такой же просто «осязаемой», «числовой», овеществляемой знаковой формы или «символического посредника» более ни у каких других (из известных) базовых взаимодействий просто нет объективно (вспомним имя или свойство, вообще антропонимику; в несколько меньшей степени специальность или гражданство, диплом; опять же никак не овеществляемую «прописку» на местности)»*.

В познании, в его исследовательском взаимодействии имеют место материальные знаки, которые лишь проявляются в своих «следах» (как треки заряженных частиц проявляются следами конденсата пара в камере Вильсона), но сами явно никогда не являются в действительной жизни, не «осязаются». Однако, эти невидимые знаки выступают *объективными, материальными и весьма и весьма жёсткими формами* или образными смыслами, хотя они и не тождественны плоти осмысляемого, т.е. самим ценностям.

Расходуемый абстрактный труда, заключённый в объёме исследования, требует для самовозобновления вполне конкретного «прихода», т.е. объем исследования выступает не только как положение исследования среди других, но одновременно и как благосостояние или, лучше, *благополучие, благополучение* агента исследования. Это благосостояние уже не относительная, а абсолютная сторона объёма. То есть это общественная форма (абстрактное) *жизнеобеспечения* (конкретное) агента исследования, безразлично, индивида или коллектива. *«Это благосостояние (благополучие), как определенная форма богатства, не продукты и пр., а тоже форма процессуальной субстанции, поток жизнеобеспечения»*.

Сфера жизнеобеспечения в этой ЧЭФ «общественное познание» здесь также познавательная и представляет собой совокупность *производственных конечных исследований*, которые и обеспечивают, вообще говоря, безразлично, через коллективы или индивидуально, удовлетворение жизненных потребностей в информации и знаниях.

Что же касательно жизнеобеспечения в целом в градации «Общество знания», то продовольственное и непродовольственное обеспечение, жилье, коммунальное и бытовое обслуживание, общепит, транспорт, связь, здравоохранение, отдых, туризм, спорт, учреждения культуры, воспитания, образования и т.д. формируются в соответствующих ЧЭФ. Но доминирует при этом лишь одна – ЧЭФ «общественное познание». Эти перечисленные явления коррелируют со всеми другими взаимодействиями, но базовое (доминирующее) взаимодействие есть «не область, сфера или даже «слой», а объективно-логический тип, или срез, бытия».

Как и агенты всех других исследований общественного познания, агенты конечных исследований получают от обеспечиваемых ими агентов (коллективов и лиц) текущие документы, фиксирующие для управления осуществление этого жизнеобеспечения. Поэтому, когда мы покупаем в магазине продукты интеллектуального труда (аудио и видео произведения, программы, книги, учебники, справочные материалы и т.п.), то, как пишет А. С. Шушарин, характеризуя материально знаковые отношения функционального общества (социализма), - *«уплаченные за них деньги – это совсем не деньги (или не совсем деньги), а документы, выступающие в качестве закрытого нами обратимого наряда (т.е. лишь многократно используемого), свидетельствующего о том, что мы обеспечены магазином»*. В нашем же случае наблюдается нечто подобное, ибо исследование и познание есть функции, но только лишь сферы нематериального интеллектуального, а точнее информационно-знаниевого, производства, то есть общественного познания.

В книге «Теория Информационного общества...» в качестве материально-знаковой формы отношений были рассмотрены и использованы в изложении основ теории, так называемые, «торренты». Однако в параграфе «О трансформации «денежной терминологии...» обоснованно была высказана мысль о том, что в «Информационном обществе» функцию материально-знаковых

отношений будут выполнять всё те же деньги, но наполненные уже новым содержанием и новой организацией системы их использования. Вполне обоснованно предположить, что эта историческая тенденция сохранится и в будущем, то есть термин «деньги» как омоним (слова, имеющие одинаковое написание (звучание), но различное значение) наполнится новым содержанием. Однако при этом термин «деньги» продолжит претендовать на содержательную аналогию со словосочетанием «форма материально-знаковых отношений», то есть окончательно станет историческим синонимом этого словосочетания.

Поэтому в дальнейшем изложении вместо использования взятого из «Информационного общества» термина «торренты», но уже в новом содержании материально-знаковой формы отношений нового «Общества знания» (ЧЭФ «общественное познание»), будем продолжать использовать термин «деньги», что позволит достаточно свободно использовать примеры функционального производства советского периода социализма, в котором так же доминировал объект-процесс. Разумеется, что при этом мы будем исследовать именно процесс общественного познания (ЧЭФ «общественное познание»), помня, что всякая градация есть композиция всех известных чистых эндогенных форм, то есть включает в себя и общественное познание (исследования), которое в реальности будет выступать в несколько деформированном виде под воздействием доминирующей ЧЭФ градации. Указанный приём позволит в значительной мере использовать положения (и цитирование без комментариев) «Полилогии современного мира...» в части эндогенного среза функционального производства применительно к познанию.

*«Формой выражения благосостояния (благополучия) являются **предъявительские потребительские инструкции** («права»), которые совсем не сводятся к заработной плате (ставке, окладу и пр.) и вовсе не только потому, что есть еще формы так называемых общественных фондов потребления. Суть в том, что инструкции являются знаковым проявлением и документной формой адресных, сетевых связей производства и потребления. Поэтому к числу таких потребительских инструкций благосостояния (благополучия) относятся всевозможные ордера, талоны, направления, прикрепления, путевки, свидетельства всяких управленческих, профессиональных, квалификационных, отраслевых,*

научных, зональных, региональных, наградных, воинских, ветеранских, материнских, инвалидных, пенсионных, учебных и пр., а равно учрежденческих (данное подразделение, данное предприятие) привилегий, льгот, выплат, пособий и т.д., конечно, и деньги (зарплаты, надбавки, выплаты, доплаты, премии и т.д.), как просто обратимые, многократно используемые и относительно безадресные документы... в функциональном производстве выражение благосостояния само по себе **многомерно**, потому по форме документно.

<...>

В функциональности всё есть процессы (функции), в главном неоднородные («неконкурентные»), что и обуславливает всю неуниверсальную, всегда определенную адресность сетевых связей, несводимость их форм к одномерным деньгам. Вообще все количественное в функциональности необычно, и математические обработки здесь, видимо, все впереди. (Но нам пока не до них, ибо мы эскизно закладываем «языковые» основы понимания этих структур, предшествующие любым математизациям, да и в той мере, в какой они вообще возможны объективно.) Эта количественная «необычность» наглядно видна уже в иерархии. Так, в отношении цен двух любых товаров можно **точно** утверждать, какой дороже и во сколько раз; в функциональной иерархии можно столь же **точно** утверждать, что директор «главней» начальника цеха, но вот во сколько раз – точного ответа никогда не существует. «Математика» функциональности, образно говоря, подобна алгебре в сравнении с арифметикой товарности, даже, можно сказать, сама образна. Шеф–подчиненный отношение железное, но все равно объективно, как цены, не «вычислимое». В чистой товарности все объективно измеряется деньгами (объективный «механизм»), в их универсальности, безадресности, одномерности и т.д.; в функциональности знаковость, как и сами связи, адресна и многомерна. Так, даже в относительно высокоуниверсальном, в значительной мере безадресном потребительском секторе ордер на жилье, путевка, садовый участок, садик ребенку, поликлиника и т.д. к деньгам несводимы, адресны. Даже обеспечение самыми обычными продуктами питания могло в значительной мере осуществляться через предприятие (внутренние продажи, «заказы» и пр.).»

С другой стороны, даже внешне денежные формы (например, оплата труда в системе РАН, надбавки за учёную степень и пр.) в сущности, да и со всей очевидностью, являются выражением совершенно не стоимостных или ценностных, а исследовательских структур как процессы получения («получки»). Более того, предъявительские (потребительские) инструкции в абстракции чистой симметрии исследовательского процесса общественного познания могут иметь внешне денежное выражение, но все равно имеют нестоимостную и не ценностную природу.

В документных выражениях, в *предъявительских инструкциях трудосостояния* (интеллектуального трудоустройства), фиксируются обеспечение, обслуживание, снабжение, оснащение и т.д. любого исследования как производства в виде всевозможных адресных фондов, лимитов, прикреплений («постоянных контрактов») и т.д. Здесь все исследования проводятся в интересах заданных потребителей и для них, имеют заданных контрагентов входящих исследований (поставщиков), конечно, в динамическом понимании этих диспозитивных связей (сплошных «контрактов», если угодно), которые соответствуют определённому уровню концептуальной позиции, научного мировоззрения и специализации. Последнее обуславливает достаточно высокую степень свободы выбора входящих исследований. Соответственно обязывающими являются и многообразные *императивные инструкции* («обязанности») коллективов и лиц, включаемых в исследования, а в частности в виде заданий на исследования и контрагентских обязательств.

В самом общем случае не только благосостояние, но и трудосостояние (условия труда, его обеспеченность), выступают для человека не всегда уловимой, но реальной ценностью, которую в исследовательском производстве можно назвать **организованностью** бытия. Эта организованность, как это ни печально, способна к превращению в **заорганизованность и дезорганизованность**, в том числе и самого процесса общественного познания. Сами субъективные формы организованности бытия проявляется, в частности, в таких известных явлениях как «социальные и трудовые гарантии», «уверенность в будущем» и пр.

Таким образом, в основе всего этого многообразия, можно сказать, постоянных инструкций, самыми инвариантными

«документами», с помощью которых организуются и обслуживаются исследования в общественном познании как интеллектуальном производстве, *«являются невидимые, но образующие самую глубокую и твердую знаковую (если угодно, образно-смысловую) реальность статусы», статусы исследований* коллективов и лиц. Эти исследовательские статусы проявляются как некие «следы» в предъявительских и императивных инструкциях.

Исследовательские статусы присущи всем – коллективам лабораторий и секторов, отделов и отделений, всевозможных подразделений, НИИ и ОКБ, коллективам объединений и др., в том числе органам управления и руководства, а как *ранги* – и всему занятому и незанятому населению. Непосредственно в общественном познании ранги присущи агентам, прежде всего в виде *простых должностей* непосредственных исполнителей исследований. И, разумеется, - в виде *должностей руководителей*, руководящих исследованиями и, как правило, одновременно административно представляющих (оформляющих и выражающих) соответствующие исследовательские коллективы, а, в конечном счёте, и логическое соответствие исследований.

То есть, - исследовательские статусы и есть *основная знаковая (смысловая) форма* бытия процесса общественного познания, и уже как следствие, - коллективов и лиц.

«Статус – это знаковое (смысловое) инвариантное явление функциональной симметрии, само по себе столь же невинное и нейтральное, как и деньги в товарной симметрии, «прописки» в территориальной симметрии или дипломы в демографической симметрии».

Статусы не существуют явно, они проявляются как следы в совокупности инструкций в сфере исследовательского, познавательного производства, которые как бы фиксируют благосостояние и трудосостояние коллективов и лиц, а также и ранги незанятого населения и прочих трудовых ресурсов. Как в чистой товарности *«агент есть то, «сколько он стоит» (число)»,* так и в чистой исследовательской деятельности *«агент есть то, каков у него статус, но уже многомерный, к числу несводимый, а потому и всегда в чем-то неявный, но глубоко смысловой».* *«Статус суть отношение, жесткая смысловая субстанция, но никогда к своим выражениям не сводимая, ибо предполагает не*

только внешние атрибуты, но и всякого рода авторитетность (а это отношение) коллективов и лиц в их совокупной диспозиции и иерархии.

«Денежным» проявлением статусов действительно являются тарифные сетки, ставки, должностные оклады, пенсии, пособия и т.д., а для коллективов – выступающие в формах «числовых инструкций» фонды заработной платы, другие выплаты и формы оплаты труда». Но все это знаковые формы не вещественно-продуктовых (не стоимостных, не товарных, не ценовых) и не информационно-продуктовых (не ценностных, не контентных, не байтажных), а исследовательских потоковых субстанций благосостояния (благополучия) общественного познания, всегда неотделимых и от каких-то неденежных и неторрентных форм или многомерных адресных связей. Здесь нет никакого продукта, интеллектуального продукта, нет ни стоимости, ни ценности и даже - рабочей и «интеллектуальной силы». Здесь есть только исследование, его объем, который неявно означен исследовательским статусом, проявляемым, лишь в ставке исполнителя.

Вот и сегодня, во времена одиозного капитализма, в силу гетерогенности производства действительной жизни, диктующей неотъемлемость познавательного процесса и исследований, статусы также абсолютно неумолимы. Они проявляются не только вообще (функционально), но и в исследовательском секторе производства, в частности, в виде весьма жёстких нестоимостных структур внутри любого капиталистического предприятия, фирмы, корпорации, или – образовательных и исследовательских структур, даже ТНК и «государственных образований», проявляются в виде исследовательских статусов лиц и пр.

Исследовательские статусы это не юридическое, не имеющее униформного вида материально-знаковое, но глубоко смысловое отношение исследовательского взаимодействия в процессе общественного познания. Они незримо выступают в качестве жёсткой формы и средства производственного согласования самого логического соответствия познавательно-знаниевых и концептуальных величин вполне материальных исследовательских процессов познания. Это ответы на такие вопросы как - какова суть проводимых исследований данным коллективом, для кого и с какой целью, от кого и в каком содержательном объёме, в рамках какой

мировоззренческой концепции, на основе какой научной школы и т.д. *«Они выступают также и в предьявительском качестве выражения объема функции, т.е. в целом трудо- и благосостояния, соединения коллективов и работников, а также незанятого населения, с другими смежными и с конечными функциями. Статусы, как цены товаров, суть тоже, говоря словами Маркса, ярлыки (только сложные), **необходимые**», в контексте излагаемой теории, для всевозможных исследовательских процессов общественного познания, но «ярлыки незримые, «прикреплённые» к самим коллективам и лицам, лишь проявляющиеся в инструкциях.*

<...>

Все это совершенно безобидные нормальные ярлыки, или «символические посредники», в смысле Парсонса, разных базовых взаимодействий. Потому вовсе не невинные сами по себе знаки превращаются в ложные смыслы, фетиши, нелепости, самостоятельную силу и пр., а причиной этому являются соответствующие отношения собственности...».

Исследовательские статусы «прикреплены» к агентам производства как исполнителям исследований сообразно действию закона положения исследований. Они обслуживают логическое соответствие всех исследований посредством управления и руководства в процессах общественного познания и замыкают объёмы исследований между собой в целое и на исполнение конечных исследований.

В общественном познании, как производстве исследований, функция исследований процессуальна, а универсалией выступает той же типологии *процесс*, то есть те же «руководящие» исследования и те же функции административного управления в некой форме самой материально-знаковой деятельности, *«т.е. и особый (специальный), но и самый обычный управленческий труд».* Этот управленческий труд имеет дело с документами, в том числе с оформлением статусов в форме инструкций, которые складываются независимо от самого управления в материальном соответствии исследований и соисполнении соответствующих исследовательских функций.

После краткого прояснения механизма логического соответствия можно перейти к общей характеристике исследовательского равновесия (симметрии), *как «динамической пропорциональности этого гомогенного типа хаоса, игры, суеты, общечеловеческой стихии».*

6.3.2.10. Равновесное состояние в общественном познании

Действительная жизнь есть объективно-логический тип взаимодействия, включающего телесно-духовное общение, трудообмен, соседство, товарообмен, соисполнение, соинформирование, наконец, логическое соответствие выполняемых исследований в процессе общественного познания. Общественное познание (как простое производство) есть определённый тип хаоса в целостной пирамиде исследований, состоящей из *вертикальной иерархии руководства и административного управления* исследованиями и совокупной *«горизонтальной диспозитивной сетью»* со сложным объёмным гиперграфом исследований. Это абстрактное исследовательское производство изобилует неисчислимыми противоречиями, столкновениями интересов участников, при этом они совершенно естественны и жизненны. В логическом соответствии исследований, несмотря на их «логичность» в названии (как и в обмене товарами и контентом), уже заложена возможность общественного противоречия, но до поры до времени условия для превращения этой возможности в действительность и состояние революционности ещё нет.

Исходя из теоретической имманентной замкнутости простого общественного познания, как простого производства, его структура укрупнённо может быть представлена в следующем виде:

– производственные *главные или промежуточные исследования* $Pz_{пр}$, обеспечивающие: внутренние исследования саморазвития познания, конечные исследования, поглощаемые всей прочей действительной жизнью общества, политические исследования;

– производственные *конечные исследования* $Pz_{пр-к}$, дающие жизнеобеспечение всего исследовательского производства и направляемые на «потребление» в $Pz_{к-п}$, $Pz_{к-п}$, $Pz_{к-к}$, $Pz_{к-пр}$;

– *политические исследования* $Pz_{п}$ (оборона, право, идеология, политические учреждения, внутренний порядок и пр.);

– *нетрудоспособное потребление исследований* $Pz_{п}$.

В любой реальной производственной структуре, как и структуре общественного познания, то есть производства исследований, практически не существует равенств типа «затраты–выпуск», «спрос–предложение» и т.п., а есть только потоки в

формах *соответствия* объёмов исследований этих структур, их концептуального единства. Вообще процесс, как известно, есть *«последовательная смена состояний, тесная связь закономерно следующих друг за другом стадий развития, представляющих непрерывное единое движение»*. Агенты производства, владеющие какими-либо различными процессами (но не владеющие носителями этих состояний, самой материальной основой этого развития) при своём взаимодействии в социальной сфере развития общества не могут, в силу природы объекта (отношений) собственности, ни обмениваться ими как, например, вещами, ни накапливать (складировать) их как те же вещи. На этот счёт А. С. Шушарин пишет:

- *«Процессы не складываются (как вещи) и не выражаются в величинах овеществлённых субстанций, а вступают в **соответствия** (несоответствия, рассогласования). Они могут соединяться, разъединяться, дробиться, комбинироваться, стыковаться, расстыковываться, ускоряться, замедляться, гармонизировать, диссонировать и пр., но только не складываться, суммироваться (вычитаться, отниматься)»*.

В общественном познании вообще нет (точнее, -не рассматривается) никакого продукта как *результата деятельности*, а есть только исследования, выражаемые структурами не демографического, не территориального, не продуктового и не информационного, а общественно-познавательного типа, т.е. *структурами процесса общественного познания как особого общественного труда (деятельности)*, можно сказать, всего производства. Грубо и в первом приближении эти структуры не столько численности специалистов исследователей, сколько списки специальных исследований как процессов, но уже не в контентно-продуктовом, а в исследовательском пространстве *знаниенимики* исследовательского производства (какие исследования как работа, для чего и кому, от кого и на основе чего, общая парадигма, концепт и пр.). Сюда же следует отнести и некоторые относительно сопоставимые представления об эффективности и организации процесса исследовательской деятельности, общественного познания.

В подобной ситуации, в связи с функциональным производством, куда, несомненно, входят и исследовательские функции, автор полилогии замечает следующее:

- «... весьма интересно (а именно социологи обратили на это внимание), что известный как экономист С.Г. Струмилин был одним из основоположников изучения бюджетов времени в советской социологии (А.И. Черных). Удивительно сильно! Уже не вещественно-продуктовые структуры существенны, а, неловко говоря, «структурно-занятостные», т.е. технологические, функциональные (и исследовательские – ХАТ). Не затраты–выпуск (продукта) в пространстве вещественного производства, а соисполнение (функций) в пространстве технологизированного производства (и производства исследований, общественного познания – ХАТ)! Вероятно, вполне возможно построение (укрупнённых, в разной степени детализированных) функциональных балансов соисполнения функций, включающих структурно все обеспечивающие и обеспечиваемые связи, а предметно – кроме хорошо известных, домашний труд, воспитание, здравоохранение, обучение, досуг, исследования, оборону, правоохранительную деятельность, наконец, и всюду «рассредоточенное» управление. Константой таких балансов является все социальное время общества в виде всего населения, включая младенцев и старцев, так или иначе участвующего в воспроизводственном процессе».

Этому моменту было уделено особое внимание в разделе «Социальный фонд времени жизнедеятельности общества...» в книге «Теория информационного общества...», а в настоящей работе затронуты лишь некоторые специфические моменты, связанные с теорией общественного познания. Так как общества бывают разные, то и время в них используется различно, в зависимости, прежде всего, от доминирующих производственных отношений, собственно и обуславливающих структуры занятости и пр. в различных сферах действительной жизни и распределение социального фонда времени общества. Поэтому одним из квалификационных признаков доминирующей ЧЭФ может служить высокая доля социального фонда времени, расходуемого обществом на соответствующий этой ЧЭФ тип общественного производства

Очевидно, что работа конечных функций есть одновременно и осуществление «благополучения», которое неизменно соответствует структуре занятости процесса общественного познания. Исходный формализм нормальной жизнедеятельности

этого исследовательского производства заключается в простом положении – общество живёт так, как работают люди, или люди работают так, как живёт общество.

Действие закона положения исследований состоит в том, что в среднем выполняется соотношение, при котором **исследовательские статусы** («в своем предъявительском, потребительском содержании «благополучения», в частности все тех же льгот и привилегий») агентов всех исследований **равны мощности конечных функций**, т.е. благообеспечению. Это есть основная метафора выражения исследовательского равновесия в общественном познании.

Указанное соответствие является объективно-знаковым выражением динамического постинформационного статусного равновесия, то есть - *исследовательского равновесия простого общественного познания* как производства. В этом простом производстве не существует ни «прироста» (прибыли) ни «оборота», так как исследовательское производство как абстрактный гомогенный тип (типология) вообще обходится без торрентов (безденежно), ибо представляет некую знаковую сферу соответствия и соисполнения, образно говоря, - «внутри фабрики». Поэтому в градации «Общество знания», которая есть композиция всех известных «абстрактных гомогенных типов (типологий)» чистых производств (ЧЭФ), всяческие «торрентные и денежные» явления если и есть, то это уже постинформационные и постэкономические способы расчётов, которые подчинены исследовательской статусной структуре и исполняет её в торрентно-денежном оформлении.

Базовая симметрия исследовательского равновесия ортогональна прочим типологиям, но внутри себя многомерна в этом равновесии. Здесь нет лишних, необеспеченных статусов, а потому нет внешних «длинных» очередей; нет невостребованных, в том числе конечных исследований; нет бесполезной интеллектуальной деятельности и недостающих статусов; все потоки исследований сбалансированы; нет переоснащений и недооснащений исследований; нет бездеятельности или перенапряжений; нет «лишнего» управления и т.д. То есть, - здесь нет систематических отклонений, несмотря на всю динамику этих инвариант.

Таким образом, синхронность этого абстрактного общественного производства исследований заключена в

равнонапряжённости интеллектуальной деятельности на всех участках и этапах исследований (производства, руководства и управления). Действие же закона положения исследований проявляется в балансе и равновесии всего динамического хаоса интеллектуальной деятельности исследований, неизменного логического соответствия исследований, так и обеспечения работников (агентов производства) сообразно их (научно) исследовательским статусам. Понимание исследовательского равновесия как объективного типа социальной симметрии есть понимание его *«социальной нейтральности, в том числе как своего рода неравноправного (начальники–подчиненные) равенства (или «неравно равноправия», или «справедливого неравенства»)»*.

Известно, что человек есть «продукт отношения». Поэтому, кроме известного современному капитализму «экономического человека», теперь, согласно полилогии, имеем «органического человека», «демографического человека», «территориального человека», «функционального человека», «информационного человека» и, наконец, «познающего человека» («человека знания», «человека-исследователя»). То есть в чисто исследовательском производстве (производстве одной типологии «общественное познание и исследование») как типе симметрии есть только «исследующие люди», агенты-исследователи (коллективы и лица), которые обезличено представлены исследовательскими статусами. Понятно, что в реальности, а не абстракции, человек не может быть и только «познающим человеком». Равно человек не может быть только «экономическим», или только «функциональным, или только «информационным» и т.д., что достаточно подробно проясняется в более полном анализе градации.

Производство исследований содержит в себе множество, напоминающее хаос противоположностей *«между поставщиками и потребителями, между ячеистым и общественным трудом, между руководителями и подчиненными, между индивидами и коллективами, между смежными коллективами и т.д., но все это пока как раз те самые естественные противоположности, которые (как писал Маркс в анализе товара) «требуют только», чтобы индивиды относились друг к другу как агенты соисполняемых функций (а в данном контексте - «исследований», - ХАТ), и не более того»*.

Однако такое простое однотипологическое производство объективно *крайне неустойчиво*, а тем самым и физически как таковое в принципе никогда не возможно. Такое простое исследовательское производство общественного познания как таковое, предоставленное самому себе, легко и в мгновение ока выродилось бы в свою критическую, кризисную и предельную форму. Однако, как составной компонент, специфический или фоновый уклад, простое информационное производство может быть динамически стабильной частью реального производства, ибо оно свободно от господствующей формы, хотя и находится под его влиянием и деформировано им.

Это описание абстрактного базового взаимодействия, типа симметрии, «объективной нереальности» или «нереальной объективности», наконец, родового «идеального типа», и есть сама внутренняя логика этого простого базового производства общественного познания. Приведённое рассмотрение исследовательского функционального взаимодействия в общественном познании, его элементарные формы позволяют задать и ввести в оборот *«фундаментальную лексику и грамматику»* политического общественного познания. Это вооружает читателя *некоторым «минимумом «слов», с помощью которых можно будет двигаться дальше «без перепутывания всего»*.

Всякое производство осуществляется людьми.

Так, например, информационный рынок «Информационного общества» как один из базовых механизмов, по сути синоним *информационного обмена*, и есть абстракция выражения чисто контентного (информационного) равновесия как только одного вполне определённого механизма, регулирующего действия людей своими правилами, усредняющего и нивелирующего все субъективное в информационно-продуктовом базовом взаимодействии. В этом механизме все миллионы конкретных получателей-потребителей и распространителей информации исчезают, уступая место типам объективных агентов («информационных людей»), действующих только по законам симметрии именно этого базового движения, где нет простаков и рвачей, а все просто нормальные производители контента, его потребители-получатели и распространители (реализаторы).

Далее, в историческом восходящем развитии, следует механизм *логического соответствия* соисполняемых исследований

в «Обществе знания» посредством системной иерархии руководства и управления. Это, в сравнении с предыдущим, уже другой объективный механизм, который усредняет и нивелирует все субъективное в общественном познании, в котором множество конкретных исполнителей-исследователей, руководителей, начальников и подчиненных, коллективов полностью исчезают, уступив место типам объективных агентов («познающих людей», и их групп). Эти агенты действуют по законам (симметрии) функционального движения исследования в общественном познании как производстве, в котором нет плохих и хороших, а все нормальные участники, где так же «каждому – по труду», но уже другого общественного типа.

Но неизбежно возникает вопрос, - *«почему же столь невинный, нормальный механизм соисполнения привел ко всем известным аномалиям, в общем виде имеет в точности такой же ответ, как и ответ на вопрос, а почему же столь невинный, честный рынок привел к беспардонной власти капитала и денег над людьми, к всепоглощающей погоне за наживой, безработице, стихии кризисов и пр. Ответ же на этот вопрос – в собственности»*. Однако теперь уже речь пойдёт не об имеющейся ввиду собственности на известные средства производства и не собственности на контент (информацию), о собственности на общественное познание, о существовании которой до сего дня *не подозревают* даже нынешние «продвинутые экономисты».

Рассмотренная система общественного познания построена на «хорошем» (нейтральном) основании, которую мы эскизно представили как симметрию, как «объективную нереальность» (или «нереальную объективность»). В полилогии А. С. Шушарин образно сравнивает социальные заболевания общества «с нарушением обмена веществ (*«метаболизм», экономические отношения»*). В частности, он сравнивает заболевание советского социализма – с «нервным заболеванием, нарушением нервной системы, осложнившим и все остальные подсистемы». Продолжая эту аналогию, можно говорить и о заболеваниях «Информационного общества» как о заболевании 1-ой и 2-ой, знаковой (речь, слово), сигнальных систем.

В этом ряду сравнений следует упомянуть и мышление как познавательную деятельность индивида, с которой связаны заболевания в области физиологии мозга, ведущие в социальном

плане к нарушениям мыслительной деятельности в словесно-логическом аспекте его выражения. Наконец, переходя к изучаемому «Обществу знания», можно говорить уже и о коллективном мышлении как об общественном познании и о заболеваниях 2-ой сигнальной системы общества и общественного мышления. Но, как пишет А. С. Шушарин, - *«чтобы вылечить это основное заболевание, а не ликвидировать (как это часто предлагается, а сейчас и реализуется) саму нервную систему (заодно с организмом, сначала и надо было понять, а как вообще работает эта нервная система абстрактно-нормальным образом, что мы эскизно и проделали)»*. В данном контексте, в первую очередь, следует иметь в виду общественное мышление и коллективный интеллект.

6.3.2.11. Генезис общественного познания

Начиная раздел о генезисе линейной формы социализма, А. С. Шушарин пишет:

- «Ранее мы уже рассматривали, как на «хорошей» основе вырастает «дурное», как нормальное социально-биологическое взаимодействие превратилось в животную эгоистичность, как нормальное демографическое взаимодействие превратилось в «военные общества» и в рабство, как нормальное местное взаимодействие превратилось в тиски автаркии, как нормальное вещественно-продуктовое взаимодействие превратилось в капитал. Теперь начнем уяснять, как нормальное функциональное взаимодействие превратилось в молох (производственный –ХАТ) линейной формы. Разумеется, речь здесь пока идет о «превращениях» не в историческом, а в логическом смысле».

Попытаемся продолжить этот исторический ряд «как на «хорошей» основе вырастает «дурное»», но уже обращённый в будущее постсоциализма. Напомним, как нормальное информационное взаимодействие превратилось в «трекерс» (информационный капитал) и породило информационное неравенство. Покажем, как нормальное взаимодействие в процессе общественного познания может превратиться в молох исследований, во всепоглощающее онаучивание всего и вся, в оковы для любой деятельности, не освещённой наукой.

Общая логика генезиса общественного познания имеет своим истоком извечную гетерогенность действительной жизни общества, которая была уже в глубокой древности. Однако став господствующей, исследовательская жизнедеятельность проявляет свои глубинные « пороки », *«превращая свою же естественность в противоположность неестественного, деформировав и все остальные, в том числе ранее снятые, экономические, территориальные и др. базовые производственные отношения»*. Разумеется, что в целом это пока прогнозируемые предположения, которые, однако, можно встретить и сегодня в индустриальный период развития социума, правда, часто в весьма необычном, деформированном виде в обществах капиталистической и социалистической ориентации. И не только «встретить», но и изучить.

Новая ограниченная (необщественная) собственность на общественное познание в самом первом, «компаративистском», понимании представляет собой общественную форму преодолевающей строй «Информационного общества» или обходящего его «онаучивания», общественного познания как производства. То есть эта общественная форма представляет утверждение нового способа производства, более высокого производственного порядка приучения общества, людей к дисциплине всеохватывающих исследований как основы жизнедеятельности и соответствующих общественных взаимоотношений. Суть этого развития состоит в том, что каждая следующая форма, с одной стороны, накладывает на взаимоотношения людей новые ограничения и запреты, а с другой, будучи более слабыми, чем ранее, эти ограничения и запреты таковы, что *освобождают человека* и все более защищают его от ранее торжествовавших несправедливостей, несвобод, угроз.

Соответствующее возрастание свободы человека при восходящем движении по ступеням доминирования (главенствования) эндогенных форм означает усиление (увеличение) внутренних ограничений человеком собственных действий в отношении к другим людям. В ответ, образно говоря, и для других людей эти нежелательные действия также становятся невозможными. Таким образом с каждым шагом в этом движении по ступеням формируется и достигается все более высокий «отрицательный (запрещающий) консенсус». В этой связи А. С. Шушарин пишет:

- «Так, образно говоря, рабовладение запрещает уничтожать других людей, относиться к ним как к зверям (здесь и далее имеется в виду только эндогенно); феодализм запрещает рабство, отношение к человеку как к вещи; капитализм запрещает прикрепленность производства и людей к местности; линейная форма запрещает эксплуатацию (в ее строгом понимании). Эти отрицательные консенсусы необратимо накапливаются нарастающим итогом, соответственно проявляясь в морали, праве, институтах. Но в каждой новой форме вырабатываются (выявляются) и новые, положительные консенсусы. А вот с ними и происходят диковинные логические метаморфозы. При преодолении первобытности, так сказать, положительно договорились – пусть все люди воспитываются, обучаются, работают и пр., короче, просто живут, но без нарушения этого договора получилось рабство; при преодолении рабства договорились – теперь все не рабы, граждане, соседи, но без нарушения этого договора получились тиски феодализма (автаркии); при его преодолении договорились – пусть все честно торгуются по взаимным соглашениям независимо от местности, но без нарушения этого договора получилась эксплуатация; при эндогенном преодолении капитализма далее договорились – пусть все работают по согласованным планам, но без нарушения этого договора исторически быстро получилась линейная форма со всеми ее уже новыми негативами».

Далее, - при эндогенном преодолении линейной формы (социализма – см. «Теория «Информационного общества...») договорились, что все честно обмениваются контентом (соинформируют друг друга) в информационном рыночном пространстве по взаимным соглашениям с опорой на текущие ценности и независимо от статусной иерархии, однако без нарушения этого договора получилось информационное неравенство и борьба за приращённую ценность. При эндогенном преодолении градации «Информационное общество договорились, – пусть все работают согласно логике соответствия и в концептуальном единстве по свободно согласованным договорам, но при едином руководстве и индикативном программно-целевом планировании без нарушения этого договора похоже, что непременно возникнут новые, «свои родные», негативы.

«Вот и получается, что каждая новая форма необратимо сбрасывает недостатки предшествующей (отрицательный консенсус, восхождение), но при каждый раз более высокой и честной игре по «договоренным» правилам (положительный консенсус) сразу обретает новые несвободы (диссипации) и постепенно обрастает ими. В образах синергетики это значит, что восходящий негэнтропийный шаг ведет к снижению состояния или росту энтропии («свертывание сложности», «сжатие» по Дж. Николису, и др.), хотя уже на новом, более высоком негэнтропийном уровне производства и воспроизводства действительной жизни. В образных формах выражения это же значит, что «социальная материя» уже в новых условиях подъема, на более высоком уровне, но все равно «изыскивает» самый простой, легкий («падающий», энтропийный) вариант состояния («потенциальная яма»), который рано или поздно неотвратимо обнажается как обезчеловечивающий людей. ... Образно и даже условно-оценочно говоря, и если исключить всякие переходные процессы и внутрисистемные эволюции, каждый эндогенный шаг ведет к установлению «худшего» из возможных (энтропийного) порядка, но на уже «лучшем», из всех предшествующих, уровне этого порядка».

6.3.2.12. Групповой фетишизм и первые соображения о мифах вокруг «коллективизма»

В процессе созидания теории общественного познания неоднократно, как синонимы, использовались наряду с «общественный» так же и такие прилагательные определения как «коллективный», «коллективистский», «групповой».

В нашем обществе понятие «коллектив» идеологизировано преимущественно в положительном смысле. Однако, как утверждает А. С. Шушарин, - «...даже для классического марксизма главное вовсе не коллектив, а человек, точнее, познание обезчеловечивающего и действие ради человека.

<...>

... нам еще долго предстоит привыкать к тому, что коллективы могут не только, говоря словами В. Высоцкого, делать ракеты, перекрывать Енисей и достигать успехов в области

балета, но и «совершать» Чернобыль, поворачивать в никуда реки, паразитировать, заниматься бессмысленной деятельностью, поедать друг друга, запрещать строить у себя позарез нужные всем объекты, покрывать бездельников и пр. Коллектив может являться носителем святого патриотизма, интернационализма и быть толпой озверелого шовинизма, национализма, экстремизма. Короче говоря, в связи с коллективизмом теперь начинает выявляться колоссальная амбивалентность: коллектив и высокое, и тормозящее; доброе, сплывающее, но и обезличивающее; коллегиальность – это и обсуждение, дискурс, но и «коллективная безответственность» и т.д. А «вся штука в чем, – писал, кстати, еще Энгельс, – ассоциация как таковая, взятая абстрактно, разумеется, в такой же степени зависит от условий, как и всякое **отношение**» (заметим наперед, отношение). Стоит напомнить, особо ортодоксам, еще и мысль Ленина, что общество, построенное на обмене, – тоже ассоциация, тоже некий «коллективизм».

Поэтому у христианских философов коллективность (ассоциативность, солидарность, коммунальность А. Зиновьева, общность, общинность, артельность и пр.) – это еще соборность и пр., и мы легко можем допустить ошибки (как у Э. Дюркгейма), поскольку приближение к субъектной стороне правильно возможно только после уяснения всей совокупности **материальных условий бытия**, производственных отношений. Ведь в конце концов понимание человека как совокупности всех общественных отношений (а другой познавательной социологической установки фундаментального порядка быть не может), уже предполагает, что и форм коллективизма с их полилектикой негативности и позитивности огромное количество, от семейного до вселенского. С чем и можно будет разобраться только после переуяснения всех материальных отношений...».

Поэтому в значительной степени важно сделанное примечание по этому поводу в отношении социализма, что не менее важно и в отношении общественного познания и его «Общества знания», а именно: - «основная-то суть социализма символически репрезентируется не столько метафорой «коллектив», сколько бывшим универсальным обращением «**товарищ**». И это безмерно разные вещи.

<...>

В нас укоренилось представление, что коллектив есть некий субъект; и это «автоматически» фиксируется и экзотерическим, хозяйственным правом в виде субъекта права, как юридического лица – предприятие, колхоз, совхоз, НИИ, орган управления и т.д.

<...>

... речь идет о некоторых совокупностях людей, обладающих более или менее существенным общим признаком самой разной природы. Потому же в обществе никаких субъектов, кроме людей, нет и быть не может; но людей, так или иначе объединенных единством ли идей, организации, интересов, даже чувств, действий, порыва и пр., обладающих чем-то общим или просто одинаковым и т.д., мы всегда кратко и в этом же смысле условно обозначаем в форме некоторого «субъекта».

<...>

Приписывать коллективу статус субъективности, т.е. говорить применительно к коллективу о «сознании», «волеии» и «чувствовании», – точно пишет В.С. Малахов, – можно только метафорически». Хотя тут же надо заметить, что в то же время совокупность людей иногда может выступать и в качестве субъективированного «актера», например в виде озверелой толпы или благородно воодушевленных широких масс.

*Тем не менее когда говорят «коллектив сделал», «решил», «проявил самостоятельность», «ответил», «постановил» и т.д., то за этими условными, обыденными понятиями, суждениями, проскальзывает глубочайшая фальшь. Коллектив не может «сделать», «решить», «проявить самостоятельность», «ответить», «постановить» и пр., ибо все это могут делать только люди. Коллектив – это **форма связи, отношение** людей определенной совокупности; отношение, которое, вообще говоря, в зависимости от условий с равным успехом может как раскрывать способности людей, так и превращаться для людей в невыносимые тиски».*

Таким образом, деятельность групп и коллективов находится «в зависимости от условий», в том числе и исторически обусловленных. И хотя, как выше утверждал В. С. Малахов, - «говорить применительно к коллективу о «сознании»... можно только метафорически», говорить о «сознании», о «мышлении» коллектива и, тем более, об общественном познании можно и нужно. Да, общественное познание далеко не есть познание

индивидуума или его сознание и мышление, но это и не утверждается, ибо это бесспорно различные объекты как агенты производства, хотя и имеющие много общего.

Однако в той степени, в которой общественное познание рассматривается как взаимодействие агентов в процессе общественного производства нового знания, в той же степени объективно возможно и необходимо рассматривать познание (исследование) как общественную функцию коллектива исследователей как основного агента общественного познания общества знания. А это вновь возвращает нас к таким понятиям как «коллективное сознание», «коллективное мышление», «коллективный интеллект». Да, пока это некие праобразы аналогии коллективного к индивидуальному сознанию, мышлению и интеллекту. Но, можно сказать, что и у индивида и его мозга это «форма связи, отношения» на уровне «молекулярно-клеточного» рассмотрения физиологии жизнедеятельности мозга и центральной нервной системы человека.

В этой связи знаменательны заключительные слова автора полилогии по поводу и, как он пишет, «вокруг коллективизмов»:

- «коль скоро главным «анонимным» агентом (а такая «анонимность», напомню, – имманентное свойство «идеального типа» абсолютно любой системы производства) является группа, то это значит, что именно отношения, собственность, ее объект (технологии) и порождают такого агента...».

Поэтому далее – не просто об объекте-процессе «общественное познание», а в аспекте прояснения, соответствующих доминирующих производственных отношений и отношений собственности как исследовательских отношений.

6.3.3. Отношения собственности на «общественное познание»

6.3.3.1. Таинства собственности на «общественное познание»

Трудность уяснения сути собственности на общественное познание, равно как и собственностью на функции или на информацию, в условиях господства капиталистических (экономических) производственных отношений начинается с того простого осознания, что эта собственность в существующем

мышлении воспринимается в прагматизированной форме как нечто совершенно само собой разумеющееся. А это означает, что собственность воспринимается непременно как нечто «экономическое», ибо иного и нет, не видно. В нынешнем потоке предложений как нам обустроить экономику России, во всем океане «сумасбродных» экономических идей предлагается иногда черт те что, - от реставрации монархии до откровенной капитализации информации и знаний. Однако сама суть восходящего развития общества остаётся скрытой за вечной и неизменно неприкасаемой частной собственностью на «средства производства». Эта суть скрыта за товарно-денежными отношениями по поводу чего угодно, ибо, если это продаётся (а иного и не ведают), то это и есть товар.

Общественное познание в сравнении со средствами производства – объект необычный. Однако, в чем-то подобные объекты ранее уже упоминались, так, например, это «принадлежность к племени (коллективу)» как естественное условие производства, обозначенная в терминах как «общая жизнь». Этот объект-процесс во времена первобытности находился в жесточайшей узурпации, в ограниченной, необщественной животной собственности. Общественное познание – это процесс, состоящий из выполняемых коллективами (учёных) обычных взаимосвязанных исследований, то есть интеллектуальной деятельности. Такая деятельность есть система сгруппированных по специализации диспозитивных и иерархических процессов производства нового знания, которые выступают в качестве доминирующего базового объекта ограниченной господствующей собственности, господствующих отношений собственности.

Подобным образом при феодализме обычное пространство производства («живущая пашня», «производящая территория») также выступало доминирующим объектом отношений собственности, на преодоление которых понадобились века прогрессивной борьбы за более передовые капиталистические порядки. Наконец, в прошедшем столетии, этот же, ставший уже привычным, экономический способ производства уступил место социализму и праву доминирования такому объекту-процессу как технологии (функции, работа).

В этой связи А. С. Шушарин пишет:

- «Тяготеющее проклятье» в сложившемся мышлении состоит все в том же утилитарном, одномерном, имущественном (вещественном) понимании объектов собственности. Между тем собственность – это общественный способ связи труда и его условий, производственные отношения людей по поводу некоторого доминирующего объекта обстоятельств производства. Но именно различие этих объектов и обуславливает в исторических формах отношения собственности, логически радикально отличающиеся друг от друга. В первобытности собственность на общую жизнь образовала чисто групповые отношения; собственность на рабов надстроила над собой многоклассовую структуру; собственность (классическая) на пространство производства оказалась натурально (парцеллярно) иерархической; собственность на средства производства логически наиболее проста, дихотомична (классическая). Хотя и ее постижение шло по сути не одно столетие. В линейной же форме отношения со средствами производства уже не имеют ни малейшего отношения к сущности действительной собственности на технологии, хотя последняя способна сильнейшим образом деформировать движение средств производства, отношения с ними (экономические отношения). Ни один коллектив (...) уже не является собственником средств производства, которые в линейной форме обобществлены, хотя подчас сильнейшим образом может влиять на их движение, использование, качество и т.д.»

В общественном познании отношения по поводу информации и контента программно-информационных средств производства уже не имеют ни малейшего отношения к сущности действительной собственности на общественный процесс познания, хотя он (процесс познания) способен значительно деформировать движение контента программно-информационных средств производства, отношения с ними (информационные отношения). Ни один коллектив уже не является собственником информации и контента программно-информационных средств производства, которые в обществе познания (и нового знания!) обобществлены, однако это не исключает возможность сильнейшим образом влиять на их движение, использование, качество и т.д.

Так, даже наблюдаемое в наше время варварское и разрушающее отношение к информации (фальсификация истории и

«переписывание» биографий и исторических событий) и контенту программно-информационных средств производства, находящихся в общем пользовании некоего исследовательского коллектива, как раз и означает священность и неприкосновенность *системно-сетевой иерархически-групповой собственности* на табуированный процесс общественного познания. При этом, естественно, с уже ослабленными (снятыми) информационными отношениями, если говорить о будущем обществе знания! Бытующие речевые обороты типа: «наше (моё) исследование показывает», моя (не моя) или наша (не наша) исследовательская группа, лаборатория, наша научная школа, наука и т.д., - являются простейшими и бесспорно субъективными социально-семантическими проявлениями собственности на общественное познание в форме исследовательских «статусов как доминирующих смыслов бытия».

Это *«наипростейшее «изоморфное» свойство любого базового объекта как раз и расшифровывает его, как всегда, определённую ценность для человека (иначе – «пустой звук») и одновременно общественную форму богатства (как благополучия), в связи с которым и складываются отношения людей, собственности»*. В анализируемых исследовательских процессах как общественном производстве *богатством (благополучием) и являются процессы общественного познания*, то есть общественные формы системно-сетевой, свободной, но взаимосвязанной *интеллектуальной деятельности*.

В градации «Общество знания» общественное познание является собственностью временного или постоянного исследовательского коллектива. Этой собственностью как совместным и взаимосвязанным процессом интеллектуальной деятельности распоряжается (по существу, а не во внешнем, юридическом смысле) по своему разумению каждый обособленный *коллектив (с его же руководством и администрацией), а не общество*. Эта возможность распоряжаться есть сама собой разумеющаяся естественная данность, абсолютно нормальная и морально-положительная. Поэтому все то, что мешает этой собственности, выглядит также естественно предосудительным. Несмотря на всё «внешнее управление», то есть несмотря на заявки, договора и техзадания, вечно меняющиеся условия и возможности, потоки поступающих результатов исследований, несмотря на планы, указания, инструкции, директивы и нормативов, реальное

распоряжение процессом познания, расстановка и выбор исследователей, организация процесса, использование информации и контента программно-исследовательских средств производства, *«незыблемо как гранит остаются святым, кровным делом коллектива, так что и в голову, даже отдалённо, не может прийти, что вообще может быть как-то по-другому. Дико и подумать».*

Поэтому беззаветная преданность учёных науке, как и каждого из мира познающих, к своей интеллектуально-исследовательской деятельности, суть проявление главной ценности – принадлежность и участие в общественном познании. В этом заключены истоки той самоотверженной работы учёных в условиях разрушающего для науки воздействия власти за последние два десятилетия, а теперь и разрушения «хозяйственным реформированием» самого бастиона науки – РАН. Таким образом во всём этом наблюдается очевидное проявление именно собственности на познание, на общественное познание. Но именно от познания во всех вариантах современной социологии экономизма это понимание табуировано, - закрыто от того же общественного познания.

Оглядываясь на прошедшую историю человечества, нетрудно заметить, что, как напоминает автор полилогии, - *«в свое время была собственность на рабов, которыми рабовладельцы и распоряжались по своему усмотрению, а в течение тысячелетий даже выдающимся мыслителям и в голову не могло прийти, что может быть как-то иначе; была собственность крестьян на двор (парцеллу), лестницы феодалов на владение, в которых они, несмотря на все повинности (службы), распоряжались по своему разумению, а мысль о том, что это и есть тиски формы собственности на «пространство производства», классического (натурального) феода, и в голову не могла прийти (а в теориях и до сей поры не приходит); была (а при капитализме сохраняется) собственность на средства производства, которыми капиталист, может быть и не сам, несмотря на все внешние коллизии, налоги и пр., распоряжается по своему разумению, как и нереволюционный рабочий, торгующий своей рабочей силой. А вот до поры до времени все это кажется настолько естественным, извечным, необходимым, от самой природы данным (вспомним у Аристотеля – «рабы по природе»), освещенным всеми богами, моралью и*

*правом, что с рассудком просто несовместимо, что собственность общинников на общую жизнь, рабовладельцев – на рабов, феодалов – на их владения (пространство производства, «живущая пашина»), капиталистов – на средства производства, включая и владельцев рабочей силы, и, наконец, иерархических коллективов – на технологии и образует **самое ядро преходящих систем, глубинный источник всех несправедливостей** и т.д., нарастающих все более по мере развития производительных сил человека».*

*Этот нарастающий ряд на данный момент развития полилогии необходимо продолжить в будущее собственностью трекерсистов («информационных капиталистов») – на программно-информационный контент (как абстрактные информационные средства производства), включая, пусть и свободных, но всё же владельцев интеллектуальной силы, и, наконец, собственность системно-сетевых иерархических исследовательских коллективов – на общественное познание, которые продолжают формирование этого **ядра будущего общества знания, глубинный источник всех его будущих «несправедливостей»**.*

Далее А. С. Шушарин продолжает:

*- «Но до поры до времени сама мысль о том, что данная собственность преходяща и именно она, конечно, как именно доминирующая, и порождает все пороки данного общества, кажется чем угодно: глупостью, несурезицей, нелепицей, экстравагантностью и т.д., – ибо **диссонирует со всем социальным миропониманием индивидов, со всей укоренившейся практикой**, и просто когнитивно не сопрягается с господствующим во всех головах языком и мышлением, менталитетом данного общества. (А в нашем контексте, тем более, ибо речь идёт о будущем, о том, что ещё никогда не было. – ХАТ.) Ведь именно эта собственность и обеспечивает форму благосостояния (благополучия), является исторической доминантой всех ценностей для человека, основой смысла бытия в данной системе, способом организации труда и всего производства. Между тем именно самостоятельность людей **как собственников** в отживших с некоторых пор формах производства напрочь и лишает самостоятельности людей **как людей»**.*

Поэтому, обращаясь к собственности на общественное познание, в науке, в социологии, мы не имеем пока *даже утопистов* с их наивными, но уже начавшими нащупывать собственность представлениями.

Да, собственность на общественное познание имеет весьма непривычный «логический рисунок» и саму субстанциональную плоть как процесс. К ней субстанционально близки технологии функционального производства, но в отличие от них познание разовый, неповторяющийся акт (процесс). Поэтому вполне допустим следующий образ.

Положим, что в недавние советские времена директор некоего НИИ всех собирает и заявляет: по совместному с министерством решению, в целях обновления, с завтрашнего дня половину из вас увольняю. «*Что будет?*» Обращения в суд, вероятно, не будет, но весь коллектив, учёный совет, ведущие доктора, профессора и специалисты, комсомол, профкомы, парткомы... «*встанут на дыбы*». Потому такого нигде и никогда не бывало.

Таким образом, сразу становится ясно, кто именно «хозяин» производства, а точнее даже, где сосредоточена доминирующая «*священная*» собственность на общественное познание. И даже в условиях капитализма, известный пример реформирования Российской академии наук вызвал неумолкающее до настоящего времени море протестных выступлений, писем, заседаний, конференций, конгрессов, образования общественных движений и т.п. в защиту российской науки, российских учёных.

6.3.3.2. Логическая структура собственности

Собственность на общественное познание имеет, по сравнению с предшествующими историческими (эндогенными) формами, новый, *системно-сетевой иерархически групповой* характер. То есть в своей группоиерархичности формально напоминает социалистическую, *функциональную собственность* на технологии (процесс «работы»). При этом по своим логическим элементам и концептуальному единству в процессах исследования собственность на общественное познание формально напоминает некую целостность, *системность* в построении этих отношений собственности во всей жизнедеятельности общества. В то же время

каждое целостное исследование формально формируется как *сеть* однократных частных исследований.

Каждый раз, обращаясь к подобным формальным аналогиям, мы пытаемся оттолкнуться от того несомненного исторического факта восходящего развития общества, что, как отмечает А. С. Шушарин, - *«каждая последующая эндогенная форма, несмотря на свои новые пороки (и, конечно, в пренебрежении при ее фундаментальном анализе любыми одиозными формами), в производственном содержании на ступень выше, негэнтропийно сложнее и свободней предшествующей».*

Анализируя подобный, но исторически предшествующий этап эпохального развития, он пишет:

- *«Основа эндогенного (классического) феодализма, напомним, суть натурально-парцеллярные формы («двор»), а все корпоративные (групповые) элементы являются только дополнительными (община, дворянский корпус и т.д.) или потенциальными (цеха). В линейной же форме в этом отношении все наоборот, основа – именно групповая форма (эффектно проявляемая в «собраниях»), а относительно персонифицированные элементы (руководство, «бюрократия») здесь лишь вспомогательны. Административная иерархия же, и территориальная (натуральная), и функциональная (технологическая, отраслевая) – это обслуживающая основные элементы управленческая сторона, но и как объективная, материальная, производственная форма, ультраструктура (институт)».*

Здесь важно отметить несомненную историческую тенденцию ослабления административно-иерархического начала и усиление *«корпоративного, группового»*, когда групповые тенденции формируют некое целостное, самоорганизованное, логическо-концептуальное единство. Это во многом повторяет утверждаемое д.б.н. Е. Н. Пановым в книге «Бегство от одиночества. Индивидуальное и коллективное в природе и в человеческом обществе» (М.: Лазурь, 2001, 640 с.) *«стремление биологических тел кооперироваться с себе подобными».* Соответствующая закономерность таких явлений вводится им под одним общим наименованием: *«Сродство частей к целому»*, а *«способность клеток активно перемещаться и взаимодействовать друг с другом в соответствии с определёнными правилами позволяет сегодня учёным говорить о «социальном поведении» клеток».*

С другой стороны, имеет место сращивание иерархических начал и администрирования с собственно самим производственным процессом, в данном случае с общественным познанием, в форме некоего руководства исследованиями. Это как бы создаёт для формирующегося «корпоративного и группового» социального организма исследовательского сообщества свою нервную систему, обеспечивающую функционирование как единого целого процесса получения нового знания в чистой эндогенной форме «общественное познание» общества знания.

В результате доминирования этих тенденций градация «Общество знания» всё более приближается к образу некоего праорганизма нового трансгуманистического будущего человечества, разумеется, с большой долей метафорического восприятия.

«В чистом понимании капитализма по самой его природе ни один отдельный капиталист, ни государство не в состоянии заметно повлиять на весь ход хозяйственного развития. ... В линейной же форме (социализма – ХАТ) государственная политика действительно обладает возможностями относительно больших хозяйственных сдвигов как отраслевого, так и регионального масштаба, или в «кампаниях». ... Действительно, хозяйственная политика государства (а точнее сказать, хозяйственно-политического центра) в этих формах может переструктурировать ход производства с относительно высокой произвольностью тех или иных отдельных разворотов, но вся эта хозяйственная политика суть облачный дым в своем воздействии именно на производственные отношения, собственность, коль скоро они обрели черты целостности, «урегулированности и порядка».

<...>

В парцеллярно-иерархической (автаркической) форме собственности потому необходимое замыкание формы в целое сходится на вершине номинального монарха, которому, как писал Гегель, «присуща недействительность чего-то абстрактного», «остается лишь поставить свое имя». (Хотя, повторю, это весьма существенный момент всякой социальной целостности.) А в группо-иерархической форме собственности на технологии (с «собраниями») все на этот счет оказывается несколько «туманней», здесь все сходится, т.е. осуществляется замыкание

иерархии как отношения в абстрактном, но анонимном (групповом, с «собраними») объективном центре («Совмин», «Госплан» и пр.), тоже номинальном, лишь формально персонализированном, т.е. в котором, как говорится, и концов не сыскать. Функциональный центр (в объективном, эзотерическом содержании центра материальной же ультраструктуры) – это просто объективный орган высшей инстанции согласования исполняемых функций. ... Центр постоянно, лишь формально фиксирует своим статусным факсимиле факт согласования (в том числе перемен, текущих – плановых, локальных – титульные списки, общих – компании, крупные проекты), а потому действует с таким же автоматизмом в системе линейного производства, с каким действуют объективные («анонимные») агенты, вообще говоря, любого способа производства в его чистом и строгом смысле».

Историческая тенденция налицо, - идёт последовательное размывание властных полномочий исследовательского центра. В системно-сетевой иерархически групповой форме собственности на общественное познание необходимо замыкание формы, с одной стороны, как бы по-прежнему остаётся в центре ещё существующей материальной ультраструктуры руководства и управления исследованиями, а с другой – вместе с руководящим центром постепенно поглощается самим саморегулируемым процессом исследований общественного познания. То есть научный руководящий центр есть всего лишь объективный орган высшей и весьма «демократичной» инстанции согласования концептуального и логического соответствия исполняемых исследований.

Иначе говоря, центр (научного) общественного познания, лишь формально, отражая преобладающую тенденцию общественного познания исследовательских коллективов и научного сообщества в целом, фиксирует своим исследовательским статусом как «факсимиле» факт концептуального единства и логического соответствия, являя его как момент публичного согласования. Таким образом, исследовательский центр действует, по сути, согласно воле и пожеланиям тех же объективных и «анонимных» агентов-исследователей процесса общественного познания как производства. При этом система персонализированных исследовательских статусов и авторитетов, как бы предполагающих и волю, и субъективность, заслоняют в

обыденном мышлении сами объективно существующие отношения общественного познания.

В этой связи приведём полезное в данной ситуации суждение из полилогии:

*- «В уже не раз повторявшиеся тонкости эндогенной логики особо вдаваться не будем: преобразование капиталистических форм (в их чистом виде) происходили при тяжелейших обстоятельствах в соответствии с теорией Маркса, но сложившаяся система производства к Марксу никакого отношения уже не имеет. Примерно так же, как христиане рабство действительно преодолевали, но сложившийся феодализм – не их «работа»; «протестанты» феодализм преодолевали, но сложившийся капитализм – не их «работа». Все новые формы производства объективно **самоутверждаются**, хотя и всегда в субъективной форме действий «преобразователей»».*

6.3.3.3. Основное производственное отношение (явление)

Итак, собственность на общественное познание, в чистом виде, имеет не просто групповую, не иерархическую, не натуральную, не дихотомичную, не группоиерархическую, не размытую и интеллектуально частную, а вполне определённую *системно-сетевую иерархически групповую* объективно-логическую структуру иерархии «научных советов» и авторитетов специалистов научно-исследовательского сообщества. Содержанием этой структуры является основное производственное отношение данной системы.

Но если упомянутая внешняя логическая структура («геометрия») собственности на общественное познание все же как-то ассоциируется с некоторым правдоподобным обликом производственных порядков, то далее мы наталкиваемся на более сложные препятствия.

Экономическая наука и практически вся нынешняя социология, знает и посвящена только в одно основное производственное отношение, а именно отношение капитализма, т.е. *«историческую форму частной собственности на средства производства в качестве господствующего отношения между людьми, отношения эксплуатации, капитал. Все остальное для*

экономической науки – это нечто «личное», «неэкономическое», «внеэкономическое», «политическое», «огосударственное», «властное», «юридическое» и пр., ибо никаких производственных отношений, кроме экономических, эта наука не знает».

Как известно из полилогии, из всех исторических форм производства капитал – самое логически простое отношение, проявляемое как мотив обретения максимум прироста производственной позиции в виде максимизации прибыли и как форма «атомарной» безадресной свободной связи между агентами производства, и как асимметрия – эксплуатация. *«В более общем смысле основное производственное отношение – это и есть господствующая асимметрия, форма собственности в ее качестве всеопределяющей связи, детерминанты поведения участников производства, но каковое нельзя сводить лишь к привычному «парному» (эксплуатация) отношению».* При капитализме слово, термин, «капитал» у всех на устах, но не как асимметрия, а как многоликое - благо, имущество, вещи, «права», «счета» и пр. Но, всё же есть термин для уяснения и обозначения подлинной сущности этого явления. Однако сам термин появился и утвердился намного позже, ибо смыслового выражения основного отношения никогда нет в наличном экзотерическом языке данной формы.

В этой связи А. С. Шушарин пишет:

- «С преодолением феодализма «в чистом виде» все базово инвариантное местное, территориальное, натуральное, «пространственное» и пр., деформируясь, никуда не исчезает, но автаркия, бесчисленные границы и феодал пропадают; с преодолением капитализма «в чистом виде» все базово инвариантное обменное, товарное, денежное, рыночное, стоимостное и пр., деформируясь, никуда не исчезают, но капитал пропадает. А вот в линейной форме в чистом виде все базово инвариантное достаточно ясно – соисполнительное, функциональное, плановое, технологическое, отраслевое, статусное и пр., но вот для атрибутики отношений преходящей формы (вроде «рабства», «феода» или «капитала»), т.е. по сути для самого главного, в самом реальном хозяйственном, научном, идеологическом дискурсе образно подходящего «слова» пока даже не нащупывается». Тем более не проявились в этом дискурсе подобные «подходящие слова» для ещё только ожидаемых преходящих форм эпохи знания – Информационного общества и

Общества знания. Именно поэтому, как отмечается в полилогии, - *«в нашем движении «нащупывание» неуловимого основного отношения как преходящего тоже идет из образно-философского далека и пока как явления».*

Так как ближайшее подобие чистой эндогенной формы процесса общественного познания является ЧЭФ «функциональная» линейной формы (социализма), то актуальна оценка исторического развития «линейности» при переходе к доминированию процессов общественного познания.

В социологическом срезе линейности форм важно следующее её понимание, изложенное в полилогии:

- *«В философии естествознания установлена конструктивная роль и нелинейная природа случайности (Ю.В. Сачков) в точках ветвления (бифуркациях), а в целом – в качественных переменных в развитии. Поскольку же в линейной форме как раз с качественными переменными дело обстоит туго, то господствующие структуры хотя бы косвенно, но все чаще связываются именно с линейностью. Прежде всего уже философски (культура мышления) давно ассимилируется самое общее понимание диалектики единства линейности и нелинейности физических процессов. При этом под линейными понимаются системы, свойства которых не меняются при изменении их состояния, они не зависят от величин, характеризующих состояние системы; линейность там, где сохраняется определенная структура, где постоянные связи. Свойства же нелинейных систем зависят от величин, характеризующих их состояние; для нелинейности характерна случайность, влияние малых причин на большие изменения, изменчивость связей и т.д. (Мне кажется, хотя, возможно, и невольно, социальный подтекст в приведенных словах просто очевиден.) Короче говоря, производственные структуры функционального типа в общественной мысли, пока еще робко, но все чаще связываются с какой-то антислучайностью, простой экстраполяционностью, линейностью процессов, структур и самого мышления».*

Нелинейными системами называются такие, для которых не выполняется принцип суперпозиции: "результат каждого из воздействий в присутствии другого оказывается не таким, каким он был бы, если бы другие воздействия отсутствовали". Иными

словами, в нелинейной системе целое несводимо к сумме его составных частей, что сближает нелинейные системы с так называемыми "органическими системами". Случайность в нелинейных системах не является чем-то внешним и привходящим к необходимости, но порождается внутренними динамическими закономерностями самой этой системы.

Как отмечают В.С. Готт и В.И. Жог, - «*в самом общем случае линейность отражает порядок протекания явлений, тогда как нелинейность отражает изменение этого порядка: предельным случаем нелинейности является хаос*». Этот вывод следует непосредственно из конкретных результатов нелинейной динамики. И это ещё не все. Если говорить о влиянии нелинейной динамики на современный детерминизм, можно указать также и на связь нелинейных представлений с концепцией самодетерминации органических систем.

Нелинейным системам свойственны явления самовоздействия, самодетерминации. Подобно субстанции Спинозы, нелинейная система оказывается причиной самой себя. Это относится не только к реальным физическим системам, но и к отражающим их научным теориям (Найдыш В.М., Раджабов У.А. О критериях фундаментальности научных революций. – *Философские науки*, 1982, №5, с.87.), - "*Законы динамики научного знания в фазе его развитой теоретизации оказываются нелинейными; научное знание стало существенным образом взаимодействовать с самим собой... в модели движения знания теперь нужно обязательно учитывать всякого рода нелинейные явления, связанные с его самодетерминацией*».

Таким образом, налицо переход, точнее, усиление, нелинейности динамики самого знания и информации, так и самих производственных процессов общественного познания.

Обсуждая структуру линейного производства (советского социализма), А. С. Шушарин связывает линейность со статусным присвоением, он пишет:

*«Линия, если угодно, – это своего рода **технологический фео**д» (кратко еще будем говорить **технофеод**), но именно вовсе не парцеллярный и натуральный в своей основе, а групповой и технологический. Соответственно и производственное присвоение здесь и является линейным, технофеодным присвоением, или, в материально-знаковом и ролевом выражении,*

– **статусным** присвоением. Так что статусы – это и есть роли групп (коллективов) исполнителей, означаемые в сфере техномимики; соответственно по «вертикали» их представляют в иерархии управления руководители («номенклатура») с органами управления (аппаратами). Т.е. линия, или технофеод, – это **собственность групп на технологии, а управление поэтажно представляет эту же самую собственность** в ультраструктуре иерархии административного управления, имеющего дело с документами. Так что центр линейной иерархии, формально объемлющий всю собственность, с точки зрения самих производственных отношений оказывается **отчаянно далек** от самой ее групповой производственной основы, т.е. является, как отмечалось, лишь номинальным верхним пунктом ультраструктуры, просто в нескончаемом дискурсе «планового торга» апостериорно и перманентно замыкающим согласование функций в относительное целое. Да и в хозяйственном смысле «хозяйственной автаркии» капиталистического типа в плановой форме не было, но был иерархически рассеянный суверенитет, распределение функций получения информации и принятия решений, соответственно и информация по мере приближения к центру агрегировалась, а вовсе не собирала все знания воедино, «как если бы они помещались в одну голову» (Дж. Ходжсон).

В случае же нелинейных процессов общественного познания соответствующее производственное присвоение так же является нелинейным, «исследовательским» присвоением, или, в материально-знаковом и ролевом выражении, – **научно-ранговым присвоением**. Научные ранги или **исследовательские статусы** – это и есть текущие роли групп (коллективов) исследователей

Несколько важных замечаний «об управлении».

В любых ультраструктурах, относительно удалённых от самого реального производства, всегда бросаются в глаза явления пересыщения формы. Так как ультраструктуры есть общественно необходимые формы, то в случае их разлома тут же трещит и деградирует вся система данного производства. Любая из общественных систем без собственной ультраструктуры как имманентных же институтов может образовать только временное, неустойчивое состояние. Так рабство без «аристократии» – это или охлократия, или переход к территориализация производства. «Автаркия без феодальной иерархии – это или «частная война»,

«пугачёвщина», или уже обезземеливание «первоначального накопления». Капитализм, например, без банковской системы (национализация банков, ликвидация процента) – это или вульгаризация отношений, или движение к линейной форме социализма, или все функции банков будут брать на себя торговый, земельный, промышленный капитал. Наконец, линейная система без собственной иерархии – это история СССР, рухнувшим в безвластии, и вставшей на путь деградации современной России.

Ещё киники замечали, что не рабовладелец владеет рабами, а рабовладельцами владеют «страсти», удовлетворяемые рабами. Капиталист владеет средствами производства, но и его средства производства прочно владеют его помыслами и чувствами, т.е. не только они принадлежат ему, но и он им. Соответственно принадлежность к общественному познанию и обуславливает поведение участников как преимущественно нелинейное отношение между ними. В общественном познании как производстве собственники все, но в нелинейности процесса познания каждый, с негативной стороны, гнёт свою линию, опираясь на ту «научную школу», к которой он принадлежит. Но с другой, с положительной стороны, – логика и единое концептуальное начало, научная доказательность и обоснованность, «научная добросовестность» и принадлежность самоорганизующемуся и самоуправляемому научному сообществу, в целом, неформально и органически сохраняют целостность процесса общественного познания как производства.

Однако современное общество привыкло придавать слишком большое значение администрации, руководству, начальству, управлению, аппаратам, чиновникам, номенклатуре и бюрократии. Поэтому обращение к начальству, администрации, управлению и пр., как бы ни были существенны явления в этой сфере, как для обывателя, так и для многих учёных мужей, являются *«простым способом интеллектуальной блокады мысли от постижения куда более глубоких сущностей»*.

В тоже время, как и во всём исторически восходящем развитии общества, не было и нет производства без *«производственного принуждения»*, то есть нет производства без дисциплины, без мотивации и смыслов. Эти моменты действительной жизни являются важными в сфере производственных отношений любого общества и их формы

существования заслуживают особого внимания в теории и практике нашего бытия.

В форме общественного познания ни экономического принуждения как эксплуатации, ни информационного принуждения как доминанты (информационного неравенства) уже не существует. В отличие от развитого рынка и информационного общества в системе общественного познания иные формы принуждения к интеллектуальной деятельности (труду) – это, прежде всего, отношение исследователей, их коллективов (групп) и научных школ к самим исследователям, точнее, к их знаниям, к их концептуальному мировоззрению и научному авторитету. Это отношение, «как поддерживающее, жизнеобеспечивающее, так и конформирующее их» не только трудовое поведение в коллективах, но и мировоззренческое, научное, а в некоторой степени это и руководящее, административное давление. Несомненно, что, как и прежде, это будут повышения и понижения, награды, род деятельности, а также многие другие возможные поощрения и наказания, в том числе и материальные, хотя, вероятно, в остаточной, резко ограниченной форме этого классического, экономического стимула.

В начале обсуждения этого «вечно нового вопроса» о принуждении автор полилогии пишет:

- *«По М. Веберу, уже Ж. Кальвин сказал, что народ послушен воле божьей, пока беден, что в секуляризованной форме было тогда же переименовано еще проще: люди работают, лишь когда их заставляет нужда. Такое понимание труда и отношения к нему было в самых разных формах продолжено. Так, по З. Фрейду, например, люди «не имеют спонтанной любви к труду», и вообще «громадное число людей повинуются соответствующим культурным запретам лишь под давлением внешнего принуждения, т.е. только там, где нарушение запрета грозит наказанием, и только до тех пор, пока угроза реальна». Близко у Э. Дюркгейма: труд для большинства людей – «невыносимая повинность». Кстати, восходит такое понимание уже и к трактовкам А. Смита. Соответственно классики здесь приводили возражения. «Смит прав в том отношении, – писал Маркс, – что в исторических формах труда, – таких, как рабский, барщинный, наемный труд, – труд выступает всегда как нечто отталкивающее, всегда является **трудом по внешнему***

принуждению». Но классики, установив некоторые различия исторических форм труда, финалистски идеализировали преодоление эксплуатации (экономического принуждения), да и не осветили здесь многие другие тонкости».

«Так, верно возражая Л. Радзиховскому в его по сути животной трактовке человеческого поведения, Р. Косолапов и И. Хлебников опять-таки романтизируют «потребность в труде». Но, ссылаясь в этом на психологов, доказывают лишь социализацию человеческой жизнедеятельности, активности, в том числе творческой. Это совершенно верно, но давно тривиально, ведь и тот же Радзиховский, движимый, как он считает, животными инстинктами, проявляет их в газетной словесности, что животные делают редко. Короче говоря, все это ничего не говорит об исторических и логических формах (да и многих других социальных состояниях), о направленности человеческой активности, каковая, как **извечное самоутверждение индивидов, обуславливается** уймой индивидуальных и ситуативных обстоятельств, а вот среднетипически, или **типологически**, в квазистабильных системах – **доминирующими производственными отношениями**. «Потребность в труде» как явление – несомненный факт, но разве непроходимая, а то и патологическая лень не факт? Как удачно заметил как-то даже сам «демократ» Н. Травкин, иным бездельникам все одно, что социализм, что капитализм – абы поменьше работать. Так что без производственного принуждения никогда в обществе дело не обходится».

Сложная диалектика производственного принуждения требует вначале зафиксировать базовые моменты эндогенной логики в чистых состояниях определённых исторических форм принуждения, дисциплины, мотивации, как проявления доминирующих смыслов бытия.

В этих базовых моментах А. С. Шушарин различает следующие.

«Первое – естественный (симметрия) абстрактный объективно-логический базовый момент детерминации труда (деятельности): социально-биологический, демографический, местный, вещественно-продуктовый, технологический...». Этому соответствуют такие «бытовые факты принуждения», соответственно, например:

- *«мать, бросившаяся... кормить проголодавшегося ребенка»;*
- *«чтоб жить в обществе, надо быть специалистом даже в самом простом труде»;*
- *«проживая в данной местности, надо хоть как-то участвовать в ее жизни»;*
- *«вещественно-продуктовая детерминация, естественно, обязывает к некоторому обмену (хотя бы собственной рабочей силы)»;*
- *«разжигание костра или работа на атомной электростанции требуют определенной технологической дисциплины».*

Эту абстрактная гетерогенность в трудовой дисциплине, или детерминация деятельности и мотивация, может быть продолжена следующим образом:

- информационная детерминация, которая «стимулирует» обмен контентом, ибо, чем больше его предложишь, тем больше его и получишь;

- детерминация общественного познания, которая требует придерживаться незримой дисциплины (правил) научного сообщества, обладать компетенцией и должным уровнем профессиональных знаний, придерживаться методологического (логического) и концептуального единства.

«Второе – детерминация в восходящих исторических формах гражданского общества, территориальной (натуральной) целостности, рынка, планомерности, (информационного пространства обмена и логики исследований – ХАТ), т.е. восходящие перемены в негэнтропийном «принудительном» содержании самоприучения общества и людей к новому, более высокому порядку и дисциплине. Потому все «первоначальные накопления», как правило, были весьма суровыми, но тем не менее прогрессивными».

«Третье – уже новая асимметричная детерминация труда, но которая еще предстает большинству в квазистабильном состоянии как нечто «само собой разумеющееся», как общепринятая дисциплина, нормальное (термин Дюркгейма) производственное принуждение, когда, скажем, даже на взаимоуничтожение для потехи публики гладиаторы идут, гордо «приветствуя цезаря». А уж психологически, едва ли не во всяком труде возникают моменты и недовольства, и, повторюсь, его

самоценности, т.е. игры, а это, между прочим, и есть основная «свободная деятельность»».

«Наконец, четвертое, – когда те же самые формы принуждения по мере развития производительных сил, человека, обстоятельств накатывающихся перемен превращаются из нормальных в оковы соответственно эгоистичности, рабства, автаркии, капитала, линейности (трекера - информационного капитала, «нелинейности» – ХАТ)».

Сравнивая две фазы эпохи индустрии, А. С. Шушарин пишет:

- «Короче говоря, люди не ангелы (хотя и ангелы, по всем данным, берут пример с людей), но в квазистабильной линейной форме господствовавшее при капитализме экономическое принуждение – угроза голода, увольнения, разорения и пр., а равно нелимитированный «калач» денежной приманки (способный выступить в форме добровольной тяги к труду) – практически отсутствует, точнее, конечно, снят, маловлиятелен, даже резко сужен. Принуждающая сила капитала уступает место как бы более мягкому (даже где-то слишком), но также общественно необходимому новому, **функциональному** (групповому и административному) **принуждению**, в том числе самому доминирующему жизнеобеспечению работника через коллектив, т.е. производственным интересам уже другого, не экономического (точнее, постэкономического) рода. Основной (хотя, конечно, и не единственный) универсальный (а тем самым и предельно абстрактный) «мотив» самоутверждения индивидов, неумножения производственной или социальной позиции (благополучие, общественное признание, социальное положение, обеспеченные быт, досуг, производственная среда, лояльный диапазон поведения – «свободы», и пр.) – в функциональном принуждении не обретает такой же высоко унитарной формы, как при капитализме. Объективные ценности здесь (а равно смыслы, затем и знаки, статусы, особенно групповые) не имеют вещеподобной определенности, многомерны и иерархичны. Пусть метафорически это будет **защищенность** бытия, конечно, не в утрированно буквальном смысле, а в смысле фактической организованности или функционализированности всех основных потоков жизне- и трудообеспечения, благополучия. Причем эта защищенность отнюдь не пассивна, а тоже вполне определенно состязательна (о чем еще подробнее ниже). От сплошной

товаризации – к сплошной функционализации, более всего наблюдаемой как давления-блага группового коллективизма. Причем это иерархизированное принуждение (давление) в руководящих «верхах» даже жесточе, чем в «низах»».

В эпоху знания картина принуждения ещё более смягчается, становится более размытой, но не менее действенной, чем ранее, ибо – «другие времена».

В квазистабильной форме общественного познания ранее господствовавшее в информационном обществе принуждение – угроза лишиться доступа к информации, потеря репутации и блокирование связей, бойкот, разорения и пр., лишение «нелимитированного калача» трекерса (как денежной приманки), способного провоцировать добровольную тягу к интеллектуальной деятельности, – практически отсутствует, то есть, снят или маловлиятелен, резко сужен. Принуждающая сила трекерса уступает место более мягкому, но общественно необходимому новому, **исследовательскому** (системно-сетевому, групповому и административно-руководящему) **принуждению**, в том числе «самому доминирующему жизнеобеспечению работника через коллектив», научное сообщество, т.е. подчинению производственным интересам не информационного, а постинформационного рода.

Основной универсальный, то есть предельно абстрактный «мотив» самоутверждения индивидов и неуменьшения производственной или социальной позиции (благополучие, общественное признание, социальное положение, обеспеченные быт, досуг, производственная среда, «свободы» и пр.) – в исследовательском принуждении не обретает такой, достаточно высокой и унитарной формы, как в информационном обществе и тем более при капитализме.

Объективные ценности в общественном познании, а также смыслы, знаки и групповые статусы, не имеют такой строго очерченной определённости как информация (контент), многомерны и иерархичны, не всегда чётко выражены. Метафорически и в целом это **защищённость** бытия как фактическая организованность или исследовательская обусловленность основных потоков жизнеобеспечения и обеспечения исследовательской жизнедеятельности, благополучия. Эта защищённость отнюдь не пассивна и вполне созыательна, её тренд направлен от массового

преобразования всего информационного в контент - в сторону сплошного исследовательского преобразования всей жизнедеятельности, её «онаучивания», более всего наблюдаемой как давления-блага научного сообщества, как системно-группового и сетевого исследовательского коллективизма.

Руководящие и административное право имеет иной характер и формы реализации, чем чисто производственные, поэтому коллизии с начальством также вполне могут решаться.

Административное (как управленческое) и тем более руководящее право в исследованиях общественного познания реализуется в формах мало похожих на «кодифицированное» право или публичные «суды присяжных». Это, как правило, традиционные учёные советы, семинары, конгрессы и конференции, комиссии, положения и уставы, экспертные советы, «суды чести», коллегии, научная общественность и пр. А. С. Шушарин отмечает, - *«Кодифицированное» право возможно в той мере, в какой «кодифицированы» сами нравы, а за ними – отношения. Коротко говоря, имущественные отношения сами в себе «кодифицированы», а группоиерархические, в частности административные, тем паче групповые, «кодифицируются» в весьма малой степени.*

<...>

Но люди, однако, всегда преследуют «личную выгоду» («самоутверждение индивидов»), а потому, собственно, речь и идет о разных «институтах», точнее, отношениях, т.е. о разных логически и исторически доминирующих формах того же самоутверждения индивидов, движущих ими смыслах и ценностях».

В общественном познании, психологически принуждение в исследованиях, как проявление основного производственного отношения, не уступает, можно сказать, по силе ощущений принуждению более ранним формам. Так, например, то же публичное осуждение, критическая статья оппонента, выговор, снижение премии, по своему воздействию не уступают, разумеется, в нравственном плане, допустим, публичной порке крепостных или капиталистическому увольнению, осуждению на общем собрании функционального коллектива или информационной блокаде. Однако несомненно и то, что в общественном познании включение человека в общественный труд в отношении основной массы работников *свободней предшествующей* производственной формы,

вплоть, до так называемого удовлетворения собственного любопытства в науке за государственный счёт и прямого, всё более нарастающего в обществе, иждивенчества.

Что же касательно экономической сферы мотивации (сегодня это доход и заработок), то в общественном познании она резко сужена и деформирована, ибо такова историческая диалектика всего эндогенного ряда производственных форм. *«Так, экономический детерминизм уже заметен при рабстве (среди граждан), очень низок при феодализме, полностью торжествует над всем при капитализме, вновь резко падает (при вообще снятии) в линейной форме, уступая место функциональному принуждению».*

Относительно принуждения вообще следует заметить, что любой общественный труд, в том числе руководящий и управленческий, есть сложный *«процесс некоторого непрерывного преодоления, есть труд взаимосвязанный, в чем-то неизбежно взаимнообязательный, т.е. на то он и труд, чтобы преодолевать некоторое сопротивление («трудность»), тем самым выступать как давление, каковое всегда есть и властоуправление».* В процессах общественного познания это «властоуправление» значительно сложнее и малозаметнее и происходит во многом, как говорят, на уровне борьбы интеллектов и знаний.

Любое задание на исследования, как и получаемые результаты нового знания, в результате обсуждения и утверждения, то есть логического и концептуального принятия и согласования («проблематизации», «постановки задачи и выбора метода решения»), для кого-то становится обязательными к учёту и применению в последующих исследованиях. Или, например, - становятся обязательными для исполнения в виде *«технического задания».* Всё это ограничивает личную свободу исследований и образует своеобразное «прокрустово ложе» в движении к знанию. Внешне же это *«борьба идей»* зачастую воспринимается как указания недалёкого руководства и несносного начальства.

Пока исследования в сети общественного познания и научное руководство в своих объёмах, в своей логике и концептуальном единстве, соответствуют друг другу, в процессе познания господствует исследовательская симметрия. То есть агенты реализуют элементарную исследовательскую жизнедеятельность через отношения общественного познания, и никакой асимметрии

нет. При этом «производство живёт, дышит», логика соответствия исследований выдерживается, несмотря на хаос бесчисленных «естественных» противоречий, свойственных любой нормальной жизнедеятельности, не затрагивающих фундаментальных основ производства данной типологии.

Основное отношение определяет поведение людей: руководство и администрацию внизу - то ругают, то поддерживают; снизу-вверх докладывают и отчитываются; обсуждают и корректируют, рефлексиируют, собирают конгрессы и симпозиумы, ведут семинары, требуют и просят, принимают согласованные решения, постановления, рекомендации и т.д. Научное сообщество бурлит и демонстрирует, в группах работают, то ворчат, то радуются; управление манипулирует показателями, входящими и исходящими и пр. При этом различия в производственных позициях (положение исследований) проявляются в различиях благосостояния, соответствующего мере различия в сложности и важности познаваемого, при условии равнонапряжённости самих исследований.

Поэтому сделаем следующий шаг к уяснению уже несколько более видимых, организационных форм собственности.

6.3.3.4. Основная материальная архитектура и организационные формы собственности

Как было показано, общественное познание как производство в своём основном содержании есть осуществление *специальных, неоднородных, несравнимых* и тем более не «конкурирующих» и преимущественно *разовых* исследований. В коренном отличие от материального производства сам факт проведения исследований с целью получения *нового знания*, предопределяет уникальность этого исследования и его отличие, как процесса, от материального «конвейроподобия». Это проявляется не столько в части противопоставления «вещевое – абстрактное», ибо это несомненно, а более в части сопоставления «линейный конвейер – разовый (уникальный) нелинейный технологический цикл». В отличие от примата специализированных функций функционального производства (социализма), ведущего к «отраслевой технологичности структуры производства», в познании имеет место примат

«специализированных» научных дисциплин. То есть в основу производства общественного познания положена классификация наук, на которую во вторую очередь накладывается отраслевая материальная структура отраслевого технологического производства, что порождает институты прикладных, отраслевых исследований. Внутренняя структура этих прикладных НИИ в основном повторяет отраслевую структуру, а в «фундаментальных» исследования – научную, академическую.

В практической деятельности множества существующих лабораторий, отделов и прочих структур прикладного характера неизбежно присутствуют некие типовые и процедуры исследования любой масштабности - от определения качества мяса на продовольственном рынке до стратегий долгосрочного хозяйственного и социального развития страны. Однажды созданные эти процедуры исследований при регулярном исполнении приобретают характер функционального производства, но в корне от него отличаются как типологией базового объекта, который есть абстракция (информация), так и уникальностью каждого исследования, так или иначе несущего в себе некую нелинейность процесса познания.

Известно, что любые совокупности однотипных функций и исследований как функций даже разной природы организационно оказываются собранными под началом одного органа управления в иерархии. Как это будет выглядеть в будущем, трудно сказать, но очевидно неперемное деление на академическую и прикладную науку, на академические и прикладные исследования. Начало этому положили РАН и, правда уже в советское время, Государственный комитет по науке и техники (ГКНТ) и отраслевые Управления по научным исследованиям (или Научно-технические управления).

Эти «ведомственные» формы, в значительной степени, скрыли и поглотили иерархическую системно-групповую основу собственности на общественное познание, а также самоорганизацию и самоуправленческие начала организации научных исследований, особенно это касается, как говорят, академической науки.

Наблюдаемая двойственность, в основном в организации исследований, и «раздвоенность» в подчинении (особо в отраслевом содержании) оказывается объективно неустойчивой. Поэтому вполне ожидаемо возникновение чисто объективной

научной организации собственности на общественное познание в целом, которая имеет внутреннее корпоративное, претендующее на самоуправляемую и саморганизованную общественно-научную систему (сообщество), строение и внешнюю иерархическую ведомственную форму на основе ГКНТ или РАН.

Каждое ведомство, подведомство и т.д. будет, вероятно, представлять какое-то одно значительное и целостное направление исследований, представляющих комбинацию из сложных специальных исследований или схожих исследований, отражающих некие долгосрочные интересы общественного и хозяйственного развития общества, в том числе отраслевые направления развития в их современном понимании.

Несомненно, что кроме прямого линейного руководства и управления исследованиями останутся (или появятся) аспектные, или вспомогательные, функции управления. В этих функциях управления согласуются лишь отдельные срезы производственной деятельности, например, - форма и сроки планирования, финансы и бухгалтерия, снабжение, труд и социальная защита, учёт кадров, безопасность, стандартизация и т.п.

С другой стороны, упорядочивая информационное производство, форма общественного познания «экономит» на администрировании и бюрократии. Вместо размытого и расплывлённого информационного пространства и атомарного множества частных управленческих иерархий по производству контента и их бюрократий образуется уже одна управленческая и руководящая иерархия, и не только в ультраструктуре, - а снизу и доверху.

В этой связи интересно пояснение автора полилогии в части сравнения товарно-рыночного производства и функционального эпохи индустрии, которое во многом может быть перенесено и на эпоху знания в части сравнения информационного производства и производства общественного познания. Он пишет: *«Иначе сказать, независимо ни от каких форм разнообразнейших и развивающихся потребностей и возможностей производства, рынок «заполняет» и организационно оформляет процесс производства множествами конкурирующих частных собственников, атомизированных товаропроизводителей. В линейной же форме потребности и возможности «заполняются» и оформляются сокращающим везде, где возможно, дублирующие «атомарные» однотипности*

*центральной организацией множества специализированных ведомств (подведомств, надведомств) – как **внешняя форма собственности** («спиритуализм», ультраструктура), с общим уже совсем не «атомизируемым» (неразложимым) учрежденческим (корпоративным) строением – **внутренняя форма собственности**».*

В целом, следует ожидать сокращение числа однотипных или сходных производств общественного познания путём их укрупнения без потери объёма конкретных исследований, если это объективно обусловлено и *рационально*. Однако при решении местных задач и ряда прикладных исследований, часто требующих непрерывного мониторинга ситуации это едва ли целесообразно. Тогда как для решения глобальных задач определённой направленности, если абстрагироваться от соревновательности, от мобилизационных проблем и целенаправленного развития (подъёма) определённых регионов страны, укрупнение и централизации исследований в сфере общественного познания - целесообразно.

6.3.3.5. О «монополизме» и «конкуренции»

При капитализме и в информационном обществе монополии невозможны без конкуренции, то есть монополия есть относительное господство некоторого товара или контента (продукта, поставщика) всегда на фоне немонополизированного предпринимательства. Но в условиях общественной формы познания подобное господство любой отдельной взятой функции общественного познания, то есть исследования, просто невозможно, так как все исследования взаимосвязаны не только как необходимые этапы общественного познания, но и логически, концептуально.

В действительном «Обществе знания» с её ЧЭФ «общественное познание» каждое исследование не только уникально, но и исключительно выполняемое один раз, ибо далее его результаты тиражируются, а не воспроизводятся как, например, вещи. Причём эта исключительность не монополизм, а неповторимая конкретика, разовое поручение. Разумеется, что права на исследование оказываются исключительными,

принадлежащими данному коллективу исследователей, но в чистом виде это не всё подавляющая монополия, а нечто иное – системно-сетевая группо-иерархическая собственность на общественное познание, на процесс. В реальности вполне допустимо в целях повышения надёжности и качества исследований организовывать выполнение конкретных процессов общественного познания различными производственными коллективами, но это никоим образом не связано с явлениями монопольной тематики.

Вполне оправдано целостную сферу общественного познания именовать, по аналогии с «феодом» феодального общества или «технофеодом» планового, функционального общества, как «феод познания» общества знания. Вообще же связывать жизнедеятельность феода познания с понятием «монополия» так же неверно как ныне, но уже как некая устоявшаяся традиция (фразеологизм), говорить о «естественных монополиях». В этой связи А. С. Шушарин замечает: *«Кстати, когда Богачев говорил о «монополиях» в связи с использованием природных ресурсов, транспортных систем, массы явлений городского хозяйства, то это явления вообще не экономических, а более глубоких натуральных, территориальных структур производства, лишь, в частности, природно детерминируемых. Их обычно называют «естественными монополиями», хотя это двойной и лукавый экономический слововыверт, впрочем ставший устойчивым фразеологизмом, от коего, похоже, не избавиться. (И не «монополии», а иерархии, и не «естественные», ибо это и вовсе бессмысленное обзывание чего-то явно не экономического по сути; вроде «естественного» движения населения в демографии.) Ну да не в словах дело; ладно, что хоть обозначение специфическое...*

<...>

*В расширительном же толковании «монополий» можно договориться до монополии школы на обучение, бань – на помыв, женщин – на роды и кормление грудью. Потому монополия, точно пишет Богачев, – это определенная структура **рынка**, совокупности покупок и продаж, т.е. именно рыночного, а не какого-либо иного равновесия».*

Таким образом, в чистой форме общественного познания нет рынка и нет обмена, который снят логическим соответствием, нет денег (торрентов) как таковых, как капитала, они становятся (вероятно) в исследовательском производстве почти буквально

адресными требованиями на благополучение. Деньги (торренты) по безадресности, несомненно, близки к деньгам в их рыночном значении в современном потребительском секторе, но и здесь, надо полагать, фактически нет, не будет, рыночных цен, даже если они будут численно близки к «издержкам». Как показал недавний опыт советско-российских либеральных реформ, пишет автор полилогии, - *«монопольный «диктат производителя» стал возникать с «хозрасчетными» элементами. До «перестройки» у нас никаких монополий не было и быть не могло – они суть плод «хозрасчета», «самоокупаемости», «самофинансирования», накрутки рынка и пр. Получается, что чем энергичнее «рыночники», тем более вылезает самая махровая монополия («диктат производителя») в ее все большем приближении к страшно уродливому, но и собственному (уже экономическому) смыслу».*

И в заключении этого раздела несколько слов о конкуренции, соревновательности и будущем «сравнительном анализе» в трактовке А. С. Шушарина:

- *«Если конкуренцию понимать в товарном смысле, как рыночную конкуренцию, то в «идеальном типе» чистой линейной формы (социализма – ХАТ) на нее нет и намек, как нет при капитализме удельщины, как нет и не может быть товарной конкуренции, скажем, внутри цеха, предприятия, конвейера, фирмы и пр. Если же конкуренцию понимать расширительно, как производственную борьбу, естественную состязательность, соревнование между агентами производства, то тогда, как говорится, извольте со всей определенностью различать как ее базовые «общечеловеческие стихии» В. Одоевского (от любовного треугольника до делания, скажем, научной карьеры), так и исторические формы «борьбы и согласия» (от животной эгоистичности, близкой в нынешних рецидивах к «конкуренции» в уголовной среде, до борьбы «планового торга»).*

<...>

За пару-тройку столетий самое, можно сказать, слово «конкуренция» крепко запечатлелось в мозгах, как бы вытеснив собой все многообразия производственных взаимодействий. Но, например, некогда обратившись к этой теме специально (1924), Роберт Э. Парк (кстати, считающийся основателем «чикагской школы») никак все же не может избежать (и это совершенно

справедливо) некоторых абстрактно-родовых метафор вроде «соревновательность», «состоятельность», «борьба». Более того, борьба очень устойчиво понимается им как только некое горизонтальное взаимодействие. Между тем в любых (из многообразнейших) иерархических материальных структурах тоже всегда неумолимо есть своя борьба, предстающая в субъективированных формах, но в действительности такая же объективная. Но это борьба не одноплоскостная, в виде частных хозяйств от миллионов лавчонок до сотен крупнейших корпораций в пределах объединяющего и балансирующего всю эту суету рынка, а борьба и участков, и цехов, и предприятий, и объединений, и целых отраслей в пределах объединяющей и балансирующей всю эту суету иерархической организации производства. Причем если в рыночной борьбе предпроизводственная интеллектуальная фаза (маркетинг) – «атомизированное» дело каждого участника, то в плановой борьбе предпроизводственная интеллектуальная фаза (технорасчет) – тоже, конечно, дело каждого, но уже в более высокой общественной форме согласования, в наиболее явном виде как сперва некоторые цели, программы, после согласования превращающиеся в планы. Как-никак, но уже центральная «нервная система»».

Поэтому в общественном познании будем иметь ввиду лишь *«производственную борьбу, естественную состоятельность, соревнование между агентами производства»* как *«исторические формы «борьбы и согласия»»*, ведь так или иначе речь идёт, в образах А. С. Шушарина, уже об общественном мышлении и вершине центральной нервной системы – *«мозге»*.

Таким образом предстоит открыть дорогу совсем не товарной и не контентно-информационной предпринимательской, а новой, будущей прогрессивной и многомерной исследовательской жизнедеятельности в общественном познании и сопровождающей её инициативе, восходящей творческой состоятельности.

«И к стати говоря, - как пишет А. С. Шушарин, - можно сколько угодно издеваться над эволюциями «социалистического соревнования», но невозможно отрицать, что этот действительно заидеологизированный и формализованный процесс все же скрывал за собой дополнительные, бесспорно разумные факторы и вполне реальной мотивации. Между прочим, во многом эти формы были заимствованы (или оказались сходными?) на фирмах Японии, вплоть

до «собраний», «передовиков», «кружков качества», «досок почета», поощрений и пр. И не только в Японии. Между прочим, «доска почета», «благодарности», как и трудовые награды, отнюдь не фикции, а вполне общественно признаваемые означения некоторых трудовых достоинств. Как и воинских заслуг, кстати».

В текущем контексте следует заметить, что и научные, и исследовательские коллективы того времени успешно участвовали в этом соревновании, хотя решающими для них были прорывы в научном знании, закрепляемые открытиями, патентами, изобретениями, новыми идеями и теориями. Порою даже обычная научная публикация, вызывающая неподдельный интерес и дискуссии в научном сообществе страны (и мира!), стоила, оценивалась, многократно выше, чем успех в соревновании. То есть самооценка научного сообщества и построенный на ней авторитет как раз и представляли, и представляют, ту самую «производственную борьбу, естественную состязательность, соревнование между агентами производства» общественного познания.

6.4. Сущность формы производства «общественное познание»

В общественном познании исторически восходящего развития общества особая роль принадлежит той части теории, которая чётко излагает суть и механизм перехода от старого к новому. Поэтому действительная теория общественного развития должна с необходимостью обладать этим качеством и в этом смысле быть революционной.

6.4.1. Революционная теория отжившей формы производства

Кратко о признаках действительно революционной теории отжившей формы производства. «Полилогия...» следующим образом определяет суть революционности в теории восходящего развития общества.

1. «Революционная теория суть не более чем критическое («катастрофически-парадоксальное») описание предельной («накопление негативов») структуры и зреющей бифуркации с полем трендов, включающим объективно негэнтропийный

(«невероятный», в смысле Шредингера), преодолевающий отжившее состояние восходящий тренд. Но вовсе не практически-политические пути его реализации».

2. «Революционная теория излагается революционным же, эзотерическим (парадоксальным) языком, который не существует в ментальности, идеологии и экзотерической (тавтологической) науке самой этой формы».

3. «В главном содержании революционная (парадоксальная, эзотерическая) теория есть описание формы производства как уже асимметричной системы «урегулированности и порядка», что и проявляется во всей совокупности негативных явлений, «их накопления».

<...>

Революционная теория – это теория «нехорошего» общества (теория структуры некоторых нейтральных, непреходящих, в данном случае... (общественно-познавательных - ХАТ), процессов, но в их собственной же «плохой», так сказать, предельной и «доигравшейся», преходящей общественной форме), в целом как иррациональной, стихийной, не контролируемой людьми системы его движения, отживших «квазидействующих» отношений».

Примером такой теории из исторически прошлого является «Капитал» К. Маркса.

Как пишет А.С. Шушарин, в кратком виде символическое выражение учения К. Маркса нашло в известной «формуле обращения капитала (Д-Т-Д), а в материально-вещественной форме – в **основном законе** максимума прибавочной стоимости как в **законе бытия** этой системы. Метафорической и логически исходной перифразой (иначе говоря – ХАТ) выражения основного закона является тоже эзотерическая (тайная, скрытая от непосвящённых – ХАТ) **цель производства**, т.е. объективная, независимая от воли и сознания людей «нехорошая» элементарная форма направленности его движения, как, собственно, и проявляющаяся в типических «мотивах», или интересах, агентов данной системы производства, собственников, базово «одномерных» субъектов, которые не изобретают свои цели из головы, а находят их готовыми в господствующих производственных отношениях собственности, как их же «квазидействия». Так что напомним, что эзотерическую цель производства никак не стоит смешивать с экзотерическими (всем известными, не представляющих тайны –

ХАТ) хозяйственно-политическими целями (рост производства, благосостояния, могущества, отдельных секторов производства, регионов, отраслей и пр.)».

Однако в революционном содержании главной стороной такой теории, подчёркивает автор полилогии в анализе развития реального социализма, - «является уже не закон бытия, а **закон конца** всей этой формы, т.е. по мере развивающихся производительных сил и сложения обстоятельств ее неумолимого движения к гибели или к самоотрицанию прорывом восходящего преодоления (ничто не вечно в подлунном мире, и Солнечная система, и капитализм, и пр., просто линейная форма оказалась исторически короткоживущей) при отвлечении от многообразных адаптивных движений. Закон конца – это выражение зреющего в недрах производства объективного обобществления доминирующего и даже уже узурпированного объекта асимметричной (ограниченной, необщественной) собственности, а в итоге сброса господствующей формы и снятия (симметризации, а вовсе не ликвидации) имманентных объекту собственности производственных отношений, постановки их под исторически и качественно новую форму общественного контроля «всеобщего интеллекта». Это означает и исторически определенный шаг освобождения человека и производства от отжившей формы, от обусловленных ею исторически и логически определенных несвобод. Поэтому же основное противоречие отжившей формы производства – это всегда противоречие не самой асимметрии системы, каковая, как всякая система, неизменна, а противоречие между системой и внесистемным («подсистемным»), перерастающим ее же содержанием производства, «бытийностью» с ее собственным переворачиванием, всегда **исторически определенным обобществлением**. Если воспользоваться трактовкой «общесоциологического закона» А.П. Назаретяна, то это всегда перерастающая форму стихия «операционально-энергетического потенциала общества», нуждающаяся уже в новых «культурных регуляторах», т.е. всегда в некотором обобществлении».

И далее: «Наконец, революционная теория остаётся революционной, но только логически, интеллектуально (как, примерно говоря, «Капитал» до Октября...), до тех пор, пока помимо относительно достаточного развития производительных сил в ситуации тысяч «суммирующихся» причин не складывается

*вся совокупность исторических обстоятельств уже хаотизированного, резко неустойчивого, неравновесного состояния бифуркации, до сей исторической поры, увы, обычно близкого к «паранекротическому» (близкому к смерти – ХАТ). В этих условиях и ещё при обязательном появлении хотя бы небольших сил «новых левых» (в значении акторов восходящей тенденции) теория обретает уже особое, даже **решающее** общеисторическое значение основы революционной политики спасения, изображая, вообще говоря, тенденции во всём поле трендов, от восходящих до адаптивных и катастрофических (в своё время Маркс, напомним, дал в теории только одну, восходящую, ветвь прорыва)».*

В этом обнаружении стихийности в общественной жизни проявляется начало движения «к осознанию ещё не познанной, но уже объективной сути происходящего, отношений, законов и т.д.».

Однако этим главным и революционным содержанием теория далеко не ограничивается, ибо для полного понимания общественного развития необходимо описание, как всего движения производства, так и различных *«превращённых форм, деформаций, укладов, исторических, постранных (культурных) и пр. особенностей, включённости происходящего в могущественные всемирные процессы, наконец, в глобальный кризис».*

Так одним из характерных признаков вхождения процесса общественного познания как доминирующей формы, ЧЭФ «общественное познание», в критическое и предельное состояние является, с одной стороны, постоянное недообеспечение исследований, и неполнота их выполнения. Например, недостаток информационных материалов и статистических данных, отсутствие части необходимых исследований, нехватка оборудования, реагентов и расходных материалов, подготовительных работ и т.д. Это проявление критичности выступает в форме подобной известным из бытового, поверхностного опыта функционального производства таким явлениям как «очереди, дефицит» и т.п. С другой стороны, становятся повседневными явления как бы противоположного характера, выражающиеся в навязывании ненужных исследований, в накоплении («затоваривании») невостребованных знаний, а также выражающиеся в росте не находящихся применения результатов исследований и пр.

Упомянутый дефицит исследований становится хроническим и проявляется в виде «инвестиционного голода» в общественном

познании. Это порождает рост незавершённых исследований, незаконченных комплексных программ исследований и нерешённых проблем.

Беспорно, что потребности всегда выше возможностей и потенциально бесконечны. Однако, разумеется, речь идет об общественно означенных потребностях и возможностях производства, дисбаланс которых на поверхности проявляется в материально-знаковой форме логического (не)соответствия соисполняемых исследований по объёмам и срокам. Короче говоря, все это означает, что исследовательский статус в его денежно-торрентном проявлении как *«предъявительски («права»), производственно (трудосостояние) и потребительски (благосостояние), так и императивно («обязанности») рассогласован»* с самим исполнением исследований. Разумеется, что вся внешняя атрибутика общественного познания, то есть средства, лимиты, фонды и пр., в ходе формирования сети научных исследований адресно согласована. Однако реально все это намеченное и выделенное надо - *«ждать, выбивать, доставать и т.д. в очереди, да и не всегда с успехом; равно и наоборот – брать ненужное, копить и т.д.»*. Правильнее говорить не «средства, фонды», а использовать отглагольные функции исследований, которые в ходе постановки системы исследований вполне взаимно согласуются, но в реальности неизбежно накачиваются их неожиданное недообеспечение и рассогласованность.

Таким образом предъявительские и императивные инструкции обретают некое самодовлеющее мистическое состояние исследовательской **статусной избыточности**. При этом, с одной стороны, имеет место обесценивание «прав», с другой – появление внешних насилующих «обязанностей» выполнять ненужные исследования, учитывать и включать в процесс познания лишние, ненужные исследования, порою очевидно бессмысленное и т.д. В итоге, невинные исследовательские статусы во всей иерархии процесса общественного познания, его доминирующей ЧЭФ «общественное познание», *«превращаются во всевластующую над людьми силу, но куда более «мистичную», непонятную»*. Однако в субъективных ощущениях одни, задающие идеи исследований, выглядят самодурами и тиранами, а исполнители исследований и потребители их результатов – жалобщиками, подчинённые – непослушными, ну а руководство и начальство – «злыднями». И ведь все согласовано и в заданиях оговорено.

6.4.2. Формула исследовательского статусного обращения

Напомним, что марксова формула-схема обращения капитала есть выражение $D - T - D^*$, а формула соисполнения линий функционального производства по схеме «статус – функция – статус*» есть выражение $C - \Phi - C^*$, которые свойственны эпохе индустрии. Соответственно формула обращения интеллектуального капитала эпохи знания, трекера, по схеме «торренты – контент – торренты*» есть выражение $TR - K - TR^*$. Тогда формулой-схемой исследовательского статусного (рангового) обращения в общественном познании по чисто формальной аналогии является выражение (6.4):

$$Ис - ПЗн - Ис^*,$$

где **ПЗн** – воспроизводимый базовый объект-процесс – «общественное познание», то есть общественное познание как «коллективное мышление»;

Ис – исследовательский, познавательный (научный) статус или (ранг) агентов производства, то есть некая форма материально-знаковых отношения, как эквивалент в промежутках между циклами общественного познания.

Из этого следует выявленный в полилогии ещё в линейной форме мистический эффект «статусной избыточности». Но здесь он проявляется уже как увеличение разрыва между исследовательскими статусами и самим логическим соответствием исследовательских процессов общественного познания, то есть на уровне производственных отношений исторически более высокой формы сложности общества. Следствием этого является рост всех форм неполноты исследований, необеспеченность процесса познания, концептуальная несовместимость, дефицит оборудования и материалов, рассогласования, и пр., а также даже рост, но не убывание руководящих и управленческих хлопот.

При этом не наблюдается никаких *протестов* и «забастовок», сигнализирующих о негативных отношениях в производстве, ибо они функционально «запрещены». Это есть имманентное любому общественному процессу запрещение, а в данном случае в общественном познании как форме исследовательского

производства. То есть запрещено не по злой воле власти, а самим системно-сетевым и иерархически-групповым характером связи уникальных и разовых специальных исследований и стоящих за ними организаций и коллективов. Ибо всем очевидно, что любые подобные протесты, тем более забастовки, немедленно приведут к остановке всех последующих исследований и выполняющих их организаций, всех последующих «информационных переделов» вплоть до конечных исследовательских функций.

Статусная избыточность в общественном познании – это среднетипическое явление всё ещё равновесного состояния производственного процесса исследований как производства. Все исследования в процессе их формирования формально согласованы и логически строго соответствуют друг другу, объёмы воспроизводственных потоков исследований сбалансированы, концептуально исследования увязаны и непрерывно отслеживаются, при необходимости подправляются. Однако исследовательская статусная избыточность продолжает иметь место и почему-то, неотвратима, и столь же ускользаема от внешнего понимания. В такой ситуации неизбежно возникает навязчива мысль, что кто-то обманывает, ошибается или плохо работает. Конечно, нарушения и рассогласования всегда имеют место в реальном общественном познании как производстве, однако и всем известно, как с ними бороться – жаловаться, или закручивать гайки. Но весь опыт борьбы с этим злом в рамках исследовательского производства, с учётом тенденций его развития, показывает, что хотя *«всё это не раз перепробовали, но как шло, так и шло»*.

Таким образом, можно сказать, что проявление исследовательской статусной избыточности небесспорно и имеет некую материальную, объективную основу. Эта материальная основа состоит в следующем. Человек как агент производства, не машина. И уже только поэтому соединение возможностей и потребностей в любом социальном подпроцессе производства и воспроизводства действительной жизни *«никогда не осуществляется как в машине, всегда предполагает некоторое динамическое рассогласование, хотя и в разных базовых и исторических формах»*. Так, при капитализме с его «вещной» природой товар всегда ищет сбыта и ждёт покупателя, то есть лежит на прилавке, образуя товарную очередь, - «что суть

одновременно очередь за работой, за знаками, «дефицит знаков» (платёжеспособного спроса)».

В исследовательском же производстве общественного познания иначе, ибо в его общественных формах доминируют процессы, которые, в отличие от вещей, доминирующих при капитализме, равно и в отличие от контента информационного общества, - «*ждать не могут по своей природе*». Поэтому, в силу той же природы, они могут или не соответствовать, или рассогласовываться, или не успевать (образуя очередь), или приостанавливаться, или переключаться на другие срочные и более важные исследования, или аритмизировать (лихорадить, дёргаться), или выполнять исследования впрок и «про запас» в соответствие с собственными профессиональными интересами, или упреждать очевидное развитие событий в общественном познании и т.д. То есть процессы общественного познания проявляются в значительно большем многообразии неизбежных рассогласований, нежели ожидание вещью (в том числе рабочей силы) покупателя или ожидания информацией (контентом) своего потребителя.

Согласно открытым постсоветским публикациям «излишки работников» на советских предприятиях оцениваются в 10–15 %, однако ни в какой отчётности, статистике этого просто нет (не было), что, естественно, и образует «одну из тайн собственности технофеода, которую достаточно обобщённо можно назвать **покрывательством**». Ещё более шокирующие цифры называются в различных критических (часто критиканских) обсуждениях относительно численности сотрудников НИИ и академической науки и научно-исследовательских секторов ВУЗов. Однако, как и в первом случае, никакой отчётности и статистики так же нет, а это уже, можно сказать, ещё более *глубокая тайна собственности «феода познания*», которую достаточно обобщённо можно назвать не просто «покрывательством», а массовым устремлением, как говорят злые языки, «*удовлетворением собственного любопытства за государственный счёт*».

Но не следует отождествлять эту вторую тайну с первой, ибо речь идёт о профессиональном любопытстве, то есть о саморазвитии, о росте и углублении специальных знаний, то о внутреннем саморегулировании профессионализма. Со временем этот «нетематический», внеплановый рост знания будет успешно реализован в каком-либо исследовании в виде «овеществлённой»

(превращённой в знание) интеллектуальной деятельности, а именно как ценность информации (**D**) для производства нового контента, согласно ценностной формуле-схеме информации как знания (см. 5.2).

Это всё ещё равновесное состояние воспроизводственного процесса общественного познания можно характеризовать следующим образом. В противоположность дефициту знаков (спрос) капиталистического и информационного общества здесь более характерен избыток знаков и порождающий его избыток исследовательских статусов (дефицит ресурсов). Однако, в отличие от одномерных денег, статусы и ресурсы многомерны, «понятийны» и процессуальны (обеспечивающие функции), и не просто процессуальны, а ещё и абстрактны. В грубом образном сравнении, в первом случае – очередь на бирже труда и товаров (лежащих на прилавке), перепроизводство продуктов, в том числе рабочей силы, или нескончаемая реклама своего профессионализма, интернет-поиск заказов и слабо реализуемый контент (перепроизводство контента или отсутствие спроса). Во втором случае – очередь за обеспечением или его поиск нужного, недообеспечение исследований как результат (синоним) исследовательской статусной избыточности. Итак, несмотря на осложнения, всё это есть нормальное состояние. Это состояние пока ещё не критической асимметрии, что сравнимо с тем же постоянным дефицитом спроса в капиталистическом производстве или, что ближе, в информационном производстве.

Причины и суть неуклонного *нарастания* исследовательской статусной избыточности (недообеспечение исследований) следует искать, разумеется, не в знаковой сфере, а в самой объективной, материальной направленности (цели, законе) реального производства, в его материальном теле.

6.4.3. О «цели» общественного познания как производства

Позиция «Полилогии...» по этому вопросу однозначна: *««Цель» производства, которое нигде и никогда в буквальном смысле «цели» иметь не может (как определённый способ, система «производства и воспроизводства действительной жизни»), напомню, это метафора означения основного*

производственного «мотива» анонимных агентов в движении этого производства».

С другой стороны, все «показатели» общественного производства совсем «не произвольны, а вырастают как обслуживающая, экзотерическая (хозяйственная) форма и только в меру «согласия» с производственными отношениями».

Так, например, всем известный «капитал суть отношение «одномерных» объективных агентов, вечно персонифицируемых как экономические («атомизированные») индивиды». В силу этой одномерности капиталистические агенты способны в своём субъектном выражении отношений и унифицированной мономерности господствующих знаков что-то минимизировать, в частности, расходы, и что-то максимизировать, – доходы. Так как за господством этих знаков стоят сами господствующие при капитализме ценности, то, по сути, господствуют вещи.

В отличие от капитала и информационного трекера исследовательский процесс познания как производство, как феодал познания, как общественная форма собственности на общественное познание суть в самой глубокой основе своей есть системно-сетевое и иерархически групповое отношение логического соответствия соисполняемых исследований объективными агентами. Агенты этих отношений в принципе «анонимны», по природе этих отношений *не персонифицируются*, ибо объективные ценности здесь – сами кластерные процессы, общественное познание, которые не атомизируемы и выступают для человека, как смысл - «принадлежность коллективу» исследователей, познающих тайны материи, природы и общества.

Поэтому, но со значимой долей условности, можно утверждать, что в общественном познании основные агенты как группы не способны ничего, ни максимизировать, ни минимизировать, ибо сами эти группы исследователей и являются формами взаимоувязанных процессов общественного познания, *отношениями людей*. Такова чистая логика системы, в полном отвлечении от многообразия конкретных ситуаций и поведения людей. Последнее требует специальной оговорки, ибо, как в академической науке, так и в прикладной, нередки ситуации, когда определённые направления исследований и знания по факту связаны с конкретной персоной исследователя (руководителя). Объективность этого состояния вызвана тем, что знаниями и

процессом их использования зачастую владеет, а точнее *обладает*, вполне конкретное лицо, персона, исследователь или учёный; примером чего и является понятие «научная школа» исследований, как правило, по имени данного лица. Это позволяет указанной «персоне» в определённой степени, локально, влиять на формулирование и реализацию целей общественного познания в области предмета его научных интересов и специализации.

Соответственно, в самой основе собственность на процесс общественного познания есть собственность *системно-групповая, не субъективируемая*, при этом и не частно-групповая, просто корпоративная, а в целом отношения собственности есть отношения системно-сетевые и иерархизированные в руководстве и управлении. Сами работники свободно могут менять свою принадлежность к группе, то есть к некоторому процессу общественного познания, а, следовательно, переходить из исследования в исследование. Тем самым, интеллектуальные работники, в своём персонифицируемом качестве могут относительно свободно варьировать своё поведение, но, как правило, в рамках своей научной специализации.

Однако всякая включённость в группу сразу же всё персонализируемое в производственном содержании уничтожает, особенно, если не выдерживается логика соответствия и единый концепт, оставляя в основных взаимодействиях незыблемой безличную собственность по поводу процесса общественного познания (собственность на познание) больших и малых коллективов.

Таким образом, в процессах перемены труда в целом работники исследовательского производства всё же могут так же что-то максимизировать или минимизировать, но лишь, главным образом, в своём самоутверждении. В частности, например, проявлять целеполагание в выборе более приятной и лёгкой или более трудной, но более интересной, или высоко оплачиваемой работы.

Итак, *«при капитализме «командует» персонифицированный капитал (в лице менеджеров и внутренней иерархии, но без всякой общей иерархической ультраструктуры), без всяких собраний, во внешнем маркетинговом пространстве, в конкурентной и «предлагающей» среде, с очередью за воротами и т.д. В плановой системе «командует» технология (с персонифицируемой, но общей*

иерархической ультраструктурой), с собраниями, уже в техномимическом пространстве, в адресно-фиксированной и «дефицитной» среде, с табличкой «Требуется...» за воротами».

Далее, в информационном обществе «командует» персонифицированный трекерс (информационный капитал) (в лице менеджеров и внутренней иерархии, без какой-либо общей иерархической ультраструктуры), без всяких учёных советов, собраний учёных и публичных обсуждений во внешнем информационном рыночном пространстве, в конкурентно-предлагающей среде, с очередью на дому или за дверями офисов и организаций. В системе производства нового знания «командует» процесс общественного познания, с обсуждениями, учёными советами, конгрессами и публичным дискурсом, с собраниями научной общественности, уже в пространстве общественного познания и знания, «в адресно-фиксированной и «дефицитной» среде», с неизменными интернет-объявлениями и адресными рассылками «Требуется...» или приглашениями на специализированных сайтах всемирной сети Интернет.

Однако порою кажется, что в иерархии руководства и управления общественным познанием, где структуры часто персонифицируются руководством, явно проявляется целеполагание. Такая внешняя (обманчивая) видимость, как правило, подвигает популистов на дезориентирующие и отвлекающие от сути объяснения складывающихся ситуаций общественного развития, что, например, нехорошие начальники всех уровней дают плохие указания и не руководствуются научными исследованиями, что РАН и подобие советского ГКНТ и пр. плохо работают. Но в действительности, исходя из материальных основ складывающихся общественных коллизий, «виноватыми» в отжившей форме бывают только сами «квазидействующие» производственные отношения».

В то же время верно и то, что научное руководство вместе с аппаратом административного управления (группа) является представителем собственно исследовательских групп, их символом, а равно и выразителем их интересов в знаковой сфере знаниенимики.

В этой связи, весьма актуальны замечания А.С. Шушарин относительно функционального производства, он пишет:

- *«Иначе сказать, и в руководящем, казалось бы индивидуализируемом, качестве в действительности руководитель является лишь орудием неясной, безликой, но твёрдой «воли» группы, требующей, так сказать, **не высовываться**. Группа, образно говоря, не даст упасть, пропасть, опуститься, покроет отдельные слабости и т.д., что в совокупности и образует основу высокой **социальной защищённости**. Но с ещё большей силой группа никому не даст отличиться, выделиться, выдвинуться и т.д., что и образует **обезличенность, инертность** системы. Таковы уж свойства, если воспользоваться оборотом Ф.А. Степуна, **«тоталитарной демократии»**, как следствие собственности на технологии. Из бесчисленных мрачных биографий творцов хорошо известно, что начинают осаживать «высунувшегося» (того, кто «пошёл против коллектива») именно **собратья по цеху, отделу, перу, научной дисциплине и т.д., т.е. по сложившейся технологии с её же сложившимися связями, а лишь затем их волю в своих санкциях оформляют более высокие инстанции**».*

Особо следует отметить следующее интересное примечание: *«Рушащийся сейчас (2004 г. – ХАТ) социалистический коллективизм, отсутствующий при капитализме, напомню, имеет сложную, главным образом неэндогенную природу, с основным символом не «коллектив», а «товарищ»: мы же здесь рассматриваем только линейную форму». В этой связи интересно будущее символа «товарищ» в «Обществе знания» - останется ли он или приобретёт нейтральную окраску – «коллега»?*

Функции руководства и управления – это *«частички» процесса познания*, а в конкретных образах, внешне, это управленческие кабинеты, столы, компьютерные сети, селекторы-конференции типа «скайп» и пр., от секторов и лабораторий до академий и государственных властных структур. А если точнее, это, несомненно, и сами процессы руководства и управления, которые также находятся в системно-сетевой иерархически групповой собственности на процесс общественного познания. В иерархии управления исследовательским производством резко обостряется борьба вокруг самих знаков, то есть самих индивидуальных исследовательских статусов (должностей, степеней, званий и пр.) и во многом теснейше с ними связанных статусов самих научных и исследовательских коллективов. Так как, например, в любых

научных организациях число дипломированных, остепенённых специалистов является существенной характеристикой самого научно-исследовательского статуса коллектива.

Одной из отрицательных черт этого типа отношений собственности, неоднократно подвергаемой публичному обличению в эпоху реального социализма СССР, является беспардонное присваивание поступающих снизу идей, что свойственно всякой иерархии управления. Это присвоение происходит в соответствии со статусной принадлежностью. Такое идейное присвоение имеет место в любой системе производства и сегодня, в основном, можно сказать, *«пока шутейными институтами «защиты авторского права»*. С другой стороны, управление есть так или иначе легитимная форма информационного присвоения, ибо иначе управление в принципе просто невозможно. На этот счёт А.С. Шушарин пишет: *«Информация в самом широком смысле вообще, как известно, – «хлеб» управления. Но если при капитализме это присвоение, в том числе и идей, осуществляется в среднем или в основном по капиталу, то в линейной форме – по статусу (функции). Причём совершенно не обязательно по индивидуальному статусу (например, «начальственному»), а и по групповому («головной» институт, разработчик, ведомство и т.д.)»*.

Следует заметить, что этому способствует ещё и обычная человеческая психология, так как обычно всякая прочитанная или услышанная и заинтересовавшая человека мысль большинством людей автоматически присваивается, а в дальнейшем воспринимается как своя, так сказать, без какой-либо благодарности автору этой мысли. И это так, ибо даже при желании дать соответствующую ссылку, невозможно однозначно и уверенно знать, а утверждать – тем более, что эта мысль впервые посетила именно этого автора, а не другого.

С другой стороны, верно и «обратное», - однажды удачно по форме высказанная или изложенная письменно (печатно) общепринятая идея или мысль приобретает некий стандарт, который используется всеми и без всяких ссылок. Ярким примером этому являются пословицы и поговорки, а также, так называемые, канцелярские и публичные штампы официоза.

Таким образом, как и в сюжете Матфея, в иерархии управления имеет место устремления «власть к власти», при этом,

что очевидно, с некой прибавкой труда, ответственности и риска. Большая производственная власть и большие возможности стоящих у власти открывают для властных индивидуумов широкое поле для индивидуальных злоупотреблений, в том числе для превышения потребительских исследовательских статусов, сверхнормативных привилегий и льгот. Однако ещё раз напомним, что это действительно негативное явление не имеет никакого отношения к производственному содержанию происходящего и являет лишь *«броские, наиболее раздражающие явления аморального или нелегитимно правового порядка»*.

Очевидно, что в общественном познании всё, можно сказать, движется и расположено вполне по ранжиру, - в верхах всегда больше возможностей и склонностей пожировать. Но, это, можно сказать, просто детские шалости в сравнении с нынешним капиталистическим беспределом и пышно расцветающей коррупцией.

Однако, ещё со времён функционального производства и советского социализма, при формировании и планировании исследований сохраняется опасность того, что, *«невинное планирование, как совершенно естественная и необходимая форма согласования»* исследовательских функций в их соответствии друг другу, в своём доминировании и гомогенной абсолютизации превратится в согласование ради последующей удовлетворительной отчётности. То есть не логическое соответствие и содержание исследований, и, тем более, интеллектуальная исследовательская деятельность, а *«последующий хороший отчёт является целевым «мотивом» в управленческой сфере»*, а зачастую и в руководящей. Это, согласно имеющейся практике, всегда сопровождается всевозможными корректировками исследований, приписками, «рапортманией». *«Как говорят китайцы, начальники повышают цифры, а цифры повышают начальников»*.

При этом остаётся неизменным то обстоятельство, что управленческая иерархия как ультраструктура, а прежде всего и само руководство, — есть *«необходимая форма»* логического соответствия соисполнения и концептуального единства, причём форма самоконтролирующаяся.

Итак, в руководящей, а тем более в управленческой сфере, в отношениях проявляются лишь относительно персонифицируемые

целеполагающие мотивы, которые совсем не выражают «действительной направленности («цели» или «закона») производства в его основном содержании».

В этой связи закономерно возникает вопрос, поставленный А.С. Шушариным при анализе ещё функционального (планово-технологического) производства следующим образом: «... а может ли быть вообще цель у коллектива, точнее, даже у многих десятков тысяч технологически (диспозитивно адресно и иерархически) связанных коллективов? Или, лучше, какой здесь может быть объективная, материальная «ориентация», выражаемая метафорой «цель»?».

Далее, отвечая на поставленный вопрос, он пишет:

- «Главный «агент», в самом теле линейного производства в собственном смысле представляющий «технологический феодал», – вовсе не субъект, а группа (учреждение, от цеха до ведомства или министерства), т.е. форма связей технологии, отношение, которое просто по природе своей никак не может персонифицироваться, ни к чему не может стремиться, чего-то хотеть или не хотеть, целеполагать. Конечно, работают-то целеполагающие люди, но групповое (иерархическое) отношение способно только к **сохранению**. Вспомним у Маркса – «цель всех общин – сохранение» или тезис Дж. Гэлбрейта о «корпорации». Вот это и есть объективная доминирующая «мотивация» линейного производства («цель»)). Линия, «технологический феодал» с «рассеянным суверенитетом», в чистом виде есть **репродуктивная** локализация труда во взаимосвязанных группах и превращение всех работников в исполнителей частичных, в том числе общих (управленческих), функций, всякое отклонение от которых органически отторгается, как, образно говоря, самовольство оркестранта, работника конвейера, цеха фабрики, сотрудника конторы, гребца команды и т.д.»

В целом подобным образом складываются отношения и в общественном познании, ибо познание та же функция, но уже ограниченная лишь определённым типом – общественным познанием. Так как сфера этой деятельности, образно говоря, «заточена» лишь на определённую типологию процессов (на общественное познание), то только, и только в этом смысле, она более целенаправлена, чем в целом функции как процессы.

В функциональном производстве линейной формы социализма каждая отдельная линия не случайна, а есть динамическая, но строго органичная частица всего неатомизированного, то есть взаимосвязанного, линейного производства. Сохраняющая самообеспеченность в линейном технофеоде резко отлична от известного натурального («настоящего») феода с его *«предельной натуральной самообеспеченностью»*. В технофеоде сохраняется сама сетевая, потоковая, функциональная взаимозависимость. В репродуктивных срезах производства эта форма организации труда не только вполне естественна, но и необходима. Здесь она эффективна и мощна, однако в условиях доминирования «анонимной» собственности на технологии и господства над всем *«превратилась в неподвластную, отжившую, самодовлеющую силу своего рода молоха»*.

Всё это обуславливает качественная неизменность линий линейного производства, которые подобно автомату продолжают выполнять свою работу, можно сказать, «экстраполируют по инерции», вне зависимости от вида работ, будь то рытьё земли, выплавка стали, проектирование или писание философских трудов. В этой, подобной автомату, форме коллективы из средства раскрытия и самореализации личности превращаются в групповые оковы, но не вообще, а в отношении связанных и качественных перемен. *«Образно говоря, – пишет А.С. Шушарин, – группа по самой природе обязывает делать что-то накатанное, т.е. если и «целевое», то неизменное, репродуктивное, повторяющееся. <...> Соответственно всякий «вал», «затратность», экстенсивная или расширительная экспансия и пр. – это и есть проявления линейности, «технологического феода»*.

Технологии, как крупные «социотехнические агрегаты», из средства *«превращаются во взаимосвязанную независимую систему и узурпируют функцию целеполагания»; «система распространяет свой контроль и на цели... приспособливает их к собственным потребностям»*, репродуктивным по определению.

В общественном познании, как и в функциональном производстве, каждый граф исследований не случаен, а есть динамическая, на определённый момент (период) строго фиксируемая частица (подграф) всего взаимосвязанного общественного производства исследований и получения нового знания. Сохраняющая самообеспеченность в феоде познания в своей

схеме весьма напоминает известный натуральный («настоящий») феодал с его *«пределной натуральной самообеспеченностью»*. Действительно, каждый исследователь или некая группа напоминают специализированный на определённых исследованиях (или на определённом предмете науки) «двор», а образуемый ими феодал самодостаточен в смысле необходимого знания и потребных исследований. Однако в отличие от натурального феодала и технофеодала в общественном познании феодал знания, как само исследование и получения нового знания, дело «одноразовое», а это означает, что граф общественного познания регулярно меняется вместе с окончанием старых и началом новых исследований. При этом, как правило, сохраняется некое неизменное ядро этого феодала познания, что на протяжении некоторого времени делает структуру этого феодала размытой, «облачной».

Это неизменное ядро процесса общественного познания, положим некоего графа исследований, так же естественно, как естественен и неизменно постоянен, разумеется, в целом и глобально, сам объект исследований – сама действительная жизнь.

В феодале познания сохраняется сама системно-сетевая (граф), отчасти потоковая, исследовательская взаимозависимость. В репродуктивных срезах производства исследований эта форма организации труда не только вполне естественна, но и необходима. Несмотря на вечно колеблющуюся структуру феодала познания, около своего ядра и направленность на получение нового знания, сами агенты, в силу своей научно-исследовательской специализации, склонны к определённому репродуцированию выполняемых исследований, что, однако, не мешает им каждый раз получать «новое знание».

В условиях доминирования «анонимной» собственности на общественное познание и господства над всем она превращается в неподвластную, отжившую, самодовлеющую силу.

Особо интересен, например, формирующийся в линейной форме психологический климат отношений. Так, если капитализм, в силу повсеместной конкуренции, *«безжалостен к проигравшим и снисходителен к удачливым, то групповая основа линейной формы снисходительна к неудачникам, но безжалостна к «высывающимся»*». Каким будет характер этого рода отношений в обществе знания пока трудно сказать, но ясно уже, что в будущем будет больше почёта и уважения именно к тем, кто добивается

наибольших успехов в научно-исследовательской деятельности и интеллектуально успешен.

В этом отношении автор полилогии заметил следующее, имеющее прямое отношение к процессам общественного познания - «... *успехи и в гражданке* (гражданское производство – ХАТ) во многом определялись яркими личностями (их сподвижниками), что как раз и выпадает из «нормы» плановой формы. Между прочим, еще резче (а может быть, индикативней?) это относится к науке. Даже в западных структурах доказано, что эффективность НИР куда в меньшей степени определяется материальными затратами, нежели психологическим климатом, научными способностями и личностными характеристиками руководителей НИР».

В мифических целях чисто функционального производства основной «инвариант формы производства это материальная направленность линий на сохранение». Такое устремление к сохранению приводит и практически проявляется «в полном отсутствии известной при капитализме **диффузии или даже передач (трансфера) технологий** (даже в их самом простом, инженерном смысле)». При этом не следует забывать, что главным объектом отношений собственности и являются сами технологии, сам объект собственности. То есть технологии сами по себе не диффундируют, а поэтому, и лишь при «*вопиющей необходимости*» введения новообразований, эти новые технологии «силой и сверху вклиниваются во всю сеть», обычно через посредство учреждения новых организаций и строительство ряда уникальных объектов и целых цепей новостроек, включаемых в титульные списки.

В общественном познании ситуация внешне иная, - результаты исследований как продукт интеллектуальной деятельности всеми возможными силами, разумеется самих исследователей, настойчиво предлагаются прочим агентам общественного производства, они усиленно рекламируются, тиражируются, публикуются, докладываются, обсуждаются и т.д. Однако секреты, методология и технология исследований каждого агента познания, основанные во многом на творческих и интуитивных началах, остаются в тайне не только от общества, но и самих исследователей. И дело здесь не столько в «*направленности на сохранение*», сколько в сложности самого понимания и

публичного представления, что в значительной мере объясняется наличием и присутствием некой «научной школы» в самом процессе познания.

Соответственно, на защиту интересов основных производственных групп, научных школ и т.п., сохранения их *«репродуктивного покоя»* встаёт не только собственно вся иерархия руководства и управления. Поэтому вся внешняя производственная бюрократическая волокита, обосновываемая «глубокой и тонкой» аргументацией, есть всего лишь обычная управленческая форма сохранения или экспансии данной структуры исследований, собственности на процесс общественного познания.

На этот счёт А.С. Шушарин пишет так: *«Бюрократические помехи новшествам в управлении – это в основном лишь выражение их неприятия в самом производстве; образно говоря, если «бюрократ» запрещает, то чаще всего за этим и скрыты какие-то подразделения, цеха, отделы, заводы и т.д., коим и желателен такой запрет»*. Бюрократические запреты, помимо нормального согласования соответствия исследований и функций в общественном познании, выражают консервативный момент всей системы. Но, с другой стороны, «бюрократический нажим» иногда может выражать и нести в познание позитивный момент борьбы с консерватизмом как одним из основных пороков всей системы исследований в виде прямого административного внедрения новых направлений и методов познания.

«В этом смысле, кратко говоря, - утверждает А. С. Шушарин, - даже любое государство, будь то феодальное, капиталистическое, выступает не только как обслуживающая надстройка, но и как институт, стремящийся хотя бы частично ослабить имманентные негативы системы. Всегда гомогенная доминирующая собственность, образно говоря, «стремится» к предельной узурпации объекта, а государство, в целом неизбежно «покорное» этой собственности, но тем не менее, выражая более общие, всегда гетерогенные общественные нужды, «стремится» смягчить негативы узурпации».

Наконец, сравнивая рассмотренные выше моменты целеполагания в актуальных для нас в настоящее время общественных системах, отметим следующее.

Во-первых, *«В капиталистической системе «цель» (объективный несознаваемый «мотив») атомизированных агентов*

(своеобразно включая и рабочих) экономически одномерна и весьма определённа (максимум прибавочной стоимости <...>). Собственно, именно поэтому, начиная с М. Вебера, система и именуется «целерациональной». Хотя, конечно, для всей хозяйственной системы (за исключением кризисов, особых случаев, внутренних реакций внешнеполитического происхождения), собственно, целей нет. Откуда и широко известная афористика, что «рынок» всё сам налаживает, саморегулирует, а «министерства экономики малость манипулируют лишь «правилами игры»». Итак, в целом всякая хозяйственная капиталистическая система (общество) «собственно целей» не имеет, и иметь не может.

Во-вторых, «В линейной форме (социализма – ХАТ) на этот счёт почти всё наоборот. У всех основных агентов материальной «цели» по сути нет (репродуктивное сохранение технологий), а в управленческих хозяйственных (субъективируемых) формах всё и вся вертится вокруг целей, программ, планов, вплоть до «светлых далей». Хотя объективно на самом деле это уже постэкономическая форма тоже саморегуляции, со своими «правилами игры», ибо никакое производство в буквальном смысле никогда «цели» иметь не может, это определённая материальная структура деятельности, лишь проявляемая в «правилах»».

Итак, и ещё раз, подчёркиваем, что на основании фактического опыта общественного развития «никакое производство в буквальном смысле никогда «цели» иметь не может», однако можно и допустимо говорить лишь о «мотивации производства». И это так, однако сам характер интеллектуальной жизнедеятельности в сфере общественного познания совсем не исключает постановки исследований, имеющих целью сформулировать именно те самые «цели», которые общество, как производство по воспроизводству действительной жизни, ставит перед собою, используя соответствующие институты (демократические институты - Верховный совет, ФС РФ, Госдума и т.п.), государственные органы управления, общественные движения и партии.

На основе выработанных и принятых целей общественного развития разрабатываются в процессе специальных исследований, как соответствующие стратегии развития, так и необходимая мотивация общественного производства. Поэтому вышеизложенное понимание объективной мотивации общественного познания

(производства исследований) позволяет уяснить его объективную направленность в форме основного закона общественного познания как производства. Это закон бытия этой системы производства в условиях равновесного состояния и квазистабильного развития, но ещё не достигшего критической фазы «своего конца».

6.4.4. Основной закон общественного познания

«Основной закон линейного производства, как и закон всякой эндогенной формы, метафорично выражает объективное нарастание асимметрии собственности, т.е. «в чистом виде» всегда форму какого-то иррационального «накопления»». То есть в критическом описании идеального типа производства общественного познания (знания), как и прочих чистых форм, нарастание асимметрии собственности проявляется как «закон».

Ранее, для второй фазы эпохи знания – градации «Общество знания», был обозначен в форме гипотезы основной закон доминирующей ЧЭФ «общественное познание» - **полная форма закона положения исследований** (6.20):

$$Pz = R + U + Dz,$$

где **Pz** - объём исследований процесса общественного познания;

U - объём руководства и управления исследованиями;

R - объём элементарных (горизонтальных) исследований;

Dz - объём занятости «нетематическими» исследованиями.

В абстрактно чистом взаимодействии общественного познания это есть «мощностное соотношение», проявляемое в простейших формах списочных составов исследований и стоящих за этими списками численностями и списками соответствующих специалистов (специальных исследований) с их календарно-технологическим временем. Это соотношение выполняется как для отдельных исследований, так и на всем графе познания, включая руководство на всех уровнях иерархии, и, как правило, совмещённое с ним административное управление.

В целом же закон положения исследований апостериорен (после опыта), и действует «за спиной» участников исследований,

то есть *«утверждается как нечто уже сложившееся»*. В сферу закона включены так же управление и *функции руководства исследованиями*, которые при своей реализации используют в полной мере опыт и результаты прежних исследований, выступающих на текущий момент в форме известного знания.

Объём элементарных (горизонтальных») исследований **R** проявляется в простейших формах через списочный состав исследований. При этом учёту (зачёту) подлежат как результаты прежних исследований, выступающих на текущий момент в форме известного знания **R_p**, так и проводимые на текущий момент исследования **R_t**:

$$R = R_t + R_p, \quad (6.21)$$

где **R** - объём элементарных (горизонтальных») исследований;
R_t - объём текущих исследований;
R_p - объём исследований, выступающих на текущий момент в форме известного знания.

Источником нарастания ранее упомянутой асимметрии и в её основе лежит *производительный труд*, равно как и в основе нарастания асимметрии любого типа, любой чистой формы общественного производства. Как утверждает А.С. Шушарин, *«производительный труд – это и есть общественная форма труда, увеличивающего асимметрию собственности (какой раз напомню, что от адаптаций и всего множества неэндогенных факторов мы отвлекаемся)»*.

То есть и в общественном познании как производстве, где, кроме логического соответствия выполняемых исследований в чистом виде, ничего нет, кроме иерархии руководства и управления, должно найтись ещё какое-то особое исследование, форма интеллектуальной деятельности (труда), производящего асимметрию собственности и собственную же «противоположность». В изучаемой чистой форме общественного познания эндогенной логике никакой иной созидющей и изменяющей субстанции, кроме интеллектуальной исследовательской жизнедеятельности, нет.

Так, например, по Марксу, в основе нарастания асимметрии в обращении капитала, кроме одного необычного «третьего товара»

(деньги), обслуживающего всё движение доминирующего объекта, есть ещё один особый «товар» – рабочая сила. «Товар» пишем в кавычках, ибо вообще-то, согласно «Полилогии...», «рабочая сила» как типологический объект не является товаром. Однако в силу *товарного доминирования* в этой экономической (капиталистической) форме всё деформировано под *товаризацию*. Эта рабочая сила, «особый товар», согласно определению, обладает *«способностью производить прибавочную стоимость и, главное, постоянно воспроизводить и расширять асимметрию, собственную противоположность»* (частную собственность на средства производства – ХАТ).

Переходя к функциональному производству, А.С. Шушарин пишет: *«Точно так же и в функциональном производстве, где кроме соисполнения функций в «чистом виде» ничего нет (всё «функционализировано»), кроме одной уже известной функции, обслуживающей весь процесс (иерархия управления), должна найтись ещё какая-то особая функция, форма труда, производящего асимметрию собственности и собственную же противоположность. Ведь никакой иной создающей и изменяющей субстанции, кроме труда, нет...»*.

Соответственно так же и в общественном познании, источником всех перемен и асимметрий является творческий труд, труд всеобщий, неизбежно выходящий за всякую данную общественно-познавательную (!) локализацию труда. Эта производящая (продуктивная) интеллектуальная деятельность исследователей бьётся из недр общественного познания как производства *«независимо от воли и сознания людей (хотя, конечно, и посредством этой воли и сознания)»*.

Как правило, можно сказать, и всегда, как пишет А.С. Шушарин, *«производящий труд не конструируется в особых функциях, но именно в общей функциональной форме, как говорится, везде и всюду, где удаётся, выступает как внефункциональный, эксфункциональный, даже дисфункциональный»*, в том числе и в общественном познании. Подтверждением этому служит, как исторический факт следующая аналогия. *«Несколько подобным образом, напомним, по отношению к господствовавшим при феодализме территориальным или натуральным структурам, индустриализация в форме товаризации и уже **производительного** труда выступала как **экстерриториальный**, обобществляющий*

*территорию как «пространство производства» процесс и пробивающийся будущий рыночный механизм контроля труда и производства, но сперва, как известно, ломающий, искажающий, «портящий», преодолевающий **натуральность**».*

Наконец линейная система (социализма), как и всякая исторически общественная система, целиком, всеми компонентами, настроена на репродуктивные процессы, то есть, грубо говоря, «*на массовый нетворческий труд*», в основе которого лежит регулирование и рост жёстко связанных производственных потоков. Однако, несмотря на это, из недр производства, так или иначе, и всё чаще начинает выбиваться нечто аномальное. Это «аномальное» не вписывается и не сопрягается с текущим процессом и, наконец, искажает и разрушает согласованное и равновесное (спокойное) течение всех связанных производственных потоков. Как подчёркивает А.С. Шушарин, «*«массовый нетворческий труд» – это вовсе не какой-то «плохой» труд. Ерунда это. Он был, есть и будет всегда. Даже на Андромете. Но в высшей исторической (линейной) форме своей же организации группо-иерархической собственности на технологии он и предстаёт как стопорящий труд творческий. Никаких явных несправедливостей нет, все вроде бы при деле, но вся система начинает растрескиваться*».

Подобные процессы не обходят стороной и общественное познание, но реализуются они на более высоком уровне общественного развития. Это отличие связано с тем, что, как это принято считать, познание и научно-исследовательская деятельность сами по себе считаются интеллектуальным, творческим трудом, который в «Обществе знания» становится *массовым*, но никак не «нетворческим трудом». Однако, исследования исследования – рознь, ибо есть ещё и «талант», и «кинсайт» (инсайт - внезапное и невыводимое из прошлого опыта понимание существенных отношений и структуры ситуации в целом, посредством которого достигается осмысленное решение проблемы). Вот это-то последнее и есть, действительно аномальная сверхтворческая, супертворческая интеллектуальная деятельность, которая, с одной стороны, стопорится рядовым творческим трудом, а, с другой стороны, вносит в процесс познания некий диссонанс, неконцепт, которые в корне ломают сложившуюся систему исследований и знания. И, как пишет автор полилогии, -

«Никаких явных несправедливостей нет, все вроде бы при деле, но вся система начинает растрескиваться», система общественного познания.

Таким образом, можно сказать, что двигателем всякого восходящего развития является «производящий труд», «производящая деятельность». Производящий труд или деятельность – это общественная форма труда, проявляемая во многих исследованиях, которая вначале **разрывает** соответствующую **познавательную способность** общественной системы, а затем преодолевает её. При этом в связанных, но мобильных (размытых, облачных) системно-сетевых графах общественного познания как производства образуются, условно назовём их, - **«издержки творчества» («неконцепт»)**.

Эти издержки творчества и суть общественные, объёмные формы логически соответствующих и соисполняемых работы в основных исследованиях, деятельности вполне весомой, субстанциональной, но которая столь же весомо, материально не соответствует генеральному концепту познания, логически не сопрягается, не увязывается с другими исследованиями – или *«уже не нужна, но продолжается, или ещё не нужна, но уже есть, или не тем нужна, или не так нужна и т.д. до бесконечности конкретных проявлений»*.

Следует заметить, что в отличие от товара, который способен ждать покупателя на полке магазина (или склада), а также в очереди на биржах труда, в частности, в виде рабочей силы, исследования, как процессы, физически и «впрок» запастись невозможно. Поэтому, коль скоро они в чём-то не те, что надо, ибо рассогласованы, то они неизбежно вносят во все смежные исследования некий диссонанс, тем самым диффузно распространяют соответствующий «неконцепт» в общественном познании. Таким образом, стихийно диффундируют уже не процессы познания (исследований), а *«неконцепт (издержки творчества)»*.

Неконцепт исследования в производстве, как говорится, растворён в ветвях графа познания, который так или иначе полностью логически увязан, концептуально сопряжён и синхронизирован. В соответствующих объёмах ветвей графа этот неконцепт составляет вполне определённую часть, однако при этом он не обособляется в некую определённую «вредную» деятельность.

Особо следует заметить, что этот «вред» часто приносят самые важные, передовые, продуктивные сдвиги в исследованиях и общественном познании в целом, но *«в общественно скрытых, не обособленных формах»*. В силу изложенного издержки творчества (неконцепт) в исследованиях есть внутренняя, *интенсивная форма иррационализации концептуального единства и графа общественного познания* исследовательского производства как интеллектуальной деятельности.

«Образно говоря, часто люди могут чувствовать, что делают никчемную работу, но, за редким исключением простых случаев, попытки установить эту никчемность наталкиваются на что-то ускользающее, да еще и выясняется, что эта никчемность кому-то пока очень нужна».

Издержки творчества (неконцепт), как и всё в общественном познании, исследовательски **многомерны**.

В процессуальном и многомерном постинформационном производстве и его аномалиях издержки творчества не только процессуальны и многомерны, но и выступают в характерной форме неких исследований и процессов общественного познания. Причём выступает в форме конкретного неэффективного процесса неиспользования значительных возможностей многомерного потенциала данного общественного познания, что неизбежно ведёт к негативным социальным последствиям. Сами конкретные **формы издержек творчества исключительно многообразны**, при этом, как правильно пишут, *«новое воспринимается как инородное тело, заноза, вокруг которой начинается воспалительный процесс»*. В итоге частный неконцепт и издержки творчества проникают во всю совокупность изначально логически соответствующих друг другу исследований (соисполняемых функций) общественного познания. Однако исследования, поражённые неконцептом и издержками творчества, сами по себе ни в чём не виноваты и поэтому внешне остаются, а точнее, «кажутся», вполне рациональными.

И всякий раз, когда происходит *«не какое-то рационально общее, а именно частичное, спонтанное новообразование вполне позитивного свойства»*, то в логически и концептуально связанную систему соответствующих друг другу исследований оно неотвратимо влечёт за собой какие-то издержки творчества и неконцепт. Само же, будучи уже базово новым и более совершенным, вынуждено, как правило, тоже *«порчено»*

подстраивается под старую среду общественного познания и становится, таким образом, неким «*новопорченным*» образованием в текущих исследованиях.

Так как издержки творчества не информационны в своей сути, а процессуально-познавательны, то их прекращение (исключение) как части общего общественного процесса познания невозможно, ибо это приведёт к остановке всех взаимосвязанных исследований (работ) по всему графу познания или смежным графам всей сети общественного познания. То есть неконцепт неотвратимо диффундирует на смежные участки производства исследований, как бы заставляя их подстраиваться под исходный неконцепт (издержки творчества), который по своей внутренней сути может быть совсем и не порочен, а вполне рационален. Однако он логически не сопрягаем, концептуально отличен, и в этом качестве воспринимается и реально выступает как искажающее новообразование.

Каковы бы ни были многообразные формы издержек творчества (неконцепт) они всегда означают или своеобразное «недоисследование» и неиспользования потенциала данного процесса общественного познания. Издержки творчества могут означать и объёмную форму скрытой тем или иным покрывательством **общественно бесполезного процесса общественного познания (или не воспринимаемого обществом в текущий момент)** логически соответствующих друг другу исследований, хотя и столь же общественно необходимых. Известно, что итоговый негатив капитализма – эксплуатация, присвоение результатов чужого труда; негатив линейной формы – многообразные проявления общественно бесполезного труда; негатив ЧЭФ «информационная» - информационное неравенство. Ключевой итоговый негатив общественного познания – многоликость издержек творчества (неконцепт), выражающаяся в основном в несвоевременности и неуместности той или иной творческой деятельности в познании. И хотя эта деятельность в принципе часто является общественно необходимой, но явно и не вычлняемой.

Другой общей метафорической характеристикой исследовательского процесса в общественном познании, в её родовой нейтральной и симметричной сути, является логическая слаженность процесса познания как производства и всего бытия на

основе концептуального единства. Однако расползание издержек творчества приводит к противоположности, точнее, к логической и методической непоследовательности, что воспринимается как некая **внутренняя противоречивость** целостного процесса общественного познания и всего бытия.

Таким образом, говоря словами автора полилогии, - *«В этом главном содержании происходящего оказывается, что все работают относительно интенсивно и равнонапряженно, но все большая часть работы в ускользящих формах идет вхолостую»*. Конкретные подтверждения этого повсеместны. Открытия и изобретения делаются, но не находят применения; явления исследуются, а результаты «пылятся» в отчётах, сами отчёты складываются; исследований масса, но всё не те; создаются принципиально новые элементы, приборы и оборудование, но после опытного образца о них как бы забывают; проекты множатся, но со временем многие уничтожаются; исследований проводится всё больше и больше, но познание всё требует и требует новых, а понимание по-прежнему находится в плену устаревших представлений и т.д. К тому же бесконечно публикуемые в СМИ примеры подтверждают, что действительное содержание издержек творчества в общественном познании, несомненно, многолико и конкретно.

Наконец, издержки творчества (неконцепт) – не только основная форма постоянного негатива, но и уже форма критической иррационализации всего общественного познания как производства. А так как издержки исследовательского производства обусловлены всей системой собственности на процесс общественного познания, хотя и проявляется лишь в пределах отдельных организаций, тогда как сами является лишь объективной характеристикой всей исследовательской формы общественного производства в познании. При этом не столько организаций, сколько самой исследовательской интеллектуальной деятельности (труда) и, главное, его динамики и взаимосвязей.

Далее, очевидна и бесспорна ограниченность административно управленческих решений в преодолении описанной иррационализации в общественном познании. *«Потому только сами «трудящиеся нового типа» (обновляемый массовый субъект, или актер, перемен) способны преодолеть этот постоянный и всепронизывающий взаимный барьер...»*.

Процессу согласования и обеспечения логического соответствия исследований, планирования и заключения договоров предшествует образование объёмов и списков исследований (равно как и стоимость предшествует образованию цены). Формально согласуются работы, объёмы, соисполнители, этапы и т.д., но сами исследования как внутренний процесс познания при этом настолько «священны и скрыты, что, ни у кого даже не возникает желания вмешаться в то, что делается у «другого внутри», ибо это означало бы и вмешательство в твой собственный процесс общественного познания. Любой феод познания (а во всей сети общественного познания их целые цепи и всевозможные подграфы) – *неприкосновенная крепость по имени «собственность»*.

Поэтому остаётся неизбежной, и нарастающая асимметрия собственности на общественное познание, а само логическое соответствие выполняемых исследований (соисполнение) происходит в полном соответствии с законом положения исследований, то есть «нехорошая» асимметрия всегда выступает в форме господства гомогенной функциональной симметрии («хорошая основа»).

В итоге, как ранее было показано, объем определённого комплекса исследований (ветвь, путь графа познания, подграф), вместо свойственного простому процессу познания как производству соотношения ($Pz = R + U$), дополняется нарастающим неконцептом (издержками творчества) этого комплекса исследований Dz , поэтому с учётом данной асимметрии и имеем (6.20): $Pz = R + U + Dz$. Здесь: Pz - объём исследований процесса общественного познания; U - объём руководства и управления исследованиями; R - объём элементарных («горизонтальных») исследований; Dz - объём занятости «нетематическими» исследованиями (издержки творчества).

Эти издержки творчества (Dz) и есть общественная, асоциальная, объёмная форма иррационализации всего общественного познания как производства. Следовательно, во всей структуре исследовательской занятости (проявляемой в списках, в численностях, в бюджетах времени пространства познания) к нормальной динамике равновесия добавляется не столько скрытая незанятость, сколько и прежде всего растущая нетематическая («посторонняя») или несвоевременная, не соответствующая принятому концепту, а порою и бесполезная занятость во всех её

многообразнейших формах. Это собственно и составляющих основную тайну общественного познания.

Соответственно любой основной дефект «автоматически» порождает так же дополнительный дефект в объёме управления и т.д. В результате в управлении и руководстве возникает и нарастает размытость прав и ответственности, всех раздражающая «перенаселённость» управления, в действительности лишь отражающая перенаселённость в самом теле производства исследований. Можно сказать, что издержки творчества и неконцепт в исследованиях «склонны к саморазмножению».

Таким образом, это ещё раз подтверждает, что *основной закон общественного познания как производства состоит в неуклонном росте издержек творчества и неконцепта в исследованиях этого интеллектуального производства.* Собственность не надо драматизировать, но она и есть ядро отживающей со временем системы производства, пронизывающее все отношения. В конечном счёте, издержки творчества ведут к снижению доли общественно полезной интеллектуальной деятельности (труда) в общем объёме всех исследований в общественном познании, а затем, в итоге, сначала к относительному, а позже к абсолютному снижению общего благосостояния, т.е. мощности конкретных конечных исследовательских функций жизнеобеспечения (благополучия) всего населения.

В отличие от законов прибавочной стоимости и приращённой ценности рост неконцепта как издержек творчества вообще «не выражается в телеологической форме», ибо рост неконцепта и издержек творчества неловко назвать целью производства, хотя оно к этому и стремится. Этому соответствует образная характеристика периода перестройки в СССР как «застой», которая верно отражает нечто антидинамичное. В отличие от капиталистической прибыли или информационного прироста трекерса, к неконцепту и застою никто не стремится, но издержки творчества растут и углубляют застой. Отсюда же и мистическая непостижимость этой формы, при этом рост издержек творчества никак непосредственно не выражает основную стратификацию участников производства, то есть отчуждение не имеет классического классового характера.

В этой связи целесообразно ввести в научный оборот оценку степени творческих издержек и неконцепта аналогично степени эксплуатации и степени информационного неравенства.

Степень негатива творческих издержек и неконцепта в общественном познании как производстве (Nz) есть отношение объёма занятости «нетематическими» исследованиями (Dz) к сумме объёмов элементарных (горизонтальных) исследований (R) и объёма руководства исследованиями (U). Соответствующее выражение для степени негатива неконцепта и творческих издержек имеет вид:

$$Nz = Dz/(R + U). \quad (6.22)$$

Аналогично, частный коэффициент степени негатива творческих издержек и неконцепта для «горизонтальных» исследований имеет вид:

$$nz = Dz/R. \quad (6.23)$$

Общество и его лидирующие силы прилагают постоянно усилия по избежанию издержек творчества и снижению степени неконцепта в общественном познании, и временами успешно, но закон есть закон.

Анализируя основные особенности типологической асимметрии, А. С. Шушарин пишет:

«Так, апополитейной первобытности свойственны спонтанные вспышки «беспредела»; классическому рабству – неотвратимые войны; уже установившейся автаркии были свойственны голод, крестьянские бунты; рыночному (капиталистическому) равновесию свойственны многообразные известные кризисы. Линейному равновесию тоже свойственны специфические внутрисистемные кризисы и соответствующие пересинхронизации производства. В силу неподвижности линий в их самой глубокой основе это «новостройки» в самом широком смысле. Как дельно писал кто-то из учёных, главное застолбить участок на плодоносящей научной ниве, т.е. втиснуться во взаимосвязанную структуру или попасть в титульный список. Потом проблем нет. В западных системах это близко к целевым или проектным грантам. Но здесь уже к постоянным».

Как видим, в данном примере, в общественном познании явление асимметрии связывается с «застолблением участка на плодоносящей научной ниве». С формальной стороны это

проявляется в периодичности планов и исследовательских программ, а по производственной сути общественного познания – во всевозможных аperiodических кампаниях ожидаемых открытий или внедрения «многообещающих» научных, теоретических, результатов в хозяйственную практику. Это лишь подчёркивает, что в условиях собственности на общественное познание все старые структуры к переменам, переучиванию, не склонны.

6.5. О полной форме градации «Общество знания»

Имманентная цельность производства и воспроизводства действительной жизни и её несводимость только к господствующим, доминирующим отношениям, порождает ряд так называемых *«загадочных явлений экзотеризации* (внешнего проявления – ХАТ) *«общего равновесия», материального полилога или полилогизации базовых форм (уже многомерной «суеты сует»), объективного появления внешних и «превращенных» форм».* При этом эндогенный анализ полной формы градаций не касается многоукладности мощных внутренних и внешних международных (экзогенных) отношений, а также прочих исторических и страновых особенностей развития обществ.

Таким образом, для понятия и описания любого общества недостаточно анализа его доминирующих сторон жизнедеятельности и общества, в своей сущности ограниченного этим представлением, необходимо в комплексе рассматривать взаимодействие всех известных чистых эндогенных форм. Взаимовлияние эндогенно различных типов обществ между собою и, в том числе, на «Общество знания» оставим для целостного анализа развития человечества, но уже как экзогенной логики развития социума.

6.5.1. Контуры снятых деформаций

Господство во всяком обществе одной гомогенной симметрии, одного типа доминирующего равновесия (в данном случае логического, исследовательского, общественного познания), *«означает, что в полилогизованной материальной структуре «общего равновесия» всегда базовогетерогенного производства все*

остальные симметрии или механизмы (базовые отношения; структуры; типы сует, хаосов или равновесий), прежде всего ранее снятые производственные отношения, некоторым образом искажены, деформированы», выступают в нашем случае в виде нелинейных логических деформаций несоответствия, «концептуализированных» (перестроенных по подобию исследовательских) материальных инфраструктур.

В то же время все прочие производственные отношения, каждый тип по-своему, со своим характерным типом взаимодействия, темпоритма и т.д., оказывают обратное влияние (давление) на доминирующую, господствующую, форму производства. В целом имеет место полилогическая интеграция множества типов вклада в формирование состояния общего равновесия, что в итоге и обуславливает типологический характер движения всей системы производства, зачастую весьма далёкий от чистых форм господствующего производства.

Таким образом, если господствует закон положения исследований как «невинное» исследовательское или концептуальное равновесие, но во всеподавляющей нелинейной логической форме соответствия происходит искажение общего равновесия. Это целостное равновесие состоит из контентного равновесия (информационных отношений), функционального (планово-технологического) равновесия, товарного (экономического), территориального (натурального), гражданского (демографического) и самого глубокого органического (социально-биологического и культурно-родового) равновесия. То есть имеют место материальные деформации всех этих типологий равновесия.

Этот механизм деформации подобен тому, как, например, при феодализме все стороны общественной жизни, от типов отдельных хозяйств, денег, системы образования вплоть до покроя костюмов, семьи и музыки, были феодализированы. Или, например, как при капитализме всё, так или иначе, было капитализировано, то есть *«овеществлено, отоварено, орыночено, коммерциализировано, оденежнено, окапиталено».* Или, например, как *«в линейной форме все происходит как функциональное, ведомственно-учрежденческое, технологическое, отраслевое, опланированное, линейное, статусное, причем в самих материальных структурах и процессах».*

Подобный механизм действует и в обществе общественного познания - всё происходит как исследовательское, в формах общественного познания, как онаученное, концептуально и логически увязанное, нелинейное, статусно-исследовательское и, разумеется, в самих материальных структурах и процессах, а если и не происходит, то внешне выглядит именно так и не иначе.

При этом напомним, что уяснение процессов деформирования идёт только в чистом виде моноукладной градации общественного познания. Учитывая это, начнём анализ деформаций в порядке, обратном историческому становлению доминирования чистых эндогенных форм в идеальной полилогической схеме исторического развития общества. Этот ряд включает последовательно следующие ЧЭФ: информационная ЧЭФ, функциональная ЧЭФ (плановая, линейная, отраслевая, социалистическая), экономическая ЧЭФ (рыночная, товарно-денежная, капиталистическая), феодальная ЧЭФ (территориальная), рабовладельческая ЧЭФ (демографическая, гражданская), апополитейная первобытная ЧЭФ и ЧЭФ «переломная первобытность».

Сначала остановимся на исследовательской деформации информационных отношений.

6.5.1.1. Деформация «информационных отношений»

Исследовательская (общественная познавательная) деформация информационных производственных отношений для анализа крайне затруднительна, ибо в целом такой анализ является полностью априорным. Априорность связана с тем, что возникает почти полная независимость от исторического опыта как факта существования во всей предшествующей истории нашего социума, не только самого деформируемого общества градации «Информационное общество», но и общества с доминирующим общественным познанием, производственные отношения которого оказывают деформирующее воздействие на его базовые отношения. То есть, нет в истории социума и «опыта» существования самого «деформатора» - «Общества знания».

Однако, излагая теорию общественного познания как социальную теорию «Общества знания», рано или поздно

необходимо этот анализ представить. Поэтому, в связи с отсутствием какого-либо фактического материала для требуемого анализа, ограничимся лишь настоящим напоминанием о существовании данной проблемы. В то же время считаем необходимым дать в нашем исследовании некоторое представление о самом деформировании общественных отношений, хотя бы в связи с иными производственными отношениями.

Наиболее полно освещена эта проблема автором полилогии в главе 11 «Линейная (плановая, отраслевая) форма («политическая технология»; простая «критика коммунизма», или всех «политэкономий социализма», СОФЭ и «планомиксов»). Воспользуемся этими материалами как иллюстрациями к самой проблеме производственных деформаций в историческом социальном развитии общества.

6.5.1.2. Деформация «экономических отношений» и «странность» денег

Анализируя экономические деформации в функциональном производстве социализма, А. С. Шушарин пишет: *«...линейная (плановая) деформация экономических производственных отношений наиболее броско обнаруживает себя в «странности» денег и вообще во всей «бухгалтерии» производства (мономерной денежно-продуктовой части хозяйственной семантики). Это собственно и есть «планово-снятый», как говорилось, «социалистический рынок». Нечто подобное и в «капиталистических формах» К. Маркс предвидел в своих работах, он писал: «Если налицо совпадение производства и потребления, т.е. если в конечном счете имеет место пропорциональное производство... то вопрос о деньгах становится совершенно второстепенным, и в частности совершенно второстепенным становится вопрос о том... в какой еще иной (знаковой – А.Ш.) форме люди будут вести общественную бухгалтерию».*

Деньги в линейной форме во многом утрачивают свою универсальность и мономерность, становятся, как и сами производственные связи, адресными, а поэтому и *локальнозначащими*, то есть это уже не совсем деньги. Это некие универсальные требования на получение материальных благ.

Итак, в линейной форме деньги сняты, они лишь обслуживают господствующие статусные формы собственности на технологии, сохраняя чисто внешнюю форму денежного оборота (обращения) и всеобщего эквивалента. Поэтому, например, для обеспечения некоторой функции, положим, средствами производства (при капитализме это была бы просто покупка средств производства), одних денег уже мало, ибо ещё необходимо выполнить (или заранее уже иметь) согласование соисполняемых функций, так называемое, конкретное «фондирование». Это «фондирование» есть согласование в части обеспечивающих функций, выполняемых соответствующими поставщиками (изготовителями) средств производства. Короче, поставщик должен дать согласие или получить соответствующую команду (наряд) на поставку данному потребителю необходимых средств производства.

Кроме того, как отдельные предприятия, так и целые отрасли наделены определёнными статусами, категориями, в том числе и внутренними структурами использования денежных средств сообразно статусам и различным функциям. Это так называемые фонд «экономического стимулирования», фонд «развития производства, науки и техники», фонды различных социальных расходов и прочие фонды.

Поэтому в отношении «реального социализма» и линейной формы градации А.С. Шушарин замечает: *«Все это, конечно, доставляет ужасающие неудобства рыночным экономистам, стремящимся вернуться энтропийно куда попроще, чтоб им легче было считать, к «нормальной» прибыли, ценам, налогам, мономерным деньгам.*

Но многообразия проявлений совсем неденежных, многомерных по самой природе статусов – результат действия технологизированных (многомерных, объемных, если угодно, «затратных»), а вовсе не стоимостных (рыночных) структур и взаимосвязей производства. Причем напомним, что сами по себе «фамилии», дипломы, прописки, деньги, статусы суть «извечные» и совершенно невинные (нейтральные, базовые) знаки ценностей, просто статусы сложней денег, многомерней; другое дело – какие знаки правят бал, а это определяется собственностью. В целом все снятые денежные явления в линейной форме образуются огромными многообразиями ситуаций...». Некоторые из этих ситуаций выше были уже упомянуты.

Тогдашний советский рубль, формально везде одинаковый, в действительности был различен в разных секторах народного хозяйства, в различных срезах, этажах и регионах производства, а потому *«какого-то одного общего объяснения статусной деформации денег просто не существует».*

В этой связи А.С. Шушарин отмечает следующее: *«Экономические закономерности сняты, но отнюдь никем не могли быть «отменены». Поэтому при резких отклонениях цен от стоимостей возникают возможности махинаций, спекуляций, вылезает теневое производство, тогда у «границ терпения» (Я. Корнай) происходят компенсирующие изменения в производстве. Хорошо также известны дотации и преференции, можно сказать, чисто социалистической (хотя и материально пока малопонятной) природы (дешевое продовольствие, жилье, транспорт и т.д., иногда и с «перегибами»), нестоимостной шлейф от которых, тем не менее, тянется во все без исключения ценовые структуры. В сравнении, например, с «развитыми» капитанами плата за жилье могла быть почти символической, а это неизбежно связано со всеми зарплатами и ценами.*

Кстати, именно на этих явлениях строится миф «дешевой рабочей силы», каковой к тому же здесь вообще не имеется, а есть исполнители технологий. Если не прикинуть жилье, электроэнергию, газ, транспорт, детские дела, отдых и пр. по западным меркам, то картина будет совсем другой. Кроме того, напомним, что благосостояние (благополучие) людей здесь многомерно, жизнеобеспечение тоже функционализировано, причем и далеко за пределами только канала потребительского рынка (ясли, садик, пионерлагеря, обучение, жилье, лечение, путевки, ордера и пр.). Все это означает, что к «зарплате» благосостояние здесь в принципе никак не сводится. И дело не в ее величине, а в качественно ином общественном типе. А это еще больше и глубже уводит все денежно-ценовые явления от их классического стоимостного содержания. Вообще от всего экономического, хотя и отнюдь не «уничтожая» его. Доля (но, конечно, именно доля, а не уровень) социальных выплат, показывает Г.В. Курцева, в СССР была весьма близка к этой доле в развитых западных странах – капитализм – ученик довольно способный. Но вот с учетом многих «народных цен» и вообще

неденежных компонентов социального обеспечения, его реальная доля была выше».

Таким образом, в целом, образно говоря, при капитализме правит финпромплан (точнее – финтехплан). В линейной форме, в рамках той же терминологии частиц «фин» и «тех (пром)», когда все экономические структуры уже сняты, но не исчезли и повсеместно подчинены статусным структурам и отношениям, правит бал в своё время всем хорошо известный **«промфинплан»** (точнее – техфинплан). *«Потому, – замечает А.С. Шушарин, – легко сказать, что, допустим, ценообразование «плохое», но куда трудней понять, что оно диктуется собственностью на технологии».*

Смысл линейной деформации экономических отношений приближённо выражен широко известной из ортодоксальных политэкономий и последних лет «совершенствования хозяйственного механизма» и «перестройки» в СССР метафорой – хозрасчёт. Однако, как и в прочие исторические времена, важно понять, какой именно хозрасчёт доминирует. То ли доминирует хозяйственный расчёт с частицей «тех (пром)», – **«технорасчёт»**, или с частицей, уходящей в прошлое, «фин», – «экономрасчёт»; то ли с ещё ранее доминировавшими историческими «хозрасчётами», – «натуросчёт», «профрасчёт» и, наконец, изначальный, – «антропорасчёт».

Доминирование технорасчёта обуславливает и всем известную «инженерность» значительной части советской номенклатуры. Многие отмечают, что современной цивилизации более адекватен человек технический. И это совершенно верно, но лишь в производительном смысле, тогда как в производственном, то есть в социально-структурном смысле картина ортогонально иная. При капитализме в воспроизводственной деятельности доминирует и правит бал «человек экономический», то есть это собственно бизнес в образах частника, предпринимателя, банкира, финансиста, бухгалтера, маркетолога и т.д. В плановой же форме правят бал уже не бухгалтера, а «конструктора», инженеры производства. Это собственно и различает, можно сказать, сами производственные типологии доминирующих чистых форм капитализма и социализма (линейной и функциональной формы).

«Итак, – заключает А.С. Шушарин, – денежные (экономические) расчеты и суть лишь снятая мономерная («числовая», скалярная) часть уже на ступень более сложных

*расчетов. Упругость экономических отношений никуда не исчезла, но их сфера, с одной стороны, во многом уже деобъективирована, симметризована, избавлена от стихии, «поставлена под общественный контроль», с другой стороны, адресно резко сужена, а в целом деформирована статусными структурами, доминирующей собственностью на технологии. Потому рентабельность, себестоимость, амортизация и т.д. – все это в основном хозяйственные (экзотерические (внешнее, не представляющая тайны – ХАТ)) **счётноподобия** прибыли, цен производства, возмещения основного капитала, т.е. на самом деле это мономерный (денежный) расчет вещественно-продуктового (экономического) среза функционального производства с высоким безразличием к ценам на его составляющие (важна их определенность, «предсказуемость», а вовсе не близость к стоимости)».*

В совокупном процессе линейной формы производства выравнивается не «прибыль», а упорядочивается само производство, его структура, можно сказать, что выравнивается *«расход (напряжённость)»*, разумеется, с учётом существующих разнообразных квалификационных, региональных, отраслевых и прочих, управленческих дифференциаций в соотношении с нормой вала на душу населения. Поэтому относительная доминанта денежной формы существует только в потребительской сфере и преимущественно в её продуктовой части.

По этой причине о регулярных пересмотрах оптовых цен работники, в целом население, даже и не подозревают. И только лишь у бухгалтеров в этой связи появляется масса работы по сплошному пересчёту всей «экономической документации». И дело здесь не в том, что что-то стало дороже, а что-то дешевле, например, та же нефть. По существу для предприятий она не «дешёвая» и не «дорогая», а, можно сказать, *«просто функционально-согласованная»*, и от величины цены на нефть ни собственно нефтяникам, ни соответствующим переработчикам, можно сказать, ни жарко, ни холодно. Страдают при этом, и только «пересчётом», их бухгалтерии.

Итак, экономические отношения, то есть *«общественные формы связей в виде обмена, денег, цен, товара, рабочей силы, «прибыли» и т.д. в линейной форме не плохие, не хорошие, а просто «сняты»*». Иначе, можно сказать, - включены в более высокую систему.

Так, например, это отмечаемая многими так называемая «экономическая уравниловка», которая отражает явное ослабление экономической, чисто денежной, мотивации труда как экономического принуждения. Это, другими словами, нивелирует индивидуальные способности работников (исполнителей) и их намерения в пределах каждой технологии работать более интенсивно и качественно, т.е. работать эффективно.

Во-вторых, эта деформация проявляется в резком сужении всего мелкопроизводственного сектора производства, в том числе и главным образом в сфере жизнеобеспечения или, как её называют, в системе обслуживания: бытовые услуги, торговля, общепит, буквально мелкое, частнособственническое ремесленное производство.

«В-третьих, – как пишет А.С. Шушарин, – оказался «перезажат» разрешаемый (лицензируемый) ведомствам или мощным предприятиям крупный внешний бизнес, в согласованной игре на «их» поле по «их» правилам с нашими целями, а равно допустимых их игр на «нашем» поле по «нашим» правилам с их целями (прибыль). Все это вместе означает и некоторое сближение статусных структур со стоимостными, но и, разумеется, не разрушительную инверсию (перестановку местами – ХАТ)».

Однако все вышеупомянутое экономическое есть лишь линейная (плановая) деформация экономических производственных отношений и не имеет прямого отношения к главному в восходящем развитии общества реального социализма, к преодолению дефекта производства и, можно сказать, «квазистабильного состояния «застоя»».

Подробное рассмотрение деформаций экономического среза производства в плановом обществе социализма, где доминирует линейная, функциональная ЧЭФ «отраслевая, плановая», демонстрирует это явление в условиях близких, хотя и исторически предшествующих, к анализируемой нами ситуации пика в развитии второй фазы эпохи знания как градации «Общество знания». И там, и здесь речь идёт о второй фазе соответствующих эпох, где базовыми объектами производственных отношений и отношений собственности являются абстрактные объекты-процессы – «технологии» и «общественное познание» с их элементарными явлениями «функции» и «исследования», соответственно.

Этот даёт основание для переноса деформаций, характерных для линейной формы, в общество, где доминирует общественное познание. Более того, целый ряд признаков, характерных для «Общества знания», находится в прямой связи с основными характеристиками линейной формы социализма. Это обобществление всех предшествующих отношений по поводу объектов-предметов, и иерархическая система производственных отношений в целом. Наконец, это определённая родственность типологий доминирующих базовых объектов-процессов «функций» и «исследований». Родственность заключается в том, что «исследования» являются также функциями, но весьма специфическими.

Общество линейной формы производства (социализма) состоялось как исторический факт и в подобном анализе можно опираться на практический опыт существования этого общества во всей его конкретике. В случае градации «Общество знания», хотя и имеет место факт существования ЧЭФ «общественное познание», но лишь на раннем этапе её развития, который предшествует её доминированию на целую эпоху, когда собственно проявляется, и появляется, деформация прочих ЧЭФ под её воздействием.

Поэтому, едва ли целесообразно пытаться в деталях строить прогнозы и пытаться сформировать некие конкретные образы будущих деформаций общества знания. Однако это не исключает формирования чисто читательских представлений о возможных деформациях и их последующего учёта в данной теории в форме конкретных предложений или собственных разработок и доработок теории. Ограничимся лишь наиболее общими положениями.

Во-первых, вполне допустима дальнейшая трансформация материально-знаковых отношений как в новой роли «денег» (о чём уже говорилось в книге «Теория информационного общества...»), а также полный отказ от них и переходе к прямому и непосредственному распределению благ.

Во-вторых, возможно, что будущий «логикорасчёт» как общественный процесс примет те формы, которые есть не только «внутри предприятий и корпораций», а на которых строятся профессиональные отношения внутри творческих коллективов исследователей.

В-третьих, следует ожидать дальнейшее развитие теории и практики применения, так называемых, «границ терпения» уже в

общественном познании, когда эти границы, очерчивающие область кризисов в общественном познании, позволят проводить своевременную переструктуризацию производства с целью их предотвращения и недопущения кризисов вообще.

Наконец, это резкое сужение проблемы «спрос-предложение» в сфере материального производства (вещей) и уравнивание представлений о производственном принуждении и социальной справедливости.

6.5.1.3. Территориальная деформация

Руководствуясь ранее высказанными соображениями, перейдем к рассмотрению «территориальных деформаций», используя в качестве иллюстративного примера всю ту же линейную форму функционального производства (реального социализма СССР).

«Деформация снятых уже при капитализме территориальных производственных отношений проявляется в огромном многообразии свойственных системе негативов местной жизни, расселения, городов, сел, жилищного вопроса, развития регионов, нелепостей в транспортнотопливно-энергетических структурах и т.д.».

При капитализме капитал как общественное отношение есть отношения собственности на средства производства, которое было задано до того, как оно воплотилось в пространственных отношениях. Аналогично и господствующие в общественном познании отношения собственности на процесс познания, с его потенциями последующих исследовательских статусных структур и научно-учрежденческих форм, заданы изначально. Они были заданы до того, как они будут «позднее» воплощены в пространственных отношениях, то есть во всех территориальных, натуральных структурах и сторонах жизни, в процессах расселения, проживания, передвижений, во всех натуральных структурах, во всей географии производства действительной жизни.

Таким образом, при уяснении деформации территориальных отношений, в случае анализа полной формы градации «Общество знания», следует говорить об этих деформациях как об исследовательской и логической географии или о географии

общественного познания. Эти предстоящие деформации есть неизбежные искажения натуральных, территориальных отношений (структур, процессов) общественной формой общественного познания, всё же сохраняющих при этом свою материальную логику.

Что же касательно СССР, то характер отношений в нём был на порядок сложнее. Бывший СССР совершенно верно характеризуется некоторыми как «конгломерат стран», точнее – конгломерат разновысоких, разноразвитых регионов. Однако это уже область внутристрановых экзогенных (межобщественных) отношений, логика которых выходит за рамки эндогенных отношений полилогии и в данном анализе нами не используется.

Так, согласно одной довольно редкой обобщающей «географической» статье выделяются четыре характерных для социализма региональных стратегий развития:

– расширение территориального плацдарма хозяйства и более равномерное размещение производства, даже в ущерб его эффективности, при явном акценте на ударные стройки в районах открытия и освоения новых природных ресурсов в условиях ограниченной комплексности развития соответствующих территорий;

– игнорирование кризисных промышленных районов;

– доминирование унификации, типизации, модели развития районов;

– преобладание централизации решений при забвении потребности в компенсации неизбежных региональных неравенств.

Кроме того, там же отмечаются: узкая территориальная специализация и монокультурность производства ряда регионов; высокая доля магистрального транспорта; резкий контраст «город–село» и «центр–провинция»; незначительность межрегиональных отличий в уровне потребления при различных уровнях производств; «большой разрыв между географией доходов и географией потребления» и т.д.

Эти негативы во многом взаимосвязаны друг с другом, при этом, очевидно, имеют и свою собственную логику, и свою специфику. Однако главная суть, объединяющая и порождающая их, состоит в том, что перечисленные выше стратегии и негативы являются проявлениями давления доминирующего механизма собственности на технологии на ранее снятые территориальные

производственные отношения, то есть являются *«линейными, ведомственными или отраслевыми деформациями территориальных отношений, всей географии производства в любой из плановых систем»*. И эти деформации не «корень зла» складывающейся суммы отраслевых усилий, а есть суть, порождаемая *«именно технологическим равновесием «отраслевых усилий», доминированием собственности на технологии»*, что собственно и определяло облик всей географии производства в бывшем СССР.

Следует заметить, что отмеченные негативы этой линейной деформации, вероятно, будут «поддержаны и сохранены» во многом подобным деформирующим воздействием доминирующей собственности на общественное познание.

Сегодня же, в РФ, реализация общего рыночного курса, который в условиях феодализма разрывал натуральность и обобществлял пространство производства, в условиях технологизированного пространства бывшего СССР рвёт это пространство производства не в сторону «локомотивов», а в сторону *«рассеивания и ликвидации»* технологических связей. Этот курс насаждает сегментацию рынков вплоть до регионального монополизма и диктат, а в ряде регионов, даже небольших по российским масштабам предприятий, вплоть до *«городского сепаратизма»*. С другой стороны, наоборот, имеет место ликвидация нужных стране предприятий в порядке территориальной (местной) «неинтересности». А ведь именно союзные предприятия, предприятия общесоюзного значения, будучи частью отраслевых структур, как раз и защищали членов общества от диктата узкорегиональных интересов.

Несомненно, *«время повернуло вспять»*. Исторически беспрецедентное движение, предпринятое советским руководством по реализации *«стратегии сдвига национальных производительных сил на восток»*, сопряжённое с преодолением огромных расстояний, малонаселённости, тяжёлых местностей, субарктического климата, обременённое к тому же оборонными тяготами, с приходом «рынка» остановилось и повернуло вспять, положив конец прежней внутренней геополитике в размещении производительных сил России и СССР. Такова сила и мощь *«материальных структур»* вне зависимости от воли и сознания масс и их элиты, но, к сожалению, и не без их участия.

6.5.1.4. Демографическая деформация

Деформация демографических производственных отношений под воздействием доминирующего общественного познания, структур, процессов и форм обмена многообразна и, можно сказать, многомерна. Этот обмен часто представляют, как взаимодействий «*трудовых армий*» или «*профессиональных классов*».

По опыту последних лет жизни в реальном социализме СССР это, прежде всего, так называемая уравниловка, однако уже не в привычном экономическом смысле бытового денежного микроизмерения, а в самих демографических макроструктурах профессиональных массивов работников. Проще говоря, в частности, это есть всем известная «*девальвация диплома*», порождающая ряд соответствующих негативов образования и официальной квалификации. В основном же все это не столько негативы образования, сколько деформация профессиональных структур, выражаемая в преобладании статусов над дипломами.

Нечто подобное следует ожидать в будущем «Обществе знания», однако в силу самоуправляемой науки и научных исследований, её саморегуляции статусная оценка исследовательской позиции (положения) и оценка через научный авторитет всё более будут сближаться и не противоречить друг другу.

Характеризуя линейные деформации советского социализма в том же демографическом срезе, автор полилогии приводит следующие цифры: «*Так, если в 1940 г. в промышленности соотношение среднемесячной заработной платы ИТР и рабочих составляло 2,15 : 1, то в 1985 г. – 1,10 : 1 (а по некоторым данным, и того ниже); в строительстве соответственно 2,42 : 1 и 0,98 : 1. Весьма сурово при этом, что к 1989 г. на местах рабочих работало около шести миллионов человек с дипломами (Д.А. Беляева)*».

Конечно, рабочие с дипломами – это уже само по себе прекрасно, но такое положение дел с заработной платой, образно говоря, отнимает само будущее у этого «прекрасно», лишает граждан стимула быть высокообразованным и, следовательно, высококлассным специалистом и просто образованным, культурным человеком. И в этом плане сама причина этого, более высокого заработка, «ужасна».

В этой связи, по некоторым данным последних лет «советского периода», значительное большинство рабочих считало, что «они должны получать больше специалистов (47,3 % опрошенных) или столько же (25,3 %)». Комментируя эти цифры, А.С. Шушарин пишет: *«Печальнейшие цифры, ярко свидетельствующие о том, где именно (не кто собственник!) сосредоточена господствующая собственность на технологии, т.е. в рабочих кругах, но как в низовой массе групповой основы. Опять видна «тоталитарная демократия» с доминантой, так сказать, «диктатуры пролетариата». Субъективно выражаясь, не улавливают многие рабочие, что в современном производстве именно их заработок все более зависит от работы «головастиков», т.е. и от заработка специалистов».*

Вполне допустимо ожидать, что в будущих, господствующих, производственных отношениях общественного познания первенство в благополучении будет за учёными, исследователями и близких к ним работников интеллектуального труда. Соответственно, относительно рядовых исследователей возрастет благополучение руководящего звена в общественном познании и исследованиях. Однако общая тенденция исторического негатива очевидна и направлена на всё большее его смягчение, поэтому, если указанное соотношение и будет иметь место, то не в такой диспропорции как в линейной форме.

Следует заметить, что с преодолением феодализма и обобществления работников система профессиональной и общеобразовательной подготовки населения была так же обобществлена и поставлена под контроль всеобщего интеллекта, под контроль общества. В дальнейшем, при капитализме и социализме, эта система в ещё большей степени контролировалась всеобщим интеллектом и служила интересам всего общества. При этом само «образовательное принуждение» в линейной форме было, естественно, по типу выше капиталистического и, безусловно, общедоступней. Однако, как и все прочее, в том числе и вышерассмотренное, оказалось быстро и сильно технологически деформированным, что, в частности, коснулось в первую очередь отраслевых вузов, техникумов, ПТУ и даже учебных заведений, прикрепленных непосредственно к конкретным предприятиям. Соответственно оказались жёстко деформированы почти силовая система распределения молодых специалистов, а также «невысокий

преподавательский статус при высоком уровне самого обучения» и всё, с ними связанное.

Нечто подобное, но не так ярко выраженное, следует ожидать в «Обществе знания» как в части «образовательного принуждения, так и *«невысокий преподавательский статус при высоком уровне самого обучения»*, но уже и в подготовке самих исследователей.

Совершенно понятно, что только к одной «образовательности» само демографическое не сводится, а поэтому в анализе деформаций есть необходимость обратиться и к другим сторонам демографии.

Следующий, второй аспект демографической деформации проявляется в явлениях занятости–незанятости населения, а опосредствованно и в режимах воспроизводства населения. Это известные из прошлого проблемы «относительной перенаселённости», «перемен труда», «скрытой безработицы». Однако, как уже неоднократно подчёркивалось, чем далее общество развивается в будущее, тем всё слабее, меньше, становятся в своей сущности негативные явления, что, однако никак не снижает накала производственных и социальных страстей, вечно живого требования социальной справедливости.

6.5.1.5. «Предельная», культурно-родовая деформация

Наконец, нелинейно деформированы под воздействием доминирующей формы общественного познания и посредством деформаций всех рассмотренных снятых отношений отношения первобытности. Это, как утверждается в полилогии, - *«основы всех основ, самые глубокие, органические, культурно-родовые отношения, «просто человеческий» пласт бытия (семья, детство, материнство, диета, язык, воспитание, досуг, здравоохранение, физическая культура, рекреация, техника безопасности и др.). Это самый глубокий, фундаментальный и жизненный («витальный») «толстый слой» (в образе Ф. Броделя) производства и воспроизводства жизни, но одновременно и самый логически «удаленный»».*

В простейших проявлениях нашего *«органического бытия»* это предприятийное научно-исследовательское влияние и формы реализации, например, в детских делах, шефствах над школами,

организации занятий и создания соответствующих структур в спорте, в отдыхе, в делах культуры и прочее. Культура здесь понимается в простейшем обыденном приобщении к истории и историческому опыту, к достижениям искусств и современной науки, к традициям, нормам морали и этики. Всё это обеспечивает в значительной степени массовость и здоровый образ жизни всего населения страны, являя миру тем самым это как несомненные достоинства всей системы.

В отношении этих достоинств отметим следующий интересный момент.

Всякое культурно-родовое бытие в достаточной степени ёмко концентрируется общим компонентом воспитания (в отличие от специализирующего профобразования), результатом чего и является так называемое «богатство» и ценность чистой эндогенной формы первобытности, а именно само *«телесно-духовное здоровье»* человека и всего общества. Если ещё более упростить затронутый момент, то можно сказать, что воспитание осуществляется, условно говоря, посредством трёх, в общем-то, известных всем механизмов: семья, улица, общественные институты. Эти механизмы действуют всегда и везде, но масштабы их применения и веса влияния различны.

Так, в условиях собственности на технологии, которая имеет групповую основу, равно как и общественное познание, особое значение приобретают общественные и коллективистские формы, такие как ясли, садики, октябратство, пионерия, комсомол, кружки и секции, клубы, субботники и другое. Это вполне естественное явление линейной формы социализма, которое легко объяснимо через ранее упомянутую групповую основу. Поэтому в таких институтах, основанных на групповом содержании, всегда нечто общее превалирует над индивидуальным и является притом ведущей нравственной нормой. Вследствие чего *«в этом вполне позитивном моменте есть некоторые сходства у классического, натурального феода («приход») и «технологического феода» (коллектив)»*, а также и у «феода познания», ведь отношения собственности в феоде имеют также групповую основу.

Структуры общественного познания, как основа «Общества знания», есть наиболее удалённые от органического слоя, который доминирует в исходной первобытности. Этот слой ЧЭФ, несущий ценности и богатство, известные как *«телесно-духовное здоровье»*,

в восходящем развитии общества является *«последней инстанцией»* накапливающихся противоречий и в этом смысле всегда *«предельным»*, ибо глубже его ничто». (Здесь мы намеренно не разделяем ЧЭФ «переломная первобытность» и ЧЭФ «первобытная» в целях упрощения и сокращения изложения.) Поэтому в неравновесном состоянии этот слой с базовым объектом «общая жизнь» и механизмом взаимодействия в форме «телесно-духовного общения» как последний слой в основаниях нашей действительной жизни и самой жизни человеческой материи становится активной зоной возбуждения, подъема или угнетения, всего спектра общественного поведения и личной мотивацией поведения его многих индивидуумов. Это, несомненно, делает анализ этого слоя ЧЭФ особо актуальным и существенным в условиях уже неравновесного состояния общества.

Поэтому, рассмотрев в отдельности некоторые *«контуры снятых деформаций»*, целесообразно обратиться уже к самому общему равновесию всей системы общественного познания как производства.

6.5.2. Об общем равновесии

Рассмотренные выше деформации снятых производственных отношений сами по себе многомерны, специфичны и логически ортогональны, то есть имеют принципиально различную логическую и материальную природу своего существования при всём неоспоримом единстве материального мира вообще. Эти деформации тесно переплетены между собой, однако в основном содержании не имеют никакого касательства к расхожим обвинениям руководителей и бюрократии в целом, которые якобы не уделяют должного внимания имеющим место негативам в многообразных сферах жизни обществ и не исправляют выявленные «отдельные недостатки». Так или иначе, в каждом обществе, а особенно в советском обществе, прилагались и прилагаются огромные усилия по улучшению положения дел в технологических, экономических, территориальных, демографических и культурно-родовых срезах жизни. Однако все эти усилия не могут, и не смогли в СССР (!), в принципе сколь-нибудь существенно исправить положение дел, ибо вся суть в

отживающих, уходящих, производственных отношениях, в собственности на доминирующий полилогический базовый объект производства.

В анализируемом «Обществе знания» это производственные отношения общественного познания, собственность на исследовательские процессы познания как производства. В советском обществе, с его линейной формой производства, не смогли, хотя страстно хотели, существенно исправить положение дел в ходе «перестройки», ибо, как и прежде, «вся суть в отживших линейных производственных отношениях, в собственности на ячеистые процессы производства, на технологии».

Полилогическая «свёртка» и целостное сведение всех отношений в *общее равновесие* значительно сложнее чем, например, известные неувязки мономерного капиталистического способа производства, в частности, превращения стоимости в цены производства, прибавочной стоимости в прибыль и иные осязаемые «доходы». Значительно сложнее подобная свёртка в обществе с доминирующим общественным познанием. По своей, совсем не только численной, ценностно-многомерной, логически целостной сути исследовательского производства в общественном познании простых превращений, скажем, издержек творчества, неконцепта в исследованиях во что-то, внешне осязаемое, не ожидается, не существует.

В качестве аналогии возьмём исторически известный пример линейной системы социализма. Здесь кроме очевидных и широко известных превращений *положения функций* в безудержный и в бессодержательный рост *вала производства*, превращения «*организованности или защищённости – в статусы, а статусов – в льготы, тарифные системы, повременные, сделные, премиальные и пр. формы оплаты труда и т.д.*», каждый чувствует и осознаёт, что вне этих форм остаётся масса явлений действительного благосостояния. Но и эти явления опять-таки с нарастающими проявлениями «бытийного переворачивания» в противоположности. Так благодатная защищённость оборачивается (переворачивается) пассивностью, иждивенчество – чуть ли не паразитарностью, организованность – творческим недовольством, заорганизованность – дезорганизацией, тогда как нормальные и заслуженные статусные привилегии превращаются в уравниловку и во всякие нелегитимные дифференциации.

Считаем, что подобные превращения будут неизбежны и в обществе будущего, в обществе с главенствующим общественным познанием. За их, внешней хозяйственной или чисто субъективной оболочкой, как видимых и осязаемых превращённых форм (как, например, за феодальными камзолами или капиталистическими доходами), будет имманентно скрываться неизменная и невидимая *собственность на общественное познание, «подлинная производственная власть, порождающая все негативы, в том числе в хозяйственных оболочках»*. Этот парадокс есть неизменный «парадокс всякой революционной теории, равно как и материальный парадокс самих критических форм производства». Короче говоря, замечает автор полилогии, - *«все «дурное» построено на «хорошем» основании, а все видимое «дурное» покоится на невидимой «порче» производственной формы самих этих оснований»*.

В условно стабильном состоянии общественного познания как производства, которое в реальности находится в вечном движении и стабильно лишь в своём непрерывном развитии, именно оболочка общего равновесия, внешне и видимо выступающая в ряде превращённых форм, является житейски самой волнующей, хозяйственно актуальной. Это всегда есть некая нужда в низах и, соответственно, головная боль в верхах государственного управления, во всем множестве министерств и прочих ответственных органов и первых лиц. Однако с революционной точки зрения эти внешние формы не существенны, так как собственная суть порождающих их отношений весьма далека от них, а сами наблюдаемые коллизии, особенно в части тем благосостояния, льгот, привилегий и доходов, можно сказать, вторичны.

Наконец особо подчеркнём, что вышеизложенный анализ пока остаётся лишь в пределах некой идеальной, чистой, абстрактной эндогенной градации, как принято говорить, в пределах «идеального типа» нелинейной градации «Общество знания», свободной от прочих, порою судьбоносных, влияний весьма многообразных, неизбежно существующих в реальности нашего бытия, структур. Среди этих структур здесь упомянем лишь структуры, например, социогенофондов, разновысокости и многомерной многоукладности производства, многонациональности, а также пострановые особенности

(исторические, пространственные, геологиклиматические, геополитические и др.). Наконец, это включенность любой системы во внешние, экзогенные отношения и устройство всего современного мира. При этом очевидно, что действительное общее равновесие, внешне проявляющееся во всей системе политической власти и в общей политической картине мира, мироустройства, предполагает взаимодействие всех составляющих мироздания.

Иначе говоря, **общее равновесие является одним равновесным следствием всемирного равновесия.** В нашей недавней истории это «всемирное» было с неизбежностью сфокусировано в кризисе линейной формы реального социализма СССР, в целом потенциально содержащего весь спектр исторических исходов, от провала до преодоления.

А это означает, что выше мыслимые эндогенные модели как строгие и детальные, а образно говоря, и как красивые, могут почти полностью потерять свою практическую направленность в условиях более мощного, грубо схематизированного словесного контекста всей совокупности структур.

И всё же пока предельно ясно одно, как заключает А.С. Шушарин, *«нельзя уничтожить рабовладельческие войны, не уничтожив самого рабовладения, как нельзя уничтожить феодальную «чересполосицу», замкнутость и т.д., не уничтожив феодализма; как нельзя уничтожить безработицу, погоню за наживой и т.д., не уничтожив капитализма; точно так же нельзя уничтожить линейные деформации, не уничтожив (снятием плановой формы обобществлением технологий) самой линейной формы».* Нельзя так же уничтожить в будущем информационное неравенство, не уничтожив саму общественную систему «Информационного общества». И точно так же нельзя уничтожить издержки творчества и неконцепта в общественном познании, не уничтожив снятием этой исследовательской формы обобществлением самого процесса общественного познания и его «Общества знания».

В анализе же ещё квазистабильного состояния любой общественной формы, следует иметь в виду, что её родовой негатива, распространяется в бесконечно разнообразных формах на все стороны жизни общества. Для «Общества знания» этот негатив, в строгой формулировке, есть издержки творчества и неконцепт процесса общественного познания. Однако это возникновение

негатива в будущем, строго говоря, *«вполне «нормально», классично в отношении критического, но ещё квазистабильного состояния»* общественного познания, которое в будущем также неизбежно станет отжившей исторической формы производства.

Это же в большей части относится и к взаимодействию общественного познания в природопользовании, разумеется, в тех же рамках эндогенного анализа этого вида деятельности, хотя указанное явление имеет более глобальные масштабы, относящиеся уже к экзогенному срезу общественного развития.

6.6. Закон конца общества знания

Вся системно-сетевая структура изучаемого социального производства уже *постинформационная*, имеет в научно-исследовательском и в интеллектуальном секторе форму общественного познания, а всюду и в остальных секторах организационно *онаучена и исследовательски-познавательна*. Во всем она все более поражена и охвачена издержками творчества, а в силу этого логическое начало внешне выглядит уже анархично, с еще очень глубоко скрытой тенденцией *обобществления общественного познания*. В этом собственно и находит своё выражение единство состава и отношений производства в эндогенном срезе. Всё это относится ко всему: органическому (культурно-родовому), демографическому (образовательно-профессиональному), территориальному, экономическому, функциональному, информационному. Это относится также к организации, всем формам связей, механизму, типу равновесия, размещению, типу производств, к их специализации и размеру, внутренней структуре, ко всей инфраструктуре, к трудовым ресурсам, ментальности, психологии, мотивации и т.д.

Итак, в восходящем развитии путь назад, в информационно-рыночное пространство производства, для градации «Общество знания», как говорится, заказан, то есть деструктивен и не соответствует восходящему развитию общества с доминирующей формой общественного познания в производстве всей действительной жизни. Тогда естественно возникает вопрос: «Как преодолеть отжившую форму общественного познания?». Однако сам по себе этот вопрос уже порочен в том смысле, что

предполагает необходимость некоего практического предложения, программы, плана, проекта и т.д. Ответ и прост, и сложен, ибо речь идёт о исторически далёком будущем, но при уже в основном изложенных в теории полилогия принципах, логике и алгоритмах этого преодоления.

Кроме того, подобные вопросы, «как преодолеть?» и «что делать?», *«принадлежат не только обыденно-политической плоскости, но и еще интеллектуальному полю самой отжившей системы, оказываются проявлением все того же организационно-управленческого и пр. фетишизма, начисто заслоняя собой сначала нечто куда более существенное, сложное, решающее, а именно познание. Причем познание общества, познания в обществе, познания обществом».*

И именно это, как пишет А.С. Шушарин о советском социализме, по существу, отделение человека от познания во всей быстротекущей истории кризиса линейной формы *«достигло своего исторического, если не сказать по социальному масштабу патологического, предела».*

В нашем же текущем контексте ситуация ещё сложнее, ибо речь идёт, образно говоря, «о познании познания», о попытке, которая сродни известным удивительным рассказам барона Мюнхаузена о том, как он вытащил за волосы самого себя из болота. Однако наше исследование практически состоялось, хотя конкретики и «исторических фактов» оказалось не так много, как хотелось бы. Но, впереди новые исследования и новые открытия грядущего общества, а поэтому проявим терпение и не уподобимся *«десяткам тысяч «Лассалей», которые «снят и видят «простые идеи»».*

6.6.1. И снова – «тридцать пять тысяч одних... «Лассалей» совершенно нового типа»

В результате восходящего развития общественное познание как производство неизменно надстроит над собой вначале прочную психологию производства, а затем к моменту неизбежного кризиса, переходящую в консервативную ту же психологию производства. Эта психология сформирует, соответственно, некий средний тип общественного мышления и менталитета. Общественное мышление

в рамках общественного познания как формы производства действительной жизни – это психология логического соответствия и соисполнения, «повального» следования единому концепту в исследованиях, профессионального уважения научных авторитетов, организующей роли руководства и абсолютизации управления.

Данный тип мышления, можно сказать, по определению присущ всякой исследовательской жизнедеятельности, всякой организованной и логически согласованной деятельности. Этот тип мышления органически отторгает любые концептуальные отклонения, усложнения, нарушение парадигмального единства, а соответственно, и чрезмерную творческую индивидуальность. При одновременном почитании авторитетов и во многом самоорганизующихся, и самоуправляемых начал всего научного сообщества. Как-никак, а наука, это первопроходцы и первооткрыватели. Однако, имеющая место рядовая ссылка на «начальника» выражает лишь скрытую групповую детерминацию, посредством которой отображается в целом как бы «проинтегрированное в среднеарифметическое» само «мы», которое в реальности представлено во всё своём многообразии «от нуля до бесконечности».

Однако, несмотря на эту «математическую» формулу исследовательского интеллекта в творческой сфере общественного познания, следует отметить, что эта метафорика в своей сути на порядок сложнее и многообразнее простой и скудной формулы информационного рыночного и тем более, товарно-денежного менталитета: «дешевле купить, дороже продать», в том числе и себя в качестве товара.

И всё же в общественном познании как доминирующей формы «Общества знания» могут успешно и без особых усилий продвигаться вперёд только простые, но уже «научные» идеи. Как правило, «истинны» те идеи, которые сразу воспринимаются научным сообществом, которые концептуально не противоречат текущей научной доктрине и, как правило, ожидаемо включаются в практику проводимых исследований. Или иначе, это те идеи, которые не требуют мировоззренческого переосмысления и дополняют существующую практику, которые остаётся лишь проглотить и оформить в некое всем понятное дополнение к уже известному и изведанному. То есть *«хозяином» производства оказывается некая «невидимая инертная середина, безликое большинство»*. Образно

говоря, как пишет А.С. Шушарин, правда по поводу функционального производства, *«серые начинают и выигрывают, а все управление лишь выражает эту молчаливую игру».*

«Между тем, – отмечает А.С. Шушарин, – производящий труд, порождающие процессы (...), творчество, производят сложные идеи, которые никогда не возможно проглотить, сразу согласовать, превратить в «план», «мероприятие» и пр., ибо эти идеи сперва надо выстрадать, отбраковать и выковать в дискуссиях, затем освоить, познать, т.е. изменить себя. Более того, новые производительные силы выдвигают не просто идеи, а людей, несущих идеи, способных на идеи личностей». Эти личности всегда выпадают из групповой нивелировки, несмотря на собственную интенсивную величину. Эти революционные величины не существуют как таковые для бухгалтерских или исследовательских расчётов. Поэтому такая перезревшая форма общественного познания стоит непреодолимой стеной на пути этого творческого движения революционных идей и тем более творческих людей. Она, сковывает, блокирует этих инициативных творческих индивидов, которые являют через себя некие формы новообразующих устремлений и направленности самого зашедшего в предел общественного познания как производства, интеллектуального прорывного творчества в исследованиях, *«всегда рвущих со всем привычным, легко согласуемым, простым».*

В то же время эта неатомарная нелинейно-познавательная система производства, будучи концептуально и исследовательски единой и в логическом соответствии - согласованно синхронной, склонна к когерентности и резонансу. Эта склонность многократно усиливается современными средствами массовой коммуникации и Интернета, их интерактивными возможностями.

Несколько слов о социальном понимании ныне происходящего, в редакции автора полилогии, высказанных при анализе теоретических основ функционального производства как линейной формы производства и «перестройки».

««Воспитанные» управленческим фетишизмом линейной формы, – резюмирует А.С. Шушарин, – десятки тысяч «Лассалей» спят и видят «простые идеи», с которыми можно ангажироваться у начальства или в газете у толпы, что по сути почти одно и то же, рвение во власти. Об этом писал уже Аристотель, называя первых льстецами, а вторых демагогами,

одинаково обретающими огромную силу соответственно у тиранов или демократии. Ну разве не видно, что ни у одной партии, движения, кандидата и пр. нет «за душой» абсолютно ничего, интеллектуально соразмерного ситуации в стране и на планете. Так что «отпущенные на свободу» упомянутые «Лассали» и выкинули весь безумный примитивный хаос. Колоссальный потенциал активности (в отсутствии которого, кстати, ложно упрекают носителей советского менталитета), без намеков на обновленную идеологию, прорвался или оказался канализированным (...) в бешенство рыночного примитивизма и вообще хаотизирующей деструкции».

В то же время, следует особо отметить, что *действительная теория переломного содержания эпохи*, нигде и никогда ещё не бывшей, не может по природе своей содержать практические предложения. Вполне рациональные предложения возникнут только как результат борьбы и отбора новых теорий, как результат их освоения сообществом профессионалов и интеллигенции, при непременно освоенном прагматических азов (основ) этих теорий активом трудящихся. То есть, в итоге, лишь - *«после порождения в самом народе новых, релевантных ценностно-ориентационных вокабул, докс, если угодно, уже новых смыслов и «духа», «манифестов»».*

Теория же, как таковая, дает лишь тайный, понятный лишь просвещённым специалистам, профессиональный язык, тогда как теоретическое содержание закона конца отжившей формы, как некой нарастающей по сложности самой, можно сказать, невероятной ветви надвигающейся бифуркации, скрывающей за собой полное описание этой формы на языке данной теории, *«само по себе очень скупо».* Это теоретическое содержание *«закона преодоления господствующих порядков»* характеризуется крайне тощей рациональностью будущего развития, которое открыто бесконечному множеству возможных траекторий последующего движения, слабо прогнозируемо и резко *«отлично от легко конструируемых иллюзорных храмов».*

Следует заметить, что это конструирование иллюзорных храмов и его бесплодность обусловлены тем, что окончательно не созрела сама материя производства общей жизни на новом уровне, то есть само производство не соответствует новому уровню, уровню будущего.

Далее – о зрелости материи производства жизни и её новом уровне общественного познания в крайне тощей рациональности будущего развития.

6.6.2. Революционный рывок в обобществлении процесса общественного познания

Вопрос стоит не о ликвидации структур общественного познания, а о сбросе незримого всевластия *феода познания*, то есть о восходящем снятии достаточно жёсткого каркаса исследований в познании, целостном концептуальном единстве и логическом соответствии как о сбросе нелинейной формы общественного познания. Это, предположительно, будет вызвано тем, что, как и исторически ранее в других формах, эта форма общественного познания так или иначе превратит свои положительные свойства исследовательского производства в свою противоположность в виде иррационализации этого производства общественного познания, как всепроникающего роста издержек творчества и неконцепта нелинейной формы. В этом историческом движении всевластие доминирующего механизма логики научного соответствия, порождённого собственностью на процесс общественного познания, станет стеной на пути качественных перемен производства и развития личности, если, разумеется, для следования логике восходящего эндогенного развития общества не будут использованы знания полилогии или иной адекватной теории.

Ранее было показано, что *закон бытия* общественного познания как производства есть рост издержек творчества и неконцепта. Как и всякий основной закон предшествующих форм, он не абсолютен, то есть не обязательно образует неустранимую, но постоянно корректируемую «неприятность соответствующего негатива», в результате чего поддерживается нормальное квазистабильное равновесное состояние в обществе. Известно, что всякая система обладает известной адаптивностью, которая позволяет парировать пороки, однако сама суть системы от этого не изменяется.

Нечто подобное наблюдалось в связи с наукой СССР, когда многие пороки, разоблачались рядом ведущих учёных страны, и со временем, были в значительной части устранены.

Революционный рывок в обобществлении процесса познания, как и в прочих исторически революционных переменах, следует рассматривать в материальном контексте перемен всей мировой ситуации.

В этой связи А.С. Шушарин пишет: *«В самом деле, социализация (демографизация) производства шла, а в некоторых особых формах и продолжается почти в параллель с натурализацией (территориализацией) с начала преодоления первобытности. Товаризация («индустриализация») развернулась в «маленьком уголке» Европы с середины второго тысячелетия, а в большей части остального мира сейчас продолжает наращиваться, хотя нередко в ужасающих формах (в том числе «модернизаций»). Объективная технологизация (плановизация) развернулась с первыми признаками «монополистического капитализма», а эндогенно реализовалась, «прорвалась» в общественных формах социалистических преобразований, в известном смысле и в значительной мере даже в обход капитализма». Современная информатизация и компьютеризация производства идёт почти в параллель с продолжающейся наращиваться индустриализацией, а в период технологизации и плановизация развернулась в специфических формах, образно названных «научно-технической революции» (НТР).*

При обращении к НТР, как и всяким историческим революционным переменам, их социальную суть надо видеть не в многообразных вносимых ими технико-технологических и социальных перемен, а в историческом сдвиге производительных сил. Эта сущность сосредоточена не в собственном бесконечномерном и богатом содержании этого сдвига сил, а в самой противоположности, противостоящей в восходящем развитии недостаточности действующих производственных отношений, то есть сущности «антитетической», содержащей нечто противоположное (антитезис). Точнее говоря, речь идёт о посттипологической сущности производственных отношений, то есть отношений посттипологических, в восходящем развитии, к господствующему типу производственных отношений.

Поэтому проводимые на материале «внешних форм надвигающихся преобразований» типа НТР исследования не позволяют понять этой посттипологической, в данном случае НТР, постсоциалистической, сущности. Образно говоря, это поиск не

там, где, в какой форме полилогического производства стопорятся надвигающиеся преобразования, - поиск следует вести там, где действительно зреет прорыв или очевидный провал.

Переходя к неизбежному концу нелинейной формы общественного познания, необходимо в анализе причин и истоков сосредоточиться на вырастающем «с боем» из недр уходящего производства новом способе производства. Это означает, что надо сосредоточиться на поиске нового базового объекта отношений собственности, на соответствующих производственных отношениях, отношениях собственности, на новом, претендующим на доминирование, механизме взаимодействия агентов производства и т. д. А это, как ранее кратко отмечалось, есть **«теоретизация»** производства как философское осмысление действительной жизни – **«философия жизни»**.

Производящий труд, несущий в себе издержки творчества и неконцепт в исследованиях, и, в самом общем виде, разрушающий логическое соответствие и концептуальную сопряжённость в общественном познании как срезе производства действительной жизни, был во все времена. Однако именно с началом исторических перемен, типа НТР, он делает производство исследований и общественное познание *«качественно динамичным, предметно (в том числе номенклатурно) многообразующим, постоянно технологически усложняющимся и изменяющимся»*. Таким образом, производящий труд превращается из эпизодически возмущающего фактора в постоянно действующий. То есть становится значащей и значительной частью общественного познания как производства, можно сказать, его сущностной и характерной стороной.

В то же время присущая изначально общественному познанию как производству *научная логичность»* и *концептуальное соответствие*, как господствующая форма движения, в этих условиях становится как бы *абсолютно беспомощной*, а точнее своей жёсткостью логического соответствия и требованиями концептуального единства просто запрещает (отторгает) какие-либо перемены. В результате когда-то исторически положительная сторона логического соответствия и концептуального единства производства исследований перерождается в антиновационный механизм всё того же исследовательского способа производства, но уже находящегося в условиях наступающих перемен, в состоянии

предельного, критического развития нелинейной формы общественного познания как производства. При этом в силу собственности на процесс общественного познания, всестороннего и всеобъемлющего горизонтального, да и вертикального, распространения творческих и «новаторских» изменений в производстве исследований практически не будет наблюдаться, их просто не будет. И только в узких пределах новых феодалов познания *подчинённая собственности руководящая и управленческая иерархия способна их распространять*, то есть диспозитивная диффузия имеет место лишь в условиях новых научных направлений исследования, интенсивно и «агрессивно» поддерживаемых властью.

Дислокальность и эксисследовательская функциональность производящего труда, которая формально схожая с экстерриториальностью товарности капитализма, и означает объективный **процесс обобществления процессов общественного познания**, изъятие их из ограниченной системно-сетевой иерархически групповой собственности.

Основное (чисто эндогенно) противоречие проявится в резко, форсировано обострившейся противоположности между все более общественным характером взаимосвязанных и изменяющихся процессов общественного познания и инертной, ограниченной (необщественной), системно-сетевой иерархически групповой собственностью на них, их узурпацией феодалом познания. Вот это уже и есть не нормальная, а критическая асимметрия.

Позитивно же это суть процесс ответственной интенсификации, **онаучивания и теоретизации** производства как философское осмысление действительной жизни – **«философия жизни»**. Это есть **социорегуляция**, и постановка этого производства под более высокий, чем господствующее логическое соответствие в общественном познании, новый контроль всеобщего интеллекта. Всеобщий интеллект как общественный контроль снимает это логическое соответствие (уход в основания) новым постзнанием, после общественного познания, механизмом движения процесса познания, саморегулирования производства и объективной оценки интеллектуальной деятельности.

Зреющий прорыв, или провал, обобществления познания этой нелинейной формы в строгом понимании содержит идеально чистые противоречия, которые были кратко рассмотрены ранее, при

анализе эндогенной градации. Это самые высшие противоречия, а поэтому и самые незримые и объективно трудновыразимые противоречия, ибо, как говорится, будущее открыто и не проектируется. К тому же эти *«эндогенные противоречия материально вплетены в весь гигантский клубок структур, отношений и процессов всего социума, в бифуркацию всей миросистемности»*. Здесь к эндогенной сущности добавляется масса факторов, различных и совсем не чистых структур, многообразнейших особенностей и экзогенных влияний, отягощённых в динамике развития так же и неизбежным субъективным фактором. Образно говоря, эндогенные противоречия обобществления процессов общественного познания являются вершиной и основой многомернейшего узла противоречий этой будущей бифуркации социума в пике его развития.

Итак, высшими, узловыми являются *эндогенные противоречия между ограниченной (необщественной) собственностью на процесс общественного познания и трендом их последующего обобществления*. Однако в силу множества неэндогенных внутренних и внешних обстоятельств эти противоречия принимают (превращаются) в другие, более видимые формы, как например: отставание, уравнительность, «бюрократизм» и т.д. В результате внутренние истоки этого узла противоречий всей ситуации оказываются скрытыми, «понятийно захороненными», и внешне, публично, выступают в некой *несобственной форме*, затрудняя понимание сути происходящего в публичной сфере общения.

Таким образом, суть нарастающей асимметрии окаменевшей собственности на общественное познание состоит в том, что каждый сетевой путь графа познания и соответствующий феод познания неатомарного, логически связанного и сопряжённого системно-сетевому производству являются барьером для исследовательских парадигмальных новаций в любых дислокальных переменах познания. Как пишет А. С. Шушарин (в случае линейной формы): *«Если позволительны (хорошо известны в истории социологии такие афоризмы, как Гоббсова «война всех против всех»; «нет земли без вассала»; «laissez faire» – свобода торговли; «laissez passer» – свобода передвижения) на самом деле резкое «вмешательство» в феод, территориальная замкнутость и др., то линейная форма собственности на*

технологии выражается формулой «невмешательство в работу коллективов и их связей» (а, следовательно, и в дефект производства)».

Продолжая данную аналогию в отношении общественного познания, следует заметить, что нелинейная форма собственности на процесс общественного познания выражается формулой - **невмешательство в работу исследовательских коллективов, их связей, парадигмальных и концептуальных оснований, а, следовательно, и во всю систему научного и общественного познания** (а, следовательно, и в «издержки творчества» и «неконцепт»).

Такое невмешательство означает, что каждый исследовательский коллектив трудится и живёт как бы за счёт всех других, а все мешают каждому, и каждый всем в прогрессивных переменах в самом теле общественного познания. Это ведёт к расползающимся издержкам творчества и разрушению концептуального единства, к молоху нарастающей анархии в исследованиях и науки в целом, к накоплению этого негатива во всей структуре исследовательского производства.

В результате собственная же ультраструктура, внешнее руководящее и управленческое «начало» выражают лишь волю всех других коллективов, мешающих необходимым коренным переменам в познании, а человека как такового вообще нет. Так происходит и в любой, полилогически другой, кризисной форме. Однако сами ветви и пути графа общественного познания как процесса, в том числе и прежде всего их интенсивные и «человекомерные» величины, такие как, например, творческие, нравственные и другие – есть тайна всех тайн, неприкасаемая, в частности, проявляющаяся как покрывательство или сокрытие реальных возможностей исследовательских коллективов и организаций. Соответственно это проявляется как **тайна всех тайн** отдельной исследовательской группы, сектора, лаборатории, НИИ, научной школы и пр., то есть сокрытие реального потенциала познания и исследований, а тем паче *всех* внутренних безобразий или иждивенчества.

В нелинейном исследовательском производстве вмешательство в процессы общественного познания (феод познания) во всей сети графа познания, руководства и управления **запрещено**, и любые попытки отторгаются. **Это вмешательство в собственность, в процессы общественного познания и исследований (системно-**

сетевой иерархически групповой собственности коллективов и лиц), возможно и по силам лишь новой форме общественного контроля со стороны «всеобщего интеллекта» общества. И так было всегда в восходящей истории развития общества:

- невозможно было вмешиваться в собственность рабовладельцев на работников, но что по силам оказалось лишь новой форме общественного контроля территориальной организации производства;

- невозможно было у крепостного, феодала, цеха вмешиваться в организацию их хозяйства со сплошной местной прикрепленностью, но что по силам оказалось лишь новой форме общественного контроля над трудом экстерриториальной рыночной организации производства;

- невозможно было вмешиваться в капиталистическое предприятие, ибо это коммерческая тайна, охраняемая судом, но что по силам оказалось новой форме планового контроля, сбросившего коммерческую тайну;

- невозможно было вмешиваться в организацию работы социалистических предприятий, коллективов и хозяйств с их группо-иерархической собственностью коллективов и лиц, ибо их внутренняя жизнь есть свято хранимая тайна (и «дефекта производства), в том числе), но это вмешательство оказалось по силам лишь новой форме общественного контроля над трудом экстерриториальной информационной (рыночной) организации производства;

- невозможно, вероятно, вмешиваться в организацию и работу информационных предприятий, создающих, распространяющих и реализующих контентный продукт, ибо это тайна производителя контента, охраняемая судом и авторским правом, но это вмешательство по силам здесь исследуемой сверхновой форме научного контроля, который в состоянии сбросить «тайну» общественного познания.

Наступающий новый «философский» срез бытия, связанный с обобществлением процессов общественного познания, хотя и не является непосредственно производящим, однако совсем не эфемерен, а глубоко материален. Поэтому и одновременно с восходящим мыслительным познанием в обществе происходит как сброс покровов с предшествующих и ставших узкими устаревших форм знаний и самого процесса познания тайн

материи, так и в восходящем общественном развитии происходит сброс покровов, то есть самих *наличных отживших форм*, с тайн общественного производства. Это, можно сказать, есть шаги высоких *откровений*, в виде новых форм контроля и освобождения от незнания и устаревших форм мышления, общественного, коллективного мышления и общественного познания.

Однако в процессе равновесного и квазистабильного состояния исторического развития общества *«о всяком таком знании, контроле, вмешательстве и думать не могли – собственное дело, святая тайна, «самостоятельность», в действительности лишаящая самостоятельности человека»*. Кстати, вместе с неуклонным историческим сбросом и **убыванием** тайн производства росло и освобождение человека, состоящее в *«неуклонном **росте** его интимной, семейной, врачебной, дружеской, творческой и пр. личностной «тайны»*». Ведь само обобществление производства и воспроизводства действительной жизни и есть суть шаги освобождения самого человека.

В целом же будущий, ожидаемый, консерватизм собственности на процессы общественного познания и их последующее обобществление (или провал) должны (могут!) проявляться, и во многом в превращённых формах, даже в современном обществе, в особенности в **философски осмысленном срезе происходящего**.

6.6.3. Об учёте всего многообразия сложных обстоятельств обобществления общественного познания

Закон конца нелинейной формы общественного познания следует рассматривать не только в виде *«имманентного накопления» негативов системы*», то есть в виде роста издержек творчества и неконцепта в исследованиях, заорганизованности и консерватизма, но также и в общем виде невероятного восходящего тренда по обобществлению процессов общественного познания. Кроме того, необходимо рассмотреть и в более конкретном виде многообразия реальных, часто еще *«дурных»*, *«эмбрионов»* самого этого обобществления общественного познания. Так, например, в учении об экономической форме (капиталистической, рыночной) К. Маркса «Капитал» соответствующее обобществление известных

средств производства нашло своё выражение в конкретном виде во вполне определённых тенденциях монополизации, концентрации, централизации, иерархизации производства, и даже в его акционеризации. Это и были, пусть ещё в их самых дурных формах, эмбрионы восходящих тенденций обобществления средств производства эндогенной формы экономического производства градации «капитализм».

В принципе и в нелинейной форме познания будет иметь место множество такого рода конкретных реальных эмбрионов обобществления уже процессов общественного познания, при этом наблюдать их можно во всех практических, трудовых, организационных, научных, нравственных срезях будущих перемен производства. Несомненно, что и в настоящее время возможно обнаружить эти «эмбрионы», которые, однако, трудно «опознать» ввиду совершенно отличного от этого будущего современного производственного мышления, на что неоднократно уже ранее указывалось, всё-таки нас отделяет от доминирования этих философских предвестников более чем целая эпоха в общественном развитии (см. рис. 1.3.).

При этом следует воздержаться от жёстких прогнозов, что позволит избежать возникновения легковесных поводов для упреков в несостоятельности теории, которая якобы не подтверждается текущим развитием событий. Обобществление процессов общественного познания – это объективный процесс, однако в целом настоящая теория не исключает и возможность всеобщего краха социума.

В условиях гигантской полипричинности развития событий грядущая бифуркация остаётся всё той же неизбежной бифуркацией. В силу своей сущности слабо предсказуемого и многовариантного исхода последующей траектории общественного развития эта же бифуркация может привести к тому, что в общественно релевантных формах на нивах «Общества знания», если оно и состоится, обобществление процессов общественного познания может и вообще не состояться. Эта исторически вероятная непредсказуемость вполне *«способна и на такой кульбит, который существенно перекроит и всю самую зреющую бифуркацию»*, при этом, однако, ничуть не отменяя основного содержания грядущих перемен самого социума, вплоть до катастрофического, гибельного исхода.

В то же время всякие возможные отклонения от ранее выдвинутых гипотез и предположений означают лишь одно – собственно конкретные и реальные тенденции развития процессов общественного познания и их последующего обобществления должны быть изучены и исследованы. Но всякий раз относительно адекватно они могут быть рассмотрены только с учётом всего многообразия сложных обстоятельств. Пока же представляемый анализ не выходит за рамки простой, «акультурной» эндогенной логики и является конечным, а, следовательно, и вполне тоже уже конкретным анализом.

Потому далее лишь выскажем несколько самых общих предположений и гипотез, связанных с ещё более исторически удалённым в своей активной стадии развития, а поэтому и ещё весьма абстрактным, философским срезом производства и воспроизводства действительной жизни.

6.6.4. О философии мышления и о философском мышлении

«Философский срез» – это метафоричное обозначение сферы мировоззрения, коллективного мышления и коллективного принятия решений как самой сферы «мыслительных» общественных процессов. В некотором роде, даже вопреки весьма отдалённой исторической будущности явлений этого среза как общественной доминанты, это явление самого архаичного и глубокого социальнобиологического базового взаимодействия, не животных, а уже людей, с их мышлением и механизмом телесно-духовного общения (включая коммуникацию, информатику, общественное познание) как основы и формы всякой содеятельности вообще. В то же время понятно, что эта «философская содеятельность» имеет и **базовые различия**.

Это человеческое **«философское мышление» как объект мировоззрения (миропредставления)** есть абстрактный объект. Как объект «философское мышление» в органических, в демографических, в территориальных, в экономических, в функциональных (технологических), в информационных и в общественных познавательных процессах совсем не одно и то же, а равно меняет **исторические формы** содержания, средств, организации, собственных ультраструктур и т.д.

Социальная суть «философского» для каждого способа производства, для каждой ЧЭФ своя и соответствует типологии этого способа производства. Достаточно вспомнить прошедшие через всю историю «классические» размышления великого философа и ученого Аристотеля о том, что, как пишет А. С. Шушарин, - «раб - вещь, но и всё-таки человек и даже разумен», что «он не гражданин, но и не бессловесное животное». *«Именно в силу «иррациональной» двойственности раба (и человек, и вещь) в духовной жизни (и в «философском мышлении») (!) – ХАТ) было сплетение религиозности (языческой) и первых форм науки».*

Далее, например, феодальной автаркии присущ уже другой тип «философского мышления», так и своя философская замкнутость на местную территориальную структуру («двор», деревня, район...); капитализму – своё «философское мышление», это «думы о прибыли» и рекламное внешнее представление при непроницаемой коммерческой тайне о самом производстве и хозяйствовании.

Так, при капитализме практически все товаризуется, в том числе и сам человек с его «духовными богинями» и неповторимым мышлением. Поэтому становится возможной (обретает внешние товарные формы) и продажа не только информации и знаний, но и «гражданской позиции», голосов на выборах, а также и самого миропонимания, разумеется, с утверждением (и не бесплатно!) незыблемости самого капитализма и капитала. Вся деятельность, в том числе и философское мышление, замыкаются на получение прибыли.

В линейном производстве философское мышление и его связи оказываются резко ограниченными (суженными) всей группо-иерархической производственной структурой общества и соответствующей иерархической организацией движения «миропредставлений». Очевидно, что административно-командная система доминирующей линейной формы нуждается преимущественно лишь в таком миропонимании, которое обеспечивает распространение миропредставлений сверху вниз, разумеется, что и в обратном направлении передача миропредставлений имеет место, но необходимость в этом минимальна. Само содержание миропонимания в линейной форме сложней, выше, чем у рынка, а по каналам – иерархично.

В информационном производстве ситуация ещё сложнее и проще. С одной стороны, усложняется сам объект-предмет до абстрактного, информационного, бесконечно тиражируемого и практически неотчуждаемого. С другой – это всё-таки объект-предмет, а не процесс. Здесь уже миропредставление оказывается в глобальной информационной среде человеческого социума, где идеи обретают свойство экстерриториальности и всепроникновенности, они всем доступны и обсуждаемы, однако главенствует стремление к обретению приращённой ценности и образованию трекерса (информационного капитала).

При этом в информационном обществе все, по возможности, преобразуется в некий контент, в том числе и сам человек с его идеями, знаниями, «духовными богинями» и развитым мышлением. Поэтому становится возможной и обретает внешние формы контента, как реализация информации и знаний, так и собственная мировоззренческая позиция, идеологическая и общественная поддержка на выборах, а также личное отношение к тому, или иному мировоззрению, разумеется, с утверждением (и не за «так»!) незыблемости самого информационного общества и трекерса. Вся деятельность, в том числе и философское мышление, замыкаются на получение приращённой ценности и трекерса.

В нелинейном общественном познании как производстве философское мышление и его связи оказываются замкнутыми (заключёнными) в оболочке системно-сетевой производственной структуры общества и соответствующей расплывлённой, но всё ещё иерархически групповой организацией движения миропредставлений в условиях логического соответствия, единого концептуального начала и единой парадигмы.

То есть с качественной стороны самого производства действительной жизни в эндогенном срезе разница, можно сказать, принципиальная.

Грубо говоря, частная собственность и основанное на ней пространство обмена (рынок) совершенно стихийно содействует начальному этапу процесса обобществления объектов-процессов, то есть их распространению, а доминирующие плановые и системно-сетевые начала как бы оказываются подчинёнными их наличной структуре. В результате формирование «интеллектуального рынка», а точнее дискурса, научного дискурса миропредставлений и миропонимания (философского мышления)

способствует обобществлению процессов общественного познания и исследований.

Таким образом в срезе философского осмысления мироздания системно-сетевая иерархически групповая собственность в отношениях по поводу общественного познания как объекта-процесса состоит в тотальном невынесении сора из избы. Этот «сор» проявляется в форме издержек творчества и неконцепта, в сокрытии внутренних потенций и непорядков, идей и реальных возможностей, несуразицы и иждивенчества любой ветви и пути графа общественного познания, самих феодалов познания: ни вверх, ни вниз, ни смежникам, ни самим себе («изнутри не видать»). То есть отношения собственности по поводу общественного познания проявляются в объективной тайне неконцепта и издержек творчества каждой ветви графа общественного познания, в бесконечно конкретном их многообразии.

Следует особо отметить, что в чисто равновесном, отчасти репродуктивном, нелинейном производстве общественного познания редкие революционные новации, равно как и некие накапливающиеся отклонения, проявляемые в видимых неконцептах в исследованиях, не только наблюдаемы, но контролируемы и управляемы. Руководство и властные структуры общественной системы познания в этих условиях вполне способны эти революционные новации и остро необходимые изменения просто административно вклинить в структуры познания и исследований, равно как и устранять отдельные издержки творчества.

Однако уже в условиях быстрого и стремительного нарастания разрыва между прогрессивными устремлениями и фактическим состоянием всех процессов общественного познания в части наблюдаемости, контроля и управляемости, можно сказать, - система общественного познания не в состоянии не только отслеживать и управлять, но также и просто наблюдать. Таков конечный итог развития системно-сетевой иерархически групповой собственности, самой сути собственности на процесс общественного познания в условиях исторически взрывоподобного развёртывания философского мышления.

Итак, каждый исторический шаг решает совершенно разные задачи в срезе философского мировоззрения и миропредставления как производства, *«определяемом материально-деятельностными,*

но именно властно-производственными (не юридическими) структурами и переменами в отношениях собственности».

Такой научный анализ просто невозможен без сброса покровов с тайн производства общественного познания и всех форм покровительств. Именно анализ процессов общественного познания, как интеллектуальной и научной деятельности и взаимодействия, позволяет перейти от стихийной диффузии процессов познания и исследований к уже новой общественной форме их регулируемого и интенсивного движения. Это будет нечто большее, чем некая модификация технических отношений в процессах исследования и познания, формирования мировоззрения, а само восходящее преодоление их научными, социоаналитическими и социорегулятивными отношениями, связанными с философским осмыслением известного и нового знания и процессов познания, не имеющими технических и организационных границ. Это путь и окончательного преодоления исследовательской корпоративности. В целом же это и есть информационно-философский базис перемен в обобществлении процессов общественного познания, разумеется, с уже новой надстройкой над собой, новыми, пока непредсказуемыми, постзнаниемными и постисследовательскими, но и некими **«внеполитическими» интеллектуальными институтами», системами.**

«Невероятное» обобществление процессов общественного познания самими «трудящимися нового типа», можно сказать, – философами в общественном познании, и будет означать общественный, революционный процесс создания научно-интеллектуального механизма производства. Этот механизм предполагает (означает) организацию в общественном познании постоянного общественного, вертикального и, главное, диспозитивного, внеисследовательского и эксисследовательского, всепронизывающего, межпредприятийного и межпрофессионального, а поэтому комплексного и междисциплинарного изучения «интенсивных» величин общественного познания.

В основе своей сущности – это не управленческая задача, создающая нечто институциональное, производное и их оформляющее, а **«диспозитивная задача самих «трудящихся нового типа» по взаимному «вмешательству»»** в общественный процесс познания, в пути и ветви его графа.

Такое, пока только прогнозируемое, изменение в общественном познании будет означать освобождение человека, не коллектива, не института, академии, учреждения и т.д., а именно человека, интеллектуальных работников (трудящихся), от замкнутости исследовательского феода познания. То это и есть «снятие», обретение свободы человеком в выборе исследовательской деятельности и предмета исследования, свободы в обучении и перемене труда вообще, участии в управлении и руководстве.

При этом, в целом, жёсткость организации, связей и динамики коренных перемен возрастёт, однако сами индивиды, учёные, интеллектуальные работники и исследователи обретут ещё большую свободу перемещаться из одной структуры в другую. Методические, исследовательские и технологические требования и дисциплины исследований не исчезнут, но для исполняющего их человека (исследователя, учёного, работника) они перестанут быть неподвластной, отчуждающей силой. Повышающаяся жёсткость связей и грядущих перемен диктуются ростом мощи, плотности и многообразий связанности самой социальной материи. Однако философское осмысление и всепронизывающий анализа освобождает производство и человека от учрежденческих, концептуальных и парадигмальных границ собственности на общественное познание, ибо это уже совершенно иной способ исследования и познания, пронизывающий всю систему и общество качественно другим, философским, причём **«общественным в индивидуальном»**, **способом функционирования, снизу доверху**.

Таким образом, понадобится принципиально новый работник, способный широко видеть всё многообразие воспроизводственных связей. И, если так допустимо говорить, способный видеть их «философию» и «жизненный смысл», владеющий научным анализом производственных ситуаций на основе всей мощи обретенных к тому времени знаний и понимающий последствия своих поступков, своих решений, причём не только тактически, но и стратегически, исторически. Такая возможность в целом все в большей степени связывается с компьютеризацией труда и владением по нынешним меркам «нечеловечески разнообразной информацией», созданием систем искусственного интеллекта и т.п. База для появления в будущем такого *принципиально нового работника, трудящегося нового, уже философского, типа*, имеется уже сегодня, ибо соответствующий слой общественного

производства, как действительной жизни данного социума (ЧЭФ), существует изначально, с «момента» исторического появления человека. Ранее соответствующая ЧЭФ этому срезу производства была обозначена как ЧЭФ «философская», которая «будет» доминировать в эпоху мудрости в градации «Общество философии жизни».

Однако поперёк деятельности этих трудящихся нового типа встанет ограниченная, системно-групповая иерархическая собственность на процесс общественного познания, если, разумеется, научного и интеллектуального потенциала «Общества знания» окажется недостаточно для «постепенного» перехода от одной общественной системы к другой, для регулирования и мониторинга этого мирного перехода.

В будущую эпоху мудрости грядёт смена управления не стихией рынка, а решениями, принимаемыми научной и интеллектуальной элитой, которая будет в своих устремлениях опираться на относительно массовый субъект в лице трудящихся нового, философского, типа. При этом, судя по нынешнему состоянию российского общества и его стихию недоразвитого и ущербного капиталистического рынка, шансы на такое развитие событий на территории РФ катастрофически быстро убывают, грозя уже почти неизбежным распадом российского общества. Но бифуркация, на то она и бифуркация (даже будущая), чтобы сохранять саму возможность восходящего развития на собственных почвах исторической России, а время – вечный арбитр этого развития.

Короче и почти традиционно, как отмечает ряд исследователей, - *«на протяжении двух последних столетий человечество стремилось главным образом изменять природу, теперь же, чтобы не покончить с собой, человечеству необходимо создать (развить) способность **понимать** (природу)»*. А затем на этой основе преобразовывать её, и в первую очередь, её высшую форму – общество и отношения в этом обществе.

Однако только одного понимания исторического развития общества совсем недостаточно. Придётся изменить не только производственные отношения, но и прежде всего самого себя, как носителя и преобразователя производственных отношений. При этом изменения в первую очередь начнутся там, *«где сложатся исторические обстоятельства, на кризисной негэнтропийной*

вершине, а до того – в социальной науке, а до того – в понятиях». Таким образом, вся эта «кошмарная нелинейность» гигантского, вселенского оказывается в зависимости от «микроскопического», а именно – в зависимости от понятийного.

В заключении будут уместны слова автора полилогии, сказанные, правда, по поводу исторически боле близких нам исторических событий постсоциалистического развития: - «Серьёзное дело. Причём дело самих «трудящихся нового типа», хотя и с помощью новой социальной науки, т.е. нового научно-идеологического профессионализма, интеллигенции. Но уже новых, т.е. «разговаривающих» на обновлённом профессиональном социальном языке».

О роли знания и науки сказано и написано немало, достаточно вспомнить Платона, придававшего особое значение науке (роли «философа»), или известное «Знание – сила», провозглашённое Ф. Бэконом, или, например, высказанную К. Марксом мысль о «превращении науки в непосредственную производительную силу». Однако все эти немеркнущие идеи и мысли давно уже суть прекрасные афоризмы и непреходящие вечные истины философии, ставшие банальностями.

Чтобы общество стало действительно «научным обществом», опирающимся на новое знание, *«именно наука же и должна выдвинуть новое социальное знание об обществе».* Вначале, во всей своей материальной конструкции, это будет лишь некое **донаучное** *««знание» с гибельным эволюционным трендом и со спасительным революционным».* Этим донаучным знанием может быть лишь удачная и совсем не вечная, а *«конкретно-историческая научная теория современного переломного мира».* Именно с этого может и должно начаться решающее изменение когнитивности, как *«способности к умственному восприятию и переработке внешней информации»* о состоянии и историческом развитии социума, без изменения которой просто немислимо дальнейшее восходящее развитие нашего социума, сперва объёмной профессионально-научной когнитивности, а в конечном итоге и изменения глобальной когнитивности всего человечества. Таков первый практический шаг начала научной реализации конструктивной тенденции в движении к обществу, *основанному на «новом, уже философском, знании».*

6.7. Формула «Общества знания»

Действительная жизнь общества (ДЖ) как воспроизводственный процесс представляет собой совокупность ряда одновременно и одномоментно протекающих частных, типологически чистых воспроизводственных процессов чистых эндогенных форм (ЧЭФ) - «слоёв». Каждый слой является носителем определённого типологического производства по воспроизводству определённого вида (типа) базовых объектов собственности, относительно которых изначально действуют соответствующие общественные отношения – производственные отношения и отношения собственности.

В процессе восходящего общественного развития, как идеальной модели, последовательно в каждом слое возникает особое, а затем и критическое состояние развития соответствующих данному слою ЧЭФ общественных отношений по поводу доминирующего типа базового объекта собственности. Это проявляется в том, что в некоторый момент времени исторического восходящего развития общества эти отношения начинают доминировать, то есть главенствовать, влиять и подавлять все прочие слои производственных отношений и отношений собственности, навязывая свойственный им механизм взаимодействия агентов производства и прочую типологическую атрибутику. Затем, достигнув предела, критического состояния развития, передают эстафету доминирования последующему, исторически вышележащему слою ЧЭФ, то есть более прогрессивному, восходящему слою отношений производства. При этом сам слой ЧЭФ и его отношения сохраняются, но, как говорят философы, «снимаются», то есть включаются, переходят в инфраструктуру общества уже как условие дальнейшего развития общества в целом, сохраняя свои положительные свойства и оставляя в прошлом – негативные. При этом ранее доминировавший объект отношений собственности обобществляется, то есть становится достоянием всего общества, а, следовательно, и каждого члена общества, гражданина.

Эти критические точки перехода в доминировании от слоя к слою соответствуют, так называемой в полилогии, главной последовательности эндогенной логики, её *критическим формам и прорывам*, - от одной ЧЭФ к другой ЧЭФ. Этой

последовательности соответствует известный эмпирический коррелят, состоящий из следующих градаций, - первобытность, рабовладение, феодализм, капитализм, линейная (плановая) форма социализма, информационное общество и общество знания. Соответственно имеем и следующую доминирующую последовательность чистых эндогенных форм: ЧЭФ «переломная первобытность», ЧЭФ «первобытная», ЧЭФ «рабовладельческая», ЧЭФ «феодалная», ЧЭФ «экономическая (капиталистическая)», ЧЭФ «функциональная (социалистическая)», ЧЭФ «информационная», ЧЭФ «общественное познание (исследовательская)» и др.

Вспомним, что в метатеории А. С. Шушарина «Полилогия...» рассматривается ряд последовательных ценностей, богатств, общества как объектов собственности, на основе которых строятся эти чистые эндогенные, внутривострановые, формы производственных отношений и отношений собственности. Эти ЧЭФ являются той базовой формой, на основе которой в период их доминирования формируются путём перекомпозиции все известные социально-воспроизводственные градации (традиционно – формации). Перечислим эти градации по эпохам:

эпоха первобытности (эпоха человека) – градации «Переломная первобытность» и «Первобытность»;

эпоха натурального производства (эпоха работника) – градации «Рабовладельческое общество» и «Феодалное общество»;

эпоха индустриального производства (эпоха индустрии) – градации «Капиталистическое общество» и «Социалистическое общество»;

эпоха интеллектуального производства (эпоха знания) – градации «Информационное общество» и «Общество знания»;

эпоха мудрости – градация «Общество философии жизни» и др., - доселе ещё неизвестные и неизведанные.

Все вышеперечисленные градации есть композиции одного и того же состава ЧЭФ, которые различаются лишь типами доминирующих ЧЭФ и общим уровнем развития по сложности в восходящем историческом развитии. Доминирует в каждой градации лишь одна ЧЭФ, название которой определяет и название соответствующей градации.

Каждая из ЧЭФ характеризуется следующим минимумом описания:

- базовый объект воспроизводства;
- механизм взаимодействия;
- материально-знаковые отношения (сфера);
- богатство;
- отношения собственности (как доминирующая собственность - асимметрия);
- градация, базирующаяся на данной форме.

Однако, в целях адекватного отображения окружающей реальности, учёта гетерогенности (неоднородности) и наивысшей сложности всего воспроизводственного процесса общества не следует забывать о том, что человек (популяция людей) есть существо биологическое со всеми тому сопутствующими процессами и неотделимо от среды и условий своего обитания в самом широком смысле этого дополнения.

Таким образом, в соответствии с эндогенной логикой, да и простым здравым смыслом, воспроизводственный процесс ДЖ градации «Общество знания», где доминируют процесс общественного познания с ЧЭФ «общественное познание (исследовательская)» и базовый объект-процесс «общественное познание», можно представить в виде схемы графа (см. рис. 6.4).

Этот граф состоит из множества линейно связанных однотипных двухвершинных графов, количество которых зависит от избранного периода квантования исторического этапа существования этого способа производства (этой градации). На представленном рисунке подробно раскрыт лишь один период квантования как типичное звено цепи, состоящей из множества единичных однотипных двухвершинных графов. Этот двухвершинный граф отражает только один, единичный, воспроизводственный цикл жизнедеятельности социально-воспроизводственной градации «Информационное общество».

На вершину единичного графа «действительная жизнь» (ДЖ) замыкаются две группы процессов, - «среды» (СРД) и общей жизни людей как социально-воспроизводственной градации (СВГ). В свою очередь СРД состоит из «природной среды» (ПСД) и «инфраструктуры общества» (ИНФ).

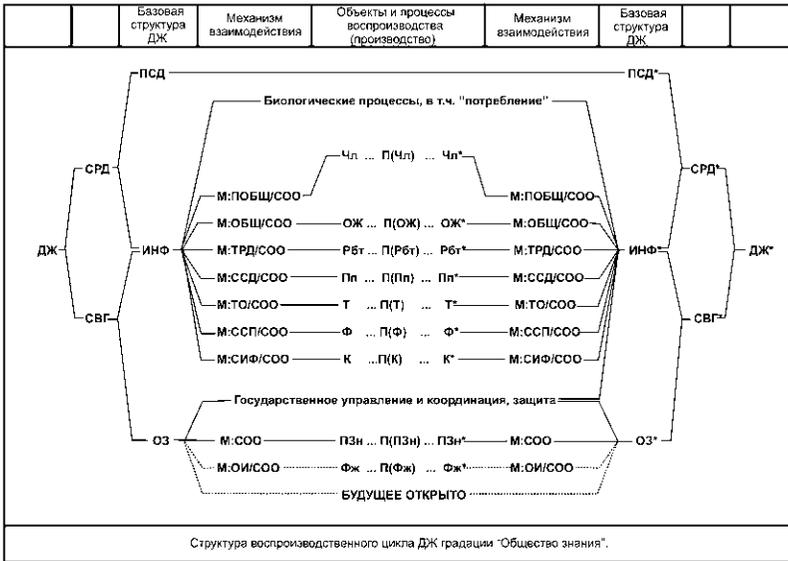
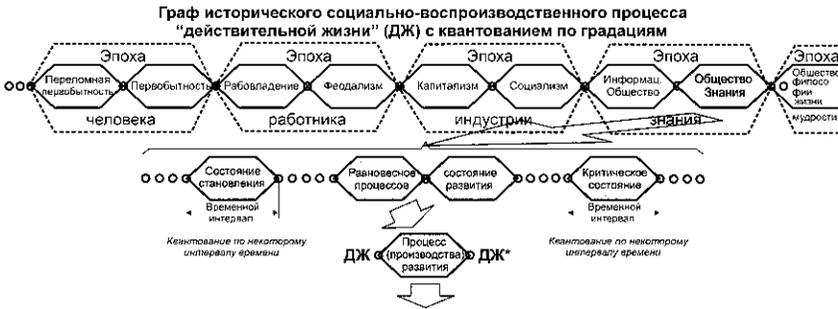

Рис. 6.4. Структура воспроизводственного цикла ДЖ градиции «Общество знания»

В нашем рассмотрении СВГ есть СВГ ОЗ (социально-воспроизводственная градиция «Общество знания»), состоящая из, опять-таки, «инфраструктуры общества» (ИНФ), собственно самого доминирующего «чистого» общества познания (знания) как ЧЭФ «общественное познание» (ОЗ), а также тех ЧЭФ, которые ещё либо не активизировались, либо слабо развиты и нечётко выражены, либо пока ещё не известны.

Наконец, **ИНФ** включает в себя следующие чистые процессы, как ЧЭФ:

- природно-биологическая;
- а так же семь ранее «обобществлённых» ЧЭФ, в том числе:
- ЧЭФ «переломная первобытность» и ЧЭФ «первобытность»;
- ЧЭФ «рабовладельческая»;
- ЧЭФ «феодальная»;
- ЧЭФ «экономическая, капиталистическая (рыночная)»;
- ЧЭФ «функциональная, социалистическая (плановая)»;
- ЧЭФ «информационная»;
- и, естественно, государственно-общественное управление и защита.

Кратко напомним основные характеристики этих ЧЭФ.

Эпоха человека.

1 и 2. ЧЭФ «переломная первобытность» и ЧЭФ «первобытность»:

- воспроизводимый базовый объект – «человек» как биологическое существо (**Чл**) и его с обществом «общая жизнь» (**ОЖ**), то есть культура и язык, образ поведения;
- механизм взаимодействия агентов производства, соответственно, - «стадно-биологическое общение (взаимодействие)» (**М:ПОБЩ**) и культурно-духовное взаимодействие как «духовносоциально-биологическое общение» (**М:ОБЩ**);
- эквивалентом в промежутках между циклами производства являются некое неживотное «свой – чужой» (**СЧ**) и «фамилия, имя» (**Фи**);
- богатство – «телесное здоровье» и «телесно-духовное здоровье»;
- собственность (как доминирующая собственность - асимметрия) – эгостадная «частная собственность на свой мир» и «групповая собственность на общую жизнь»;
- градация, базирующаяся на доминировании данной формы, - градация «Переломная первобытность» и градация «Первобытность».

Эпоха работника.

3. ЧЭФ «рабовладельческая»:

- воспроизводимый базовый объект - «работник» (**Рбт**);
- механизм взаимодействия агентов производства - «трудообмен» (**М:ТРД**);
- эквивалент в промежутках между циклами производства - «дипломы, свидетельства» (**Дп**);
- богатство - «трудовые ресурсы»;
- собственность (как доминирующая собственность - асимметрия) - «собственность на работников (рабов)»;
- градация, базирующаяся на данной форме, - «Рабовладельческое общество».

4. ЧЭФ «феодальная»:

- воспроизводимый базовый объект - «пространство жизни и производства» (**Пп**);
- механизм взаимодействия агентов производства - «соседствование» (**М:ССД**);
- эквивалент в промежутках между циклами производства - «прописка, качество жизни» (**Пкж**);
- богатство - «натуральное богатство, арена производства жизни»;
- собственность (как доминирующая собственность - асимметрия) - «иерархическая собственность на пространство производства и жизни»;
- градация, базирующаяся на данной форме, - «Феодальное общество» (феодализм).

Эпоха индустрии.

5. ЧЭФ «экономическая (капиталистическая)»:

- воспроизводимый базовый объект - «средства производства, вещь, товар» (**Т**);
- механизм взаимодействия агентов производства - «товарообмен» (**М:ТО**);
- эквивалент в промежутках между циклами производства - «деньги» (**Д**);
- богатство - «вещественное богатство, капитал»;

- собственность (как доминирующая собственность - асимметрия) - «частная собственность на средства производства»;
- градация, базирующаяся на данной форме, - «Капиталистическое общество» (капитализм).

6. ЧЭФ «функциональная, социалистическая (плановая)»:

- воспроизводимый базовый объект - «функции, технологии» (**Ф**);
- механизм взаимодействия агентов производства - «соисполнение» (**М:ССП**);
- эквивалент в промежутках между циклами производства - «статус, документы» (**С**);
- богатство - «технологии (функции), умение, работа»;
- собственность (как доминирующая собственность - асимметрия) - «группо-иерархическая собственность на технологии»;
- градация, базирующаяся на данной форме, - «Социалистическое общество» (социализм).

Эпоха знания.

7. ЧЭФ «информационная»:

- воспроизводимый базовый объект - «контент, информация (информатика)» (**К**);
- механизм взаимодействия агентов производства - «соинформирование» (свободный информационный обмен и распространение) (**М:СИФ**);
- эквивалент в промежутках между циклами производства - «торренты» (**TR**);
- богатство, - «информация, знания, трекерс»;
- собственность (как доминирующая собственность - асимметрия) - «частная собственность на контент «информационно-коммуникационные средства производства», на информацию»;
- градация, «базирующаяся» на данной форме, - «Информационное общество».

Координирующей структурой и процессом координации является «государство» и государственное управление.

И главное, в состав социально-воспроизводственной градации (СВГ) «Общество знания» кроме инфраструктуры (ИНФ) в состав этой СВГ входит собственно сама доминирующая базовая ЧЭФ «общественное познание» (ОЗ) и ожидаемые, развивающиеся, процессы новых ЧЭФ как ростки «открытого будущего».

Продолжим их описание.

8. Базовая ЧЭФ «общественное познание (исследовательская):

- воспроизводимый базовый объект – «общественное познание» (коллективное мышление) (ПЗн);
- механизм взаимодействия агентов производства - «логическое соответствие» (М:СОО);
- эквивалент в промежутках между циклами производства - «исследовательский статус, ранг» (Ис);
- богатство - «общественное познание, научная школа, наука»;
- собственность (как доминирующая собственность - асимметрия) - «ограниченная системно-сетевая иерархически групповая собственность» на «общественное познание»;
- градация, базирующаяся на данной форме, - «Общество знания».

Эпоха мудрости.

9. Ожидаемая ЧЭФ «философская»:

- воспроизводимый базовый объект – «философия жизни (смысл жизни)» (Фж);
- механизм взаимодействия агентов производства - «общественный интеллект» (М:ОИ);
- эквивалент в промежутках между циклами производства - «уровень посвящения» (Уп);
- богатство - «мудрость, философская школа»;
собственность (как доминирующая собственность - асимметрия) - «ограниченная системно-групповая иерархическая собственность на философское осмысление действительной жизни»;
- ожидаемая, вероятная, градация, базирующаяся на данной форме, - «Общество философии жизни».

И т.д., - вплоть до ещё неизвестных ЧЭФ и новых типов полилогических объектов действительной жизни.

Если продолжить дальнейшее описание схемы графа одного воспроизводственного цикла социально-воспроизводственной градации (формации) «Общество знания», то далее следует симметричная, зеркальная, «свёртка» ЧЭФ. Это свёртка графа в конечную для цикла, вновь воспроизведённую на новом, более высоком уровне, вершину «действительная жизнь» (ДЖ*).

Теперь, взяв за основу описанный граф, запишем формулу-схему «Общества знания» как совокупности чистых процессов воспроизводства всех типологий базовых объектов действительной жизни.

Доминирующий процесс:

$$- \text{Ис} - \text{ПЗн} \dots \text{П} \dots \text{ПЗн}^* - \text{Ис}^* - \text{ПЗн} \dots \text{П} \dots \text{ПЗн}^{**} - \text{Ис}^{**}, \text{М:СОО}; \quad (6.24)$$

Инфраструктура:

$$- \text{СЧ} - \text{Чл} \dots \text{П} \dots \text{Чл}^* - \text{СЧ}^* - \text{Чл} \dots \text{П} \dots \text{Чл}^{**} - \text{СЧ}^{**}, \text{М:ПОБЩ/М:СОО}; \quad (6.25)$$

$$- \text{Фи} - \text{ОЖ} \dots \text{П} \dots \text{ОЖ}^* - \text{Фи}^* - \text{ОЖ} \dots \text{П} \dots \text{ОЖ}^{**} - \text{Фи}^{**}, \text{М:ОБЩ/М:СОО}; \quad (6.26)$$

$$- \text{Дп} - \text{Рбт} \dots \text{П} \dots \text{Рбт}^* - \text{Дп}^* - \text{Рбт} \dots \text{П} \dots \text{Рбт}^{**} - \text{Дп}^{**}, \text{М:ТРД/М:СОО}; \quad (6.27)$$

$$- \text{Пкж} - \text{Пп} \dots \text{П} \dots \text{Пп}^* - \text{Пкж}^* - \text{Пп} \dots \text{П} \dots \text{Пп}^{**} - \text{Пкж}^{**}, \text{М:ССД/М:СОО}; \quad (6.28)$$

$$- \text{Д} - \text{Т} \dots \text{П} \dots \text{Т}^* - \text{Д}^* - \text{Т} \dots \text{П} \dots \text{Т}^{**} - \text{Д}^{**}, \quad \text{М:ТО/М:СОО}; \quad (6.29)$$

$$- \text{С}^* - \text{Ф} \dots \text{П} \dots \text{Ф}^* - \text{С}^{**} - \text{Ф}^* \dots \text{П} \dots \text{Ф}^{**} - \text{С}^{***}, \quad \text{М:ССП/М:СОО}; \quad (6.30)$$

$$- \text{TR} - \text{К} \dots \text{П} \dots \text{К}^* - \text{TR}^* - \text{К} \dots \text{П} \dots \text{К}^{**} - \text{TR}^{**}, \quad \text{М:СОО}; \quad (6.31)$$

*«Ожидаемые», развивающиеся процессы как
«открытое будущее»:*

– Уп – Фж ...П... Фж* – Уп* – Фж ...П... Фж** – Уп**, М:ОИ/М:СОО.
(6.32)

– ...прочие, пока **неизвестные ЧЭФ** воспроизводственных процессов... - .
(6.33)

Согласно теории А. С. Шушарина в каждой градации как композиции имеют место все ЧЭФ с различной степенью развития, но только одна из них доминирует, то есть «освещает», принуждает прочие ЧЭФ использовать её механизм взаимодействия. Поэтому, в полной записи каждой формулы-схемы ЧЭФ следует не только указывать соответствующий механизм взаимодействия (**М:...**), но и доминирующий механизм той ЧЭФ, под «освещением», влиянием или принуждением которой она находится (**/М:...**). Для этого используется форма записи, которая аналогична традиционной записи в теории вероятности для условных состояний и процессов. После знака объекта или данного события (состояния) через дробь (косая черта) пишется условие, при котором рассматривается данное состояние или объект. Таким условием в нашем случае будет механизм доминирующих исследовательских отношений в общественном познании, механизм логического соответствия и концептуального единства (**/М:СОО**).

Так, например, запись собственного механизма взаимодействия, например, «товарообмена» (**М:ТО**) в условиях доминирования и главенствования ЧЭФ «исследовательская» с механизмом взаимодействия агентов «логическое соответствие» (**М:СОО**) полная запись «деформированного» механизма товарообмена ЧЭФ «экономическая» примет вид – **М:ТО/М:СОО** (см. 6.29).

Приведённые формулы-схемы наглядно демонстрируют генерализирующую роль метатеории А.С. Шушарина «Полилогия современного мира...» в отношении марксовской теории «Капитал», которая, образно выражаясь, вошла в эту новую фундаментальную метатеорию «Полилогия...» лишь одной строкой. То же можно сказать и об недавно опубликованной «Теории информационного общества...», а равно и о излагаемой теории развития «Общества

знания», каждая из которых также входит в полилогию всего лишь «одной строкой».

Когда-то в «Капитале» был выявлен и подсказан основной, правда, как принято говорить, «тощий тренд» посткапиталистического развития общества на обобществление материальных средств производства как необходимое (но недостаточное) условие дальнейшего восходящего развития, условие вхождения в градацию «Социализм». Так и сегодня, в этой работе, мы можем утверждать, что основой «тощего тренда» дальнейшего, постисследовательского и постпознавательного (после общественного познания), восходящего развития общества является обобществление, постановка на службу всему обществу и каждому его гражданину в отдельности, всех известных процессов общественного познания и исследований, направленных на получение нового знания.

Это обеспечит «снятие» неконцепта и издержек творчества как основного негатива «Общества знания», основанного на принуждении к исследованиям и различным процессам общественного познания. Станут прозрачными и доступными для граждан не только все горизонтальные и вертикальные информационные потоки всеохватывающего информационного пространства общества, но, главное, будет снята тайна с общественного познания как производства. Это сделает возможным участие в этом процессе всех граждан. Но это путь реализации лишь «тощего тренда», - необходимого, но недостаточного условия постпознавательного развития общества.

На смену, а точнее, в дополнение, к необходимому образному условию «всё знать и понимать, участвовать в общественном познании» в постпознавательном восходящем развитии общества следует, такое же образное, - «уметь всё философски осмысливать». «Знание и наука, философия и общество», - вот объект будущих страстей и накоплений, богатств и «распрей», а имя этому обществу – «Философия жизни».

Пока же, в историческом восходящем измерении, революционный императив общественного развития современного социума – это созидательный курс на утверждение когнитивного общества XXI века, имя которому «Общество знания».

Глава 7

Об экзогенной логике и гуманизме

7.1. Об экзогенной логике развития человечества

И, наконец, о чём ещё следует сказать в этом эскизном изложении, так это о том, что «Полилогия...» состоит не только из эндогенной, но и экзогенной логики. Экзогенная логика развития описывает межстрановые, международные отношения, где агентами производства выступают не люди, как в эндогенной логике, а целые страны и народы. Эти субъекты, как говорится в «Полилогии...», *массовидны*. Однако в конечном итоге все эти отношения реализуются через людей и посредством людей. Это не только меняет характер и атрибутику, описывающую межстрановые отношения, но и связано с отставанием во времени, если так допустимо сказать, в темпах и уровне развития от эндогенной логики. Хотя, следует и оговориться, что при этом имеется много общего и подобного.

Если пользоваться подобным сравнением, то условно можно сказать, что современное развитие межстрановых, экзогенных отношений находится на уровне когда-то бывших допервобытных, то есть звериных отношений. Этот период в эндогенной логике называется *«переломной первобытностью»*, когда люди уже были, а общества ещё не было, то есть люди жили по законам стада животных, зверей. Если продолжить эту аналогию, то сегодня страны живут между собой «по законам стада животных», - каждая сама по себе, а в друзьях у каждой, как говорят современные политики, только армия и флот данной страны. Это ещё раз подчёркивает, что в мире, на планете Земля, единого общества как единого человечества ещё нет.

Сам же современный социум находится в крайне критическом состоянии бифуркации, когда нельзя с уверенностью утверждать, есть ли будущее у рода homo sapiens на планете Земля.

В этой связи А.С. Шушарин пишет: *«На «переднем краю» (...) эндогенного развития человечество стоит где-то в регионе*

развитых индустриальных, рыночных и трещащих плановых форм, перед пятой точкой (узлом) восходящего прорыва и волны или (на нижней ветви траекторий) краха. При обращении ко всей тектонике картина открывается радикально другая, а именно развитие и межобщественных отношений (структур). Развитие предстает в этом совсем другом подпространстве фазового пространства социума как неизведанное. Если на «переднем краю» зреет уже пятый (...) негэнтропийный прорыв (или провал) в композиции базовых отношений (что во всем социуме отнюдь не отменяет реальность и синполитейной первобытности), то все современное человечество вступает в эпоху критичности всемирных экзогенных производственных отношений, точнее, только некоторого самого первого из них, а все остальные только потенциальны или локальны.

Но они же и вполне реальны во всем своем многообразии, что и образует невероятный эмпирический идейный хаос вокруг всего «международного», «межкультурного», «глобального».

Экзогенные процессы логически не похожи на эндогенные и протекают в тектонике с колоссальным отставанием от эндогенного развития в условиях значительной неопределённости, случайности, диффузности, размытости с весьма инертной (в восхождениях) ритмикой.

В современном мире нарастающее насилие в уничтожении разнообразий или сепараций нынешних целостностей грозит крахом всего социума, но дело неумолимо идёт к «*обобществлению жизни человеческого рода*» при единой для всех безопасности. Однако пока все более угрожает общая для всех опасность и движение к пределу устойчивости социума. Этот предел устойчивости неумолимо складывается, а возможно уже и сложился, но, к сожалению, «*он никогда не может быть рационально строго определён*».

Однако, не так всё и грустно, ибо социализм СССР, или, как его называли, реальный социализм, дал миру пример высокого уровня международных, межстрановых и межнациональных отношений. Этот пример вполне можно рассматривать как прообраз экзогенной модели будущего единого человечества на социалистической основе. Этот прообраз «*всемирных экзогенных производственных отношений*» был сформирован и существовал как государство – союз стран, республик, с резко различающимися

уровнями общественного развития в диапазоне, можно сказать, от позднего рабовладения и феодализма до действительно эндогенного социализма. Однако, строго говоря, просто утверждать, что СССР – это страна эндогенного социализма, основанная на чисто функциональных производственных отношениях, будет не совсем корректно.

В целом же это был пример *«экстенсивной культурной патернализации и суть одной из важнейших революций в подъеме, в шагах восхождения неоднородного события, в синтезе разновысокого»*. В подобных процессах патернализаций участвуют обе стороны, *«а не так, – пишет А.С. Шушарин, – что одна другую «модернизирует» или обе взаимoadaptируются, превращаясь в один «гибрид»*. Иначе говоря, обе стороны участвуют, так сказать, под руководством некой третьей, интегративной силы». При этом, продолжает автор полилогии, - *«В сравнениях с «обычными» революциями патернализации явных политикопереворотных форм не имеют»*, однако в итоге спасают от *«асимметричных» конфликтов, от «матфеевых» субординаций, революционно переворачивают их в постасимметричные, патернальные формы, образующие тем самым опять же экзогенные структуры безопасности»*.

Следует отметить, что патернальные *«общественные идеалы»* воспринимаются людьми как смыслы весьма глубоких ценностей с трудом, а поэтому, можно сказать, *«являются слабыми»* и легко подавляемыми. Люди склонны к *«более явственным ценностям, скажем, к личным шмоткам»*. Поэтому и в конечном итоге, как утверждает А. С. Шушарин, - *«тяга, подавляющая патернальность, может означать... войну»*. Такова реальность общественного бытия.

7.2. Гуманизм

Характеризуя в целом современную эпоху, А.С. Шушарин заявляет следующее: *«Тем не менее, и пока образно говоря, и даже в специальной привязке к «формационному мышлению», понимание основного содержания эпохи и состоит в осознании того, что вся история рода человеческого до сих пор является первой и единственной, насильственной, вооруженной, каменно-ядерной»*

«формацией», одним единственным вооруженным способом «производства и воспроизводства действительной жизни» в масштабах всего человечества. Этот, оставшийся еще от биологического движения, но вооруженный в военном и интеллектуальном смысле солидно, уже по «человечески», «способ производства» и заходит во все более глубокий и чреватый кризис в виде «проблемы» Спасения человечества, объективной необходимости сброса незримо растущей угрозы самоуничтожения. Этот «способ производства», ... отмечен еще «печатью природности» (в виде национальных, государственных, религиозных идеологий), т.е. еще докультурен, досоциален, дочеловечен. Одновременно эти отжившие экзогенные производственные отношения всего досоциального, животного мироустройства («базиса», но еще лишённого социальной надстройки), лежащая в его основе некоторая господствующая необщественная собственность (пока условно и субъектно, скажем, гигантских толп), мучительно, стихийно, иррационально преодолевается как самый первый в человеческой истории зреющий шаг экстенсивного обобществления производства в его всемирных самых глубоких экзогенных основаниях. Собственность, разумеется, понимаемая генерализованно как асимметричное доминирующее отношение по поводу некоего объекта, образующего заходящий в свой фетишизированный предел смысл для людей.

<...>

Так вот, отжившие производственные отношения насильственного, доразумного мироустройства (его мирооснов) это и суть необщественная собственность (материальная основа смысла) на культуры (это, напомним, процесс, как общая жизнь, «пространство производства», технологии), т.е. **эгокультурность**. Но только это уже глобальная, экзогенная («метамолекулярная») метасобственность на всеобщую жизнь человечества, т.е. культуры или вообще культуру. Согласно социологам, это доминирование «своих» культур (объектов) как ценностей (богатств) в смыслах человеческого существования или в «общественных идеалах».

В то же время «сами по себе культуры совершенно невинный объект отношений или логический «субъект» их же взаимодействий, но его доминирование в современной реальной практике и в смыслах бытия и есть заходящий в предел насильственный, **конфронтационный мир**, с собственной ныне

господствующей идеологической формой как «архирелигиозным культуроцентризмом». Все те же первобытные «наши – не наши», но уже куда как более внушительные. Именно это и проявляется (но именно проявляется) в ранее упомянутой «сегментации», госсуверенности, в тупиках «национальной безопасности», нетерпимости, стихиях экспансий и сепараций и пр., волокущих человечество в бездну небытия».

Поэтому, соответственно, современная критическая теория развития общества оказывается критикой именно *«архирелигиозного культуроцентризма»*, что, в свою очередь, и составляет некие *«рациональные основания гуманизма как «метаязыкачества», т.е. вселенского, образно говоря, «многобожия», а иначе говоря – некоторой глобальной субординации и интеркультурности»*.

В этой связи историческая задача *«спасения человечества»* в настоящий момент развития может пониматься как *«выявление объективно спасительных (революционных) ветвей траектории бифуркации»*, то есть как разрешение ряда основных конкретно-исторических проблем, спектр которых огромен. Однако, хотя спектр проблем и огромен, но не неразрешим, ибо следует помнить, как писал К. Маркс: *«Человечество ставит себе всегда только такие задачи, которые оно может разрешить, так как при ближайшем рассмотрении всегда оказывается, что сама задача возникает лишь тогда, когда материальные условия ее решения уже имеются налицо, или, по крайней мере, находятся в процессе становления»*.

Иными словами, перефразируя слова В.И. Ленина, высшая задача человечества состоит в том, чтобы *«охватить эту объективную эволюцию общественного бытия в общих и основных чертах, чтобы возможно более отчетливо, ясно, критически, т.е. избрав восходящую тенденцию, «приспособить к ней... общественное сознание»*.

Таким образом, основное содержание задачи, стоящей перед глобальным социумом, есть *«революционное спасение человечества или преодоление насильственного (конфронтационного) мира. Это и есть «построение» исторически первого реального международного гуманизма»* в планетарном масштабе поствоенного мира.

Итак, основополагающий объективный императив современной эпохи есть *«построение международного гуманизма»*.

По А.С. Шушарину, *«постэгокультурность, гуманизм – это мучительное вступление в подлинную ноосферу, преодоление всемирной эгокультурности, начало человеческого единого бытия взаимодействующих и развивающихся культур во всем их высотном и вариационном («горизонтальном») многообразии». И ещё: «Постэгокультурность, точнее, поликультурация, или обобществление культур, представляют собой не освобождение человека от его неизбежной принадлежности определенной культуре, а освобождение его от бесчеловечной стихии их взаимодействий».*

«Основной закон» гуманизма базируется на обобществлении культур и вытекает (является следствием) из преодоления эгокультурности. Это обобществление означает установление контроля «всеобщего интеллекта» над метавзаимодействиями самих культур между собой. «С точки зрения нравственности, – подчёркивает А.С. Шушарин, – это есть утверждение самоценности человека, всечеловеческого коллективизма, общечеловеческих отношений в их инфантильных и самых «архаичных» формах гуманистического «не убий» не только в смысле запрета, выраженного в Нагорной проповеди, но и в смысле запрета разрешать убийство, т.е. в смысле запрета метапреступности. Этими запретами человек освобождается, можно сказать, от последствий кровавых индивидуальных инстинктов и «толповых» метаинстинктов себе подобных. А это и есть гражданское событие и перебытие культур (субкультур)».

«Основной закон» гуманизма – это «закон не функционирования, а развития, закон не системы (всегда преходящей) движения, а закон перемены систем движения, преобразований.

<...>

... «основной закон» гуманизма и состоит в открытости развития, смене систем, в гуманистической форме их осуществления. Это закон снятия (не уничтожения!) самих неотвратимых революций, их перевод в регулируемый процесс».

При этом важно отметить, что это закон *«открытого развития»*, то есть это закон не общества или системы. Революционные преобразования («снятие»!) отживших производственных отношений и самой системы происходят в интересах человека, его развития как личности. Это революционное «снятие» обретает форму

«сознательных конкретно-исторических шагов к свободе (как освобождения от исторически определенных несвобод) в бесконечном восхождении».

Схема гуманизации в бесконечном восхождении к никогда прежде не бывшему как революционное преобразование есть некоторая «крупная» логика негэнтропийного развития, которая заканчивается *«вселенской современной бифуркацией с «невероятной» эндогенной траекторией»* восходящего прорыва, или краха. Но это вполне самостоятельная ветвь дальнейшего развития полилогических начал современного мира в науке, в социологии, поэтому оставим её для отдельного, самостоятельного изложения в рамках вечно живущего общественного познания.

Таким образом, только в совокупном развитии всех частных полилогических теорий современного мира и их практической реализации возможно создание основ действительно революционного спасения человечества и преодоление насильственного мира как историческое построение реального **международного ГУМАНИЗМА.**

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Таблица III. Чистые эндогенные формы

Атрибуты чистой эндогенной формы	Наименование чистой эндогенной формы (ЧЭФ) и её атрибутов							
	Переломная первобытная	Первобытная (аполютейная)	Рабладельческая	Феодалная	Экономическая, капиталистическая	Функциональная, социалистическая	Информационная	Общественное познание
1 Критическая теория	Теория переломной первобытности	Политический социогенез	Политическая демография	Политическая география	Политическая экономика, «Капитал»	Политическая технология	Политическая информатика	Политическое общественное познание
2 Базовое взаимодействие, симметрия	Стадно-биологическое	Духовное социальное-биологическое	Демографическое	Местное	Вещественно-продуктовое, «товар»	Функциональное	Информационное, «контент»	Исследовательское, познавательное
3 Базовые производственные отношения	Стадные	Культурные родовые	Демографические (гражданские)	Территориальные	Экономические (товарно-денежные)	Функциональные (технологические)	Информационные	Общественные познавательные
4 Базовый объект	Человек	Общая жизнь	Работник	Пространство производства	Средства производства	Технологии (процессы)	Информация, сведения	Общественное познание (процессы)
5 Разделение труда	Добровольное	Ограниченное	Профессиональное, гражданск.	Натуральное	Продуктовое	Ячейное	Сетевое	Системное, сетевое, научное

Атрибуты чистой эндогенной формы		Наименование чистой эндогенной формы (ЧЭФ) и её атрибутов							
		Переломная первобытная	Первобытная (апогипотейная)	Рабвадельская	Феодалная	Экономическая, капиталистическая	Функциональная, социалистическая	Информационная	Общественное познание
6	Механизм взаимодействия	Биологическое общение	Общение (телесно-духовное)	Трудообмен	Соседство	Товарообмен, «рынок»	Соисполнение	Соинформирование, инф. обмен	Логическое соответствие
7	Богатство	Телесное здоровье	Телесно-духовное здоровье	Трудовые ресурсы	Натуральное богатство	Вещественное богатство	Технологии, функции	Информация, знания	Причастность к общественному познанию
8	Некоторые элементарные явления	Просто человек, мышление, «организмизм», ...	Жизнеспособность, язык, родство ...	Работник, специалист (... воин), учитель-ученик ...	Натуральные занятия, местность ...	Товар, потребитель, стоимость, цена ...	Функция, работа, положение, жение функции (объём) ...	Контент, потребительная ценность, бай-ценность, бай-таж ...	Исследование, положение исследования (объём), понимание ...
9	«Негатив»	Животное, насилие, «зверство»	Табу и насилие	Диктат	Крепостничество, удел	Экономич. эксплуатация	Дефект пр-ва, статусн. неравенство	Информационное равенство	Издержки творчества, «неконцепт»
10	Эффективность	Жизнеспособность	Общинность	Умелость, квалификация, щинность	Комплектность	Производительность	Организационность	Достоверность	Истинность
11	Материальные знаковые отношения (сфера)	«Свой-чужой» (первонимика)	Фамилия, имя, свойство (антропонимика)	«Дипломы» (трудонимика)	Прописка (топонимика)	Деньги (товаронимика)	Документы, статусы колл. и лиц. (технонимика)	Торренты (информонимика)	Исследовательский статус, документы, учёный ранг, авторитет (когнитивника)

Атрибуты чистой эндогенной формы	Наименование чистой эндогенной формы (ЧЭФ) и её атрибутов							Общественное познание
	Переломная первобытная	Первобытная (аполигетная)	Рабовладельческая	Феодалная	Экономическая, капиталистическая	Функциональная, социалистическая	Информационная	
12	Органическое	Общинное	Военно-демографическое, гражданск.	Территориальное	Товарное («рыночное»)	Функциональное (технологическое)	Информационное	Исследовательское, знаменное
13	Стадность	Первобытная общинность	Экстенсивное рабовладение	Аваркия	Развитой рынок	Линейность, «планомерность»	«Информационный рынок»	«Концептуализм»
14	Эгоистичная «частная собственность на свой мир»	Групповая собственность на общую жизнь	Собственность на рабов (рабов)	Натурально (парцелляр)-иерархическая собственность на пространство производства	Частная собственность на средства производства	Группово-иерархическая собственность на технологии	Частная собственность на контент информации.-коммуникационные средства производства	Системно-сетевая иерархически групповая собственность на общественное познание
15	Обобществление человека, социализация производства	Обобществление общей жизни, децентрализация производства	Обобществление работников, натурализация, территориализация производства	Обобществление страны, производства, индустриализация, товаризация пр-ва	Обобществление средств производства (платежная новизна) пр-ва	Обобществление технологий, информатизация производства	Обобществление контента информат.-коммуник. средства производства, онаучивание	Обобществление процесса общественного познания, теоризация, «фригосифизация» производства

Типология базового объекта действительной жизни		Историческая ЭПОХА	Градации на основе доминирования данного базового объекта		Базовое производственное отношение	Механизм взаимодействия агентов производства	Материально-знаковые отношения	Доминирующая собственность (асимметрия)	«Негатив»	Преодолевающий сдвиг
Тип	Вид		№	Наименование						
«СРЕДСТВА ПРОИЗВОДСТВА»	предмет	3	5	Капитализм	Экономические (товарно-денежные)	Товарообмен (рынок)	Деньги	Частная собственность на средства производства	Экономическая эксплуатация	Общественные средства производства, технологизация
	процесс			6	Социализм	Функциональные	Соположение (план)	Статусы, документы	Групповая иерархическая собственность на технологию	Дефект производства, статусное неравенство, «долженствование»
ИНФОРМАЦИЯ, ИНФОРМАТИКА	предмет	4	7	Информационное общество	Информационные	Сoinформирование	Торренты	Частная собственность на информацию	Информационное неравенство, искажение информации	Общественные информации, «научивание»
	процесс			8	Общество знания	Общественные познавательные, исследовательские	Логическое соответствие	Исследовательский статус, документы, учёный ранг, авторитет	Системно-сетевая Иерархическая групповая собственность на общественное познание	Изддержки творчества «неконцепт»

Типология базового объекта действительной жизни		Историческая ЭПОХА	Градации на основе доминирования данного базового объекта		Базовое производственное отношение	Механизм взаимодействия агентов производства	Материально-знаковые отношения	Доминирующая ответственность (асимметрия)	«Негатив»	Преодолевающий сдвиг
Тип	Вид		№ п/п	Наименование						
ФИЛОСОФИЯ ЖИЗНИ (смысл жизни)	предмет	5 ЭПОХА МУДРОСТИ	9	Общество философии жизни	?	?	?	(«неудача»)	Обобществление философии жизни, «мудрость»	
	процесс		10	Общество мудрых решений	?	?	?	(«не то»)	Обобществление коллективного интеллекта, «?»	

БУДУЩЕЕ ОТКРЫТО ...